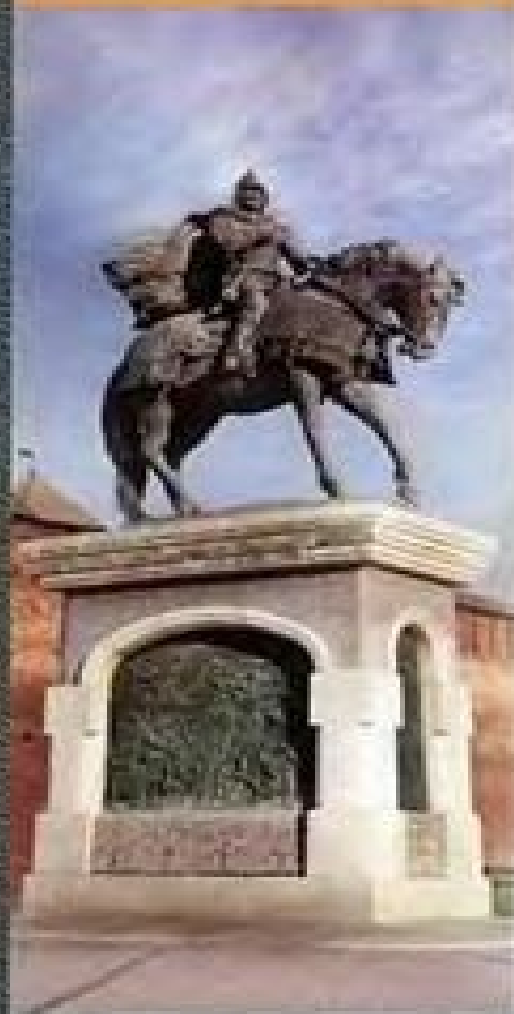

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Николай
Борисов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Имя великого князя Московского Дмитрия Ивановича, прозванного Донским (1350–1389), навсегда оказалось связано с великой победой на Куликовом поле, положившей начало освобождению Руси от власти ордынских ханов. Именно поэтому личность самого князя предельно мифологизирована в нашем сознании: место реального политика со всеми его достоинствами и недостатками занял некий идеальный образ непобедимого полководца и канонизированного Церковью святого. Но в истории всё бывает гораздо сложнее. Автор книги, доктор исторических наук, профессор Николай Сергеевич Борисов, рассказывает о своем герое с максимальной подробностью и объективностью, привлекая все имеющиеся к настоящему времени исторические источники и восстанавливая сложную и многообразную картину жизни Руси второй половины XIV века.

- [Николай Борисов](#)
  -
  - [ВВЕДЕНИЕ](#)
    -
    - [Летописи](#)
    - [Историки](#)
    - [Личность главного героя](#)
    - [Цитаты](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
      -
      - [Отец](#)
      - [Матушка Александра](#)
      - [Братец Ивашка](#)
      - [Сестрица Аннушка](#)
      - [Дед Иван](#)
      - [Дядя Семен](#)
    - [Глава 2](#)
      -
      - [Имя и судьба](#)
      - [А был ли постриг?](#)
    - [Глава 3](#)

-
- [Клиническая картина](#)
- [Чума в Древнем мире](#)
- [Чума в Золотой Орде](#)
- [Чума в Крыму и на Средиземноморье](#)
- [Чума в Европе](#)
- [Псковская повесть](#)
- [«Страх и трепет...»](#)
- [Глава 4](#)
  -
  - [«Второй мор» во Пскове](#)
  - [«Великий мор» в Низовской земле](#)
  - [Рюриковичи несут потери](#)
  - [В поисках спасения](#)
  - [Уединение как лекарство от чумы](#)
  - [Нет худа без добра](#)
  - [Выжившие](#)
- [Глава 5](#)
  -
  - [Безлюдье](#)
  - [Безденежье](#)
  - [Рынок труда и услуг](#)
  - [Обездоленные](#)
  - [Новое вино и новые мехи](#)
- [Глава 6](#)
  -
  - [Взгляд Карамзина](#)
  - [Тело на площади](#)
  - [Взгляд Соловьева](#)
  - [Взгляд Веселовского](#)
  - [Свидетельство духовных грамот](#)
  - [Воспитание сына](#)
- [Глава 7](#)
  -
  - [Теория и практика](#)
  - [Тревоги власти](#)
  - [«Замятня великая в Орде»](#)
  - [Княжеский съезд в Орде весной 1360 года](#)
  - [Кто возьмет «15 тем»?](#)

- [Интронизация](#)
- [Час вдовы](#)
- [Нож, аркан и сто баранов](#)
- [Иные времена](#)
- [Московское контрнаступление](#)
- [Владимирский триумф](#)
- [На сцене появляется Мамай](#)
- [«Тридцать татарин...»](#)
- [Война продолжается](#)
- [И сказал брат брату...](#)
- [Скандал в благородном семействе](#)
- [От ворот — поворот...](#)
- [Искушение](#)
- [Московские миротворцы](#)
- [Посох преподобного Сергия](#)
- [Дуумвират](#)
- [Брак в Коломне](#)
- [Теория тихой экспансии](#)
- [Глава 8](#)
  - [Московский Кремль: история и теория](#)
  - [«Пожар способствовал...»](#)
  - [Всеобщая трудовая повинность](#)
  - [О пользе чтения Библии](#)
  - [Деньги, деньги и еще раз деньги...](#)
  - [Код Пимена](#)
  - [Тверские инвективы](#)
  - [Ударный долгострой](#)
- [Глава 9](#)
  - [Город на обочине](#)
  - [Герой без подвига](#)
  - [Кашинская дипломатия](#)
  - [Рука Литвы](#)
  - [Тверская усобица: действие первое](#)
  - [Тверская усобица: завещание дядюшки Семена](#)
  - [Голос разума](#)
  - [Московский суд](#)
  - [Гнев государя](#)

- [Подведем некоторые итоги...](#)
- [Глава 10](#)
  -
  - [Война как потребность](#)
  - [Тени литовских болот](#)
  - [Русская Литва и Литовская Русь](#)
  - [Литву вызывали?](#)
  - [Полет стрелы](#)
  - [Битва на Тростне](#)
  - [Враг у ворот](#)
  - [Кашинские происшествия](#)
  - [Ответный ход](#)
  - [Дмитрий Московский: первая кровь](#)
  - [Живой товар](#)
  - [Ордынский визит Михаила Тверского](#)
  - [Цари приходят, цари уходят...](#)
  - [Торговец воздухом](#)
  - [Вторая Литовщина](#)
  - [Ордынские угрозы](#)
  - [Недосягаемый Владимир](#)
  - [Мелкая месть](#)
  - [Злободневные воспоминания](#)
  - [Шутки тиранов](#)
  - [Третья Литовщина](#)
  - [Битва при Скорнищеве](#)
  - [Свадьба в Серпухове](#)
  - [Стояние у Любутска](#)
- [Глава 11](#)
  -
  - [Неуловимая Орда](#)
  - [Два взгляда на один вояж](#)
  - [Цена вопроса](#)
  - [Риторика пристрастия](#)
  - [Голубые купола](#)
  - [Билет в Золотую Орду](#)
  - [В гости к Батью](#)
- [Глава 12](#)
  -
  - [Изысканная глухомань](#)

- [Предыстория конфликта](#)
  - [Битва у ворот](#)
  - [Расправа](#)
  - [Прибыток и убыток](#)
- [Часть вторая](#)
  - [Глава 13](#)
    -
    - [Семейный праздник или съезд заговорщиков?](#)
    - [Заслон на Оке](#)
    - [Ни мира, ни войны...](#)
    - [Избиение послов](#)
    - [Загадочная тысяча](#)
    - [Сначала и потом](#)
    - [Датировка событий](#)
    - [Степные войны](#)
    - [В поисках единомыслия](#)
    - [Иерархи и политика](#)
  - [Глава 14](#)
    -
    - [Месть Мамаю](#)
    - [«Секретный протокол»](#)
    - [Продавец тайн](#)
    - [Перо хулы и перо хвалы](#)
    - [Кто на кого напал?](#)
    - [Поход на Тверь](#)
    - [Договорная грамота](#)
  - [Глава 15](#)
    -
    - [Нижегородские потери](#)
    - [Смоленская экзекуция](#)
    - [Матримониальные схемы](#)
    - [Разоренный Новосиль](#)
    - [Разбой на Волге](#)
  - [Глава 16](#)
    -
    - [Благие вести](#)
    - [Непобедимый Ржев](#)
    - [Орел расправляет крылья](#)
    - [Идем грабить басурман](#)

- [Наследие Ольгерда](#)
- [Глава 17](#)
  -
  - [Тяжелое похмелье](#)
  - [Уроки «Слова»](#)
  - [Разгром на Пьяне](#)
  - [Советы Владимира Мономаха](#)
  - [Удар с тыла](#)
  - [Набег](#)
- [Глава 18](#)
  -
  - [Статистика беды](#)
  - [Река мертвых](#)
  - [Мордовская кампания](#)
  - [Маленький царевич](#)
  - [Отвергнутый выкуп](#)
  - [Гробница в Чудовом монастыре](#)
- [Глава 19](#)
  -
  - [Царь или не царь?](#)
  - [Своя рубашка...](#)
  - [Без права на поражение...](#)
  - [Река мертвых и река живых](#)
  - [Полководцы забытых сражений](#)
  - [Покушение](#)
  - [Подведем итоги](#)
- [Глава 20](#)
  -
  - [Литовский узел](#)
  - [Роман Брянский: судьба перебежчика](#)
  - [Поход... за князьями](#)
  - [Искусство читать между строк](#)
- [Глава 21](#)
  -
  - [Человек из народа](#)
  - [Мутный источник](#)
  - [О пользе фаворитизма](#)
  - [Исповедник](#)
  - [Благословение](#)

- [Призрак автокефалии](#)
  - [Белый клобук](#)
  - [Время Киприана](#)
- [Глава 22](#)
  -
  - [Отшельник из Радонежа](#)
  - [Забывтый собор](#)
  - [Серпухов: особое мнение](#)
  - [Ночной позор](#)
  - [Хорошо забытое старое](#)
  - [Суздальский мятежник](#)
  - [У черты проклятия](#)
- [Глава 23](#)
  -
  - [Пророчество](#)
  - [Встреча в степи](#)
  - [Морская пучина](#)
  - [Преступление без наказания](#)
  - [Византийский финал](#)
  - [Неведомая сила](#)
  - [«Куда ж нам плыть?»](#)
  - [Самозванец](#)
  - [Кому выгодно?](#)
  - [В нужное время в нужном месте](#)
  - [Из Царьграда — в Чухлому](#)
  - [Политика как искусство компромиссов](#)
  - [Колесо Фортуны](#)
  - [Бедный Пимен](#)
- [Глава 24](#)
  -
  - [Между Москвой и Рязанью](#)
  - [Владыки, наместники, викарии...](#)
  - [Москва и Коломна](#)
  - [Белый камень](#)
  - [Реконструкция](#)
  - [Катастрофа](#)
- [Часть третья](#)
  - [Глава 25](#)
    -

- [Вопросы без ответов](#)
- [Силы небесные](#)
- [Странная война](#)
- [Кто не с нами, тот против нас...](#)
- [Меч и колокол](#)
- [Утро на Куликовом поле](#)
- [Вечная жизнь](#)
- [Вдали и вблизи](#)
- [Глава 26](#)
  -
  - [Честь и месть](#)
  - [Нашествие](#)
  - [Смятение и безвластие](#)
  - [На пепелище](#)
  - [Степной волк](#)
  - [Судьба Тохтамыша: взлет](#)
  - [Судьба Тохтамыша: падение](#)
- [Глава 27](#)
  -
  - [Тверская околица](#)
  - [Разговор наедине](#)
  - [Кто заплатит за мятеж?](#)
  - [Нижегородский узел](#)
  - [Крылья феникса](#)
  - [Двуликие монеты](#)
  - [Станный побег](#)
  - [Московский жених](#)
  - [Литовский жених](#)
- [Глава 28](#)
  -
  - [Теория вопроса](#)
  - [«Хочешь мира — готовься к войне»](#)
  - [Тучи сгущаются](#)
  - [Огонь и дым](#)
  - [Рождественский поход](#)
  - [Переполах](#)
  - [Бедствия осажденных](#)
  - [Серебро мира](#)
  - [Человек из огня](#)

- [Что было дальше?](#)
  - [Глава 29](#)
    -
    - [Между молотом и наковальней...](#)
    - [Трубачи и трубы](#)
  - [Глава 30](#)
    -
    - [Портрет на сером фоне](#)
    - [Герой второго ряда](#)
    - [Имущественные споры](#)
    - [Боевое братство](#)
    - [Усобица](#)
    - [Передел](#)
  - [Глава 31](#)
    -
    - [Последний диагноз](#)
    - [Завещание](#)
    - [Царь или не царь?](#)
    - [Вопросы и ответы](#)
  - [Глава 32](#)
    -
    - [Память и памятник](#)
    - [Героический диптих](#)
  - [РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО](#)
  - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
    - [Источники](#)
    - [Литература](#)
  - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Николай Борисов ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

*Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М.
Горьким*

ВЫПУСК 1674 (1474)

*При оформлении обложки использованы фотографии И. А. ВДОВИНА
знак информационной продукции 16+*

© Борисов Н. С., 2014

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2014

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге рассказывается о жизни великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского — предводителя русских полков в исторической битве на Куликовом поле. О Куликовской битве и связанных с ней событиях написано много. И всё же ее главное действующее лицо вырисовывается весьма расплывчато и схематично. Зная его поступки, мы не знаем их причин. И домысливаем эти причины согласно логике мифа или парадигмам позитивистского сознания. Наши представления о нем — скорее мнения, нежели действительные знания. Причиной тому и скудность источников, и военно-патриотическая ангажированность образа — «великого предка», «выдающегося полководца» и «борца за независимость» Руси.

Всё это требует беспристрастного исследования. Но успех любого исследования зависит от правильной постановки вопросов. Назовем главные из них.

Кто же он, Дмитрий Донской, — герой или героический миф? Известно, что героический миф возникает там, где в нем есть потребность; он отвечает духовному запросу социума в определенный момент его развития. Материалом для героического мифа может стать и незначительное само по себе событие, и скромный по своим реальным достоинствам персонаж. Каково было в действительности воздействие Дмитрия Донского на ход событий? Иначе говоря, гнал ли он сам своих коней к великой цели — или испуганные кони в безумной скачке понесли растерявшегося седока?

Каков был Дмитрий Донской как политик? Какими методами он пользовался и какие идеи положил в основу своей политической практики? Чего он достиг как правитель своего княжества? В какой мере его политику можно считать оригинальной и самостоятельной, а в какой — традиционной и навязанной его окружением?

С нашей стороны было бы опрометчиво обещать читателю исчерпывающие ответы на все эти вопросы. Всё, что мы могли сделать, — это произвести своего рода «инвентаризацию» сохранившихся в источниках сведений о личности и деятельности Дмитрия Донского, а также мнений историков относительно достоверности и правильного понимания этих сведений. Такая работа потребовала от автора изрядного терпения, а ее результат в виде книги требует того же от читателя. Однако

эти затраты труда и времени для автора и, надеюсь, для читателя вознаграждаются удивительным ощущением прорыва сквозь время. От «периода бесформенности времен и людей» (Макиавелли) мы уходим в эпоху великих людей и великих дел, в эпоху, когда закладывались первые камни в фундамент исторической России. Право же, такое путешествие стоит некоторых затрат и усилий...

Летописи

Главный источник для изучения политической истории XIV столетия — летописи.

Раскрывая древнерусскую летопись — пухлый том в обитом кожей тисненном переплете, написанный 500 или 600 лет назад и удивительным образом прошедший через множество бедствий и пожаров, — невольно вспоминаешь известный парадокс Булгакова: «Рукописи не горят!»

Заметим, что очень старые вещи — иконы, книги, ювелирные изделия, даже простые черепки глиняной посуды — обладают каким-то удивительным магнетизмом. Они не похожи на окружающие нас обычные предметы. Они поразительно легкие, словно века высушили из них всё лишнее, земное. Они бесплотны, как душа. Возможно, именно поэтому старые вещи приятно держать в руке и не хочется возвращать обратно на музейную полку.

Летописи, как и многое другое в культуре средневековой Руси, восходят к византийским образцам. Письменная традиция, пришедшая на Русь вместе с принятием христианства и постоянно обогащавшаяся благодаря деятельности переводчиков, включала в себя не только церковную литературу, но также сочинения византийских историков.

Почувствовав вкус к истории, русские книжники выработали собственную схему изложения материала, основанную на принципиально ином подходе к делу. Византийская историография, восходящая к античности, проникнута личностным началом. И хотя мотивация поведения исторических лиц обычно выглядит несколько упрощенной (доблесть, слава, благочестие — трусость, предательство, порочность), но всё же это антропоцентрическая история. Историк незримо присутствует в тексте повествования, то скрыто, то явно предлагая читателю собственные оценки описываемых событий.

Русская летописная традиция остерегалась авторского начала. Историк-летописец занимает позицию бесстрастного наблюдателя или христианского моралиста. Такому подходу соответствовала прямая хронологическая шкала, на которой размещались краткие сообщения о наиболее значимых событиях данного года.

Желание летописца польстить своему светскому или духовному начальству — явление скорее вторичное, чем основополагающее. Главная задача пушкинского Пимена — сохранение памяти о достойных делах

человеческих и наблюдение за путями Божьего промысла.

«Погодная» (по годам) схема расположения материала имела свои «плюсы» и свои «минусы». В частности, многие события в реальности продолжались несколько лет. Возникал вопрос: разделять ли рассказ о таких событиях (например, войнах или посольствах в другие государства) на отдельные части, строго придерживаясь «погодной» схемы, или давать весь рассказ целиком? В первом случае рассказ о событии распадался на отдельные куски. Во втором возникал вопрос: под каким годом помещать рассказ о продолжительном событии — годом начала, продолжения или окончания?

Летопись можно сравнить с хорошим сэндвичем, который помимо собственно «хлеба» — канвы кратких сообщений о наиболее важных событиях года — содержит в себе много всякой вкусной для историка «начинки». Это и литературные памятники (жития святых, «слова»-проповеди, «похвальные слова» знаменитым людям, повести о выдающихся событиях и т. д.), и дипломатические документы, и актовый материал, и некрологи, и нравоучительные рассуждения.

Летописи были не столько частным, сколько общественным делом. Они предназначались для чтения вслух перед избранной аудиторией. Привычка читать вслух, культура этого дела были в ту пору очень развиты благодаря церковному богослужению, а также чтению вслух житий святых в монастырских трапезных. Сегодня люди, как правило, читают книги молча, «про себя», и только изредка — вслух. Прежде дело обстоит как раз наоборот. Умеющие читать пользовались своим умением так же охотно, как умеющие петь. Эти люди были своего рода общественным достоянием. Родственники, друзья, соседи обращались к ним с просьбой «почитать» при любом подходящем случае.

Правители любили слушать чтение летописи. Из нее они узнавали о деяниях своих предков, искали в делах давно минувших дней оправдания собственным поступкам, надеялись прославиться в потомстве благодаря трудам летописца.

Ведение летописи помимо высокого «образовательного ценза» требовало от книжника целого ряда специальных знаний и умений. Летописание было сложным и тонким ремеслом, расцветавшим только на плодородной культурной почве. Можно назвать немало древнерусских городов, где в силу бедности этой почвы летописание как устойчивая традиция просто не существовало. Иногда летописание сводилось к кратким записям о важнейших событиях прошедшего года, которые делал монах в тихой обители. Но время от времени — обычно по случаю

кончины правителя или смены власти — составлялся *летописный свод*. В нем излагалась нанизанная на хронологическую нить история Руси — начиная с «Повести временных лет» и заканчивая ближайшими событиями. Составление летописного свода требовало хорошего знания предмета и большого трудолюбия. Для полноты картины летописец собирал разнообразный материал: летописи соседних городов и княжеств, актов, литературные памятники и т. д.

Летописная традиция в России обрывается в середине XVI столетия. Это объясняется не только политическими репрессиями времен опричнины, но и неспособностью летописи вместить в себя всё разнообразие и сложность тогдашней жизни. Настало время авторских произведений, посвященных одному историческому событию. И хотя кое-где в провинции еще теплится местное летописание, но основная работа в этой сфере сводится к переписке старых летописей — своего рода учебников истории для любознательных и справочников прецедентов для политиков.

Историки

Российская историческая наука выросла на плодородной почве древних летописей. Первый русский историк В. Н. Татищев (1686–1750) использовал их для написания своей «Истории Российской», которая по существу представляет собой обширный летописный свод, слегка адаптированный и прокомментированный составителем. В «Истории...» Татищева есть сведения, отсутствующие в летописях. Происхождение этих известий до сих пор вызывает споры историков.

Начало сравнительному изучению летописей было положено Н. М. Карамзиным. Изучая политическую историю Руси, он обнаружил в летописях множество противоречий. Объяснить эти противоречия и выбрать наиболее убедительную версию — так выглядела отныне главная задача историка. Наблюдения Карамзина продолжили и развили несколько поколений исследователей. В их числе такие корифеи летописеведения, как Д. А. Шахматов и М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье.

До наших дней сохранилось несколько десятков летописей, отразивших события второй половины XIV столетия. Они изданы в научной серии «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). В основном они повторяют одни и те же известия, но с некоторыми различиями. Создавая свой труд, летописец пользовался трудами предшественников. Выяснить связь между сохранившимися летописями, угадать отражение в них уже исчезнувших летописей — сложнейшая задача для исследования. Здесь идет непрерывная дискуссия специалистов, столкновение гипотез и реконструкций. Не углубляясь в эти споры ученых, отметим лишь самое необходимое.

Основным путеводителем по эпохе Дмитрия Донского служат два близких по содержанию источника — Рогожский летописец и Симеоновская летопись. Родство этих трудов средневековых русских книжников обусловлено тем, что в их основе нежит общий источник — не сохранившийся в оригинале Свод начала XV века. (Историки называют его по-разному: Свод 1408 года, Свод 1409 года, Свод митрополита Киприана и т. д.) Считается, что его оригинал — или близкая по времени копия — был в руках у Карамзина, который называл его Троицкой летописью. Эта пергаменная рукопись сгорела в пожаре Москвы в 1812 году. Но, к счастью, Карамзин сделал из нее много выписок, помещенных в примечаниях к его

«Истории государства Российского». На основании этих выписок и параллельных текстов других летописей историк М. Д. Приселков создал реконструкцию текста сгоревшей Троицкой летописи.

Рогожский летописец возник в 40-е годы XV столетия. Симеоновская летопись, написанная в 1540-е годы в одном из подмосковных монастырей, несмотря на сравнительно молодой возраст самой рукописи, своими корнями глубоко уходит в книжность ранней Москвы.

Много уникальных подробностей, смешанных с обильной риторикой, сохранила Никоновская летопись (1520-е годы).

Новгородский взгляд на события содержит целое гнездо новгородских летописей во главе с Новгородской Первой летописью старшего и младшего изводов. Уцелели и несколько псковских летописей. Что касается других крупных городов и монастырей, то их летописная традиция сохранилась фрагментарно, в составе общерусских летописных сводов.

К летописям прибавим актовый материал: духовные и договорные грамоты Дмитрия Донского, немногочисленные акты его времени. Политика московского князя по отношению к церкви представлена в актах митрополичьей кафедры и Константинопольского патриархата.

Литературные произведения второй половины XIV–XV столетий, так или иначе связанные с Дмитрием Донским, — это прежде всего памятники Куликовского цикла — летописная повесть о Куликовской битве, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище», а также «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского».

Помимо письменных источников, для изучения той далекой эпохи необходимо использовать и вещественные: археологические материалы, произведения художественного ремесла и др.

«Вживание» в историю требует посещения тех мест, где ступала нога великого человека, где происходили важные события.

Личность главного героя

Куликовская битва — безусловно, великое событие отечественной истории и вершина славы князя Дмитрия Ивановича. Но в потоке его жизни это лишь один эпизод, один день одного года из отпущенных ему 38 лет 7 месяцев и 7 дней. В этой книге нам хотелось бы — насколько позволяют источники — показать читателю князя Дмитрия Ивановича во всей полноте его жизни и во всей противоречивости его характера.

Князь Дмитрий не был «героем одного дня». С юных лет и до последнего вздоха он служил делу, которое завещали ему отец и дед, — делу, которое один писатель той эпохи метко назвал «собираанием Руси».

Дмитрий получил в наследство от отца Московское княжество, а 30 лет спустя оставил сыну еще сырое и рыхлое, но уже узнаваемое Московское государство. Он в несколько раз расширил территорию своих владений и усовершенствовал систему управления ими. Он первым из русских князей «татарского периода» начал чеканить собственную монету. Он почувствовал себя русским *царем* — самостоятельным правителем независимого и сильного государства.

Воспитанный заядлым книжником митрополитом Алексеем, он не только знал назубок Священное Писание, но и чувствовал себя Божиим избранником, «русским царем Давидом». Его тяжелая судьба — ужасы «черной смерти», раннее сиротство, одиночество в семье, множество врагов и завистников, предательство друзей — указывала на особое призвание. Библия говорила Дмитрию: таких, как он, Бог создает для какой-то особой миссии.

Это ощущение избранности, «крыльев за спиной», порой порождало у Дмитрия излишнюю самоуверенность. Он брался за такие задачи, решить которые не имел достаточно сил, — освобождение от власти Орды, автокефалия Русской церкви, объединение всех княжеств Северо-Восточной Руси, династическая уния с Литвой. За эту княжескую самоуверенность Руси приходилось платить дорогую цену. В итоге в «послужном списке» князя на каждую «благодарность» приходится по «выговору»...

Цитаты

Несколько пояснений «технического» характера. Историческая биография — это прежде всего исследование, выполненное по законам исторической науки. В нашей книге мы обильно цитируем летописи и другие письменные источники. Мы надеемся, что это поможет читателю не только убедиться в обоснованности наших характеристик, но и «вжиться» в историю, услышать музыку тех далеких времен. Древнерусский язык отличался от современного русского языка главным образом словарным запасом и многообразием глагольных форм. Прошедшее время в нем выражалось при помощи четырех форм: аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта. Для тех, кто владеет английским языком или, скажем, латынью, такая ситуация хорошо знакома.

Проникновение в древнерусские тексты отчасти напоминает проникновение в древнерусскую живопись: от первоначального шока — к постепенному узнаванию, от узнавания — к пониманию, от понимания — к восхищению. Стремясь облегчить читателю этот путь, мы при необходимости даем в скобках перевод уже забытого древнерусского слова на современный язык.

Профессиональный взгляд на историю основан на трех «китах»: источниках, историографии и проблемном подходе. Что касается историографии вопроса, то здесь следует отметить одно удивительное обстоятельство. Существует огромное количество исследовательских работ, посвященных «эпохе Куликовской битвы» и «памятникам Куликовского цикла» (137, 15). Один только их перечень может составить толстую книгу. Помимо научных трудов, имеется также целый ряд литературных произведений, посвященных Дмитрию Донскому и Куликовской битве. Классикой историко-биографического жанра стала книга о Дмитрии Донском писателя Ю. М. Лощица, выходившая ранее в серии «Жизнь замечательных людей». Однако среди этого изобилия литературы нет ни одной обстоятельной научной биографии князя. Редкие юбилейные статьи мало меняют общую картину. Жанр исторического портрета вообще не пользуется вниманием в нашей исторической науке. (О причинах этого явления нужно говорить особо.) А между тем это своего рода долг историка перед прошлым и настоящим, который мы и хотим исполнить настоящей книгой в отношении одного из великих строителей России.

Следуя законам научного цеха, мы приводим ссылки на источники и

труды исследователей, результатами которых мы пользуемся. Принятая нами система сносок состоит из двух цифр, помещенных в круглых скобках. Первая цифра — номер данной книги или статьи в списке источников и литературы в конце книги, вторая цифра — номер страницы.

Часть первая
СИРОТА

Глава 1

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Почитай отца твоего и мать твою.

Исх. 20, 12

Деятельность любого правителя можно правильно оценить, только учитывая тот компендиум проблем и способов их решения, который он получил от своих ближайших предшественников, те верования и предрассудки, с которыми ему приходилось считаться и которые он сам в той или иной мере разделял. Очень многое зависит и от того духовного наследства, которое правитель получил от своих родителей и близких родственников. Они — наши первые и главные учителя. Любая историческая биография начинается с рассказа о родителях героя. Мы не станем отступать от этой традиции. Но по необходимости рассказ этот будет довольно кратким.

Отец

Отец Дмитрия великий князь Московский Иван Иванович оставил этот мир 13 ноября 1359 года, когда старшему сыну исполнилось девять лет. В этом возрасте Дмитрий едва ли мог усвоить какие-то серьезные наставления. Но образ отца жил в рассказах бояр и слуг, в лаконичных известиях московских летописцев, а главное — в глубоком колодце генетической памяти, из которого мы черпаем гораздо больше, чем принято думать.

Историки часто повторяют мнение о бездарности и безвольности второго сына Ивана Калиты. В обоснование такой оценки обычно приводят темную историю с убийством московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста и отъездом некоторых московских бояр в Рязань. Ниже мы подробнее расскажем об этих событиях, подлинный смысл которых и роль в них князя Ивана остаются исторической загадкой.

Умевший молчать и ждать, Иван Красный не был заурядной посредственностью. Ему суждена была особая судьба. В этом убеждали всех окружающих и его самого явные знаки небес.

В эпоху, когда поиски тайного смысла любого события были всеобщим

увлечением, когда самые просвещенные европейские государи любили слушать предсказателей и чернокнижников, день рождения считался своего рода кодом, с помощью которого можно узнать о призвании человека, о его грядущей судьбе. Астрологи искали ответы в расположении звезд. Монахи проклинали астрологов, но при этом предлагали собственные ключи к тайне будущего. Точкой отсчета служило представление о том, что каждый день года имеет не только своего ангела-хранителя, но и особый сакральный смысл, безусловно, таким «тайным знанием» увлекались и при московском дворе.

Иван родился в воскресенье, 30 марта 1326 года. Этот день недели был посвящен самому Спасителю.

В 1326 году Пасху праздновали 23 марта. Таким образом, на 30 марта приходилась Антипасха или, иначе говоря, Фомино воскресенье. В этот день в 1326 году церковь вспоминала «уверение Фомы» — явление Христа после распятия и воскресения своим ученикам. Спаситель велел неверчивому апостолу Фоме вложить персты в его раны, чтобы убедиться в реальности происходящего. Праздничные богослужения Антипасхи являлись как бы прощанием с Пасхой и были полны воспоминаний о главном событии Священного Писания.

Антипасху в народе называли *Красной горкой*. Это был любимый день для свадеб и весенних праздничных гуляний. И не отсюда ли прозвище родившегося в этот день князя Ивана?

Итак, Иван Красный появился на свет под звон праздничных колоколов и пение пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых...». В благочестивом семействе Ивана Калиты уже одно это совпадение, несомненно, сочли промыслительным, предсказывающим особый путь для сына.

Но были знаки и более впечатляющие. Согласно тогдашним представлениям, именно в этот день был распят Иисус Христос.

«И распяша его (Иисуса. — Н. Б.) в лето 5535, месяца марта 30, в час дни» (43, 4).

Помимо воспоминаний об Иисусе Христе дата рождения Ивана имела еще одну грань. Именно в этот день, 30 марта, церковь вспоминала знаменитого древнего подвижника Иоанна Синайского. Отшельник и аскет, живший в VI веке, Иоанн Синайский был автором знаменитой «Лествицы» — обширного трактата, посвященного восхождению монаха по лестнице («лестнице») добродетелей. Это была настольная книга не только монахов, но также образованных и благочестивых мирян.

Полагают, что именно этого святого считал своим небесным

покровителем Иван Калита. Московский князь в 1329 году выстроил в Кремле каменный храм, посвященный Иоанну Лествичнику.

Сохранившиеся в летописях даты некоторых событий времен Ивана Калиты свидетельствуют о том, что «основатель могущества Москвы» был большим знатоком церковной символики. Любое календарное совпадение он наполнял глубоким смыслом. Исходя из этого, можно полагать, что Калита с особой теплотой относился к своему второму сыну, предвидел его особое предназначение. Вероятно, он говорил об этом с сыном.

Матушка Александра

К сожалению, очень мало известно о матери князя Дмитрия и всей родне по материнской линии. Заметим, что «женская» история ранней Москвы практически отсутствует в источниках. Последнее время историки пытаются заполнить этот пробел. Однако состояние источников делает любые построения в этой области весьма шаткими.

А между тем в средневековой Руси (как и в Золотой Орде) женщины играли самостоятельную роль. Они пользовались всеми имущественными правами. Достаточно сказать, что женщина приносила в дом мужа приданое, которое считалось ее собственностью и в случае развода возвращалось ее родителям.

В княжеской среде роль женщины особенно возрастала в тревожные времена, когда княгиня-вдова становилась правительницей при своем малолетнем сыне. Характер ярко проявлялся и тогда, когда княгиня отстаивала свои интересы во враждебном окружении. Жена Дмитрия Донского Евдокия, жена Василия Дмитриевича Софья Витовтовна, жена Василия Темного Мария Ярославна, наконец, знаменитая Софья Палеолог... Это лишь первый ряд выдающихся женщин той эпохи.

Всё, что осталось на долю историков из семейных анналов Дмитрия Донского, напоминает справку, выданную какой-то погорелой канцелярией. И вот что в этой справке сообщается.

Будущий герой Куликова поля родился во втором браке. Заметим, что такая же судьба была у целой плеяды великих правителей — Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Великого.

Иван Красный первым браком был женат на княгине Феодосии, дочери Дмитрия Брянского. Свадьба состоялась зимой 1341/42 года. «Тое же зимы князь Иван Иванович оженися у князя Дмитрея у Брянскаго», —

лаконично сообщает летописец (45, 94). Жениху было тогда неполных 16 лет, а невесте, вероятно, и того меньше.

В Москве брянскую княжну ожидала печальная участь. Уже на следующий год летописец всё с тем же бесстрастным лаконизмом записал: «Тое же зимы преставися Феодосия, княгини Иванова Ивановича» (45, 94). Годичный срок ее пребывания в Москве позволяет предположить, что причиной ранней кончины юной княгини стали неудачные роды.

Плодом первого брака Ивана Красного стала дочь по имени Любовь (67, 171). Дата ее рождения неизвестна. Но известно, что в 1356 году отец дал ее в жены литовскому князю Дмитрию Кориатовичу, внуку Гедимина (106, 264).

По разделу владений между сыновьями Гедимина, осуществленному на рубеже 30-х и 40-х годов, Кориат был князем в Новгородке (Новогрудке) (140, 107). В начале 1360-х годов Ольгерд дал ему и его сыновьям отвоёванное у татар Подолье — «пространство между Днестром, Днепром, его притоком Росью и Черным морем» (140, 138). Однако вскоре сыновья Кориата Юрий, Александр и Константин (отметим христианские имена литовских Кориатовичей!) вынуждены были признать над собой верховную власть польского короля Казимира Великого (140, 140). Полагают, что Дмитрий Кориатович, не найдя себе достойного места в Литве, выехал в Москву и здесь прославился как храбрый воевода Дмитрий Михайлович Боброк Волынский (106, 264).

Династические связи с Москвой возникли у Кориата не случайно. В 1349 году великий князь Литовский Ольгерд послал его вместе с сыном по имени Эйкша к хану Золотой Орды Джанибеку с предложением совместных действий против Москвы. Эта идея не встретила одобрения у хана, и он выдал литовских послов москвичам. В Москве литовцев держали под стражей до тех пор, пока Ольгерд в качестве выкупа за брата и племянника не отказался от претензий на Верховские княжества. Этот регион (верховья Оки) имел важное стратегическое значение. Отсюда расходились дороги на Рязань и Смоленск, Москву и Киев. Местные князья — воинственные потомки Михаила Черниговского — постоянно лавировали между Москвой и Литвой.

Находясь в Москве в качестве почетного пленника, Кориат имел время присмотреться не только к здешним правителям, но и к их дочерям — возможным невестам для его сыновей.

После кончины первой жены Иван Красный долго не думал о новом браке. Вероятно, он был потрясен случившимся. Но княжеское звание налагало определенные обязательства. Наличие ясной перспективы

престолонаследия укрепляло верность придворных, вселяло оптимизм в подданных. Многодетность считалась признаком Божьего благоволения, а отсутствие детей — карой за грехи.

Второй женой Ивана Красного, матерью Дмитрия Донского и его рано умершего младшего брата Ивана, стала княгиня Александра. О ней практически ничего не известно. Полагают, что она была дочерью московского тысяцкого Василия Вельяминова (320, 24).

Тысяцкий был своего рода «старостой» посадской общины. Он представлял интересы горожан перед князем и боярами. В вечевых республиках тысяцкий избирался народом и был наряду с посадником и архиепископом важнейшей политической фигурой города. О статусе тысяцкого в княжеской Москве известно очень мало. Однако тот факт, что Дмитрий Донской незадолго до Куликовской битвы отменил саму должность московского тысяцкого, свидетельствует о ее самостоятельном политическом потенциале.

Подобно другим русским княгиням той эпохи, Александра была независима в имущественном отношении. Помимо приданого, которое она принесла московскому княжескому дому и которое подлежало возвращению в случае расторжения брака, княгиня получила от мужа несколько сел в Коломенском уделе (231, 133).

Княгиня Александра скончалась 27 декабря 1364 года во время последней волны «Великого мора» — эпидемии чумы. Ее похоронили в соборе придворного Спасского монастыря, который со времен Калиты служил усыпальницей для женской половины московского княжеского дома.

«Тое же зимы (1364/65) месяца декабря 27 день, на память святого пръвомученика Стефана преставися княгини великаа Александра Иванова Ивановича в черницах и в схиме, наречено бысть имя ей в мнишьском чину Мариа и положена бысть в монастыри у Святого Спаса на Москве в притворе в приделе» (43, 78).

Братец Ивашка

Сообщая о кончине княгини Александры в декабре 1364 года, летописец добавляет: «Того же лета в осенине на Москве князь Ивашко дитя преставися» (43, 78). Когда родился младший брат Дмитрия Донского — источники не сообщают. Однако некоторые летописи дают точную дату его кончины: «В лето 6872 (1364)... Тое же осени месяца октября в 23

преставился князь Иван Иванович, брат князя великаго Дмитрея Ивановича и положен бысть в церкви Святого Архаггела на Москве» (45, 102).

(В сбивчивом тексте московского Свода начала XV века за 1364–1365 годы известие о кончине Ивашки повторено дважды и словно тонет в столь же «удвоенных» рассказах о бедствиях чумы.)

Таким образом, за два месяца до своей кончины княгиня Александра пережила большое горе — кончину младшего сына Ивана. Летописец называет его «князь Ивашко дитя» или более почтительно — «князь Иван Иванович Малой» (37, 435; 55, 121; 51, 118). Очевидно, эти имена (Ивашка, Иван Малой) были в ходу, предотвращая путаницу между Иваном Ивановичем Красным и его младшим сыном — «дитятей» Иваном Ивановичем.

Ко времени кончины «дитя» было не менее шести лет (столько лет прошло от упоминания сына Ивана в духовной грамоте Ивана Красного 1358 года до кончины самого Ивашки в октябре 1364 года). Однако можно думать, что в действительности Ивашка был значительно старше. Потребность отличать Ивана-сына от Ивана-отца могла возникнуть только тогда, когда первый из них стал хотя бы мало-мальски самостоятельной фигурой, то есть достиг возраста четырех-пяти лет. Таким образом, можно думать, что Ивашка был лишь годом или двумя младше Дмитрия.

Один хорошо осведомленный книжник конца XIV столетия называет Ивашку «любимым братом» Дмитрия Донского (25, 208). Возможно, это живая черта отношений двух отроков.

Примечательно, что тогдашние московские правители (княгиня Александра, митрополит Алексей, бояре) считали необходимым отправлять малолетнего Ивашку в походы вместе с его старшими братьями. Так, под 6870 (1362) годом летописи сообщают: «Того же лета на зиму князь великий Дмитрей Ивановичь съ своею братиею, съ князем Иваном Ивановичем, Володимером Андреевичем ходил ратью на князя Дмитрея Костянтиновича к Переяславлю» (53, 113).

Заметим, что Владимир Андреевич Серпуховской родился 15 июля 1353 года и ходил в поход в возрасте девяти лет. Дмитрию Московскому было тогда двенадцать лет.

Обычай возить в походы княжеских детей был в ту пору весьма распространенным. Иван Грозный в юности повсюду брал с собой младшего брата — глухонемого Юрия. Учитывая обычную в то время жестокую борьбу за власть между братьями, трудно сказать, чего в этой практике больше — символики или осмотрительности.

Сестрица Аннушка

Помимо рано умершего младшего брата Ивана Дмитрий имел родную сестру Анну (180, 130). Предполагают, что это она — а не ее сводная сестра Любовь — вышла замуж за выехавшего из Литвы воеводу князя Дмитрия Михайловича Волынского по прозвищу Боброк (365, 290). Для того это был второй брак. (Возможно, Любовь была его первой женой.) Анна родила Боброку двух сыновей — рано умершего Василия и Михаила. Последний ушел в Новгород и принял там иноческий постриг в Троицком монастыре. Со временем он прославился как склонный к юродству суровый аскет по имени Михаил Клопский. Русская церковь причислила его к лику святых (365, 292).

Вот, пожалуй, и всё, что можно сказать относительно «материнской составляющей» характера нашего героя, а также о его братьях и сестрах. Обратимся теперь к другой теме: его политическому и генетическому наследству по линии отца.

Дед Иван

Дмитрий всегда с особым уважением относился к памяти деда — Ивана Даниловича Калиты. Здесь срабатывал вечный закон мужского самоутверждения: установки отца подсознательно отвергаются, в то время как дед, ставший уже отстраненной, почти мифологической фигурой, служит кумиром, образцом для подражания.

Много лет спустя, когда какой-то московский книжник (возможно, Епифаний Премудрый) писал похвальное слово недавно скончавшемуся Дмитрию Донскому, то он, в соответствии с законами жанра, рассуждал о предках своего героя. Для Ивана Калиты агиограф нашел знаменитое определение — «собиратель Русской земли» (25, 209). Внук пошел по стопам деда. Но он не только продолжил «собрание Руси», но и начал ее освобождение...

Дядя Семен

По свидетельству источников, великий князь Семен Иванович уже в первой половине XVI века именовался Гордым (38, 238). Вероятно, это многозначительное прозвище родилось гораздо раньше и восходит к московскому летописанию времен митрополита Киприана.

Как относился Дмитрий к памяти Семена Гордого? Конечно, он не помнил его лично, но много слышал о нем от окружающих. В семье Ивана Красного Семена вспоминали со смешанным чувством вражды и почтения. Вражда объяснялась самим положением Семена как старшего брата, носителя верховной власти и связанного с ней произвола. Кроме того, сказывалась разница в возрасте. Семен был на девять лет старше Ивана. Он с отроческих лет привык глядеть на младшего брата свысока и не стеснялся показывать свое превосходство. Самолюбие Ивана жестоко страдало от подобной педагогики. Митрополиту Алексею стоило больших усилий восстанавливать мир между рассорившимися братьями.

Еще одним свидетельством недоверия между сыновьями Калиты служит то, что даже на смертном одре Семен не захотел передать Ивану все свои владения, завещав их жене Марии. Таким образом он надеялся спасти свою династическую линию, воплощенную тогда в двух младенцах-сыновьях.

Отношение Ивана Красного к памяти Семена определялось и религиозными мотивами. Гибель Семена и его потомства во время «Великого мора» была явным знаком гнева Божьего, наказанием Семена за тяжкие грехи и прежде всего — за «гордость». Священное Писание содержало много примеров такого рода. Сегодня нам трудно понять эту парадигму. Но нельзя забывать, что слова со временем изменяют свой смысл. Эпитет «гордый» ныне имеет положительное значение с легким привкусом упрека. Прежде, наоборот, он был отрицательным, хотя и с привкусом восхищения. Высшая добродетель христианина, *смирение*, была прямой противоположностью *гордости*. Прозвище Гордый можно было перевести как «наглый», «дерзкий», «самоуверенный». Всеми этими качествами, очевидно, и обладал князь Семен в восприятии своих современников.

В качестве примера того, как крут был Семен с теми, кто становился на его пути, можно вспомнить уникальное известие В. Н. Татищева. Взойдя на великое княжение, Семен столкнулся с отказом новгородцев платить дань в Орду. Собрав большую рать, он пошел войной на Новгород. Устрашенные новгородские бояре с повинной головой встретили его в Торжке. Великий князь согласился принять их только в том случае, если они явятся к нему босыми «и просят при всех князех на коленех» (71, 94).

Своим яростным темпераментом, истовой верой в свою провиденциальную миссию Дмитрий сильно напоминает Семена Гордого.

Глава 2

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Что существует, тому уже наречено имя.

Еккл. 6, 10

Человек, которому суждена была высокая судьба, появился на свет во вторник, 12 октября 1350 года (151, 42).

Он был долгожданным ребенком: отец и мать состояли в браке уже более пяти лет, но всё еще не имели сына, наследника отцовских прав и владений (206, 62).

Летописец счел нужным отметить, что Дмитрий появился на свет «на память святых мученик Прова, Тарха и Андроника». В княжеских семьях помнили день рождения и чтили святых этого дня. В их житиях искали параллелей с судьбой родившегося в этот день человека.

Имя и судьба

Не более чем через 40 дней после рождения младенца следовало окрестить. К этому дню нужно было решить вопрос относительно имени (211, 121).

Известно, что и в наши дни новорожденного нередко называют в честь кого-то из близких родственников или же с каким-то иным смыслом. В античности имя считали признаком характера и матрицей судьбы. Плутарх рассказывает, что Александр Македонский подбадривал одного воина по имени Александр, советуя ему быть достойным своего имени (30, 419). Эту историю повторил знаменитый византийский хронист Георгий Мних (4, 52). Имя Александр означало «защитник людей» (4, 358).

В средневековой Европе правящая элита придавала большое значение династической преемственности вообще и семейной преемственности имен в частности. Так было, например, во Франции времен Людовика Святого. «Имена давали, как того требовала династическая традиция: преимущественно капетингские, гораздо реже — династий, к которым принадлежали жены, но в таком случае скорее по линии бабки, чем матери. Так, в именах прослеживается традиция династического континуитета. Старший сын получил имя деда, Людовик; второй, — имя прадеда,

Филипп; два следующих — имя кастильского происхождения Иоанн (Жан), причем ко второму из них добавили Тристан, в память о печальном рождении ребенка в осажденном, готовом к сдаче городе, в канун военного поражения, когда отец был в плену. Династическая память продолжительна» (223, 556).

Не менее внимательно относились к этому вопросу и на Руси. Среди потомков Рюрика существовало представление о «подобаящих» и «неподобаящих» для князя именах. Помимо этого, в каждой княжеской семье имелась традиция предпочтений, связанная с именами предков. Наконец, выбор имени должен был быть увязан с Божьим промыслом, проявлением которого считали день рождения. В результате всех этих соображений выбор имени осуществлялся по месяцеслову, но не был жестко привязан ко дню рождения. В поисках подходящего имени считалось допустимым отступать от дня рождения на несколько дней вперед или назад по календарю, но не более чем на две недели.

Для своего долгожданного первенца Иван Красный избрал имя Дмитрий. В результате этого выбора небесным покровителем княжича стал великомученик Дмитрий Солунский, память которого праздновалась 26 октября. Придет время — и князь Дмитрий прикажет поместить изображение святого Дмитрия Солунского на своих печатях, ввести образ этого святого в деисусный чин иконостаса и украсить ворота Московского Кремля его скульптурным изображением.

Имя Дмитрий было очень распространено в княжеских семьях Северо-Восточной Руси. Это имя как второе, «церковное», носил их общий предок — великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич по прозвищу Большое Гнездо. Он родился 19 октября 1154 года, за неделю до дня памяти Дмитрия Солунского, и был назван в его честь. Другой Дмитрий, сын Александра Невского, родной брат и союзник родоначальника московской династии Даниила Александровича, был великим князем Владимирским в 1276–1293 годах. Он оставил о себе добрую память как выдающийся правитель и храбрый воин.

Со времен Киевской Руси Дмитрий Солунский считался особым покровителем воинов. Ему молились при нападении врагов — в особенности варваров. Над городскими воротами помещали его изображение. Всеволод Большое Гнездо в 1198 году привез из Византии доску от гроба святого Дмитрия (с изображением святого) и поместил ее в своем придворном Дмитровском соборе (45, 37). Успенский собор Московского Кремля, выстроенный Иваном Калитой, имел придел во имя Дмитрия Солунского. Ранее в Кремле была деревянная церковь во имя

Дмитрия Солунского, в которой был похоронен убитый в Орде в 1325 году князь Юрий Данилович Московский (124, 149).

Таким образом, имя старшего сына Ивана Красного предсказывало ему военные дарования и роль защитника своей земли от врагов.

Православный философ Павел Флоренский утверждал, что у каждого имени есть сокровенное значение — своего рода код личности. Своей музыкой, своей онтологией оно формирует личность и предопределяет реализацию таинственной генетической матрицы. Тонкий слух Павла Флоренского слышал в именах шепот Провидения. «Дмитрий — характер и весь облик значительный, в отдельных своих возможностях нередко превышающий меру человечности и даже человеческого. Но проявлению во вне и закреплению в жизни этой безмерности чаще ставит препятствие сам он, другими словами, столь же безмерными желаниями. Это — натура с могучими задатками, но крайне не согласованными между собою, негармоничная, с резкими углами и всяческими неожиданностями» (332, 203).

Запомним эту характеристику. В ней узнаваем характер князя Дмитрия — человека с безмерными желаниями, разбивавшимися о стены невозможного.

А был ли постриг?

Одним из древних обычаев русских князей были постриги — обряд, символизирующий начало возмужания малолетнего княжича «при переходе из младенчества по четвертому году» (162, 26). Подобно монашескому пострижению, обряд заключался в отрезании у ребенка пряди волос. Потом его впервые в жизни сажали на коня. Вероятно, духовные лица говорили соответствующее напутствие, читали молитву, поздравляли счастливых родителей и окропляли всех святой водой. Затем следовало праздничное застолье.

«В лето 6700 (1192), июля 28. Быша постригы у великаго князя Всеволода (Большое Гнездо. — Н. Б.) сыну его Георгиеви в граде Суждали. Том же дни и на конь его всади, и бысть радость велика в граде Суждали. Ту сущу блаженному епископу Иоанну» (32, 409). Заметим, что Юрий родился 27 ноября 1188 года и имел ко дню пострига (28 июля 1192 года) возраст 3 года и 8 месяцев.

Два года спустя обряд был совершен над другим сыном великого князя Всеволода — Ярославом. Он родился 8 февраля 1190 года. Возраст ко дню

пострига — 4 года и 2 месяца (275, 169).

В первом случае днем пострига был вторник, во втором — среда. При совершении обряда присутствовал ростовский владыка Иоанн. Однако примечательно, что в обоих случаях постриги не были связаны с каким-либо церковным праздником или хотя бы воскресным днем. Полагают, что обряд носил «чисто семейный», домашний характер (162, 26). Однако летописи указывают на публичное совершение постригов. Так поступил в 1230 году Михаил Всеволодович Черниговский: «В то же лето князь Михаил створи пострыги сынови своему Ростиславу Новегороде у Святий Софии и уя влас архиепископ Спиридон; и посади его на столе, а сам поиде в Чернигов» (18, 69).

Обычай постригов дожил и до XIV столетия. Однако в летописях сохранилось лишь одно известие такого рода. В 1302 году, «тое же осени месяца ноября в 8, на събор Михайлов, быша постриги у князя Михаила Тферскаго сыну его Дмитрию» (45, 85). Михаил Тверской приурочил совершение обряда над старшим сыном, которому было тогда около четырех лет, к церковному празднику — Собору Михаила Архангела. Этот день княжеских именин был и городским праздником Твери.

Все эти окольные сведения подводят нас к прямому вопросу: был ли обряд постригов совершен над будущим героем Куликова поля? Увы, источники молчат об этом.

Но в метафорическом, переносном смысле можно сказать, что судьба очень рано совершила над головой Дмитрия Московского свой обряд возмужания. Чума, война, ранняя смерть родителей, боярская фронда, раннее одиночество — всё это оставило след в характере юного Дмитрия. Оставаясь ребенком, он вынужден был играть роль взрослого. Его возили в Орду и во Владимир, сажали то на великокняжеский трон, то на ханский ковер. Его заставляли с важным видом говорить слова, смысл которых он еще не мог понимать. Лишившись опоры в лице матери и младшего брата, Дмитрий рано стал самостоятельным. Подобно малолетнему Ивану Грозному, он, вероятно, тяготился зависимостью от бояр и митрополита. Самолюбивый и скрытный, он научился притворяться, скрывать свои подлинные мысли и чувства. Но в душе его бродили смутные и непреодолимые желания.

Словом, он прошел ту суровую школу трудного детства, выпускники которой чаще других оставляют свои имена на скрижалях истории.

Глава 3

ДЕНЬ ЖНЕЦА

Так говорит Господь: и будут повержены трупы людей, как навоз на поле и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их.

Иер. 9, 20-22

Яркой чертой характера Дмитрия Донского было личное мужество. Даже среди правителей своего воинственного века он выделялся постоянной готовностью смотреть в лицо смерти.

Отношение к смерти — глубоко личная, сокровенная сторона души каждого человека. Она определялась многими обстоятельствами биографии князя Дмитрия. И первой среди них была губительная эпидемия чумы, несколькими волнами прокатившаяся по русским землям в 50-е и 60-е годы XIV столетия.

(Заметим, что на Руси слово «чума» не употреблялось. Любую эпидемию называли просто «мор». И только признаки этой страшной болезни, отмеченные летописцами, позволяют ее идентифицировать.)

Люди, пережившие чуму, рассматривали каждый день своей жизни как знак особой милости Божьей. Они думали, что Всевышний приберег их для какой-то особой миссии, дал им продолжение жизни, так сказать, «взаимы». И этот долг они обязаны вернуть сполна...

Клиническая картина

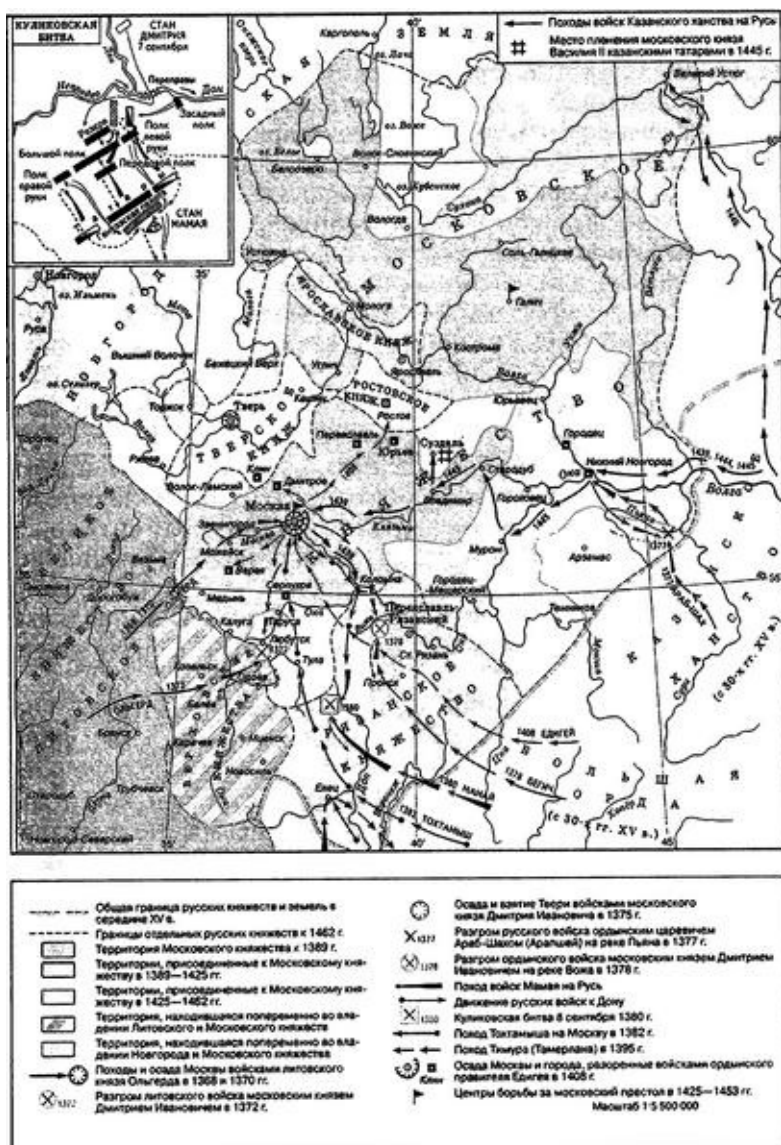
Не имея желания пересказывать своими словами то, что уже сказано достаточно ясно, предоставим слово современному историку, повествующему об ужасах чумы в средневековой Европе:

«Термин „чума“, означающий в современной медицине конкретную болезнь, в прежние эпохи использовался в широком смысле для названия почти всех эпидемических, инфекционных, быстро распространяющихся заболеваний. Если дизентерию (*flux de sang*, „кровотечение“) относительно легко опознать по симптомам, описанным в дошедших до нас текстах, то другие эпидемические заболевания историку „вычислить“ труднее. Под названиями „чума“ (*pestis*), „зараза“ (*contagium*) или „пагуба“ (*morbis*)

могли скрываться сыпной тиф, эпидемический менингит, геморрагические лихорадки, а также различные формы собственно чумы — болезни, которая вызывается бациллой, открытой в 1894 году А. Йерсеном и С. Китасато, и передается человеку через блох и черных (чумных) крыс либо, в первичной форме, воздушно-капельным путем.

Под именем чумы в свое время „действовали“ и другие, неизвестные в настоящее время заболевания...

...Собственно чума принадлежит к числу высокозаразных заболеваний. Простого контакта с больным или принадлежавшей ему одеждой было достаточно, чтобы заразиться. Обычно чума начиналась с легкого озноба, за которым следовали жар, державшийся в течение всей болезни, краснота глаз и воспаление горла, сухой черный язык с трещинами, неутолимая жажда, зловонный запах изо рта и затрудненное дыхание.

Возвышение Московского княжества. *Середина XIV — середина XV в.*
 Начало борьбы Руси с Ордой

Некоторые несчастные, обезумев от мучительной жажды, бросались в реки или колодцы. У больного наблюдались мертвенно-бледное лицо и шатающаяся походка. Затем болезнь переходила на грудь, за первыми симптомами следовали частое чихание, изнуряющий кашель, хрипота (симптомы легочной формы чумы), тошнота, кровохарканье и желчная рвота. Затем приходили судороги и общее истощение. Бубонная чума сопровождалась вздутием лимфоузлов шеи, подмышек и паха, а также высокой температурой и бредом. Даже если на улице было прохладно, кожа становилась красной и сухой, тело покрывалось кровоизлияниями

(петехиями) и черными нарывами (карбункулами). Образованию язв в точках укусов блох — переносчиков чумы — предшествовали тяжелая рвота, черные и зловонные испражнения, липкий пот. Возбуждение и помрачение сознания (симптомы поражения оболочек мозга), частые спутники чумы, приводили к страшным, шокирующим сценам. Многие больные практически не спали, пребывая в постоянном возбуждении. Люди впадали в отчаяние и с нетерпением ждали смерти — лишь она могла положить конец их страданиям. *Exitus letalis* наступал в среднем в течение недели (отмечались и случаи молниеносной формы чумы, когда болезнь убивала человека в первые же сутки). Одни больные умирали в летаргическом состоянии, другие — в бреду и приступах ярости» (256, 52).

Современная медицина знает о чуме всё или почти всё. Она установила, что сотни тысяч людей во всех концах земли уничтожили микроскопические организмы — «чумные палочки». Под сильным микроскопом они предстают в виде коротеньких, слегка овальных образований. Так невзрачно выглядит страшный враг человечества, которого ставили в один ряд с войной, голодом и стихийными бедствиями. И словно не желая признавать свое поражение от такого ничтожного противника, люди до последней возможности признавали чуму орудием в руках разгневанного Бога.

Чума в Древнем мире

Эпидемия чумы, захлестнувшая не только Русь, но и всю Европу в середине XIV столетия, не случайно получила свое устрашающее имя — «черная смерть». Это имя, похожее на мрачную поэтическую метафору, в действительности отражало специфические признаки болезни. При некоторых формах чумы на коже больного перед кончиной появлялись большие черные пятна. Воспаленные лимфатические железы превращались в огромный нарыв (бубон), наполненный черным гноем.

В середине XIV столетия разгул «черной смерти» достиг небывалого размаха. По самым примерным подсчетам, эта эпидемия унесла около трети всего населения Европы (325, 155). Однако старая Европа далеко не в первый раз испытывала на себе грозную силу невидимого врага. О губительной эпидемии чумы в Афинах рассказывает в своей «Истории» древнегреческий историк Фукидид (около 460–400 до н. э.). Чума была известна и в Римской империи. Знаменитый историк Евсевий Памфил (около 260–340) в своем труде «Церковная история» приводит письмо

святителя Дионисия Александрийского (ум. 265) пастве, посвященное эпидемии чумы, свирепствовавшей по всей Римской империи с 250 по 265 год (146, 262). Наиболее важная часть этого письма — картина самоотверженного поведения христиан в охваченном чумой городе:

«Весьма многие из наших братьев по преизбытку милосердия и по братолюбия, не жалея себя, поддерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно служили им, ухаживая за ними ради Христа, радостно умирали вместе; исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания» (146, 262).

Созданная Евсеем Памфилом модель поведения христианина в условиях губительного мора стала стереотипом в византийской литературе. В частности, ее воспроизводит переведенная на Руси уже в XI веке Хроника Георгия Амартола (4, 253). Она служила образцом для русских летописцев при описании чумных эпидемий.

Чума в Золотой Орде

Распространение эпидемии в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе русские заметили быстро. Под 6854 (1346) годом Троицкая летопись сообщает:

«Того же лета бысть казнь от Бога на люди под восточную страну в Орде и в Орначи, и в Сарае, и в Бездеже, и в прочих градах и странах, и бысть мор велик на люди, на Бесермены и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на прочая человеки, тамо живущая в них. *Толь же силен бысть мор в них, яко не бе мощно живым мертвых погребати*» (здесь и далее курсив автора. — Н. Б.) (72, 368).

(Заметим, что последняя фраза — мор был так силен, что живые не успевали погребать мертвых, — относится к числу литературных клише, используемых в любом сообщении об эпидемии.)

Летописи свидетельствуют о том, что русские князья в разгар чумы продолжали как ни в чем не бывало ездить по своим делам в Орду. В 1347 году в охваченных эпидемией степях побывал московский великий князь Семен Иванович с братом Андреем (43, 58). Трудно сказать, что было причиной такой смелости: политическая необходимость или пресловутый «русский фатализм»? Как бы там ни было, но ордынская чума в 1347 году не тронула сыновей благочестивого Ивана Калиты...

Нанесенная на карту траектория распространения «черной смерти» в 1347–1352 годах напоминает огромную петлю, захлестнувшую всю Европу

и Ближний Восток. В этой петле задохнулись сотни тысяч людей разных племен и народов.

Как это нередко бывало в истории, у начала больших событий оказался маленький, случайный человек — приближенный правителя Золотой Орды хана Джанибека по имени Могул-Буга. Занимая должность бекляри-бека (первого министра), он был назначен командующим войсками, посланными в Крым для взятия Каффы (современная Феодосия). Город был хорошо укреплен, а жившие в нем генуэзцы оказали степнякам упорное сопротивление. Ни первая (1344 год), ни повторная (1345) осада Каффы не принесла успеха. Раздосадованный Могул-Буга приказал с помощью катапульты перебросить в город тело человека, недавно умершего от чумы. Этот приказ имел ужасные последствия. В переполненном людьми осажденном городе болезнь стала распространяться очень быстро. Спасаясь от беды, местная знать поспешно отплыла на родину — в Геную и Венецию. Однако беженцы уносили с собой и невидимые бактерии чумы. Константинополь стал новой сценой для торжества «черной смерти». Вскоре Византия и всё Средиземноморье были охвачены губительной заразой.

Чума в Крыму и на Средиземноморье

Средневековые арабские историки также отметили небывалую эпидемию и ее губительные последствия. Ибн ал-Варди сообщает следующее: «В 747 году (24 апреля 1346 — 12 апреля 1347) приключилась в землях Узбековых чума, [от которой] обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно по 1000 трупов, или около того, как мне рассказывал об этом заслуживающий доверия купец. Затем чума перешла в Рум (Константинополь. — Н. Б.), где погибло [много] народу. Сообщал мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, что кади (мусульманский судья. — Н. Б.) Крымский рассказывал [следующее]: „Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85 тысяч, не считая тех, которых мы не знаем. В настоящее время чума на о. Кипре, да голод великий также“. В месяце реджебе 749 года (25 сентября — 24 октября 1348) чума перешла в Халеб (город Алеппо в Сирии. — Н. Б.) — да устранил Аллах от нас зло ее! Чума эта, говорили нам, началась в „Стране Мраков“ (мифическая страна на крайнем севере Европы. — Н. Б.), за 15 лет до этого года. Сочинил я на нее Послание, которое назвал „Вестью о Чуме“» (11, 237).

Чума в Европе

Невидимый меч чумы разил сильнее, чем меч войны. Вот как выглядело это бедствие в одном из самых цветущих городов тогдашней Европы — Флоренции:

«Страшная, свирепствовавшая по всей Европе эпидемия чумы 1348–1359 годов выкосила больше двух третей населения Флоренции. В городе, насчитывавшем около 120 тысяч жителей, умерло больше 80 тысяч, а вместе с жителями близлежащих деревень — 96 тысяч! Демографический подъем, наметившийся к 1380 году (60 тысяч жителей), был оборван новыми волнами эпидемий: в 1427 году, согласно налоговому цензу (catasto), в городе насчитывалось всего 37 тысяч жителей! Флоренция могла еще выдержать сравнение с Севильей и Лондоном (по 50 тысяч жителей), но очень бледно выглядела рядом с крупнейшими городами Италии — Неаполем и Венецией, насчитывавшими по 100 тысяч человек» (176, 21).

Обогнув всю Европу, чума, как бы затягивая свою роковую петлю, с запада пришла в русские земли. Летописи отражают развитие эпидемии с разной степенью полноты. Особое внимание к этой теме (как и вообще к теме Божьего гнева) проявляет составленная под началом митрополита Даниила и переполненная церковной риторикой Никоновская летопись (1520-е годы). Под 6854 (1346) годом она повторяет известие Троицкой летописи о начале мора в Орде (41, 217). Под 6857-м (1349-м) Никоновская летопись дает уникальное известие: «Того же лета мор бысть на люди в Полотске» (41, 221).

Ближайший сосед Полоцка и его торговый партнер Смоленск через два года тоже был охвачен эпидемией. «Того же лета мор бысть велик в Смоленсьце на люди», — сообщает Рогожский летописец под 6860 (1352) годом (43, 61). Заметим, что датировка событий середины XIV столетия в летописях весьма сбивчива. Возможная неточность составляет год, а иногда и более.

Псковская повесть

Понятно, что такое бедствие не могло остаться без внимания летописцев. Но как всегда изначальная версия летописного рассказа короче и прозаичнее расцвеченных риторикой и домыслами более поздних редакций. Синодальный список Псковской Второй летописи (конец XV века) дает лишь краткое сообщение: «В лето 6860 (1352). Бысть мор зол въ

Пскове и по селом и по всей волости хракотныи (кровохарканье служит признаком легочной формы чумы. — Н. Б.); о сем пространне обрящеши написано в Руском летописци» (62, 27).

Новгородский архиепископ Василий был человеком мужественным и решительным. Он отправился в охваченный эпидемией Псков и там совершил крестный ход и молебен. Этот вызов судьбе стоил ему жизни. Во Пскове владыка занемог и умер на обратном пути. «Сана светлостью не умолена бывает смерть: на всех внизаеть многоядныя своа зубы», — философски замечает по этому поводу летописец (62, 99).

Рассказав о кончине архипастыря, псковский летописец возвращается к общей картине «Великого мора». Он вспоминает, что упустил один важный вопрос: откуда, из каких краев пришла на Русь небывалая беда? Подобные географические (или топографические) изыскания имели не только отвлеченно-познавательный характер. Найти первоисточник беды, ее непосредственного виновника необходимо было для правильного понимания причинно-следственных связей как на небесном, так и на земном уровнях. Не случайно, рассказывая о больших городских пожарах, летописец обязательно отмечает, откуда, из какого дома началось распространение огня.

На вопрос о географическом происхождении «Великого мора» летописец дает уклончивый ответ:

«Некоторые же реша: той мор из Ындиской земли от Солнца града» (62, 102).

«Солнечный град Фригийской страны» — Илион во Фригии, в районе древней Трои (4, 253). Фантастическое на первый взгляд выведение псковской чумы из Индии в действительности не столь уж фантастично. Некоторые районы Индии ученые относят к эндемическим (постоянным) очагам чумы.

«Страх и трепет...»

Из Пскова мор перекинулся в Новгород:

«В лето 6860 (1352). Бысть мор силен велми в Плескове... Того же лета бысть мор силен в Новеграде, прилучися приити на ны, по человеколюбию Божию, праведному суду его; вниде смерть в люди тяжка и напрасна, от Господина дни (праздник Успения Богоматери 15 августа. — Н. Б.) почалося нольне (аж, даже. — Н. Б.) и до Велика дни (то есть до Пасхи, 24 марта 1353 года. — Н. Б.), множество бесчислено люди добрых

помре тогда. Сине же бысть знамение тоя смерти: хракнуть кровью человек и до треи день бывъ да умрет. Не токмо же в едином Новеграде бысть сия смерть, мню, яко по лицу всея земья походи; и ему же Бог повеле, ть умре, а его же снабди (сохранил. — *Н. Б.*), сего кажа (показывая. — *Н. Б.*) наказует, да прочее дни о Господе целомудренно и безъгрешно проживем» (18, 363).

Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского уже в первой фразе рассказа «О мору новгородцком» дает некоторые уточнения к приведенному выше сообщению: «Тое же осени бысть мор силен в Новеграде и в Ладозе» (55, 119). Таким образом, эпидемия, опустошавшая Псков, осенью 1352 года перекинулась не только на сам Новгород, но и на его «пригороды».

Никоновская летопись сообщает об эпидемии в Новгороде на основе местных источников, но в значительной редакции (41, 224). Суровый лаконизм северных летописцев становится канвой, по которой вышивает свои узоры московское церковное красноречие.

Обычным средством для прекращения мора было строительство обетных церквей. Эта традиция была повсеместной. «Исследование традиции церковного строительства в Пскове XV — начала XVI века убеждает, что обветные, или обетные, церкви сооружались во время эпидемий. С 1407 по 1532 год в городе было построено 9 таких храмов на средства государства» (87, 33).

В Новгороде в 1353 году также прибегли к старому средству. «Того же лета (6861) владыка Моисии с новгородци поставиша церковь Святыи Семион заветный мору деля» (53, 110).

Почти не затронув Литву, эпидемия перешла из северо-западных земель в Окско-Волжское междуречье и в Юго-Западную Русь. Никоновская летопись приводит страшный в своем лаконизме перечень «низовских» городов, опустошенных чумой:

«Того же лета бысть мор силен в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове и в Суждале, и во всей земле Русстей смерть люта, и напрасна (внезапна. — *Н. Б.*) и скоро; и бысть страх и трепет велий на всех человецех. В Глухове же тогда ни един человек не остана, вси изомроша; сице же и на Белеозере» (41, 224).

На Руси причины бедствия видели прежде всего в Божьем гневe. Об этом говорили еще ветхозаветные пророки. Соответственно, размышления над конкретными причинами Божьего гнева сводились к бесконечному плетению библейских сюжетов. Летописные тексты о чуме проникнуты аллюзиями и прямыми цитатами из Священного Писания. Чаще всего

цитировали Псалтирь, знакомую каждому христианину по церковным чтениям и песнопениям. «Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя; *страх и трепет прииде на мя*, и покры мя тма...» (Пс. 54, 5–6).

Глава 4

«ВЕЛИКИЙ МОР»

Тем, кто не видел великих эпидемий чумы, не понять, к каким катастрофическим результатам они приводят.

Д. Бейкер

Подобно тому как землетрясение повторяет разрушительные толчки, так и «черная смерть» напоминала о себе новыми волнами эпидемии. В первой половине 60-х годов XIV века чума вернулась в русские земли с новой силой. Ее второй приход был не менее, а скорее даже более опустошительным, чем первый. Русские летописцы называли это второе пришествие чумы «Великим мором». И если родившийся осенью 1350 года Дмитрий Донской едва ли имел какие-нибудь личные воспоминания об эпидемии 1352–1353 годов, то эпидемию 60-х годов он запомнил на всю жизнь. Такого рода впечатления не исчезают из тайников человеческой памяти. В особенности если речь идет о сложных и впечатлительных натурах.

«Второй мор» во Пскове

Как и в первый раз, чума начала свой поход по русским землям с северо-запада. В 1360 году она пришла в многострадальный Псков. Вероятно, ее занесли сюда пришельцы «из-за моря». В Швеции в эти годы эпидемия носила опустошительный характер. И если около 1300 года население Швеции вместе с Финляндией составляло примерно 700 тысяч человек, то после 1350 года оно было менее чем 500 тысяч (368, 31). Эпидемия унесла и нескольких членов королевской фамилии.

«В лето 6868 (1360). Бысть въ Плескове *вторый мор лют зело*; бѣше бо тогда се знамение: егда кому где выложится железа (чумное воспаление лимфатических желез. — Н. Б.), то вскоре умираху мнози тою болезнью, много же время той смерти лежащи на людех. Тогда же и Остафъ князь преставися, и дети его два сына Карп и Алексей» (61, 22).

Новгородская летопись сообщает о поездке в охваченный чумой Псков новгородского архиепископа Алексея. Память о трагическом финале

поездки во Псков прежнего владыки Василия Калики была еще свежа. И летописец явно гордится мужеством Алексея:

«Того же лета бысть мор силен въ Плескове, и прислаша послове плесковици к владыце с молбою и челобитьем, чтобы, ехавши, благословил бы еси нас, своих детей, и владыка, ехав, благослови их и город Псков съ кресты обходи, и литургии три соверши, прииха в Новъград, а плесковицам оттоле нача лучши бывати милость Божия, и преста мор» (18, 367).

«Великий мор» в Низовской земле

Для Северо-Восточной Руси неожиданным возвращением чумы был ознаменован 1364 год. В летописях, наиболее близко отразивших летописание ранней Москвы, под 6872 (1364) годом сохранилась своего рода повесть «О мору о великом». В ее основе, по-видимому, лежит свидетельство современника событий, жившего в Москве или Переяславле Залесском. (До конца XV века город Переславль-Залесский назывался именно так.) Позднее летописец присоединил к этой основе сообщения местных источников:

«Того же лета гневом Божиим за умножение грехов наших бысть мор силен велик на люди в Новегороде в Нижнем и на уезде, и на Сару, и на Киши, и по странам, и по волостем. Овии хракаху кровию, а друзии железою, и не долго боляху, но два дни или три, или един день поболевше и тако умираху. На всякъ же день мнози умираху и толь множество их, яко не успеваху живии мертвых погребати.

Тое же осени месяца октября в 23 преставися князь Иван Иванович, брат князя великаго Дмитрия Ивановича и положен бысть на Москве в церкви Святаго Архангела Михаила.

Тое же осени и тое зимы бысть *мор велик* на люди в граде Переяславли, мерли люди по многу на день, по 20, по 30 на день, а иногда на день 60 или 70 человек, а иногда 100. А таковы дни были же, поболе ста на день человек умирало. А болезнь была такова: преже как рогатиною ударить за лопатку или противу сердца под груди, или промежи крил и разболиться человек и начнет кровию хракати и огонь разбиеть и по сем пот, потом дрожь иметь и тако в болезни полежава овии (одни. — Н. Б.), день един поболевше, умираху, а друзии два дни, а инии 3 дни. Преже же мор был, кровно храчюче мерли, потом же железою (нарывами. — Н. Б.) разболевшись, ти тако же два дни или 3 дни полежавање умираху, железа же не одинако, но иному на шее, иному на стегне, овому под пазухою, овому

же под скулюю, иному же за лопаткою. Не токмо же в граде Переяславли было се, но и по всем волостем Переяславльским был мор, и по селом, и по погостом и по монастырем. А прежде того был мор в Новгороде в Нижнем, а пришел с низу от Бездежа в Новьгород въ Нижнии, а отътоле на Коломну, а с Коломны на другое лето в Переяславль (1364/65 год. — Н. Б.), а от Переяславля на другое лето (1365/66 год. — Н. Б.) на Москву. Тако во всех странах и градах и во всех пределах их был мор великый, страшный» (43, 77).

Никоновская летопись дает перечень городов, по которым «разошлась» чума: «И во Тверь, и въ Володимерь, и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можаяск, и на Волок... А на Белеозере тогда ни един жив обретется» (42, 3).

Далее следует своего рода «плач» летописца, потрясенного размахом бедствия:

«Увы мне! како могу сказати беду ту грозную и тугу страшную, бывшую в великый мор, како везде туга и печаль горкаа, плачь и рыдание, крик и вопль, слезы неутешимы. Плакахуся живии по мертвых, понеже умножися множество мертвых и в градах мертвые, и въ селех и в домех мертвые, и во храмах и у церквей мертвые. Много же мертвых, а мало живых, тем не успеваху живии мертвых опрятывати, ниже доволни беху здравии болящим послужити, но един здрав и десятерым болеь на потребу да послужить.

(Составитель Никоновской летописи вставляет здесь собственное красочное суждение: „И бысть скорбь велиа по всей земли, и опусте земля вся и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимыа...“ (42, 3). — Н. Б.)

Погребаху же овогда два, три в едину могилу, овогда же 5, 6, иногда же до десяти, есть же другоици егда и боле 10 в едину могилу покладаху, а въ дворе инде един человек остася, а инде два, а инде же един детищъ остася, а инде мнози дворы пусты быша» (43, 76).

Под тем же годом Рогожский летописец сохранил тверское по происхождению известие: «В лето 6873 (1365) бышет мор на люди в Кашине...» (43, 78).

Рюриковичи несут потери

Печальный ряд известий о бедствиях чумы в Рогожском летописце сопровождается целой подборкой некрологов князей и княгинь ростовского и тверского дома.

В Москве положение было не лучше, чем в Твери. Продолжим тему «Великого мора» под 6874 (1366) годом, Рогожский летописец отмечает: «Бысть мор велик на люди в граде Москве и по всем волостем московским по тому же, яко же прежде был в Переяславли, яко же преди сказахом и написахом» (43, 81).

Никоновская летопись сообщает и кое-что новое относительно эпидемии чумы в 1366 году: «В лето 6874. Бысть знамение на небеси. Того же лета бысть мор велик въ граде Москве и по всем властем Московским. Того же лета бысть мор на Волоце велик зело. Того же лета бысть мор в Литве велик зело, Того же лета бысть сухмень и зной велик, и въздух куряшеся и земля горяше, и *бысть хлебна дороговь повсюду и глад велий по всей земле, и с того люди мряху*» (42, 6).

Известие о «великом гладе» и дороговизне хлеба по всей Русской земле в 1360-е годы согласуется с наблюдениями медиевистов: в Западной Европе эпидемия чумы приходила одновременно с голодом и в значительной мере как его последствие.

В поисках спасения

В отличие от «черной смерти» 1352–1353 годов, когда господствовала легочная форма чумы, эпидемия 1364–1366 годов явилась сразу в двух видах — легочной («хракаху кровию») и бубонной («железою мряху»). Именно эта эпидемия унесла мать Дмитрия Донского княгиню Александру и его младшего брата Ивана. Но будущий герой Куликова поля остался жив и невредим...

Что спасло княжича Дмитрия от «черной смерти»? Рука Всевышнего? Случайность? Крепкий организм? Забота и предусмотрительность матери, княгини Александры? Разумеется, мы никогда не узнаем точного ответа. Однако попробуем поставить вопрос несколько иначе: что было наилучшим способом уберечься от заразы? Здесь можно высказать некоторые предположения.

Обращение к врачам и их услуги сразу выносим за скобки. Даже в Западной Европе врачи в XIV столетии практически ничего не могли поделать со страшной болезнью. Русские источники вообще не упоминают их в этой связи. Столь же мало пользы могло принести и обращение к знахарям и колдунам. Остается обратиться к наблюдательности и сообразительности самих потенциальных жертв чумы.

Люди еще в глубокой древности заметили, что страшная болезнь

передается при общении больного человека со здоровым. Невидимая зараза витает в воздухе, окружающем больного и отравленном его смрадным дыханием. Отсюда следовал простой вывод: больные должны подвергнуться строгой изоляции. Никто не смеет выходить из дворов, деревень, сел и городов, где замечена чума. Нарушители подлежат немедленной казни. Так поступали в средневековой Европе. Так должны были действовать правители русских земель и княжеств в эпоху Дмитрия Донского.

Однако летописцы, столь внимательные к симптомам болезни и ареалу ее распространения, по непонятным причинам ни слова не говорят о борьбе тогдашних властей со страшной опасностью. Может быть, эта борьба не вписывается в общую трактовку чумы как наказания за грехи. А может быть, летописцы, как и во многих других случаях, не считали нужным писать о самоочевидных вещах... Как бы там ни было, но при восстановлении картины «Великого мора» 1360-х годов приходится закрыть бесполезную летопись и обратиться к текстам иного происхождения.

Яркую и жуткую картину московских чумных карантин в 1570 году рисует в своих «Записках» немец-опричник Генрих Штаден:

«...Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался, и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах.

И все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было, — с повозкой, седлом и уздечкой.

Многие тысячи умерших в этой стране от чумы пожирались собаками.

Чума усиливалась, а потому в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу. В Московском государстве по большим дорогам были построены особые церкви; в них ежедневно молились, чтобы Господь смилостивился и отвратил от них чуму» (353, 50).

Предвидя желание людей бежать из охваченных чумой русских земель в другие страны (а может быть, и опасаясь случайного или умышленного переноса заразы из-за рубежа), Иван Грозный усилил и без того строгий режим на границах. «Все окрестные границы были закрыты, и во время голода и чумы никто не мог убежать из опричнины в другую страну; а кого хватили на польской границе, тех сажали на кол, некоторых вешали» (353,

59).

Сто лет спустя меры, принимаемые властями для предотвращения распространения чумы, оставались практически теми же, хотя и не столь свирепыми, как при Иване Грозном. Это бедствие случилось летом 1654 года. В то время как царь Алексей Михайлович с войском находился под Смоленском, Москву посетила чума. Фактически глава боярского правительства патриарх Никон распорядился подготовить выезд царицы Марии Ильиничны и ее детей в Макарьев Калязинский монастырь. Эта окруженная высокими стенами обитель находилась в двух сотнях верст к северу от Москвы, в уединенном месте на правом берегу Волги. Отправив царское семейство, Никон по царскому указу покинул зараженную столицу. Вслед за патриархом из Москвы стали разбегаться и приходские священники. Некому стало причащать и отпевать многочисленных жертв эпидемии. Это вызвало возмущение горожан. Но тайной заботой оставалось находившееся под Смоленском московское войско. Там, в полевом лагере, чума могла собрать самую обильную жатву.

«Чтобы сберечь государя и войско, поставлены были крепкие заставы на Смоленской дороге, также по Троицкой, Владимирской и другим дорогам; людям, едущим под Смоленск, велено говорить, чтобы они в Москву не заезжали, объезжали около Москвы. Здесь в государевых мастерских палатах и на казенном дворе, где государево платье, двери и окна кирпичом заклали и глиною замазали, чтоб ветер не проходил; с дворов, где обнаружилось поветрие, оставшихся в живых людей не велено выпускать: дворы эти были завалены и приставлена к ним стража» (310, 605).

«Зараженные деревни велено было засекать и расставлять около них сторожи крепкие, на сторожах разложить огни часто; под смертную казнию запрещено было сообщение между зараженными и незараженными деревнями».

В Москве смертность была катастрофической. «На боярских дворах: у Бориса Морозова умерло 343 человека, осталось 19; у князя Алексея Никитича Трубецкого умерло 270, осталось 8; у князя Якова Куденетовича Черкасского умерло 423, осталось 110; у князя Одоевского умерло 295, осталось 15; у Никиты Ивановича Романова умерло 352, осталось 134; у Стрешнева изо всей дворни остался в живых один мальчик и т. д.» (40, 607). Такого же порядка убыль населения наблюдалась тогда и в главных русских городах.

Уединение как лекарство от чумы

Европейское Средневековье сохранило много свидетельств людей, переживших эпидемию чумы. Большой интерес проявляют к этому материалу западные историки. Благодаря этому мы имеем немало наблюдений, позволяющих лучше представить ситуацию не только в Европе, но и на Руси в годы «Великого мора».

«Чужаки были подозрительными. Когда приближалась эпидемия, городские ворота закрывали, приезжих не пускали, ввезенный товар распаковывать не решались. Родственников и друзей больше не было. На флюгер смотрели с тревогой. Ветер, дувший из зараженных краев, нес смерть...

...В сельской местности избежать недуга можно было в небольшом имении, как следует изолировав его и хорошо запасаясь продуктами, но в деревенской общине укрыться от него было почти невозможно. Зараза там, несомненно, распространялась медленней и трудней, чем в городе, и община вполне могла жить достаточно замкнуто, причем эпидемия усугубляла замкнутость, парализуя торговлю, которую обычно стимулировал город. К тому же при сравнительно редком населении крестьянину было проще не покидать усадьбы, чем подмастерью — свой дом: за жалованьем ему приходилось идти в мастерскую, а за хлебом — к булочнику. И затем, если „полевая крыса“ — соня, лесная мышь — наносила ущерб урожаю, то большая черная крыса, переносчица чумы, редко встречалась вдали от городов. В сельской местности главным носителем эпидемии был человек...

...Что до остального, то надо жить дома, плотно закрывать окна и двери, избегать зловония городских площадей, а тем более парилен. Богачей для борьбы со зловонием убеждали жечь ладан, алоэ, орехи, мускус, камфару. Если кого-то пугают затраты, пусть жжет хотя бы сушеные фиги. Всё это мало что давало, но зато отгоняло мух» (325, 152–160).

Нет худа без добра

Итак, масштабы бедствия и при Донском, и при Грозном, и при первых Романовых были примерно одинаковыми. Но каковы были политические, экономические и духовные последствия этого бедствия? Можно ли в прямых последствиях эпидемии 1350-х и 1360-х годов усмотреть какой-

либо исторический креатив?

Карамзину принадлежит известный парадокс: Москва обязана своим величием ханам. Правильно понятый, этот парадокс содержит в себе глубокую историческую истину. Выражаясь в стиле Карамзина, можно утверждать: Москва обязана своим величием чуме...

В результате эпидемии в середине XIV века резко сократилось количество «игроков» не только на политическом, но и на любом другом поле. Выжившие умножили свою власть и собственность за счет умерших. На всех уровнях — от крестьянской избы до княжеского дворца — произошла своего рода «консолидация власти и собственности». И Московское и Тверское княжества оказались в руках одного-двух правителей. То же относится и к другим регионам. Да и сами правители стали действовать с безоглядной уверенностью.

Победитель, выигравший схватку в этом предельно сузившемся кругу, мог получить почти всё. Объединение страны под властью одного правителя стало реальной перспективой.

В Западной Европе роль «водостока» для количественных излишков правящей элиты играли крестовые походы. Там погибали (или надолго оставались в Святой земле) наиболее влиятельные и энергичные представители младших линий европейских династий. Это помогало королям «собирать страну». На Руси функцию «водостока» выполняла «черная смерть». Источники не позволяют назвать сравнительные цифры человеческих потерь в русских княжествах. Пострадали, конечно, все. Но в разной степени. Соответственно, и военный потенциал княжеств существенно изменился. Но опять же — в разной степени. Но думается нам, что потери Москвы были сравнительно невелики. Вот некоторые основания для такого мнения.

Беспощадная и полная изоляция заболевших, а также перекрытие дорог воинскими заставами приносили больше пользы там, где эти меры выполнялись более четко. Иначе говоря, для борьбы с чумой нужны были силы и средства. И нужна была основанная на страхе наказания строгая исполнительская дисциплина. Эпидемия стала проверкой работоспособности военно-полицейской системы. Прежде всего нужно было перекрыть движение по дорогам. К началу эпидемии московские князья уже достигли определенных успехов в этом направлении. Современники хвалили Ивана Калиту за то, что он «исправил Русьскую землю от татей и от разбойник» (18, 465). В сущности это и означало установление контроля на дорогах. Теперь этот опыт пригодился его сыновьям для борьбы с чумой...

Выжившие

Итак, князь-отрок ускользнул от холодных объятий чумы. Это спасло Москву от большой беды. Московская династическая ситуация по состоянию на 1364 год складывалась так, что в случае кончины Дмитрия верховная власть в княжестве могла перейти к младшей, серпуховской линии потомков Калиты, а именно — к Владимиру Серпуховскому. Такие переходы обычно сопровождались перетасовкой правящей элиты, а следовательно — заговорами и смутой.

Вдова Ивана Красного княгиня Александра готова была на всё, чтобы не допустить подобного поворота событий. И как мать, и как душеприказчица Ивана Красного она видела свою задачу в том, чтобы уберечь Дмитрия от болезни, которая унесла его дядю Семена и, вероятно, отца.

«Лучший рецепт от чумы — убежать пораньше и подальше, а вернуться попозже», — гласит французская поговорка (255, 62). Лучшее, что могла придумать княгиня, это отправить старшего сына на время в какое-нибудь укромное место в лесной глуши. Вероятно, именно так она и поступила. При этом сама княгиня вместе с младшим сыном, вероятно, осталась в Москве. В охваченном бедствием городе в любой момент грозил вспыхнуть бунт. Александра не могла оставить смятенную столицу на попечение бояр. Это решение спасло жизнь Дмитрию, но стоило жизни его матери и малолетнему брату.

Глава 5

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Мир после Черной чумы — это не мир до чумы в уменьшенном виде.

Жан Фавье

Последствия двух опустошительных эпидемий были многообразны. Они проявились и в экономике, и в политических отношениях, и в области духовной жизни и носили не только количественный, но и качественный характер. В силу лучшей сохранности источников это более отчетливо прослеживается на Западе, но вполне справедливо и для Руси.

Безлюдье

Главный результат чумы — гибель многих тысяч людей — сам по себе пагубно воздействовал на экономику страны. Известно, что средневековая Русь имела весьма низкую плотность населения. В географическом отношении это была однообразная равнина, поросшая лесом и изрезанная множеством мелких рек и речушек, местами растекавшихся в унылые болота. Крестьяне жили в деревнях, состоявших из двух-трех дворов и отделенных одна от другой многими верстами дремучих лесов. Древнейшие поселения располагались у впадения одной реки в другую, но со временем деревни поднялись на водоразделы. Уединенная жизнь в лесу не проходила даром. Внутри маленьких крестьянских общин обычным делом были браки между близкими родственниками, приводившие к рождению неполноценного потомства.

В Окско-Волжском междуречье плодородие земли было низким, а суровый и переменчивый климат нередко сводил к нулю все усилия земледельцев. В результате рост населения естественным образом ограничивался возможностями сельского хозяйства. Крестьянин едва мог прокормить себя и свою семью и уплатить подати. Товарное производство хлеба и других продуктов питания, необходимых для городов, было крайне ограниченным. Проще говоря, деревня не могла прокормить большие города. Горожане (среди которых преобладали беглецы из деревень) вынуждены были помимо своего ремесла заниматься крестьянским трудом.

Многие горожане существовали за счет собственного сада, огорода и скотного двора.

Города Северо-Восточной и Северо-Западной Руси обычно представляли собой большие деревни, центр которых был окружен низенькими бревенчатыми стенами с башнями. Даже население Великого Новгорода в XIV–XV веках специалисты определяют в 30–40 тысяч человек. Во Пскове в середине XVI века проживало не более 15 тысяч человек (87, 30). Население Москвы росло весьма динамично. Но в XIV столетии Белокаменная едва ли была больше Великого Новгорода. Прочие города были не столько центрами ремесла и торговли, сколько феодальными замками, окруженными жилищами зависимых людей. Их население не превышало нескольких тысяч жителей. В социальном отношении горожане — многие из которых были холопами живших в городе феодалов — не проявляли особой активности.

При таких демографических параметрах потеря примерно трети населения страны была настоящей катастрофой.

Безденежье

В условиях эпидемии всякая предпринимательская деятельность, и прежде всего торговля, практически замерла. И дело было не только в сокращении производства по причине смерти самих производителей товаров. Купцы не могли перевозить товары из города в город, так как городские ворота были закрыты для чужаков, а по дорогам стояли карантины. Ямские станции и постоялые дворы обезлюдели. На опустевших торговых площадях рыскали стаи потерявших хозяев голодных собак. И лишь унылый погребальный звон свидетельствовал о том, что кто-то в этом мире всё еще исполняет свои обязанности.

Запустение городов обострило финансовую проблему: именно горожане были основными налогоплательщиками. Самым тяжелым налогом был ежегодный ордынский «выход». В Орде финансами ведали мусульманские купцы-откупщики. Они определяли размер дани, причитавшейся с княжества или города, в зависимости от численности населения, установленной в результате переписи. Летописи знают перепись 1257–1259 годов, но не дают сведений о том, как часто эти переписи повторялись.

Чума поставила налоговый вопрос с новой остротой. Русские княжества и земли в разной степени пострадали от эпидемии, но все хотели

по случаю мора получить скидку по ордынскому «выходу». А между тем ханская канцелярия и ее представители на Руси требовали уплаты по старым расценкам. Опустевшая страна не могла исполнить эти требования. Долговая петля затягивалась всё туже и туже. Именно поэтому в 60-х и начале 70-х годов XIV века между Москвой (как столицей великого княжения Владимирского) и Ордой назревало драматическое «розмирие»...

Рынок труда и услуг

Сокращение населения усилило борьбу за свободные рабочие руки. Землевладельцы зазывали немногих уцелевших крестьян всевозможными льготами, ремесленники привлекали подмастерьев повышением оплаты. Но наибольшим спросом на рынке труда пользовался ратный труд. Чума изменила соотношение сил русских князей, пробудила в одних страх потерь, а в других — жажду захватов. Летописи редко сообщают реальные цифры убыли населения в том или ином городе. Однако ясно, что потери были весьма различными. «Черная чума наносила удары неравномерно, и действие компенсаторных механизмов восстанавливало равновесие по-разному» (325, 167).

Вторая волна чумы («Великий мор» 1360-х годов) совпала с «замятней» в Орде. Теперь ничто не мешало разгулу хищных инстинктов. Если прежде Орда следила за сохранением определенного баланса сил в Северо-Восточной Руси, то теперь она была занята собственными проблемами — напряженной борьбой за ханский трон в условиях резкого сокращения общей численности населения в результате эпидемии.

Рынок военных услуг имел собственные расценки, колебавшиеся в зависимости от спроса и предложения. На Руси чума повысила расценки на услуги кондотьеров. Профессиональный воин пользовался правом свободного перехода из одной княжеской дружины в другую. Соответственно, князь делал всё возможное, чтобы удержать его у себя на службе, и за нехваткой денег щедро расплачивался вотчинами.

Поземельных актов этого периода сохранилось очень мало. Но можно думать, что в результате высокой смертности от чумы множество оставшихся без хозяев полей было безнаказанно присвоено «сильными мира сего». Происходила быстрая концентрация земельных владений в руках крупной знати и в рамках великокняжеского домена.

Обездоленные

Эпидемия чумы оказала глубокое и противоречивое воздействие на Русскую церковь. В основе всего лежало «пробуждавшееся с каждой эпидемией острое сознание гнева Божьей» (338, 188). Охваченные паникой люди пытались спастись от Божьего гнева путем щедрых пожертвований как движимых, так и недвижимых имуществ духовенству. Многие давали обет в случае спасения принять монашеский постриг и посвятить себя служению Богу. Прежде полузабытые «тихие обители» теперь были переполнены насельниками.

В Западной Европе две страшные эпидемии «черной смерти» в середине XIV века вызвали всплеск покаянных настроений, вылившийся в массовое движение *флагеллантов*. Эти «бичующиеся» в экстазе наносили себе глубокие раны плетью с железными наконечниками. Обличая пороки церкви, они считали, «что дорога к спасению идет за пределами церковных структур, вдали от авторитета папы и общепринятых литургий» (365, 164). Всплеск религиозного энтузиазма в его самой крайней форме, вероятно, имел место и на Руси. Церковные летописцы обходят эту тему. Но не отсюда ли — из покаянных настроений перед лицом неминуемой гибели — зародившееся в середине XIV столетия движение новгородских стригольников, исповедовавшихся на площадях у покаянных крестов и напряженно искавших прямых путей общения с Богом?

Около церковных стен искали спасения тысячи обездоленных, потерявших во время «Великого мора» семью, друзей и средства к существованию. Чудом избежавшие смерти люди жаждали новых чудес. Этот поток почти безумных энтузиастов не вмещался в русло существовавших в то время церковных институтов.

В западноевропейских странах именно монашество оказалось на переднем крае духовного противостояния ужасам эпидемии. В то время как приходские священники зачастую бежали из городов, спасаясь от заразы, монахи нищенствующих орденов мужественно шли исповедовать и причащать умирающих, совершали по ним заупокойные службы.

На Руси ничего подобного не происходило. Городские и пригородные монастыри жили по *особножительному уставу* и фактически являлись «подсобным хозяйством» своих ктиторов. В этих обителях процветала частная собственность, а образ жизни инока зависел от его личного богатства. *Особножительные монастыри*, в силу своей «обмирщенности», не могли стать рассадниками жертвенности и героизма, не могли должным образом освоить поток жертвований, принять толпы новых братьев и оказать помощь обездоленным. А главное — они не могли превратить религиозный пыл людей, спасенных Богом от «черной смерти», в

«системные» подвиги благочестия. Эту задачу могли решить только стройные, как македонская фаланга, и способные к бесконечному воспроизведению своей четкой структуры монастыри *общего жития*. Их быстрое распространение во второй половине XIV — первой половине XV века стало своего рода «монастырской реформой».

Успех любой реформы во многом зависит от осуществляющих ее деятелей. Реформа консервативного по своей природе и при этом весьма амбициозного монашеского мира требовала от ее исполнителей незаурядных личных качеств.

Новое вино и новые мехи

В эпоху чумы на рынке труда — понимаемом предельно широко — открылось множество вакансий. И это были не только «рабочие руки». Появился спрос на пророков и праведников, на людей, способных оживить веру делами. И к чести Русской церкви в ее рядах такие люди нашлись. Первым среди них был митрополит Алексей, сумевший не только правильно понять проблему «избыточного энтузиазма», но и найти такое решение, которое позволило практически без репрессий сохранить церковное единство. Избыточную покаянную энергию удалось направить в русло материального и духовного созидания.

Ближайшим сотрудником святителя в этом деле стал «великий старец» — игумен Сергей Радонежский.

Из чумного бреда и смрада мертвых деревень, из греха и покаяния, из безысходности и надежды рождались Московское государство и его историческое оправдание — Святая Русь.

Глава 6

СЛИШКОМ ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина.

Иез. 18,2

Традиция была одним из устоев русского Средневековья. Цель жизни человека состояла в том, чтобы следовать заветам отцов и дедов. Князь Дмитрий сравнивал свои дела с делами отца — Ивана Красного. Но что мы знаем о его отце? Практически ничего.

Для огромного большинства людей история представляется своего рода кукольным театром, где образы действующих лиц очерчены резко и узнаваемо. В этом театре отцу Дмитрия Донского московскому князю Ивану Ивановичу досталась далеко не героическая роль. Он предстает перед потомками в образе человека доброго и кроткого, но недалекого, а в качестве правителя — полного ничтожества.

Заслужил ли отец Дмитрия свою неприглядную роль или это всего лишь проигрышный билет, который по ходу пьесы всё равно должен был кому-то достаться? Вот вопрос, над которым стоит поразмыслить, если мы хотим понять главного героя нашей книги — самого князя Дмитрия Ивановича.

Взгляд Карамзина

В источниках не сохранилось практически никаких сведений о семейной жизни князя Ивана Красного. О его способностях как правителя можно судить только по результатам его правления для Москвы и для Руси. Но и результаты эти не вполне очевидны.

Карамзин представил Ивана как человека «тихого, миролюбивого и слабого» (166, 530). Понятно, что такие качества становятся пороками для человека, наделенного верховной властью. Вечная тема трагической несовместимости власти и морали красной нитью проходит через всю «Историю» Карамзина. Рассказывая о правлении Ивана Красного, историк высказывает суждение в духе Макиавелли — одного из самых любимых своих авторов: «Время государей тихих редко бывает спокойно: ибо

мягкосердечие их имеет вид слабости, благоприятной для внешних врагов и мятежников внутренних» (166, 530).

Согласно Карамзину, добросердечие Ивана становится причиной всех несчастий его княжения. «Кроткий Иоанн уклонился от войны с Олегом...» А между тем рязанский князь захватил значительную часть Московского княжества. «Даже церковь российская в Иоанново время представляла зрелище неурядицы и соблазна для христиан верных...»

Образ «кроткого» и «дремлющего» князя Ивана, созданный золотым пером Карамзина, остался жить в отечественной историографии.

Доказательствами предполагаемой «слабости» Ивана Красного были для Карамзина два обстоятельства. Первое — характеристика Ивана в кратком сообщении Никоновской летописи о его кончине.

«В лето 6867 (1359). Преставися благоверный, и христолюбивый, и кроткий, и тихий, и милостивый князь велики Иван Иванович во иноцех и в схиме...» (41, 230).

Однако очевидно, что стереотипный набор христианских добродетелей князя — не более чем дань литературному этикету. Не подтвержденные другими источниками, они выглядят столь же схематично, сколь и житийные добродетели святых. Примечательно, что почти такую же характеристику дает летописец и свергнутому с престола ордынскому хану Хидырю. «И убиен бысть царь Хидырь, тихий и кроткий и смиренный» (41, 233). А между тем это был отъявленный головорез, пришедший к власти по трупам своих врагов.

Другим свидетельством «слабости» Ивана Красного, его несостоятельности как правителя Карамзин считал таинственное убийство московского боярина Алексея Петровича, о котором Рогожский летописец сообщает под 6864 (1356) годом. Историк украшает это происшествие витиеватой словесной рамкой. «В самой тихой Москве, не знакомой с бурями гражданского своеволия, открылось дерзкое злодеяние, и дремлющее правительство оставило виновников под завесою тайны...» (166, 532).

Присмотримся внимательнее к описанию этого события в летописях. Начнем с первичного по времени рассказа Рогожского летописца, восходящего к тексту общерусского летописного свода рубежа XIV–XV веков.

«Тое же зимы (1356/57) на Москве вложишет дьявол межи бояр зависть и непокорьство, дьяволим научением и завистью убиен бысть Алексии Петрович[ъ] тысяцкий месяца февраля в 3 день, на память

святого отца Семеона Богоприемца и Аяны пророчицы, в то время егда заутренюю благовестять, убиение же его дивно некако и незнаемо, аки ни от ко[го]же, никимь же, токмо обретеса лежа на площади. Неции же рекоша, яко втаю свет сотвориша и ков коваша на нь и тако всех общемоу, да яко же Андреи Боголюбый от Кучькович, тако и сии от своеа дружины пострада. Тое же зимы по последьнему пути болший бояре Московские того ради убийства отъехалаша на Рязань с женами и з детьми» (43, 65).

Никоновская летопись дает вольный пересказ известия Рогожского летописца (точнее, его протографа — московского свода начала XV века), прибавляя только одну подробность. После фразы о том, что боярин был убит, «якоже князь велики Андрей Боголюбский от Кучковичев», составитель Никоновской летописи продолжает: «И бысть мятеж велий на Москве того ради убийства» (41, 229). Однако эту подробность можно объяснить и как реальное событие, и как продолжение литературно-исторической параллели. В Повести об убиении Андрея Боголюбского ярко рассказано о беспорядках во Владимирской земле после гибели «самовластца» (33, 592). И в жизни, и в ее литературном отражении после убийства правителя наступал краткий период безвластия и разгула городской черни, всегда готовой к погромам и грабежам.

Безусловно, убийство тысяцкого вызвало в Москве немалое волнение. Однако власти сохраняли контроль над ситуацией. До погромов и убийств предполагаемых виновников гибели тысяцкого дело не дошло. Примечательно, что бояре, на которых пало подозрение в убийстве (или которые опасались разделить участь своего убитого приятеля), вынуждены были покинуть Москву только около двух месяцев спустя, «по последнему пути». Их отъезд «с женами и с детьми» не был бегством, а скорее публичной реализацией законного права вольного человека на смену сюзерена. Такой отъезд мог быть осуществлен только в присутствии князя, который обязан был исполнить свое обязательство не препятствовать переезду служивших ему вольных людей в другое княжество.

Очевидно, князь Иван Иванович во время гибели тысяцкого находился в Орде. Скорый гонец, передвигаясь от яма к яму, мог преодолеть расстояние от Москвы до Сарая по зимнему пути примерно за три недели. Узнав неприятную новость, князь Иван поспешил с возвращением в Москву. На сборы и улаживание ордынских дел ушло не менее недели. Две-три недели заняла обратная дорога. В итоге князь Иван вернулся в Москву где-то в конце марта. Рассмотрев дело, он вынес вердикт, содержание которого мы не знаем, но следствием которого стал

торжественный отъезд московских бояр в Рязань. Подготовка к отъезду заняла у бояр не менее недели. В итоге они выехали из Москвы в точном соответствии с летописным известием — «*по последнему пути*».

Таким образом, в этой истории князь Иван как правитель выглядит вполне достойно. Он принимает решения и сохраняет контроль над ситуацией. Никаких оснований упрекнуть его в «слабости» источники не дают.

Тело на площади

И всё же убийство тысяцкого остается одним из самых загадочных событий в истории ранней Москвы. Загадочна уже сама титаническая фигура Алексея Петровича Хвоста Босоволокова. Доверенное лицо Семена Гордого, исполнившее почетную и ответственную миссию по сватовству и сопровождению из Твери в Москву невесты великого князя... Боярин, для борьбы с которым потребовались общие усилия трех московских князей... Крепкий хозяин, восставший из пепла великокняжеской опалы с конфискацией имущества...

И наконец — носитель странного прозвища, в котором смешаны славянские и тюркские мотивы. Загадочный «босый волк» из «Слова о полку Игореве» — вкрапление в текст древнерусской героической саги тюркского (половецкого) слова «босый», то есть «серый». Итак, прозвище боярина — Хвост Серого Волка. В этом уникальном прозвище угадываются какие-то восточные мотивы. И не там ли, в половецко-монгольских степях, следует искать истоки его необычайного положения в Москве? Впрочем, прозвище может быть и вполне реалистичным. Возможно, боярин Алексей Петрович как знак особого отличия (или родовой чести) носил на шапке пышный волчий хвост.

Не претендуя на окончательное решение этой загадки, попробуем вписать конкретное событие — убийство московского тысяцкого — в исторический контекст.

Начнем с календарной канвы происшествия. Хронология Рогожского летописца весьма сбивчива. Современные исследователи полагают, что «составитель Рогожского летописца придерживался мартовского начала года (мартовского стиля летосчисления)» (139, 25). В некоторых случаях имеет место *ультрамартовский* стиль, отстающий на один год от мартовского. Однако интересующее нас известие датировано мартовским стилем. Следовательно, датировку можно уточнить. Убийство произошло

между 1 марта 1356-го и 28 февраля 1357 года. Таким образом, указанная летописцем дата события — 3 февраля — раскрывается как пятница, 3 февраля 1357 года. В этом году Прощеное воскресенье (канун Великого поста) приходилось на 19 февраля, а неделя (воскресенье) Мытаря и фарисея, с которой начинается приготовление к Великому посту, — на 29 января. С понедельника, 30 января, начиналась так называемая Сплошная седмица, когда без всяких ограничений, даже в среду и пятницу, разрешалось употребление скоромной пищи. Проще говоря, это было время пиров и застолий, особенно усердных 2 февраля по случаю двенадцатого праздника Сретения.

На одном из таких пиров и засиделся, вероятно, боярин Алексей Петрович Хвост. Отказавшись от услуг перепившейся охраны, он в одиночку отправился домой по тесным улочкам ночной Москвы. Эта хмельная отвага стоила ему жизни. Наутро Алексея Петровича нашли мертвым на одной из городских площадей.

Объяснения этого трагического происшествия могут быть самыми разными.

Версия первая, *бытовая*.

В средневековой Москве опасность подстерегала каждого во мраке зимней ночи. Лишь во времена Ивана III в Москве появились ночные караулы, а улицы стали с наступлением темноты запирались решетками. Не лучше было и в других городах. Летописи рассказывают, что зимой 1460 года московский воевода Федор Басенок, прибывший в Новгород в свите великого князя Василия Темного, однажды допоздна засиделся на пиру у посадника. Наконец, поднявшись из-за стола, он собрался и с небольшой свитой отправился через спящий город в резиденцию московских гостей на Городище. В одном из темных проулков на москвичей налетела шайка ночных грабителей — «шильников». Бравый воевода едва сумел отбиться и умчался прочь, потеряв убитым одного из своих слуг (48, 156).

Версия вторая, *политическая*.

Летописец явно сочувствует убитому и настойчиво повторяет слух о том, что Алексей Петрович стал жертвой зависти других бояр к его высокому положению. Он сравнивает его участь с участью горячо почитаемого во Владимире князя Андрея Боголюбского. Основанием для такого неожиданного сравнения, по-видимому, был не только сам факт гибели боярина от рук заговорщиков, но и принадлежность заговорщиков — как и в истории Андрея Боголюбского — к его ближайшему окружению.

Взгляд Соловьева

Уже в трудах С. М. Соловьева истории гибели тысяцкого придается откровенно политический характер. Историк буквально понимает все утверждения летописца по этому делу.

«Всего замечательнее княжение Ивана следующим в Москве происшествием: мы имели уже случай говорить, что вследствие оседлости князей бояре должны были приобрести большее значение в княжестве; по той же самой причине и тысяцкий, как член княжеской дружины, как боярин, приобрел важное значение на северо-востоке. Теперь, при оседлости князей и переходе княжества от отца к сыну, тысяцкий получил возможность отправлять свою важную должность при нескольких князьях сряду без смены, следовательно, будучи посредником между князем и городовым народонаселением, имел возможность приучить народ к себе, приобрести его расположение не только для себя, но и для потомства своего, почему князья назначали в тысяцкие сына умершего чиновника для удовольствия народного: отсюда наследственность должности в одном доме. Ясно, что такая сила могла быть опасна прежде всего другим боярам, которых влияние стеснялось влиянием тысяцкого, а потом могла быть опасна и самой власти княжеской: отсюда интерес бояр, равно как интерес самого князя, требовал уничтожения сана тысяцкого. В описываемое нами время должность московского тысяцкого отправлял знаменитый боярин Алексей Петрович; гордый народным к себе расположением, он поднял крамолу против Симеона Гордого, но был изгнан и лишен своих волостей; все три брата — Симеон, Иван и Андрей поклялись не принимать в свою службу мятежного боярина, и несмотря на то, он является тысяцким при в. князе Иване. Зимой, 3 февраля 1357 года, рано во время заутрень, тело Алексея Петровича было найдено на площади со всеми признаками насильственной смерти. Никто не видал, как совершалось убийство, но слух шел, что бояре собирали на тысяцкого тайный совет и ковали ковы, и погиб он от своих товарищей, общей всех думой, как погиб Андрей Боголюбский от Кучковичей. Сильный мятеж встал в народе озлобленном или уступил требованиям граждан, неизвестно; известно только то, что в следующем году Иван перезвал к себе опять из Рязани двоих бояр» (311, 264).

Взгляд Веселовского

Знаток Московской Руси С. Б. Веселовский также видел в этом событии драматический эпизод борьбы за власть между московскими боярскими кланами. Не останавливаясь на этом, он пошел дальше и предположил, что за убийством Алексея Петровича стоял могущественный клан Вельяминовых.

«В том же договоре великого князя Семена с братьями (1350/51 года. — Н. Б.) впервые появляется на исторической сцене соперник Вельяминовых Алексей Петрович Хвост Босоволков. Незадолго перед тем он „вошел в коромолу к великому князю“ и подвергся опале. Неизвестно, в чем состояла крамола, но видно, что он был очень значительным человеком, с которым князьям приходилось очень считаться. Семен и его братья приняли на себя обоюдное обязательство не принимать на службу ни самого Алексея Петровича, ни его детей, не возвращать ему конфискованное имущество и не помогать ничем его жене и детям.

Однако через несколько лет опала была снята с А. П. Хвоста, и он стал боярином великого князя Семена. В 1347 г. А. П. Хвост и Андрей Иванович Кобыла исполняли очень почетное поручение — великий князь посылал их сватами в Тверь за своей невестой, княгиней Марьей Александровной, дочерью великого князя тверского.

Весьма вероятно предположение, что „коромолой“ Д. П. Хвоста было его чрезмерное честолюбие, проявленное в борьбе с Вельяминовыми за должность тысяцкого. Дело в том, что после смерти Протасия должность тысяцкого унаследовал его сын Василий. В промежуток времени между 1347 г., когда помилованный А. П. Хвост ездил сватом в Тверь, и 1356 г. Василий Протасьевич умер и должность тысяцкого вторично стала предметом борьбы. На этот раз Алексей Петрович одолел Вельяминовых, но эта победа стоила ему жизни. 3 февраля 1156 г. (следует: 1357-го. — Н. Б.), во время заутрени, Алексей Петрович был убит „дивно некак и незнаемо“ и найден лежащим на Кремлевской площади.

Летописцы рассказывают об этом крупном московском событии как-то сбивчиво, загадочно, с недомолвками. Одни говорят, что Алексей Петрович был убит „боярскою думою“, т. е. боярским заговором, другие выражаются менее определенно: „всех общею думою, яко же Андрей Боголюбивый от Кучковичь, тако и сий от своя дружины пострада“. Убийство было действительно „дивно“, т. к. вообще у бояр было обыкновение никуда не выходить без сопровождения вооруженных слуг, а здесь был покинут своей дружиной и убит не кто иной, как главнокомандующий Москвы и Московского княжения. Явно, что Алексей Петрович был предан и убит своими слугами, подкупленными его врагами из боярской среды.

Последующие события показывают, что убийство было совершено не „всех общему думою“, а боярской партией, которая встретила отпор со стороны третьей партии, настолько сильной, что эта последняя не позволила заговорщикам воспользоваться плодами своего преступления и поставила их под угрозу возмездия. Если они не были наказаны немедленно, то только потому, что великий князь был в это время в Орде» (112, 213).

Свидетельство духовных грамот

Итак, история гибели московского тысяцкого, скорее всего, отражает жестокую борьбу между боярскими кланами. Но нет никаких оснований видеть в этой истории свидетельство слабости князя Ивана Ивановича как правителя. Более того. Существуют свидетельства прямо противоположного характера. Тщательный анализ духовных грамот Ивана Красного и других актов той эпохи, выполненный современным исследователем, позволил увидеть отца Дмитрия Донского в совершенно ином свете.

«Духовные Ивана Ивановича свидетельствуют, что после смерти великого князя Семена Ивановича и его младшего брата Андрея в Московском княжестве произошел настоящий переворот. Единственный оставшийся в живых взрослый мужской представитель московского княжеского дома звенигородский удельный князь Иван Иванович захватил власть в свои руки. Он установил контроль над Серпуховским уделом скончавшегося князя Андрея Ивановича, управлял волостями этого удела своими великокняжескими боярами, но главное — занял московский великокняжеский стол. Вдова Симеона Гордого Мария Александровна была лишена наиболее крупных из завещанных ей мужем владений — городов Можайска и Коломны. У нее были отняты все можайские волости и несколько коломенских, она лишилась прав и привилегий на московские доходы и повинности населения. Если иметь в виду не форму, а существо, то необходимо заключить, что Иван Красный грубо нарушил духовную грамоту Симеона Гордого, которую скрепил собственной печатью. Завещательные акты самого Ивана Ивановича должны были узаконить совершившийся переворот и утвердить новый порядок вещей: обеспечение преемственности великокняжеской власти за старшим сыном Ивана Дмитрием» (213, 278).

Таким образом, Иван Красный был сильным и склонным к произволу

правителем, обладавшим стратегическим мышлением. Стремясь к сосредоточению земли и власти в руках старшего сына (и тем самым, в конечном счете, — к единовластию), он задевал интересы других членов московского княжеского дома и стоявших за ними групп правящей элиты. Отсюда — жестокие столкновения, борьба «партий», в которую был вовлечен и сам князь. И не отсюда ли неожиданно ранняя кончина князя — в возрасте тридцати трех лет — в год, когда летописи не сообщают о каких-либо эпидемических явлениях?

Дмитрий унаследовал от отца проблему выстраивания отношений с боярством и решал ее традиционным методом кнута (репрессий) и пряника (пожалований). Но соотношение этих методов Дмитрий существенно изменил в пользу кнута.

И еще одна черта, которую можно понимать как преемственность политики отца и сына. Под 6876 (1358) годом летопись сообщает о том, что московский князь Иван Иванович позволил себе необычайную смелость: не впустил в свои владения ордынского «великого посла царева сына» Момат Хожу (41, 230). В этой истории много неясного. Лаконичное летописное сообщение можно понять так, что «посол» занимался размежеванием спорных владений в Рязанской земле и собирался продолжить свою деятельность в Московском княжестве. Не ожидая от этого «землемера» ничего хорошего, князь Иван «не пусти его во свою очину в Русьскую землю» (43, 67). Эта смелость осталась для Ивана без последствий, так как «посол» вскоре стал жертвой каких-то придворных интриг в Орде.

Об этой истории говорила тогда вся Москва. Такого рода события, точно кованные гвозди, были вбиты в семейную память потомков Калиты. Придет время — и Дмитрий, идя по стопам отца, не пустит в свои владения татарский отряд, опустошавший Рязанское княжество. Это произойдет летом 1373 года (43, 104). А еще год спустя молодой московский князь окончательно выйдет из подчинения Орде...

Воспитание сына

Помимо политических уроков, преподанных на личном примере, князь Иван, безусловно, заботился о воспитании старшего сына, наследника престола при помощи обычных уроков. После его кончины эта забота перешла к матери, княгине Александре, воспитателю княжича («дяде») Василию Вельяминову, а более всех — к «ангелу-хранителю» московского княжеского семейства митрополиту Алексею.

Не знаем, какие успехи показывал будущий полководец за школьной партой. Но никак не можем согласиться с тем, что воспитанник митрополита Алексея — ученейшего человека своего времени, создавшего собственный перевод Евангелия с греческого языка на русский — в зрелом возрасте «не умел ни читать, ни писать» (206, 73). Основанием для такого суждения служит одна слишком буквально понятая фраза в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» (в редакции Никоновской летописи). Восхваляя покойного князя, агиограф (возможно — Епифаний Премудрый) восклицает: «Еще дръзну несрамно рещи о житии великаго князя и царя Русскаго Дмитриа Ивановича, да, се слышаще, царие и князи научитеся тако творити; сий убо от уныя версты Бога возлюби и духовных прилежаще делех; аще и книгам не учен сый добре, но духовныя книги в сердци своем имяше» (42, 112).

В этом тексте есть отмеченная издателями летописи неисправность (в рукописи «книгам научен»), а есть и своего рода метафоричность. Агиограф использует обычный для житийной литературы троп: будущий святой в детстве получает знание не так, как прочие дети, а в силу таинственной благодати. Противопоставление двух способов познания — рационального и иррационального — классический прием христианской риторики. В качестве примера можно вспомнить обучение грамоте преподобного Сергия Радонежского в изображении Епифания Премудрого: будущий святой превращается из «двоечника» в отличника благодаря встрече с ангелом в образе старца.

Картину школьных лет князя Дмитрия можно найти в трудах знаменитого русского историка С. М. Соловьева. Рассказывая о воспитании будущего царя Ивана Грозного (судьба которого во многом сходна с судьбой «царя Русского» Дмитрия Донского), историк пишет:

«Пытливый ум ребенка требовал пищи: он с жадностью прочел всё, что мог прочесть, изучил священную, церковную, римскую историю, русские летописи, творения святых отцов, но во всем, что ни читал, он искал доказательств в свою пользу; занятый постоянно борьбою, искал средств выйти победителем из этой борьбы, искал везде, преимущественно в Священном писании, доказательств в пользу своей власти, против незаконных слуг, отнимавших ее у него. Отсюда будут понятны нам последующие стремления Иоанна, стремления, так рано обнаружившиеся, — принятие царского титула, желание быть тем же на московском престоле, чем Давид и Соломон были на иерусалимском, Август, Константин и Феодосий — на римском; Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый

сознал вполне всё значение царской власти, первый, так сказать, составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически» (309, 414).

Именно так — или примерно так — можно представить отроческие мечты будущего «царя Русского» — великого князя Дмитрия Ивановича Московского.

Глава 7

СУЗДАЛЬСКИЙ СПОР

Горе тебе, земля, когда царь твой отрок.

Еккл. 10, 16

Московско-суздальская война 1360–1365 годов — первое серьезное дело, в котором Дмитрию довелось принять личное участие, — была вызвана не только ослаблением Москвы в связи с малолетством московского князя, но и очевидными правами суздальской династии на великое княжение Владимирское.

Существуют две версии происхождения суздальских князей XIV столетия. Первая — в Никоновской летописи, где князь Андрей Константинович Суздальско-Нижегородский (ум. 1365) представлен как «внук Василиев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, прапраправнук Александров» (42, 4). Это значит, что родоначальником суздальских князей был сын Александра Невского Андрей Городецкий. Однако большинство исследователей считают это сообщение ошибкой летописца или переписчика летописи (132, 141). Родословную суздальских князей они ведут от младшего брата Александра Невского князя Андрея Суздальского (201, 199; 74, 6).

Теория и практика

Из этих генеалогических и, так сказать, «теоретических» изысканий следовали вполне практические выводы. Если суздальцы происходили от Андрея Ярославича, брата Александра Невского, то тёзка, тесть и соперник Дмитрия Донского Дмитрий Суздальский был на одно поколение старше своего зятя. При «лествичном» подходе к наследованию великокняжеского стола это давало ему право первенства. Старинное правило «дядя старше племянника» нередко нарушалось, но в принципе никем не оспаривалось. Тот, кто брался за оружие во имя этого правила, в глазах окружающих представлялся борцом за «правду».

Но если суздальские князья XIV столетия происходили от Андрея Александровича Городецкого, сына Александра Невского, — Дмитрий Донской был на поколение старше своего тестя. В этом случае права

Дмитрия Донского на великое княжение Владимирское были столь очевидны, что не нуждались в особых доказательствах...

Под властью энергичного князя Константина Васильевича Суздальско-Нижегородское княжество быстро набирало силу. В 1350 году он перенес свой стол из Суздаля в Нижний Новгород. Это был важнейший в стратегическом отношении город Северо-Восточной Руси. Отсюда по Волге и Оке открывались дороги во все стороны. Пользуясь молчаливым попустительством Орды, Константин Васильевич развернул наступление на владения мордовских князей. Новое значение города символизировал построенный князем каменный Спасский собор.

В Москве на усиление Суздальско-Нижегородского княжества смотрели с хмурой настороженностью. Это была явная угроза дому Калиты. Глава большого семейства, Константин Васильевич во всех отношениях соответствовал роли великого князя Владимирского.

Смерть Семена Гордого 26 апреля 1353 года ослабила политический потенциал Москвы. Уставшие от многолетнего правления московской династии, русские князья осенью 1353 года собрались в ханской ставке, с нетерпением ожидая торжества Константина Васильевича Суздальского. О том же хлопотали и новгородцы, направившие к хану своего посла Семена Судакова (41, 226).

Однако хан по обыкновению не спешил решать столь важное дело. Князья в бесконечных застольях до хрипоты спорили о том, на чьей же стороне «правда». Все признавали «лествичный» принцип наследования верховной власти, так как понимали, что отказ от него приведет к полному хаосу и слепому произволу хана. Но при этом москвичи выстраивали «лестницу» верховной власти от Семена Гордого к Ивану Красному и далее к Андрею Серпуховскому. Суздальцы отстаивали свои собственные представления о преемственности владимирского венца: от Ивана Калиты к Александру Суздальскому и далее — к Константину Суздальскому.

Приехавший в Орду из зачумленной Москвы и всё еще охваченный страхом «черной смерти» Иван Красный имел мало надежд на успех. Но, видно, сам Господь строил путь этому 27-летнему счастливцу. Укрыв его от чумы, передав ему московский стол, Провидение теперь руками «вольного царя» Джанибека дало ему и великое княжение Владимирское. Недруги Москвы, понунив головы, разъехались по своим градам и весям.

Тревоги власти

Московско-суздальский спор на время затих. Однако обе стороны предвидели его возобновление и копили силы. Константин Васильевич Суздальский (конечно, по дозволению хана) в 1354 году женил сына Бориса на дочери великого князя Литовского Ольгерда (41, 227). Этот брак создавал серьезную угрозу для Москвы. В случае войны потомков Калиты с суздальским домом Ольгерд мог прийти на выручку зятю и нанести москвичам удар в спину.

Известно, что чем больше правители готовятся к войне, тем больше говорят о стремлении к миру. В 1355 году между Иваном Московским и Константином Суздальским был торжественно заключен мир. «Того же лета князь велики Иван Иванович взя любовь со князем Констянтином Васильевичем Суздальским», — сообщает всезнающая Никоновская летопись (41, 228). Однако договору этому не суждено было стать долгим по независящей от князей причине. 21 ноября 1355 года Константин Суздальский, самый опасный на тот момент соперник московского дома, ушел в мир иной.

Зимой 1355/56 года старший сын Константина Суздальского Андрей «поиде во Орду ко царю Чянибеку, Азбякову сыну, з дары; и чествоваше его царь, и пожалова его отчиною его, и даде ему стол отца его княжение Суздальское, и Нижний Новгород, и Городец» (41, 228).

Получив искомое, Андрей поспешил домой. Его визит в Орду уложился в одну зиму. «Тое же зимы прииде из Орды князь Андреи Костянтонович и седе на княжение в Новегороде в Нижнем», — сообщает Рогожский летописец (43, 64).

Такая необычная быстрота объяснялась двумя причинами. Во-первых, Нижний Новгород имел достаточно средств для того, чтобы вовремя и в полной мере платить ордынский выход. Во-вторых, права Андрея на отцовский стол не вызывали ни у кого сомнений. Наконец, Джанибек этой зимой был занят подготовкой к большой войне на юге и потому не желал вникать в бесконечные русские споры.

Кажется, это был последний визит русских князей ко двору Джанибека. В 1356 году правитель Золотой Орды предпринял поход в Иран. Военные действия складывались благоприятно для ордынцев. Завоевание Джанибеком «Тебризского царства» (город Тебриз, центр северного Ирана) отметили даже русские летописцы (41, 229). Однако в походе хан тяжело заболел. Он успел вернуться в свою столицу, где и скончался 22 июля 1357 года. Ходили слухи, что больного хана задушил его сын и наследник Бердибек (41, 229).

Русские летописцы с возмущением отмечают крайнюю жесткость

борьбы за верховную власть в Орде. Подстрекаемый своим советником «окаянным Товлублием», Бердибек убил не только отца, но и 12 своих родственников (согласно русским летописям — младших братьев) (41, 229; 266, 119). Однако мораль моралью, а политика — политикой. Убийца Бердибек пришел к власти в Орде, и русские князья поспешили выразить ему свои верноподданные чувства.

«Того же лета поидоша вси князи во Орду к новому царю Бердибеку» (41, 229). Судя по всему, Бердибек сохранил за суздальскими князьями все их владения. Московско-суздальское военно-политическое равновесие оставалось краеугольным камнем ордынской политики в Северо-Восточной Руси.

Кровавый хан Бердибек правил Ордой около двух лет. Даже для привычного к политическим убийствам сообщества потомков Чингисхана методы Бердибека казались слишком вызывающими. Глубокая трещина недоверия и презрения к ханской власти прошла по самому основанию Монгольского государства. Именно поэтому правление «окаянного Бердибека» ознаменовалось началом долгой полосы братоубийственных войн в степях. Русские летописцы называли их «замятней великой в Орде» (41, 229).

«Замятня великая в Орде»

Период между Петром Великим и великой Екатериной в русской истории получил название «эпохи дворцовых переворотов». Для этого времени характерна частая смена правителей на шатком троне. Хочется посочувствовать людям, жившим в столь беспокойные времена? Но не будем спешить. Как известно, «всё познается в сравнении». Не только политические пертурбации XVIII столетия, но и сама русская Смута времен самозванцев покажется нам временем порядка и стабильности в сравнении с тем, что творилось в эпоху «великой замятни» в Золотой Орде. Все архивы, канцелярии и библиотеки Золотой Орды давно развеял ветер перемен. Историки с осторожностью и большой долей сомнения восстанавливают события этого тревожного времени:

«Однако правление Бердибека оказалось недолгим: в 1359 г. он скоропостижно скончался — то ли умер от распутной жизни, то ли был убит своими недоброжелателями. В результате молодой и амбициозный Мамай, столь круто взлетевший при своем тесте (Бердибеке. — Н. Б.) на самые вершины власти в Золотой Орде, сразу после его смерти лишился

своих постов.

Преемником Бердибека на золотоордынском троне стал Кульна (Кульпа), происхождение которого так и не выяснено. По всей видимости, он являлся потомком Бату и, имея близкое родство с Джанибеком, старался проводить политику, которая бы свидетельствовала об этом. Так, он назначил бекляри-беком Могул-Бугу, поскольку тот занимал этот пост при Джанибеке. Однако никаких других значимых решений Кульна принять не успел: после пяти месяцев правления хан был убит вместе со своими сыновьями (носившими христианские имена — Михаил и Иван) в результате заговора эмиров.

Заговор против Кульны возглавила Тайдула, мать Джанибека. Стареющая ханша не могла смириться с тем, что ее бывшее влияние сошло на нет, и, наконец, решилась на активные действия, чтобы вернуть себе прежнее могущество: в 1360 г. она предложила трон Наурусу (Наурузбеку), потомку Тангута, сына Джучи, и стала его женой, чтобы подкрепить его права на трон Золотой Орды. Однако против Науруса в том же году выступил еще один претендент на трон — Хызр, потомок Шибана, другого сына Джучи. Дело в том, что Тайдула сначала предложила свою руку и трон в придачу именно ему, но в последний момент свадьба расстроилась: будущие супруги не смогли решить, кому будет принадлежать реальная власть. Отвергнутый жених решил отомстить и ханше, и ее новому ставленнику. Он сослался с сарайскими эмирами, недовольными властью Тайдулы, и договорился, что при его приближении к столице они перейдут на его, Хызра, сторону. После кровопролитной битвы Сарай был захвачен шибанидскими воинами, Наурус погиб вместе со своим сыном Тимуром, а Тайдула была казнена. Бекляри-беку Могул-Буге удалось спастись, но многие из его родичей и приверженцев (в русских летописях — „Моалбузина чадь“) также погибли» (266, 123).

На смену величавому покою единовластия в Орде пришли хаос и произвол. От него страдали и сами ордынцы, и вассалы Орды. Правление Джанибека казалось теперь «золотым веком» порядка и предсказуемости. Русские летописцы в избытке ностальгических чувств утверждали, что он был «добр зело къ христианьству и многу лготу сотвори земле Русстей» (41, 229).

На Руси и в резиденции сарайского православного епископа внимательно следили за событиями, надеясь угадать, кто будет следующим на золотом троне степной державы. Каждый из участников этой фатальной скачки требовал от русских князей денег и повиновения. Отсидеться, уйти

в сторону было практически невозможно. Казалось, что возвращаются страшные времена степной войны между ханом Тохтой и темником Ногаем. Тогда и русские князья, разделившись на две партии, вступили в отчаянную схватку друг с другом, заливая кровью всю Владимирскую землю.

При частой смене правителей в Сарае важно было вовремя отправиться на поклон к новому хану — не слишком рано, но и не слишком поздно. Даже самые верные осведомители не могли точно сказать русским князьям, долго ли продержится на троне очередной «вольный царь».

Княжеский съезд в Орде весной 1360 года

После кончины Бердибека русские князья по обычаю собрались ехать на поклон к новому хану Кульпе (267, 36). Программа визита состояла из двух пунктов. Помимо изъявления преданности новому хану должен был решиться вопрос о вакантном после кончины Ивана Красного владимирском троне.

Однако ехать к Кульпе князьям, по-видимому, не советовала Тайдула, готовившая свержение этого неугодного ей правителя. Исцеленная от тяжкого недуга митрополитом Алексеем в 1357 году, ханша имела прочные связи с русскими вассалами. Митрополит Алексей бережно хранил в своей казне перстень, подаренный ему Тайдулой в знак благодарности (250, 182).

Устранив Кульпу, Тайдула возвела на трон своего протеже Науруса. Князьям дана была отмашка для визита в Сарай.

В то время как более благоразумные князья, следуя совету Тайдулы, сидели дома и ждали вестей из Сарая, глава суздальского семейства князь Андрей Константинович не утерпел и помчался в степь, надеясь первым припасть к стопам хана Кульпы. Теперь, когда московский княжеский дом сократился до трех отроков (девятилетнего Дмитрия, его младшего брата Ивана и их кузена шестилетнего Владимира Серпуховского), долгожданный владимирский ярлык был почти в руках у суздальского князя.

Однако поспешность в серьезных делах не доводит до добра. Князь Андрей прибыл к хану Кульпе и выразил ему свою преданность. Кульпа выдал ему ярлык на Нижний Новгород, а также на великое княжение Владимирское. Но тут в Сарае случился дворцовый переворот. Кульпа и два его сына, Михаил и Иван, были убиты сторонниками Тайдулы и ее ставленника Науруса (Науруса, Наурузбека).

Как обычно бывает в таких случаях, победившая партия учинила расправу над своими поверженными противниками. Их имущество было разграблено, а сами они были убиты. Присяга Андрея хану Кульпе была свежа у всех в памяти. Всё еще находившийся в Сарае (а может быть, уже отправившийся в обратный путь) суздальский князь был схвачен сторонниками Навруса. Только заступничество Тайдулы спасло его от расправы.

Новый правитель Орды хан Наврус принял своих русских вассалов (за исключением Андрея Суздальского) вполне благосклонно.

И опять «русский курултай» зашумел под сводами ханского дворца. На сей раз раздел власти и вотчин между русскими князьями был делом весьма и весьма непростым. Рогожский летописец сообщает о том, что в «русском курултае» при дворе Навруса участвовала и московская делегация. Ее номинальным главой был девятилетний князь Дмитрий Московский. Это был его первый приезд в Орду.

Известно, что первое впечатление навсегда остается в памяти. Возраст Дмитрия Московского не позволял ему понять все хитросплетения тогдашней политической игры. Но общее ощущение унижения, страха, бессилия, которое испытали москвичи в этот приезд в ханскую ставку, гвоздем засело в голове отрока. Сопровождавшие его бояре пытались спорить с суздальцами о великокняжеском венце, но потерпели неудачу. Хан говорил с москвичами высокомерно. За всем этим таились интриги многих политических сил. Не случайно летописное известие об этом княжеском съезде в Орде полно недомолвок.

«По Коулпе царствова Наврусъ, к нему же первое прииде князя великого сын Ивана Ивановича Дмитрей и вси князи Русьстии, и виде царь князя Дмитрея Ивановича уна суца и млада возрастом, и наsla на князя Андрея Костьнянтиновича, дал ему княжение великое, 15 тем, он же не яся (не взялся. — Н. Б.), но соспустися (уступил. — Н. Б.) брату своему меньшему князю Дмитрею, а сам поиде на Русь, а остави брату своему на помощь бояр своих Степана Александровича и иных многих» (43, 68).

Московская делегация первой явилась в Сарай, но встретила холодный прием. Здесь привыкли иметь дело со взрослыми людьми, а не с безусыми отроками. Впрочем, возраст Дмитрия был, вероятно, лишь поводом для отказа москвичам. Причины коренились в темных глубинах тогдашних русско-ордынских отношений...

Кто возьмет «15 тем»?

Определив наиболее соответствующую роли великого князя Владимирского фигуру — Андрея Константиновича Суздальского, «вольный царь» Наврус назвал свою оценку численности населения и, соответственно, размеров «выхода» со всей территории великого княжения Владимирского. Неясно, сколько именно людей и ценностей подразумевало выражение «15 тем». При простом подсчете «тьма» (тумен) — это 10 тысяч человек. Соответственно, «15 тем» — это 150 тысяч человек, подлежащих налогообложению. Но «тьмы» можно толковать и как условные единицы, конкретное наполнение которых в разных ситуациях могло быть различным.

Учитывая шаткое положение Навруса на троне и в связи с этим острую нужду в деньгах, можно предположить, что названные им ставки дани были значительно выше, чем во времена Джанибека, который на этом фоне и предстал перед русскими летописцами в образе «доброго царя».

Однако князь Андрей Константинович, судя по всему, был человеком глубоко религиозным, а потому более других ответственным и благоразумным. Размер дани в «15 тем» показался ему слишком высоким для опустошенной чумой Северо-Восточной Руси. К тому же «черная смерть» всё еще бродила по окраинам Руси и могла в любой момент вернуться в центральные районы страны.

Начиная свою игру, Андрей Константинович учитывал и то, что количество потенциальных претендентов на великое княжение Владимирское было на сей раз невелико. В сущности, хан не имел выбора. Московский князь Дмитрий в силу своего малолетства вообще не мог брать на себя каких бы то ни было серьезных обязательств.

Не знаем, добился ли Андрей своим отказом сокращения дани. Однако долго торговаться он не мог. Хан не любил ждать ответа. И тогда на память суздальским князьям пришел опыт московского триумvirата — Семена Гордого, Ивана Красного и Андрея Серпуховского. Суздальских братьев было даже не трое, а четверо: Андрей, Дмитрий, Борис и Дмитрий Ноготь. При наличии хотя бы временного единства они могли достичь многого.

В поездке в Орду Андрея сопровождал 37-летний брат Дмитрий. Это дало возможность суздальцам выйти из затруднения. Дмитрий взял обязательства уплаты за «15 тем» и получил ярлык на Владимир. Отказавшийся от ярлыка на великое княжение Владимирское Андрей остался на политическом поле. Как старший из братьев, он мог объединить ресурсы семьи, чтобы помочь младшему брату расплатиться с ханом.

Можно думать, что хан потребовал немедленной выплаты

значительной части «выхода». Исполняя это условие, братья вошли в большие долги у сарайских ростовщиков. По их требованию Дмитрий и его бояре вынуждены были остаться в Сарае в качестве заложников. Тем временем князь Андрей немедля поехал на Русь, чтобы собрать недостающие суммы. И в качестве заложников, гарантов состоятельности Дмитрия, Андрей оставил в Сарае и своих собственных бояр.

Уладив все дела в Орде, суздальское семейство летом 1360 года праздновало долгожданный успех. Дмитрий Константинович возвратился на Русь с ханским послом и ярлыком на великое княжение Владимирское.

Однако великое княжение Владимирское всегда легче было получить, чем удержать. Вместе с заветным ярлыком победить получал и целый короб проблем. Ордынский «выход» еще не был полностью собран. Признание новгородцев еще предстояло заслужить. Интриги потерявших владимирский венец потомков Ивана Калиты еще необходимо было разгадать...

Интронизация

Неопределенность обстановки сильно беспокоила победителя. Примечательно, что свое торжество новый великий князь Дмитрий Константинович приурочил к Петрову дню — 29 июня, дню памяти апостолов Петра и Павла. Вот что говорит об этом Никоновская летопись.

«И тако князь Дмитрей Констянтинович Суздальский взя великое княжение Володимерское, и отпущен бысть из Орды от царя с пожалованием и с честью на Русь с послом царевым. И въеха въ Володимеръ на великое княжение за неделю до Петрова дни, месяца июня в 22 день, *не по отчине ни по дедине*; и тогда при нем в Володимери пресвященный Алексей митрополит постави в Новъгород Алексея архиепископом. Того же лета князь велики Дмитрей Констянтинович из Володимеря посла послов своих и наместников своих в Новъгород. Новгородци же приаша их с честью, и посадиша наместников его на Новегороде» (41, 231).

(Упрек в том, что князь Дмитрий Константинович взял великое княжение Владимирское «не по отчине ни по дедине», свидетельствует о московском происхождении этого текста. Оно есть и в Рогожском летописце, где всё известие в целом носит сокращенный и сбивчивый характер (43, 68). Действительно, ни отец Дмитрия Суздальского князь Константин Васильевич, ни его дед на владимирском столе не сидели.)

В некоторых летописях сообщение о приезде Дмитрия Суздальского во Владимир можно понять так, будто князь взошел на великое княжение 22 июня. Но более правильно думать, что он лишь въехал в город в понедельник, 22 июня 1360 года, а сам обряд совершил в присутствии митрополита Алексея несколько дней спустя — на Петров день, 29 июня. Торжества сопровождались пиршеством, которое уместно было после завершения Петровского поста, то есть не ранее 29 июня.

Через две недели последовало новое торжество. Новгородская летопись, сообщая о поставлении архиепископа Алексея на новгородскую кафедру митрополитом Алексеем, приводит ценную подробность: церемония состоялась «месяца июля в 12 день, на память святых мученици Голендухи и Прокла» (18, 367). Это был воскресный день, часто избираемый для такого рода торжеств.

Новый великий князь Владимирский остро нуждался в деньгах и их эквиваленте — всякого рода товарах. Именно перед Петровым днем он мог более чем когда-либо рассчитывать на пополнение своей опустевшей казны. «В старину Петров день был сроком судов и взносов дани и пошлин» (288, 42). Впрочем, и для всеобщего праздника, которым Дмитрий Суздальский хотел отметить свою интронизацию, Петров день был самым подходящим временем. «Петровские гулянья отправляются почти по всей Великой России с песнями, хороводами и рельными качелями» (288, 42).

Итак, суздальцы праздновали победу, а московский князь-отрок переживал унижительное поражение. Мать как могла утешала Дмитрия. В Московском Кремле царило уныние. Москвичи негодовали на бесчинство суздальцев, но оспаривать ханское решение не смели.

В этой напряженной обстановке митрополит Алексей сохранил спокойствие и даже благословил Дмитрия Суздальского на владимирский великокняжеский стол. Московский летописец умалчивает об этом. Однако быть во Владимире и уклониться от участия в торжественной интронизации великого князя Владимирского в присутствии ханского посла митрополит просто не мог. Первоиерарх незадолго перед тем приехал в Москву из Киева (48, 112). Там он год или два находился в плену у литовского князя Ольгерда.

Для святителя было бы политической ошибкой с порога начинать противостояние с новым великим князем Владимирским. И хотя в душе Алексей тяжело переживал московское поражение, он был не из тех, кто поддается бесплодным вспышкам эмоций. Митрополит надеялся, что победа Дмитрия Суздальского — кратковременная удача. Правление хана

Науруса в Орде едва ли будет долгим, а единство суздальских братьев — прочным. А между тем московский князь-отрок Дмитрий подрастал и вскоре должен был включиться в борьбу за великое княжение как законный претендент — «и по отчине, и по дедине».

Время работало на Москву. Ее правителям оставалось только терпеливо ждать своего часа и не упускать возможности прибрать к рукам какую-нибудь волость или даже княжество. Такой добычей стало тогда для Москвы Дмитровское княжество. «Захват совершился, видимо, без особых потрясений. Дмитровские князья были слабы, а в самом Дмитровском княжестве уже ряд лет существовали владения князей московского дома и распространялось их влияние» (201, 247).

К этому можно добавить, что Дмитров занимал важное место в системе водных путей Окско-Волжского междуречья. Отсюда по рекам Яхроме, Сестре и Дубне был выход на Верхнюю Волгу. Благодаря этому Дмитров уже в ранние времена служил «важнейшей северной гаванью для Москвы» (316, 394).

Час вдовы

Взрослея, Дмитрий всё больше узнавал о том, как устроен окружающий его жестокий мир. Но прежде всего ему необходимо было понять Орду. Уже в первую свою поездку в степь он внимательно присматривался к жизни степняков, их нравам и обычаям.

Как на Руси, так и в степях борьба за власть регулировалась некоторыми общепринятыми представлениями. Монголы свято верили, что право на верховную власть над миром имеет только Золотой род — потомки Чингисхана. Бескрайние пространства своей империи «потрясатель Вселенной» оставил во владение (улус) четырем сыновьям — Джучи, Угедю, Чагатаю и Толую. Среди потомков Джучи на трон правителя Золотой Орды («улуса Джучи») до середины XIV века могли претендовать лишь потомки хана Батыя. (Считалось, что именно Батый был основателем самостоятельного государства, которое позднее историки назовут Золотой Ордой.) Потомки Батыя, в свою очередь, разделялись на осененное лучами славы семейство хана Узбека — и всех остальных.

Известно, что старшие жены монгольских ханов имели большую власть и нередко фактически управляли государством в периоды междуцарствия. С кончиной правителя наступал «час вдовы». Он мог продолжаться и несколько лет. Но неизменно заканчивался жестокой

казнью регентши. И на то были свои причины. Верховная власть состоит не из одних лишь дворцовых интриг. По-настоящему крепкой ее делает только война или подготовка к ней. Помимо этого, верховная власть по природе своей иррациональна и требует от правителя соответствующего поведения: необъяснимой смеси беспечности и осторожности, жестокости и милосердия, коварства и великодушия, скупости и щедрости. Ханские вдовы при всей своей изворотливости не могли понять всю сложность психологического аспекта верховной власти и выстроить адекватную линию поведения. Их мелкотравчатая политика при определенных обстоятельствах могла привести к крушению хрупкого степного государства...

Вдова Узбека и мать Джанибека знаменитая ханша Тайдула — имя ее в «обрусевшем» произношении носит город Тула, некогда входивший в состав ее владений, — после смерти мужа и сына стремилась стать регентшей при любом номинальном правителе Орды. Ради этого она решилась нарушить древнюю традицию престолонаследия. В борьбе за верховную власть она сделала ставку на боковую династическую линию — потомков братьев Батыя Шибана и Тангута (267, 41). Это были захудалые роды, прежде не смевшие и мечтать о ханском троне. Теперь они оказались героями дня. Когда хан Наврус, принадлежавший к потомкам Тангута, взошел на трон Золотой Орды, все поняли, что в степях произошла своего рода династическая революция. Кто «был ничем», тот «стал всем».

Однако искусная в интригах ханша была беспомощна в стратегических вопросах. Она не поняла, что открывает ящик Пандоры. Пример худородного Навруса показывал путь к верховной власти любому из многочисленных потомков Джучи. Следствием такого династического «равенства» стала война всех против всех.

Вскоре потомок Шибана по имени Хызр-хан поднял мятеж против Навруса и захватил Сарай. Свергнутый хан вместе с сыном был убит, а старая ханша Тайдула жестоко казнена.

Нож, аркан и сто баранов

Не прошло и года, как против Хызра был составлен заговор (1361 год). Улучив удобный момент, правителя убил, по одним сведениям, его брат Мюрид, по другим — сын Тимур-Ходжа (267, 42). Сбивчивость источников оставляет место и для третьей версии: хан пал в бою с очередным мятежником из числа потомков Джучи (266, 124).

Отцеубийца Тимур-Ходжа продержался на золотом троне около месяца. Затем он вынужден был бежать в степи, и трон захватил — всего лишь на один месяц — Орду-Мелик. Но не успел тот расположиться в Сарая, как против него выступил внук хана Узбека Кильдибек. Этот «царевич», по некоторым сведениям, был самозванцем и не имел ничего общего с правящей династией. Вскоре против него начал войну брат Хызра Мюрид (Мурад, Мурат). Разгромив и уничтожив самозванца, Мюрид, однако, не успел утвердиться на троне. Его опередил потомок Шибана Мир-Пулад. Этот, в свою очередь, был изгнан из Сарая потомком Узбека ханом Абдаллахом (зима 1362/63 года), за спиной которого стоял могущественный временщик Мамай. Через полгода Абдаллах был изгнан из Сарая ханом Мюридом.

Вся эта бесконечная смена правителей напоминает борьбу Рюриковичей (Ольговичей и Мономашичей) за киевский «золотой стол» после распада единой Киевской Руси. И это сходство далеко не случайно. Как и восточнославянское общество XII века, монгольское общество времен «великой замятни» было весьма архаичным. (Пользуясь терминологией советской историографии, его можно назвать раннефеодальным.) Основная масса населения — простые кочевники — жила по нормам обычного права. Государственный аппарат находился в зачаточном состоянии и не мог служить амортизатором династических конфликтов. За каждым из потомков Джучи стояла та или иная группа родо-племенной знати. Деньги имели значение только в городах. Степняки оценивали благосостояние человека количеством баранов в его стаде и лошадей в его табуне. Из «духовных ценностей» выше всего ценили смелость и удачу. Первобытные инстинкты раздувала охота с ловчими птицами — соколами и кречетами. Иногда для добычи и потехи всего соседства устраивали большую облавную охоту, стягивая всё живое в кольцо загонщиков...

Московские бояре внимательно следили за головокружительной сменой правителей в Орде. Новости обычно приносили торговавшие на Нижней Волге московские купцы или клирики Сарайской епархии. Митрополит Алексей везде имел своих доброхотов и получал самую свежую и достоверную информацию.

Дмитрий Суздальский весной 1360 года был утвержден на великом княжении Владимирском ярлыком хана Навруса. Его права подтвердил и сменивший Навруса хан Хызр. Мимолетное правление трех следующих ханов (Тимур-Ходжа, Орду-Мелик и Кильдибек) стало временем тревог и

небывалых унижений для русских князей.

«Вообще же, как известно, русские князья ездили в Орду после каждого нового переворота. Так было и со вступлением на престол Бердибека, и с воцарением Кульпы (и со смертью великого князя Ивана Ивановича); только по прибытии в Орду князья Кульпы уже не застали: на престоле сидел Наврус; в 1360 г. Навруса сменил Хидырь, и в 1361 г. князья поехали в Орду снова» (248, 312).

В этой поездке (лето — осень 1361 года) князья оказались в самой гуще свирепой ордынской усобицы. Их жизнь и честь теперь не были защищены ни блеском ханской пайзы, ни законами восточного гостеприимства.

Отсутствие общепризнанной и сильной центральной власти, с одной стороны, создавало для русских князей большие проблемы, но с другой — приучало их безнаказанно вступать в бой с ордынцами.

«С наступлением периода „великой замятни“ (1359 г.) золотоордынским правителям фактически стало не до Руси, так как в государстве шла непрерывная борьба за власть. В 60-е годы лишь отдельные феодалы, пытавшиеся обособиться и от Мамаея, и от сарайских ханов, совершали грабительские набеги с собственными небольшими дружинами. При этом русские князья успевали немедленно принять против них ответные меры» (149, 208). Заметим, что сражения с этими «отдельными феодалами» были весьма полезны для русских, так как учили их преодолевать наследственный страх перед степняками и побеждать их в полевом сражении.

Чуждые степной пертурбации русские князья в 1361 году оказались ее пленниками и жертвами. Андрей Суздальский на пути из Сарая на Русь встретил ордынского князя Аратехозю и был окружен со всех сторон. С боем пробившись через татарские полки, Андрей вернулся на Русь «здрав». Константин Ростовский, задержавшийся по своим делам в Орде, был до такой степени ограблен, что на нем и его людях не осталось даже «исподних порт»; они «нази токмо живы приидоша пеши на Русь». Дмитрий Суздальский пересидел «замятню» в Сарае и «цел сохранен бысть». Не в добрый час собравшийся с данью в Орду князь Василий Михайлович Тверской вернулся на Русь из поволжского города Бездежа, так и не доехав до Сарая (248, 311).

Никто не мог сказать, когда настанет конец череде дворцовых переворотов и порожденного ею паралича центрального управления. Выразив преданность одному хану и уплатив ему «выход», русский князь тотчас становился врагом его соперника. Но и отказ признать права на трон

того или иного соискателя мог обернуться бедой, если этот соискатель всё же получал верховную власть.

Иные времена

Первое чувство, которое испытывали русские князья, узнав об очередном перевороте в Сарае, было злорадство. Орда явным образом распадалась на части и слабела. Ордынцы убивали друг друга в кровопролитных междоусобных войнах. Всё это очень напоминало бедствия, которые испытала Русь перед нашествием Батыя. Теперь пришло время и завоевателям отведавать горьких плодов усобицы.

Но время эмоций сменялось временем размышлений. И тут всё было далеко не так однозначно. Верховная власть Орды над русскими землями была, конечно, тяжким испытанием, «вавилонским пленом», от которого все мечтали избавиться. Но «нет худа без добра». Более полувека, прошедшие с окончания степной войны между Тохтой и Ногаем (1300 год) и ее «зеркального отражения» — усобицы сыновей Александра Невского, русские княжества жили спокойно. За исключением похода на Тверь зимой 1327/28 года татары не предпринимали больших карательных экспедиций на Северо-Восточную Русь. Под благодатным покровом «великой тишины», сотканном Иваном Калитой и его сыновьями, страна жила мирной жизнью. В отношениях между князьями и Ордой действовали простые и ясные правила игры. Каждый Рюрикович занимал ту ступень власти и то место в русском пространстве, которые ему отвел хан.

Однако с кончиной «добротного царя» Джанибека (1357) для русских князей настали *иные времена*, потребовавшие отказа от прежних правил политического поведения. Великая Орда умирала, и возле ее смертного одра уже спорили и бряцали оружием многочисленные наследники. На смену эпохе мира пришла эпоха войны. И если раньше на рынке успеха пользовались спросом осторожность и хитрость, то теперь тугой лук и острый меч резко поднялись в цене.

Новая система отношений между Русью и слабеющей Ордой сложилась не сразу. Поначалу князья полагали (или предпочитали делать вид), что ничего особенного не происходит, а степные войны — всего лишь неполадки в жизнеспособной системе. Они, как и прежде, спешили в Орду с дарами к новому «генералиссимусу степей» (выражение Н. А. Заболоцкого) и прошением о выдаче заветного ярлыка.

В прежнее время деньги в Сарае решали многое. Теперь они решали

всё. Дмитрий Суздальский сильно потратился в поисках великого княжения Владимирского и к этому времени был почти банкротом. В связи с этим у Москвы появилась надежда тряхнуть мощной и при помощи золота вернуть своему князю-отроку утраченное великокняжеское достоинство.

«В лето 6870 (1362) князь Дмитриеи Иванович Московьскыи и князь Дмитриеи Костянтинович Суждальскыи сперся о великом княжении и послаша кождо своих киличеев (послов. — Н. Б.) в Орду к царю Мурату» (43, 72).

Оба Дмитрия явно торопились, направляя послов к хану, который еще не был безусловным победителем в степной усадьбе. «В Сарае между тем появились одновременно два царя: во-первых, Амурат (Мурат. — Н. Б.), чеканивший монету в „Новом Сарае“ и „Белад Гюлистане“; во-вторых, Кильдибек, выдававший себя за сына царя Джанибека и чеканивший монету также в „Новом Сарае“, а кроме того в Азаке (т. е. в Азове) и в Мокше (Пензенская губ.). Нет ничего удивительного, что русские князья в Орду сами не ехали. Невозможно было даже определить, кто из „царей“ будет их сюзереном. Они послали в Орду только своих киличеев: осенью или летом 1362 г. Кильдибек начал наступление на Амурата с правой стороны Волги, был разбит и умерщвлен. Несколько ранее киличеи поехали в Орду, к Амурату. В Сарае от Амурата ярлык на великое княжение Владимирское получил московский киличей Аминь — для Дмитрия Ивановича» (248, 312).

Московское контрнаступление

Рассказывая о событиях зимы 1362/63 года, Рогожский летописец сообщает: «Тое же зимы привез Аминь от Мурута (Мурата. — Н. Б.) ярлык на Москву на великое княжение и они съслали князя Дмитрея Суждальскаго с великаго княжения» (43, 73).

В этом сверхкратком известии (которое в той же годовой статье Рогожского летописца — «в лето 6870» — повторено в пространном виде и в московской интерпретации) сквозит тверское настроение. «Они» — это московские бояре во главе с митрополитом Алексеем, «сославшие» — то есть выгнавшие, согнавшие — Дмитрия Суздальского с великого княжения Владимирского (302, 193). В этом деянии нет ни мира, ни справедливости. Отсюда начинается тема московского произвола, красной нитью проходящая через Рогожский летописец — тверскую переработку общерусского летописного свода начала XV века.

Впрочем, тверской взгляд на московскую политику, естественно, грешит односторонностью. Иван Калита и его наследники всегда действовали осторожно и с оглядкой. Возможно, в этом проявлялось чувство религиозной ответственности за успех московского дела. Война с Ордой прежде считалась непозволительным риском. Но теперь у Дмитрия Московского был ярлык от действующего, здравствующего хана Мурата. Этот «живой» ярлык перекрывал ярлык уже умершего хана Хидыря, равно как и ярлыки других «краткосрочных» ханов, которые были у Дмитрия Суздальского. Ярлык на великое княжение Владимирское от правящего хана давал московским правителям полное право «сослать» суздальского князя с владимирского стола, который он занял «не по отчине, не по дедине».

Однако в позиции москвичей было одно уязвимое место. Судя по летописному тексту, ярлык от Мурата не имел обычного подтверждения в виде татарского «посла» с внушительным отрядом. В тревожной обстановке дворцовых переворотов хан не захотел отпускать от себя даже сотню преданных воинов. Московский боярин по прозвищу Аминь попросту купил у «отчаянно нуждавшегося в русских деньгах» Мурата ярлык и лично отвез его в Москву (266, 127). Московское золото оказалось тяжелее суздальского. Остальное мало интересовало увлеченного династической войной хана Мурата.

Владимирский триумф

В древности торная дорога из Москвы во Владимир и Суздаль шла через Переяславль Залесский и Юрьев Польской. На участке от Москвы до Переяславля ее так и называли — Переяславской дорогой. Этой дорогой «шел сквозь вятичи» Владимир Мономах. Этой дорогой ездили Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо и Александр Невский. Теперь по этому затерянному в лесах древнему пути предстояло пройти с московскими полками выступившему в поход против Дмитрия Суздальского князю-отроку Дмитрию Московскому.

Первым делом московские полки нацелились на Переяславль Залесский. Кроме всего прочего, это был и вопрос престижа: захваченный Дмитрием Суздальским город москвичи считали своим еще во времена князя Даниила Александровича — родоначальника московской династии.

Для похода были собраны воедино все боевые силы Московского княжества. Рогожский летописец, на страницах которого сплетаются

различные летописные традиции, сообщает об этом походе с пафосом, обличающим московского патриота.

«Тое же зимы (1362/63 года. — Н. Б.) князь великий Дмитрей Иванович (в возрасте двенадцати лет. — Н. Б.) съ своею братиею съ князем съ Ываном Ивановичем (в возрасте „дитя“. — Н. Б.) и съ князем Володимером Андреевичем (в возрасте девяти лет. — Н. Б.) и со всеми боляры и собрав воя многы своя отчины и иде ратию къ Переяславлю, князь же Дмитрей Костянтинович Суждальский не стерпе пришествия его и убояся нахождения его, паче ратного духа, сдрогнуся и, уразумев свое неизволение, сбеже съ Переяславля въ Володимерь и паки бежа из Володимеря в свои град Суждаль, в свою отчину. Князь же великий Дмитрей Иванович, прогнав его съ Переяславля и сам седе в Переяславли съ своею братьею и з боляры и съ своею дружиною» (43, 72).

Очевидно, что этот «поход детей» был проведен боярами, за спиной которых стоял митрополит Алексей. Вся московская боярская корпорация объединилась и выступила в поход во имя возвращения Переяславля.

В древнем Спасо-Преображенском соборе, выстроенном из белого камня Юрием Долгоруким, князь-отрок Дмитрий принял присягу на верность от жителей Переяславля Залесского. Кажется, это была первая в его жизни крупная победа. Почтительно склонив головы, вокруг трона двенадцатилетнего великого князя стояли кузнецы этой бескровной победы — московские бояре...

Со школьной скамьи слово «бояре» вызывает у нас какой-то кисловатый привкус. Боярин — это враг прогресса, тугодум и скопидом. Его лицо наполовину скрывает длинная борода. В июльскую жару он носит нелепую шубу с длинными рукавами и меховую шапку в форме ведра. Собравшись в количестве семи, бояре образуют «семибоярщину» — правительство национальной измены. Петр сначала обрезал боярам бороды, а потом вообще ликвидировал их как класс...

Бедные, бедные бояре... Как не повезло вам в лотерее истории! А между тем вы заслужили гораздо лучшую память. И вместо того, чтобы на каждой площади ставить памятники государям, не лучше ли хотя бы на одной площади поставить памятник тем, кто служил надежным пьедесталом для этих государей?

Итак, бояре Дмитрия Донского. Те, кого он будет так искренне благодарить в свой смертный час и так горячо просить позаботиться о будущем династии...

Это была мощная когорта, вознесшая князя Дмитрия к победам и

бессмертию. Отцы-основатели Московского государства... Историки давно присматриваются к этим людям. Но что можно сказать о тех, от кого — если не считать их общего великого дела — не осталось ничего, кроме тяжелых, как валуны, имен? Почти все они были эмигрантами, перебравшимися в Москву из других земель, спасаясь от беззакония и нападений чужеземцев. Каждый знал себе цену и требовал за службу достойного вознаграждения. Каждый готов был сложить голову на поле ратной славы.

«Это небольшое количество родов, едва достигающее двух десятков, образует очень сплоченный круг лиц, связанных с князьями и между собой узами родства и свойства», — писал историк С. Б. Веселовский. — Даже отрывочные сведения, дошедшие до нас, дают очень выразительную картину. Микула Васильевич Вельяминов и вел. кн. Дмитрий были свояками, т. к. были женаты на родных сестрах, дочерях суздальского князя Дмитрия Константиновича. Дочь Микулы выходит замуж за Ивана Дмитриевича Всеволожа. Кн. Петр Дмитриевич Дмитровский, сын Дмитрия Донского, женится на дочери Полиевкта Васильевича Вельяминова. Федор Андреевич Кошка выдает свою дочь за кн. Федора Михайловича Микулинского. Иван Федорович Собака Фоминский был сыном несчастной кн. Евпраксии Смоленки, разведенной жены вел. кн. Семена Гордого. Брат Свибла Иван Андреевич Хромой, Александр Андреевич Белеут, Семен Мелик и Иван Толбуга, двоюродный брат боярина Ивана Собаки, — все были женаты на родных сестрах, дочерях боярина Д. А. Монастырева. У третьего сына Ивана Мороза, Дмитрия, одна дочь — замужем за Иваном Семеновичем Меликовым, а другая — за Юрием Степановичем Бяконтовым, митрополичьим боярином, племянником известного боярина Даниила Феофановича. Дочери боярина Константина Дмитриевича Шеи Зернова были замужем: одна — за Федором Кутузом, другая — за кн. Александром Федоровичем Ростовским.

Представители этих родов при дворе вел. кн. Дмитрия все были наперечет, все на виду. В такой среде сложился, как средство самозащиты от инородцев и пришельцев, как принцип внутренней дисциплины и порядка обычай местнических родовых счетов, который одинаково связывал как великого князя, так и его слуг. Если соотношение родов между собой и положение того или иного лица в роде связывали в известной мере князя и давали право каждому лицу претендовать на соответствующее его происхождению место, то, с другой стороны, они обязывали каждого родича отстаивать свое положение и честь рода, т. к. даже если бы он не желал этого по тем или иным причинам, его заставили

бы это делать остальные родичи.

Позже, с наплывом новых родов, в зависимости от роста государства, с разветвлением размножившихся родичей старых родов, с усложнением всех отношений вообще этот строй начинает расшатываться. Непоправимо тяжелые удары наносит ему самодержавная политика вел. кн. Ивана III и в особенности царя Ивана. В XVII в. местнические счеты — уже уродливый анахронизм, благодарная, но едва ли разумная пища для презрительных насмешек Котошихиных и историков, которые описывают местничество „по Котошихину“.

В связи с местническим родовым счетом стоит право выкупа родовых вотчин как средство сохранения за родом основы его могущества — земли.

Это родовое строение служилого класса, особенно отчетливое и последовательное в его верхах, в боярстве, составляет очень существенную черту XIV в., и этим явлением объясняется то, что в течение двух следующих столетий старые роды, несмотря ни на что, занимают в правящем классе первое место» (112, 499).

Московское войско встало на холмах, окружающих Плещеево озеро. За два года своего правления Дмитрий Суздальский не успел «пустить корни» в Переяславле и не надеялся на поддержку горожан. Да и сражаться с обладателем действующего ханского ярлыка (хотя и не сопровождаемого ханским послом) ему явно не хотелось. Узкой зимней дорогой Дмитрий Суздальский отступил из Переяславля на Юрьев Польской и далее на Владимир.

Первый успех воодушевил москвичей. Преследуя отступавшего суздальского князя, они направились к Владимиру. И здесь Дмитрий Московский не встретил никакого сопротивления. Его вступление во Владимир было триумфальным шествием.

«Тое же зимы перед Крещением князь Дмитрей Иванович съ своею братиею съ князем Иваном и Володимером и съ всеми бояры в силе велице тяжце въехав в Володимерь и седе на великом княжении на столе отца своего и деда и прадеда (прадед Дмитрия князь Даниил Московский некоторое время занимал владимирский трон. — Н. Б.), и стоя въ Володимери 3 недели и поеха на Москву и воя (воинов. — Н. Б.) распусти кождо въ свояси» (43, 73).

Праздник Крещения (6 января) в 1363 году приходился на пятницу. Можно уточнить выражение «перед Крещением». Вероятно, Дмитрий Московский въехал во Владимир в воскресенье, 1 января. В этот день церковный календарь («месяцеслов») отмечает большой праздник —

Обрезание Господне. К этому дню нередко приурочивали свои торжественные деяния духовные и светские владыки (45, 151; 45, 207).

Простояв во Владимире три недели, московские воины покинули город и разъехались по домам. Так закончился владимирский поход Дмитрия Московского — первый из семи походов, в которых ему суждено было принять участие (206, 81).

На сцене появляется Мамай

Взойдя на трон великого князя Владимирского, Дмитрий Московский (а точнее — стоявшая за князем-отроком боярская корпорация) столкнулся с новыми вызовами, на которые предстояло найти ответ. Главный из них состоял в том, что в условиях «великой замятни» правители отдельных областей «улуса Джучи» вышли из повиновения сидевшему в Сарая хану. По существу, произошел распад золотоордынского государства (248, 313). «Тогда же Пулад-Тимур, бывший ханский наместник в Волжской Болгарии, провозгласил себя независимым правителем, так же поступил и эмир Тагай в Мохше; Хаджи-Черкес, правитель Хаджи-Тархана (Астрахани), также намеревался принять участие в разделе владений Золотой Орды» (266, 125). «К юго-востоку от Нижегородского княжества, в „Запьянии“, окопался некий Секиз-бий, также являясь самостоятельным узурпатором» (248, 313).

Этот «парад суверенитетов» вызвал у русских князей надежды на окончательный распад Орды и соответственно — на избавление от ее гнетущей власти. Но то был вопрос будущего. А в настоящем раздробление Орды нарушало торговые и административные связи Северо-Восточной Руси с Нижним Поволжьем. Новоявленные областные «князья» не только занимались грабежом всех едущих из Руси в Сарай, но также совершали набеги на русские земли с целью захвата пленных.

Единственная оставшаяся свободной дорога в Сарай шла через Рязань и далее на юг степными шляхами. Но в степях между Нижней Волгой и Днестром хозяйничал еще один самостоятельный властитель — Мамай. Его владения с юга вплотную подходили к Рязанской земле (248, 315). Под верховной властью Мамаея находились Северное Причерноморье и Крым с его торговыми городами.

Интересы крымской торговли (важного источника пополнения московской казны) требовали наладить мирные (а значит, даннические) отношения с хозяином степей — Мамаем. В этом был заинтересован и сам временщик. Начиная с 1362 года он вел упорную борьбу за овладение

Сараем и объединение под своей властью всех территорий Золотой Орды. Как и любая война, степная требовала «денег, денег и еще раз денег».

Для легитимизации своей власти Мамай вывел на политическую сцену одного из Чингизидов — потомка Узбека по имени Абдаллах (имя этого хана произносят по-разному: в некоторых исследованиях — Абдулла, в русских летописях — Авдуля) (248, 315). При дворе этого номинального правителя Мамай занимал пост бекляри-бека — своего рода «премьер-министра».

В конце 1362-го — начале 1363 года Абдаллах при поддержке Мамае захватил Сарай и начал чеканить там свою монету. Он подчинил своей власти некоторых областных «князей». Однако полгода спустя другой претендент на власть — хан Мюрид — собрался с силами и выгнал Абдаллаха из Сарая. Полагают, что причиной поражения Абдаллаха было отсутствие поддержки со стороны Мамае, который в это время был занят войной с великим князем Литовским Ольгердом в Северном Причерноморье (266, 127).

Вероятно, инициатором налаживания отношений с Мамаем был глава московского правительства митрополит Алексей. Ему быстро удалось достичь приемлемой для обеих сторон договоренности. «Москва признавала своим сюзереном хана Абдаллаха и обязывалась платить ордынский „выход“ именно ему, а не сарайским ханам, а Мамай, в свою очередь, соглашался уменьшить размер этого самого „выхода“ по сравнению с тем, что взимался при Джанибеке» (266, 128). Полагают, что еще одним подарком Мамае своему новому вассалу было Ростовское княжество, полностью включенное в состав великого княжения Владимирского (136, 490).

Обрадованный таким завершением дела, хан Абдаллах даже не стал (вопреки традиционному со времен Батые ритуалу) требовать приезда Дмитрия Московского к своему двору, а направил к нему в Москву послов с ярлыком на великое княжение Владимирское.

Это была прямая измена прежнему сюзерену — хану Мурату. Но не будем говорить о моральной стороне дела: вероломство всегда было атрибутом политики. Отметим лишь своевременность этого поворота в московской политике — перехода от Мюрида к Абдаллаху. Ошибка в расчетах могла стоить Москве очень дорого. Во времена первой ордынской «замятни» (войны Тохты и Ногай в 90-е годы XIII века) сарайский хан, узнав о такой измене, послал бы на князей-изменников карательную экспедицию. Но времена изменились, и обезлюдевшая после «Великого мора» кочевая держава была уже не та. Слабая тень великих ханов Золотой

Орды, Мюрид в любой момент мог ожидать удара как со стороны своего соперника Абдаллаха, так и со стороны заговорщиков из числа придворных. В этой ситуации он не хотел отпускать в карательный поход на Русь значительные силы. В качестве наказания вероломному Дмитрию Московскому Мюрид ограничился тем, что отправил ярлык на великое княжение Владимирское князю Дмитрию Суздальскому.

«Тридцать татарinov...»

Итак, русские князья до времени были предоставлены самим себе. Им предстояло выяснять вопрос о первенстве — мирным путем или путем военного противостояния. (Заметим, что сама постановка вопроса о законности или незаконности одного из правящих в степях ханов постепенно приучала русских сомневаться в законности ордынской власти над Русью вообще.) Страдая от позора, Дмитрий Суздальский решил, пользуясь шаткой обстановкой, вновь занять Владимир и взойти на великокняжеский трон.

Рогожский летописец по обыкновению сбивчиво, но всё же достаточно ясно рисует развитие событий.

«В лето 6871 (1363) князь великий Дмитрий Иванович приехав в Володимерь съ своею братьею и со всеми князми Русскими и со всеми бояры и прииде к нему посол из Орды от царя Авдуля (то есть фактически от Мамаю. — Н. Б.) съ ярлыки, князь же великий Дмитрий Иванович посла отпустил в Орду, а сам поеха в Переяславль. Того же лета князь Дмитрий Костянтинович приеха въ град въ Володимерь и паки (опять. — Н. Б.) седе на великом княженъи в другие, а с ним князь Иван Белозерец, пришел бо бе из Муротовы Орды с *тридцатию татарinov*, и тако пребысть въ Володимери неделю едину. А от Мамаева царя князю Дмитрею Ивановичю ярлык привезли на великое княжение и седе на княжение. Се же слышав князь великий Дмитрий Иванович прогна его паки съ великаго княжения съ Володимеря, с своею отчины, въ его град въ Суждалъ. Не токмо же се, но и тамо иде на него ратию к Суждалю и стояв рать неколико дней около Суждала и взяша мир межи собою. Тако же над Ростовьским князем. А Галичьскаго Дмитрея из Галича выгнаши» (43, 74).

К этому тексту необходим исторический комментарий.

Весной 1363 года (в блоке известий с мартовским календарем это известие стоит первым) двенадцатилетний Дмитрий Московский собрал во Владимире своего рода княжеский съезд. В качестве главы всего

княжеского сообщества он должен был объявить переход Северо-Восточной Руси от «сарайской» ориентации к «мамайской». Важно было не допустить разделения русских князей на «партию Мурата» и «партию Абдаллаха». Следствием такого раскола могла стать кровавая и затяжная усобица с привлечением татар. Память о войне между сыновьями Александра Невского заставляла москвичей быть очень осторожными в этом вопросе.

Владимирский съезд прошел благополучно. Князя (может быть, за исключением суздальского дома) принесли присягу хану Абдаллаху и разъехались по домам.

Однако было ясно, что самое опасное — возмездие Москве сарайского хана Мурата — еще впереди. Просчитывая варианты ответных действий со стороны Мурата, московские политики, безусловно, догадывались, что хан сделает ставку на Дмитрия Суздальского. Заветный документ привез ему из Сарая юный князь Иван Федорович Белозерец (358, 164). Известно, что белозерские князья были отраслью ростовского княжеского дома. Еще во времена Ивана Калиты они возмущались московским произволом и участвовали в антимосковских интригах в Орде. Младшая линия белозерских князей служила Великому Новгороду и была известна под именем «князей копорских» (365, 283).

В летописи нет ничего случайного. Однако, к несчастью для историков, в ней вымыто временем и предвзятостью летописцев много необходимого для правильного понимания событий. Заставляет задуматься случайная на первый взгляд подробность: князя Ивана Белозерца, привезшего ярлык Дмитрию Суздальскому, сопровождали «тридцать татарин». Обычно «почетный эскорт» (причем гораздо более многочисленный) давался ханскому послу, имя которого летописец, как правило, называет. Таким послом, разумеется, не мог быть мелкий русский князь Иван Белозерец. Подобно боярину Аминю, годом ранее привезшему Дмитрию Московскому ярлык от Мурата, Иван Белозерец был простым порученцем, ханским гонцом. Вероятно, именно он, находясь в Орде, представлял там интересы Дмитрия Суздальского. На близкие отношения этих князей указывает и отмеченное летописью участие Ивана Белозерца в торжествах по случаю восшествия Дмитрия Суздальского на великокняжеский стол. Он раньше других узнал о сближении Москвы с Мамаем и предложил разгневанному хану отнять великое княжение Владимирское у Дмитрия Московского и передать Дмитрию Суздальскому. В итоге именно ему хан и поручил отвезти ярлык в Суздаль.

При такой версии событий становится понятным небольшая

численность «эскорта». Это не многочисленная свита посла, представлявшего самого хана, а всего лишь охрана ханского гонца. Зная о том, каким опасностям подвергаются русские князья, путешествующие по степям в это тревожное время, Иван Белозерец попросил хана выделить ему отряд сопровождения. И в этом порученцу не было отказано.

Все эти новшества в русско-ордынских отношениях привлекли пристальное внимание летописца. В своем сообщении, краткости которого могли бы позавидовать и древние спартанцы, он сумел не только назвать факт, но и одним легким штрихом дать ему эмоциональную оценку. Этот штрих — численность эскорта. Столь малая численность сопровождения свидетельствует о низком статусе того, кого оно сопровождает. Но не только.

Числа в летописи и вообще в духовном пространстве средневековой Руси имели символическое значение (173, 30). Число «тридцать» в христианском сознании однозначно ассоциируется с образом Иуды, предавшего Христа за тридцать сребреников. С точки зрения Москвы, князь Иван Белозерец, принеший ярлык незаконному претенденту на верховную власть Дмитрию Суздальскому, — предатель Руси, новый Иуда, виновник новой усобицы между русскими князьями.

Война продолжается

Получив ярлык от хана Мурата, Дмитрий Суздальский немедленно перебрался из своего удела во Владимир. Однако московское правительство, имея за спиной такую силу, как Мамаева Орда, действовало смело и напористо. Сценарий этой войны был очень похож на предыдущий. Московские войска двинулись из Переяславля на Владимир. Дмитрий Суздальский отступил из Владимира обратно в Суздаль. Москвичи пошли за ним и туда. Простояв несколько дней близ города, они убедили Дмитрия Суздальского отказаться от великого княжения Владимирского в пользу своего московского тезки.

Вернув себе великое княжение Владимирское, Дмитрий Московский отменил те пожалования, которые успел сделать в качестве великого князя Дмитрий Суздальский, и расправился с его сторонниками. Галицкий (Галича Костромского. — Н. Б.) князь Дмитрий Борисович потерял свой стол (201, 246). Та же кара настигла и ростовского князя Константина Васильевича. Дмитрий Суздальский уже ничем не мог помочь своим

приверженцам. Вероятно, он жаловался сарайскому хану Мурату. Но и тот не мог помочь своему вассалу.

Успехи Москвы получили неожиданное подкрепление новостями из Орды. Зимой 1363/64 года хан Мурат скончался. «Он не погиб в бою, а был зарезан собственным бекляри-беком Ильясом, сыном покойного Могул-Буги, который, видимо, разочаровался в своем повелителе» (266, 128). С кончиной Мурата Дмитрий Суздальский терял своего покровителя в Сарае.

И сказал брат брату...

«И сказал брат брату: се мое, а се мое же...» Эта знаменитая фраза из «Слова о полку Игореве» может служить ключом ко всей военно-политической истории Руси удельного периода. Алчность и тщеславие, тщеславие и алчность... Сколько сил было потрачено, сколько бедствий и страданий пришлось перенести народу из-за этих вечных соблазнов «власть имущих»...

Подводя итоги московско-суздальской войны 1362–1365 годов, историк должен отметить несколько важных моментов.

Во-первых, весьма примечательно, что оба враждующих семейства сохраняют полную лояльность Орде и вступают на великое княжение Владимирское, только заручившись ханским ярлыком. Образ «вольного царя» еще сохраняет свою магическую власть.

Возникновение новой политической ситуации в степях (легитимный правитель сарайский хан — его мятежные вассалы, областные «князья») не изменило верности русских князей правителю в Сарае. Однако по мере усиления правителя западной части улуса Джучи хана Абдаллаха и ослабления престижа правящего хана в Сарае московская политика отходит от своих традиционных установок. Интересы южной торговли (а может быть, и здравый смысл, ясное понимание соотношения сил в степях) заставляют московское боярское правительство занять прагматическую позицию и признать верховную власть сильнейшего из областных «князей» Мамае, правившего от лица номинального правителя хана Абдаллаха.

Шаткость сарайского трона позволяет московским правителям выдвигать новые политические идеи. Главная из них состояла в том, что великое княжение Владимирское — а с ним и роль политического лидера Северо-Восточной Руси — принадлежит московскому князю не по милости того или иного сарайского «царя», а по праву династической традиции («по отчине и по дедине»). Летописец не случайно отмечает, что Дмитрий

Московский садится на великом княжении Владимирском «на столе отца своего и деда и прадеда» (43, 73). Идея неразрывного единства Московского княжества и великого княжения Владимирского со временем станет путеводной для Дмитрия Московского. А ее осуществление станет его главным достижением как политика.

Во-вторых, московско-суздальская война носила весьма странный характер. Она была, если так можно выразиться, «бархатной». В ходе этой войны (скорее — династического спора, семейной тяжбы) не было ни одного сражения. Она состояла главным образом в устрашающих движениях со стороны Москвы — и поспешном отступлении суздальцев. Это была прежде всего война нервов. Не знаем, чем объяснялось такое редкое миролюбие сторон — слабостью Дмитрия Суздальского как полководца, численным превосходством московского войска или другими причинами. Заметим, что первое вполне возможно: в послужном списке этого князя много неудач, поражений, даже позорного бегства — и ни одного выигранного сражения...

Скандал в благородном семействе

Слабость Дмитрия Суздальского как полководца и правителя рано или поздно должна была вызвать фронду его братьев. Главным возмутителем спокойствия в суздальском семействе выступил третий из четырех братьев Константиновичей — Борис. Он имел резкий и беспокойный характер. Его раздражала иноческая отрешенность старшего брата Андрея (добровольно отказавшегося от притязаний на великое княжение Владимирское, а затем и от собственного трона в Нижнем Новгороде) и приводила в ярость детская беспомощность другого брата — Дмитрия. Он страстно желал восхождения Дмитрия на великокняжеский стол, ибо это открывало и его честолюбию новые перспективы. Вместо своего забытого Богом Городца он мог при удачном раскладе столов перебраться в древний Суздаль или стольный Нижний Новгород...

Вероятно, именно Борис подталкивал флегматичного Дмитрия на борьбу с Москвой за великое княжение Владимирское. Впрочем, у Дмитрия к этому времени подрастали уже собственные рвущиеся к власти сыновья — Василий, Иван и Семен. Старший из них, Василий по прозвищу Кирдяпа, отличался особой предприимчивостью. Надо полагать, именно он вместе с дядей Борисом убеждал отца не уступать натиску москвичей.

До тех пор пока на нижегородском столе сидел Андрей

Константинович, Борис мирно правил в своем удельном Городце на Волге, не решаясь пойти на разрыв братского союза и нарушение отцовского завещания. Однако его амбиции сильно возросли после того, как в 1354 году он женился на Марии — дочери великого князя Литовского Ольгерда. Этот брак выводил Бориса на новый уровень политических интриг и династических притязаний. Ольгерд был сильнейшим правителем Восточной Европы, энергично теснившем русских на востоке и татар на юге своих владений. Он всегда мог прийти на помощь зятю, ожидая для себя выгоды от любой русской усобицы.

В июне 1365 года, в самый праздник Троицы, скончался старший суздальский князь Андрей Константинович (43, 78). Еще за год до этого он отказался от власти и принял монашеский постриг (42, 3). Можно думать, что к такому решению Андрея подтолкнули ужасы чумы, свирепствовавшей тогда в Нижегородском крае. В ту пору благочестивые люди нередко давали обет: в случае избавления от чумы посвятить себя служению Богу. Летописец украшает известие о кончине князя Андрея не только обычными эпитетами («благодарный», «христоролюбивый»), но и искренним вздохом — «смиранный» (43, 78).

Монашеское смирение старшего брата ничему не научило Бориса Константиновича, а медлительность брата Дмитрия побудила к действию. Он решил, что пора начать собственную игру. Приехав в Нижний Новгород, чтобы присутствовать на пострижении брата Андрея в монашеский чин, Борис, вместо того чтобы вернуться к себе в Городец, остался в столице княжества и стал распоряжаться здесь как новый хозяин. Местное боярство, кажется, не испытывало ни любви, ни уважения к вечному неудачнику Дмитрию Суздальскому. Дерзкий и предприимчивый Борис, зять знаменитого Ольгерда, вызывал гораздо больше надежд и симпатий.

Оставшись в Нижнем Новгороде, Борис немедля отправил послов в Орду. Это было новым нарушением семейной субординации. Младшие князья не имели права «ведать Орду» в обход старшего брата. Но Борис уже «закусил удила». Он просил у хана Азиз-Шейха, преемника убитого заговорщиками хана Мурата, ярлык на столицу княжества — Нижний Новгород. Трудно сказать, какими правовыми аргументами он обосновал эту сомнительную просьбу. Но нет сомнений, что Борис подкрепил ее щедрыми дарами и посулами. Возникает вопрос: где мог взять необходимые для успехов в Орде крупные суммы городецкий удельный князек? Ответ может быть только один: в сундуках богатых нижегородских купцов, уставших от бессилия своих князей...

И хан решил дело в пользу Бориса Городецкого.

Зимой 1364/65 года в Нижний Новгород из Сарая прибыло ханское посольство. «Тое же зимы прииде посол из Орды от царя Баирам Хози и от царицы Асан, и посадиша в Новегороде Нижнем на княженьи князя Бориса Костянтиновича» (50, 183).

От ворот — поворот...

Старший брат и законный претендент на нижегородский стол после «отставки» Андрея князь Дмитрий Суздальский не сумел воспрепятствовать самоуправству младшего брата. Верный своему правилу решать дело миром, он начал с того, что отправил в Нижний Новгород для объяснений с Борисом сыновей Василия Кирдяпу и Семена. (Впрочем, зная дерзкий нрав обоих братьев, можно допустить, что они поехали выяснять отношения с дядей и без ведома отца.) Однако Борис не захотел с ними разговаривать и даже приказал не впускать племянников в город. Оскорбленные до глубины души, суздальские братья разъехались двумя путями: Василий помчался в Орду с жалобой на действия Бориса, а Семен вернулся к отцу в Суздаль (358, 424).

Потерпев неудачу в первой попытке договориться с Борисом, Дмитрий Суздальский всё еще надеялся с помощью уступок и пожалований уговорить брата уйти из Нижнего Новгорода обратно в Городец. Для большей убедительности (а может быть, и просто для того, чтобы перед ним открыли городские ворота) Дмитрий отправился на переговоры с мятежником в сопровождении суздальского владыки Алексея и матери — престарелой княгини Елены. Борис открыл ворота, но в переговорах не отступил ни на шаг. Желая наглядно показать свою решимость отстаивать нижегородский стол, он той же осенью начал обновлять городские укрепления (43, 74).

Поражает решимость, с которой действовал этот возмутитель спокойствия. Основанием для нее могла служить лишь твердая поддержка нижегородской посадской общины и местного боярства. Можно думать, что еще в правление Андрея Константиновича Борис подолгу жил в Нижнем Новгороде и завязал прочные связи с местной знатью. В этом на стороне Бориса была и сама география. От Городца до Нижнего Новгорода было всего полсотни верст, тогда как от Суздаля — верст 250. Исторически Суздаль был антагонистом Нижнего Новгорода, тогда как Городец — его «младшим братом».

Искушение

Упустив возможность (или осознав невозможность) стремительным набегом изгнать Бориса и вернуть нижегородский стол, Дмитрий Суздальский сильно уронил свою и без того далеко не блестящую репутацию воина. Нельзя забывать о том, какую огромную роль играло в средневековом обществе понятие «удача». Благоразумие подобало духовным лицам, а украшением князя было священное безумие отваги.

Но время лучший лекарь. Внимание Дмитрия Суздальского вскоре переключилось от ссоры с Борисом на более важную проблему. Старший сын Василий привез ему из Сарая от хана Азиз-Шейха еще один ярлык на великое княжение Владимирское...

«Тое же зимы (1364/65 года) прииде из Орды князь Василей Дмитриевич Суждальский от царя Азиза, а с ним царев посол, а имя ему Урусъманды, и вынесе ярлыкы на княжение на великое князю Дмитрию Костянтиновичю Суждальскому» (43, 77).

Это было сильное искушение: попробовать с третьей и последней попытки утвердиться на высшей ступени власти на Руси. Державные владимирские высоты притягивали и не отпускали всякого, кто хоть один день сидел на золотом великокняжеском столе. Суздаль отделяли от Владимира не более сорока верст. Всадник на хорошем коне мог преодолеть это расстояние за три часа. Но для Дмитрия Суздальского это была скачка длиною в жизнь...

Разговор отца и сына был долгим и тяжелым. Василий Кирдяпа не в добрый час явился в Орду. Гибель хана Мурада и новый всплеск борьбы за власть в Сарае остановили все дела и надолго задержали Василия в степях. И вот, наконец, новым ханом Азиз-Шейхом (занявшим трон в 1364 году после гибели Мурата) вопрос был решен по прошению суздальцев. Однако отец не мог похвалить сына за этот успех. Старинная пословица гласит: «Дорога ложка к обеду». Еще недавно столь желанный ярлык на великое княжение Владимирское теперь сильно осложнял и без того весьма шаткое положение Дмитрия Суздальского. Вести войну на два фронта (за Нижний Новгород — с братом Борисом и за Владимир — с Дмитрием Московским) он не мог и думать. Благодаря присутствию «царева посла» с непроизносимым именем Урусманды Дмитрий Суздальский мог занять Владимир и торжественно взойти на великое княжение Владимирское. Но что дальше? Посол со своими татарами канет обратно в марево степей. А через неделю-другую после его отъезда к Владимиру двинется московское

войско. И кто знает, удастся ли ему, как прежде, укрыться от мести москвичей в своем родном Суздале?..

Не получив от природы большого ума, Дмитрий Суздальский всё же ясно понимал — третья война с Москвой не сулит ему ничего, кроме новых неудач и унижений. Военный потенциал маленького Суздальского княжества был несопоставим с возможностями стремительно растущей Москвы. Ждать помощи от Нижнего Новгорода, где засел мятежный брат Борис, уже не приходилось. Из рассказов Василия Кирдяпы Дмитрий Суздальский знал, что и в степях суздальцам, в сущности, не на кого было рассчитывать. Приславший суздальцам ярлык на Владимир сарайский хан Азиз-Шейх сидел на шатком троне и не склонен был втягиваться в русские усобицы.

«Гибель хана Мюрида, который был, вероятно, талантливым полководцем, развязала руки многим претендентам на трон, которые не рисковали прежде вступить с ним в соперничество. В Гюлистане провозгласил себя ханом и начал чеканку монеты Азиз-Шейх, наследник Мюрида; не покинул Поволжья и изгнанный Абдаллахом из столицы Мир-Пулад, против которого выступил очередной претендент Пулад (Деулиуллах) — Ходжа. Их соперничество позволило Азиз-Шейху занять в 1365 г. столицу. К 1367 г. ему удалось существенно расширить сферу своей власти: воспользовавшись тем, что Пулад-Тимур, беспокойный эмир Волжской Болгарии, потерпел от русских поражение на Пьяне, Азиз-Шейх обрушился на него, разгромил, взял в плен и казнил. Сарайский хан назначил новым правителем Булгарии своего ставленника Асана (Исана)» (266, 128).

Азиз-Шейх основательно располагался в Сарае. А между тем в степях к западу от Волги собиралась с силами для новых походов на Сарай Мамаева Орда. Хан Абдаллах не терял надежды занять столицу и взойти на золотой трон Узбека. В бескрайнем степном покое события созревали медленно. Но однажды созрев, приобретали стремительность горной реки.

Позволим себе воспользоваться преимуществом историка и заглянуть на пару лет вперед. «При помощи русского и итальянского серебра Мамаю удалось переманить на сторону Абдаллаха несколько эмиров Азиз-Шейха. В результате против сарайского хана был составлен заговор, и в 1367 г. он был зарезан в постели... После убийства Азиз-Шейха хан Абдаллах беспрепятственно вступил в Сарай и вновь был провозглашен ханом единой Орды» (266, 129).

Никто кроме историков и прозорливых старцев не может знать

будущее. Не знал его и Дмитрий Суздальский. Но общая тенденция политического развития Орды — объединение западных улусов и их стремление к всеобщей власти — ему была, конечно, понятна. Сарайский хан Азиз-Шейх опасался Мамай (в то время — сюзерена и покровителя московских князей) и не стал бы воевать с ним из-за русской дани. Вновь и вновь размышляя над своим положением, Дмитрий Суздальский приходил к печальному выводу: надеяться на военную помощь степняков против Москвы в обозримом будущем не приходилось.

Поразмыслив, суздальский князь решил предпочесть «синицу в кармане» (нижегородский стол) «журавлю в небе» (великому княжению Владимирскому). Он публично отказался от великокняжеских прав, предоставленных ему ханским ярлыком, в пользу Дмитрия Московского. Суздальский князь заключил с москвичами договор, по которому обещал впредь не искать великого княжения Владимирского. Внук Калиты, в свою очередь, обязывался помочь тезке в борьбе за Нижний Новгород с мятежником — братом Борисом.

Московские миротворцы

Московское боярство не скрывало радости по поводу раскола среди потомков Константина Васильевича Суздальского. Но теперь важно было не ошибиться и сделать правильную политическую ставку. Пообещав Дмитрию Суздальскому помощь в борьбе с мятежным братом Борисом, москвичи отнюдь не собирались терять своих воинов ради чужих интересов. Со времен Калиты москвичи привыкли избегать сражений и добиваться своего путем искусной дипломатии. Вот и теперь митрополит Алексей — верный хранитель заветов Ивана Калиты — решил воздействовать на нижегородского мятежника своим авторитетом главы Русской церкви. Не желая лично ехать в Нижний Новгород ради этой истории, митрополит отправил к мятежнику своих порученцев — архимандритов Герасима и Павла (43, 74). Но их убеждения не произвели на Бориса никакого впечатления.

На случай отказа посланные митрополитом иерархи имели особые полномочия. Они запретили совершать богослужение во всех городских и монастырских церквях Нижнего Новгорода. По существу, весь город был отлучен от церкви за несговорчивость своего правителя. В истории католической церкви такое наказание (интердикт) применялось достаточно часто. На Руси оно было редким, хотя в принципе известным делом. В 1329

году угрозой интердикта митрополит Феогност заставил гонимого Ордой князя Александра Тверского бежать из Пскова в Литву.

Безусловно, интердикт был мощным оружием. Священники переставали крестить и соборовать, венчать и причащать прихожан. Смерть взрослого человека без исповеди и причастия, а младенца — без крещения означала прямую дорогу в ад.

Князь Борис, оказавшись виновником столь серьезного бедствия, вынужден был пойти на уступки. Он согласился послать в Москву для переговоров своих бояр.

Этот первый шаг на пути к примирению был сведен на нет диким поступком Василия Кирдяпы. Ослепленный ненавистью к нижегородским боярам, которые изменили его отцу и подвергли унижению его самого (заставив стоять перед закрытыми городскими воротами), буйный юноша не думал ни о чем, кроме мести. Подкараулив нижегородское боярское посольство где-то на полпути в Москву (скорее всего — на остановке в придорожном постоялом дворе), он «в ночь» (то есть как истинный разбойник) напал на них и захватил в плен. Лишь один боярин по имени Василий Олексич сумел вырваться и бежать в Москву.

Летописец не сообщает о реакции Москвы на действия суздальского княжича. Заметим, что такого рода беззакония (своего рода «княжеский разбой») были обычным явлением в ту пору. Всякий почтенный человек, пускавшийся в далекий путь, должен был прежде всего позаботиться о своей безопасности и заручиться гарантиями от местных правителей. Нижегородские бояре были, конечно, не дети и знали правила игры. Но они не учли одного: охранные грамоты от Дмитрия Суздальского (которыми они, безусловно, располагали) не могли остановить его буйного старшего сына, давно уже вышедшего из подчинения отцовской воле. Едва ли Василий Кирдяпа этим набегом осуществлял какую-то замысловатую политическую интригу. Скорее всё было гораздо проще. Поиздержавшийся в Орде молодой княжич решил немного подзаработать, отпуская пленных бояр на свободу за немалый выкуп...

В этом отношении очень интересна загадочная концовка летописного рассказа о захвате бояр. Добравшись до Москвы, спасшийся боярин «тамо урядися» (43, 74). Смысл этого многозначного слова в данном контексте — «устроил свои дела». Но в чем состояли его «дела» и как они были «устроены» — еще одна «тайна выцветших строк».

Как бы там ни было, но очевидным итогом этого налета был крах первой миротворческой инициативы митрополита Алексея. Князь Борис в

Москву на митрополичий суд с братом не поехал, а посланное им боярское посольство было захвачено Василием Кирдяпой. Единственному добравшемуся до Москвы нижегородскому боярину оставалось только благодарить Бога и своего быстрого коня.

Посох преподобного Сергия

В Троице-Сергиевой лавре среди самых дорогих реликвий хранится посох основателя монастыря преподобного Сергия Радонежского. Это обычный посошок странника, вырезанный из легкого черемухового дерева и увенчанный рукояткой в виде буквы «Т». Известно, что преподобный Сергий никогда не садился на коня, считая это признаком власти и гордости. Все свои многочисленные походы по Русской земле он совершал пешком, с незатейливым посохом.

Обычным маршрутом святого был поход из монастыря в Москву, где ему приходилось улаживать дела своей обители, а позднее — выступать в роли духовного отца Дмитрия Донского. Но помимо этих привычных 70-верстных походов преподобный Сергий совершал и более далекие путешествия — в Ростов Великий, Серпухов, Рязань, Тверь, Переяславль. Самым далеким был поход в Нижний Новгород. Троицкий игумен предпринял его по поручению митрополита Алексея в 1365 году. Но сначала расскажем о предыстории этого похода...

Неудача миссии архимандрита Павла и игумена Герасима объяснялась не только упрямством Бориса Городецкого, но и позицией, которую занял местный, суздальский епископ Алексей. Он был поставлен на эту кафедру незадолго до описываемых событий (43, 75). Под его юрисдикцией находился и Нижний Новгород. Митрополит Алексей надеялся, что владыка Алексей станет его верным помощником. Однако вскоре отношения между иерархами испортились, и примерно год спустя митрополит свел своего тёзку с суздальской кафедры (42, 5). Потрясенный этим, опальный иерарх вскоре скончался (43, 78).

Судя по всему, причиной отставки суздальского епископа и была позиция, которую он занял в московско-суздальском и суздальско-нижегородском конфликтах. Сложнее ответить на вопрос: чем именно епископ Алексей разгневал свое московское чиноначалие? Наши скудные источники дают основания лишь для одной гипотезы. Именно владыка Алексей должен был — невзирая на проклятия простонародья и угрозы знати — провести в жизнь митрополичий интердикт, объявленный

архимандритом Павлом и игуменом Герасимом. Но доброе пастырское сердце не могло примириться с необходимостью отказать людям в главнейших христианских таинствах. Суздальский владыка не исполнил тяжкое повеление митрополита. Духовенство Нижнего Новгорода продолжало обычное служение. Народных волнений против князя Бориса (которых и добивались москвичи) не произошло. Весь план митрополита Алексея по разрешению династического спора в нужном для Москвы направлении рухнул. Расплачиваться за всё пришлось суздальскому владыке...

Но митрополит Алексей был не из тех, кого побеждает демон уныния. Неудача первого нижегородского посольства заставляла тщательнее продумать второе. От прежнего сценария — официальные представители митрополичьей кафедры, жесткий тон, угроза интердикта — уже нечего было ждать, кроме провала. Но оставался другой путь — путь прямого и, так сказать, «неформального» воздействия на христианскую совесть князя Бориса. Для этого нужен был человек с репутацией святого, человек, слово которого звучало как апостольское поучение.

Напомним, что это была эпоха пробуждения русского монашества после двухвековой спячки. По пыльным русским дорогам бродило тогда немало людей, которых потомки назовут святыми. Но среди этого славного сообщества был лишь один человек, способный не только взять на себя, но и выполнить сложнейшую миротворческую миссию. Звали этого человека — игумен Сергей Радонежский. К нему-то и обратился за помощью митрополит Алексей.

Под 6873 (1365) годом Никоновская летопись после известия об отставке суздальского владыки Алексея сообщает: «В то же время от великого князя Дмитрея Ивановича прииде с Москвы посол преподобный Сергей игумен Радонежский в Новъгород в Нижний ко князю Борису Константиновичу, зовя его на Москву; он же не послуша и на Москву не поиде; преподобный же Сергей игумен по митрополичю слову Алексееву и великого князя Дмитрея Ивановича церкви все затвори» (42, 5).

Вчитываясь в эти скупые строки, можно прочесть нечто и «между строк». Так, примечательно, что Сергей пришел в Нижний Новгород не от митрополита Алексея (престиж которого после первого посольства и неудавшегося интердикта сильно упал в глазах нижегородцев), а от великого князя Дмитрия Московского, имя которого звучало здесь достаточно весомо.

...Не знаем, о чем говорили в уединенной беседе эти два героя своего

времени. Вероятно, Сергей с Евангелием в руках призывал Бориса к смирению и братолюбию, убеждал положиться на слово митрополита и смело явиться в Москву на суд с братом перед лицом юного великого князя Дмитрия. Борис чтит «великого старца» — но ехать в Москву не хотел. Искушенный в политических интригах, он понимал, что московские правители могут использовать доверчивость и искренность Сергея в своих интересах. Стоит только Борису явиться в Москву — и дверца клетки захлопнется за ним, как за глупым снегирем.

(Политика — не дело святых. Будущее показало, что Борис имел все основания не слушать преподобного Сергея и не ехать в Москву. Два или три года спустя тверской князь Михаил Александрович явится на суд в Москву, получив гарантии неприкосновенности от митрополита Алексея. Но в Москве он будет схвачен и брошен в темницу.)

Что касается второй части сообщения Никоновской летописи — о том, что Сергей, не договорившись с князем Борисом, «церкви вся затворив» в Нижнем Новгороде, — то эта информация не заслуживает доверия. В нашей биографии преподобного Сергея Радонежского мы подробно останавливаемся на этом сюжете (101, 109).

Возвращаясь из Нижнего Новгорода, преподобный Сергей шел, вероятно, обычной для того времени дорогой: Нижний Новгород — Владимир — Суздаль — Юрьев Польской — Переяславль — Троицкий монастырь. Безусловно, он посетил Суздаль, где князь Дмитрий Константинович с нетерпением ждал исхода переговоров.

Напомним, что это был страшный для Руси 1365 год. «Великий старец» шел пешком через опустошенные чумой деревни, через темные леса и выжженные засухой поля. Воистину, это был самый бесплодный по практическим результатам, но и самый удивительный по героизму и самоотверженности миротворческий поход преподобного Сергея.

Дуумвират

Убедившись в бесплодности попыток «по-хорошему» заставить Бориса вернуться в его удельный Городец или хотя бы явиться на третейский суд в Москву, митрополит Алексей «умыл руки» и предоставил дальнейшее московским воеводам. В Москве и в Суздале начались спешные военные приготовления. Оба Дмитрия понимали, что кампания должна быть скоротечной и победоносной. Для этого требовалось подавляющее численное превосходство. Московский летописец не

забывает несколькими штрихами подчеркнуть справедливость действий князя Дмитрия Ивановича, который *«послы своя посылал между их о том деле и вдасть силу старейшему на меньшого брата, князь же Дмитрей Костянтинович еще к тому в своей отчине в Суждали събрав воя многы, в силе тяжце поиде ратию к Новугороду к Нижнему и егда доиде до Бережца и ту срете его брат его молодший князь Борис съ бояры своими, кланялся и покорялся и прося мира, а княжения ся съступая»* (43, 78).

Село Бережец находилось «на левом берегу Оки, несколько выше устья Клязьмы» (201, 226). Таким образом, Борис встретил московско-суздальское войско на самой границе нижегородских земель и великого княжества Владимирского. Между братьями начались переговоры, итогом которых стало получение Дмитрием Суздальским нижегородского стола. При этом он сохранял за собой и своими сыновьями и суздальский стол. Борис возвращался в свой удельный Городец и, может быть, получал какие-то дополнительные владения в восточных областях Нижегородского княжества (201, 227).

Чем объяснить столь необычное миролюбие князя Бориса, его готовность на уступки старшему брату? Боец по натуре, Борис готов был сражаться и в меньшинстве. Однако стоявшие за его спиной нижегородские бояре, по-купчески рассудительные и дальновидные, понимали, что вторжение московских войск в Нижегородскую землю будет опустошительным. Пользуясь случаем, москвичи не преминут отомстить своему главному на тот момент политическому сопернику — Нижнему Новгороду.

Что касается Дмитрия Суздальского, то он в этой ситуации еще более, чем обычно, не желал войны с Борисом и опустошения своих будущих владений.

Распустив полки, князья разъехались по своим «отчинам и дединам». Настало время размышлений. Московские политики отчетливо осознали, что возникший почти случайно московско-суздальский союз имеет далекие перспективы. Под властью двух Дмитриев — один из которых занимает трон великого князя Владимирского — оказывалась огромная территория от Можайска и Волоколамска до Нижнего Новгорода и Унжи. И по площади, и по численности населения владения «дуумвирата» превосходили любое русское княжество. При благоприятных обстоятельствах этот огромный массив мог стать своего рода территориальным ядром единой Руси...

Любимой темой средневековых династических интриг были

матримониальные проекты. По некоторым сведениям, еще преподобный Сергей Радонежский в бытность свою в Суздале повел речь о женитьбе Дмитрия Московского на одной из дочерей Дмитрия Суздальского — Евдокии (101, 286). Впрочем, эта мысль неизбежно родилась бы и в любой другой светлой голове. Такой брачный союз должен был способствовать политическому единству тестя и зятя, укреплению доверия между ними. Наконец, опыт истории свидетельствовал о том, что зять порой становился наследником владений тестя. В случае пресечения мужской линии суздальской династии — а чума творила и не такие расправы! — сыновья московского князя и суздальской княжны будут первыми в очереди к опустевшему трону...

Брак в Коломне

За размышлениями двинулось и дело. Переговоры о свадьбе и о приданом в таких случаях затягивались на несколько месяцев. Этим и занимались московские и суздальские бояре во второй половине 1365 года. Когда всё было слажено и договорено, назвали день и место свадьбы — Коломна, 18 января 1366 года.

Обычно богатую свадьбу играли дважды: в доме жениха и в доме невесты. Но ездить из Москвы в Нижний Новгород и обратно в условиях чумной угрозы и разбойных наклонностей местных князей молодожены не хотели. К тому же тесть и зять еще недавно были непримиримыми врагами. И пировать в доме вчерашнего врага под хмурые взгляды бояр и злобный шепот челяди ни тот ни другой не считал безопасным. По всем этим, а может быть, и многим другим причинам свадьбу играли в Коломне — втором по значению городе Московского княжества, традиционном уделе старшего наследника правящего князя. Отсюда по замерзшему руслу Оки можно было сравнительно быстро добраться до Нижнего Новгорода, а по льду Москвы-реки — до столицы.

Итак, свадьба состоялась в воскресенье, 18 января 1366 года. При выборе даты не обошлось и без практических соображений. В частности, известно, что в это время года обычно стоят лютые «афанасьевские морозы» (162, 86). Январские холода — время, когда прекращаются или затихают эпидемии.

Невесту 15-летнего великого князя Дмитрия Ивановича звали Овдотья, то есть Евдокия, что по-гречески означает «благоволение». Забегая вперед можно сказать, что Евдокия стала для Дмитрия хорошей женой. Она не

только родила мужу 12 детей (восемь сыновей и четыре дочери), но и заботилась об увековечении его памяти (320, 44). Властная и влиятельная великая княгиня в правление ее сына Василия Дмитриевича участвовала в борьбе придворных партий. Пережив мужа на 18 лет, она скончалась 7 июля 1407 года. Память о княгине Евдокии хранил основанный ею женский Вознесенский монастырь в Московском Кремле.

Спустя шесть веков антропологи восстановили внешний облик княгини по сохранившемуся в ее гробнице черепу. Реконструкция, естественно, представляет княгиню уже в старости. Но острые и довольно мелкие черты лица, поджатые тонкие губы, славянское очертание головы — всё это создает запоминающийся и, вероятно, близкий к оригиналу образ.

Итак, длившееся шесть лет московско-суздальское противостояние завершилось как в сказке — пиром и свадьбой. Москвичи на этом хмельном пиру имели гораздо больше оснований для торжества, чем суздальцы. Тяжелейший за всю историю Москвы со времен Даниила период остался позади. Сплотившись вокруг своего князя-отрока, знать сохранила за ним московский трон и титул великого князя Владимирского. В сущности, при этом бояре отстаивали и свои собственные интересы: в случае смены правящей династии московскую элиту ожидали большие неприятности. Угроза была вполне реальной: вся семья потомков Калиты к январю 1366 года состояла из двух отроков — Дмитрия Московского и Владимира Серпуховского...

Теория тихой экспансии

Приятно еще раз представить себе разгульную княжескую свадьбу. Мороз и солнце, оглушительный звон колоколов, несущиеся куда-то разукрашенные лентами тройки, веселый хмельной дурман, заваленные снедью и напитками столы перед крыльцом княжеского дворца, ряженные и скоморохи, качели и карусели, толпы любителей всяческой дармовщины...

Но вот ушли обратно в сундуки заветные серебряные чаши, исполнили свой сладостный долг молодожены, протрезвели хмельные головы, разбрелись по своим темным норам скоморохи и калеки. Настало время подумать о том, как жить дальше...

В этой шестилетней борьбе с суздальско-нижегородским семейством Москва отстояла свое достоинство — землю, великокняжескую власть, авторитет. Теперь необходимо было выстроить отношения с побежденным

(но не уничтоженным и всё еще сильным) противником по той схеме, которая позволяла бы достаточно долго и прочно сохранять плоды этой победы. И здесь, как обычно, первое слово предоставляли «мудрой старине», опыту отцов и дедов...

В княжеских отношениях удельного периода четко прослеживается одна и та же многократно повторявшаяся ситуация. Вот ее основные черты. Неким княжеством владеют братья, каждый из которых держит полученный по завещанию отца удел. Старший из них занимает положение «в отца место», то есть играет роль умершего отца. Его главенствующее положение в семействе венчает титул — «великий князь Московский», «великий князь Тверской», «великий князь Суздальский», «великий князь Рязанский». Но источником всякой верховной власти на Руси является «вольный царь». По ханскому указу только один из этих региональных «великих князей», самый сильный и богатый, получает золотой владимирский венец, прибавляет к своим родовым владениям обширные территории великого княжества Владимирского и становится «в место отца» всем Рюриковичам Великороссии. Его признаёт своим князем Великий Новгород. Он председательствует на княжеских съездах и организует военно-политические акции общерусского масштаба.

Региональные «великие князья» враждуют между собой, шлют друг на друга жалобы в Орду и страстно мечтают занять место своего «отца» — великого князя Владимирского. Однако при этом они воздерживаются от прямой военной конфронтации друг с другом. Большое кровопролитие с непредсказуемым результатом пугает самих князей и тревожит Орду. Политика хана состоит в том, чтобы поддерживать на Руси состояние шаткого равновесия сил, позволяющее вовремя и без недоимок получать ежегодную дань.

В этой ситуации на первый план в княжеской политике выходит тихая экспансия: постепенное расширение территории и сферы влияния за счет династических союзов, покупки сел и волостей, приобретения ярлыков (временных прав управления) на владения несостоятельных должников. Гением такого рода политики был Иван Калита. Первым учеником великого учителя стал московский боярин Елевферий Федорович, более известный как митрополит Алексей...

Возведя на нижегородский стол Дмитрия Суздальского, но при этом сохранив на положении удельного князя его главного соперника Бориса Городецкого, митрополит Алексей, по существу, поставил эту огромную территорию под свой политический контроль. Упразднением суздальской

кафедры и включением этих областей в состав митрополичьей епархии Алексей обеспечил и церковно-иерархический надзор за этим регионом. В итоге он не только решил текущую задачу (возвращение Дмитрию Московскому великого княжения Владимирского), но и перебросил мост в будущее — к слиянию собственно Московского княжества с великим княжеством Владимирским и созданию территориального ядра Московского государства.

Союз Дмитрия Московского и Дмитрия Суздальского создавал мощный «дуумвират», способный выдержать противостояние с ослабевшей Ордой. В Северо-Восточной Руси союз не имел серьезных соперников. И даже Великий Новгород должен был склониться перед его могуществом.

Однако всё это могло стать реальностью лишь при условии полного единодушия и тесного сотрудничества двух суверенов. Многие вспоминали в этой связи успешный «дуумвират» западнорусских князей XIII века Даниила Галицкого и его брата Василька. Но там объединились два родных брата. Здесь же картина была иной. Московский зять не мог быть безусловным авторитетом для суздальского тестя уже по одному возрастному различию. Точная дата рождения Дмитрия Суздальского неизвестна, но по косвенным сведениям это произошло в 1323 или 1324 году (358, 408). Стало быть, в 1365 году (когда Дмитрию Московскому исполнилось 15 лет) ему было уже за сорок. В такой ситуации либо Дмитрий Суздальский должен был стать первым в «дуумвирате» (чего не могли допустить московские бояре и к чему никак не подходил сам суздальский правитель), либо роль лидера должен был сыграть кто-то третий, выступающий от имени Дмитрия Московского. В реальности эту роль мог сыграть только митрополит Алексей. И он взял на себя это тяжкое бремя.

Глава 8

КРЕПОСТЬ

И сказал я им: вы видите бедствие, в каком мы находимся; Иерусалим пуст и ворота его сожжены огнем; пойдем, построим стену Иерусалима, и не будем впредь в таком уничижении.

Неем. 2, 17

Идеальный правитель европейского Средневековья должен был отличаться в нескольких областях. Это война с благородной целью, строительство храмов, установление справедливых законов, забота о вдовах и сиротах, преследование еретиков и безбожников. В этом ряду находилось и строительство крепостей для защиты подданных от внешних врагов. Военный аспект был здесь хотя и главным, но не единственным.

С глубокой древности возведение стен имело духовное, сакральное значение. Они были символом независимости, готовности к борьбе.

В Ветхом Завете трагическая история иудеев (нашествие ассирийцев, вавилонский плен и т. д.) словно в зеркале отражается в истории стен Иерусалима. Одна из ветхозаветных книг — Книга Неемии — рассказывает о том, как любовь к родному городу и забота о своем народе помогли знатному иудею по имени Неемия вернуться из вавилонского плена и отстроить разрушенные стены и башни Иерусалима.

Выдающиеся правители древности строили много и охотно. Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI век) посвятил особый труд («О постройках») строительной деятельности императора Юстиниана. Вторая книга этого трактата рассказывает о том, где и какие крепости строил Юстиниан, какие трудности пришлось ему при этом преодолеть. Общее количество построенных или перестроенных Юстинианом крепостей исчисляется несколькими сотнями. «Наш император спас государство, укрепив его стенами крепостей и сделав для варваров невозможным вторжение в пределы римлян», — замечает Прокопий (59, 225).

Московский Кремль: история и теория

В средневековой Руси любое сколько-нибудь значительное поселение спешило окружить себя стенами. Именно наличие стен — обычно деревянных, реже каменных — служило главным признаком, отличавшим город от села или деревни. Само слово «город», «град» в широком смысле означало всю совокупность людей и построек данного места, а в узком — собственно укрепления: стены и башни, валы и рвы.

В европейских городах замок сеньора напоминал высокую скалу и был четко обособлен от остальной застройки. Его обитатели опасались не столько внешних врагов, сколько самих горожан. На Руси, где противоречия между знатью и рядовыми горожанами были не столь острыми, а внешняя опасность была постоянной реальностью, городские укрепления охватывали обширную территорию и могли в случае необходимости служить укрытием как для знати, так и для простолюдинов. Такому «демократизму» способствовала и низкая численность населения русских городов. В то время как европейские города имели десятки, а то и сотни тысяч жителей, русские обычно ограничивались несколькими тысячами. Потеснившись, горожане могли уместиться в стенах сравнительно небольшой крепости — «града», «детинца», «крома», «кремника».

Забота о поддержании городских укреплений в надлежащем порядке была «головной болью» каждого русского князя. Время непрерывно точило о них свои острые зубы. Деревянные крепости страдали от сырости и пожаров, вражеских осадных орудий и обычной русской беззаботности. Каменные стены (или каменные башни на стыке дерево-земляных стен) во второй половине XIV столетия имели только несколько городов на северо-западе Руси — Новгород, Псков, Изборск, Порхов, Ям.

Строительство каменных оборонительных сооружений в Северо-Западной Руси было обычным делом. Целый ряд таких работ — в Орлеце, Тиверском городке, Острове и Велье — остался не замеченным летописцами (238, 89). И только археологи вносят в этот список необходимую полноту.

Принято думать, что каменное строительство было сложным и дорогостоящим делом. Однако эта сложность и дороговизна относительны. Новгородцы в 1384 году поставили каменную крепость Ям на реке Луге всего за один строительный сезон (18, 379). Сильнейшие князья Северо-Восточной Руси в принципе могли себе позволить такую роскошь. Но это был вопрос не только и не столько экономический, сколько политический. Эти цитадели могли послужить очагами сопротивления ханской власти. Известно, что татары не любили утруждать себя долгой осадой каменных

крепостей. Большие массы ордынской конницы (а монголы избегали ходить пешком даже до соседней юрты) не могли долго стоять на одном месте. Кроме того, постройка осадных машин требовала специальных знаний и умений, которыми степняки не обладали. Опыт крестовых походов свидетельствовал, что даже более искусные в этом деле европейские полководцы тратили многие месяцы на взятие каменных крепостей в Малой Азии, Сирии и Палестине.

История Москвы как города начинается в 1156 году. «Того же лета князь великий Юрий Володимерич заложи град Моськву, на устии же Неглинны, выше реки Аузы» (44, 225).

Стены Юрия Долгорукого были деревянными и со временем сильно обветшали. Вероятно, их несколько раз подновляли и чинили. Однако источники молчат об этих работах. Полная замена старых стен новыми оказалась под силу только неутомимому строителю и защитнику Москвы Ивану Калите. Зимой 1339/40 года он выстроил новый деревянный Кремль.

Безусловно, Иван Калита начал это строительство только после того, как заручился согласием хана Узбека. Оправданием для этого замысла служила военная угроза со стороны Великого княжества Литовского. Отношения между Ордой и быстро усиливавшейся под властью Гедимина Литвой были откровенно враждебными. Татары хотели переложить на Москву (а вместе с ней и на всю систему великого княжения Владимирского) бремя борьбы с Литвой. Первым опытом такого рода послужил совместный поход татар и русских князей на союзный Литве Смоленск зимой 1339/40 года. Во главе всех русских сил в этом походе стояли московские князья. Поход не имел особого успеха. Однако война была объявлена, и ответного удара следовало ожидать в самом близком будущем.

В такой ситуации постройка новой московской крепости выглядела вполне естественной мерой предосторожности для защиты «русского улуса» в случае нападения Литвы. Во всяком случае, Иван Калита сумел убедить в этом хана Узбека и тот разрешил строительство.

«Пожар способствовал...»

Простояв 25 лет и ни разу не испытав нападения неприятеля, Кремль Ивана Калиты сильно пострадал от страшного московского пожара 1365 года. Красноречивый рассказ об этом бедствии выделен в летописи особым

заголовком — «О великом пожаре». Приводим его по тексту Рогожского летописца.

«Того же лета бысть пожар на Москве, загорися церковь Всех святых и от того погоре весь град Москва, и посад, и кремль, и загородие и заречие. Бяше ботогды было варно (жарко. — Н. Б.) в то время и засуха велика и знойно, еще же к тому встала буря ветренаа велика, за десять дворов метало головни и бревна с огнем кидаше буря; един двор гасяху людие, а инуда чрес десять дворов и в десяти местех огонь загорашется, да тем людие не возмогоша огня угасити, не токмо не могли дворов и хором отнимати, но и имении своих ни кто же не успели вымчати и прииде пожар и погуби вся и поясть я огонь и пламенем испепелишася. И тако въ един час или в два часа весь град без останка погоре. Такова же пожара прежде того не бывало, то ти словеть великы пожар, еже от Всех Святых» (43, 80; 72, 381; 42, 4).

Летописец не случайно выделил летний пожар 1365 года из длинной череды пожаров, опустошавших средневековую Москву. Это было нечто феноменальное по своей разрушительной силе — известное науке редкое природное явление, своего рода «огненный шторм». Длительная и сильная жара раскалила землю. Пересохшее дерево построек вспыхивало от малейшей искры. Там, где начинался пожар, сильный ветер, вызванный ускоренной циркуляцией горячего воздуха, раздувал огонь с силой кузнечных мехов и разносил далеко вокруг. Погасить неистовое пламя обычными средствами было практически невозможно.

То, что вполне понятно современному ученому, было грозным и таинственным событием для москвичей той далекой эпохи. За какие-то два-три часа их родной город исчез в языках яростного и неугасимого пламени. Это напоминало расправу Всевышнего с Содомом и Гоморрой. Оставшиеся в живых должны были покаяться и начать новую жизнь.

Странно, что, оплакивая пропавшее в огне имущество, летописец ни слова не говорит о человеческих жертвах. А их в таком страшном пожаре, конечно, было немало.

(В русских летописях вообще много непонятного с точки зрения современного человека. При всём многообразии работ, посвященных русскому летописанию, ключевой вопрос — о цели летописной работы и, соответственно, о принципах, которыми руководствовался летописец при отборе материала, — по существу, так и не имеет ответа. Нет и четкого представления о личностном своеобразии каждого летописца. Ведь в любом деле есть мастера и подмастерья, творцы и ремесленники, труженики и лентяи. Одни смотрели на свой труд как на высокое служение,

а другие — как на скучное и утомительное «послушание». В пестром смешении ранних и поздних текстов можно заметить страницы, которые летописец писал словно через силу, преодолевая лень и глубокое равнодушие.)

Первым делом москвичи занялись восстановлением своих уничтоженных «великим пожаром» 1365 года домов. Но до тех пор, пока город не имел надежных стен, эти дома в любой момент могли стать легкой добычей для любого врага. А их у Москвы в ту пору было немало. И лучший способ защиты от них был в нападении. Таким образом, проблема стен незаметно вырастала в проблему нового политического курса, новой стратегии. Выработкой этой стратегии Москва была обязана тогдашнему главе боярского правительства, опекуну и воспитателю князя-отрока Дмитрия — митрополиту Алексею.

Митрополит Алексей — одна из самых ярких фигур в истории Русской церкви.^[1] Выходец из среды московского боярства, Алексей (в миру — Алфер, Елевферий) в юные годы увлекся идеями монашества и принял постриг в московском Богоявленском монастыре. Благодаря своим незаурядным способностям, а также семейным связям он со временем стал доверенным лицом митрополита Феогноста (1328–1353), его владимирским наместником. Возведя Алексея в сан епископа, Феогност по просьбе московских князей стал хлопотать в Константинополе относительно его дальнейшей карьеры. Сыновья Ивана Калиты хотели видеть Алексея в качестве преемника Феогноста на митрополичьей кафедре. Это желание осуществилось. В 1354 году Алексей вернулся на Русь из Константинополя уже в новом качестве — главы всей Русской церкви.

Патриархия хотела видеть Русскую митрополию единой. Однако Алексею не удалось сохранить под своей властью православные епархии на землях, подвластных литовскому князю Ольгерду и польскому королю Казимиру. Логика политического противостояния была неумолимой. Там его считали ставленником Москвы и явным врагом. Отважный иерарх попытался явочным порядком отстаивать свои права, но был схвачен и взят под стражу.

Проведя год или два в литовской темнице (1359–1360), Алексей бежал и при помощи своих доброхотов вернулся в Москву. Отныне он отказался от попыток соединить под своей властью распавшуюся митрополию Киевскую и всея Руси и стал всецело московским митрополитом. Осыпавшись упреками и проклятиями, он, не раздумывая, использовал «меч духовный» для давления на политических противников Москвы. Константинопольский патриарх слал на Русь одну следственную комиссию

за другой и даже хотел лишить Алексея митрополичьего сана, но в итоге решил не связываться с ним и его влиятельными покровителями.

В 60-е годы XIV века митрополит Алексей был фактическим главой московского боярского правительства. В отрочестве Дмитрий смотрел на мир глазами святителя. Именно митрополит внушил Дмитрию мысль о его особом призвании, о его личной и прямой ответственности перед Богом. Это мировоззрение напоминает то аскетическое и вместе с тем мессианское настроение, которое юный Иван Грозный усвоил под влиянием митрополита Макария и протопопа Сильвестра.

Всеобщая трудовая повинность

Ситуация, сложившаяся в Москве и вокруг нее летом 1365 года, была, пожалуй, самой сложной с тех пор, как митрополит Алексей стал у кормила московской политики.

Лишенный стен город напоминал улитку без раковины. Эту «раковину» нужно было срочно воссоздать. Но строительство такого масштаба требовало много людей и много денег. А между тем численность населения Москвы резко сократилась из-за свирепствовавшей тогда по всей Северо-Восточной Руси эпидемии чумы. Страх перед губительной заразой заставил многих москвичей бежать из города и искать спасения в глухих деревнях.

К этим потерям добавились жертвы «великого пожара».

Впрочем, Москва и без этих убытков отнюдь не походила на многолюдный и плотно застроенный каменными домами европейский город. По очень оптимистической оценке М. Н. Тихомирова, «московское население в 1382 году надо исчислять... в 20–30 тысяч человек» (318, 94). Заметим, что между началом строительства крепости (1367 год) и нашествием Тохтамыша (1382-й) прошло 15 относительно благополучных лет, когда население Москвы неуклонно увеличивалось. Соответственно, в 1365 году в Москве, по-видимому, проживало лишь несколько тысяч человек.

Итак, Москва не имела ни людей, ни денег для большого строительства. Но и медлить с восстановлением Кремля было нельзя. Опасность грозила со всех сторон. Беззащитностью Москвы могли воспользоваться и беспокойные суздальские братья Дмитрий и Борис Константиновичи, и давние враги Москвы тверичи во главе с молодым и дерзким князем Михаилом Александровичем, и знаменитый воин

литовский князь Ольгерд, и захвативший власть в Сарае хан Азиз-Шейх, легитимность которого (а вместе с ней и право получения дани) московский князь не хотел признавать (264, 128).

Задача казалась неразрешимой. Но московская знать, сплотившаяся вокруг митрополита Алексея, оказалась на высоте положения. На вызов безнадежности был найден ответ веры...

Летописные известия за эти годы кратки, невняты и лишены точной датировки. Историк вынужден во многом «на глазок» вычерчивать пунктир событий.

О пользе чтения Библии

Пожар расчистил территорию Кремля от деревянной застройки. Посреди заваленного обугленными бревнами огромного пустыря сиротливо стояли почерневшие от огня низкорослые каменные храмы Ивана Калиты.

Но деревянные постройки возводились быстро и стоили сравнительно дешево. Густые леса в верхнем течении Москвы-реки снабжали столицу бесконечными плотами строевого леса. Впрочем, всё это деревянное царство могло простоять лишь до следующего пожара.

Митрополит знал, что постройка каменной крепости подняла бы Москву на голову выше всех ее соперников. Занятая степными войнами Орда не станет препятствовать строительству. За каменными стенами можно будет переждать любое нашествие. Но всякая мечта имеет свою рыночную цену. В ситуации 1367 года первый и главный вопрос московского строительства заключался в деньгах. Опустошенная бесконечной войной с суздальскими князьями, данями и дарами татарским «царям», церковно-политическими интригами в Константинополе московская казна была пуста.

В тягостной задумчивости митрополит Алексей, должно быть, нередко раскрывал наугад Священное Писание и читал первые попавшиеся строки. (Так поступал еще Владимир Мономах, в трудных обстоятельствах искавший совета у небесных сил.) Однажды митрополиту открылась Книга Неемии. Удивительная история о том, как всего один человек, воодушевленный мечтой о восстановлении стен Иерусалима, сумел поднять на это святое дело всю знать, всех жителей разоренного города, поразила Алексея своим сходством с положением, в котором находился он сам. Неемия нашел выход из тупика бедности. Он поручил каждому роду и каждому землячеству, каждому жителю Иерусалима, чей дом находился

возле стены, возвести небольшой участок каменной кладки. При этом работа каждого заносилась в особый список для учета сделанного и в наизидание потомкам.

«И встал Елияшив, великий священник, и братья его священники и построили Овечьи ворота; они освятили их и вставили двери их, и от башни Меа освятили их до башни Хананела. И подле него строили Иерихонцы, а подле них строил Закхур, сын Имрия. Ворота Рыбные строили уроженцы Сенаи; они покрыли их, и вставили двери их, замки их и засовы их» (Неем. 3, 1–3).

«Далее ворот Конских чинили священники, каждый против своего дома. За ними чинил Садок, сын Иммера, против своего дома, а за ним чинил Шемаия, сын Шехании, сторож восточных ворот» (Неем. 3, 23).

Митрополит решил повторить опыт Неемии. В одном источнике XVII столетия Алексей прямо назван инициатором постройки белокаменного Кремля (124, 200). Это сообщение весьма правдоподобно.

Собрав на совет всё московское боярство и состоятельных горожан, митрополит предложил каждому взять на себя часть общего дела — построить участок стены или башню. Подкрепляя свою мысль словами Священного Писания, митрополит убеждал толстосумов раскошелиться ради общего дела, ради спасения Москвы. И призыв этот был услышан. «Сильные мира сего» распределили между собой строительство участков стен, ворот и башен...

Время стирает заметки памяти. На смену старым названиям приходят новые. Но некоторые башни Московского Кремля навсегда сохранили имена строивших их бояр: Свиблова и Собакина башни, Тимофеевские ворота (по имени окольного Тимофея Воронцова-Вельяминова) (116, 176). Так Московский Кремль стал символом единства во имя общей цели...

Деньги, деньги и еще раз деньги...

Для постройки крепости требовались несколько тысяч рабочих и, разумеется, немалые денежные средства (116, 176). Боярский «подряд» облегчал ситуацию, но не снимал всех проблем. Митрополит Алексей понимал, что для скорейшего завершения дела необходимо воспользоваться серебром из митрополичьей казны. Однако сделать это следовало с большой осторожностью, дабы не вызвать обвинений в предвзятости и расхищении церковных сумм. Глава Русской церкви не должен был явным

образом поддерживать одного князя в ущерб другим, а тем более — оплачивать постройку этим князем оборонительных сооружений. Явное участие в московских начинаниях грозило Алексею обвинениями в неканоническом поведении и лишением сана.

Понимая всё это, митрополит пошел на хитрость. Вскоре после пожара (лето 1365 года) он начал строительство в Московском Кремле небольшого каменного храма — собора Чудова монастыря. Этот монастырь был устроен на опустошенной пожаром территории в восточной части Кремля. Он примыкал к городской стене в самом ответственном месте — «на приступе». И если две стороны московской крепости были защищены реками (Москвой-рекой и Неглинкой), то третья, отделявшая Кремль от торговой площади, не имела никакой естественной защиты. Именно здесь враг мог начать штурм Кремля. Чудов монастырь в известной мере укреплял оборону этого участка стены. Но главное всё же заключалось не в этом...

Монастырский собор был освящен в честь Чуда архистратига Михаила «иже в Хонех». Воевода небесных сил был одним из самых почитаемых на Руси образов христианства. Его призывали на помощь тогда, когда христианам грозила какая-то неотвратимая беда. Согласно церковному преданию, язычники пытались затопить храм архистратига Михаила водами протекавшей поблизости реки. Однако он внезапно спустился с небес и ударил жезлом в скалу. Образовалась огромная расселина, в которую и ушла вода. Язычники были посрамлены, а живший при храме благочестивый юноша Архипп таким образом избежал от гибели.

(Помимо общехристианского значения образ архангела Михаила вполне мог иметь особое личное значение для митрополита Алексея или юного князя Дмитрия Ивановича. Однако источники не дают оснований для каких-либо предположений на сей счет.)

Согласно летописному известию, каменный храм был построен необычайно быстро: за один строительный сезон. «Того же лета (1365) пресвященнии Алексеи митрополит всея Руси заложи церковь камenu на Москве во имя святаго архангела Михаила, честнаго его чуда, бывшаго в Хонех, милостию же Божиею и помощию святаго архангела Михаила единого лета и почата и кончана бысть и священа бысть» (43, 79).

Очевидно, это было небольшое сооружение. Историк русского зодчества Н. Н. Воронин на основе довольно сомнительных данных посчитал его «очень крупным зданием» (116, 229). Однако нельзя забывать, что строительство совпало по времени — лето 1365 года — с «великим пожаром». Ясно, что возводимые в монастыре постройки пострадали от

вездесущего огня, а строители (исключая погибших в огне!) были временно переброшены на более срочные дела, например — восстановление княжеского и митрополичьего дворов.

Недоумение исчезает, если допустить, что возведение каменных построек в Чудовом монастыре — вопреки уверениям летописца, стремящегося придать этому молниеносному строительству характер нового чуда архангела Михаила, — было длительным процессом. Примечательно, что летописец не называет точных дат (день, месяц) закладки и освящения монастырского собора. О монастырской трапезной не сообщается даже года постройки. А между тем летописец прекрасно понимал символическое значение этих дат и называл их для всех построек Ивана Калиты. Такое молчание не случайно. Чудов монастырь строился долго и с перерывами. Об этом косвенно свидетельствует и созданное в середине XV века Житие митрополита Алексея. История монастыря представлена здесь как растянутый во времени процесс (50, 195).

В свое время Н. Н. Воронин высказал верное в основе своей предположение о связи между строительством белокаменного Кремля и созданием Чудова монастыря. Однако, по мнению ученого, митрополит Алексей при постройке собора Чудова монастыря воспользовался «крупными строительными силами», собранными в Москве для возведения новой каменной крепости (116, 229). В действительности гораздо лучше согласуется с историческим контекстом обратное предположение: митрополит Алексей направил на заготовку камня и постройку крепости «крупные строительные силы», собранные им в 1365 году для предполагаемой постройки Чудова монастыря.

Такое решение было вполне естественно для митрополита Алексея. Он не отделял свои собственные интересы от интересов московского дела. Москва была его родиной и его мечтой. Но мечтатели становятся победителями тогда, когда их горячая вера соединяется с холодной логикой прагматизма. Парадоксальное сочетание этих двух начал в одной личности и создает великих людей всемирной истории. Именно такими и были отцы-основатели Московского государства.

Вялотекущее строительство Чудова монастыря можно назвать своего рода «военной хитростью». Оно позволило митрополиту завуалировать собственное участие в возведении новой московской крепости. Мастера, собранные по призыву митрополита со всех подчиненных ему епархий для строительства монастыря, трудились на возведении Кремля. Материалы, закупленные для монастыря, незаметно укладывались в фундаменты

крепостных стен. Деньги, перетекавшие из митрополичьей казны в великокняжескую, списывались на расходы по устройству монастыря. Здесь, как и во многих других исторических ситуациях, высокая цель (возвышение Москвы и через него — объединение Руси) могла быть достигнута только с помощью низменных средств...

На заготовку материалов и разбор остатков старой крепости ушли вторая половина 1365-го и весь 1366 год. Поздней весной 1367 года началось главное — возведение новых белокаменных стен.

Откуда взялось огромное количество белого камня для московских стен? Мнение специалистов на этот счет звучит весьма убедительно: «Весной 1367 года, когда в основном из Мячковских каменоломен были доставлены блоки известняка, началось строительство» (114, 32). Село Мячково и донныне существует на левом берегу Москвы-реки примерно в 40–50 километрах от столицы, ниже по течению. Сохранились там и выходы белого камня — известняка.

Работа в каменоломнях была тяжелой и опасной. Камень добывали не только в открытых карьерах, но и в подземных штольнях. Основной сезон добычи камня — лето. «Камень и известь добывали и обжигали летом; зимой крестьяне свою продукцию отправляли по санному пути» (114, 19). Впрочем, при необходимости камень можно было возить и летом — на больших плоскодонных речных судах.

Дело шло на удивление быстро, не останавливаясь из-за нехватки людей или материалов. Объединение ресурсов великокняжеской казны, митрополичьей кафедры и московских боярских кланов позволило поставить строительство белокаменной крепости на прочное финансовое основание. Привлеченные слухами о хорошем заработке, в Москву стекались толпы землекопов — крестьян из подмосковных сел и деревень. Эпидемия чумы осталась в прошлом, и дороги вновь наполнились путниками. Лучшие мастера из Новгорода и Пскова, где навык работы с камнем был живой традицией, потянулись на сытые московские хлеба. Белая как снег стена поднималась из земли и обретала внушительный вид.

Объем выполненных строителями работ огромен. Вот примерный перечень работ и их исполнителей, составленный Н. Н. Ворониным.

«Ломка камня. Грубая теска камня в карьере. Доставка камня на 50 км. Обжиг известняка. Гашение извести-кипелки. Приготовление раствора. Рытье рвов и котлованов с последующей засыпкой. Подвозка камня к стенам. Кладка бутовых фундаментов. Теска постелей и лица камня. Кузнечные работы (оправка инструмента). Устройство лесов. Лицевая кладка стен и зубцов. Забутка стен и зубцов» (116, 233).

Для выполнения этих работ требовались люди двух уровней квалификации. Большинство составляли простые разнорабочие — землекопы, возчики, грузчики и плотники. В этой роли могли выступать крестьяне окрестных деревень, искавшие в Москве спасения от голода, вызванного засухой 1365 года. Постройка крепости стала своего рода «общественными работами», которые позволяли голодающим получить кусок хлеба и миску похлебки. Так действовал позднее и Борис Годунов во время страшного голода 1600–1602 годов. Благодаря голоду московские власти имели в своем распоряжении тысячи почти бесплатных рабочих рук.

Код Пимена

Созданный Пушкиным образ летописца Пимена — своего рода «парадный портрет». В реальной работе летописца было много тонкостей и литературных приемов, непонятных для людей нашего времени. В частности, летописец прекрасно знал Священное Писание и пользовался библейскими аллюзиями как своего рода кодом, зашифрованным посланием, смысл которого доступен только посвященным.

Рогожский летописец под 6874 годом (1366) сообщает: «Тое же зимы князь великий Димитрей Иванович, погадав съ братом своим съ князем съ Володимером Андреевичем и съ всеми бояры старейшими и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сътвориша. Тое же зимы повезоша камене к городу» (43, 83).

Симеоновская летопись содержит аналогичный текст (45, 106). Тот же текст читался и в сгоревшей в пожаре 1812 года Троицкой летописи, которой пользовался Н. М. Карамзин (72, 384).

В этом тексте весьма интересно не только то, о чем сообщает летописец, но и то, о чем он умалчивает. Так, он ни словом не упоминает об участии в этом московском совещании митрополита Алексея. А между тем именно Алексей, а вовсе не 16-летний князь Дмитрий, был душой этого смелого проекта. Однако говорить об этом явном нарушении правил поведения иерарха московские летописцы не хотели.

Размышляя над этим текстом, М. Н. Тихомиров особо отметил заключительную часть первой фразы. «Обращает на себя внимание и своеобразная, можно сказать, задорная конструкция фразы: „да еже умыслиша, то и сътвориша“, то есть что задумали, то и сделали. Летописец точно хотел подчеркнуть, что у московских князей намерение не

расходится с делом» (318, 59).

Думается, это слишком прямолинейное толкование загадочной фразы. Тихомиров пошел в данном случае за текстом Никоновской летописи (1520-е годы). Там, как и в тексте Московского свода начала XV века, о строительстве крепости сообщается дважды (под 6874 и 6875 годами), причем второе известие имеет уникальное дополнение. «Того же лета князь велики Дмитрей Иванович заложи град Москву камен, *и начаша делати безпрестани*. И всех князей русских привожаще под свою волю, а которых не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати, такоже и на князя Михаила Александровича Тверьскаго...» (42, 8).

Слова «и начаша делати безпрестани» выглядят неловкой вставкой. Однако она естественно объясняется как попытка создателя Никоновской летописи передать смысл озадачившей его неловкой вставки в первом известии о постройке крепости — «да еже умыслиша, то и сътвориша» (43, 83).

В этой путанице сбивчивых фраз угадываются фрагменты целостной картины — рассуждения тверского летописца — редактора Московского свода начала XV столетия — об исконном злонравии потомков Калиты. При анализе этих фрагментов следует помнить, что кодом для сокровенного смысла летописных сентенций всегда было Священное Писание. Очевидно, что именно тверской летописец сделал эту неуклюжую вставку — «да еже умыслиша, то и сътвориша» — в монолитный текст московского известия о постройке крепости. Однако мотивом этой вставки (дошедшей до нас в сильно урезанном виде) было отнюдь не восхищение деловитостью москвичей, а иносказательное осуждение этого замысла как части той политики произвола и насилия по отношению к другим князьям, на которую тверской летописец прямо жалуется в следующей погодной статье. Глагол «умыслить» (замыслить) в летописях и Священном Писании использовался редко, причем обычно тогда, когда речь шла о дурном намерении — лжесвидетельстве (Вт. 19, 19), коварных замыслах братьев Иосифа (Быт. 37, 18).

(В поисках данного глагола мы пользовались текстом Острожской Библии 1581 года. В переводе Библии на современный русский язык понравившийся переводчикам глагол «умыслить» встречается гораздо чаще, чем в древнерусском тексте.)

В Лаврентьевской летописи (рукопись 1377 года) глагол «умыслить» также имеет негативную окраску. Он использован в рассказах о том, как княгиня Ольга коварно задумала («умысли») погубить древлян с помощью воробьев и голубей, как Святополк Окаянный задумал («умысли») погубить

своих братьев, как некий монах замышлял («умышляше») самовольно уйти из Киево-Печерского монастыря (32, 58; 32, 137; 32, 190). Как исключение из общего правила следует рассматривать использование данного глагола в более положительном контексте в рассказе о том, как русские южнорусские князья собрались в поход на половцев в 1102 году. «Вложи Бог мысль добру в Русьские князи, умыслиша дерзнути на половце» (32, 276).

Тверские инвективы

Исследователи летописания единогласны в том, что Рогожский летописец представляет тверскую редакцию общерусского летописного свода начала XV века. Это проявляется и в уникальном комментарии летописца по поводу строительства Московского Кремля. «Того же лета на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тях почали посягати злобою. Тако же бяшетъ посяжение их на князя на великаго на Михаила Александровича, а князь Михайло того ради поехал въ Литву» (43, 84).

В этом известии тверской летописец, воспользовавшись в качестве повода для обличения московского произвола прошлогодним сообщением о постройке московской крепости, дал волю своим политическим пристрастиям. Известие наполнено библейскими аллюзиями, хорошо знакомыми средневековому книжнику. Так, замечание летописца о том, что московские князья стали русских князей «приводити в свою волю», полагаясь «на свою на великую силу», прямо перекликалось с многократно повторенным в Священном Писании положением о том, что «не силою крепок человек», а помощью силы Божьей (1 Цар. 2, 9). «Да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим» (Иер. 9, 23).

Глагол «надеяться» в древнерусских текстах обычно встречается в виде клише: «надеяться на Господа» (позитивная характеристика) или «надеяться на что-либо иное, кроме Господа» (негативная характеристика). «Благо есть надеятися на Господа, нежели надеятися на человека» (Пс. 117, 8). Таким образом, надежда московских князей «на свою великую силу» выглядит едва ли не как богоотступничество. Гибельность такого пути была засвидетельствована многими сюжетами Священного Писания.

Бог не будет помогать тем, кто, возгордившись, творит злое дело. В качестве примера московской «злобы» летописец указывает на судьбу

тверского князя Михаила Александровича, вероломно схваченного в Москве во время переговоров в 1367 году. (Об этом речь пойдет в следующей главе.)

Ударный долгострой

Итак, очевидно, что московскую крепость строили «всем миром», по возможности быстро и, так сказать, «назло врагам». Но при всём том остается открытым вопрос: насколько буквально следует понимать летописное известие о постройке крепости за один строительный сезон 1367 года? Быть может, в действительности за этот год была выполнена только некоторая часть всей строительной программы? Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос. Высказывалось мнение, что крепость строили в течение двух строительных сезонов (206, 66). Полагая, что московская крепость была за год выстроена полностью, Н. Н. Воронин при этом осторожно замечал, что белокаменные стены, вероятно, были небольшой толщины и сравнительно низкими (116, 179).

Гораздо более скептическим было мнение М. Н. Тихомирова. «Каменные стены, конечно, строились длительное время и не были еще закончены даже через 15 лет. В дни страшного Тохтамышева нашествия 1382 года стены Кремля оказались низкими. По-видимому, каменные стены так и остались во многих местах до конца не доделанными. Контарини (итальянский дипломат, посетивший Москву в 1474 году. — Н. Б.) даже уверяет, что и сама крепость была деревянной» (318, 60).

Картина «всенародной стройки» впечатляет. Но здравый смысл заставляет согласиться с осторожным скептицизмом ученого...

Глава 9

ТВЕРСКИЕ ИСКРЫ

Если подуешь на искру; она разгорится, а если плюнешь на нее, угаснет: то и другое выходит из уст твоих.

Сирах. 28, 14

Героическая «эпоха Куликовской битвы» не сводится к одному лишь Дмитрию Донскому, подобно тому как «золотой век русской поэзии» не сводится к одному Пушкину. В это понятие входит деятельность целой плеяды выдающихся русских людей второй половины XIV столетия. Эти люди по-разному представляли будущее Руси. Они ссорились и враждовали друг с другом. Но их многое и объединяло. Они играли свои роли в одной исторической драме, имя которой — Возвышение Москвы.

В первом ряду этой когорты, рядом с Дмитрием мы поместим его вечного соперника — тверского князя Михаила Александровича. Он по праву займет это почетное место. Рассказа о нем требует и хронологический пунктир нашей книги. Мы закончили предыдущую главу постройкой московской крепости зимой 1367/68 года. Примерно в это же время Михаил Александрович Тверской вступает или, лучше сказать, врывается в большую политику.

Но здесь позволим себе небольшое отступление почти личного характера...

Город на обочине

Тихая Тверь — падчерица русской истории. В XX веке она почти забыла свое прошлое, растеряв не только архитектурные памятники, но даже свое историческое имя, взамен которого получила колючую фамилию «всероссийского старосты». Ее огромные химические заводы и текстильные фабрики, ее претенциозная застройка сталинских времен довершили дело. Город потерял лицо, превратился в индустриальное нечто на обочине Петербургского тракта.

И всё же не будем спешить в Петербург. Заедем в Тверь. Возможно, при более близком знакомстве впечатление изменится.

Дорога от Москвы до Твери не долгая, но и не короткая. Эти полторы сотни верст, эти три часа дорожной созерцательности — словно подарок судьбы для вечно спешащего столичного жителя.

Москва неохотно выпускает из своих тяжких объятий. Но мы упрямо проталкиваемся сквозь ее заторы, обгоняем стада огромных фур и, наконец, вливаемся в стремительный косяк автомобильной мелюзги. И вот уже неба впереди стало больше, а сизого чада — меньше. Впереди — дорога. Ну как тут не вспомнить Петра Андреевича Вяземского с его бессмертной поэмой «Коляска»...

«Томясь житьем однообразным, люблю свой страннический дом...»

Немного путевой информации. Тверь почти ровесница Москвы. Она появляется в анналах отечественной истории в середине XII столетия. В 1208 году здесь останавливалась двигавшаяся на Новгород великокняжеская рать (177, 48). Что же касается имени города, то одни выводят его от слова «твердь» (крепость), а другие — от реки Тверцы. Но как бы там ни было, для привыкшего к переливам гласных московского уха это имя, состоящее почти из одних согласных, звучит как-то тревожно и даже враждебно. В нем будто слышится какое-то сердитое фырканье или сдержанное рычание. Не будем слишком увлекаться прикладной фонетикой. Но напомним мнение Флоренского: «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» (332, 26).

Тверь с ее древней враждой к Москве и неразделенной любовью к Владимиру — один из самых необычных русских городов.

Душа любого города — река. Волга не раз спасала Тверь от летаргии и воодушевляла на дерзкие предприятия. Тверской купец Афанасий Никитин — нынешний бренд тверского предпринимательства, — потеряв все свои товары, не стал умолять кредиторов о снисхождении, а отправился вниз по Волге — в неизвестность, куда глаза глядят. Обойдя полсвета, он затосковал по родным местам. Но с этим чувством он немного опоздал. Так и не дойдя до Твери, Афанасий умер в Смоленске, оставив потомкам свои знаменитые записки.

Иван III завоевал Тверь легко и просто, словно сорвал с ветки созревшее яблоко. Он посадил здесь наместником своего старшего сына Ивана — тверича по линии матери. Местная знать, давно утратившая гонор и злость, не удостоилась гонений и всем составом перешла на службу к своему историческому врагу — Москве. Там к концу XV века уже существовало своего рода «тверское землячество», объединявшее перебежчиков из Твери. Из его рядов вышел знаменитый полководец Даниил Дмитриевич Холмский, чей меч принес Ивану III самые славные из

его побед.

В XVI столетии Тверь уходит в историческую тень. Нет, жизнь тут, разумеется, течет, как и везде. Волга качает свои корабли, бесчисленные монастыри и церкви возносят к небесам воздушные голоса своих колоколен, люди в поте лица зарабатывают хлеб насущный... Но всё это, увы, как-то однообразно и бесперспективно. История России делается совсем в других местах.

Тем, кто любит воспринимать историю через зримые образы, мы советуем взглянуть на самый старый храм в городе — церковь Белой Троицы. Построенная в 1563–1584 годах на окраине тогдашней Твери, она не слишком изящна по пропорциям, но дышит какой-то подлинной средневековой мощью.

Черным крылом скользнула над Тверью опричнина, оставив могилу задушенного Малютой митрополита Филиппа в Отроче монастыре. Затаился в кушалинской сельской глуши чудом избежавший удавки потешный царь Симеон Бекбулатович... Вот, пожалуй, и вся общерусская составляющая история Твери в XVI столетии.

Смута не обошла Тверь стороной. Безвластие, резня, грабежи... Но минули лихие времена. Настало время благочестивых Романовых. Тихо шелестели над Волгой года и десятилетия. И только Петр Великий грохотом своих пушек разбудил сонную Тверь. В переплетениях новых российских дорог она вдруг оказалась на очень удачном месте: на полпути между старой и новой столицей. Открытая в 1709 году Вышневолоцкая гидротехническая система превратила тихую речку Тверцу (левый приток Волги) в едва ли не главную водную артерию страны. Верховья Тверцы возле Вышнего Волочка связали каналами и шлюзами с верховьями реки Мсты, текущей на север, в озеро Ильмень. По Вышневолоцкой системе из глубины России в державный Петербург пошли бесконечные караваны дощатых барок — этих далеких предшественниц современных «фур».

В эпоху великой Екатерины опустошенный небывалым пожаром старый город возродился уже в ином, «регулярном» обличье. Его выпрямившиеся улицы и переулки напоминают о геометрии Петербурга. Дома приобретают единообразные фасады и выстраиваются строго вдоль красной линии улицы. Исторические эпохи встречаются лицом к лицу. Рядом с огромным Спасо-Преображенским собором времен царя Алексея Михайловича Никитин и Казаков строят роскошный путевой дворец в духе Версаля.

Но вскоре вся эта строительная лихорадка затихает, и Тверь на целый век уходит в свое обычное состояние — сонный покой. Корабли

легкокрылыми стаями уплывают из Твери в Рыбинск — столицу новой, Мариинской гидротехнической системы. Воцаряется тихое, размеренное бытие одного из полусотни губернских городов необъятной матушки-России...

Столица нищего Нечерноземья, Тверь всегда была переполнена ищущими заработка крестьянами. С отменой крепостного права цены на их труд упали до смешного. Предприимчивые купцы устраивают в Твери текстильные фабрики, химические заводы, мастерские, элеваторы. Работники толпами ждут найма у ворот предприятий.

Советская эпоха встряхнула Тверь грохотом своих литавр. Первые пятилетки отметились здесь мощным полиграфическим комбинатом, вагоностроительным заводом, заводом искусственной кожи, а также — разрушением едва ли не всех церквей. Старую добрую Тверь словно вывернули наизнанку, переименовав в город Калинин. Поводом послужило то обстоятельство, что «всероссийский староста» родился в деревне Верхняя Троица Тверской губернии. Говорят, добрейший Михаил Иванович не очень-то и хотел такого бессмертия. Однако по обыкновению предпочел не спорить с начальством и держать свое мнение при себе.

Осенью 1941 года немцы ненадолго взяли Тверь, но быстро были выбиты из города. Особых разрушений Тверь в эти дни не испытала.

Послевоенные годы ознаменовались — мы говорим лишь о примечательных чертах архитектурного облика Твери — возведением дюжины помпезных гигантов в стиле сталинского ампира. Особенно замечателен в этом отношении речной вокзал, некогда кипевший пассажирами, а ныне заброшенный и тихо догнивающий на стрелке близ устья Тверцы.

Потом — эпоха пятиэтажек, торжество серых тонов, силикатный кирпич...

Однако за этими разговорами мы уже въехали в Тверскую губернию. Справа то и дело сверкает зеркало Волги. За дамбой широко раскинулся Шошинский плес. Вот и большое село Городня — древний городок Вертязин (201, 177). Во времена удельной Руси он служил «часовым» у переправы через Волгу. Здесь сохранилась красиво стоящая над Волгой Рождественская церковь.

Эта церковь — «единственная сохранившаяся постройка самостоятельной тверской архитектурной школы» (120, 23). Ее нижний ярус («подклет») был построен во второй половине XIV столетия. Эти камни помнят заказчика храма — тверского князя Михаила

Александровича. Возможно, в этих стенах летом 1375 года молился и Дмитрий Донской, прося у Всевышнего победы над непокорной Тверью. И где как не здесь вспомнить строителя храма — князя Михаила Александровича Тверского...

Герой без подвига

В то время как в Московском княжестве после губительного «дуновения чумы» к 60-м годам XIV века уцелело всего лишь три князя-отрока: Дмитрий Московский, его младший брат Иван (умерший в 1364 году) и Владимир Серпуховской, в Твери, напротив, было слишком много претендентов на власть. Тверское княжество длинной полосой тянулось вдоль Волги, по форме напоминая лодку, нос которой был устремлен на северо-восток, а корма — на юго-запад. В этой в общем-то небольшой «лодке» теснились более десятка князей. Среди них наибольшую известность получил князь Михаил Александрович — яркий и даровитый правитель, пытавшийся объединить тверские земли и отстоять их от московской экспансии. Для исторической славы ему не хватило лишь одного — победы в каком-нибудь великом сражении. Но жизнь — не стол заказов, где каждый может получить всё, что пожелает. Так и остался Михаил Тверской в русской истории довольно странной фигурой — героем без подвига...

Михаил родился в 1333 году и был назван в честь архангела Михаила — предводителя небесного воинства. Со времен святого князя Михаила Ярославича Тверского этот образ стал сакральным знаком города на Волге.

Отец Михаила Александровича — князь-изгнанник Александр Михайлович Тверской. Орда считала его виновником восстания в Твери 15 августа 1327 года, в ходе которого тверичи уничтожили стоявший в городе татарский отряд. Александр долго скрывался от ханского гнева во Пскове, потом в Литве и опять во Пскове. В 1336 году Узбек сменил гнев на милость и разрешил Александру вернуться в Тверь. Однако старые подозрения тлели под пеплом примирения. Вероятно, москвичи не давали ханскому гневу окончательно погаснуть. В итоге 38-летний Александр Тверской был казнен в Орде в 1339 году.

Семья опального князя долгое время жила во Пскове. Супругу Александра Тверского звали Анастасией. Помимо Михаила она родила Александру еще семь детей — пять сыновей и двух дочерей. Никаких других подробностей ее биографии источники не сообщают.

В год гибели отца Михаилу было шесть лет. В сущности, он рос такой же «безотцовщиной», как и Дмитрий Донской. Но на этом сходство биографий двух героев не заканчивается. Дмитрия Донского воспитывал митрополит Алексей. Михаил Тверской воспитывался в Новгороде, при дворе умного и образованного архиепископа Василия Калики. Такого рода воспитание предрасполагает к размышлениям о своем призвании, о Божьей правде как высшей цели правителя.

Со временем Михаил Александрович вернулся в тверские земли, где получил из владений отца собственный удел — городок Микулин в среднем течении Шоши. Этот городок под именем Микулино Городище существует и ныне. Красивый старинный собор времен Ивана Грозного окружают высокие земляные валы, помнящие удельные войны и набеги татар. Вокруг крепости вьется речка Шоша — левый приток Волги. Кругом мирные сельские пейзажи. До Москвы — почти две сотни верст...

Здесь, в сельской глуши, Михаил провел свои отроческие годы.

В 1352 году Михаил Александрович женился на Евдокии — дочери князя Константина Васильевича Суздальско-Нижегородского. В этом семействе не любили Москву и не скрывали своих чувств. Брат Евдокии осторожный Дмитрий Константинович в начале 1360-х годов имел спор за великое княжение Владимирское с малолетним Дмитрием Московским. Другой брат, Борис Городецкий, долго и упрямо ненавидел Москву и был, в конце концов, раздавлен ее жерновами...

Сходство биографий Дмитрия Московского и Михаила Тверского порой вызывает удивление. Оба они по рождению принадлежали ко вторым или третьим рядам княжеского корпуса. Но словно неведомая сила выталкивала их вперед, убирая все препятствия и всех соперников. Их владения быстро расширялись за счет выморочных уделов. Оба они отличались неистовой энергией и верой в свое особое предназначение.

Скромное положение Михаила Александровича на родословном древе тверских князей не сулило ему блестящего будущего. На троне великого князя Тверского сидели младшие братья его отца — Константин Михайлович (1339–1347) и Василий Михайлович (1349–1368). Да и среди своих родных братьев (сыновей Александра Тверского) Михаил занимал лишь четвертое место — после Федора, Леонтия и Всеволода. К тому же он имел за спиной двух младших братьев — Владимира и Андрея. В таких случаях ордынские ханы устраивали поголовную резню своих младших братьев и племянников. Но русские Рюриковичи (за очень редким исключением) таких вещей себе не позволяли. Они предпочитали молиться

и терпеливо следовать таинственными путями Божьего промысла.

Однако сама судьба расчищала путь Михаила. Его старшие братья Федор и Леонтий умерли рано, не оставив потомства. Впереди Михаила по семейному счету остался один лишь брат Всеволод.

Всеволод Александрович владел небольшим уделом, вырезанным из состава владений его отца — Александра Михайловича Тверского. Столицей этого удела было село Красный Холм на границе тверских и московских земель. Место было бедное, глухое. Честолюбивый Всеволод, разумеется, мечтал о большем и с нетерпением ждал кончины своего дяди — великого князя Тверского Василия Михайловича Кашинского. Тогда Всеволод как старший в следующем поколении потомков Михаила Ярославича мог на законном основании претендовать на тверской трон.

Однако Василий Михайлович не спешил умирать. Он твердой рукой осаживал не в меру ретивого племянника. А на случай войны у него имелись помимо собственных войск и весьма серьезные союзники.

Кашинская дипломатия

Дружба с Москвой была традиционной политикой младшей, кашинской линии тверского дома. В Москве по отношению к тверским князьям еще в 50-е годы XIV века выстроили ту же схему «разделяй и властвуй», какую в 60-е годы москвичи будут выстраивать по отношению к суздальско-нижегородским князьям.

В спорных вопросах Василий Кашинский рассчитывал на поддержку могущественного соседа и свата — великого князя Московского. В 1351 году он женил сына Михаила на дочери московского князя Семена Гордого. Сам же он с 1329 года был женат на брянской княжне Елене Ивановне. Примечательно, что и московский великий князь Иван Красный (отец Дмитрия Московского) в 1341 году женился первым браком на Феодосии, дочери Дмитрия Брянского. И хотя молодая княжна в Москве вскоре умерла, какие-то связи через брянское семейство у Дмитрия Московского с Василием Кашинским, вероятно, остались.

В то время как Василий Михайлович возлагал надежды на союз с Москвой, Всеволод обратился к другим сильным покровителям — хану Бердибеку и литовскому князю Ольгерду. Орда по старой дружбе с Москвой не стала помогать Всеволоду и выдала его сопернику — князю Василию Михайловичу. Только ценой большого выкупа ему удалось вернуть себе и своим людям свободу. Совершенно иначе отнесся к жалобам

Всеволода князь Ольгерд.

Рука Литвы

Между Литвой и Тверью существовали пограничные споры, в частности — за важную в стратегическом отношении крепость Ржев. В 1360 году Ольгерд демонстративно подошел с войском к самой тверской границе и остановился возле Ржева, захваченного тверичами при помощи москвичей незадолго перед тем.

Ослабевшая после кончины великого князя Ивана Ивановича Москва не могла в это время помочь Твери. Не надеясь на собственные силы, тверской князь Василий Михайлович вынужден был пойти на переговоры с Ольгердом. В роли посредника выступал князь Всеволод Холмский. Он к этому времени успел уже дважды побывать в Литве у Ольгерда и завязать с ним личные отношения.

В сложившейся обстановке князь Василий Михайлович пошел на уступки как Ольгерду, так и его подручнику Всеволоду Холмскому. Он принял в Твери в качестве посредника на переговорах ставленника Ольгерда литовского митрополита Романа — злейшего врага московского митрополита Алексея. Одновременно великий князь уступил Всеволоду с братьями некоторые спорные владения в Тверской земле (177, 173).

Кажется, Всеволод был удовлетворен достигнутым. В последующие годы (до самой своей кончины от чумы в 1365 году) он мирно правил в своем Холмском уделе, не проявляя особой политической активности. Роль «возмутителя спокойствия» перешла к его младшему брату — Михаилу Александровичу.

Тверская усьобица: действие первое

В 1362 году состоялось первое самостоятельное появление Михаила Александровича на политической сцене. В начале этого года литовцы разграбили некоторые тверские волости. Вероятно, это была обычная пограничная стычка. Никто не хотел разрастания конфликта. Михаил поехал на переговоры с Ольгердом и заключил мир. Из этого эпизода дальновидные наблюдатели сделали вывод, что Михаил пошел по стопам старшего брата Всеволода и сделал дружбу с Литвой краеугольным камнем своей политики.

Тверской великий князь Василий Михайлович был возмущен

самостоятельностью и литовскими связями своего микулинского племянника. Его беспокоили растущая популярность и властолюбие Михаила Александровича, который готов был заявить претензии на тверской трон. А между тем у великого князя Василия имелся свой сын — тоже Михаил, которому он мечтал оставить великое княжение Тверское.

В 1363/64 году Василий Михайлович ходил на Михаила Александровича войной. Однако дело было вскоре улажено миром.

Длинный список князей тверского дома сильно сократила чума, прокатившаяся тогда по всем русским землям. «Черная смерть» свирепствовала в Тверской земле с ноября 1365-го по февраль 1366 года. Как и в Московском княжестве, она собрала здесь обильную жатву. Жертвой эпидемии стали все родные братья Михаила Александровича (старший — Всеволод и младшие — Владимир и Андрей), а также двоюродный брат Семен Константинович. Умершие князья либо не имели наследников, либо имели малолетних детей. Это неожиданно открывало Михаилу Александровичу далекие перспективы. Впрочем, до полного истребления всех «лишних» персонажей было еще далеко...

«После смерти Всеволода Михаил Александрович был теперь не только „de facto“, но и „de jure“ главным конкурентом своего двоюродного брата Михаила Васильевича в борьбе за тверское княжение» (177, 177). В его руках помимо собственных владений оказались и обширные массивы выморочных уделов. Старый великий князь Василий Михайлович всё более терял авторитет и даже опасался жить в Твери, предпочитая свое родовое гнездо — Кашинский удел. Тверичи явно предпочитали видеть своим князем молодого и удачливого Михаила — прямого потомка двух самых выдающихся тверских князей и явного врага Москвы. Ненависть к Москве и ее подручным была, по-видимому, общей чертой всех слоев населения Твери.

Однако Михаил не спешил явным образом отнимать власть у дяди. Вероятно, он не хотел окончательно портить отношения с Москвой и не был уверен в поддержке Ольгерда. Михаил был горяч, но при этом умен. Он умел терпеливо ждать удобного момента для нанесения удара противнику.

Тверская усобица: завещание дядюшки Семена

В этой обстановке началась история с выморочным уделом князя Семена Константиновича. Этот умерший от чумы князь завещал свое

небольшое, но очень важное в стратегическом отношении владение («Семенов городок» на Волге, располагавшийся севернее Нового Городка — современной Старицы) князю Михаилу Александровичу. Причиной такого решения могли быть и личные симпатии, и уверенность в том, что именно Михаил является фактическим великим князем Тверским. Как бы подтверждая это мнение, Михаил, не спрашивая ни у кого разрешения, в 1366/67 году выстроил на Волге собственную крепость — Новый Городок (Старицу). Расположенный на полпути между Тверью и Ржевом, на высоком мысу между Волгой и речкой Старицей, Новый Городок имел большое стратегическое значение.

Предсмертное распоряжение князя Семена создавало конфликтную ситуацию. История Руси знала примеры такого рода. В самом начале XIV века последний удельный князь Переяславля-Залесского Иван Дмитриевич завещал удел своему дяде Даниилу Московскому. По традиции выморочные уделы возвращались в состав великого княжества Владимирского. Возмущенный таким решением великий князь Владимирский Андрей Александрович начал тяжбу с Даниилом. Спор продолжали сыновья и преемники обоих князей.

На сей раз возмущенными оказались великий князь Василий Михайлович Тверской и младший брат завещателя князь Еремей Константинович Дорогобужский. Они обратились с жалобой в Москву к митрополиту Алексею, который, в свою очередь, отдал это дело на суд тверскому владыке Василию. Решение владычного суда оказалось неожиданным для жалобщиков и их московских доброхотов. Епископ Василий «оправил», то есть признал правым князя Михаила Александровича.

Недовольные этим решением князья обратились к митрополиту Алексею с жалобой на неправый суд тверского владыки. Митрополит вызвал епископа в Москву и подверг какому-то суровому наказанию — «бышеть» ему «истома и протор велик» (43, 84).

Заручившись решением московского суда и получив для его исполнения московскую рать, Василий Кашинский отправился сводить счеты со своими домашними недругами. Опустошению подверглись даже церковные земли тверского владыки (43, 84).

Этот поход Василия Кашинского сильно напоминал карательные рейды ордынцев. Не сумев с ходу взять Городок, союзники учинили повсюду на своем пути погром и насилие. Особенно свирепствовали москвичи и «волочане» — воины из Волока Ламского, новгородского анклава между московскими и тверскими землями. Для тех и других

Тверская земля представляла собой вражескую территорию, где не грех разграбить и церковные волости. Отпустив нагруженных добычей союзников (главной добычей княжеских войн были пленные), Василий Кашинский вернулся в покоренную Тверь. Однако торжество его продолжалось недолго. Слишком велик был градус ненависти, который накопили по отношению к нему жители Твери.

В Москве смотрели на тверскую усобицу со своей колокольни. Юный князь Дмитрий и его советники пришли к выводу, что настал благоприятный момент для фактического овладения Тверским княжеством. На смену ослабевшему и состарившемуся князю Василию Михайловичу должен был прийти его сын Михаил. Как представитель кашинского дома, женатый на дочери Семена Гордого и обязанный своим троном москвичам, он мог стать послушным исполнителем московских предначертаний.

Этот план открывал заманчивую перспективу. Прочный союз Москвы и Твери мог бы стать большим шагом вперед в деле «собираения Руси».

Совершенно другие виды открывала для Москвы победа Михаила Александровича. Это был наследственный враг Москвы. Он имел широкие связи в Литве. В случае его победы над кашинским семейством литовская экспансия на восток обретала тверской плацдарм, позволявший Ольгерду успешно наступать на Новгород и Смоленск. Москва оказывалась окруженной владениями союзников и родственников Ольгерда. Ослабленная внутренними распрями Орда не могла остановить литовское наступление на Северо-Восточную Русь. К тому же горький опыт совместных действий с татарами научил москвичей простой истине: татарская «помощь» приносит больше вреда, чем пользы.

Таким образом, интересы Москвы требовали союза с кашинским князем. Моральная сторона дела, разумеется, не могла никого остановить...

Московские и волоцкие полки ушли восвояси. Василий Кашинский по-хозяйски расположился в Твери. Но тверская усобица на этом далеко не закончилась. Дождавшись ухода москвичей, Михаил Александрович в октябре 1367 года вернулся из Литвы в тверские земли в сопровождении литовской рати. Перед лицом такой угрозы кашинский князь пошел на уступки и уехал из Твери в свой удел.

Желая поскорее закончить усобицу, Михаил Александрович не стоял за мелочами, так как добился главного — всеобщего признания в качестве великого князя Тверского.

Голос разума

В летописи, принадлежавшей некогда патриарху Никону и оттого получившей название Никоновской, после рассказа о тверской усобице 1367 года сохранилась интересная вставка: собственное суждение летописца в связи с заключением всеобщего мира. В нем слышится взволнованный голос современника событий, перед лицом кровавых раздоров с горечью вспоминавшего библейскую легенду о происхождении всех людей от общего «праотца» Адама.

«И радовахуся бояре их и вси велможи их, такоже гости и купцы и вси работнии людие, роды и племяна Адамови. Вси бо сии един род и племя Адамово, цари, и князи, и бояре, и велможи, и гости, и купцы, и ремесвеницы, и работнии людие, един род и племя Адамово, и забывшеся, друг на друга враждуют и ненавидят и грызут и кусают, отстояще от заповедей Божиих, еже любити искренняго (ближнего. — Н. Б.) яко сам себе» (42, 8).

Словно луч солнца из-за туч, выходит из мрака далеких веков великая истина о единстве рода человеческого, о распространении на всех, а не только на «своих», евангельских заветов добра и милосердия. Как много выиграла бы Русь, прислушавшись к этому одинокому голосу!

Но в лязге мечей никто не услышал философа-моралиста. Недолгий мир сменяла долгая война. Остановить фатальный ход событий было уже невозможно.

Московский суд

В Москве знали, что Ольгерд по зову Михаила Тверского готов бросить все силы на восток. Для защиты от Литвы в Москве спешно строили белокаменную крепость. Одновременно московские войска под началом Владимира Серпуховского осадили и взяли город Ржев на западной границе Тверского княжества, ранее захваченный Ольгердом. Таким образом, прямой путь через Ржев, по которому литовские полки могли прийти в тверские земли на помощь Михаилу Тверскому, был перекрыт.

Михаил Александрович не хотел открыто становиться вассалом Москвы или Литвы. Любая односторонность в этом вопросе означала бы для него подчинение внешней силе. Он предпочитал лавировать и искать собственной пользы в противоречиях сторон. Эта была умная политика. Но

рано или поздно она должна была исчерпать себя...

В начале 1368 года князь Еремей Дорогобужский нарушил условия мирного договора и отправился в Москву с жалобой на несправедливое решение вопроса с «Семеновым наследством». Возможно, у него накопились и еще какие-то претензии к Михаилу Александровичу, которые он и вынес на московский суд.

Прежде спорившие князья ездили на суд к тверскому владыке, а владыка — на суд к митрополиту. Теперь тверской епископ был выведен из тяжбы. Рассудить князей должен был великокняжеский и митрополичий суд. Дмитрий Московский в качестве великого князя Владимирского имел право выступать в роли верховного судьи в княжеских спорах. Впрочем, это право носило скорее теоретический, чем практический характер. Из документов той эпохи известно, что любой авторитетный князь мог быть по согласию сторон приглашен третейским судьей при разборе владельческих споров. Здесь играли роль личный авторитет князя, его возраст и дипломатические способности. Едва ли 35-летний Михаил Тверской мог признать в качестве авторитетного судьи по своему делу 17-летнего Дмитрия. Однако и ехать в Москву к митрополиту без приглашения и «охранной грамоты» от Дмитрия Московского тверской князь, конечно, не мог.

Итак, митрополит Алексей и князь Дмитрий пригласили Михаила Тверского в Москву для разбора новых жалоб князя Еремея Дорогобужского. Оба дали ему гарантии личной безопасности. Тверской князь хорошо понимал риск этой поездки, знал, что незадолго перед тем князь Борис Городецкий благоразумно отказался от аналогичного приглашения. Однако на этот раз ставки были слишком высоки. Речь шла не только о мелких амбициях Еремея Дорогобужского. Эти притязания послужили лишь благовидным предлогом для давно назревшего княжеского съезда «на высшем уровне». Дело требовало осторожности: ордынская разведка на Руси очень интересовалась любыми княжескими встречами и достигнутыми на них договоренностями.

При личной встрече трех главных политических фигур Северо-Восточной Руси — Дмитрия Московского, митрополита Алексея и Михаила Тверского — могли быть достигнуты договоренности по важнейшим стратегическим вопросам. Учитывая заключенный в 1365 году московско-нижегородский союз, можно было подумать о создании мощного княжеского триумvirата — союза Дмитрия Московского, Дмитрия Суздальского и Михаила Тверского. Военный потенциал этого триумvirата позволил бы ставить такие задачи, о которых прежде боялись

и думать. Очевидно, что первой среди этих задач стало бы избавление от власти Орды...

Михаил Тверской не боялся перемен. Это редкое для средневекового человека качество выделяло его среди княжеского сообщества. Наследственная тверская отвага соединялась в нем с новгородским свободолюбием. Он был честлюбив и в поисках славы легко увлекался необычайными планами. Идея союза русских князей для освобождения от власти Орды была как раз таким планом. Михаил давно мечтал освободить Русь от власти «поганных», отомстить им за кровь своего отца, деда и брата. Окидывая события взглядом историка, можно только пожалеть, что в этом союзе — действительно возникшем несколько лет спустя — Михаилу Тверскому уже не нашлось достойного места.

Собирались ли москвичи и вправду создавать княжескую коалицию? Думал ли кто-то в Москве в 1367 году о восстании против Орды? Сказать трудно. Для этого московским правителям пришлось бы отступить от некоторых ключевых положений своей традиционной стратегии: от политики «разделяй и властвуй» в Твери и от традиционной лояльности по отношению к Орде. Они должны были поверить в искренность намерений Михаила Тверского и протянуть руку дружбы человеку, отец и дед которого были непримиримыми врагами Москвы.

Возможно, 17-летний Дмитрий Московский в силу пылкости и самонадеянности, присущей этому возрасту, мог увлечься идеей триумvirата. Однако митрополит Алексей с его политическим опытом едва ли был склонен поддерживать рискованный план.

Святитель понимал: проблема не только в том, чтобы «собрать Русь», подчинить Москве русские земли и княжества, — но и в том, чтобы сделать это незаметно. Каждый шаг Москвы по пути объединения страны умножал число ее врагов, заставлял их забыть собственные распри и соединиться для борьбы с растущей московской угрозой. Поэтому каждый такой шаг требовал тщательной маскировки. В частности, не следовало изгонять из завоеванных областей их прежних правителей. Их нужно было постепенно лишать власти и превращать в вассалов Москвы. Такая политика требовала терпения и тонкой интриги. У истоков ее стояли Иван Калита и митрополит Алексей. Ее вершиной стало политическое искусство Ивана III...

Потомки скажут: это была оптимальная и, может быть, даже гениальная стратегия. Современники, видевшие эту политику вблизи и попавшие в ее тяжелые жернова, были о ней другого мнения...

Итак, Михаил Тверской решил приехать в Москву на митрополичий суд по делу о спорных волостях Тверской земли. То, что произошло дальше, историки определяют как «весьма рискованный политически и явно аморальный шаг» Дмитрия Московского и его советников (206, 67).

Но обратимся к рассказу летописи.

«Того же лета (1368) князь великийи Дмитрией Иванович да Олексеи митрополит позвали князя великаго Михаила Александровича на Москву по целованию любовию, а съдумав на него совет зол. Князь же великийи Михайло, положа упование на Бога и на крестное целование приехав к ним на Москву и они черес целование яша (взяли, схватили. — Н. Б.) и да дрѣжали в ыстоме и Городок отъняли и чясть отчины княжи Семеновы. А что были бояре его около его, тех всех поймали и разно разведоша, и быша вси в нятии (под стражей. — Н. Б.) и дрѣжаша их в истоме. А князь великийи Михайло тѣгды седел на Гавшине дворе. Бог же показа силу крестную: в то время прииде к ним Чарык из Орды, тем избави его Бог, князя Михаила, и не дождав Чарыка опять покончив с ним (то есть заключив с ним „докончание“, договор. — Н. Б.) да отпустили его в Тферь. А в Городке своего наместника посадили съ князем съ Еремеем. Князь же великийи Михайло съжалися велми о том и негодоваше, и не любо ему бысть, и положи то в измену и про то имеаше розмирие к князю к великому, паче же на митрополита жаловашеся, к нему же веру имел паче всех, яко по истине святителю» (43, 87).

Итак, если верить летописцу, московские правители, нарушив самую крепкую клятву — целование креста, схватили Михаила Тверского и вместе с его свитой непонятно за что посадили под арест. Там князь провел несколько дней (недель?), после чего был освобожден. Летописец убеждает читателя, что освобождение Михаила объяснялось не доброй волей москвичей, а реальной угрозой — вестью о приближении к Москве какого-то «Чарыка из Орды».

Вся эта сбивчиво изложенная летописцем история требует внимательного рассмотрения. Начать необходимо с того, что перед нами — тверская версия событий (тверская редакция общерусского летописного свода начала XV века). Отсюда — стремление представить Михаила Тверского невинной жертвой московского вероломства.

Вынося за скобки тверскую тенденциозность, пунктир событий можно представить следующим образом. Михаил Тверской приехал в Москву, ожидая каких-то серьезных тайных переговоров по общерусским делам. Но ничего подобного он там не нашел. В Москве его ждал лишь весьма унижительный суд с двоюродным братом Еремеем относительно

выморочного удела князя Семена Константиновича, брата Еремея. Это было всё то же старое и уже изрядно надоевшее дело о наследстве.

Теперь удельный спор предстояло решить суду высшей инстанции — митрополиту и великому князю Владимирскому.

Но справедливого суда мог ожидать только такой идеалист, как Михаил Тверской. Москвичам нужно было дезавуировать прежнее решение в пользу Михаила Тверского, принятое судом тверского владыки, и решить дело в пользу своего союзника Еремея Дорогобужского. Это позволило бы ему выступить законным владельцем важных в стратегическом отношении территорий, включая недавно отстроенную Михаилом Тверским сильную крепость Городок (Старицу).

Суд состоялся с соблюдением всех формальностей и признал справедливыми требования Еремея. Михаилу надлежало вернуть Еремею все захваченные земли (включая Старицу) и, вероятно, уплатить большой штраф за понесенные убытки и «за обиду».

Гнев государя

Дальнейшее развитие событий можно понять, только учитывая «субъективный фактор» — страстный, взрывной характер Дмитрия Московского, его горячую религиозность и сознание собственной избранности. Свободный от многих стереотипов московской династической политики, воспитанный на образах грозных ветхозаветных царей, юный Дмитрий во многом походил на своего далекого потомка Ивана Грозного. Подобно ему, он многие годы томился под опекой митрополита и бояр. Его роль в принятии решений была пассивной, хотя формально все указы шли от его имени.

Такая натянутая ситуация рано или поздно должна была разрешиться взрывом эмоций. Иван Грозный в возрасте тринадцати лет неожиданно приказал бросить на растерзание псарям князя Андрея Шуйского. И Дмитрий подсознательно хотел утвердить свою самостоятельность каким-то дерзким, необычным распоряжением. Он должен был сказать свое решающее слово — слово Государя.

Вступив в брак с Евдокией Суздальской в январе 1366 года, Дмитрий ощутил себя вполне взрослым, самостоятельным человеком. Более того, он чувствовал себя великим князем, государем, приказам которого должны повиноваться все без исключения. Он мечтал стать «царем Русским» и сбросить власть самозванного ордынского «царя». Но московская знать (не

исключая, вероятно, и митрополита) посмеивалась над его мечтами и по привычке продолжала смотреть на него как на отрока, послушного воле воспитателей.

В качестве великого князя Владимирского Дмитрий присутствовал на заседаниях суда по тверскому делу. Можно полагать, что на одном из заседаний (скорее всего — на последнем, где зачитывалось тягостное для тверского князя решение) Михаил Тверской, не сдержавшись, произнес какую-то фразу, задевшую личное достоинство Дмитрия Московского. И тут произошел тот самый эмоциональный взрыв, который давно созревал в душе Дмитрия. Он кликнул стражу и велел тут же, в дворцовой палате, арестовать Михаила Тверского, а заодно и всю тверскую делегацию. Оторопевшие московские бояре не осмелились перечить: это был уже не каприз отрока, а приказ разгневанного государя...

С точки зрения политической целесообразности арест Михаила Тверского был не только бесполезным, но и вредным делом. Во-первых, князь имел уже четырех сыновей, которые, конечно, принялись бы мстить за отца. Во-вторых, полная победа заклятых врагов Михаила — кашинской линии тверского дома — сулила Москве новые проблемы. В-третьих, вероломный арест Михаила сильно ронял престиж как Дмитрия Московского, так и митрополита Алексея. Наконец, неясно было, что делать дальше с тверскими пленниками. И неопределенно долгое пребывание Михаила в Москве под стражей, и его смерть в московской темнице создавали москвичам больше проблем, чем приносили выгод.

Вновь и вновь обсуждали положение московские бояре, спорили до хрипоты, а в конце концов неизбежно приходили к тому, что Михаила следует отпустить.

Но при этом важно было «сохранить лицо», не признать арест ошибкой, не представить князя Дмитрия в качестве не ведающего, что творит, юнца.

Московская трактовка этой ситуации в летописях не сохранилась. Однако ее содержание вполне понятно. Великий князь Дмитрий Иванович разгневался на Дмитрия Тверского за некую «вину» и велел его взять под стражу. Но спустя некоторое время по «печалованию» митрополита он сменил гнев на милость и велел отпустить Михаила, подписав с ним мирный договор.

Митрополиту Алексею понадобилось всё его влияние, чтобы убедить князя Дмитрия отпустить тверского пленника на свободу. По сути, Дмитрий должен был признать, что его первое самостоятельное выступление в качестве государя — экспромт, неожиданный и для него

самого — оказалось неудачным.

(Эмоции и личные мотивы играли большую роль в средневековой политике. Нечто подобное московскому эпизоду произошло сто лет спустя во Франции. Герцог Бургундский Карл Смелый в приступе ярости велел взять под стражу приехавшего к нему на переговоры и имевшего от герцога гарантии безопасности французского короля Людовика IX. Советники герцога с трудом успокоили своего сеньора и убедили его вернуть королю свободу в обмен на кабальный договор (13, 122).)

В этой запутанной истории есть и еще одно темное обстоятельство. К сожалению, источники не указывают время пребывания Михаила Тверского в Москве. Однако на основании косвенных данных можно предположить, что это было летом 1368 года. Первый поход князя Ольгерда Литовского на Москву состоялся в ноябре 1368 года. Цепочка событий, вызвавшая этот поход, начинается с московского суда и в хронологическом отношении занимает несколько месяцев. На тот же срок указывает и Рогожский летописец, где рассказ о московском суде помещен после известий о весенних событиях, но перед известиями о событиях осени 6876 (1368) года.

Вскоре после возвращения Михаила Тверского из московского плена в Твери узнали о кончине старого князя Василия Михайловича Кашинского 24 июля 1368 года (358, 525). Изгнанный Михаилом из Твери, он жил в своем удельном Кашине. Однако именно его москвичи (а может быть, и часть местной знати) продолжали считать законным великим князем Тверским. На его стороне были древние традиции лествичной системы наследования верховной власти — от брата к брату. Кончина Василия Михайловича Кашинского открывала новый акт тверской усобицы — борьбу Михаила Александровича с сыном умершего — Михаилом Васильевичем Кашинским. Тверичи явно предпочитали первого из них. Но Москва желала успеха своему протекже — кашинскому князю. И если Василий Михайлович Кашинский в последние годы по старости уже не имел достаточно сил, чтобы отстаивать свои права в споре с Михаилом Тверским, то его 37-летний сын и наследник вполне мог постоять за себя.

Для защиты прав Михаила Кашинского и захвата Твери Дмитрий Московский двинул большое войско. Не имея сил для сопротивления, Михаил Александрович в конце лета 1368 года вновь — уже в третий раз! — отправился за помощью в Литву.

Многие говорили тогда: как изменились времена! Русский князь (подданный и данник Орды) приглашает литовского правителя Ольгерда

(злейшего врага Орды) совершить поход на русские земли (неотъемлемую часть улуса Джучи — Золотой Орды)... Во времена Узбека и Джанибека (не говоря уже о временах Батые и Берке) за такую политику русский князь немедленно поплатился бы головой. Теперь обессилевшая Орда словно бы и не замечала своеволия своих осмелевших подданных...

Вновь обратившись за помощью к Ольгерду; Михаил тем самым положил начало большой литовско-московской войне 1368–1372 годов, в которой и сам он принял деятельное участие...

Подведем некоторые итоги...

Глядя на деятельность московских бояр и их номинального главы князя Дмитрия Ивановича в 60-е годы XIV века, так сказать, «с высоты птичьего полета», можно заметить, что, начав с крупного поражения (потери великого княжения Владимирского в 1360 году), они не падают духом и вскоре переходят в наступление. Вот главные ступени их успехов: возвращение Дмитрия Московского на великое княжение Владимирское; установление союзнических отношений с суздальско-нижегородским княжеским домом; постройка в Москве каменной крепости...

Из каких источников черпали они силы для этих побед — вопрос сложный. Но ясно, что одной из стратегических целей Москвы было подчинение Тверского княжества путем возведения на трон представителей младшей (кашинской) линии потомков Михаила Ярославича Тверского. Здесь москвичи действовали по отработанной схеме: энергичная силовая поддержка слабого и не пользующегося популярностью отпрыска правящей династии, благодаря которой он занимает положение местного великого князя, главы всего семейства. Понимая, какое значение для успеха всего замысла имеет позиция местного духовенства, москвичи подключают к делу потенциал митрополичьего дома.

Проверенная на деле «суздальская» стратегия поначалу была успешной и на тверском направлении. Оценивая положение, сложившееся в регионе к осени 1368 года, современный исследователь тверской истории констатирует: «Таким образом, Москва обеспечила себе форпост в западной части Тверского княжества (крепость Семенов Городок. — Н. Б.), куда великий князь московский в качестве защитника князя Еремея поставил своего наместника. Тем самым московское вмешательство в тверские дела вышло далеко за рамки простой поддержки той или иной из борющихся сторон. Москва получила теперь плацдарм, позволявший ей

постепенно осуществить полную ликвидацию суверенитета тверских князей, как это уже было проделано во многих более мелких княжествах Суздальской Руси» (177, 181).

Однако в Москве недооценили степень заинтересованности в русских делах могущественного западного соседа — великого князя Литовского Ольгерда. Его энергичное вмешательство в московско-тверской спор стало неожиданностью для всех. Осадив Москву осенью 1368 года, Ольгерд вынудил москвичей уступить: признать Михаила тверским великим князем и вернуть захваченные у него владения. Таким образом, все усилия московских правителей пошли прахом. Под защитой Литвы Тверь стала фактически «неприкасаемой». Ликвидация ее суверенитета растянулась на несколько десятилетий...

В этой истории московских правителей подвели самоуверенность и недостаток информации о противнике. Московская разведка пустила глубокие корни в Орде, но, по-видимому, была весьма слаба в Литве. В Москве ошибочно полагали, что Ольгерд и его брат Кейстут постоянно заняты войной с поляками и Тевтонским орденом, а потому не станут воевать на востоке.

Москвичи недооценили значение родственных связей в патриархальном литовском обществе. Ольгерд обладал высоким понятием о родовой чести. Известно, что однажды он начал большую войну с Новгородом лишь потому, что один из новгородских посадников, выступая на вече, назвал его «собакой». Михаил Тверской был братом его второй жены Ульяны. Отказать в помощи столь близкому родственнику Ольгерд счел бы для себя позором.

В своих отношениях с Тверью москвичам следовало бы отказаться от традиционной тактики «союза с младшим мятежником» и вместо упрямой поддержки бездарной кашинской династии признать права Михаила Тверского и заключить с ним оборонительно-наступательный союз. Возникший *триумвират* — о котором, по-видимому, мечтал сам Михаил Тверской — стал бы мощной боевой силой. Понятно, что всякий союз таит в себе угрозу раскола. У каждого из трех его потенциальных участников — Дмитрия Московского, Дмитрия Суздальского и Михаила Тверского — были свои амбиции и свои интересы. И всё же игра стоила свеч. В истории средневековой Восточной Европы были примеры прочных и политически продуктивных *дуумвиратов* и *триумвиратов*. Достаточно вспомнить трех сыновей Ярослава Мудрого, отношения Ольгерда с Кейстутом или братский союз трех сыновей Ивана Калиты...

Прошрое не нуждается в советах будущего. Но историки порой не

могут удержаться от соблазна сослагательного наклонения: «А вот если бы...» Мы побеждаем этот соблазн и лишь констатируем очевидное: московская политика по отношению к Твери в 60-е годы XIV века была неудачной. Плоды этой политики имели явный привкус горечи. В лице Михаила Тверского Москва потеряла возможного союзника, а приобрела непримиримого и сильного врага. Более того. Вражда с Михаилом Тверским быстро превратилась в крайне тяжелое для Москвы противостояние с Литвой.

Глава 10

ЛИТОВЩИНА

*Идут из отдаленной страны, от края неба,
Господь и орудия гнева Его, чтобы сокрушить всю
землю.*

Ис. 13, 5

Свой первый практический урок полководческого искусства Дмитрий получил по нормам того времени довольно поздно — в возрасте восемнадцати лет. Но преподавал ему этот урок незаурядный учитель — один из лучших полководцев XIV столетия великий князь Литовский Ольгерд...

Война как потребность

Неизвестный московский книжник времен Дмитрия Донского в своей летописи хвалил Ивана Калиту за то, что тот, взойдя на великое княжение Владимирское в 1328 году, обеспечил Руси «великую тишину». Такой же похвалы удостоился и его сын Иван Красный. Согласно Степенной книге царского родословия, «в дни же благочестивыя его дръжавы бысть тишина велиа в Русьстееи земли, яко же и при отци его» (68, 6). Общий срок этой «великой тишины» — с 1328 по 1368 год — поразил летописца своей многозначительностью. Число 40 в христианской символике «связано с молитвой, надеждой, очищением и, соответственно, используется как символ приуготовления к новой жизни» (173, 32).

Спустя ровно 40 лет — в 1368 году — эта «великая тишина» на Руси была прервана тяжким бедствием — нашествием литовцев...

По мнению летописца, продолжавшееся более пяти лет противостояние Москвы с суздальскими князьями (1360–1365) не нарушало «великой тишины». И это мнение соответствует действительности: противостояние было на удивление бескровным. Московские полки наступали, делали угрожающие движения — и суздальцы спешили принять поставленные условия. Татары в эту войну не вмешивались. Задача уничтожения боевых сил противника и разорения его владений явно не ставилась. Дальновидный митрополит Алексей понимал, что наиболее вероятным и желательным исходом этой войны будет мир и

союз двух княжеских домов. А потому не хотел унижать и озлоблять будущего союзника.

Заметим, что княжеские войны той поры вообще были достаточно «мягкими». В них было много от военной игры или церемониальной охоты. Они прогоняли скуку повседневности и служили хорошей школой военного искусства для молодежи. Никто не жаждал крови неприятеля. Выяснив реальное соотношение сил, стороны спешили остановить войска и начать переговоры. В этом отношении знаменательно, что «за период с 1240 г. по 1377 г. ни один князь северо-восточных русских княжеств не погибал на поле битвы. Исключения приходились только на сражения с Батыем в 1237–1239 гг. и битву на р. Пьяне с Мамаем в 1377 г.» (207, 65).

Эту «игровую» природу княжеских войн отметил еще Пушкин в своем письме Чаадаеву: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, *полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности*, которой отличается юность всех народов?» (273, 486).

Конечно, случались прискорбные исключения. К ним относятся войны с участием татар и литовцев, а также карательные экспедиции. Эти последние имели целью примерно наказать жителей городов или волостей за «измену». Отсюда и особая жестокость, которой они отличались.

Примером такого рода может служить поразившая даже бесстрастного летописца расправа коалиции князей во главе с великим князем Смоленским Святославом Ивановичем (союзником Москвы) с населением соседних литовских волостей весной 1387 года. Эти волости прежде входили в состав смоленских земель.

«Того же лета князь великий Святослав Иванович Смоленский с братаничем (племянником. — Н. Б.) своим со князем Иваном Васильевичем и з детми своими Святославичи, з Глебом и с Юрием, со многими силами собрався, поиде ратью ко Мстиславлю граду, егоже отнята у него Литва, он же хотяше его к себе взяти. И много зла, идуще, учиниша земле Литовьской, воюя землю Литовьскую. Иных литовьских мужей смолняне, изымавше, мучаху различными муками и убиваху; а иных мужей и жен и младенцов, во избах запирающе, зажигаху. А других, стену разведь храмины от высоты и до земли, меж бревен руки вькладываху, ото угла до угла стисняху человеки; и пониже тех других повешев, межи бревен руки вькладаше, стисняху такоже от угла до угла; и тако висяху человецы; такоже тем образом и до верху по всем четьрем стенам сотворяху; и тако по многим храминам сотвориша и зажигающе огнем во мнозе ярости. А

младенци на копие возстыкаху, а других, лысты (голени. — Н. Б.) процепивше, вешаху на жердех, аки полти (половина мясной туши. — Н. Б.), стремглав; нечеловечьне без милости мучаху» (42, 91).

Всякая более или менее длительная война должна была написать на знамени свою цель. Эти цели распадалась на официальные и неофициальные. К первым относятся «восстановление исторической справедливости», «распространение истинной веры», «помощь друзьям и единоверцам» и прочие словесные погремущки для простаков.

Неофициальной (хотя и понятной любому мало-мальски сообразительному человеку) целью всех больших войн была и остается «борьба за передел мира». Масштабы этого подлежащего переделу «мира» могут различаться. Но суть остается та же. Имя ей — алчность. Ради увеличения своих владений (нередко пустякового) вели бесконечные, наследственные войны друг с другом и русские князья.

Задача овладения той или иной территорией была далеко не единственной (а иногда и не главной) неофициальной целью княжеских войн. Война укрепляет легитимность верховной власти и (в случае успеха) примиряет население с ее пороками. Война (в случае успеха) освобождает государя от расходов по содержанию войска, перекладывая их на плечи побежденных. Наконец, война позволяет государю занять делом и выслать подальше от столицы вечно недовольный, склонный к заговорам и мятежам правящий класс. Одним из результатов войны является своего рода «кровопускание» аристократии — гибель в бою наиболее энергичных ее представителей. Образовавшиеся при этом выморочные имения обычно переходят в руки государя...

Итак, до восемнадцати лет Дмитрий Донской мог видеть только войну-игру. Московско-суздальская война сильно напоминала судебный поединок — «поле», участники которого сражаются тупым оружием до первой крови.

Осенью 1368 года он впервые увидел другую войну: нашествие сильного и беспощадного врага, уничтожающего всё на своем пути. Этот враг говорил на невнятном языке и молился неведомым богам. И хотя литовцы исчезли так же стремительно, как и появились, прежде боявшаяся одних лишь татар Москва теперь почувствовала себя между молотом и наковальней.

Война с Литвой 1368–1372 годов, в ходе которой Дмитрий Донской получил боевое крещение, первый личный опыт в качестве воина и полководца, может быть правильно понята только в контексте отношений русских земель с их северо-западным и западным соседом — Великим княжеством Литовским. История этих отношений прослеживается не ранее чем с середины XIII века.

Наши знания о начале исторического пути Литвы носят случайный характер: русских летописцев мало интересовали события в этом регионе, а сами литовцы до принятия христианства по католическому обряду в 1387 году не имели письменности, а стало быть, и возможности для письменной фиксации исторических событий.

Территория этнической Литвы (примерно в границах современного Литовского государства) в XIII веке представляла собой своего рода анклав родо-племенных отношений, окруженный сильными государствами и государственными образованиями — Польшей, Русью, Золотой Ордой и Тевтонским орденом с его Ливонским ответвлением. Сильная внешняя опасность ускорила объединение литовских племен. Однако внутренние предпосылки для создания государства — имущественное расслоение, наличие потомственной знати, развитые отношения собственности и т. д. — были еще весьма слабы. Страна делилась на самостоятельные области, во главе которых стояли племенные князья. Всё это напоминало Киевскую Русь времен Рюрика и Олега.

Сохранению патриархальных отношений способствовал географический фактор. Литовские земли не имели богатых природных ресурсов и были отделены от моря владениями Тевтонского ордена, обосновавшегося в этих краях с начала XIII столетия. В ландшафте страны преобладали леса и болота. Литовцы занимались земледелием и промыслами, жили в маленьких деревнях, далеко отстоявших одна от другой. Сохраняя приверженность языческой религии, литовцы оставались едва ли не единственным народом Европы, не принявшим христианства в качестве официальной государственной религии. Это затрудняло общение с соседними странами, превращало литовцев в изгоев европейского сообщества.

Внутреннее политическое устройство Литвы было весьма неустойчивым и хрупким. Сильнейший из племенных князей являлся носителем верховной власти. (Русские летописи называли его великим князем Литовским, а западные источники — королем Литвы.) Он разделял эту власть с самым влиятельным из своих сородичей («субмонархом»), который и наследовал трон по его кончине. Влияние на политику великого

князя этого «второго лица в государстве», а также местной знати и членов правящего рода было очень велико.

Сознавая необходимость укрепления государственных структур и вхождения в семью христианских народов, литовская правящая элита по-разному понимала конкретные способы решения этих задач. Уже при дворе великого князя Миндовга (около 1240–1263) существовали «католическая» и «православная» партии, отстаивавшие соответствующие религиозно-политические приоритеты. Кроме этого имелась и, так сказать, «национально-консервативная» партия, не желавшая отказываться от веры отцов и дедов и принимать гнетущие нормы государственных отношений.

Сам Миндовг принял крещение по католическому обряду в 1251 году (140, 53). Однако это был скорее личный шаг, чем акт государственного значения. К тому же значительная часть литовских земель (Жемайтия) еще долго оставалась фактически независимой от власти великого князя Литовского. Жемайты категорически не желали принять христианство и потому служили постоянной мишенью для военных акций Тевтонского ордена, перебравшегося в Прибалтику после окончательного изгнания крестоносцев из Святой земли. Для походов на язычников жемайтов Орден периодически собирал под свои знамена цвет европейского рыцарства. И если в XII столетии юный французский или немецкий дворянин мечтал совершить подвиг и получить посвящение в рыцари в Палестине, то теперь ее место заняла языческая Литва.

Проблема «крещения Литвы» имела не только религиозный, но и политический аспект. В роли «крестителя Литвы» (с последующими материальными и духовными преференциями) желал выступить и собственно папский престол, и польский король, и рижский католический архиепископ. Тевтонский орден и его Ливонское ответвление (Ливонский орден) также претендовали на эту роль. Однако тевтоны понимали, что исчезновение языческой Литвы лишает Орден «образа врага», а стало быть, и смысла своего существования. Отсюда — двойственное, противоречивое отношение Ордена к идее единовременного и добровольного «крещения Литвы».

Отсутствие в Литве времен Миндовга устойчивой традиции передачи по наследству верховной власти вело к заговорам, мятежам и дворцовым переворотам. Как и на Руси, обычный сюжет политической драмы заключался в соперничестве дяди и племянника. Племянник Миндовга Товтивил, пользуясь поддержкой как внутренних, так и внешних врагов великого князя, начал с дядей длительную усобицу. Чувствуя слабость своей власти, Миндовг решил укрепить ее путем принятия королевского

венца. Посланцы папы Иннокентия IV совершили этот акт 6 июля 1253 года (140, 55).

Гибель Миндовга стала следствием семейной драмы, за которой, впрочем, можно видеть искусную политическую интригу. После кончины своей второй жены Марты в 1262 году Миндовг взял в жёны ее младшую сестру, которая к этому времени уже была замужем за Довмонтом, одним из литовских князей. Оскорбленный Довмонт принялся искать случая отомстить Миндовгу. Осенью 1263 года он подстерег и убил великого князя и двух его сыновей — Руклиса и Рупейкиса. Таким образом, династическая линия Миндовга прервалась. Единственный оставшийся в живых сын Миндовга Войшелк еще при жизни отца принял монашеский постриг. В борьбу за власть вступили племянники Миндовга — Товтивил и Тройнат. Вскоре Товтивил был убит, а великим князем провозглашен Тройнат. Но и он через полгода был убит сторонниками Войшелка, временно покинувшего монастырь и желавшего отомстить убийцам отца.

За каждым из соискателей трона стояли определенные политические силы как внутри страны, так и за рубежом. Войшелк призвал на помощь галицкого князя Шварна (сына Даниила Галицкого), женатого на дочери Миндовга. С помощью галицких войск Войшелк разгромил своих врагов и утвердился на троне. Три года спустя он, исполняя обет, отказался от власти и удалился в монастырь, оставив своим преемником Шварна. Однако русский князь недолго сидел на литовском троне. В 1269 году Тройден (племянник Миндовга) изгнал Шварна и сам возшел на трон. Его правление продолжалось до конца 1281-го или начала 1282 года.

События 80-х годов XIII века в Литве очень слабо освещены источниками. Однако очевидно, что в жестокой борьбе претендентов происходит смена династии. «С конца восьмидесятых годов XIII в. письменные источники выделяют правящую династию, в историографии именуемую Гедиминовичами. Первым князем, к ней несомненно принадлежавшим, был Бутигейд, упоминаемый по имени с 1289 г.» (140, 73). Вопрос о наличии или отсутствии родственных связей между домом Миндовга и Гедиминовичами является дискуссионным (140, 74).

«После смерти Бутигейда (около 1291 г.) его сменил субмонарх Бутвид. Преемником Бутвида (около 1295 г.) стал его сын Витень» (140, 78). Долгое правление Витеня отмечено началом литовской экспансии во владения измельчавших западнорусских князей. Кроме всего прочего, для литовцев это был и вопрос выживания: Литва нуждалась в русских воинах для борьбы с усиливавшимся натиском Тевтонского ордена.

Смерть Витеня открыла дорогу к верховной власти его брату Гедимину

(1316–1341). Это был выдающийся правитель и полководец. Современная литовская историография называет его «создателем Литовской державы» (140, 121). В правление Гедимина широко развернулась литовская экспансия на территории современной Белоруссии и Правобережной Украины. Она носила преимущественно мирный характер и не затрагивала жизненных интересов основной массы населения. На смену князьям Рюриковичам в крупных областях и в ключевых стратегических точках приходили наместники великого князя Литовского — сыновья Гедимина. Но нередко местные Рюриковичи сохраняли власть, признав Гедимина своим сюзереном. В конфессиональной сфере язычники литовцы (как и язычники татаро-монголы) проявляли широкую веротерпимость. В Литве официально действовали и православные, и католические иерархи, строились храмы и монастыри обеих конфессий. Сам Гедимин, оставаясь язычником, нередко заявлял о своем намерении принять христианство по католическому обряду. Однако это была лишь тактическая уловка, позволявшая великому князю решать конкретные дипломатические задачи. При этом Гедимин не препятствовал своим детям принимать ту или иную веру в соответствии с их склонностями и политической целесообразностью.

Русская Литва и Литовская Русь

Во времена Гедимина литовские владения сомкнулись на юге с территорией Золотой Орды. Однако Гедимин всячески избегал большой войны с татарами. С этой целью он допускал ситуацию двойного подчинения пограничных территорий (347, 500). Известно, что, завладев Киевом в 1323 году, он не стал изгонять из города находившегося там татарского баскака.

Стремительное расширение литовских владений на юг и восток привело к такому положению, при котором «коренные земли Литвы (Аукштайтия и Жемайтия) составляли лишь около 1/10 в сравнении с попавшими под ее власть восточно-славянскими землями Белоруссии, Украины, Великороссии» (255, 27). Эта этническая ситуация заставила Гедимина и его наследников придать своему государству двуликий, русско-литовский характер.

Для восточнославянского населения установление верховной власти литовской династии имело как плюсы, так и минусы. Оно получало относительную безопасность от набегов татар. В 1362 году усилиями

Ольгерда Правобережная Украина была полностью избавлена от всех форм зависимости от Орды (347, 502). В городах расцветали самоуправление и европейские нормы общежития.

Однако со временем всё более четко стали видны и негативные последствия литовского подданства для восточных славян. Окончательный «выбор веры» в пользу католичества, совершенный литовским князем Ягайло в 1387 году, поставил православных в ущемленное положение. Их религиозные и политические симпатии оказались на стороне главного врага Литвы — Московского государства. В эпоху Ивана III Москва предъявила Вильно счет за все похищенные земли. В течение трех веков Литва вынуждена была мучительно отдавать России то, что когда-то у нее отняла.

Опыт истории свидетельствует о том, что только национальные государства отличались долговечностью и составляли политический каркас европейского сообщества. Дуалистический характер Великого княжества Литовского predetermined его историческую судьбу. Русский якорь удерживал готовый устремиться к польским берегам литовский корабль...

Литву вызывали?

Московские злоключения — арест и заточение вопреки гарантиям безопасности — многому научили Михаила Тверского. Его простодушие и вера в справедливость улетучились без следа. Он понял, что «правда» там, где «сила»; что в одиночку противостоять объединенным силам Московского и Суздальско-Нижегородского княжеств, великого княжения Владимирского, Кашинского удельного княжества, а также поддерживавшей эту коалицию кафедры митрополита Киевского и всея Руси — он не в состоянии. Семь лет спустя, в 1375 году, имея гораздо более сильные позиции, Михаил попытается это сделать, но будет смят и раздавлен явным превосходством московской коалиции.

В такой ситуации Михаил видел перед собой только два пути. Первый — отказаться от притязаний на великое княжение Тверское, поклониться как «старшему брату» московскому ставленнику Михаилу Васильевичу Кашинскому и униженно просить москвичей оставить ему его собственный Микулинский удел; второй — искать покровителей в Орде или Литве, привести на русские земли чужеземцев и этим спасти свою власть, но заслужить ненависть народа.

И на том, и на другом пути Михаила Тверского ожидала горькая чаша унижения. Но пирамида власти устроена так, что достичь ее вершины

могут только два существа — орел и червяк. Унижение — обычная плата за власть. Пройдя суровую школу Орды, русские князья научились править, стоя на коленях.

Михаил избрал второй путь...

Не вынося никаких обвинительных или оправдательных вердиктов, заметим, что в ту эпоху приглашение чужеземцев для участия во внутренних войнах было самым обычным делом. Византийские императоры XIV столетия приглашали турок для войны с болгарами и сербами. В качестве оплаты им молчаливо разрешалось грабить и жечь всё на своем пути. Русские князья еще до прихода татар нередко звали половцев для участия в своих усобицах. В ордынский период русские князья неоднократно пытались привлечь татарские отряды не только для походов на соседние страны, но и для участия в домашних усобицах. По некоторым сведениям, этим грешил даже святой Александр Невский...

Национально-государственное деление в ту пору еще не вполне отделилось от племенного. Французы осознали себя французами — то есть некой принципиальной противоположностью англичанам — только к концу Столетней войны. Рассеянные по множеству мелких государств и государственных образований, немцы и итальянцы были еще дальше от такого рода представлений. Конфессиональные различия повсюду осознавались гораздо отчетливее, чем национальные...

Итак, оскорбленный и униженный московским пленом Михаил Тверской осенью 1368 года решил искать помощи за пределами Руси.

Первой мыслью Михаила Тверского было, конечно, пожаловаться на московский произвол «вольному царю» — татарскому хану. При других обстоятельствах этот классический ход вполне мог оказаться удачным.

Принято думать, что в Орде всё покупалось и продавалось, что распределение княжеств между князьями напоминало своего рода аукцион, что ханы, опасаясь мятежа, только и думали о том, как поссорить между собой русских князей. Такова устоявшаяся и удобная для историков мифологема. Она позволяет легко и просто объяснить любое действие ханской власти. Но ни один аутентичный источник не представляет делопроизводство ханского двора в виде хоровода взяточников. В жизни всё было сложнее. Были, конечно, и взяточники. Но были и вековые традиции кочевников — «степной закон». Знаменитый проповедник второй половины XIII столетия Серапион Владимирский советовал русским поучиться честности у татар. Их повседневное правосудие было просто и неподкупно. В степном быту судьей по любому вопросу выступал первый

встреченный на дороге человек. Выслушав дело, он выносил свой вердикт и шел дальше. Этот вердикт подлежал немедленному и беспрекословному исполнению. Ни о каких взятках при такой процедуре и речи быть не могло.

Словом, обращение к ханскому суду давало Михаилу Тверскому некоторую надежду на справедливость. Но, к несчастью для тверского князя, Орда в это время напоминала разворошенный медведем муравейник. Вот как представляет сложившуюся там ситуацию современный исследователь:

«Вскоре после занятия столицы, в том же 1367 г., Мамаю и Абдаллаху пришлось вступить в борьбу с еще одним сильным противником — Хаджи-Черкесом, независимым правителем Хаджи-Тархана (Астрахани. — Н. Б.), осмеливавшимся даже чеканить собственную монету. Воспользовавшись тем, что хан (Абдаллах. — Н. Б.) и его бекляри-бек (Мамай. — Н. Б.) находятся в Сарае, Хаджи-Черкес вознамерился подорвать основу их могущества: он отыскал в Крыму некоего Тимур-бека, потомка Туга-Тимура, и провозгласил его ханом под именем Улджай-Тимура. Вместе со своим ставленником Хаджи-Черкес двинулся из Крыма на Сарай.

По всей видимости, Мамай, обеспокоенный мятежом в сердце своих владений, в Крыму, поспешил туда, чтобы подавить волнения. Абдаллах, оставшийся без бекляри-бека и его войск, был вынужден уступить столицу Улджай-Тимуру. Однако новый хан недолго продержался на троне: в 1368 г. его выбил оттуда Хасан Шибанид, племянник Мир-Пулада. Надо полагать, ему это удалось из-за того, что Хаджи-Черкеса в столице не было: не исключено, что Мамай, решив отомстить правителю Хаджи-Тархана, напал на его владения, и Хаджи-Черкесу пришлось отправиться на их защиту, бросив своего ставленника на произвол судьбы.

Но и Хасан-хану не пришлось слишком долго наслаждаться властвованием в столице: уже в 1369 г. он был изгнан оттуда сторонниками Мамаю и, вероятно, погиб. В результате сложилась парадоксальная ситуация: в 1369–1371 гг. на столичном троне не было хана! Очевидно, ни один из претендентов не рисковал занять Сарай, прекрасно понимая, что за такую попытку он вполне может расплатиться собственной жизнью» (264, 129).

Обстановка в Орде отнюдь не сулила Михаилу Тверскому скорого и правого суда. Кроме того, он хорошо знал, что у московских правителей есть давние связи с Мамаем. Ему же оставалось только одно: обратиться за поддержкой не в Орду, а на запад, в Литву.

Тверские князья еще в первой четверти XIV столетия искали дружбы с

великим князем Литовским Гедимином — отцом Ольгерда и Кейстута. Однако в условиях могущества Орды и ее постоянного надзора за русскими делами такая политика была крайне опасной. Именно тайные связи с Литвой были одним из обвинений против Михаила Ярославича Тверского (а позднее и его сына Александра) на ханском суде. Оба князя поплатились головой за свою самостоятельность в этом вопросе.

Но то были «дела давно минувших дней». Теперь Орда была уже не та. И потому Михаил Тверской повел себя так, как никогда не осмелились бы его отец и дед. Он не только открыто попросил помощи у Ольгерда, «зовучи его ити ратию к Москве», но и столь же открыто принял эту помощь (43, 88).

В Москве, кажется, не ожидали от Михаила такой дерзости. И дело было не только в оглядке на Орду. Ольгерд был язычником, «огнепоклонником», и сотрудничество с ним в войне против христиан было тяжким грехом для православного князя. В католической церкви виновного в таком грехе государя ожидал папский интердикт — отлучение от церкви. И хотя русская церковь по необходимости сотрудничала с «погаными» степняками, но дружба с «поганой» Литвой могла стоить виновному отлучения от церкви. Митрополит Алексей уже вполне овладел этим грозным оружием.

Не ожидали в Москве и положительного ответа на жалобу Михаила Тверского со стороны Ольгерда. Литовский князь в эти годы был занят войной с соседними государствами и в первую очередь — отражением усилившегося натиска Тевтонского ордена. Вот краткий конспект этой войны, составленный современным литовским историком:

«Как и ранее, силовое давление Ордена шло волнами: в 1366 г. для разграбления областей Паштувы, Арёгалы, Велюоны и Раудоне потребовалось лишь два похода, причем весьма скромного масштаба. Зато в 1367 г. крестоносцы Пруссии разрушили восстановленный Новый Каунасский замок, дошли до Павандяняй и Варлувы (за Каунасом), в 1368 г. — взяли замок Стрева. Событиями на Волыни можно объяснить малую боевую активность Кейстута в 1366–1368 гг. Ливонский орден в эту пору опустошал Северную Литву (преимущественно землю Упите): в 1365 г. — трижды, в 1367 г. — дважды, в 1368 г. — дважды. Винрих КнипрODE (магистр Ордена. — Н. Б.) осенью 1367 г. разрушил Велюону, а летом 1368 г. в том же районе построил замок Мариенбург. Литовцы отквитались в 1365 г. разрушением замков Ангербург, Скальвай, Рагайне и Каустричяй. Перевес был явно на стороне крестоносцев, они начали утверждаться близ

Немана.

Ухудшилось положение Литвы и на Волыни...» (140, 139).

Казалось бы, в этой ситуации Ольгерду и его соправителю Кейстуту было вовсе не до Москвы. Но расчеты московских политиков оказались неверными. Отложив на время множество других забот, литовский великий князь осенью 1368 года совершил поход на Москву.

Полет стрелы

Прежде чем рассказывать о подробностях «первой Литовщины» (как называют эту войну русские летописи), необходимо привести яркую характеристику, которую дает Ольгерду московский летописец начала XV столетия. Она содержится в летописи под 6885 (1377) годом и представляет своего рода некролог великому князю Литовскому. Полагают, что к этому тексту приложил руку митрополит Киприан — сторонник русско-литовского союза, многим обязанный Ольгерду. Как православный иерарх, он не мог обойтись без обличительных эпитетов в адрес князя-язычника. Но сквозь формальные проклятия сквозит восхищение незаурядными личными качествами Ольгерда.

«В лето 6885 умре князь великий Олгерд Гедиминович Литовьский, зловерный, безбожный, нечестивый, и седе по нем сын его менший именем Ягайло на княжении на великом, обладаа всею землею Литовьскою. Сии Олгерд не един сын у своего отца беаше, но инии мнози прочий братия его беаху сынове Гедиминови — Наримонт, Олгерд, Евнутей, Кестутей, Кориад, Люборт, Монтивит. Во всей же братии своей Олгерд превзыде властью и саном, понеже пива и меду не пиаще, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и воздержание себе приобрете, крепку думу от сего и многы промысл притяжав и таковым коварьством многы страны и земли повоева и многы грады и княжения поимал за себе и удержа себе власть велику, тем и умножися княжение его, яко ни един же от братия его створи, но ни отец его, ни дед его тако прослыл» (43, 117).

Современные литовские историки характеризуют Ольгерда как «монарха, достигшего наибольшего могущества из всех, когда-либо правивших на литовской земле» (140, 146).

Итак, тетива была спущена и литовская стрела понеслась к цели.

Приводим выразительный и довольно подробный рассказ Рогожского летописца о «первой Литовщине».

«Тогда же тое осени (1368 года. — Н. Б.) князь Литовьскыи Олгерд Гедиминович събрав воя многы и подвижася в силе тяжце и поиде к Москве ратию на князя великаго Дмитрея Ивановича, а с ним брат его Кестутии и сын Кестутиев Витовт, тьгда бо еще младу суцу ему, и сынове Олгердови и вси князи Литовьстии и князь Тферьскыи Михаило и смоленськаа сила. И ведяше я (их. — Н. Б.) в таю (тайно. — Н. Б.), обычаи бо бе Олгерду, егда куде поидяше на воину, тьгда никому же не ведущу воином его, камо хоцетъ ити ратию, ни иным опришним или внешним или иноземцем или гостем не дасть уведати на кого идеть, да не услышана будет дума его в ушию иноземцем, да не изыдет вестъ си в ту землю, в нюже рать ведяше. Тоже прилучися и тогда в то время князю великому того не ведущу и про то ему вести не было, оже Олгерд идеть на нь силою мноюю, яко подвел рать в таю, донде же приближися близъ перерубежиа Литовьскаго. Егда же прииде ему вестъ, и тогда слышав князь великий Олгерда идуща и приближающася, повеле въскоре россылати грамоты по всем городом, и по всему княжению великому нача съвокупляти воя, но ничто же успеха, не поспела бо тогды никотораа рать из далних мест приити. Но елико воин обретошася тогда въ граде, сих отобрав князь великий и отпусти в заставу противу Олгерда, еже есть сторожевыи плъкъ, а воеводство приказано Дмитрию Минину, а от князя от Володимера от Андреевича воевода Акинф Федорович, нарицаемый Шуба, а с ними рать Московьскаа, Коломеньскаа, Дмитровьскаа. Олгерд же се входя в пределы области Московьскыя, начат преже всех воевоти порубежнаа места жещи, сечи, грабити, палити, пленити, и потом настрече уби князя Семена Дмитриевича Стародубьскаго, нарицаемаго Кропиву, в области зовомей Хвольхле и по сем во Оболеньсте уби князя Костинтина Юрьевича Оболеньскаго и доиде реки Тростны и ту изби сторожевыи плъкъ князя великаго, заставу Московьскую, и князи и воеводы и бояры вся побѣ. Се же сдеяся тогды въ осенине в Филипово говение, месяца ноября в 21 день, на Введение святаыя Богородица во вторник» (43, 88).

Этот текст вызывает много вопросов как общего, так и частного характера. Первый и главный вопрос — о достоверности летописного рассказа, своими истоками уходящего в московское летописание времен Дмитрия Донского.

По поводу приведенного выше текста Л. В. Черепнин заметил: «...то, что летописи говорят о неожиданности для московского великого князя прихода литовского войска в 1368 г., объясняется, вероятно, желанием оправдать нерасторопность русских войск и неумение подготовиться к встрече с неприятелем (а может быть, и недостаточность военных

ресурсов)» (344, 563).

Это замечание справедливо, но только отчасти. Во все времена официальные отчеты о военных действиях полны лжи. Каждая из воюющих сторон преувеличивает свои успехи и преуменьшает потери. Стремясь возвысить свою победу или оправдать поражение, придворные сочинители раздувают численность противника и славу его предводителей. Но кроме этой, так сказать, «бытовой» неправды в летописных рассказах о больших войнах обязательно присутствует провиденциальное начало. Нашествие вражеских полчищ — это одна из форм проявления Божьего гнева, который по определению должен быть внезапным.

Всё это в полной мере относится и к рассказам о «первой Литовщине», которую по разрушительной силе ставили в один ряд с татарским погромом Твери зимой 1327/28 года.

Учитывая свойственный летописи «эффект кривого зеркала», попытаемся восстановить подлинную картину московско-литовской войны осени 1368 года.

В первом приближении она выглядит следующим образом. Пройдя через владения своего союзника смоленского князя, Ольгерд, Кейстут и Михаил Тверской, следуя вдоль Угры, достигли Калуги.

(Возможно, русские союзники присоединились к войску Ольгерда значительно позже, когда он уже стоял где-то возле Можайска, нацелившись на Москву. Для экспедиции в верховские княжества они были излишними, так как открывали цель похода — разгром Московского княжества.)

От Калуги литовцы пошли по своим владениям на правом берегу Оки до Любутска — «хорошо укрепленной пограничной крепости, форпоста Литвы на рязанском рубеже» (221, 213). Здесь проходила и московская граница. Из Любутска шла торная дорога на Москву, а также, вероятно, на Тулу и Рязань.

Следуя своей обычной стратегии, Ольгерд хотел ворваться в московские земли внезапно и потому до поры до времени совершал отвлекающие маневры и распространял ложные слухи о цели своего похода. Такой мнимой целью могли быть и Мамаева Орда, с которой литовский князь находился тогда в состоянии войны, и вечно мятежные «верховские княжества», и владения Олега Рязанского, и, наконец, посещение собственных владений — Любутска и Мценска. Последнее кажется наиболее вероятным. Эти две крепости действительно требовали особого внимания Ольгерда, так как имели важное стратегическое

значение. Они были «передовыми укреплениями литовского правительства, выстроенными для защиты „верховских“ княжеств от татар и вместе с тем для удержания их в покорности» (229, 181).

Маневры литовцев усыпили бдительность московских воевод. Однако, дойдя до Любутска, Ольгерд круто повернул на север и перешел Оку — тогдашнюю московскую границу.

Городок Любутск находился в полусотне верст от Калуги ниже по течению Оки (212, 96). Сама Ока и ее высокий правый берег служили естественной защитой крепости с севера. С южной и западной сторон Любутск был защищен сохранившимися до наших дней валами и рвами, а с востока — долиной давно пересохшей речки. Ныне это заросшее березами городище, среди развалов которого приютилось сельское кладбище, посещают только археологи. В остальном же древний город совершенно необитаем. Редкий любитель старины доберется сюда по разбитым сельским дорогам. А между тем по красоте панорамы, открывающейся с обрыва, по элегической прелести этого места — ему нет равных на всей Оке.

Именно этот разворот возле Любутска (а отнюдь не сам факт похода Ольгерда) и стал полной неожиданностью для москвичей, которые были введены в заблуждение литовской уклончивостью.

Вступив в московские владения, Ольгерд принялся разорять сельские поселения и брать пленных. На этом этапе его поход был обычным опустошительным набегом, где главное — внезапное появление и быстрое отступление. Не желая тратить время на осаду городов, Ольгерд обошел стороной московскую крепость Новый Городок в устье Протвы. Был уже конец осени. Это заставляло литовцев придерживаться зимней дороги: русла замерзшей Оки и ее левого притока — Протвы.

Согласно Рогожскому летописцу, в местности с головоломным названием Хвольхла произошла первая «стреча» (стычка) литовцев с московскими воеводами. Полагают, что «территория древней волости Холхол размещалась на восток от с. Почепа на р. Иче и принимала в свои пределы лесное пространство между речками Протвой и Тарусой» (313, 255).

В этом сражении пал князь Семен Дмитриевич Стародубский. Кому служил этот воевода и за что сложил голову? Как оказался он на пути Ольгерда? Неизвестно. Однако тот факт, что имя князя было вписано в синодик московского Успенского собора среди воевод, павших в боях за Москву, позволяет увидеть в нем одного из героев московской истории

(112, 27).

Битва на Тростне

Ольгерд дошел до устья реки Протвы. Здесь он повернул на север и пошел по Протве до Оболенска (317, 117). Городок Оболенск (располагавшийся неподалеку от современного Обнинска) был взят с ходу, а его защитник князь Константин Юрьевич Оболенский пал под мечами литовцев.

Далее Ольгерд продолжал идти вверх по Протве на север, в сторону Москвы-реки. В районе современного Можайска две реки сближались на расстояние около 10 километров. Там, вероятно, ожидали Ольгерда полки его союзников — смоленского и тверского князей.

(Примечательно, что набег Ольгерда не затронул владений князя-отрока Владимира Серпуховского. Возможно, литовский князь хотел таким образом посеять недоверие между братьями и привлечь Владимира на свою сторону.)

Между тем Дмитрий Московский, конечно, отслеживал и обдумывал продвижение литовцев по своим владениям. Приход Ольгерда к Можайску можно было понимать двояко: либо отсюда завоеватель по большой смоленской дороге уйдет восвояси, либо по той же дороге направится прямо к Москве. На случай второго варианта развития событий Дмитрий решил преградить Ольгерду дорогу именно там, где он должен был обязательно появиться, — на узком пространстве между истоком Нары (Нарские пруды) и Москвой-рекой. Туда, в район современной Кубинки, был спешно отправлен кое-как собранный московский сторожевой полк — новая жертва этой кровопролитной войны...

Речка Тростна (Тростенка), на берегах которой Ольгерд разбил московский сторожевой полк, известна средневековым источникам (8, 385). Ее и сегодня можно отыскать на хорошей карте Подмосковья. Она впадает в Нарские пруды, из которых берет свое начало река Нара. Ближайший крупный населенный пункт — современная Кубинка — находится примерно в пяти километрах севернее.

Сомнения некоторых исследователей в этой локализации места Тростенской битвы основаны главным образом на презумпции внезапности похода Ольгерда к Москве (313, 253). Однако эта внезапность исчезла с первых его шагов по Московской земле. Скорые гонцы могли за один день донести весть о вторжении литовцев от Оки до Москвы. Дмитрий следил за

продвижением врага, но не спешил высылать войска навстречу Ольгерду до тех пор, пока его планы не прояснятся окончательно. Возможно, в этой медлительности таилась ошибка московского князя.

Разгром московского полка в битве на Тростне 21 ноября 1368 года потряс москвичей. И дело было не только в том, что Москва не привыкла терпеть поражения. Тут угадывался и некий мистический знак. В этот день церковь отмечала один из двенадцатых праздников — Введение Богородицы во храм. Такого рода совпадения привлекали всеобщее внимание, становились темой для размышлений. Вывод напрашивался сам собой: Богородица отвернулась от дома Калиты, а Всевышний наказал москвичей за клятвопреступление — вероломный захват Михаила Тверского в Москве.

Враг у ворот

Победа на Тростне придала Ольгерду уверенности. Узнав от пленных, что князь Дмитрий Иванович находится в Москве и не располагает большими силами, он двинулся к столице. Ломая хрупкий наст, тяжелые литовские кони устремились к Москве. И уже никто не мог встать на пути завоевателя... В столице в это время, кроме Дмитрия, находились князь Владимир Серпуховской и митрополит Алексей. Взяв Москву в ноябре 1368 года, Ольгерд уничтожил бы весь московский княжеский дом в придачу с «московским» митрополитом. Но, очевидно, он отнюдь не ставил перед собой такую задачу.

Ольгерд защищал законные права своего шурина Михаила Тверского от московского произвола. На первый взгляд его миссия выглядела справедливой и благородной. Но из-под маски справедливости глумливо ухмылялся политический расчет. Ольгерда мало интересовал вопрос о том, кто из соперников займет великое княжение Владимирское. Ему нужна была сильная и независимая от Москвы Тверь. Но равным образом ему нужна была и сильная и независимая от Твери Москва. Иначе говоря, он был заинтересован в сохранении в Северо-Восточной Руси двух соперничающих княжеских коалиций. Того же желала и Орда. Отсюда и странное на первый взгляд равнодушие, с которым Мамай наблюдал за опустошением литовцами своего «русского улуса». Падение Москвы нарушило бы сложившийся в регионе баланс сил и повлекло непредсказуемые последствия. Опытный политик, Ольгерд умел

просчитывать ситуацию и во всем находить собственный интерес...

Литовское войско не могло долго стоять на морозе посреди уже покрытых снегом полей вокруг Москвы. Воинам нечего было есть и негде было спать. Вся деревянная застройка московского посада была предусмотрительно сожжена перед приходом литовцев. Простояв три дня под стенами новой московской крепости, Ольгерд ушел восвояси, захватив богатую добычу и толпы пленных. Москвичам оставалось только оплакивать погибших, собирать деньги для выкупа пленных и размышлять о том, чьи грехи навели гнев Божий на город.

Легко догадаться, что первым грешником народная молва должна была назвать самого великого князя Дмитрия, а вторым — митрополита Алексея. Оба они, нарушив клятву на кресте, вероломно захватили в плен Михаила Тверского. Отсюда — рассуждали в кабаках народные правдоискатели — и пошла цепочка бед, приведшая к небывалому нашествию литовцев.

Первая в его жизни большая война, которую Дмитрий, конечно, мечтал увенчать блестящей победой, завершилась неудачно. Ольгерд недолго стоял под стенами Москвы не только из-за холодов и домашних тревог. Он достиг своей цели. Москвичи поспешили исполнить все его требования. Был заключен соответствующий договор, во исполнение которого той же зимой Михаил Тверской получил в Тверском княжестве желанные им спорные территории.

«Тое же зимы (1368/69 года) москвичи отьступилися опять Городка и всее чясти княжи Семеновы князю великому Михаилу Александровичу, а князя Еремея отпустили с ним в Тферь» (43, 90).

Вероятно, тогда же москвичи вернули Ольгерду недавно захваченную ими крепость Ржеву (Ржев) — важный стратегический пункт на стыке литовских и тверских владений (177, 197).

Итак, Дмитрий получил от Ольгерда жестокий урок. Но слабых людей неудача ломает, а сильных закаляет. В биографиях великих русских правителей и полководцев можно найти немало примеров тяжких неудач в самом начале пути. Иван Грозный начал казанскую войну с неудачной кампании 1550 года. Петр Великий потерял армию под Нарвой, а Александр I изведal позор Аустерлица. Но умение стойко переносить удары судьбы и делать из своих неудач правильные выводы — отличительная черта подлинно великих людей.

Кашинские происшествия

Михаил Тверской понимал, что москвичи не простят ему нашествия Ольгерда и не оставят своих попыток взять под контроль Тверское княжество. А потому тверскому правителю важно было каким-то образом вывести из игры своего тезку и кузена — 37-летнего кашинского князя Михаила Васильевича. После кончины отца, старого князя Василия Михайловича Тверского, 24 июля 1368 года, Михаил стал единовластным правителем Кашинского удела, занимавшего всю северо-восточную часть Тверского княжества. Его единственный родной брат Василий скончался за несколько лет перед тем. Сам Михаил имел одного малолетнего сына — Василия. Таким образом, в случае внезапной кончины Михаила Кашин переходил в слабые руки отрока.

(Время показало, что этот отрок — действительно роковая фигура в истории Кашинского княжества. Войдя в возраст, он так и не обзавелся семьей и рано умер, не оставив потомства (358, 529). На нем и оборвалась самостоятельная династическая линия князей Кашинских.)

Тень вырождения уже давно витала над кашинским домом. Михаил Тверской не мог не думать о такой перспективе. Соблазн ускорить этот процесс и одним ударом — или одной щепоткой «зелья» — ликвидировать московскую «пятую колонну» в Тверской земле был очень силен. На этом историческом фоне весьма примечателен рассказ Рогожского летописца о странных событиях, случившихся в Кашине в конце зимы и начале весны 1369 года:

«Тое же зимы князь Михаило Васи́лиевич в Кашине из монастыря церковь Святую Троицу повеле снести внутрь города и место то святое раскопати и в гробех мертвых кости разрушили издавна положеных черноризцев.

Тое же весны не за много днии бышетъ бо князю болезнь Михаилу и княгине его, самого же Бог пожаловал, а княгини его Василиса преставися месяца апреля в 20 день.

С того повелешет им владыка Василеи не до конца место то разорите и послушав владыкы, опять малую церковь поставили Святую Троицу, потом и ту разнесли» (43, 90).

(В Никоновской летописи эта история украшена несколькими уникальными подробностями. В частности, перенесенный на новое место храм назван не Троицким, а церковью «Пречистыя Богородицы» (42, 12). Такое разногласие в именах прямо указывает на древнейшую обитель Кашина — Николаевский Клобуков монастырь. Он существовал еще в XIV столетии. В начале XX века главный храм монастыря был посвящен Святой Троице, а его боковой придел — святому Николаю Мирликийскому. Второй

храм обители был посвящен Покрову Пресвятой Богородицы. Сама номенклатура посвящений престолов указывает на их древнее происхождение.)

Итак, новый кашинский князь Михаил Васильевич решил ликвидировать Клобуков монастырь, снести его постройки, а главный храм во избежание обвинений в святотатстве перенести внутрь городских стен. Вероятно, это было сделано в интересах укрепления обороны города. В тревожной обстановке зимы 1368/69 года Михаил Васильевич готовил город к возможному нападению Михаила Тверского или Ольгерда. Известно, что в случае приближения врага все постройки на посаде немедленно уничтожались. Иначе враг мог использовать их в качестве материала для «примета» во время штурма крепости. Вынесенный далеко за городскую черту и отделенный от города оврагом, Клобуков монастырь мог послужить удобной базой для осаждавших Кашин войск.

С военной точки зрения распоряжение князя было правильным и своевременным. Однако православный народ всегда возмущался запустением мест, где прежде стояли храмы или иные святыни. Столь же неприкосновенным считались и кладбища. Сто лет спустя Иван III подвергнется тяжким обвинениям со стороны духовенства за снос нескольких церквей вблизи Кремля в интересах пожарной безопасности. Останки погребенных на кладбищах при этих церквях будут торжественно перезахоронены на другом московском кладбище.

Несмотря на все предосторожности, недруги кашинского князя обвинили его в святотатстве. Это обвинение едва ли не первым выдвинул тверской владыка Василий — заклятый враг кашинского дома.

Кашинский князь подвергся всеобщему осуждению. Для задумавших избавиться от него с помощью яда это было самое подходящее время. Вычислить истинного виновника в длинном списке недругов было затруднительно. Да и мстить за него было практически некому.

На этом фоне вполне предсказуемой выглядит тяжелая болезнь, подкосившая весной 1369 года кашинского князя Михаила и его княгиню Василису — дочь московского князя Семена Гордого. Это не была чума, которая посетила Кашин в 1365 году (43, 78). «Черную смерть» узнавали сразу по характерным симптомам — черным бубонам, пятнам на теле, горячечному бреду. Здесь же имела место, по свидетельству одной летописи, «болезнь велия незнаема и тяжка зело» (42, 12). В это время в Кашине (как и по всей Руси) не наблюдалось никакой эпидемии. Скорее всего, это странное тяжелое заболевание обоих супругов — отравление, вызванное ядом, который им подали в пищу или питье.

Князь Михаил Кашинский не верил в то, что случившееся с ним и его супругой — проявление Божьего гнева за упраздненный монастырь. Он догадывался, кто хотел отправить его в мир иной. Однако желая успокоить разгневанного епископа и возбужденное им «общественное мнение», Михаил распорядился поставить на месте обители маленькую церковь в честь Святой Троицы. По сути, это было равносильно признанию вины. Но признание это было не искренним, а вынужденным. Поэтому некоторое время спустя, когда страсти улеглись, князь приказал без лишнего шума разобрать и эту постройку. А уже на другой год он отправился в Москву к митрополиту Алексею с новой жалобой на несправедливости, чинимые тверским владыкой Василием.

Ответный ход

Поход Ольгерда на Москву в ноябре 1368 года показал всем участникам конфликта сильные и слабые стороны их стратегии. Определилась расстановка фигур на политической «шахматной доске». Но партия была далека от завершения. Следующий, 1369 год прошел в размышлении и накоплении сил. Впрочем, у каждого соперника помимо этого противостояния были и другие заботы.

«В лето 6877 немцы приида взяли у Литвы городок Ковен да поставили камен. Приида Олгерд опять отънял его у них» (43, 91). Чуть ниже еще одна литовская весть: «Тое же зимы (1369/70) Олгерд ходил на немцы и бысть межи их тамо сеча...» (43, 91). Не исключено, что в двух известиях как бы заикающегося Рогожского летописца речь идет об одном и том же походе Ольгерда на немцев. Но как бы там ни было, очевидно, что на Руси внимательно следили за передвижениями великого князя Литовского.

Невнятность летописца заставляет обратиться за разъяснениями к историкам. «Оба московских похода (Ольгерда. — *Н. Б.*) совершались в условиях разраставшейся войны с крестоносцами. В апреле — мае 1369 г. Винрих Книпроде (великий комтур Тевтонского ордена. — *Н. Б.*), разрушив отстроенный Новый Каунас, на том же месте вновь возвел Готтесвердер. В августе-сентябре литовцы осадили и взяли Готтесвердер, усилили его собственным предзамковым укреплением и восстановили Новый Каунас. В ноябре главный маршал Ордена Хенинг Шиндекопф разрушил все три литовские крепости. Повторилась трагедия 1362 г.: поспешивший на подмогу Кейстут пытался спасти замки, но не смог им помочь. Утвердиться

в окрестностях Каунаса литовцам не удалось. В начале 1370 г. маршал Ливонии Андреас Штенберг разорил Упите, а комтур Кулдиги — землю Мядининкай» (140, 141).

Словно замороженная этим круговоротом литовских отступлений и наступлений, Русь постепенно втягивалась в военные действия на западе.

Известная пословица гласит: «Береженого Бог бережет». Следуя пословице, князь Михаил Тверской, надеясь на помощь Ольгерда, не забывал и о собственной крепости.

«Того же лета (1369) в осенине князь великий Михайло Александрович в две недели город Тферь срубил деревян», — сообщает Рогожский летописец (43, 91). В редакции Никоновской летописи это известие звучит немного по-иному. «Того же лета град Тверь срубили деревян *и глиною помазали*» (42, 12).

Понятно, что за две недели можно было только подправить слабые места тверской крепости, замазать глиной те участки, где можно было ожидать поджога. Примечательно, что работы велись в неурочное время — осенью. Очевидно, это был аврал, вызванный вестью о скором нападении москвичей.

Одновременно с тверичами спешно подновлял свои крепости и Дмитрий Московский. «Того же лета (1369) князь великий Дмитрий Иванович заложи град Переславль, единого лета и срублен бысть» (42, 12).

По поводу этого известия историк архитектуры Н. Н. Воронин замечает: «За этой краткой фразой летописца скрывается огромная работа по постройке рубленых стен и башен на древних переславских валах XII в., общим протяжением до 2,5 км, то есть больше кремля Москвы» (116, 180). Впрочем, летописные тексты не следует понимать слишком буквально. Сама стилистика летописи с ее обкатанными, как морская галька, фразами предрасполагала к созданию своего рода «первообразов» реальных событий. В данном случае речь может идти не о возведении всей громадной деревянной крепости от начала и до конца, а лишь о ее подновлении.

В походе Ольгерда на Москву осенью 1368 года, помимо тверичей, участвовал и смоленский полк. Эту измену Москва не могла оставить безнаказанной. Первое правило княжеских отношений состояло в том, чтобы мстить ударом за удар. При этом важно было правильно выбрать время, застать изменника врасплох. И такой ответный удар был нанесен.

«Тое же зимы (1369/70) Олгерд ходил на немци и бысть межи их тамо

сеча, а москвичи и волочане (жители Волока Ламского. — Н. Б.) воевали Смоленскую волость» (43, 91). Летописец явно связывает эти два события: в отсутствие Ольгерда состоялся поход в смоленские земли.

Московское возмездие постигло и правителей Брянска, находившихся в вассальной зависимости от Литвы и принимавших участие в походе на Москву осенью 1368 года. Именно отсюда, со стороны Брянска и Калуги, литовское войско вторглось в московские земли. Под 6878 (1370) годом Рогожский летописец сообщает: «Того же лета князь великий Дмитрией Иванович посылал воевать Брянска» (43, 92). Тогда же под власть Москвы перешли прежде зависимые от Ольгерда Мценск и Калуга.

Все эти события свидетельствовали о том, что в Москве не считали войну с Ольгердом и Михаилом Тверским оконченной. Уже летом 1370 года последовали какие-то шаги москвичей, которые в Твери восприняли как нарушение договора, заключенного двумя годами раньше под стенами Москвы. Разумеется, Михаил Тверской вовсе не хотел вновь ехать к Ольгерду и униженно просить помощи. Он вообще не хотел новой военной кампании, так как понимал, что дружба с Литвой в конечном счете сулит ему переход на унижительное положение вассала Гедиминовичей.

Стараясь решить дело миром, Михаил Тверской, как и прежде, попросил тверского епископа выступить в роли посредника. Владыка Василий хорошо помнил горький привкус московского гостеприимства. И всё же положение обязывало: архиерей отправился в Москву с миротворческой миссией. Вот как представляет эту историю Рогожский летописец.

«Того же лета (1370) князь великий Михаило Александрович послал на Москву владыку любви крепити. Они же владыку отпустили с Москвы, а ко князю великому Михаилу послав целование сложили по Оспожине дни на 6 день» (43, 92).

Итак, в Москве были настроены столь решительно, что не сочли нужным даже задержать владыку, хотя и могли это сделать. Результат миссии епископа оказался неожиданным: вместо мира за ним в Тверскую землю пришла война. Заметим, что боевые действия во второй половине августа всегда были самыми опустошительными: враги уничтожали или похищали только что собранный с полей урожай и тем самым обрекали крестьян на голод.

Дмитрий Московский: первая кровь

Весть о новой войне с Москвой всколыхнула тверичей. В обстановке тревожного ожидания люди внимательно следили за необычайными явлениями в природе. И они не замедлили появиться.

«Потом на третий день тое ноци ударил гром страшно, а на завтрие святаго отца Калинника князь великий Михаило Александрович поехал в Литву. И от того дни тако и почали москвичи и волочане воевати Тферьскую волости» (43, 92).

Москвичи объявили войну Твери 20 августа 1370 года. Страшный гром ударил в ночь с 22 на 23 августа, а князь Михаил Тверской уехал в Литву утром 23 августа. С этого же злополучного дня московские и волоколамские полки принялись грабить и опустошать Тверскую землю.

«А с Семеня дни (1 сентября. — Н. Б.) сам князь великий Дмитрии съ всею силою приходил воевать Тферьских волости, сам стоял на Родне (на Волге, между Зубцовом и Старицей. — Н. Б.), а воеводы своя послал Зубцева имать съ великою силою. И стоя в 6 дни взяли Зубцев и город съжгли, по докончанию люди выпустили куды кому любо, а волости Тферьския вси повоевали и села пожгли, а люди в полон повели, а иных побиша. И много зла сътворив христианом да възвратися назад» (43, 93).

Итак, первый самостоятельный поход юного князя Дмитрия Московского носил отнюдь не героический характер. Это была своего рода «карательная экспедиция», направленная на западную часть Тверского княжества, то есть на родовой удел Михаила Тверского. Были взяты и разорены все три городка, составлявшие его военный потенциал, — Микулин, Родня и Зубцов. Всё прошло «по законам жанра». Особой жестокости со стороны москвичей и их юного предводителя не наблюдалось. Вероятно, это объяснялось не только милосердием Дмитрия Московского, но и соображениями целесообразности. Поход московской рати в Тверскую землю преследовал не только политические, но и экономические цели. Победители вместе со скотом угоняли «полон». В опустошенных чумой землях Северо-Восточной Руси главным богатством были люди...

Живой товар

Захват «полона», то есть пленников, — главная цель княжеских войн и татарских набегов. В источниках почти нет сведений о том, что ожидало пленных после захвата. Очевидно, к ним относились прежде всего как к товару и в этом качестве разделяли на несколько категорий. Более

состоятельные (в основном горожане) могли вернуть себе свободу за выкуп, внесенный сердобольными родственниками или друзьями. Известно, что во времена Ивана Грозного существовали особые договоренности на уровне правителей государств о неприкосновенности тех, кто ехал в чужую землю выкупать из плена своих домочадцев (352, 85). Вероятно, нечто подобное наблюдалось и в эпоху князя Дмитрия Ивановича.

Но если для состоятельных горожан, ремесленников и купцов, бояр и воинов, имело смысл возвращаться на прежнее место и в прежнее состояние — то крестьяне, у которых завоеватели сожгли деревню и угнали скот, в сущности, готовы были переселиться туда, где им окажут материальную поддержку. Этих «безлошадных» пленных завоеватели уводили с собой не для того, чтобы взять богатый выкуп, а с тем, чтобы превратить их в новых подданных, налогоплательщиков и ополченцев. Вероятно, существовали какие-то неписанные законы дележа пленных между победителями. Князь имел право на свою долю, а те, кто непосредственно осуществлял захват, — на свою. Владельцы пленников могли продавать их друг другу, распоряжаться как своей собственностью. Впрочем, церковь постоянно напоминала о том, что пленные — такие же христиане и относиться к ним следует милосердно.

Для размещения пленных крестьян на новом месте выделяли временно освобожденные от податей участки земли — «слободы». На первое время переселенцам поневоле давали ссуду деньгами, скотом и зерном. Вероятно, за ними присматривали на случай побега. Но при хорошем обращении что, кроме ностальгии, могло толкнуть их к долгому и опасному пути на старое пепелище?

Военно-политические успехи Московского княжества в XIV столетии во многом объяснялись сравнительно высокой плотностью населения. Безусловно, московские князья умели наполнять народом свои города и села. И в этом вопросе Дмитрий Московский шел по стопам своих предков. Иллюстрацией к этому положению может служить витиеватый рассказ Никоновской летописи о походе московских войск в Тверскую землю осенью 1370 года. Он основан на более ранних текстах Московского свода начала XV столетия, но примечателен особым вниманием к богатым трофеям этой войны.

«В лето 6879. Князь велики Дмитрей Иванович месяца сентября в 3 день со мною силою поиде ратью сам ко Тфери, да взял град тверский Зубцев, и пожже вся и поплени, такоже и другой град взя Микулин и также пожже и поплени, и вся власти и села тверския повоева и пожже и пусто

сътвори; а людей многое множество в полон поведе и все богатство их взя, и вся скоты их взяша в свою землю; и тако князь велики Дмитрий Иванович прииде на Москву съ многим богатством и корыстию, и землю свою всю многого скота наплъниша, и смириша тверич до зела» (42, 13).

Добавим, что ужасы войны усугублялись для крестьян стихийным бедствием — осенью 1370 года бесконечные дожди не позволили собрать урожай ярового хлеба (43, 93). Голод стоял у дверей почерневших от дождей крестьянских изб.

Московско-тверская вражда, вспыхнувшая после долгого мира, наполнила людей тревогой и ожиданием новых бедствий. На это указывали и грозные явления природы, через которые Всевышний давал людям свои таинственные знаки.

«Тое же осени и тое зимы по многы нощи быша знамена на небеси, аки столпы по небу и небо червлено акы кроваво. Толико же бысть червлено по небу, яко и по земли по снегу червлено видяшеся, яко кровь. Се же проявление проявляет христианом скорбь велику, хотящую быти: ратных нахождение и кровопролитие, еже и събытся» (43, 93).

Ордынский визит Михаила Тверского

Горькие вести о разорении москвичами родного Микулинского удела быстро долетали к Михаилу Тверскому в Литву. Мог ли он сидеть сложа руки, когда враг опустошал его наследственную вотчину? Но что он мог предпринять? Его собственные силы были невелики. Гедиминовичи были заняты своими заботами и на сей раз не спешили на помощь тверскому союзнику. Единственное, что мог предпринять Михаил Тверской в этой ситуации, — немедленно отправиться в Орду с жалобой на произвол Москвы. Именно так он и поступил...

Ордынский фактор — вечная загадка русской истории. Ответ на нее погребен под глинистыми холмами Селитренного городища. Когда-то здесь, на нижней Ахтубе, стоял грозный и таинственный Сарай — столица Золотой Орды. Теперь это выжженная солнцем мертвая земля, покой которой нарушают только змеи да «белые» и «черные» археологи.

Sic transit gloria mundi! Так проходит мирская слава! Этот возглас невольно приходит на память всякому, знающему историю здешних гиблых мест... Но шесть веков назад здесь кипела жизнь, сверкала остро отточенная сталь, решались судьбы народов и правителей...

Что думали «кибиточные политики» о запутанных делах русского

улуса? Какими правилами руководствовались в своих решениях? Бог весть...

Ни в Твери, ни в Москве, ни в Вильно не забывали о том, что на южном горизонте грозной тучей темнеет ослабевшая в смутах, но всё еще опасная Орда. Еще до своего второго бегства в Литву Михаил Тверской имел какие-то контакты с татарами, результатом чего стало прибытие в Тверь осенью 1370 года ордынских послов Каптагая и Тюзяка. Они привезли Михаилу ярлык на великое княжение Тверское — признание Ордой его прав как старшего в семействе тверских князей (43, 92).

Однако послы опоздали. Явись они немногим раньше — и Дмитрий Московский, возможно, не решился бы начать войну против признанного Мамаем великого князя Тверского. Но теперь их миссия была «вчерашним днем». Михаил уже ушел в Литву, а московские полки топтали Тверскую землю.

Татарских послов, как водится, наградили за труды и с честью отправили обратно. Однако Михаил и Ольгерд, узнав о их миссии, восприняли ее как неожиданный сигнал дружелюбия со стороны фактического правителя степей бекляри-бека Мамаю. Такие возможности серьезный политик упускать не имеет права...

И вот уже сам Михаил Тверской, не теряя времени, устремился в Орду. Объезжая стороной московские земли — вероятно, через Смоленск, Брянск и Рязань, — тверской князь проделал полторы тысячи верст по размокшим осенним дорогам и в воскресенье 1 ноября 1370 года явился в ставку Мамаю.

(Летописный текст можно понять так, что Михаил 1 ноября только выехал из Литвы в Орду. Но это явный сбой текста. В той обстановке тверской князь не мог два месяца сидеть без дела в Литве. Кроме того, к началу ноября Дмитрий Московский с войском уже давно покинул тверские земли, и поездка в Орду теряла для Михаила всякий смысл. Но если признать, что Михаил поехал в Орду где-то в середине сентября — то его приезд к Мамаю 1 ноября будет самым реальным сроком.)

«Князь великий Михаил Александрович, слышав таку изгибель своя отчины, до Филипова заговения за две недели (1 ноября 1370 года. — Н. Б.) из Литвы поиде в Орду, прииде к Мамаю, печалуя и жалую, и тамо многы укоры изнесе и многы вины изложи, паче же всего вьсхотесе ему самому княжения великаго и многы дары раздав и многы посулы рассулив князем Ординским и рядцям (сановникам. — Н. Б.), испроси себе посол царев именем (Сарыхожа. — Н. Б.). И взял ярлык и вышел был на княжение на великое...» (43, 93).

Не желая долго оставаться у Мамаю, получив ярлык и отряд сопровождения, Михаил без промедления отбыл на Русь.

Цари приходят, цари уходят...

В степях всё еще продолжалась многолетняя смута, хотя первенство Мамаю становилось всё более очевидным. Но тут судьба возвела на пути Мамаю новые препятствия. Вот как рассказывает об этом современный историк Золотой Орды:

«Сам Мамай не спешил занимать столицу по очень простой причине: в том же 1369 г. хан Абдаллах, возведенный им на престол, скончался, и бекляри-бек был озабочен поисками нового ставленника из рода Бату, который был бы признан легитимным преемником Абдаллаха. Наконец, его выбор пал на юного Мухаммад-султана, также потомка Узбека. Мамаю сильно беспокоила одна проблема: Мухаммаду было всего 8 лет, и бекляри-бек имел серьезные опасения, что эмиры и областные правители не признают власть столь юного хана. Чтобы Сарай не пустовал, Мамай совершил еще один беспрецедентный в истории Золотой Орды поступок: он возвел на престол собственную супругу Тулунбек-ханум, дочь Бердибека, которая правила в Сарае в 773 г. х. (1371/72 г.). Власть ее признала не только столичная округа, но и Тагай, эмир Мохши, где также стали чеканиться монеты с ее именем.

...После некоторых колебаний в 1370 г. Мамай от имени Мухаммад-хана выдал ярлык на великое княжение Михаилу Александровичу Тверскому-Микулинскому — представителю тверского княжеского дома, давнему сопернику Москвы...» (264, 130).

Торговец воздухом

Было время, когда ханский ярлык на великое княжение Владимирское служил «козырным тузом» в политической игре русских князей. Но на дворе уже стояли иные времена. Ханский ярлык давал право на участие в крупной игре, но вовсе не гарантировал выигрыш. Продавая Михаилу Тверскому ярлык без обязательности его исполнения, Мамай, по сути, выступал в роли торговца воздухом. Этого, кажется, не понял простоватый Михаил, плативший за «воздух» тяжелым тверским серебром...

Обычно полный сочувствия к Михаилу Тверскому, создатель Рогожского летописца на сей раз не удерживается от сарказма.

«И взял ярлык (Михаил Тверской. — Н. Б.) и вышел был на княжение на великое, зовучися сам князь великий. Они же (москвичи. — Н. Б.) не приаша его; не тъкмо же не приаша его, но и переимали его по заставам и многими пути ганялись за ним, ищуще его, и не стигоша его. И тако едва утече не въ мнозе дружине и прибежа паки в Литву» (43, 93).

Эту удивительную картину — никем не признанный великий князь Владимирский бежит, словно заяц, запутывая след, от своих могущественных преследователей, которых летописец кратко именуется «они», — можно принять за реальность только в том случае, если допустить, что у Дмитрия Московского была предварительная тайная договоренность с Мамаем. Суть ее должна была состоять в том, что Мамай продавал Михаилу Тверскому ярлык на Владимир, но при этом обещал Дмитрию Московскому не вмешиваться в московско-тверской спор и оставлял вопрос о верховной власти на усмотрение судьбы. Наличие такой договоренности более чем вероятно. В Москве хорошо знали давнюю склонность тверских князей «сидеть между двух стульев» и в трудную минуту метаться между Литвой и Ордой. Соответственно, московские доброхоты заранее убедили Мамаю продать тверскому князю ничем не обеспеченный ярлык. И эта затея им вполне удалась. Далее дело перешло в руки московских воевод...

Но в чем Михаил был сильнее московских воевод — так это в стремительности маневра. Плохой стратег, он был превосходным тактиком. Словно налим, он выскользнул из рук своих преследователей и ушел в недоступные для них темные воды. Похвалив шурина за ловкость, Ольгерд вновь выразил готовность поддержать его силой.

Вторая Литовщина

Особый род летописных головоломок представляют даты событий. Летописи часто противоречат друг другу в этом важном вопросе. Историки здесь, как и во всем остальном, предпочитают доверять более древним спискам летописей. Но и они не гарантируют полную достоверность. Поддерживающие ту или иную дату подробности месяцеслова (день памяти святого, церковный праздник, период поста) могут быть внесены в текст летописи «задним числом», при переписке текста много лет спустя. В итоге каждую дату следует проверять и на соответствие общему ходу событий.

Когда Михаил Тверской, ускользнув от московской погони, вернулся из

Орды в Литву? Косвенный ответ дает дата выступления Ольгерда и других литовских князей во второй поход на Москву — 26 ноября 1370 года. Согласно летописи, Михаил Тверской шел вместе с Ольгердом (43, 94). Он был с литовцами и при осаде ими Волока Ламского (43, 95). Следовательно, он прибыл в Литву не позже чем к началу похода. Но это значит, что Михаил выехал из Орды не позднее середины ноября. По схваченным ноябрьскими морозами дорогам при бешеной скачке на сменных лошадях (вероятно, пользуясь услугами ордынских ямов) Михаил Тверской мог добраться из ставки Мамаю до Литвы дней за десять.

На Николин день (6 декабря) Ольгерд подошел к Москве (43, 94). Осада столицы и на этот раз была недолгой. Опустошив окрестности города и захватив много пленных, литовский князь через восемь дней снял осаду и ушел восвояси.

«Князь же великий Дмитрий Иванович затворися въ граде, а Олексий митрополит тогды был в Новгороде в Нижнем, а князь Володимер Андреевич, събрався силою, стояше в Перемышле, оплчився. Еще же и к тому приспе князь Володимер Дмитриевич Проньский, а с ним рать Рязаньская. И то слышав Олгерд и убояся и начят мира просити, князь же великий Дмитрий взя с ним мир до Петрова дни (29 июня. — Н. Б.). А Олгерд въсхоте вечнаго миру, а хотя дати дщерь свою за князя Володимера Андреевича, еже и бысть. И тако помирился отъиде от Москвы и възвратися в свою землю и идяше съ многим опасением озираюся и бояся за собою погони» (43, 94).

Этот конгломерат сведений нуждается в расслоении и пояснении.

Удар Ольгерда на Волоколамск был мстью за участие местных войск в походе Дмитрия Московского осенью 1370 года на Микулинский удел. И хотя это участие было весьма ограниченным («...а волочане с порубежных мест так и воевали»), оно не могло остаться безнаказанным (43, 93).

(Как уже было сказано, Волок Ламский — современный Волоколамск — представлял анклав новгородских земель, зажатый между Тверским княжеством на севере и Московским на юге. Тверские князья издавна не ладили с новгородцами, а соответственно — и с волочанами. Взаимная неприязнь усиливалась частыми пограничными спорами. Московские князья, напротив, умели находить общий язык с новгородцами и в силу этого пользовались поддержкой волочан.)

В расправе литовцев с волочанами с особым удовольствием принял участие и Михаил Тверской. Однако его рать понесла здесь потери. Местными жителями перебито было много тверских воинов, отправившихся небольшими партиями в поисках пленных и добычи:

«А Тферьския рати под Волоком убили Луку Аркатова и люди много побили той, который опроче стяга ходили» (43, 95).

Потеряв несколько дней на Волоке и встретив здесь ожесточенное сопротивление, раздосадованный Ольгерд стремительным маршем пошел к Москве. Но за это время митрополит Алексей уже успел принять стратегически важное решение. Он покинул Москву на попечение бояр и князя Дмитрия, а сам отбыл в Нижний Новгород. Можно предположить, что цель этой поездки состояла в том, чтобы в трудную минуту удержать братьев Константиновичей от измены московскому делу. Особенно сильные сомнения вызывала позиция Бориса Константиновича. Женатый на дочери Ольгерда, городецкий князь мог выступить на помощь тестю или же попытаться захватить нижегородский стол. Присутствие митрополита с его грозным оружием интердикта должно было обеспечить интересы Москвы в этом регионе. Вероятно, Алексей потребовал от суздальских братьев не мешкая выслать войска на помощь осажденной литовцами Москве.

Между тем 17-летний серпуховской князь Владимир Андреевич стоял с войском в Перемышле - не далеком окском Перемышле, располагавшемся между Калугой и Козельском, а подмосковном Перемышле, находившемся на притоке Пахры речке Моче (229, 151). Очевидно, он пришел сюда, поднявшись вверх по течению Лопасни, истоки которой отделяли от реки Мочи всего 10 верст. Отсюда до Москвы было примерно 60 верст — расстояние дневного перехода конного войска. В Перемышль на помощь Владимиру Серпуховскому — вероятно, по той же Лопасне — явился князь Владимир Дмитриевич Пронский с рязанским войском.

Созданная Владимиром Серпуховским и Владимиром Пронским угроза удара по литовским тылам была быстро осознана Ольгердом. На этот ход противника он ответил не менее сильным дипломатическим ходом. Литовский князь не только предложил Дмитрию Московскому перемирие «до Петрова дни» (29 июня 1371 года), но и выдвинул стратегически значимый проект: «въсхоте вечнаго миру, а хотя дати дщерь свою за князя Володимера Андреевича» (43, 95).

Это предложение заставило москвичей крепко призадуматься. Вероятно, было созвано нечто вроде расширенного семейного совета с участием духовенства и бояр. С одной стороны, «вечный мир» с Литвой мог быть полезным для дальнейшего усиления Москвы и «собирания русских земель». С другой — здесь таилась опасность раскола московского семейства. Имея такого могущественного тестя и родственные связи в Литве, Владимир Серпуховской мог со временем выйти из подчинения

своему кузену Дмитрию Московскому. Вероятно, мнение серпуховских бояр и самого Владимира стало решающим. Совет согласился принять предложение Ольгерда.

Вопрос о том, в какой мере на переговорах Ольгерда с Дмитрием Московским были учтены интересы Михаила Тверского, остается открытым. Кажется, москвичи так и не признали его не только великим князем Владимирским, но даже и великим князем Тверским. Но Ольгерду уже не хотелось затягивать войну из-за интересов своего шурина. Довольный достигнутым результатом, он свернул свой лагерь и поспешил обратно в Литву. Это произошло незадолго до праздника Рождества Христова (25 декабря 1370 года). Предложенное москвичами перемирие «до Петрова дни», судя по всему, имело срок действия полгода. И осажденные, и осаждавшие страдали от рождественских морозов и мечтали встретить Рождество Христово у домашних очагов.

Рогожский летописец сопровождает сообщение об уходе Ольгерда довольно загадочной фразой: «И идяше съ многым опасением озираяся и бояся за собою погони» (43, 95). Эта фраза мало похожа на пустое бахвальство московского летописца. На кого оглядывался и кого боялся литовский князь, только что заключивший «вечный мир» с Москвой? Не мудрствуя лукаво, отправим этот вопрос в кладовую исторических загадок, без которых наша наука была бы, по выражению Карамзина, «как павлин без хвоста»...

Но как бы там ни было, «вторая Литовщина» закончилась для Москвы примерно так же, как и первая: без блеска победы, но и без позора явного поражения. Этот результат был предопределен не столько высотой московских стен и воинскими талантами Дмитрия Московского, сколько общей логикой политических отношений в Восточной Европе.

Всматриваясь в ход событий, можно заметить, что Ольгерд не только в первом, но и во втором походе не ставил задачу разгрома неприятеля. Это был скорее один из тех стремительных рейдов, которыми он привык обмениваться с Орденом, нежели тотальная война на истребление. Литовский князь стремился уstrasшить противника и поддержать своего тверского союзника, но при этом не нарушать общую расстановку сил в регионе.

Ордынские угрозы

Итоги «второй Литовщины» меньше всех устраивали Михаила

Тверского. Все усилия и затраты, предпринятые им для получения ярлыка на великое княжение Владимирское, оказались напрасными. Скачка из Литвы в Орду и обратно осенью 1370 года принесла Михаилу ярлык, который, в сущности, ничего не стоил. Московские войска не пустили нового великого князя в Северо-Восточную Русь, а Ольгерд не сумел заставить Дмитрия Московского стать более уступчивым. Таким образом, Михаил Тверской остался фактически ни с чем. Он потерял даже свой собственный Микулинский удел и вынужден был жить в Литве на положении изгнанника.

Утратив надежду на Ольгерда, Михаил решил еще раз попытаться счастья в Орде. Ведь совсем недавно великие ханы Узбек и Джанибек сочли бы делом принципа сурово наказать всякого, кто не исполнил их волю, выраженную в виде ярлыка и пайзы.

«Тое же зимы (1370/71 года. — Н. Б.) паки (опять. — Н. Б.) поиде въ Орду князь великий Михайло Тферьский», — сообщает Рогожский летописец (43, 95).

К этой поездке тверского князя можно отнести любопытное сообщение Никоновской летописи, проливающее некоторый свет на действия московской и тверской разведки. Дмитрий Московский своевременно узнал о намерении Михаила Тверского ехать в Орду, «и негодова о семь и розсла на все пути заставы, хотя изымати его» (42, 13). Однако и тверская разведка не дремала. Михаил благополучно обошел все засады, «прииде бо ему весть с Москвы, сказующе ему таковаа» (42, 13).

Словно испытывая отвращение от рассказов о бесконечных княжеских войнах и нашествиях врагов, летописец вдруг на полуслове меняет тему. Взгляд его обращается к явлениям природы, в которых таинственно мерцает непостижимость Божьего промысла. Всевышний то гневается на людей, то — услышав их молитвы — сменяет гнев на милость. В конце лета 1370 года шли бесконечные дожди, и крестьяне не смогли убрать намокший яровой хлеб. Казалось, небеса обрекли потерявших урожай земледельцев на голод. Но словно сжалившись над измученным народом, природа вдруг вернула людям то, что прежде так жестоко отняла.

«Та же зима бяшетъ тепла, снег стекль заговев великому говению (в начале Великого поста. — Н. Б.), не жатый хлеб пожали по всем Тферьским волостем в великое говение» (43, 95).

Но то, что было счастьем для тверичей, обернулось бедой для нижегородцев. В Нижнем Новгороде внезапная оттепель превратила зиму в мокрую весну. Подтаявший и отяжелевший снег огромной лавиной

двинулся вниз с крутого берега Волги. «И засыпа и покры дворы и с людьми» (43, 95).

Так от радости к горю и от горя к радости шла своим извечным путем жизнь человеческая.

В то время как домосед Дмитрий Московский весело поглядывал на мир божий из оконца своего кремлевского терема, Михаил Тверской затравленно метался из одного конца «улуса Джучи» в другой. Он отправился в Орду не ранее конца декабря 1370 года (после заключения московско-литовского мира), а 10 апреля 1371 года уже вернулся обратно в Тверь. Труды и хлопоты князя принесли свои плоды. «От Мамаева царя из Орды прииде в Тверь князь великий Михайло Александрович с ярлыком на великое княжение» (43, 95). Заметим, что вся зимняя поездка, включая пребывание в Орде, заняла у Михаила немногим более трех месяцев. По тем временам это были рекордные сроки.

Понятно, что главной темой бесед князя с Мамаем было неповиновение Дмитрия Московского ханскому ярлыку. И хотя Мамай, по-видимому, дал Дмитрию определенные привилегии, позволявшие ему проявлять самостоятельность в вопросе о великом княжении, жалобы тверского князя были по-своему справедливы и требовали немедленной реакции.

В итоге Мамай вручил Михаилу Тверскому новый ярлык на великое княжение Владимирское — вероятно, взяв с него за это новую мзду. Чтобы обеспечить исполнение ханской воли, с Михаилом Тверским был отправлен отряд татар, которым командовал «посол Сарыхожа». Это позволило Михаилу беспрепятственно вернуться в Тверь.

(Любопытно было бы знать, каким путем тверской князь добрался до своих владений? Но, увы. Никаких сведений об этом источники не сохранили.)

Едва переведя дух в Твери, Михаил приступил к самому сложному этапу своего анабазиса — утверждению на владимирском столе. Для начала ему необходимо было как минимум добраться до Владимира. Но даже эта простая задача оказалась для тверского князя почти неразрешимой.

«И поиде (Михаил Тверской. — Н. Б.) со Тфери подле Волгу мимо Кашин, а князь великий Дмитрие Московский по всем городом бояре и люди превел к целованию не датися князю великому Михаилу, а в землю его на княжение на великое не пустити» (43, 95).

Можно только удивляться, как вырос за эти годы авторитет Москвы: князь Дмитрий требовал от населения великого княжества Владимирского

прямого неповиновения ставленнику Орды. И народ выполнил это требование...

Надо полагать, что в этом «бойкоте» сыграло свою роль и глубокое падение авторитета Михаила Тверского. Митрополит Алексей гневно обличал его за союз с язычником Ольгердом и наведение на Русь «поганных» литовцев. Эти обличения митрополита распространялись духовенством во всех подвластных ему епархиях. Но был ли Михаил официальным образом отлучен от церкви? Трудно сказать. Так или иначе, но он был признанным Ордой великим князем Владимирским. А ссориться с Ордой митрополит остерегался.

Недосягаемый Владимир

При созерцательной позиции Орды решающее влияние на исход княжеского спора о великом княжении Владимирском оказывала военная сила. Весной 1371 года Дмитрий Московский, соединившись с Владимиром Серпуховским, занял стратегически важную позицию в Переяславле Залесском. Торный путь из Твери и Кашина во Владимир проходил вниз по Волге, далее по реке Нерли Волжской, затем через Плещеево озеро и волоком в Нерль Клязьминскую. Таким образом, москвичи своими полками перекрыли Михаилу дорогу на Владимир. Повторялась позорная для тверского князя ситуация недавнего прошлого — осени 1370 года.

В принципе Михаил Тверской мог вступить в бой с московскими полками и с боем прорваться во Владимир. Но что-то, о чем умалчивает летописец, удержало его от такого решения. Скорее всего, сыграли роль два фактора: явное численное превосходство московской рати и осторожная позиция ордынского посла. Скупые летописные сведения об ордынских послах позволяют думать, что со времен Бортеневской битвы (ноябрь 1317 года) для них существовала негласная установка: не вмешиваться в княжеские усобицы с оружием в руках. Такого рода «самодеятельность» посла могла повлечь за собой нежелательные для ордынской дипломатии последствия.

Не разрешив Михаилу Тверскому вступить в бой, ханский посол естественным образом взял на себя мирную инициативу. Он начал переговоры с Дмитрием Московским и, ссылаясь на ханский ярлык, потребовал признать верховную власть тверского князя и пропустить его во Владимир. На это последовал лаконичный ответ Дмитрия: «К ярлыку не

еду, а в землю на княжение на великое не пущаю, а тебе послу путь чист» (43, 95).

Не желая вступать в прямой конфликт с ханским послом, Дмитрий позвал Сарыхожу в Москву и обещал щедрое гостеприимство.

Можно пожалеть Михаила Тверского, которого судьба так часто ставила в унижительное, а то и просто глупое положение. Вот и на этот раз он не имел выбора, как только двинуться к цели долгим обходным путем: вниз по Волге мимо Мологи, Ярославля, Костромы и Нижнего Новгорода и далее по Оке и Клязьме — во Владимир.

Посол Сарыхожа вскоре понял, что вынужден сопровождать своего подопечного вдоль дороги, ведущей в никуда. В конце концов, это было унижительно и для чести ханского посла. Над таким нелепым шествием не подобало поднимать монгольское белое знамя с вышитым на нем черным драконом. Когда все эти соображения в правильном порядке расположились в голове степняка, он принял решение. Пройдя с Михаилом Тверским еще сотню верст вдоль Волги (от устья Нерли Волжской до устья Мологи), Сарыхожа отдал ему ярлык, а сам отправился пировать и принимать дары в белокаменную Москву.

Мелкая месть

С отъездом Сарыхожи положение Михаила Тверского стало безнадежным. Он решил прекратить поход на Владимир и вернуться в Тверь. Однако крупное поражение следовало прикрыть вуалью мелких побед. Воспользовавшись тем, что московские воеводы стерегли Владимир, а сам Дмитрий Московский ублажал в столице татарского посла, Михаил Тверской принялся грабить и жечь городки и села между Мологой и Костромой.

«Того же лета (1371) князь великий Михаил Тферьский, събрав вой, поиде ратию к Костроме, хотя взяти ю, и не дошед Костромы увернуса и взя град Мологу и огнем пожже, тако же и други град Угличе поле и Бежицький верх» (43, 96).

В этом погроме была своя логика. Кострома издавна входила в состав великого княжества Владимирского. Там сидел московский наместник и, вероятно, имелась мощная крепость. Молога и Углич принадлежали мелким владетельным князьям ростовского дома — давним союзникам и вассалам Москвы. В досаде Михаил Тверской опустошил также московские волости Бежецкого Верха. (Так называлась область в верхнем течении

Мологи в районе современного города Бежецка.) Основная часть Бежецкого Верха принадлежала Новгороду, а некоторые волости — Москве. Погром этих волостей дал возможность Михаилу Тверскому не только излить досаду, но и несколько скрасить тягостное впечатление от очередной неудачи в борьбе за Владимир.

23 мая 1371 года несостоявшийся великий князь Владимирский вернулся в Тверь (43, 96). Обычно князя приурочивали свое возвращение в столицу из похода к выходному или праздничному дню. В их честь гремели колокола. Духовенство служило благодарственный молебен. Народ выходил навстречу своему победоносному государю...

Но теперь Михаилу Тверскому праздновать было нечего. А потому он въехал в Тверь без всякой торжественности, незаметно, избрав для этого будний день недели — пятницу.

Злободневные воспоминания

В Москве сделали всё возможное, чтобы ублажить ордынского посла Сарыхожу. И всё же факт оставался фактом: ханский ярлык (а значит, и ханская воля) не был принят к исполнению Дмитрием Московским. Несмотря на все льстивые речи ханского посла, никто не мог сказать, как он представит дело своему повелителю.

Многие вспоминали тогда давнюю историю гибели князя Михаила Ярославича Тверского — деда Михаила Александровича. Он был казнен в Орде по приказу хана Узбека 21 ноября 1318 года. Главная вина Михаила состояла в том, что он поднял оружие против ханского посла Кавгадыя и сопровождавшего его татарского отряда. Московский князь Юрий Данилович, соперник тверского князя в борьбе за великое княжение Владимирское, подговорил Кавгадыя, чтобы тот представил Михаила перед ханом опасным мятежником.

Теперь роли поменялись. Ослушником ханской власти выступал Дмитрий Московский, а «ордынским служебником» и доносчиком — Михаил Тверской. Соответственно, жертвой клеветы мог оказаться Дмитрий Московский.

Старая история служила поучением и той и другой стороне. Но выводы из этого поучения делались разные. Дмитрий Московский был более разборчив в выборе средств для достижения верховной власти. Впрочем, накопленное тремя поколениями могущество Москвы позволяло ему быть более уверенным в себе и потому более щепетильным в

моральных вопросах. Он не звал на помощь литовцев и татар, не ездил с жалобами в Орду, а в домашних усобицах старался избегать кровопролития. Не знаем, в какой мере эта линия поведения была обусловлена чертами характера московского князя, а в какой — тонким политическим расчетом его советников во главе с митрополитом Алексеем. Но так или иначе, эта щепетильность в выборе средств снискала Дмитрию Московскому популярность далеко за пределами его владений. Ивана Калиту современники называли Иваном Добрым (18, 561). Это прозвище вполне мог бы носить и его внук. Доброта — конечно, с поправкой на средневековые нравы — была неотъемлемой частью его политики. Москва воплощала библейский образ верховной власти — могущественной и грозной, но милостивой и справедливой.

Вскоре по возвращении из неудачного владимирского похода князь Михаил Тверской отправил в Орду 14-летнего сына Ивана и бояр с жалобой на московский произвол. В Москве эта миссия вызвала серьезную тревогу. Цель ее была очевидна: сговорившись с послом Сарыхожей, тверской княжич должен был убедить Мамаю в необходимости наказать Москву за самоуправство.

Митрополит Алексей понимал, что нельзя воевать с Ордой, имея за спиной враждебную Тверь, на фланге — коварную Литву, а в качестве союзников — сомнительной верности среднерусских князей. Но и сидеть сложа руки в ожидании вызова на роковой суд в Орду или же прихода татарской «рати» было бы стратегической ошибкой. Московской дипломатии следовало играть на опережение или по крайней мере не отставать от хода событий. А это значит, что Дмитрий Московский должен лично отправиться в Орду, опровергнуть тверские обвинения и засвидетельствовать Мамаю и его малолетнему хану свою покорность.

Такая поездка состоялась летом 1371 года. Но о ней мы расскажем особо. А пока продолжим следить за цепью событий, приведших к третьему и последнему нашествию литовцев на Северо-Восточную Русь.

Шутки тиранов

Пользуясь отъездом Дмитрия Московского в Орду, Михаил Тверской летом 1371 года пытался добиться признания себя в качестве великого князя Владимирского в некоторых городах и волостях. Однако эти надежды потерпели крах.

«А ко князю къ великому к Михаилу так и не почали люди из городов передаватися» (43, 98).

Вернувшись из Орды осенью 1371 года не только целым и невредимым, но и с ярлыком на великое княжение Владимирское, Дмитрий Московский тотчас принялся возвращать себе то, что успел присвоить Михаил Тверской. Главной целью московской атаки были захваченные Михаилом московские волости в Бежецком Верхе. Но этим дело не ограничилось. На опустошение тверичами московских волостей Дмитрий ответил грабежом тверских владений.

«А на Бежицкой Верх насрал князь Дмитреи рать, и убита наместника князя Михайлова Микифора Лыча, а по волостем Тферьским грабили» (43, 98).

Борьба за верховную власть в Северо-Восточной Руси зашла в тупик. Силы и права Дмитрия Московского и Михаила Тверского были примерно равны. Ни один из них, даже имея ханский ярлык, не мог выступать полноправным хозяином великого княжения Владимирского. Это двоевластие продолжалось с осени 1371 года (то есть с возвращения Дмитрия Московского из Орды) до 16 января 1374 года, когда был заключен московско-тверской мирный договор) (207, 64).

Дмитрий Московский получил ярлык на Владимир из рук Мамай. Относительно положения Михаила Тверского Мамай на этот раз ограничился довольно туманным рассуждением, которое в передаче московского летописца звучит как грубоватая насмешка:

«А ко князю к Михаилу приказали: княжение есмы тебе дали великое и давали ти есмы рать и ты не понял, рекл еси своею силою сести, и ты сяди с кем ти любо» (43, 98).

Шутки деспотов всегда отдают черным юмором. Но суть дела была ясна. Мамай «умыл руки» и предоставил русским князьям самим решать вопрос о великом княжении Владимирском.

Такая позиция Орды позволяла Михаилу Тверскому продолжать борьбу. При этом оба князя словно поменялись ролями. Совсем недавно Дмитрий Московский не признавал верховную власть Михаила Тверского, хотя тот и имел ханский ярлык. Теперь Михаил решил силой отстаивать свою власть, хотя Дмитрий Московский во время поездки в Орду получил ханский ярлык на Владимир. В сущности, у истоков этой странной системы «фактического силового превосходства» (но при дремлющем надзоре Орды) стоял Дмитрий Московский, а точнее, его тогдашние советники во главе с митрополитом Алексеем), не допустившие во Владимир Дмитрия Суздальского в 1362 году. Именно тогда, в начале 60-х годов, начались

«инфляция» ханского ярлыка и переход князей к прямому противоборству.

Третья Литовщина

Уяснив ситуацию, Михаил Тверской весной 1372 года вновь призвал литовцев и объявил войну Москве. Для начала он отправил в принадлежавшую москвичам волость Бежецкого Верха своего вассала и племянника — Дмитрия Еремеевича Дорогобужского.

«А князь великий Михаил Александрович, послав братанича своего князя Дмитрея Еремеевича и воевод своих ратью и взял Кистьму. И воевод кистемьских, Ивановых дети Шенуровых Андреа и Давида и Бориса, изнимав, приведоша въ Тферь къ великому князю Михаилу» (43, 98).

(Волость Кистьма в Бежецком Верхе перешла во владение московских князей еще при Иване Калите (201, 48).)

Как обычно, усиление напряженности в отношениях Москвы и Твери тотчас сказывалось на позиции удельных князей тверского дома. В то время как Дмитрий Еремеевич Дорогобужский решил служить Михаилу Тверскому, кашинский князь Михаил Васильевич открыто перешел на сторону москвичей (43, 98).

Весной 1372 года Михаил Тверской нанес москвичам новый, гораздо более сильный удар. Внезапной атакой он захватил Дмитров, «а посад и села пожгли, а бояр и людий изнимав и жен в полон привели в Тферь» (43, 99).

Дмитров был «северной гаванью Москвы», важным узлом транзитной торговли (316, 397). Из Москвы по суше добирались до Дмитрова, а далее по рекам Яхроме, Сестре и Дубне выходили на Волгу.

Удар по Дмитрову был началом «третьей Литовщины» — большой московско-литовской войны, в которой Михаил Тверской выступал в роли инициатора, советника и соратника чужеземцев.

«По Велице дни, в Фомину неделю (29 марта — 4 апреля. — Н. Б.), князь Михаил Тферский подвел рать литовскую втаю (тайно. — Н. Б.): князя Кестутиа с сыном Витофтом, князя Андреа Полотскаго, князя Дмитрея Дрютского и иных князей много литовских; а с ними литва, ляхи, жемоть (Жемайтия, область в Литве. — Н. Б.)» (39, 19).

В то время как Михаил Тверской отвлекал московское войско нападением на Дмитров, брат Ольгерда Кейстут с литовцами атаковал оставшийся без прикрытия Переяславль. После этого они встретились в условном месте и пошли на Кашин. Вся кампания носила характер

привычного для литовцев стремительного и опустошительного рейда.

«Кестютии и Андреи (Ольгердович. — Н. Б.) Полотьскыи с Литовьскою ратию ходили к Переяславлю, посад и церкви и города пожгли и села, а люди многое множество побиша, иныя многы мужа и жены с детми в полон поведоша и имения их поимаша, и скоты их исколоша. И оттоле, совъкупся в едино место с князем с великим с Михаилом, приидоша к Кашину и взяша окуп (выкуп. — Н. Б.) с Кашина. А князь великийи Михаило во всю свою волю введе брата своего князя Михаила Василиевича (Кашинского. — Н. Б.). И оттоле приидоша в свояси...

А князь Кестутии от Кашина поиде с литвою на Новоторжскую волость, мимо Торжек, и князь Андреи Полотьский с Дрютьским, мимо Твери назад ида, много зла сътворили христианом» (43, 99).

План кампании, по-видимому, был составлен Михаилом Тверским. На это указывает траектория движения литовских войск по русским землям. Их главной целью был Переяславль Залесский — третий по значению после Москвы и Коломны город во владениях потомков Ивана Калиты. В свое время он был яблоком раздора для Твери и Москвы. Правовой статус Переяславля оставался спорным. Долгое время он был составной частью великого княжения Владимирского, но последний переяславский князь, бездетный Иван Дмитриевич (внук Александра Невского), распорядился им как вотчинным княжением, передав по завещанию Даниилу Московскому. С тех пор московское семейство не выпускало Переяславль из своих рук, хотя его права в этом вопросе были далеко не бесспорны.

Под Переяславлем совсем недавно Михаил Тверской был остановлен московскими полками на пути во Владимир и принужден с позором повернуть назад. Вероятно, именно жажда мести за унижение определила выбор Переяславля как цели литовского рейда.

Каким путем войско Кейстута шло к Переяславлю? Скорее всего, обычной дорогой вдоль Волги и Нерли Волжской. При этом ратники нанесли тверским землям столь сильный урон, что Михаил уговорил Кейстута возвращаться назад другим путем: через новгородские владения (Бежецкий Верх) и далее — на Торжок. Оставшаяся часть литовского войска во главе с князем Андреем Ольгердовичем Полоцким и Иваном Друцким всё же прошла по тверским землям и причинила им немалый вред (201, 244).

Битва при Скорнищеве

Успех литовского рейда на Переяславль и тверского похода на Дмитров во многом объяснялся тем, что московские боевые силы весной 1372 года были отвлечены на юг, в сторону Рязани. Там назревали события, сильно беспокоившие московских правителей.

Рязанский княжеский дом разделился точно так же, как и тверской. Старшая линия, представленная знаменитым воителем Олегом Ивановичем Рязанским, враждовала с младшей линией — князьями Пронскими. Москва традиционно поддерживала пронских князей, видя в них естественных союзников. Отношения периодически обострялись вопросом о спорных волостях по Оке и в нижнем течении реки Лопасни (левый приток Оки).

Зимой 1371/72 года давние московско-рязанские «обида» вспыхнули пламенем войны. Возможно, этому как-то содействовали Ольгерд и Михаил Тверской. Князь Дмитрий Московский собрал сильное войско и отправил его на Рязань. Сам он остался дома. Командование походом поручено было недавно выехавшему из Литвы воеводе Дмитрию Михайловичу Боброку Волынскому — мужу родной сестры князя Дмитрия Московского Анны.

Бывалые воины, выросшие в непрерывных стычках со степняками и литовцами, рязанцы, по словам летописца, перед боем похвалялись без труда разгромить «слабых и страшливых москвичей» (43, 98). Но и москвичи к этому времени уже успели накопить изрядный опыт сражений. Их литовский предводитель был незаурядным полководцем. Возле села Скорнищева произошла битва, окончившаяся полной победой москвичей. Князь Олег едва успел бежать с места сражения...

В Рогожском летописце московские и тверские голоса постоянно сменяют друг друга. Вот эмоциональный (и как обычно полный библейских аллюзий) московский комментарий к сообщению о битве при Скорнищеве. За традиционной церковно-учительной риторикой ощущается давняя взаимная неприязнь двух соседних княжеств:

«Наши же (москвичи. — *Н. Б.*) Божиею помощию укрепляющесе смирением и воздыханием, уповаша на Бога, крепкаго в бранех, Иже (Который. — *Н. Б.*) не в силе, но в правде дает победу и одоление. И сретошася рязаньци, и бысть им бой на Скорнищеве, и поможе Бог князю великому Дмитрию Ивановичю и его воем, и одолеша, а князь Олег едва убежа. Бог же, видя сих смирение, а оных гордость, якоже рече Соломон: Господь гордым противиться, а смиренным дает благодать» (43, 99).

Победители возвели на рязанский трон двоюродного брата Олега — удельного князя Владимира Дмитриевича Пронского. Его верность Москве

была явлена еще во время «второй Литовщины», когда он привел рязанский полк на помощь Владимиру Серпуховскому в Перемышль.

Олег Рязанский не смирился с потерей своего стола. Собравшись с силами и выждав подходящий момент, он лихим набегом изгнал кузена из Переяславля Рязанского. Летопись не сообщает дату этого переворота, но можно предположить, что самое удобное время для него — когда московские войска были переброшены на север для отражения нашествия Кейстута и Михаила Тверского и не могли оказать помощь своему союзнику.

Таким образом, москвичи потеряли плоды Скорнищевской битвы. Эту потерю следовало немедленно вернуть. Но война с Олегом Рязанским требовала отвлечения сил от тверского и литовского «фронта». Всё это крайне усложняло положение Москвы. Весна и лето 1372 года были тяжелым временем для Дмитрия Московского. Удары судьбы ковали его стойкий характер.

Свадьба в Серпухове

Угрозы обступали Москву со всех сторон. Но жизнь приносила Дмитрию Ивановичу не одни только страхи и заботы. Звонкой радостью отозвалась по всему городу весть о рождении 30 декабря 1371 года в семье великого князя второго сына — Василия.

Первый сын Дмитрия, названный в честь прадеда Даниилом, умер в младенчестве. (Московские летописи по какой-то странной рассеянности забыли упомянуть о его рождении и смерти.) Таким образом, второй сын Василий оказался в роли наследника московского престола. Забегая вперед заметим, что эту роль он сыграл достойно, хотя и без особого блеска...

Но еще более, чем пополнение княжеского семейства, радовала тогда москвичей сдержанность их главного врага — великого князя Литовского Ольгерда. И на то были свои причины. Согласно договоренности, достигнутой в 1370 году, Ольгерд отдавал дочь замуж за удельного серпуховского князя Владимира Андреевича. И договоренность эта наконец была исполнена.

«Тое же зимы (1371/72 года) князь Володимер Андреевич Московьскыи оженися у князя у великаго у Олгерда Гедиминовича Литовьскаго и поя (взял. — Н. Б.) дщерь его, нареченую в святом крещении Елену» (43, 99).

Известно, что во время Великого поста играть свадьбы воспрещалось

церковными канонами. В 1372 году Прощеное воскресенье пришлось на 7 февраля. Таким образом, серпуховская свадьба могла состояться в промежутке между 25 декабря (Рождество Христово, окончание Филиппова поста) и 7 февраля.

Исследователь эпохи многое дал бы за то, чтобы узнать, кто из Гедиминовичей и Рюриковичей пировал на этой свадьбе, где она состоялась и какие застольные речи там произносились. Но, увы: время меньше всего заботится об историках, равнодушно стирая с памятной доски слова и дела человеческие...

И вот отшумело праздничное застолье, разъехались гости, и настало время московским боярам подсчитать прибитки и убытки. Отныне Владимир Серпуховской становился до известной степени «своим» в сообществе литовских князей. Пользуясь этим, он мог смягчать их враждебность по отношению к Москве, а мог, напротив, следуя примеру Михаила Тверского, пользоваться литовской поддержкой для достижения собственных политических целей. Литовцы не бросали родственников в беде. Примечательно, что даже внук Владимира Серпуховского князь Василий Ярославич, вынужденный бежать из Москвы после ее захвата Дмитрием Шемякой в 1446 году, направится в Литву и встретит там самый теплый прием.

Учитывая возросший статус Владимира Серпуховского, великий князь Дмитрий Иванович не поскупился на свадебные дары. Он «добавил к уделу Владимира несколько новых волостей на юго-западе Московского княжества в районе р. Протвы, а самое главное — отдал ему во владение Дмитров и Галич со всеми относившимися к ним волостями» (198, 110). Последнее было особенно приятно Владимиру: его мать, княгиня Мария Ивановна, была родом из Галича Костромского.

Судьба удельных князей московского дома, как правило, была незавидной. Их унижали, притесняли, уличали в каких-то подлинных и мнимых кознях. Уже по одному своему положению они считались потенциальными заговорщиками и мятежниками. Владимир Серпуховской, судя по всему, был человеком прямым и не склонным к интригам. И всё же Дмитрий Московский и его окружение не вполне доверяли ему. Московские книжники говорят о нем мало и неохотно. Памятники Куликовского цикла либо замалчивают роль Владимира, либо, напротив, представляют его главным героем сражения. В мерцающем свете летописей Владимир Серпуховской то вовсе исчезает во мраке, то вырастает в гигантскую тень...

Стояние у Любутска

Свадьба Владимира Серпуховского с дочерью Ольгерда существенно изменила расклад политических сил. Она породила новые опасения и новые надежды. Ольгерд не желал портить отношения с зятем и потому не участвовал в задуманном Михаилом Тверским рейде Кейстута и других литовских князей в московские земли. Однако, приобретая близких родственников в московском княжеском доме, он не хотел терять и старых друзей в противном лагере. Михаил Тверской вновь обратился к нему за помощью летом 1372 года, когда стало ясно, что Москва готовит мощный ответный удар — возмездие за литовско-тверской рейд на Дмитров, Переяславль и Кашин. И Ольгерд не отказал своему шурина в помощи. Однако этот поход существенно отличался от двух предыдущих. Его целью было не столько устрашение врагов, сколько ободрение друзей...

Как и во время «первой Литовщины», Ольгерд помимо собственных сил поднял в поход брата Кейстута. С ними шел и смоленский князь Святослав Иванович.

Литовцы шли к московским землям с юго-запада, со стороны Калуги. Поначалу они двигались в полной безопасности. Выше Калуги, в бассейне Верхней Оки, находились владения так называемых «верховских» князей. Их политическая ориентация была изменчивой. Но в эти годы старший среди «верховских» князей, Роман Семенович Новосильский, был дружен с Москвой (209, 4).

Что касается Калуги, то она с 1370 года принадлежала Дмитрию Московскому, который в завещании (1389) оставил ее своему сыну Андрею (8, 34). Судя по всему, большого оборонительного и торгово-транзитного значения Калуга еще не имела. В принципе Ольгерд мог беспрепятственно пройти мимо нее (переправившись через Угру) и, не теряя времени, устремиться на север, к Москве. Однако он зачем-то пошел вдоль Оки на восток, в сторону Алексина. Там, верстах в пятидесяти от Калуги, возле брода, находился уже знакомый читателю городок Любутск — крайняя восточная точка литовских владений на Верхней Оке (351, 60). Отсюда на левом берегу Оки начиналась торная дорога в Москву. Высокий правый берег Оки венчали бревенчатые стены и башни Любутска. В овраге, спускающемся к Оке, протекал ручей Любуть, который и дал название городку.

Отсюда, из пограничного Любутска, шесть лет спустя изгнанный из Москвы митрополит Киприан будет писать свое знаменитое письмо

Сергию Радонежскому (270, 195).

Под Любутском к Ольгерду присоединился Михаил Тверской со своим полком (42, 19). Князь был полон ратного духа. Но вскоре он понял, что это была не та война, о которой он мечтал и ради которой спешил в Любутск.

Ольгерда привела сюда не столько война, сколько дипломатия. Именно пограничные города обычно служили местом встречи и переговоров правителей. Достаточно вспомнить переговоры Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича Новгород-Северского в Москве в 1147 году (44, 208).

Возникает вопрос: с кем именно Ольгерд намеревался встретиться в Любутске? Судя по всему, он предполагал, что первым сюда явится Владимир Серпуховской, чьи владения находились неподалеку. Но что мог предложить Ольгерд своему юному зятю? По существу, только одно: «переменить фронт» и сменить Дмитрия на московском столе.

Летописи хранят полное молчание о том, где был и чем занимался Владимир Серпуховской во время «третьей Литовщины». Однако если принять предложенную историком В. А. Кучкиным датировку перемирной грамоты Ольгерда с Дмитрием Ивановичем (конец июля — 1 августа 1372 года), то всё становится на свои места. Владимир в этой грамоте назван вторым после Дмитрия Московского (8, 22; 208, 38). Значит, он пришел под Любутск вместе с ним. Устояв перед литовским соблазном, Владимир остался верен московскому семейному делу. Теперь Ольгерду предстояло вести переговоры с московским «дуумвиратом», усиленным участием еще двух князей — Романа Семеновича Новосильского и Дмитрия Михайловича Боброка Волынского (209, 10).

Расположившись в Любутске, Ольгерд явно не спешил переправляться через Оку и вступать в московские владения. Он ждал приглашения на переговоры. Но и московские князья не спешили с инициативами. Чтобы поторопить осторожных москвичей, Ольгерд отправил один из отрядов своего войска («сторожевой полк») на московский берег. Этот маневр облегчался тем, что поблизости от Любутска имелась переправа, брод через Оку. Увидев идущую на них московскую рать, литовцы обратились в бегство — возможно, притворное. Они переправились обратно на правый берег Оки, увлекая за собой охваченных азартом погони москвичей.

«А князь велики Дмитрей Иванович, собрав силу многу, поиде противу их и близ Любутска сrete их; и пръвое москвичи изгониша сторожевый их полк Олгирдов и побиша, и таковы бысть замятня в литовской рати, яко и сам Олгерд Гедиманович бежа и ста за врагом (оврагом. — Н. Б.)» (42, 19).

Полагают, что силы Дмитрия и Ольгерда под Любутском были

примерно равны (208, 39). Но Дмитрию Московскому, конечно, не следовало бы переправляться на правый, литовский берег Оки. Ольгерд имел возможность внезапно напасть на москвичей во время переправы. Однако он не сделал этого. Заняв удобную позицию на высоком и обрывистом берегу, Ольгерд остановил наступательный порыв авангарда москвичей — который, вероятно, поспешил вернуться на левый берег — и предложил начать переговоры. Московский князь охотно согласился...

«Того же лета месяца иуля в 12 день (понедельник. — Н. Б.) князь великий Михаило Александрович со Тфери поиде ратию, а князь великий Олгерд из Литвы с Литовскою ратию, совокупишася в едино место под Любутском. А с Москвы противу их прииде князь великий Дмитрий Иванович ратию. И стаха обе рати противу себе (одна против другой. — Н. Б.) вооружася о враг (через овраг. — Н. Б.), и не бяшетъ лъзе толь борзо снятися, бяшетъ бо дебрь глубока зело. И тако стоявше несколько дней и бышетъ им враг (овраг. — Н. Б.) тот въ спасение и огради вся силою крестною, христиане въздохнуша к Богу от чиста сердца о миру, дабы не сотворилося кровопролитие в том месте. Господь же Бог наш, услыша молитву их, даст им мир и избавление от напрасныя смерти. И возма мир князь великий Олгерд со князем со Дмитрием и поиде в свояси. А князь великий Михаило Александрович поиде в том же миру, и вся его воя сохранени Божию благодатию и Пречистыя Его Матери» (43, 103).

(Летописец плохо представлял себе место встречи Дмитрия с Ольгердом и писал с чужих слов. Заметим, что возле Любутска, расположенного на самой кромке высокого правого берега Оки, нет никакого «зело глубокого» оврага. Вероятно, два войска разделял не «овраг», а глубокая долина Оки. *Левый* («московский») берег Оки напротив Любутска — пологий и поросший лесом. Никакой «зело глубокой дебри» этот ландшафт также не имеет. Если глядеть с левого берега, правый («литовский») кажется обрывистой кручей, на которую действительно нельзя «борзо снятися», то есть быстро взобраться.)

В московских летописях «стояние под Любутском» представлено весьма невнятно — верный признак не вполне удачной для москвичей кампании. Стычка москвичей со сторожевым полком литовцев, вероятно, сильно приукрашена. О переправе московского войска через Оку вообще не упоминается. А между тем Ольгерд ждал их именно на правом берегу, где и находится крепость Любутск. Едва ли переправа через Оку изначально входила в военные планы Дмитрия. Известно, что он был полководцем скорее «кутузовского», чем «суворовского» типа и не любил переправляться на «чужой» берег реки, предпочитая держать оборону на

своем...

Итак, полки стояли друг против друга, разделенные каким-то трудно преодолимым препятствием. Начались мирные переговоры. Тысячи людей, готовых принять смерть в кровавом безумии битвы, вздохнули с тайным облегчением...

Что касается конкретного содержания московско-литовского соглашения о перемирии, то его составляют главным образом «вопросы, связанные с полным контролем над территорией великого княжения (для Москвы) и обладанием Ржевой и ржевскими землями (для Литвы)» (209, 13). Литовская сторона признавала право Дмитрия Московского на великое княжение Владимирское и обязывалась не поддерживать соответствующих притязаний Михаила Тверского. В обмен на это Москва признавала владельческие права Михаила как великого князя Тверского и уступала Ольгерду важную в стратегическом отношении крепость Ржеву, находившуюся на стыке смоленских, тверских и новгородских земель.

Так Любутским перемирием, переросшим в длительный мир, закончилась «третья Литовщина». Безусловно, Дмитрий Московский имел основания считать кампанию 1372 года успешной. В целом же московско-литовская война, носившая преимущественно оборонительный характер и не блиставшая яркими победами, решила ряд актуальных для Москвы политических вопросов. И прежде всего это был вопрос стабильных и достаточно мирных отношений с Литвой.

Оценивая результаты пятилетней (1368–1372) борьбы Москвы с Михаилом Тверским и Гедиминовичами, известный исследователь ранней Москвы А. Е. Пресняков писал: «Великому князю Дмитрию удалось окончательно отделить внешние дела Великороссии — отношения к Орде и Литве — от борьбы с тверским князем. Впрочем, татарские отношения этой поры были слишком *напряжены и запутаны* (курсив наш. — Н. Б.), чтобы соглашение оказалось устойчивым. Главное значение событий 1372 года — в ликвидации литовской войны и лишении Михаила Тверского литовской поддержки» (266, 208).

Оставшись без покровителей, Михаил Тверской пытался предпринимать самостоятельные военные и дипломатические диверсии против Москвы. Однако Дмитрий нашел весьма неординарное средство «заморозить» деятельность Михаила в этом направлении. Еще до начала «стояния под Любутском» он отправил в Мамаеву Орду посольство с секретной миссией: выкупить у хана сына Михаила Тверского Ивана, который жил в Орде на положении заложника, и привести его в Москву

(209, 7). Этот сомнительный в моральном отношении замысел оказался удачным. Ордынский заложник превратился в московского. Спасая жизнь сына, томившегося в московской темнице, Михаил Тверской отказался от претензий на великое княжение Владимирское и выплатил москвичам огромный выкуп. Казалось, он сломлен и надолго уполз с политического «ковра».

Теперь у московских правителей наконец были развязаны руки для выяснения отношений с Мамаевой Ордой. К этим «напряженным и запутанным» московско-ордынским отношениям мы и обратимся в следующей главе.

Глава 11

НА КОВЕР К МАМАЮ

*Вот нечестивые натянули лук, стрелу свою
приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в
правых сердцем.*

Пс. 10, 2

Отбиваясь от Ольгерда, князь Дмитрий мог ожидать, что Мамай придет на помощь своему «русскому улусу». Но Орда была занята усобицами, а когда они затихали, погружалась в первобытный степной покой. При этом непредсказуемая кочевая держава могла в любой момент выйти из своего изотерического состояния и либо помочь Москве в борьбе с Ольгердом, либо, сделав ставку на Михаила Тверского, нанести ей удар в спину.

Интриги Михаила Тверского в Мамаевой Орде (в первую очередь — получение ярлыка на великое княжение Владимирское, который потомки Калиты уже привыкли считать своей родовой привилегией) сильно встревожили юного московского князя и заставили его летом 1371 года лично отправиться к ханскому двору.

Эта поездка положила начало новому акту московско-тверской войны. Дмитрий Московский надеялся получить ярлык на великое княжение и заручиться невмешательством Орды в его тяжбу с Михаилом Тверским. Только после этого он мог, не оглядываясь на Орду, двинуть на Тверь большое войско и поставить на колени беспокойного соперника. Однако Дмитрий понимал, что в его борьбу с Михаилом может вновь вмешаться Ольгерд. В этом случае Мамай мог бы оказать Дмитрию серьезную услугу, отправив свои тумены стремительным набегом на Литву.

Все эти перспективы сулили Руси, прежде всего, новые жертвы на поле брани и новые страдания для мирного населения. Исходя из идеала христианского милосердия, Дмитрию следовало смириться, уступить великое княжение Владимирское Михаилу Тверскому и не развязывать новую войну с Тверью. Но всякая власть — в том числе и власть правителя — имеет свои законы. Один из них состоит в том, что, получив власть, правитель обязан ее непрерывно приумножать. Остановка на этом пути ведет к падению...

После кончины хана Абдаллаха в 1369 году Мамаевой Ордой номинально правил «вольный царь» Мухаммад-султан (Мухаммед-Булак). «Возможно, это тоже был какой-то потомок Узбека или Джанибека» (323, 59). Поскольку Мухаммаду в год восшествия на трон было всего восемь лет, своего рода «регентшей» при несовершеннолетнем «царе» стала жена Мама — дочь хана Бердибека Тулунбек-ханум (264, 130). Впрочем, как это обычно бывало во время «великой замятни» в Орде, далеко не все областные правители признавали легитимность правящего семейства и — кто явно, а кто тайно — не желали ему повиноваться.

Сложная система разделения власти в Орде между реальными и номинальными правителями открывала широкое поле для дворцовых интриг. Прибывшему к ханскому двору русскому князю следовало быть хорошо осведомленным и осторожным, чтобы не допустить роковой оплошности. У каждого князя были в Орде свои доброхоты и осведомители. Но твердых гарантий успеха и безопасности никто из них дать не мог. Много — а иногда и всё — зависело от личной встречи с хозяином степей.

Провожая Дмитрия в Орду, митрополит Алексей ехал вместе с ним до переправы через Оку. Эти небывалые проводы должны были показать всем, в том числе и Мамаю, особую близость князя Дмитрия и главы Русской церкви. Алексей знал, как почтительно относятся в Сарае к русскому духовенству вообще и к нему как его главе в частности. Его окружала слава чудотворца. Многие еще помнили, что митрополит чудесным образом исцелил ханшу Тайдулу (мать Бердибека) от болезни глаз.

Неуловимая Орда

Каким путем Дмитрий поехал в Орду? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала выяснить, что же означает это короткое и тяжелое для русского уха слово — *Орда*.

И здесь мы вновь спотыкаемся о порог неизвестности. Само понятие «Орда» — как и многие другие древние термины — имело несколько значений. Какое из них в каждом конкретном случае имел в виду летописец — неизвестно.

Для русского человека XIV столетия *Орда* — это пространство, страна, в которой живут кочевники, подчиненные «вольному царю» — ордынскому хану. Кроме того, *Орда* — это походная ставка хана, его огромная юрта,

поставленная на телеги и влекомая десятками волов. Но и это не всё. Современный исследователь отмечает: «Тюркское слово „урду“ в тюркском мире, в том числе в Великой Булгарии, известно не только в смысле „ставка“, но и как „резиденция“, „дворец“ и т. д. Оно известно задолго до монголов...» (244, 99). Таким образом, одной и той же фразой — «поиде князь в Орду» — летописец мог назвать и поездку в летнюю, кочевую ставку хана, и визит в его зимнюю резиденцию в одном из главных городов — Булгаре, Сарае ал-Джедид или Сарае ал-Махруса.

(В разных по происхождению источниках — арабских, персидских, западноевропейских, русских — и даже в источниках, близких по происхождению, название одного и того же золотоордынского города может быть разным (149, 112). Это вызывает постоянные дискуссии среди исследователей (326, 114). Принято считать, что *Сарай ал-Джедид*, *Новый Сарай*, *Сарай Берке* и даже загадочный *Гюлистан* — один и тот же город, подземные остатки которого находятся близ села Царево Волгоградской области. Селитренное городище на левом берегу Ахтубы в 120 километрах к северу от Астрахани — это *Сарай Бату*, он же *Сарай ал-Махруса* (Сарай Богохранимый). Но достигнутый археологами консенсус по этому вопросу нельзя считать окончательным.)

Итак, ханы в летнее время покидали столицу и по заранее определенному маршруту отправлялись в объезд по своим владениям. При этом они могли удаляться на несколько сотен километров от Волги. Движение сменялось длительными стоянками по две-три недели. Но скот выщипывал всю траву — и ставка вынуждена была двинуться дальше, на новые пастбища. По свидетельствам очевидцев, это напоминало переселение целого народа со всем имуществом и стадами.

По дороге ханы могли посещать города, где их ждали своего рода «путевые дворцы», или располагать свою кочевую ставку в окрестностях города. Для того чтобы явиться на прием к хану, нужно было сначала отыскать его Орду, затерявшуюся в степном просторе.

Золотая Орда была достаточно развитым государством с сильным чиновничье-бюрократическим аппаратом. Все органы управления находились в столице — городе Сарае. Там же был и давший название городу ханский дворец (по-татарски — сарай). Зимой государственная и придворная жизнь сосредоточивалась в нем. Летом двор и частично бюрократия отправлялись в путь вслед за ханом.

Источники не сообщают, куда именно поехал Дмитрий Московский на

встречу с Мамаем: в Сарай Берке, Сарай Бату или же кочевую ставку хана Мухаммада и его бекляри-бека. В зависимости от этого и определялся путь московского князя.

Целью князя вряд ли был Сарай ал-Джедид (Новый Сарай). В период «замятни в Орде» (1360-е годы) он был сильно разрушен и утратил прежнее значение. Гораздо лучше пережил войну и разруху Сарай Бату. Жизнь продолжалась там до начала XV столетия (326, 148).

Обычная дорога в Нижнее Поволжье шла из Москвы до Коломны, оттуда по Оке до Рязани, а дальше сухим путем до верхнего течения Дона. Спускаясь на судах вниз по Дону, путники в районе Переволоки перебирались с Дона на Волгу и оказывались вблизи Сарая Берке. Вероятно, этим путем и ехал Дмитрий Московский летом 1371 года.

Два взгляда на один вояж

Летописные известия о поездке Дмитрия Московского к Мамаю разбросаны по нескольким годовым статьям. Две основные версии — *московская* и *тверская* — даже в обработанном поздними редакторами виде сильно расходятся в оценке событий. Каждый летописец смотрит «со своей колокольни». Для московского летописца поездка Дмитрия к Мамаю и получение ярлыка на великое княжение Владимирское — смелый поступок и восстановление исторической справедливости. С точки зрения тверского книжника — это преступление перед моралью, эгоистический поступок, повлекший за собой новую войну, жертвами которой стали тысячи и тысячи русских людей.

Вот похожее на словесные четки сообщение об отъезде московского посольства в его *тверской* редакции:

«Того же лета (1371) князь великий Дмитрей Иванович поиде в Орду, месяца июня в 15 день на память святого пророка Амоса в неделю перевезеся черес реку Оку, а пресвященный Алексий митрополит проводил князя великаго до Оки и благословив его, молитву сътворив, отпусти его с миром и его бояр, и его воя, и всех благословив, и сам възвратися въспять, и приеха в град Москву» (43, 96).

Далее в тексте Рогожского летописца следуют два известия, относящиеся к московско-тверским и московско-литовским отношениям. Вслед за ними продолжается прерванный этими известиями (вставками) рассказ о поездке Дмитрия Московского в Орду:

«И тамо, приида в Орду, князь великий Дмитрей Московский многы

дары и великы посулы подавал Мамаю и царицам и князем, чтобы княжения не отъяли, *они* же дьявольским научением за умножение грех ради наших безбожною своею лестию *ввергли меч и огонь* в Русскую землю на христианскую погыбель. И тако створили мятеж в Русской земли и велику погыбель христианом, омрачив сердце своя многим златом и серебром, отпустили князя Дмитрия с любовию, опять дав ему княжение великое» (43, 96).

В этом ритмически построенном рассуждении неизвестного летописца (очевидно, тверского редактора Свода начала XV века) за обличением Мамаю и его окружения (те самые *они*, исполнители козней дьявола!) скрывается и осуждение князя Дмитрия. Он представлен в одной компании с пособниками дьявола, виновниками «мятежа в Русской земле».

Для усиления эмоциональной окраски своего рассказа летописец (судя по всему — человек церковный) использует сильную метафору: татары (а с ними и князь Дмитрий) «ввергли меч и огонь в Русскую землю». Эта фраза близко воспроизводит одно выражение из «Повести временных лет», содержащееся в рассказе об ослеплении князя Василька Теребовльского (1097 год). Князья упрекают зачинщика этого преступления князя Давыда Игоревича в том, что он «ввергл еси нож в ны (нас. — Н. Б.), его же не было в Русскеи земли» (32, 262; 32, 274).

Русские князья прекрасно понимали политику Орды, направленную на разжигание княжеских усобиц. Предлагая ярлык на великое княжение Владимирское двум соискателям одновременно, Мамай не только удваивал свой доход, но и натравливал их друг на друга. Спустя четыре года после поездки Дмитрия Московского в Орду эта мысль будет предельно четко выражена в его «докончании» (договоре) с Михаилом Тверским. «А имут нас сваживати татарове, и имут давати тебе нашу вотчину, великое княженъе, и тебе ся не имати, ни до живота (ни сейчас, ни до конца жизни. — Н. Б.)» (8, 26).

Цена вопроса

Но мог ли Дмитрий Московский не ездить за поддержкой в Орду, уступить первенство Михаилу Тверскому и тем самым избавить Русь от междоусобных войн? В принципе — да. Так поступали в XIII столетии ростовские князья, отказавшиеся от борьбы за великое княжение Владимирское. Так поступил Дмитрий Суздальский, уступивший москвичам владимирский трон. Но почему-то никто из них не получил за

это славы великого святого. Очевидно, современники полагали, что это редкое смирение — скорее военная капитуляция, чем подвиг христианского благочестия.

Дмитрий Московский свято верил в то, что правда на его стороне, что великое княжение Владимирское — неотъемлемая привилегия московских князей. Таков был завет Ивана Калиты. Так говорил в один голос весь московский двор. Так учил мудрый наставник митрополит Алексей. Так говорили почерневшие от времени книги. Наконец, князь и сам поверил, что только так, через захват великого княжения Владимирского, Москва может исполнить свою провиденциальную миссию — «собрать Русь».

Внук Калиты видел Москву как избранный Богом город, как третий после Киева и Владимира престол Богородицы в Русской земле. И верил, что только через возвышение Москвы Русь может снова стать свободной и процветающей...

Всякий, кто станет на пути Москвы, должен быть уничтожен как враг Божьего дела. Многие должны погибнуть ради того, чтобы Москва исполнила предначертанное ей свыше. А если успех московского дела потребует денег — то деньги эти следует выколачивать из народа решительно и беспощадно.

Ярлык на великое княжение Владимирское дорого обошелся князю Дмитрию. Он выплатил Мамаю огромную сумму, которую позаимствовал у сарайских ростовщиков. Возможно, после начала «замятни в Орде» (1359 год) Русь перестала выплачивать ордынский «выход» или платила его не в полном объеме (206, 70). Теперь настало время возвращать долги.

«Того же лета (1371) въсенине (осенью. — Н. Б.) князь Дмитрей Московьский прииде из Орды с многими длъжники, и бяшетъ от него по городом тягость даннаа велика людем» (43, 98).

Одновременно с тяжкими поборами по городам Московского княжества и великого княжества Владимирского Дмитрий, безусловно, заставил платить и других князей. Не избежал убытков и Михаил Тверской. Не дожидаясь его добровольных взносов, московский князь «по волостем Тферьским грабил».

Свирепыми мерами Дмитрий выбивал деньги из народа. Московские летописцы, разумеется, обходят эту тему стороной. Сохранились лишь косвенные свидетельства такого рода. Житие Сергия Радонежского рассказывает о том, как решал этот вопрос дед московского князя — благочестивый Иван Калита. Посланные им воеводы Мина и Кочева устроили в Ростове настоящий погром. Местные жители «не токмо имения обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на

себе носиша и претръпеша». Экзекуторов не останавливал и высокий чин наказуемого. «Старейшаго боярина ростовскаго, именем Аверкый, стремглавы обесиша (повесили вниз головой. — Н. Б.), и възложиша на ня руце свои, и оставиша поругана» (25, 288).

Такими методами Иван Калита, став великим князем Владимирским, выколачивал из ростовцев ордынские долги. Нет оснований думать, что Дмитрий действовал в схожей ситуации более гуманно, чем его дед.

Риторика пристрастия

Римский историк Корнелий Тацит советовал писать историю «без гнева и пристрастия» (70, 7). Верный в теории, этот совет трудно исполним на практике. Всякий пишущий историю думает не только о будущем своего труда, но и о своем собственном. Помимо этого существенного момента есть и еще одно обстоятельство более возвышенного характера. Человек по природе своей правдив. Ложь беспокоит его, создает психологический дискомфорт. Поэтому он быстро начинает искренне верить в то, что прежде говорил или писал из выгоды.

Светлый миф о Дмитрии Донском как о «великом предке», «рыцаре без страха и упрека», наконец — как о канонизированном святом, чьи иконы сегодня можно увидеть в православных храмах, стал создаваться уже ближайшими потомками московского князя. Много поработали в этом направлении и московские летописцы. Примером этой работы может служить московская версия рассказа о поездке князя Дмитрия в Орду летом 1371 года. Эту версию содержал общерусский Свод начала XV века (Троицкая летопись). Ее начало почти полностью совпадает с тверской версией, превосходя ее только указанием на то, что вместе с Дмитрием Московским в Орду поехал князь Андрей Федорович Ростовский.

«Того же лета князь великийи Дмитрией Иванович поиде в Орду месяца июня в 15, на память святого пророка Амоса, в неделю превезеся через реку Оку, а с ним князь Андреи Ростовскый, а пресвященныи Алексеи митрополит проводил князя великаго до Оки, и благословив его и молитву сотворив, отпусти его с миром, и его бояр, и его воя, и всех благословив и сам възвратися въспять, и приеха в град Москву» (45, 110).

На первый взгляд это чисто информативный материал, лишенный публицистической направленности. Однако не будем спешить с выводами...

Поездка молодого московского князя в Орду стала важным событием,

привлекшим внимание всей Руси. Одни связывали с ней большие надежды, другие — большие опасения. Многие считали миссию Дмитрия предисловием к новой княжеской войне, а его самого — беспринципным властолюбцем.

В этой обстановке особенно важно было слово церкви. Митрополит Алексей сделал всё, чтобы окружить поездку Дмитрия в Орду ореолом «богоугодного дела». И календарь его движения, и походный распорядок, и состав свиты были тщательно продуманы в этом отношении.

По расчету дней пути можно полагать, что князь Дмитрий выехал из Москвы в воскресенье 8 июня. В этот день церковь вспоминала святого воина Феодора Стратилата — одного из самых чтимых в ту пору на Руси византийских святых. Он пострадал за веру в эпоху гонений. Если Дмитрий действительно приурочил свой отъезд в Орду ко дню памяти Феодора Стратилата, то он тем самым отдавал себя под покровительство святого воина. Вся Москва вышла в этот день на улицы, чтобы проводить своего князя в далекий и опасный путь.

О богоугодном характере миссии свидетельствовали и необычайно длинные и пышные проводы князя в Орду главой церкви — митрополитом Алексеем.

Рассуждения тверского летописца о том, что, выдавая Дмитрию ярлык, татары стравливают между собой князей и готовят «погибель христианам», в московской версии, разумеется, отсутствуют. Опуская всё, что происходило в Орде, летописец представляет лишь краткий итог путешествия князя Дмитрия.

«На ту же осень князь великийи Дмитрией Иванович выиде из Орды милостью Божию все по добру и по здорову, такоже вси бояре его, и слуги его, творяще волю его, а княжения великаго под собою покрепил, а супостаты своя и супротивники своя победив посрами» (45, 111).

В этой победной реляции нет ни ордынских долгов, ни московских грабежей, ни прочих неприятных воспоминаний. Всё благостно, оптимистично и возвышенно. Такова была во все времена риторика пристрастия.

Голубые купола

Берега Ахтубы были плотно заселены разного рода людьми. Но всё это пестрое население, так или иначе, обслуживало потребности столицы — Сарая.

Что увидел и что пережил 21-летний московский князь Дмитрий в Орде? Какие мысли посещали его в дни томительного ожидания ханского приговора? К сожалению, русских источников, способных дать хоть какую-то информацию по этим вопросам, не существует. Некоторым утешением для историка может служить краткое, но яркое описание столицы Золотой Орды, сделанное арабским путешественником Ибн Баттутой. Он посетил Сарай Бату в 1334 году и имел здесь аудиенцию у самого хана Узбека (11, 143; 326, 117).

«Город Сарай [один] из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, совершили [там] молитву полуденную, поели и добрались до [нашего] жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня, и [всё] это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов. В нем 13 мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того, еще чрезвычайно много [других] мечетей. В нем [живут] разные народы, как то: монголы — это [настоящие] жители страны и владыки [ее]; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы; русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в [особом] участке, где стена окружает имущество купцов. Тамошний дворец султана называется Алтунташ. *Алтун...* значит „золото“, а *таш...* значит „голова“. Кади (мусульманский судья. — Н. Б.) этой столицы, Бедреддин Эларадж, один из лучших кадиев» (11, 143).

Более сдержанное описание Сарая Бату (ошибочно называя его Сараем Берке) оставил другой арабский летописец — Ибн Фадлаллах ал-Омари. Он не видел города своими глазами, но расспрашивал о нем купцов и путешественников.

«Рассказывал мне доблестнейший Шуджаеддин Абдеррахман Эльхарезми, толмач, что город Сарай построен Беркеханом на берегу Туранской реки [Итиля]. Он [лежит] на солончаковой земле, без всяких стен. Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого [находится] золотое новолуние, [весом] в два кантыря (мера веса в два с половиной пуда. — Н. Б.) египетских. Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения.

Эта река [Итиль], говорит он, размером в Нил, [взятый] три раза и [даже] больше; по ней плавают большие суда и ездят к русским и славянам. Начало этой реки в земле Славян. Он, т. е. Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия (?), место, куда направляются товары. Посредине его [находится] пруд, вода которого [проведена] из этой реки. Вода его употребляется только на работы, а для питья их [вода берется] из реки; ее черпают для них [жителей] глиняными кувшинами, которые ставятся рядом на телеги, отвозятся в город и там продаются. Расстояние его [Сарая] от Харезма около 1/2 месяца [пути]; между ним [Харезмом] и Сараем — города Хива и Кутлукент» (11, 109).

Итак, построенный мастерами из Хорезма Сарай был типичным восточным городом с желто-серыми глинобитными домами, отделенными друг от друга высокими дувалами. Между этими стенами тянулись пыльные кривые улочки.

В летнее время на плоских крышах домов их обитатели укладывались спать, подстелив под себя тощие циновки. Внутри усадьбы находился открытый двор (айван) с террасой, на которой семейство собиралось на общую трапезу. В доме состоятельного человека посреди двора обычно был колодец, рядом с которым росло старое дерево. Бедняки брали воду из общего бассейна, устроенного в центре квартала. Районы города четко делились на плебейские и аристократические.

Внутри дома в холодное время года топили печь, от которой расходились по полу и далее по периметру стен кирпичные дымоходы-каны. Проходя через каны, горячий воздух согревал устроенные на них лежанки.

Большинство домов были маленькие и тесные. Помои выливали в тянущиеся вдоль улицы арыки с проточной водой. Однако воды обычно не хватало, и мусор скапливался в пересохших арыках. В воздухе висел тяжелый, тошнотворный запах гниющих отходов.

Сарай занимал огромную территорию в 36 квадратных километров и был самым большим по площади городом в Восточной Европе (219, 73). Впрочем, при этом подсчете учтены и обступавшие Сарай пригороды. Собственно городские постройки, по мнению современных археологов, занимали около 10 квадратных километров (149, 115). Азиатский характер Сарая сказывался не только в его огромных пространствах, но и в многолюдстве. В городе проживало около 75 тысяч человек (149, 115).

В центре города находилась крепость (*арк*), а в ней — дворец правителя. Дворец по статусу имел стены и башни. Но в целом ордынцы не

строили стен вокруг своих городов, считая это признаком слабости и трусости.

Ближе к центру города находилась соборная мечеть, где по пятницам собиралось на молитву всё мусульманское население города. В будние дни богослужение совершалось в небольших квартальных мечетях. Их можно было узнать издалека по высоким минаретам и облицованным голубыми изразцами куполам. В урочный час, пять раз в сутки, с минаретов раздавался протяжный, заунывный крик муэдзина, призывающего правоверных на молитву.

При мечетях часто устраивали духовные училища — медресе.

Главную проблему всех восточных городов — проблему воды — в Сарае решали традиционными методами. Посреди города устраивали большой общественный бассейн (*хаус*), из которого стоялая вода растекалась по трубам на усадьбы. Чистую питьевую воду набирали из реки в большие кувшины и развозили по городу, взимая за это небольшую плату.

Общественные здания Сарая — мечети, мавзолеи, медресе — были построены из прочного среднеазиатского кирпича и отличались большими размерами. Их порталы и стены были украшены разноцветными изразцами. Во внутренней отделке преобладал нежный цвет бирюзы — любимого камня Востока.

В Сарае жили представители многих народов и различных вероисповеданий. Они селились отдельными слободами, внутри которых придерживались своих законов и традиций. Был в Сарае и русский квартал. Там находились резиденция сарайского епископа и при ней православная церковь. Главные русские князья, по-видимому, устраивали в Сарае свои подворья, где и останавливались во время приездов к ханскому двору.

Сердцем восточного города был базар. На обширной площади неподалеку от центра города располагались бесконечные торговые ряды. Каждый ряд или группа рядов имели свою специализацию. В Сарае Бату, расположенном на пересечении Великого шелкового пути и Волжского пути, можно было найти товары не только Востока, но и Восточной Европы. Множество торговцев, не жалея голоса, расхваливали свои товары. Над базаром стоял невероятный шум, сквозь который прорезались истошные крики ослов — главного транспортного средства Востока. Толпа временами становилась такой плотной, что выбраться из нее удавалось с большим трудом.

О чем думал князь Дмитрий Московский, проезжая на своем белом

коне по узким улицам Сарая? Разумеется, этого мы никогда не узнаем. Но кое-какие предположения на сей счет высказать можно.

Как и любой восточный город, Сарай при первом знакомстве подавлял чужестранца своей многолюдностью. И если в русских городах счет жителей шел на тысячи, то здесь их приходилось считать десятками тысяч. Для того чтобы держать всю эту массу в повиновении, нужна была стройная и жестокая государственная власть. Чем больше подданных — тем меньше свободы. Таков был урок всех империй Востока.

Восток был страшен для европейца своей темной громадой. Но Дмитрий не испугался его. Он воспринял этот грозный и непонятный мир как вызов, который нужно принять, чтобы победить.

Билет в Золотую Орду

На страницах этой книги автор вынужден постоянно оправдываться перед читателем отсутствием источников по тому или иному вопросу. Почти все архивы уничтожены временем. Но есть один источник, который может дать очень много тому, кто умеет с ним работать. Этот источник — земля...

Археологи много могут рассказать о том, сколько прекрасных осколков старины таит в себе какое-нибудь внешне неприметное древнее городище. Но дело не только в археологии. Само пространство, на котором происходили исторические события или жили давно умершие люди, таит в себе некое послание. Способность услышать это послание — это и есть то самое «чувство истории», без которого наша наука превращается в скучный реестр бесполезной картотеки.

Грозная Золотая Орда — «великий немой» русской истории. Чем она была для нас и чем мы были для нее? В поисках ответа на эти вопросы историку полезно однажды подняться из-за стола и отправиться в эту самую таинственную Орду. Известно, что ее первая столица Сарай располагалась в низовьях Волги, примерно в 120 километрах к северу от современной Астрахани...

Вот и Астрахань. Но это еще не совсем то, что нам нужно. Впрочем, это уже один из городов Золотой Орды по имени Хаджитархан. Не мертвый, погибший от нашествия Тимура, а живой, переживший шесть веков. Город-ключ от южных ворот России. Здесь уже явственно ощущается дыхание Востока. А если без пафоса — привычная и почти

необходимая бедность, пыль, грязь, неустроенность. Но на то он и Восток, чтобы смотреть на все эти мелочи невидящим взглядом сфинкса.

Середина августа. Жара, полинявшая от солнца палитра юга. Город высыхает как осенний лист. Тут и там — фонтаны. Но, увы! Каждый второй — бездействует. Вероятно, на это есть уважительные причины. Но нет в восточном городе ничего грустнее, чем иссякший фонтан...

Астрахань — перекресток народов. Вот Татарская слобода. Спицы минаретов. Мечети здесь растут как грибы после дождя. По пятницам имам читает в мечети намаз.

На главной улице — смесь офисных витрин и темных подворотен. Двухэтажные купеческие дома облеплены множеством вывесок, закрывающих весь фасад. Во дворах — ветхие сараи, неизбежное белье на веревке, переполненные мусорные баки, притаившийся в дальнем углу дощатый сортир.

На улицах обилие восточных лиц: казахи, калмыки. Гордо выступают поджарые посланцы Северного Кавказа. Много помятых подозрительных типов, особенно возле рынков. Сидят на корточках на бровке тротуара в позе орла и хищно поглядывают по сторонам в поисках добычи.

Старая Астрахань глядит из каждого двора. Ветхие домики. Стоптаные тротуары. Разрытые и брошенные траншеи теплотрасс. На улицах много старых «жигулей». Движение машин бешено-хаотичное, восточное.

Астрахань не знала разрушений последней войны. В старом городе много каменных домов второй половины XIX века и относительно мало сталинских помпезных гигантов с колоннадой, портиками и лепниной. Но всё же есть и они. Шеренга пятиэтажных домов в имперском стиле тянется вдоль площади Ленина. Судя по мемориальным доскам, здесь получали квартиры лучшие люди города. Поодаль — нелепые громады новорусской архитектуры.

На возвышенности — белый Кремль, огромный и пустой. Своим размахом и мощью он похож на Кремль в Смоленске. И на то есть причина. Астраханский кремль построен «по проекту» Федора Коня, строителя смоленской крепости. Это были два форпоста России — против Запада и против Великой Степи.

В Кремле — собор времен Бориса Годунова, классическая колокольня с часами, чугунные пушки и скучающие экскурсоводы.

По городу тут и там сверкают самоварным золотом куполов недавно отстроенные православные церкви. И в досаду куполам тянет ввысь свой двугорбый литер вездесущий Макдоналдс.

Набережная Ахтубы — самое благоустроенное место в городе. Гуляет культурная публика. Юность среднего класса мчится на роликах. В летнем кафе — золотистое пиво в огромных кружках, шумные компании за деревянными столами и официантка — толстая негритянка.

Антикварная топонимика: параллельно набережной тянется улица Бабёфа, чуть дальше — улица Сен-Симона. Это привет из 1918 года. Большевики возводили свою родословную к деятелям Великой французской революции и социалистам-утопистам. Ирония судьбы: на улице имени отчаянного борца за всеобщее равенство Гракха Бабёфа выстроили дом для местной знати с рестораном «Белый рояль» на первом этаже. А на улице с гордым именем графа Сен-Симона проживает в ветхих лачугах отъявленная беднота...

В гости к Батыю

Но настанет урочный час — и «маршрутка» до Харабали отвезет вас в Селитренное. Здесь была первая столица Золотой Орды — город Сарай, что в русском переводе означает «дворец». Историки называют его Сарай Бату, отличая от другого ордынского города — Сарая Берке. Этот Берке был братом Батыя, но при этом злейшим врагом прямых потомков завоевателя.

Название села — Селитренное — происходит от того, что во времена Петра Великого здесь было налажено производство селитры — основного сырья для изготовления пороха. Для получения селитры очень удачной оказалась земля с древнего городища, пропитанная органическими отложениями, а также известью и сухой глиной.

Огромные постройки Сарая в полуразрушенном виде сохранялись еще во времена Екатерины II. Об этом свидетельствовал в своих записках академик П. С. Паллас, посетивший эти места в ходе своих путешествий по России. Но потом и эти руины были разобраны на кирпичи или отмостку для дорог.

Сегодня Селитренное — большое село, протянувшееся на версту или две вдоль высокого левого берега Ахтубы. Население смешанное, русско-казахское. Широкие пыльные улицы пусты. В серых домиках с четырехскатными монгольскими крышами окна даже в полдень закрыты деревянными ставнями. Здесь нет ни музея, ни автобусов с туристами. Вековую тишину нарушает только отдаленный гул грузовиков на шоссе за селом.

Разговорившись с местными жителями, можно услышать вечные

стоны российской глубинки. В селе работы нет. Молодежь уезжает в Астрахань и другие города. Нищета, тоска, безнарядье.

В селе плохо с водой. Колодцы рыть бесполезно: воды всё равно нет. Даже артезианская скважина не дает воды. Воду в сельский водопровод подают из Ахтубы — день подают, день нет. В день «да» все наполняют ведра, бочки и корыта впрок. Но вода из реки идет без всякой фильтрации и быстро протухает. За последние годы река сильно обмелела. Никакого судоходства нет. А прежде корабли ходили по ней от Астрахани до Волгограда.

Природа этих мест не отличается щедростью. Лучшее время — весна, когда степь покрывается свежей травой и мелкими желтыми тюльпанами. Но вскоре жара иссушает эту красоту и на глинистой земле остается одна верблюжья колючка. Всё живое тянется к реке. В ее пойме растут огромные старые ивы, дающие в жару спасительную прохладу. Но и тут напасть: весной и летом всю округу заполняют тучи комаров и мошек.

Зима в Селитренном холодная и малоснежная. Вечная забота — отопление. Печное отопление упирается в отсутствие дров. Кругом степь. Местные жители потихоньку рубят на дрова заповедные столетние ивы в пойме Ахтубы.

Пищу здесь готовят в основном на газовых плитах. Сжиженный газ в баллонах развозят на машине раз в неделю. А между тем неподалеку — огромное газовое месторождение, вотчина Газпрома.

Сильный ветер, дующий зимой из степи, несет пыль и мелкие камушки. Эта пыль забивается во все щели, мешает дышать. Из-за сильного ветра деревья плохо растут в садах. Впрочем, почва здесь такая скудная, что рожь и пшеница тоже не вырастают. Радует одна картошка, приносящая по два урожая в год.

Селитренное городище — мертвый город Сарай Бату — начинается сразу за северной окраиной села. Впрочем, на земле Батыя стоит и само село. Археологией здесь можно заниматься в собственном огороде, удачно совмещая ее с окучиванием картошки...

Мертвый город тянется на 13 километров вдоль Ахтубы и только на 3 километра отходит в сторону от берега. По городищу проходит грунтовая дорога, спускающаяся к реке вдоль изрытого ласточками берегового обрыва. На первый взгляд городище кажется обычным глинистым холмом, поросшим верблюжьей колючкой. Но зоркий глаз археолога-полевика быстро находит обломки керамики — визитные карточки древней культуры. Еще несколько шагов — и под ногами, словно незабудки, синеют осколки древнего изразца. А там, ближе к гребню холма, прямоугольные

ямы археологических раскопов. Бровки, колышки, веревки, лопаты, мерная линейка... Вечная мечта найти сокровище — и скучная реальность однообразных черепков. А еще — палатки, спальные мешки, лагерный костер, тушенка и сгущенка, гитара, долгие разговоры «за жизнь» и звездное небо над сонной головой. Вот она, скромная романтика полевой археологии...

Раскопки на Селитренном городище ведутся от случая к случаю — то музеем, то университетом, то академическим институтом. Особых сенсаций здесь пока не случилось. Обычная добыча археолога — фундаменты и нижняя часть жилого дома или мастерской ремесленника. Очаг, тандыр (куполообразная печь для лепешек), горизонтальные дымоходы-каналы, перегородки комнат, сосуд для хранения зерна... Событие на раскопках — хорошо сохранившийся горн в мастерской гончара или кирпичника.

Некоторую пикантность археологическим работам придают змеи, в большом количестве живущие на городище и даже в водах Ахтубы.

Селитренное городище не впечатляет, как Помпеи или Эфес. На первый взгляд здесь просто нечего смотреть. Но не будем спешить с выводами. В этих глинистых буграх скрыта тайна времени. Где-то здесь был русский квартал, а где-то там — ханский дворец. На этом постоялом дворе останавливался Александр Невский, а на том — Дмитрий Донской... Здесь был рынок рабов, а там — место казни.

Что же мог чувствовать в этих краях тот, кто вырос среди лесов и полей средней полосы России? Ничего, кроме желания поскорее выбраться отсюда и вернуться в родные края.

Испить чистой родниковой воды, сесть на скамью, а не на землю, отведать привычную трапезу, сходить в парную баню, послушать рожок пастуха и пение птиц в утренней роще...

Степь — другой мир, по-своему прекрасный, но чуждый и враждебный русскому человеку.

Впрочем, Орда могла вызывать у русских людей не только отторжение. Не станем сбрасывать со счета и естественную любознательность, с которой смотрели русские люди на неведомый им Восток... Не забудем и цепкий взгляд разведчика, который должен выведать тайну «поганой» Орды, чтобы в урочный час нанести ей смертельный удар...

Глава 12

РАЗГРОМ ТОРЖКА

*И обращаю праздники ваши в сетование и все песни
ваши в плач.*

Ам. 8, 10

Человек познаётся в делах своих, иначе говоря — в том, что он совершает. Но содеянное человеком — лишь «одна сторона луны». Другая сторона — то, чего он не совершает, точнее говоря — не позволяет себе совершить, хотя в принципе и мог бы позволить, исходя из общепринятых в его время и в его кругу норм поведения.

Теперь попробуем применить это глубокомысленное рассуждение к теме нашей книги. Для правильной оценки личности князя Дмитрия Ивановича следует знать, как вели себя и что себе позволяли в борьбе за власть русские князья той эпохи. Только на этом фоне можно будет правильно оценить социальное поведение героя нашей книги.

Исходя из этого, мы считаем полезным представить читателю один из эпизодов биографии главного соперника Дмитрия Московского — князя Михаила Тверского. Этот эпизод — разгром Торжка...

Примирение Дмитрия Московского с Ольгердом и договоренность с Мамаем поставили Михаила Тверского в тяжелое положение. Воевать с Москвой в одиночку он не имел сил. Но и примириться с московским произволом не желал. Поскольку оба они — Дмитрий и Михаил — имели ханский ярлык на великое княжение Владимирское, то возникал и еще один весьма важный вопрос: кого из них признает своим князем Великий Новгород, этот могущественный «банк всея Руси»?

Для новгородцев со времен Юрия Даниловича Московского (1303–1325) дружба с Москвой — при прочих равных — казалась предпочтительнее дружбы с Тверью. Следуя этой традиции, новгородцы отдали предпочтение Дмитрию Московскому. Раздосадованный Михаил Александрович Тверской учинил жестокий погром Торжка — южного форпоста боярской республики.

Эта поражающая своей жесткостью расправа — напомнившая о разгроме Торжка Михаилом Ярославичем Тверским в 1316 году —

окончательно поссорила князя Михаила Александровича с Новгородом, предопределила его политическую изоляцию и в конечном счете — крах тверского дела. Но начнем с самого начала...

Изысканная глухомань

Город Торжок расположился на высоких, изрезанных оврагами берегах Тверцы. Долина реки не широкая, но благодаря значительной высоте и крутизне склонов — очень живописная. Сама река как-то удивительно соразмерна городу: не мала, но и не велика. Нрав у нее живой и переменчивый. Она то весело пенится на камнях, то, словно задумавшись, медленно перебирает зеленые пряди водорослей.

«Новоторжский кремль, состоявший из двух оборонительных линий Нижнего и Верхнего городищ», неоднократно перестраивался и обновлялся (238, 86). Об этом заботились не только сами новоторжцы, но и власти Великого Новгорода.

Древняя торговая дорога из Великого Новгорода в «Низовскую землю», в Северо-Восточную Русь, проходила через Торжок. Новгородские ладьи из озера Ильмень уходили в реку Мету. В ее верховьях (близ современного города Вышнего Волочка) эти небольшие суда волоком перетаскивали в Тверцу. Для охраны торговых путей от грабителей, а также для сбора пошлин с идущих в Новгород «низовских» купцов новгородцам нужна была пограничная крепость. Так и возник Торжок, или по-старинному — Новый Торг. Жителей Торжка и по сей день называют «новоторжцами».

Пограничное положение Торжка предопределило его особый статус и беспокойную судьбу. Любое нападение на Новгород с юга начиналось осадой Торжка. Он стоял как бдительный часовой на защите южных рубежей боярской республики. По своему значению и численности населения это был второй после столицы город Новгородской боярской республики. В городе были свои боярские и купеческие кланы, своя политическая борьба. Это был «Великий Новгород в миниатюре».

Между Новгородом и Торжком случались размолвки. Понимая свое особое положение в системе новгородского государства, новоторжцы стремились вести самостоятельную политику. Они не хотели жертвовать собственными интересами ради благополучия новгородской верхушки.

Ранняя история Торжка словно написана мечом. Уже первое упоминание в летописях о Торжке связано с войной и погромом. В 1139

году Юрий Долгорукий пришел из Суздаля в Смоленск, чтобы отсюда при помощи новгородцев начать поход на Киев. Но эта затея провалилась. Новгородцы отказались идти с Юрием. Разгневанный князь вынужден был ни с чем вернуться в Суздаль. По дороге он отомстил новгородцам тем, что напал на Торжок. «И разгневался Юрги, идя опять к Суздалью и взя Новый торг» (18, 211).

В каждом столетии Торжок переживал какую-нибудь кровавую драму. Его разоряли татары и тверские князья, Иван Грозный и поляки. И только в XVIII столетии история Торжка приобретает вполне мирный и провинциальный характер. На смену бранным тревогам является мирный золотошвейный промысел. «Манифест о вольности дворянской» (1762 год) принес Торжку новую славу. В окрестностях города по берегам мелких рек расцветают дворянские усадьбы. Их таинственное очарование до сих пор теплится под пеплом забвения.

В эпоху Александра Благословенного своего рода символом города стал прославленный многими путниками трактир ямщика Пожарского. Его обессмертил своей золотой строкой Пушкин, много раз бывавший проездом в Торжке.

Торжок сохранил до наших дней (хотя и не без потерь) каменную и деревянную застройку конца XVIII–XIX столетия. В ней угадывается нечто своеобразное, уникальное. И главный храм города — Спасо-Преображенский собор, и посадские храмы, и постройки древнего Борисоглебского монастыря — словом, вся здешняя архитектура проникнута какой-то странной смесью изысканности и грубоватости. Словно из-под портрета Екатерины выглядывает бородатое лицо Пугачева.

Эта двойственность имеет свои причины. В окрестностях Торжка жил в своей усадьбе Никольское-Черенчицы архитектор Н. А. Львов. Яркий представитель «русского палладианства», Львов на досуге составлял проекты усадебных домов и церквей для своих соседей и друзей — тверских помещиков. Работал он и для Торжка. Однако воплощением изысканных львовских проектов обычно занимался какой-нибудь мастеровитый купец-подрядчик. Для точного исполнения замысла архитектора ему не хватало профессионального мастерства. Нередко вступал в силу и вечный российский мотив — бедность. Заказчик (приходская община или монастырские власти) требовал от подрядчика экономить средства и с этой целью легко соглашался на упрощение и искажение львовского проекта. Творческий полет замысла печально смирятся перед приземленным прагматизмом исполнения. В итоге возникала та самая загадочная двойственность.

Предыстория конфликта

За пестрым разнообразием местных церквей и купеческих домов почти теряется единственный свидетель глубокого прошлого — Новоторжский кремль, точнее — то, что от него осталось. Здесь, на вершине этого холма, вспоминаются трагические события 1372 года — разгром Торжка войсками Михаила Тверского...

В противостоянии между Москвой и Тверью Великий Новгород склонялся на сторону Москвы. Однако осторожные новгородцы по возможности избегали войны с Тверью, в особенности тогда, когда за ней вставала Орда или Литва.

Именно Дмитрия Московского новгородцы признали великим князем Владимирским. Одной из главных причин про-московских настроений новгородцев была дружба тверичей с Ольгердом — злейшим врагом Новгородской республики. Литовские связи Михаила Александровича рано или поздно должны были больно задеть новгородцев. Именно это и произошло весной 1372 года.

Михаил Тверской направил один из литовских отрядов, возвращавшихся из набега на Кашин, в сторону Торжка. Этим маневром он уменьшал бедствия собственных земель от прохождения «союзников». Но одновременно создавал угрозу южным областям Новгородской республики и главному городу этого региона — Торжку.

Мы уже приводили слова Рогожского летописца: «А князь Кестутии от Кашина поиде с Литвою на Новоторжскую волость, мимо Торжек» (43, 100). Тверской сборник добавляет: «И многу учиниша пакость» (44, 431).

В Торжке приближение литовского войска вызвало смятение. Воскресенская летопись сообщает, что вместе с литовцами к Торжку подходил и сам Михаил Тверской. Угрожая новоторжцам полным разгромом, он заставил их признать себя великим князем Владимирским и принять в городе своих наместников (39, 19; 55, 124).

Вскоре после ухода литовцев крепость Торжка, состоявшая из земляных валов, бревенчатых стен и каменных башен, пострадала от пожара (238, 91). В условиях постоянной военной угрозы новоторжцы решили восстановить цитадель как можно быстрее и, вероятно, с некоторыми улучшениями. С этой целью они обратились за помощью к новгородцам. И те не оставили их призыв без ответа. Южные ворота Новгородской республики должны были иметь прочные затворы...

В Торжок отправилась делегация новгородских бояр, которые должны

были осуществить обновление крепости. Вероятно, они привезли и необходимые для строительства денежные средства. Обновление новоторжской крепости служило вызовом Михаилу Тверскому. Следуя в фарватере новгородской политики, Торжок не мог долго оставаться под властью Твери. Именно перспектива скорого разрыва с Тверью (а значит, и нападения Михаила Тверского) заставляла новоторжцев позаботиться о надежных укреплениях.

Тверские наместники в Торжке всеми силами сопротивлялись новгородским планам. У них были сторонники среди наиболее дальновидной части горожан. Но «партия мира» оказалась слабее «партии войны». Новгородские порученцы, прибыв в Торжок, первым делом изгнали тверских наместников из города и тем самым фактически объявили войну Михаилу Тверскому. Новоторжцы поклялись быть заодно с новгородцами. Как обычно в ту эпоху, политический переворот сопровождался грабежом. Разъяренная толпа кинулась грабить и бить находившихся в городе тверских купцов.

Узнав о случившемся, Михаил Тверской велел немедленно собирать полки...

Битва у ворот

В летописях сохранилась особая «Повесть о взятии града Торжку». При переписке в различных летописных центрах ее событийное ядро обросло подробностями и эмоциональными оценками. Приводим для начала версию Рогожского летописца — взгляд из Твери.

«Того же лета, заговев Петрову говению (22 мая 1372 года. — Н. Б.), приехала Новгородци в Торжек и укрепилася с новоторжци крестным целованием заодин и съвещаша зол съвет и заратишася (начали войну. — Н. Б.) с князем с великим с Михаилом с Александровичем, наместника его съслаша, а тфериц изнимаша и биша, а лодьи их пограбиша» (43, 101).

Тверской редактор Свода начала XV века явно не одобряет действий новгородцев и новоторжцев, рассматривая их как мятеж против законного правителя — великого князя Михаила Александровича. Он вставляет в событийную канву рассуждение на библейскую тему: «Господь гордым противится, а смиренным благодать дает» (43, 101). Знакомый с законами церковной риторики читатель тверской повести понимает: новгородская «гордость» вскоре будет наказана, а исполненный смирения Михаил Тверской станет победителем. Так оно и происходит.

«Князь же великий Михаил Александрович укреплясь силою крестною и възложи упование на Бога и на Пречистую Матерь и на помощь великаго архангела Михаила, съвокупя с собою тферьскую силу и иде ратию к Торжьку, месяца маиа в 31 день, на память святаго мученика Еремея, в понедельник ста у Трѣжку в пол обеда. И нача смиреніем слати к новгородцем и к новоторжцем: кто моих тферич бил и грабил, тех ми выдайте, а яз у вас не хочу ничего, а наместника моего посадите. И жда их покорения чистосердечнаго до полудни, враг же диавол вверже в ны котору (мятеж. — Н. Б.) и възмате весь град злобою не покоритися князю великому Михаилу, спусти их на злое то дело на кровопролитие. И послаша с высокомыслием к князю к великому. А сами новгородци с новоторжци похвалившеся силою своею и мужьством, въружася, выехаша из города битися с князем с великим с Михаилом. И моляся великому Спасу и архангелу Михаилу на первом суиме (схватке. — Н. Б.) победи их князь великий Михаил, и воеводу их убиша Александра Аввакумова с други. И ту видевшє новгородци смятошася страхом и трепетом, овии побегоша на поле к Новугороду, а инии назад в город. Бежащих многих исколота, а иных бояр новгородских и людии много изнимавше приведоша во Тферь» (43, 101).

Из этого рассказа можно заключить, что Михаил Тверской, осознав, какие тяжелые последствия может иметь для него потеря контроля над Новгородом и Торжком, действовал быстро и решительно. Собрав небольшой отряд, он стремительным маршем направился к Торжку.

Убедившись в том, что силы Михаила Тверского невелики, новгородцы и новоторжцы настолько осмелели, что решились на внезапную вылазку из крепости. Эта поспешность могла иметь и другую причину: раздоры среди самих горожан, тайные интриги «партии мира» заставляли «партию войны» поскорее начать сражение. Михаил Тверской, по-видимому, предвидел (а может быть, и провоцировал) именно такое развитие событий. В схватке у ворот он направил все свои силы туда, где находился предводитель новгородско-новоторжского войска воевода Александр Аввакумов. Гибель предводителя вызвала панику среди непривычных к войне горожан. Тверичам оставалось только убивать сопротивлявшихся и захватывать пленных.

Битва окончилась, едва начавшись. Победа Михаила Александровича Тверского удивительно напоминала победу его деда, Михаила Ярославича Тверского над новгородцами и новоторжцами в феврале 1316 года. И тогда и теперь боевой опыт тверичей оказался сильнее пылкого патриотизма новоторжцев.

Михаил Тверской в этом скоротечном сражении блеснул несомненным полководческим талантом.

Расправа

Итак, битва под стенами Новоторжского кремля закончилась, едва начавшись. Но сама переполненная народом огромная крепость оставалась неприступной. Самым действенным способом ее захвата был поджог. Обычно защитники города, предвидя возможность пожара, заранее сжигали все деревянные постройки вокруг крепости. На сей раз этого почему-то не произошло. Михаил Тверской явился под стенами Торжка так внезапно (или жители города оказались такими беспечными), что деревянная застройка посада осталась на месте. Нападавшие поспешили воспользоваться этой оплошностью осажденных. Они подожгли посад с подветренной стороны, чтобы ветер понес пламя в сторону крепости. Вскоре ворота охваченной пламенем крепости распахнулись и осажденные кинулись наружу прямо в руки тверичей.

Итак, всё произошло в полном соответствии с жестоким расчетом Михаила Тверского. Тверичи «зажгоша с поля посад, и удари с огнем ветр силен на город (крепость. — Н. Б.) и поиде огонь по всему городу и погоре город весь и церкви каменные и деревянные вси, а в церквах в каменных людии мужь и жен и младенцев. Тако же и в городе на площади и по улицам многое множество погорело, а инии мнози бежаще из града от огня в реце истопоша и имениа их и скоты с ними в городе погоре, а иное ратные поимаша. А кто избежал из города от огня, а те не умчали с собою ничего же. В едином часе бышеть всем видети град велик, бесчисленное множество людии в нем, в том же часе пожьже его огонь, и преложишеться в вуглие и потом пепел и развея ветр, и всуе бяшеть человеческое мятение, толко на месте том видети земля и пепел» (43, 102).

(В редакции Тверского сборника сказано еще сильнее: «В едином часе видехом град весь въскоре попелъ (пепел. — Н. Б.), И развеай то ветр, и не бысть ничтоже, развее кости мертвых» (44, 432).)

Картина мертвого пепелища на месте цветущего города потрясает воображение. Она вызывает в памяти аналогичные картины Ветхого Завета и служит своего рода введением в помещенное далее пространное рассуждение летописца на тему «ничто же от человек възможно противу Божиа помощи» — «ничего не может сделать человек без Божьей помощи» (43, 102). Моральная оценка разгрома Торжка у каждого из участников этой

драмы, разумеется, была своя, субъективная. Тверской летописец представляет дело так, что в данном случае Бог сурово наказал новгородцев и новоторжцев за гордость и непокорность. Князь Михаил Тверской — не виновник трагедии, а всего лишь орудие Божьего гнева.

В своем стиле и «со своей колокольни» изображали эту историю новгородские летописцы. Здесь нет ни нравоучительного тона, ни библейских аллюзий. Рассказ о гибели Торжка по-новгородски лаконичен и реалистичен до натурализма. В захваченном городе, среди горящих домов и дымящихся развалин, победители грабят и убивают мирных жителей, срывают одежду и насилуют женщин, не щадят даже монахов и монахинь. Обезумевшие от страха люди пытаются укрыться в городском соборе — и гибнут там, задохнувшись в дыму. Даже река не приносит спасения: ее темные воды выносят утопленников. Звуковым сопровождением для этой адской картины служат вопли гибнущих в пламени людей, рев урагана и свист огня.

Новгородцы ненавидели тверичей, сотворивших такое зло, какого «ни от поганных не бывало». Павшие в бою новгородские бояре представлены героями.

Московские летописцы без особых изменений заимствовали новгородскую версию «Повести о разгроме Торжка», которая импонировала им своим антитверским пафосом (45, 112). Многословная Никоновская летопись, как всегда, прибавляет несколько интересных деталей, которые, впрочем, не меняют общей картины и могут вызывать сомнение по части достоверности. Так, сообщается, что в ходе восстания против тверских властей жители Торжка не только «избили», но и «огню предаша» находившихся в городе тверичей (42, 18).

Прибыток и убыток

На первый взгляд захват Торжка выглядит весьма прибыльным для Михаила Тверского делом. Захваченные в богатом Торжке ценности существенно пополнили княжескую казну. Взятые в плен знатные новгородцы и новоторжцы за свою свободу должны были заплатить тверскому князю крупный выкуп. Разгром Торжка открывал Михаилу Тверскому и его литовским союзникам прямой путь на Новгород.

Однако законы высшей справедливости таинственным образом действуют и на земле. Ни один из этих выигрышей не принес Михаилу долгосрочной пользы. Узнав о падении Торжка, новгородцы не впали в

отчаяние, а в ожидании большой войны с Тверью спешно стали усиливать городские укрепления. «Тогда то слышавше новгородци и убояшася в Великом Новегороде и начаша копати ров около Лидна (Людина. — Н. Б.) конца и около Загородья и около Неревского конца» (45, 113; 18, 372).

Но тревога оказалась преждевременной. Третий поход Ольгерда на Москву и «стояние» у Любутска летом 1372 года отвлекли Михаила от новгородских дел. Заключение Ольгердом мирного договора с Дмитрием Московским лишило тверского князя мощной литовской поддержки. Идти на Новгород в одиночку, оставляя в тылу враждебную Москву, было бы явным безумием.

Войны не хотели и на Волхове. Не желая обострять ситуацию, новгородцы после разгрома Торжка склонили головы и признали Михаила великим князем Владимирским. Но это была временная уступка. Новгородцы с нетерпением ожидали перемены «политической погоды». «Стояние» у Любутска принесло эти перемены. Ольгерд помирился с Москвой. Михаил Тверской остался один. Его наступательный пыл угас. А между тем Москва и Новгород, избавившись от литовской угрозы, готовились предъявить Михаилу свой счет.

Зимой 1372/73 года Новгород порвал с Михаилом Тверским и вернулся к традиционному союзу с Москвой. На Волхове в качестве представителя великого князя Дмитрия Московского обосновался его кузен Владимир Серпуховской. Молодые силы кипели в груди этого 20-летнего витязя. Новгородская синекура была ему явно не по душе. «И седе в Новегороде до Петрова дни (29 июня 1373 года. — Н. Б.), и поеха прочь» (18, 372; 45, 113). Но этот демарш по сути мало что изменил.

Что касается богатств и пленников, вывезенных Михаилом Тверским из разоренного Торжка, то они не принесли тверичам много прока. Новгородские бояре, взятые в плен в Торжке, около года просидели в тверской тюрьме, ожидая, пока родственники и друзья выкупят их из плена. Вероятно, запрошенная сумма была слишком велика. Не дождавшись свободы, они решили бежать через прорытый в стене земляной тюрьмы подземный ход. Побег состоялся 20 апреля 1373 года, в среду на Святой неделе (43, 104). Вероятно, узники воспользовались праздничным весельем своих стражников. Как они добрались до новгородской границы — летопись умалчивает. Но надо полагать, что путь их был не без приключений...

Михаил Тверской вывез из Торжка богатую добычу. Однако Дмитрий Московский (а скорее — многоопытный митрополит Алексей) нашел

оригинальный способ опустошить тверскую казну. Как нам уже известно, осенью 1372 года московский князь через своих порученцев («киличеев») выкупил в Орде 15-летнего сына Михаила Тверского Ивана, который находился там с лета 1371 года в качестве гаранта возврата долгов своего отца (44, 430). Уплатив за княжича огромную сумму в 10 тысяч рублей, москвичи увезли его с собой в Москву, где поместили в суровых условиях («в истоме») на митрополичьем дворе (39, 18).

Это был тяжкий удар по престижу Михаила Тверского. И как правитель, и как отец он должен был любой ценой добиться освобождения сына и наследника тверского престола. Не знаем, какую сумму запросили москвичи за княжича Ивана, но очевидно, что даже трофеев из Торжка не хватило для этого платежа. Вести тягостный торг с москвичами и копить нужную сумму тверскому князю пришлось целый год. Речь шла не только о деньгах, но и о политических уступках — публичном и клятвенном отказе Михаила от притязаний на великое княжение Владимирское.

Зимой 1373/74 года долгожданное соглашение об освобождении Ивана, а также об общем примирении Москвы и Твери было наконец достигнуто. «А потом тое же зимы по мале днии Божиим жалованием створишеться мир князю великому Михаилу Александровичю со князем с великим с Дмитрием с Ивановичем и сына его князя Ивана с любовью князь великий Дмитриий отпустил с Москвы в Тферь. А князь великий Михаил Александрович со княжения с великаго наместники свои свел и бышеть тишина и от уз разрешение христианом и радостию възрадовалися, а врази их облекошася в студ» (43, 105).

В этом сообщении летописец не упоминает о деньгах. Однако очевидно, что торг шел именно о них. Можно думать, что москвичи взяли за освобождение Ивана Тверского огромную сумму, значительно превышавшую выкуп княжича в Орде.

В тусклом блеске драгоценных металлов всегда чудится что-то зловещее. Политое кровью Торжка тверское серебро легло в темные подземелья московской казны.

История с выкупом тверского княжича тянет за собой самый сложный и безответный из всех вопросов ранней Москвы. Это «денежный вопрос». Широкая политическая и военная деятельность князя Дмитрия Ивановича требовала больших средств. Откуда внук Калиты добывал эти горы серебра и иных ценностей, которыми он расплачивался со своими слугами и союзниками? Где скрывались тайные родники, питавшие московскую казну?

Для любого правителя финансовые вопросы являются наиболее

важными. Это нечто сокровенное, почти интимное, о чем не говорят вслух. Рассуждая о тайнах московской казны, хранившейся в белокаменных подклетах кремлевских храмов Ивана Калиты, можно только гадательно называть ее доходные статьи: налоги и подати, торговые пошлины, пушные и промысловые богатства Севера... Однако никаких документов на сей счет до наших дней не сохранилось.

Не претендуя на твердую уверенность, мы всё же полагаем, что самым глубоким корнем московского процветания был прирост населения — как естественный, так и «механический», путем расширения территории. Москва давала людям покой («великую тишину») и безопасность. И будущие налогоплательщики шли сюда со всех беспокойных окраин. Переселенцы и разного рода «пришлые люди» обогащали казну, а растущий потенциал казны позволял обеспечивать «великую тишину» и вести мирную территориальную экспансию. Великое княжество Владимирское было по существу куплено московским серебром. Но этот расход вскоре вернулся сторицей. Важно и то, что потомки Калиты умели собирать деньги, но также умели их вовремя и щедро тратить. Режим экономии они распространяли в первую очередь на самих себя. Перечень драгоценностей в завещаниях московских князей поражает своей скромностью.

К этому можно прибавить еще два слова. Судя по всему, московские князья умели заставлять людей работать на себя бесплатно. Это и всевозможные отработки, и развитие института холопства, и использование труда многочисленных пленных.

Часть вторая
ЦАРЬ НИЩИХ

Глава 13

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову.

Сирах. 27, 28

...Вскоре после стоянки возле часовни «Крест», что расположена на 133-м километре Ярославского шоссе, дорога словно стекает в огромную котловину, на дне которой светлеет широкое озеро. На южном берегу озера тянет к небу купола своих церквей город Переславль-Залесский. Ровесник «Слова о полку Игореве» и первых крестовых походов, он таинственно глядит на мир своими перламутровыми от старости окнами. Они видели многое и многих. Здесь, в Переславле бывали едва ли не все выдающиеся личности русской истории — от Юрия Долгорукого и Александра Невского до Петра Великого и Екатерины II. Но никто из них не задерживался здесь слишком долго. Если, конечно, не считать титулованных узников политической тюрьмы, которой славился Переславль во времена Московского царства.

Затерянный «во глубине России», город этот со времен Минина и Пожарского не испытывал бедствий войны. Время мирно уснуло на его зеленых холмах, увенчанных белыми церквями. И хотя его памятникам старины всё же пришлось уплатить тяжкую дань советскому атеизму и русскому вандализму, их первый ряд уцелел почти полностью.

Для любителя старины Переславль — словно праздничный стол, уставленный разнообразными яствами. В центре «стола» — краса и гордость Переславля — древний Спасо-Преображенский собор. Его простые и ясные очертания чужды окружающему его архитектурному разнотравью. Это совсем другой стиль, другая эпоха. Собор словно вырезан из камня той же могучей рукой, что создала окружающие его древние валы и темнеющие на горизонте синие холмы.

Удивительная подробность: собор стоит не в центре двухкилометрового кольца валов, а с краю, почти прилепившись к их заросшему травой крутому скату. Безусловно, в таком расположении собора есть какой-то особый, уже непонятный нам практический смысл.

Внутри собора сумрачно и прохладно даже в июльский полдень. Полюбовавшись первобытной мощью белокаменной кладки стен, поплавав об утраченных по неразумию нашему фресках, помянув дрожащей свечкой весь сонм русских людей, вступавших некогда под эти древние своды, — отправимся далее и совершим традиционный обход вокруг храма.

Рядом с собором стоял княжеский дворец. На уровне второго этажа дворец и собор связывала деревянная галерея. В северной стене собора до сих пор заметны очертания заложенного дверного проема. Через эту дверь князь проходил на хоры — своего рода «балкон» в западной части храма, где во время богослужения находились княжеская семья и бояре.

В этом давно исчезнувшем дворце (на месте которого ныне стоит безликое двухэтажное каменное здание) поздней осенью 1374 года появился на свет второй сын Дмитрия Донского Юрий. Со временем он войдет в историю как храбрый воин, неутомимый строитель, ревнитель благочестия и при всём том — зачинщик династической смуты, в течение двадцати восьми лет пятнавшей кровью Северо-Восточную Русь. Но это — в будущем. А пока, пугая ворон, гремели соборные колокола: московское семейство праздновало пополнение.

Семейный праздник или съезд заговорщиков?

Новорожденного крестил сам знаменитый игумен Сергей

Радонежский. На торжества были приглашены близкие и дальние родственники. Крестины младенца стали поводом для княжеского съезда — традиционной формы выяснения отношений между Рюриковичами. «Тое же осени в Филипово говение (Филиппов пост с 14 ноября по 25 декабря. — Н. Б.) месяца ноября в 26 день на память святого отца Алумпия Стльпника (преподобный Алипий Столпник. — Н. Б.) и святого мученика Егориа (святой Георгий Победоносец. — Н. Б.) князю великому Дмитрию Ивановичи) родися сын князь Юрьи, в граде Переяславле, и крести его преподобный игумен Сергии (Радонежский. — Н. Б.), святыи старец. И ту быаше князь великий Дмитрии Костянтинович Суждальский, тесть князя великаго, и с своею братиею (Борис Константинович Городецкий. — Н. Б.) и со княгинею и с детми, и с бояры, и с слугами. И беаше съезд велик в Переяславли, отъвсюду съехашася князи и бояре, и бысть радость велика в граде в Переяславле и радовахуся о рождении отрочати» (43, 108).

Приведенный выше текст Рогожского летописца носит компилятивный характер. В настоящем виде он сложился уже к середине XV века, когда Сергей Радонежский почитался как святой. Вероятно, к этому времени относится и витиеватая, в духе «плетения словес» хронологическая преамбула сообщения. Само сообщение соединило в одно целое два разных события: рождение Юрия и княжеский съезд.

Наречение имени младенца мужского пола обычно совершалось на восьмой день по рождению, а само крещение — на сороковой (173, 62). В данном случае крещение могло произойти 6 января, в самый праздник Крещения Господня. К этому дню, вероятно, и был приурочен княжеский съезд в Переяславле. Собраться раньше у князей попросту не хватило бы времени.

Крестины младенца Юрия были удачным поводом, позволявшим объяснить всем любопытным причины столь представительного сбора. Традиция княжеских съездов, на которых обсуждались общезначимые вопросы, уходила в домонгольский период, а в XIII–XIV веках подкреплялась обычной для монголов практикой созыва всех членов правящего рода на курултай (354, 275).

Правителям Северо-Восточной Руси, так или иначе связанным с Москвой, действительно было о чем поговорить в своем кругу, без посторонних глаз и ушей. Примирение Михаила Тверского с Москвой в начале 1374 года создало новую политическую ситуацию, открыло возможности для совместного выступления против Орды.

Историки многое дали бы за возможность послушать разговоры, которые велись за плотно прикрытыми дубовыми дверями переяславского

дворца. Существует мнение, что именно здесь, на этом съезде, решено было начать восстание против власти «поганных» (206, 71). Отсюда Дмитрий Московский начал свой исторический путь на Куликово поле и на пепелище сожженной Тохтамышем Москвы. Так это или нет? Безусловного ответа мы не узнаем никогда. Но условный, вероятный ответ можно найти, воссоздав цепочку событий, определявших русско-ордынские и русско-литовские отношения в первой половине 70-х годов XIV столетия.

В условиях распада Золотой Орды московские власти в 60-е годы XIV столетия ориентировались на Мамаеву Орду. Однако Мамай не оценил верности своих московских вассалов. В начале 70-х годов он выдал ярлык на великое княжение Владимирское не только Дмитрию Московскому, но и тверскому князю Михаилу Александровичу. Такая двурушническая политика объяснялась весьма банально: «Мамаю срочно требовались крупные средства для дальнейшей борьбы за Сарай и Поволжье» (265, 81). Однако выиграв в деньгах, Мамай проиграл в уважении и доверии со стороны русских князей. «Мамай проявил по отношению к своему верному союзнику Дмитрию Московскому вероломство» (265, 80).

Убежденный традиционалист, Мамай, что называется, «жил вчерашним днем». Он слишком поздно понял, что в условиях распада Золотой Орды на «западную» и «восточную» коалиции, а также усиления самостоятельности областных правителей (Хаджи-Тархан, Волжская Булгария и др.) отношения великого князя Московского со Степью постепенно теряли характер рабского повиновения и приобретали характер вассального договора или даже союзничества. Воодушевленный своими первыми успехами молодой московский князь Дмитрий и его окружение критически относились к политическим заветам Ивана Калиты, хранителем которых, по-видимому, был митрополит Алексей.

В этом контексте решение Мамаю пополнить свою казну путем выдачи ярлыков одновременно двум князьям (тверскому и московскому) было воспринято в Москве как грубое нарушение договорных отношений между сеньором и его верным вассалом.

В 1371 году Дмитрий Московский ездил в Орду к Мамаю не как провинившийся холоп, а как возмущенный недостойным поведением сеньора вассал.

Невзирая на протесты Москвы, Мамай продолжал свою торговлю великим княжением Владимирским. Одновременно с двурушничеством относительно великокняжеского ярлыка он не исполнял и другой важнейшей обязанности сеньора — защищать своего вассала от внешних

врагов. Насколько известно, Мамай ничего не предпринял для того, чтобы помочь Москве во время трех нашествий литовцев в 1368, 1370 и 1372 годах.

В этой обстановке вполне естественной реакцией Москвы могло быть расторжение вассальных отношений с Мамаем и смена сеньора. Новым и не менее сильным, чем Мамай, союзником и покровителем Москвы мог стать великий князь Литовский Ольгерд. Женитьба Владимира Серпуховского на Елене Ольгердовне в 1371 году делала литовского князя естественным защитником интересов своего зятя, чьи земли лежали на самой границе Руси с владениями Мамаея.

Можно думать, что вопрос о совместных действиях против Мамаея обсуждался не только в ходе подготовки серпуховского матримониального проекта, но и на прямых переговорах Москвы с Ольгердом в 1370 и 1372 годах. И некие секретные договоренности по этому вопросу были достигнуты. Если допустить возможность союза Литвы и Орды против Москвы — как это делают почти все историки, — то отчего не допустить возможности тайного союза Москвы и Литвы против Орды?

Свое недовольство политикой Мамаея москвичи проявляли не только словом, но и делом. «Так, например, когда нижегородские дружины вместе с ханским послом подчиняли Мухаммад-хану и Мамаю Волжскую Булгарию (1370 год. — Н. Б.), московские дружины не ходили в этот поход, а по приказу своего князя сражались под Брянском. Мамай вполне мог усмотреть в этих действиях Дмитрия Московского акт неповиновения. Отказ Дмитрия Ивановича „ехать к ярлыку“, который привез посол Сарыходжа, сопровождавший Михаила Тверского, еще в большей степени усилил беспокойство бекляри-бека» (265, 82).

Ухудшение отношений с Мамаем стимулировало развитие связей Москвы с Литвой. Однако дальнейшему московско-литовскому сближению препятствовала не только борьба за сферы влияния (Брянск, Смоленск, Псков и Новгород), но и тверской вопрос. Опытный политик, Ольгерд не желал «класть все яйца в одну корзину». Договариваясь с Москвой, он при этом не пренебрегал интересами своего то ли вассала, то ли союзника — Михаила Тверского. Вероятно, уже в 1374 году шли тайные переговоры о браке наследника тверского престола Ивана с дочерью Кейстута — брата и соправителя Ольгерда (43, 113). Все заинтересованные стороны понимали, что московско-тверское перемирие, заключенное зимой 1373/74 года, продержится недолго.

Заслон на Оке

Чем туже затягивались узлы дипломатии, тем сильнее становилось желание разрубить их ударом меча. И первый шаг сделал Мамай. В 1373 году бекляри-бек предпринял карательную экспедицию в рязанские земли.

«Того же лета приидоша татарове ратию от Мамае на Рязань на Олга князя, грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побита и сътворше много зла христианом и поидоша въсвояси. Князь великий Дмитриий Московьский, собрав всю силу княжения великаго, о то время стоял у Оки, а брат его князь Володимер приехал из Новагорода, тамо жив весну всю» (43, 104).

Чем вызвана была столь серьезная расправа Мамае с Рязанским княжеством? По мнению исследователей, рязанские князья разгневали бекляри-бека тем, что «постоянно воевали с поволжскими вассалами Мухаммад-хана — Тагаем и Сегиз-беем» (265, 82).

Из летописного сообщения можно понять, что Дмитрий Московский заранее знал о том, что Мамай готовит большой поход на Рязань. Опасаясь, что мамаявы татары, увлекшись грабежом, могут после Рязани направиться в московские земли, Дмитрий помимо собственно московских воинов призвал под свои знамена боевые силы великого княжества Владимирского, а также срочно вызвал из Новгорода Владимира Серпуховского.

С обеих сторон — и Дмитрия Московского, и Мамае — «стояние на Оке» было внушительной демонстрацией сил. Два войска, разделенные зыбким течением Оки, хмуро глядели друг на друга из-под надвинутых на глаза железных шлемов.

Татары не пытались форсировать Оку. Вероятно, они имели соответствующие указания Мамае. Бекляри-бек не хотел рисковать престижем своих войск. Оборона «берега» была для русских более выгодной позицией, нежели сражение в чистом поле, где степняки могли использовать свои любимые приемы — притворное отступление, окружение противника гибкой петлей «облавы» и уничтожение его живой силы при помощи дальнобойных луков.

Итак, Дмитрий Московский стоял с войском на левом, московском берегу Оки. А на правом берегу горели рязанские деревни и гибли под татарскими саблями русские люди. Можно представить, какие проклятия посылали рязанцы Дмитрию Московскому и его неподвижному воинству. Такое поведение можно объяснить и даже оправдать, но нельзя забыть. Пройдет семь лет — и в трудную для Москвы годину рязанцы отплатят ей

той же монетой...

Итак, летом 1373 года до войны Дмитрия с Мамаем оставался один шаг. Но этого шага ни Дмитрий, ни Мамай тогда не сделали.

Ни мира, ни войны...

В следующем, 1374 году (6882-м от Сотворения мира) из темных глубин летописания всплывает загадочное известие: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие с тотары и с Мамаем» (43, 106).

В чем именно выражалось «розмирие»? Само по себе это слово допускает весьма широкое толкование. В древнерусском языке оно могло означать и разрыв дипломатических отношений, и войну, и междоусобицу (301, 219). Вероятно, сюда можно добавить и словарные значения слова «розница» — «ссора», «несогласие». Скорее всего, дело следует понимать так, что Дмитрий отказался платить дань как Мамаевой Орде, так и соперничавшим с ней татарам из Сарая и Заволжья (206, 71). Эту акцию — отказ повиноваться и платить дань — летописец и определяет общим понятием — «розмирие».

История мировой политики свидетельствует о том, что великие перемены обычно созревают исподволь, складываясь из множества мелких и неприметных на первый взгляд новшеств. Равным образом и освобождение Руси от степного рабства было не столько событием, сколько процессом. Подобно тому как отмена Юрьева дня поначалу была объявлена временной мерой, так и отказ платить дань степнякам Дмитрий, вероятно, представил как временную меру, вызванную чрезвычайными обстоятельствами — небывалым стихийным бедствием. Летом 1374 года русские земли посетила сильная засуха, сопровождавшаяся мором на людей и скот:

«Того же лета быша зной велицы и жары, а дожда сверху ни едина капля не бывала в все лето, а на кони и на коровы и на овцы и на всяк скот был мор велик. Потом же прииде и на люди мор велик по всей земле Русской» (42, 21).

Бедствие не миновало и степняков. Для них засуха была еще более губительным событием, чем для обитателей русских лесов и болот. «А у Мамаю тогда во Орде бысть мор велик» (42, 21).

Вероятно, «мор» был вызван не только эпидемией чумы, обычно сопутствовавшей голодовкам, но также гибелью животных и людей от последствий засухи — бескормицы и недостатка влаги.

Избиение послов

С небывалой засухой в степях, по-видимому, связаны и еще два загадочных известия летописи, связанные общей темой.

Под 6882 годом (1 марта 1374 — 28 февраля 1375) Рогожский летописец сообщает:

«Того же лета новгородци Нижняго Новагорода побита послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу, а старейшину их именем Сараику рукама яша и приведоша их в Новьгород Нижнии и с его дружиною» (43, 106).

Блок сообщений 6883 мартовского года (1 марта 1375 — 28 февраля 1376) открывается новым известием о печальной судьбе ордынских послов.

«В лето 6883 месяца марта в 31 в Новегороде в Нижнем князь Василии Дмитриевич Суждальский посла воины своя и повеле Сараику и его дружину разню развести. Он же окаанныи, то уразумев, поганый, и не въсхоте того, но възбеже на владычень двор и с своею дружиною и зажже двор и нача стреляти люди и многи язви люди стрелами, а иных смерти преда и въсхоте еще и владыку застрелити и пусти на нь стрелу. И пришед стрела и коснуса епископа перием токмо въскраи подола монатии его. Се же въсхоте окаанныи и поганый того ради, дабы не один умерл, но Бог заступи епископа и избави от таковыя стрелы летящиа, якоже рече пророк: не убоишися от стрелы летящиа в день. Сами же татарове ту вси избиени быша, и ни един от них не избысть. А в то время быша князи на съезде» (43, 108).

Комментаторы толкуют это известие следующим образом. «Убедившись, что бекляри-бек не имеет сил и возможностей наказать москвичей за непослушание, союзники Дмитрия Московского также подняли головы. Так, например, в Нижнем Новгороде в 1374 г. было схвачено и перебито посольство Мамаея, а сам посол Сары-ака с несколькими спутниками взят в плен» (265, 83).

Однако традиционный комментарий, в сущности, ничего не объясняет и оставляет без ответа целый ряд вопросов. Начнем с частных.

Загадочная тысяча

Удивляет количество сопровождавших послов татар — около тысячи. Для посольства это слишком много, а для карательной экспедиции — слишком мало. (В 1363 году ордынского посла, привезшего ярлык

Дмитрию Суздальскому, сопровождали всего лишь «тридцать татарин» (43, 74.).)

Можно предположить, что «тысячу» составляли разного рода торговцы, обычно сопровождавшие посольство и пользовавшиеся его неприкосновенностью. Однако и для торговцев «тысяча» — слишком большое количество.

Эту чрезмерную численность посольства можно объяснить желанием Мамай произвести сильное впечатление на суздальского князя и отвлечь его от союза с мятежным вассалом — Дмитрием Московским. Но прибытие на Русь тысячи вооруженных воинов с их грабежами и насилием могло привести к непредсказуемым последствиям. А непредсказуемости Мамай никогда не хотел.

Наконец, самое простое объяснение состоит в том, что татарская «тысяча» — толпа степняков, искавших на Руси спасения от бескормицы и бедствий суровой зимы. Такие случаи известны в русско-ордынских отношениях той эпохи.

Среди обстоятельств 1374 года не забудем и очередной «мор», воздействие которого на ход событий всегда остается реальной, но неизвестной величиной.

Сначала и потом

Теперь о самом событии — избиении татарских послов. Состоящее из двух частей описание Рогожского летописца напоминает два черепка разбитого кувшина. Весь «кувшин» можно представить следующим образом.

В 1374 году Дмитрий Московский вышел из повиновения своему давнему повелителю — бекляри-беку Мамаю. Вероятно, он нашел себе покровителей в стане врагов Мамай — ханов Синей Орды. Занятый степными войнами Мамай надеялся уладить отношения с Русью старым способом: разжиганием вражды между русскими князьями. В начале 1375 года, когда князья Северо-Восточной Руси пировали в Переяславле, в Нижний Новгород явился посол от Мамай. Зная о союзных отношениях Дмитрия Суздальского с Дмитрием Московским, Мамай искал случая расколоть этот союз и переманить суздальский клан на свою сторону. С этой целью посол должен был от имени Мамай и его марионеточного хана Мухаммада предложить Дмитрию Суздальскому (или его сыну Василию, оставшемуся в Нижнем Новгороде «на хозяйстве» на время отъезда отца в

Переяславль) какие-то соблазнительные перспективы — ярлык на великое княжение Владимирское, снижение ордынской дани, военную помощь против князей-соперников и т. д.

Василий Кирдяпа, бывавший в Орде и имевший навыки обращения с ордынцами, разместил послов в княжеских покоях рядом с владычным двором и отправил гонца к отцу с известием о их приезде.

Дмитрий Суздальский, посоветовавшись с Дмитрием Московским и другими участниками переяславского съезда, решил взять под стражу Мамаевых послов и затем отправить их в Сарай к врагу Мамаю Урус-хану в знак дружелюбия и признания его верховенства. (Это была обычная практика тогдашних дипломатических отношений, своего рода «жест вежливости». В правление Семена Гордого хан Джанибек выдал ему литовских послов, прибывших в Орду для подготовки антимосковского союза.) Соответствующее распоряжение Дмитрий Суздальский отправил сыну Василию. О расправе с послами не было и речи. Убийство послов татары считали страшным преступлением. Оно означало бы демонстративный и полный разрыв со степным сообществом, что отнюдь не входило в планы русских князей. Подобно тому как татарская дипломатия на Руси состояла главным образом в игре на противоречиях между князьями, так и русская степная политика строилась на лавировании между враждующими ордами, мурзами и ханами.

Получив распоряжение отца, Василий Кирдяпа не сумел его должным образом исполнить. Это было действительно трудное дело. Чтобы взять татарских послов под стражу, их нужно было прежде разоружить. А разоружить их без потерь можно было, только разведя степняков поодиночке или небольшими группами.

Однако события стали развиваться совсем не в том порядке, в каком предполагал Дмитрий Суздальский. Посол Сарайка и его люди, не зная намерений русских, решили, что их хотят разделить, чтобы потом перебить поодиночке. Желая дорого продать свою жизнь, татары вступили в отчаянную схватку с нижегородскими воинами. Из княжеского двора сражение перекинулось на подожженный татарами владычный двор. Владыка Дионисий, вышедший из своих палат, стал мишенью для какого-то степного стрелка. Однако стрела не достигла цели, лишь пронзив мантию владыки.

Этот эпизод дал повод нижегородскому книжнику, большому почитателю архиепископа Дионисия, блеснуть идущей к месту цитатой из Псалтири. Господь избавляет праведника «от страха ночного, от стрелы летящая во дни» (Пс. 90, 5).

Между тем нижегородцы, узнав о происходящем, схватились за оружие и бросились избивать находившихся в городе татар. Ситуация окончательно вышла из-под контроля растерявшегося князя Василия. Слепая ненависть к тем, перед кем еще недавно склонялись в земном поклоне, выплеснулась на улицы Нижнего Новгорода. Всё это сильно напоминало тверское восстание 15 августа 1327 года.

Датировка событий

Рогожский летописец приводит дату избиения татар в Нижнем Новгороде: «В лето 6883 месяца марта в 31...» Но удивительно, что вопреки обыкновению летописец не дает значение этой даты по месяцеслову — памяти святых или вехи пасхального круга. В более поздних летописях это событие вообще не имеет точной датировки. Очевидно, летописцы чувствовали ее случайность и ненужность. Эта сцена постепенно превращалась в один из эпизодов жития архиепископа Дионисия Суздальского и в этом качестве совершенно не нуждалась в точной дате.

В действительности избиение ордынского посольства, скорее всего, произошло в январе 1375 года, когда князь Дмитрий Суздальский с двумя братьями (Борисом и Дмитрием Ногтем) находился на съезде в Переяславле. На это указывает и заключительная фраза повествования: «А в то время быша князи на съезде» (43, 109). Применительно к 31 марта она теряет смысл: несколько месяцев жить в Переяславле князья, конечно, не могли. Равным образом не могли они и вновь съезжаться в Переяславль по весенней распутице в конце марта.

Степные войны

Избиение татарских купцов в прежние времена вызвало бы молниеносную карательную акцию со стороны Орды. (Напомним, что поводом для вторжения Чингисхана в Хорезм было разграбление монгольских купцов в Отраре в 1219 году.) Однако теперь степняки не спешили с возмездием. И на то были свои причины. Во-первых, «стояние на Оке» летом 1373 года показало Мамаю высокий боевой потенциал объединенных сил Москвы и великого княжения Владимирского. Во-вторых, Мамай был отвлечен от русских дел событиями на западе своих владений. Там литовцы — вероятно, не без согласования с Москвой —

предприняли энергичное наступление. Примечательно, что московские летописцы сочли это важным событием, достойным внесения в летопись:

«Того же лета (6882) въсенине (осенью. — Н. Б.) ходили Литва на татарове на Темеря, и бяшетъ межи их бои» (43, 106).

Полагают, что этот летописный Темерь — подчиненный Мамаю эмир по имени Тимур. Для защиты его владений от литовцев Мамай спешно двинулся на запад (264, 133).

Но главное, что заставляло Мамай медлить с походом на Нижний Новгород, — непрерывные степные войны, круговорот походов с запада на восток и обратно, борьба за овладение Сараем — одряхлевшей, но всё еще привлекательной, богатой и славной степной столицей. Гибель всех архивов Золотой Орды, отсутствие традиции летописания в православной Сарайской епархии, слабый интерес русских, арабских и персидских авторов к событиям в степях — всё это превращает череду степных войн в своего рода головоломку для историка. И всё же кое-что служителям Клио удалось узнать. Вот краткий рассказ современного исследователя о событиях 1370-х годов в охваченной «великой замятней» Золотой Орде:

«В 1372 г. в Поволжье появился новый сильный претендент на трон — Мухаммад Урус-хан. В 1368 г. он пришел к власти в Синей Орде после беспрестанных смен ханов и очень скоро сумел „прижать“ независимых и полунезависимых царевичей и эмиров, казнив наиболее строптивых. Укрепив свою власть в восточном крыле Джучидской державы, он во главе многочисленных синеордынских войск двинулся в Поволжье и сравнительно легко выбил из столицы хана Мухаммада.

Мамай не стал немедленно предпринимать ответные действия, не без основания полагая, что и помимо него будет немало недовольных тем, что Сарай захватил выходец из Синей Орды. Так и получилось: когда Урус-хан в 1373 г. выступил в поход против Хаджи-Черкеса, намереваясь подчинить себе Хаджи-Тархан, с востока на него обрушились войска Шибанида Ильбека, правителя Сарайчука, который и захватил Сарай. Урус-хан был вынужден вернуться в Синюю Орду, где в его отсутствие в это время вновь начались смуты. Мамай немедленно использовал свой шанс и двинулся на Сарай, разгромил Ильбека (который, возможно, был убит) и вновь водворил в столице Мухаммад-хана.

Но это правление Мухаммада оказалось еще более кратковременным: в том же 1374 г. Урус вновь явился в Поволжье и выгнал ставленника Мамай из Сарая. Сам Мамай не мог помочь своему хану, поскольку в это время, вероятно, находился на западе своих владений, где ему пришлось отражать очередной натиск литовцев, разгромивших подчиненного ему

эмира Тимура. Это была последняя попытка Мамаю захватить столицу. Последующие события заставили его отказаться от намерения овладеть Сараем и уделять больше внимания защите остальных своих территорий» (264, 132).

На Руси внимательно следили за развитием событий в степях. Здесь ненавидели вероломного и алчного Мамаю и потому «болели» за его врагов — Урус-хана и Ольгерда. Но суть вопроса состояла всё же не в эмоциях, а в том, кому следует платить дань: по-прежнему Мамаю — или новому хозяину Сарая Урус-хану? Вероятно, требовал русской дани и еще один «Генералиссимус степей» — хан Ильбек. Угадать избранника переменчивой степной фортуны не мог и самый прозорливый политик. Единственным ориентиром в этом сложном вопросе была принадлежность Сарая. Тот, кто сидел на золотом троне Узбека и Джанибека, и являлся легитимным на данный момент ханом, ему и следовало платить дань. В 1374 году таковым был Урус-хан. Полагают, что он прислал в Москву посольство с требованием дани (264, 133). И дань была ему доставлена. Мамаю через своих послов также требовал дани — но послы эти (Сарайка и его свита), не успев доехать до Москвы, были перебиты в Нижнем Новгороде.

В поисках единомыслия

Изменчивость положения в степях заставляла русских быть осторожными и тщательно обдумывать каждый шаг. Силы Мамаю и Урус-хана были примерно равны. Синяя Орда в любой момент могла выбросить в заволжские просторы новых претендентов и завоевателей.

В этой ситуации русским князьям как никогда требовалось единство. Наличие двух почти равносильных степных орд (Мамаевой и Урус-хана) предрасполагало к расколу русских князей на две партии — «мамаеву» и «урусову». Нечто подобное Русь уже видела в конце XIII столетия. Война хана Тохты с темником Ногаем отозвалась тогда войной между сыновьями Александра Невского и страшными карательными экспедициями ордынцев. Повторение этой ситуации грозило гибелью всего московского дела «собрания Руси» и бедствиями для всего народа.

В свое время «злым гением» Руси, начавшим братоубийственную войну и призвавшим на помощь татар, стал сын Александра Невского Андрей Городецкий. Теперь на эту роль выдвигался Михаил Тверской.

Увлеченный честолюбием и жаждой мести, он не остановился перед призывом на Русь Ольгерда. Не остановится он и перед призывом на русские земли Мамаевой Орды...

Единство русских князей было недостижимо до тех пор, пока в Твери копил силы и ждал своего часа князь Михаил...

В этой сложной обстановке князьям московской ориентации необходимо было обсудить накопившиеся вопросы «в своем кругу». Чтобы не вызвать досаду и обиду тех, кто не будет приглашен на съезд, делу придали характер семейного торжества по случаю рождения у Дмитрия Московского сына Юрия. Это была удачная идея. Вероятно, уже имея в голове этот проект, Дмитрий Московский осенью 1374 года повез жену по осенним дорогам в Переяславль — подальше от московских соглядатаев и ханских осведомителей.

Что думала по этому поводу княгиня Евдокия — история умалчивает...

Созывая князей в Переяславль, Дмитрий Московский ясно понимал, какого результата он ожидает от этой встречи. Ему нужна была поддержка князей по главному вопросу — о разрыве с Мамаем. Не приходилось сомневаться в том, что Мамай попытается силой вернуть Северо-Восточную Русь под свою власть. Только объединив свои полки, князья могли рассчитывать на успех в противостоянии Мамаевой Орде.

С первым вопросом был связан и второй: нейтрализация Михаила Тверского. Зная нрав этого князя, никто не сомневался, что в случае большой войны с Мамаем он может присоединиться к войскам беклярибека или ударить в тыл Дмитрию Московскому.

Итак, на переяславском съезде предстояло создать своего рода княжескую коалицию, нацеленную против Мамаея и Михаила Тверского. Такие коалиции создавались и во времена сыновей Александра Невского. Можно полагать, что свою коалицию создавал в это время и Михаил Тверской. В частности, он искал союза со своим сородичем и соседом молодым князем Василием Михайловичем Кашинским. Этот правнук святого Михаила Тверского и внук (по линии матери) Семена Гордого метался между Москвой и Тверью, боясь просчитаться в выборе сеньора. Безусловно, обе стороны сулили кашинскому «перелёту» некое вознаграждение. В итоге московские перспективы показались Василию более интересными. Под 6882 (1374) годом летопись сообщает: «Того же лета Кашиньскийи князь Васко ступил со Тфери на Москву ко князю к великому Дмитрию» (43, 106).

Иерархи и политика

Особо следует рассмотреть вопрос о том, как восприняло «новый курс» Дмитрия Московского высшее русское духовенство. Летописи позволяют говорить лишь о позиции митрополита всея Руси Алексея. Он был убежденным сторонником московского дела «собрания Руси» и, соответственно, противником тверских притязаний. Доступными ему способами Алексей помогал Дмитрию Московскому в борьбе с Михаилом Тверским. Одним из таких способов была промосковская «кадровая политика» митрополита.

Еще весной 1374 года, когда Москва готовилась начать спор с Мамаем, Алексей приехал в Тверь. 9 марта, в день памяти 40 мучеников севастиийских, он поставил Евфимия Висленя епископом Твери. Известно, что впоследствии этот Евфимий имел весьма натянутые отношения с Михаилом Тверским и местным духовенством. Во время своего приезда в Тверь в 1390 году митрополит Киприан по просьбе князя Михаила свел Евфимия с кафедры и отправил в Москву (44, 445). Сообщая о кончине Евфимия два года спустя, московская летопись отмечает, что он был похоронен на почетном месте — «у Михайлова Чюда за олтарем» (39, 62). Можно полагать, что именно Чудов монастырь, основанный и обласканный митрополитом Алексеем, и был «кузницей кадров», снабжавшей митрополита кандидатами на епископские кафедры и прочие важные места в иерархии. Что касается Евфимия, то отставные владыки любили жить «на покое» в тех обителях, где прежде монашествовали.

Другим кадровым назначением, осуществленным Алексеем в 1374 году, было поставление в сан епископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого архимандрита Дионисия. Нижегородская кафедра была вакантной и фактически управлялась самим митрополитом с 1365 года, когда Алексей по политическим мотивам «отня епископью Новгородскую от владыки Алексеа» (34, 292). Однако такое положение не могло сохраняться слишком долго. Союз Москвы с князьями суздальского дома требовал уважать их достоинство и суверенитет, одним из проявлений которого было наличие самостоятельной Суздальско-Нижегородской епархии. Понимая неизбежность восстановления епархии, митрополит долго не мог найти кандидата, способного своим авторитетом и дипломатическим искусством укрепить шаткий политический союз Москвы и Нижнего Новгорода. После долгих раздумий он призвал к себе игумена Дионисия...

Это был выдающийся представитель тогдашнего русского монашества, воспитанник Киево-Печерского монастыря и настоятель главной обители Нижнего Новгорода — Вознесенского Печерского монастыря. Летописец перечисляет его многочисленные достоинства, словно перебирая невидимые четки.

«На сбор („Соборное воскресенье“, 19 февраля 1374 года. — *Н. Б.*) на Москве пресвященный архиепископ Алексеи митрополит постави архимандрита Печерьскаго монастыря, именем Дионисиа, епископом Суждалю и Новугороду Нижнему и Городцю, избрав его мужа тиха, кротка, смиренны, хитра, премудра, разумна, промышлена же и расьсудна, изыщена в божественных писаниих, учителна и книгам сказателя, монастырем строителя и мнишьскому житию наставника и церковному чину правителя, и общему житию начальника и милостыням подателя, и в постном житии добре просиавша и любовь к всем преизлише стяжавша и подвигом трудоположника, и множеству братства предстателя, и пастуха стаду Христову, и спроста рещи всяку добродетель исправлешаго» (43, 105).

(Комментируя этот текст, современный исследователь видит в нем «один из древнейших в оригинальной великорусской литературе образцов если не стихотворства, то тонко отточенной ритмической прозы» (272, 68).)

Примечательно, что поставление Дионисия в сан произошло в Москве. Согласно традиции в Соборное воскресенье — первое воскресенье Великого поста — клирики являлись на съезд к своему епархиальному архиерею. Суздальская епархия (в состав которой входили Нижний Новгород и Городец) временно находилась под управлением самого митрополита. Таким образом, пребывание печерского архимандрита Дионисия в Москве в начале Великого поста было вполне объяснимым.

Кроме встречи с митрополитом, Дионисий, безусловно, имел аудиенцию у великого князя Дмитрия Московского. О чем беседовали эти два выдающихся человека? Судя по дальнейшей судьбе Дионисия, он был сторонником московского «собрания Руси». Однако при этом в душе его горел пророческий жар. Исполнение того, что он считал своей провиденциальной миссией, было для Дионисия гораздо важнее любой дипломатии. Люди такого типа редко умеют слушать других...

И всё же характер отношений князя Дмитрия и святителя Алексея в 70-е годы не вполне ясен. Собственно, вопрос состоит в том, кто из них был «ведущим», а кто — «ведомым». Вот уклончивое мнение специалиста: «Трудно решить, был ли он (Алексей. — *Н. Б.*) твердым сторонником политики Дмитрия, или великий князь последовательно проводил в жизнь

политику митрополита» (206, 73).

Промосковская позиция митрополичьей кафедры у многих вызывала возмущение. Жалобы на митрополита градом сыпались в патриархию. Литовский князь Ольгерд прямо заявлял патриарху, что не желает подчиняться Алексею и требует отдельного митрополита для православных епархий на территории Великого княжества Литовского.

Позиция константинопольского патриархата по отношению к русским церковно-политическим спорам была весьма противоречивой. В сильно упрощенном виде ее можно представить следующим образом. Стратегически Константинополь был заинтересован в сохранении единой митрополии Киевской и всея Руси, во главе которой стоит иерарх, преданный интересам Византии. Но тактически патриарх время от времени уступал требованиям литовских князей и выделял западнорусские епархии в самостоятельную митрополию. Политический расчет переплетался здесь с материальными нуждами гибнущей Византии. Получив за раскол митрополии щедрую мзду от Гедиминовичей, патриарх несколько лет спустя откликнулся на возмущенные голоса московских князей и ликвидировал литовскую митрополию, также получая за это мзду — но уже из Москвы. Вся эта ситуация несколько напоминала бесстыдную торговлю ярлыками на великое княжение Владимирское, которую — также не от хорошей жизни — открыл Мамай в 70-е годы XIV века.

Убедившись в том, что заставить престарелого Алексея лично явиться в Константинополь для объяснений по поводу литовских и тверских жалоб не представляется возможным, патриарх Филофей решил действовать путем отправки на Русь своих доверенных людей — сначала некоего Иоанна Докиана (1372 год), а затем — придворного клирика Киприана (1372–1373) (272, 22; 272, 25). Порученцы должны были на месте разобраться в обоснованности обвинений.

Инок Киприан, позднее ставший русским митрополитом, по праву считается одним из самых ярких деятелей эпохи Куликовской битвы. Болгарин по происхождению, воспитанник афонских монастырей, тонкий дипломат, широко начитанный книжник и оригинальный писатель, Киприан явился в Москву из Киева в начале 1374 года и произвел сильное впечатление на здешнее несколько провинциальное церковное общество. Однако цель его миссии встревожила москвичей, привыкших жить «под омофором» святителя Алексея.

Одним из главных жалобщиков на митрополита был тверской князь Михаил, отлученный от церкви за союз с язычником Ольгердом. Прошедший суровую школу церковно-политической борьбы, митрополит

Алексей знал, что лучший способ обороны — это наступление. После заключения московско-тверского мира зимой 1373/74 года он не только снял с Михаила отлучение от церкви, но и сам отправился в Тверь вместе с Киприаном. Памятуя об аресте Михаила Тверского в Москве в 1368 году, можно сказать, что митрополит крупно рисковал. Впрочем, его поездка может служить еще одним подтверждением нашей трактовки событий 1368 года в Москве: Михаила Тверского велел схватить юный князь Дмитрий, а убедил отпустить на свободу осторожный митрополит Алексей.

На сей раз Михаил Тверской признал иерархическую власть Алексея и подошел к нему под благословение. Выступал ли он перед Киприаном с публичными обвинениями против Алексея? Едва ли. Но как бы там ни было, митрополит как дипломат переиграл своего тверского недруга. В присутствии самого архипастыря и нового тверского владыки Евфимия обвинения против Алексея естественным образом поутихли.

Чтобы окончательно привлечь на свою сторону патриаршего посла, Алексей из Твери отправился вместе с ним в Переяславль. Там хорошо помнили (и в красках представили Киприану) недавнее опустошительное литовское нашествие на город и неблагоприятную роль Михаила Тверского. Патриаршему послу был устроен теплый прием, во время которого он, безусловно, имел личную встречу с будущим героем Куликова поля.

Избегая публичных вердиктов, Киприан вскоре покинул Русь и вернулся в Константинополь. Познакомившись с его отчетом, патриарх счел за лучшее не давать хода обвинениям против митрополита Алексея.

Не имея особых разногласий относительно роли Алексея в деле возвышения Москвы, историки, однако, гораздо осторожнее судят об отношении митрополита к «розмирию» Дмитрия Московского с Мамаем. Существует мнение, что в 60-е годы XIV века между митрополитом Алексеем, стоявшим тогда во главе московского боярского правительства, и бекляри-беком Мамаем «было заключено соглашение („докончание“) как между двумя государственными деятелями, равными по статусу» (265, 79). Москву сближало с Мамаем наличие общего врага — Литвы. «Союзные отношения Мамаея с Москвой» были нарушены установленной Мамаем практикой выдачи ханских ярлыков на великое княжение Владимирское одновременно Дмитрию Московскому и Михаилу Тверскому. В Москве это восприняли как «вероломство» и спустя несколько лет ответили «розмирием» с Мамаевой Ордой.

Такая точка зрения заслуживает внимания. Вопрос, однако, состоит в том, сохранил ли митрополит в 70-е годы свои добрые отношения с Мамаем — или стал инициатором их разрыва. В этом отношении весьма

примечательно отсутствие Алексея на княжеском съезде в Переяславле в начале 1375 года. Роль духовного наставника собравшихся князей, благословляющего их смелые планы, сыграл игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Формальной причиной его прихода в Переяславль было крещение младенца Юрия. Однако этот обряд вполне можно было совершить в самом Троицком монастыре, что и делали позднее московские великие князья. По-видимому, Сергей нужен был собравшимся на съезд князьям не только как креститель младенца, сколько как гарант небесного покровительства зарождавшемуся великому и страшному делу — возвращению утраченной независимости.

Глава 14

ТВЕРСКОЙ ПОХОД

Не делай зла, и тебя не постигнет зло.

Сирах. 7, 1

Весть об избиении татар в Нижнем Новгороде огненной птицей пронеслась по Руси. Жестокая радость отмщения переплеталась с затаенным страхом перед неизбежной расплатой за мятеж. В Переяславле князья, забыв о хмельном застолье, до хрипоты спорили о том, как уйти от беды. Из летописей и рассказов стариков все знали, какой страшной ценой заплатили русские земли за тверское восстание 1327 года...

Ясно было, что месть Мамаю в первую очередь обрушится на Нижний Новгород. Восстание произошло стихийно, вопреки воле местных князей. Ни осторожный Дмитрий Суздальский, ни его простоватый сын Василий Кирдяпа и не думали становиться пионерами борьбы за независимость. Но по иронии судьбы им выпала эта историческая роль. Во всяком случае, именно они казались степнякам главными виновниками расправы с посольством и его тысячеголовым «обозом».

Итак, под прицелом монгольской стрелы оказались в общем-то случайные персонажи. Но спорить об этом уже не было смысла. Как, впрочем, не было и времени. На первый план выходили иные, практические вопросы. Когда и где будет выпущена стрела? Как поведут себя братья Дмитрия Суздальского — Борис и Дмитрий Ноготь? Как откликнутся Тверь и Литва? Как отнесется к избиению татар соперник Мамаю, правивший тогда в Сарае хан Урус? И наконец — что скажет великий князь Владимирский Дмитрий Иванович? В схожей ситуации его дед Иван Калита (как, впрочем, и дядя Дмитрия Суздальского князь Александр Васильевич Суздальский) присоединился к ордынцам и вместе с ними зимой 1327/28 года ходил на мятежную Тверь...

Вопросов было гораздо больше, чем ответов. Дмитрий Московский медлил, давая возможность всем высказаться и успокоиться. Он и сам нуждался в прояснении мыслей. Князь проводил долгие часы в беседах с Богом в домашней молельне, совещаниях с боярами и игуменом Сергием Радонежским. Опытный в общении с людьми, «великий старец» уклонялся от прямых советов, но внимательно выслушивал князя и напоминал о

тяжком бремени власти, возложенном Господом на его плечи. Всевышний избрал Дмитрия орудием своего Промысла. Он провел его через все опасности и невзгоды, поставил во главе многострадального народа и теперь ждет от него великих дел. Но в чем состоят эти великие дела — Дмитрий должен уразуметь сам.

Наконец настал день, когда Дмитрий Московский объявил княжескому сообществу свою волю. Он не оставит своего тестя Дмитрия Суздальского в беде и будет защищать его от мести Мамаю. Он призывает всех русских князей встать под его стяги и дать отпор степнякам. Волею Всевышнего и благословением святого старца Сергия Радонежского он, Дмитрий Московский, поднимает непобедимую хоругвь войны за землю Русскую, за веру православную.

Месть Мамаю

Окончился княжеский съезд в Переяславле. Разъехались, озабоченно почесывая бороды и затылки, русские князья. Февральские метели замели расчищенную по случаю торжеств соборную площадь. Утонул в сугробах и сам похожий на сугроб белокаменный собор. Казалось, всё вернулось на привычную колею. Но внешняя неподвижность была обманчивой. Таинственное сцепление событий уже пришло в движение. Покатившийся с горы камень разбудил десятки камней, а те привели в движение лавину.

Занятый степными войнами Мамай не сразу откликнулся на события в Нижнем Новгороде. К тому же ситуация требовала размышления. Обычным ответом татар на русский мятеж была опустошительная карательная экспедиция во владения провинившегося князя. Но теперь этот метод был неуместен. Во-первых, в условиях степной войны и губительного мора Мамай не хотел разделять свои и без того ослабленные боевые силы. Во-вторых, опустошение Руси привело бы к снижению ее платежеспособности. А русская дань была для Мамаю важным источником пополнения казны.

В итоге Мамай решил обойтись «малой кровью». Этой «малой кровью» — фактором устрашения — стал набег ордынцев на южные окраины Нижегородской земли.

«Того же лета (1375) приидоша татарове из Мамаевы Орды и взяша Кишь (волость по реке Кишь. — Н. Б.) и огнем пожгоша и боярина убиша Парфения Феодоровича и за-Пиание (земли за рекой Пьяной. — Н. Б.) всё пограбиша и пусто сотвориша и людеи посекоша, а иных в полон

поведоша» (43, 109).

«Секретный протокол»

Достигнутая на княжеском съезде в Переяславле договоренность о совместных действиях против Мамаевой Орды требовала скорейшего решения некоторых «домашних» вопросов. И первым среди них был тверской вопрос. Все понимали, что Мамай, узнав о переяславских договоренностях, прежде всего позаботится о создании антимосковского союза князей во главе с Михаилом Тверским. Война двух княжеских коалиций (особенно — при вполне вероятном участии в ней двух степных правителей) сулила Руси небывалые бедствия.

Единственный способ предотвратить такое развитие событий состоял в немедленном разгроме Твери объединенными силами русских князей во главе с Дмитрием Московским. В этой войне тверской смутьян должен был либо погибнуть, либо смириться с первенством Москвы. Обычный для тверских князей маневр — бегство в Литву — в сложившейся ситуации не имел смысла. Литва была связана договорами с Москвой. Но более всех договоров Ольгерда сближал с Москвой политический расчет. Объединение Северо-Восточной Руси вокруг Москвы сулило Литве не только сильного соперника, но и сильного союзника в борьбе с Ордой.

Итак, логика борьбы в очередной раз сталкивала Москву с Тверью. Только разгром Твери давал Дмитрию Московскому шанс объединить русские княжества и отбиться от татар. Любые текущие договоренности — как, например, заключенный в 1373 году мирный договор Дмитрия Московского с Михаилом Тверским — носили промежуточный характер. При необходимости стороны легко могли их нарушить. Ибо что значил какой-то договор, хотя бы и скрепленный целованием креста, когда речь шла о будущем княжеских домов...

Можно думать, что договоренность о большом походе на Тверь содержалась в своего рода «секретных протоколах» переяславского съезда. Но провести такой поход можно было только летом. Заваленные снегом зимние дороги и раскисшие весенние косогоры препятствовали действиям крупных воинских сил. К тому же любой большой поход требовал серьезной подготовки.

Москва просила своих союзников до поры хранить дело в тайне. Однако Орда и Тверь имели достаточно времени, чтобы узнать о военных приготовлениях переяславской коалиции. Отсюда следовал вывод: если

нельзя утаить подготовку большого похода, то нужно скрыть хотя бы его цель.

Начался поединок разведок. Испытанным оружием «невидимого фронта» всегда была дезинформация. Разведка Дмитрия Московского и его союзников должна была придумать для своих военных приготовлений какой-нибудь правдоподобный предлог. Таким предлогом мог быть, например, поход на Новгород, сильно досаждавший тогда поволжским городам набегами своих речных пиратов («ушкуйников»), или поход на Литву — возмездие за рейды Ольгерда.

Слух был пущен. Но успех всей уловки зависел от преданности московскому делу тех немногих, кто знал истинные намерения Дмитрия Московского.

Продавец тайн

Всякая тайна имеет свою цену. И каждый посвященный в тайну борется с соблазном эту цену получить. Истинная цель летнего похода союзников — разгром Твери — была тайной весьма дорогой. Молодой московский аристократ Иван Васильевич Вельяминов не устоял перед соблазном. Род Вельяминовых издавна стоял у самого трона московских князей. Один старший брат Ивана был окольничим Дмитрия Московского, другой был женат на старшей сестре великой княгини Евдокии. Умерший 17 сентября 1374 года отец братьев занимал пост московского тысяцкого (43, 108).

Сам ли Дмитрий Московский посвятил Ивана Вельяминова в свои сокровенные планы, или же великий князь поделился ими со своей женой, та — с сестрой, сестра — с мужем, а муж — с братом? Ответ на этот вопрос — на темном дне колодца. Но так или иначе, Иван Вельяминов оказался обладателем тайны, которую можно было с большим барышом продать. Не зная, как подступиться к этому делу, Иван обратился за советом к своему приятелю (а может быть — заимодавцу), московскому купцу Некомату Сурожанину. Это был смелый и циничный ум, не обремененный понятиями о чести. Занимаясь международной торговлей, Некомат имел связи в Мамаевой Орде и в итальянских колониях Северного Причерноморья. Его прозвище — Сурожанин — было образовано от названия города Сурожа — современного Судака в Крыму (270, 32). Что же касается его собственного имени — Некомат, то оно было русским вариантом довольно редкого греческого имени Никомид (296, 314).

Возможно, он был греком по происхождению.

По роду своей деятельности Некомат знал многие тайны восточноевропейской политики. Он быстро понял, сколько стоят откровения Ивана Вельяминова. Обдумав ситуацию, Некомат пришел к выводу, что поход на Тверь — лишь первое звено в цепи больших перемен. Дмитрий Московский вступил на опасный путь. Логика событий ведет его к большой войне со степняками. Результатом этой войны, скорее всего, станет падение Москвы и возвышение Твери. И тот из москвичей, кто первым примет сторону Михаила Тверского, покажет ему свою преданность, — не только получит щедрое вознаграждение, но и станет большим человеком при дворе нового великого князя Владимирского.

Некомат Сурожанин — одна из самых загадочных фигур русской истории эпохи Куликовской битвы. Всё, что мы знаем о нем, — это необычное имя и сомнительный поступок. Дальше начинается область предположений. Высказывалось мнение, что Некомат бежал из Москвы в Тверь потому, что ссора князя Дмитрия с Мамаем грозила интересам его торговли — «он был связан с крымскими итальянцами и должен был терпеть большие убытки при всяком обострении отношений Орды с Русью» (270, 34).

Заметим, что истинные мотивы поступков исторических лиц — камень преткновения для историка. Ведь человек порой не может даже самому себе объяснить, почему он поступает именно так, а не иначе. Справедливости ради следует признать, что Некомат мог действовать и не ради корысти, а по каким-то более возвышенным мотивам. Он мог быть, например, уроженцем Твери, желавшим спасти свой город от московского погрома. А мог быть, скажем, резидентом тверской разведки в Москве, честно исполнившим свои служебные обязанности... Что касается Ивана Вельяминова, то его предательство иногда объясняют обидой, которую якобы нанес Вельяминовым Дмитрий Московский, упразднив их родовую привилегию — пост московского тысяцкого. Однако эта «обида» не помешала братьям Ивана сохранить верность московскому делу.

Итак, Некомат решил ехать в Тверь, чтобы лично предупредить Михаила Тверского о грозящей ему опасности. С собой он увлек и Ивана Вельяминова — зримое доказательство достоверности всего рассказа.

Узнав о готовящемся походе, Михаил оказался перед тягостным выбором. Собственные боевые силы Тверского княжества были слишком малы, чтобы противостоять объединенным силам всех князей Северо-

Восточной Руси. Оставалось выбрать одно из двух: смириться с ролью побежденного и, подобно отцу, тверскому князю Александру отправиться в изгнание в ожидании лучших времен — или вновь униженно просить помощи у Ольгерда и Мамаю. Привыкший не останавливаться перед нравственными затруднениями, Михаил Тверской избрал второй путь...

Далее события разворачивались стремительно и грозно.

В Твери московских перебежчиков ожидало неожиданное и рискованное поручение: отправиться в степь и рассказать Мамаю о секретных договоренностях, достигнутых на переяславском съезде, о коварстве Дмитрия Московского, замыслившего не только вероломный поход на Тверь, но и мятеж против власти Орды.

Московские доброхоты в Твери, вероятно, поспешили сообщить в Москву о секретной миссии Некомата Сурожанина и Ивана Вельяминова. Московские заставы караулили перебежчиков на пути в Орду. Однако судьба и опытность сохранили их от опасности.

Мамай не заставил тверских порученцев долго ждать ответа. Однако вместо военной помощи степной владыка послал Михаилу Тверскому всего лишь бумагу — очередной ярлык на великое княжение Владимирское. Бекляри-беку явно не хотелось воевать с Русью тогда, когда можно было решить дело традиционной дипломатией сговора князей.

Тем временем Михаил Тверской устремился в Литву, чтобы сообщить Ольгерду последние новости и заручиться его поддержкой. Однако Ольгерд, связанный с Москвой династическим браком и политическим интересом, на сей раз отправил шурина восвояси с пустыми руками. По некоторым сведениям, осенью 1375 года литовцы всё же пытались оказать помощь осажденной Твери, но, увидев множество войск коалиции, повернули назад (46, 196).

Перо хулы и перо хвалы

Стремясь представить читателю более или менее достоверный рассказ о событиях, мы вынуждены постоянно оправдываться противоречивостью летописных известий. Не обойтись без этих оправданий и в рассказе о московско-тверской войне 1375 года.

Рогожский летописец — причудливая смесь московской и тверской летописных традиций — с явным осуждением рассказывает о действиях перебежчиков и самого Михаила Тверского, предшествовавших Тверской войне 1375 года. Московский взгляд на события сводился к тому, что

причиной похода на Тверь стало властолюбие Михаила Тверского, вновь и вновь вопреки договоренности искавшего ярлык на великое княжение Владимирское. Получив желанный ярлык при помощи московских перебежчиков (то есть благодаря изменникам и предателям!), Михаил тут же объявил войну ни в чем не виноватому перед ним Дмитрию Московскому.

В московской версии событий заметны логические неувязки. Неясно, например, почему тверской князь развернул такую активную деятельность именно с приездом перебежчиков. Летописец замалчивает главное: что же такое сообщили перебежчики тверскому князю, что заставило его вместо великопостных богослужений слушать вой волков в литовских лесах? Как мы уже говорили выше, такой вестью могла быть только весть о подготовке большого похода переяславской коалиции на Тверь.

С древнейших времен книжные люди зарабатывают себе на хлеб при помощи двух перьев — белого пера хвалы и черного пера хулы. Обращаем внимание читателя на то, как умело пользовались создатели Рогожского летописца (или их предшественники) пером хулы. Не довольствуясь прямым замечанием, что московские перебежчики затеяли свое дело «на христианскую напасть», летописец отмечает, что их приезд в Тверь и отъезд в Орду, а также отъезд самого князя Михаила в Литву состоялись в определенные дни Великого поста. За этим уточнением — не просто своего рода календарный педантизм. Для всякого православного человека такая на современный взгляд излишняя информация была своего рода «черной меткой». Она указывала на нарушение правил поведения благочестивого христианина. Вместо того чтобы, отрешившись от земной суеты, предаться покаянию, как того требовала сама идея Великого поста, честолюбцы мечутся в поисках власти и наживы.

«Того же лета с Москвы о великом заговении (в первый день Великого поста, понедельник, 5 марта 1375 года. — *Н. Б.*) приехал в Тверь к великому князю Михаилу Иван Василиевич (Вельяминов. — *Н. Б.*) да Некомат на христианскую напасть на Федорове неделе (первая неделя Великого поста. — *Н. Б.*) послал их в Орду, а после их на средокрестии (в среду четвертой недели Великого поста, 28 марта. — *Н. Б.*) поехал в Литву и тамо пребыв в Литве мало время приехал в Тферь. Потом тогды же месяца нуля в 13 (пятница. — *Н. Б.*) приехал Некомат из Орды с бесерменьскою лестию с послом с Ажихожею во Тферь ко князю к великому к Михаилу с ярлыки на великое княжение и на великую погыбель христианскую граду Тфери. И князь великий Михаилу, има веру лсти бесерменьской, ни мала не пождав, того дни послал на Москву ко князю к

великому Дмитрию Ивановичю, целование креста сложил (объявил войну. — Н. Б.), а наместники послал в Торжек и на Угличе поле ратию» (43, 109).

Итак, весной 1375 года Мамай в очередной раз дал Михаилу Тверскому ярлык на великое княжение Владимирское. А между тем опустошенная огромным выкупом за княжеского сына Ивана тверская казна была пуста. Выдавать ярлыки задаром было не в правилах бекляри-бека. Чтобы умиловить Мамаю, Некомат Сурожанин, по-видимому, занял денег у местных ростовщиков и уговорил простоватого Ивана Вельяминова остаться в степях в качестве живого заклада, гаранта возвращения долга.

Михаил Тверской как никто другой знал, что ханский ярлык, не подкрепленный ордынской ратью, означает лишь дозволение начать борьбу за владимирский стол собственными силами. Но поскольку собственных сил у Михаила Тверского было немного, то и ярлык не значил почти ничего.

И всё же, судя по всему, Некомат Сурожанин помимо ярлыка привез из Мамаевой Орды устные заверения бекляри-бека о скором карательном походе на Москву. Только так можно объяснить необычайно активные наступательные действия, предпринятые Михаилом Тверским сразу после получения ярлыка: объявление войны Дмитрию Московскому, отправку отрядов для захвата Углича и Торжка. Впрочем, это мог быть и своего рода блеф, демонстрация уверенности в своих силах на фоне явно проигрышного положения. Михаилу Тверскому нельзя отказать в способности к неожиданным поступкам. Непредсказуемость и самоуверенность — родовые черты князей тверского дома. Но как бы там ни было, действия Михаила Тверского заставили Дмитрия Московского поторопиться с началом похода.

Что касается простых тверичей, над головой которых навис тяжелый меч войны, то им оставалось только молиться и уповать на милость небесных сил. И небо посылало им свои таинственные знаки, которые, впрочем, можно было толковать по-разному. Завершая рассказ о событиях весны и лета 1375 года, Рогожский летописец приводит два сообщения такого рода.

«А потом того же месяца (июля. — Н. Б.) в 27 в Покрове (в церкви Покрова Пречистой Богородицы. — Н. Б.) пред иконою в ночи свеща зажглася, а в 29 день того же месяца на память святого мученика Калинника в неделю (воскресенье, 29 июля 1375 года. — Н. Б.) по рану солнце погыбло» (43, 110).

Кто на кого напал?

Как известно, историю пишут победители. История Тверской войны 1375 года известна на основе собственно московской летописной традиции или московской редакции тверских летописных сводов. Тверское летописание (и, соответственно, тверская версия событий) в чистом виде не сохранилось до наших дней. Более того. Дошедший до нас в московской редакции тверской рассказ о событиях 1375 года относится к первой половине XV века. Это было время, когда Тверь, окончательно смирившись с главенством Москвы в Северо-Восточной Руси, не хотела беречь старые раны и вспоминать прежние обиды от москвичей.

Все эти обстоятельства объясняют, почему в истории Тверской войны, как она представлена в летописях, содержатся многочисленные умолчания и натяжки. Одна из этих натяжек всплывает уже при выстраивании хронологии событий. Рогожский летописец сообщает, что привезший ярлык от Мамае Некомат Сурожанин вместе с татарским послом Ажихожей вернулся из Орды в Тверь 13 июля 1375 года. После этого Михаил Тверской «складывает крестное целование» (то есть объявляет войну) Дмитрию Московскому. Тот, в свою очередь, извещает об этом всех северо-восточных князей, велит им явиться с полками для похода на Тверь и назначает местом сбора Волок Ламский. Все участники похода собираются по зову Дмитрия Московского. 29 июля 1375 года огромное войско коалиции выступает из Волока Ламского на Тверь (46, 190). Таким образом, весь начальный этап похода на Тверь (включая действия Михаила Тверского) укладывается в 16 дней.

Исследователей этих событий справедливо удивляла «поразительная скорость (меньше двух недель) сбора и совместного выступления около двух десятков князей с войсками из всех концов Великой Руси» (270, 37). Увеличить этот срок за счет пересмотра в сторону «ускорения» хронологии поездки Некомата Сурожанина в Орду не представляется возможным. Он выехал из Твери в марте 1375 года, а вернулся 13 июля того же года, затратив на всю «командировку» около четырех месяцев. Учитывая обстоятельства этой поездки (большие расстояния, весенняя распутица, необходимость ехать круглыми путями, минуя заставы, обычный ритуал ожидания в Орде), можно сказать, что Некомат исполнил свое поручение предельно быстро.

Всё встанет на свои места, если допустить, что большой поход на Тверь, задуманный на переяславском съезде, тщательно готовился всю

весну и первую половину лета 1375 года.

После бегства в Тверь Некомата Сурожанина и Ивана Вельяминова в первых числах марта 1375 года скрывать было уже нечего. Для тверского князя и его княжества наступал Судный день. Однако весенняя распутица замедлила сбор полков. Только в начале лета они стали стягиваться к Волоку. Дело затянулось до середины лета.

Хронология событий подтверждает предположение, что войну начал отнюдь не Михаил Тверской, а Дмитрий Московский. И, кажется, без обычного в таких случаях «сложения крестного целования». Это обстоятельство старательно затемняли московские летописцы. Виновником кровопролитной войны они выставляли тверского князя и московских перебежчиков. Ради этой публицистической цели летописец заставляет Михаила Тверского совершать необъяснимые и нелепые поступки. Получив от Мамая ярлык, который в той ситуации уже мало что стоил, он потребовал повиновения от всех князей и в первую очередь — великого князя Московского Дмитрия Ивановича. И, разумеется, не получив желаемого, формальным образом объявил Дмитрию Московскому войну. Зачем понадобилась Михаилу Тверскому эта нелепая формальность? Да и была ли она на самом деле? Безусловно, это прежде всего элемент целенаправленной подборки событий, с помощью которой московский летописец рисует негативный образ тверского князя — эгоистичного честолюбца, виновника бедствий Тверской земли.

Поход на Тверь

Содержащийся в Рогожском летописце рассказ о событиях второй половины лета и начала осени 1375 года выделен отдельным заголовком — «О тферской воине». Можно думать, что это своего рода летописная повесть, цельное и самостоятельное литературное произведение, посвященное одному из самых трагических эпизодов в истории средневековой Твери. Пройдя через руки многих редакторов и переписчиков, повесть стала похожа на старое верблюжье одеяло, пестрящее дырами и заплатками.

Начало рассказа отмечено эпической неторопливостью.

«Того же лета князь великий Дмитрии Иванович, собрав всю силу русских городов и съ всеми князми русскими совокупся, того же дни (день не указан. — Н. Б.) с Волока пошел ратию къ Тфери, воюя волости Тферьския, на князя великаго Михаила Александровича, а с ним князи

мнози, кождо от свода градов съ своими плъкы» (43, 110).

Далее следует обстоятельный перечень всех князей — участников похода. Он включает 19 персон во главе с кланом суздальских Константиновичей.

Какими путями шло это огромное по тем временам войско? И было ли оно на самом деле таким большим? Не знаем.

Князь Михаил затворился в тверской крепости. Это было мощное сооружение, за состоянием которого князь тщательно следил. Его расчет — и, как показали дальнейшие события, расчет правильный — состоял в том, что русские князья имеют мало опыта осады и штурма крепостных сооружений. Кроме того, большое войско быстро израсходует все запасы продовольствия и фуража. Осажденным и осаждающим в равной мере придется страдать от голода.

1 августа московские полки взяли Микулин — удельную столицу Михаила Тверского. «И люди из города и из волости в полон повели», — отмечает летописец (43, 111).

Дмитрий Московский не хуже Михаила Тверского понимал сложность ситуации и потому спешил начать осаду Твери.

«А в 5 день того же месяца по рану в неделю в канун Спасову дни (рано утром в воскресенье, накануне праздника Спаса Преображения, престольного праздника городского собора Твери. — Н. Б.) стал около города Тфери (в начале этой группы слов пропущено: великий князь Дмитрий Иванович. — Н. Б.), посад и церкви пожегл и села по волостем, а в 8 день, святого мученика Дементиа и Емелиана, по рану в среду приступил всею ратию къ городу, туры (боевые башни на колесах. — Н. Б.) прикатали и примет (материалы для засыпки крепостного рва. — Н. Б.) приметали около всего города. Тако и пошли бьяся къ Тмацьким воротом, мост зажъгли. И бысть всем скорбь велика, и вси сущии в граде сътвориша молитву и пост со слезами въ церкви Святого Спаса. Святыя Богородици молитвами и всех святых пожаловал святыи Спас послал свою помощь, отбили от города, и князь великийи Михаило выехав туры посекали и люди, а иные туры пожъгли. И москвичи, бився, въ вечернюю годину отъступили от города, потом так и стали въкруг всего города и за Волгою, на Волзе мосты черес Волгу починили, а град Тферь острогом весь огородиша. А по Новгород князь великийи послал, и новгородци же князя великаго честь изводяще, поче же свою отъмыщающе обиду, бывшую у Торжьку (разгром Торжка Михаилом Тверским летом 1372 года. — Н. Б.), въскоре приидоша, в 4 или в 5 днии под Тферию предсташа. Князь же великийи Дмитрии стоял месяц съ всею силою, учинив всю тферьскую область пусту и огнем

пожегл, а люди мужа и жены и младенца в вся страны (стороны. — Н. Б.) развели в полон. А силы болши почало прибывати. Князь же великий Михаило виде многую силу отъвсюду грядущу на нь, паче же свое изнеможение видя, и посылаше послы своя с покорением и с поклонением, и высла изнутри города тферьского владыку Еуфимиа и бояр своих нарочитых, теми съсылаяся съ князем с великим Димитирием Ивановичем, прося мира. Князь же великий, не хотя видети разорения граду, не хотя видети кровопролитна христианьскаго и взя мир съ князем с великим с Михаилом на всей своей воли и княгиню Олену (вдову кашинского князя Василия Михайловича I и бабушку участника тверского похода кашинского князя Василия Михайловича II, вероятно, находившуюся в это время в тверском плену. — Н. Б.) и мир съ ним възма Еуфимием владыкою Тферьским. И тако dokonчаша и грамоты записаха, месяца сентября в 3 день отступиша от града от Тфери и възвратишася коиждо въ свояси. Тогды убиша под городом под Тферию Семена Ивановича Добрыньскаго. А въ Тфери граде бышетъ скорбь не мала, акаже не бывала въ мимошедшаа лета, и мор на люди и на скот. А надеялися помочи от Литвы и от татар, жда тоя помощи много dospелося погыбели, а по вся дни писанием пророк глаголет: добро есть надеяться на Бога, нежели на человека. Се все бысть грех ради наших: ни соблюдохом, ни сотворихом, якоже заповеда нам, яко истинною и судом наведе си вся грех ради наших» (43, 111).

Итак, тверской поход не принес Дмитрию Московскому полной победы над главным врагом. Тверская крепость, по существу, так и не была взята войсками переяславской коалиции. Первый, самый энергичный штурм был отражен тверичами. Смелая вылазка Михаила Тверского, в ходе которой были уничтожены боевые башни («туры») москвичей, надломила боевой дух осаждавших. Постройка новых «тур» требовала времени, а штурм крепости — дополнительных сил. К тому же при большом количестве князей — участников похода всплывала проблема единоначалия. Каждый предводитель норовил действовать по собственному усмотрению. Всё это склоняло Дмитрия Московского к скорейшему завершению похода.

Договорная грамота

В результате войны 1375 года Михаил Тверской понес большие потери и в людях, и в престиже, но удержал за собой тверской стол. Согласно сохранившемуся до наших дней договору, Михаил Тверской признавал

Дмитрия Московского «старшим братом», а Владимира Серпуховского — просто «братом». Он обещал принимать участие во всех походах своих новоявленных «братьев», во всем желать им добра и не интриговать против них в Орде. В договоре, составленном от имени московского князя, содержится и знаменитая фраза о татарах и великокняжеской вотчине.

«А имут нас сваживати татарове, и имут давати тебе нашу вотчину, великое княжение, и тебе ся не имати, ни до живота» (8, 26).

Называя великое княжение Владимирское своей «вотчиной», то есть безусловным наследственным владением, Дмитрий тем самым оспаривал право Орды на распоряжение этим титулом, а также право других княжеских домов Северо-Восточной Руси претендовать на него в силу ханского ярлыка. Впервые новая претензия Москвы была озвучена в перемирной московско-литовской грамоте 1372 года (8, 22; 216, 77). Но этот документ носил достаточно узкий характер. Общерусское значение московско-тверского договора 1375 года придавало «вотчинному» тезису новое звучание. По существу, это была выраженная одной фразой «декларация независимости». Московское княжество превращалось в Московское государство, не допускающее постороннего вмешательства в свои внутренние дела.

Соседи Руси поначалу достаточно флегматично отозвались на московские заявления. Москва могла претендовать на что угодно. Но реальность этих претензий могла выявить только большая война. Начавшееся годом ранее «розмирие с Мамаем» переросло в «розмирие» со всей Ордой.

Михаил Тверской клялся и целовал крест на том, что никогда впредь не будет посягать на великое княжение Владимирское, даже если татары дадут ему ярлык. Помимо этого, в договоре устанавливались процедуры мирного решения спорных вопросов и разного рода конфликтов.

Будущее показало, что Михаил Тверской в целом сдержал свои клятвы. Его поведение после 1375 года радикально изменилось. (Исключением станет лишь отчаянная попытка перехватить первенство у Москвы после нашествия Тохтамыша. Но в этом случае у Михаила просто сдадут нервы, и в нем проснется пыл азартного игрока.) Тверской князь занял позицию «вооруженного нейтралитета». Отказавшись от претензий на ярлык и на Владимир, он подарил своему княжеству несколько десятилетий мирной жизни. За это земляки прославили его как «отца отечества», а бывшие враги московские князья почтительно признали равным себе.

Московско-тверской договор 1375 года подтверждал старое правило

удельного периода: бояре и вольные слуги могли переезжать с московской службы на тверскую и наоборот, не теряя при этом своих вотчин, находящихся во владениях прежнего сюзерена. Исключение делалось только для московских перебежчиков — Ивана Вельяминова и Некомата Сурожанина. Их вотчины подлежали конфискации и переходили во владение Дмитрия Московского.

«А что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, а в ты села тебе ся не вступати, а им не надобе, те села мне» (8, 27).

Эта частная установка выглядит довольно странно на фоне общих принципов, провозглашенных московско-тверским договором. В ней чувствуется что-то глубоко личное, какая-то жгучая ненависть Дмитрия Московского к перебежчикам. В сущности, они имели полное право переехать от одного сюзерена к другому. Но они не имели права выдавать тайны своего прежнего сюзерена, которому клялись в верности.

Благодаря измене перебежчиков Михаил Тверской был заранее предупрежден об опасности — предстоящем наступлении переяславской коалиции. Но дело было не только в раскрытых замыслах. Безусловно, Иван Вельяминов и Некомат Сурожанин поведали Михаилу Тверскому много такого, что являлось «военной тайной» московского двора — численность войск, их вооружение, наличие осадных машин и излюбленные боевые приемы. Эти ценные сведения позволили Михаилу хорошо подготовиться для отпора врагу. И не только в дипломатическом, но и в фортификационном отношении. Возможно, именно эти подготовительные меры и не позволили Дмитрию Московскому достичь полной победы. Тверская крепость оказалась неприступной для московских штурмовых башен. И только начавшаяся среди осажденных эпидемия заставила Михаила Тверского вступить в переговоры.

Переяславская коалиция стала первым относительно удачным опытом объединения боевых сил Северо-Восточной Руси. Это объединение произошло не только без ведома Орды, но и вопреки ее воле. По существу, это был вызов, брошенный не только Мамаю, но и всему степному сообществу. И степь должна была ответить на этот вызов...

Глава 15

ЭХО ТВЕРСКОГО ПОХОДА

*Что было, то и будет; и что делалось, то и будет
делаться, и нет ничего нового под солнцем.*

Еккл. 1, 9

Тверской поход привлек всеобщее внимание. Последствия этой уникальной военно-политической акции были весьма разнообразными, а иногда и крайне неприятными. Отправив свои лучшие силы на Тверь, среднерусские города и села остались почти беззащитными. Этим поспешили воспользоваться разного рода крупные и мелкие хищники.

Нижегородские потери

Хроника военных действий степняков против русских княжеств в период между 1375 и 1379 годами выглядит так, словно татары своим главным врагом считали князя Дмитрия Суздальского. Именно на его владения падают удары не только Мамаевой Орды, но и других степных образований. Ордынцы словно не замечают главного мятежника — Дмитрия Московского. И при этом усиленно бьют по владениям его суздальского тестя.

Эту странность можно объяснить по-разному: во-первых, политической близорукостью степных владык; во-вторых, напротив, их дальнорукостью; в-третьих, полным непониманием историками тогдашних реалий. Последнее оставим при себе и обратимся ко второму объяснению. Мамай всё понимал и реагировал вполне адекватно. Набеги на нижегородские земли имели конечной целью раскол «дуумвирата». Заставляя Дмитрия Суздальского разорвать союз с московским зятем, татары подрубали самый корень переяславской коалиции. Впрочем, в политике той эпохи было много личного. Кажется, Мамай не любил суздальского князя, который никогда не наносил ему визитов вежливости. Но главное, за Дмитрием Суздальским и его сыном Василием числилось тяжкое преступление — убийство ордынских послов. Такие вещи ордынцы не оставляли без наказания.

В 1375 году (вероятно, летом, когда князя с полками ушли в поход на

Тверь) татары напали на южные окраины Нижегородского княжества.

«Того же лета татарове приида за Пианую волости повоевали, а заставу Нижняго Новгорода побили, а иных множество людий потопло, а полон, бежа назад, метали» (43, 112).

Трудно сказать, имел ли этот рейд политическое значение, был ли он организован Мамаем для устрашения суздальско-нижегородских князей и отвлечения сил от осажденной Твери — или это был чисто грабительский набег, осуществленный небольшим отрядом каких-то степняков. Второе кажется нам более вероятным.

Захватив «полон», татары быстро ушли восвояси. При этом часть пленников, не способная передвигаться с той же скоростью, была либо отпущена, либо уничтожена.

Смоленская экзекуция

Более отчетливый политический смысл имел состоявшийся осенью 1375 года поход литовского великого князя Ольгерда на Смоленск. Известие о нем помещено в Рогожском летописце сразу после сообщения о набеге татар на нижегородские волости.

«Потом в осенине того же лета Олгерд с литовьскою ратию повоевал Смоленскую волость, городки поймал и пожегл и люди посекал и, много зла сотворив христианом, поиде вьсвясии» (43, 113).

Примечательно, что в этом сообщении нет упоминания о захвате пленных. Возможно, это простая случайность. Но возможно и другое: целью набеге была месть Ольгерда смоленскому князю Ивану Васильевичу за участие в походе Дмитрия Московского на Тверь летом 1375 года. В этом случае отказ от захвата пленных как бы подчеркивал назидательный характер расправы.

Наряду с Новгородом и Брянском Смоленск был одним из трех направлений литовской экспансии на восток. Оказавшись между литовским молотом и московской наковальней, смоленские князья — как и рязанские — постоянно лавировали, переходя от одного патрона к другому. На этой почве в их большом семействе часто возникали внутренние распри.

Матримониальные схемы

Избегая большой войны с Дмитрием Московским, литовские Гедиминовичи выразили свою поддержку Твери не только набегом на

Смоленск, но и заключением династического брака. В воскресенье, 9 февраля 1376 года третий из шести сыновей Михаила Тверского Иван женился на дочери литовского князя Кейстута — младшего брата и верного союзника Ольгерда. Старший из братьев Михайловичей, Александр, умер еще в 1357 году. Таким образом, Иван был вторым в династической очереди на трон после другого старшего брата — тоже Александра, носившего прозвище Ордынец.

Учитывая то, что такого рода династическим бракам всегда предшествовали длительные переговоры и споры относительно приданого, можно думать, что обмен посольствами начался задолго до осады Твери. Падение Твери могло разом покончить всё дело. Но итоги осады были неоднозначными. Михаил Тверской отстоял свой трон и свою столицу, однако вынужден был подписать унижительный договор с Дмитрием Московским. В этой ситуации литовский брак должен был укрепить пошатнувшийся престиж тверской династии и воодушевить ее на дальнейшую борьбу с московской экспансией. Гедиминовичи вновь протянули своему тверскому приятелю руку помощи.

Политика не отменяет повседневности. Княжеская свадьба стала большим и радостным событием для Твери. Недавно переживший ужасы осады тверской люд гулял и веселился так, словно начинал жизнь с чистого листа. Но более всех веселился на этой свадьбе отец жениха — выстоявший в одиночку против всей Северо-Восточной Руси тверской правитель. «Тогда бысть радость велика князю великому Михаилу Александровичу», — особо отмечает летописец (43, 113).

Разоренный Новосиль

Помимо смоленского князя Ивана Васильевича показательной «порке» за дружбу с Москвой подвергся и другой участник тверского похода — князь Роман Семенович Новосильский.

«А потом перед Николиным днем (6 декабря. — Н. Б.) от Мама я приида рать татарскаяа, взял Новосиль» (43, 113).

Новосильское княжество находилось в верховьях реки Зуши — правого притока Оки. (Современный городок Новосиль, районный центр Орловской области, находится в 60 километрах к востоку от Орла.) Выдвинутое далеко в степь, оно располагалось на перепутье и имело большое стратегическое значение. Вместе с соседним Мценском Новосиль закрывал дорогу татарским ратям на Верхнюю Оку и «верховские

княжества».

Разбой на Волге

Разбой на морях и на реках, именуемый пиратством, был известен еще в Древнем мире. Гней Помпей прославился тем, что разгромил киликийских пиратов, державших в страхе всё Средиземноморье. На Руси основателями речного пиратства были варяги. Их прямые потомки новгородцы в середине XIV века решили возродить древний промысел. Собравшись ватагой где-то в Подвинье, они летом 1374 года, спустившись вниз по Вятке, отправились в набег на Среднюю и Нижнюю Волгу. Их грозная флотилия состояла из 90 огромных лодок «ушкуев». В каждой лодке находилось 20–25 человек. Не встречая сильного сопротивления, ушкуйники разделились на две партии: одна пошла вниз к Сарая, а другая сухим путем вернулась обратно на Вятку и на Двину (45, 114).

Успех первого набега воодушевил ушкуйников на еще более дерзкое предприятие. Собрав около полутора тысяч «охотников за удачей» и загрузившись в 70 лодок, они другим путем — по рекам Сухоне и Костроме — вышли на Волгу возле Костромы и принялись грабить русские города. В Рогожском летописце этой истории посвящена отдельная повесть «О костромском взятии», замечательная своим подлинным драматизмом.

Тогдашняя Русь не испытывала недостатка в негодах. Однако зло обязательно должно быть наказано. В этом — главная моральная парадигма русского летописания. Разбойники должны либо раскаяться и уйти в монастырь — либо погибнуть позорной смертью. Гибель всего отряда ушкуйников от рук «бесермен» (астраханских татар) — Божий суд, от которого не спасется ни один грешник.

Мораль этой истории проста и очевидна. Однако автор повести на удивление сдержан по части нравоучительных цитат из Священного Писания. Его рассказ реалистичен и лаконичен. В построении фраз ощущим напряженный внутренний ритм. Это одно из лучших повествований в летописях той поры.

«Того же лета коли князь великий был под Тферию, а в то время пришедше новгородци Великого Новагорода ушкуйницы разбойницы 70 ушкуев, а старейшина у них бяше именем Прокоп, а други Смолнянин, и пришедше взяша град Кострому. Преже выидоша рекою Костромою на Волгу и стаха опльчившася на брань, гражане же изыдоша из града противу, собращася на бои, а воевода же у них бяше тоже и наместник

Плещеев.

Новгородци же видеша горожан костромич много более пяти тысуць, а самех мало новгородцев с полторы тысуци и разделишася новгородци на две чясти, едину половину отпустиша в таю в лес, они же обоидоша около по можщеелнику и удариша на костромич в тыл, а другая половина удари в лице. Воевода же виде бывшее и убояся, нача бежати, ни сам на них ударил, ни рати своей повелел, но выдав рать свою, покинув град свои, подав плещи, Плещеев побеже. Костромичи же, видевшие то, и не бившеся и побегоша и мнози ту на побоищи побиени быша и падоша, а друзии по лесом разбегошася, а иных живых поимаша и повязаша. Новгородци же видеша оставлен град и не бегом и несть ему заборони ни отькуду же и взяша град и пограбиша его до конца, и стоявше в граде неделю целу и всяко скровище изыскаша и изнесоша и всякый товар изьобретше и поимаша. Не все же товарное с собою попроведиша, но елико драгое и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее множайшее в Волгу вметаша и глубине предаша, а иное огнем пожгоша. И множество народа христианскаго полониша, муж и жен и дети и девиц с собою попроведиша и отьидоша от Костромы и шедше на низ по Волзе пограбиша Новъгород Нижнии и много полоня взяша муж и жен и девиц и град зажгоша. И поидоша на низ и повернута в Каму и тамо в Каме помедлиша неколико время и потом выидоша ис Камы и внидоша Камою на Вльгу и дошедше на низ по Вльзе града Българ и тамо полон весь христианьскый попродаша, или костромьскый, или Нижняго Новагорода, попродаша бесерменом жены и девицы, а сами поидоша в насадех по Волзе на низ к Сараю, гости христианьския грабячи, а бесермены биючи, и доидоша на усть Вльгы близ моря града некоего именем Хазитороканя (Хаджитархан, современная Астрахань. — Н. Б.) и тамо изби я (их. — Н. Б.) лестию хазитороканьскый князь именем Салчеи. И тако вси без милости побиени быша и ни един от них не остана, а имение их все взяша бесерменове. И такова бысть кончина Прокопу и его дружине» (43, 113).

Незаурядные литературные достоинства «Повести о костромском взятии» сопоставимы с ее ценностью как исторического материала. Дерзкий рейд новгородцев вызывает целый ряд вопросов и требует осмысления в контексте бурных событий 1375 года.

Итак, в августе 1375 года, когда великий князь Владимирский Дмитрий Иванович Московский стоял с войсками под Тверью, флотилия из семидесяти ушкуев внезапно появилась у Костромы. Ушкуйники спустились по реке Костроме, верховья которой близко подходят к верховьям Толшмы — правого притока Сухоны. Где-то там, на Верхней

Сухоне, в новгородских владениях, ушкуйники и построили свою флотилию, которую затем волоком перетащили из Толшмы в Кострому.

На подготовку похода — строительство лодок, набор людей, закупку оружия и продовольствия — потребовалось не менее двух-трех месяцев. Вероятно, всё это началось ранней весной 1375 года.

Успех похода во многом зависел от его неожиданности. Вероятно, предводители ушкуйников распространяли слухи о готовящемся рейде совсем в другую сторону, например — на Вычегду.

Самый интересный для историка вопрос: кто финансировал это отнюдь не дешевое предприятие? И был ли этот поход чисто грабительским, «разинским» — или он имел политическую подоплеку? Известно, что судьи в Древнем Риме в поисках истины любили ставить наводящий вопрос: кому выгодно? Последуем их примеру. Кому выгоден был разгром волжских городов и торговли?

Москва явно не имела никакой выгоды от набега ушкуйников на Кострому и Нижний Новгород. Кострома входила в состав территории великого княжества Владимирского. Там сидел московский наместник, в данном случае — злополучный воевода Плещеев. Таким образом, это была своего рода диверсия в тылу у Дмитрия Московского (и его главного союзника Дмитрия Суздальского) в тот ответственный момент, когда он стоял с полками под Тверью.

(Сто лет спустя Москва применит тот же прием против татар. Во время «стояния на Угре» осенью 1480 года отряд князя Звенигородского, выполняя приказ Ивана III, совершит набег на оставшуюся без прикрытия столицу Большой Орды. Эта весть заставит хана Ахмата поспешить с уходом из Руси и возвращением в степи.)

Тверь, безусловно, была заинтересована в этой диверсии. Возможно, именно действия ушкуйников заставили Дмитрия Московского и его союзников поспешить с завершением кампании, оставив Михаила Тверского на троне и лишь озлобив его новым унижительным (но отнюдь не обязательным для исполнения) договором. Однако натянутые отношения Твери с новгородцами, не забывшими разгром Торжка в 1372 году, а также бедность тверской казны заставляют усомниться в том, что за походом ушкуйников прямо стоит Михаил Тверской. И всё же «привкус» московско-тверской вражды в этой истории, безусловно, ощущается.

У Новгорода были старые счеты с Тверью. Но сильная Тверь нужна была новгородцам как противовес сильной Москве. Поэтому новгородские бояре приняли участие в тверском походе 1375 года неохотно и только после настойчивых требований Дмитрия Московского. Судя по всему, они

выслали под Тверь весьма скромные силы. Трудно поверить, что поход ушкуйников был предпринят без тайного одобрения «тверской партии» новгородской знати. Примечательно, что ушкуйники не спешили возвращаться в новгородские владения. Грабители понимали, что Дмитрий Московский будет требовать их выдачи, а также компенсации убытков. В ответ городские власти немедленно объявят, что это была личная инициатива организаторов похода, и выдадут их головой московским палачам. В этой ситуации лучшее, что могли придумать вожди похода Прокоп и Смольнянин, — спуститься вниз по Волге, затеряться где-то в дельте или на Каспии. Там они и сложили свои буйные головы...

Действия ушкуйников подрывали доходы московской казны от торговли на Волге. Тревожное ожидание большой войны с Мамаем не позволило Дмитрию Ивановичу тотчас после тверского похода заняться этим вопросом. Но придет время — и он предъявит Новгороду полный счет убытков от действий ушкуйников. Это произойдет зимой 1385/86 года, когда объединенное войско «низовских» князей обступит Новгород со всех сторон и великий князь будет высокомерно диктовать перепуганным новгородцам свои условия мира.

Глава 16

ОЖИДАНИЕ

Коня готовят на день битвы, но победа — от Господа.

Притч. 21, 31

Нет ничего хуже, чем томительное ожидание неизбежных и роковых событий. Всё, что в силах человеческих, уже сделано. Остается терпеливо ждать, изливая душу в безмолвной молитве. Ждать и слушать, как мерно падают в чашу вечности минуты, часы, дни...

Поход на Тверь был первой пробой сил переяславской коалиции. Прикинувшись покорным, Михаил Тверской затаился в своей обгоревшей крепости, выжидая подходящий момент для ответного удара. Нижний Новгород, едва оправившийся от набега ушкунников, с тревогой ждал вестей с юга. Москва делала всё, чтобы укрепить шаткое единство северо-восточных князей. Дмитрий Московский понимал, что именно он — главный враг степняков вообще и Мама в частности, что рано или поздно Степь скажет свое грозное слово. Оставалось ждать и молиться, молиться и ждать...

Он молил Бога о милости и слышал голос, который говорил с ним и повелевал им. Он чувствовал себя «царем последних времен», о котором некогда пророчествовал Мефодий Патарский, новым Моисеем, призванным вывести свой народ из египетского рабства. С этой верой он шел через любые испытания...

В этом натянутом, как тетива лука, ожидании наступил новый 6884-й от Сотворения мира год. По современному календарю это был 1376 год от Рождества Христова.

Благие вести

Рогожский летописец, словно пресытившись рассказами о грехах мира сего, начинает год с благостных сообщений о делах церковных. Изнемогавший под гнетом мусульман православный Восток с надеждой смотрел на север, где хранила чистоту православия затаившаяся в своих лесах Русь. Здесь чтит самое имя Святой земли, высоко ценили ее

реликвии и с почтением относились ко всякому пришельцу из тех краев. Рогожский летописец отмечает как важное событие: на Русь за «милостыней» приехал «некий митрополит именем Марко от Святыя Богородица из Синайской горы» (43, 115). Визиты этих смиренных просителей с громкими титулами служили целительным бальзамом для израненной национальной гордости великороссов.

Вскоре вслед за митрополитом Марком явился другой высокопоставленный проситель — «некоторый архимандрит именем Нифонт, монастыря Святаго архангела Михаила, иже в Иерусалиме» (43, 115). Этот последний, по ироническому замечанию летописца, получил столь значительную «милостыню», что «тем стал на патриаршество иже в Иерусалиме» (43, 115).

Это замечание свидетельствует не только об извечной склонности русских к едкой насмешке над собой и над окружающими. Из него явствует, что на каком-то этапе над Рогожским летописцем (или его источниками) работал человек, хорошо осведомленный в иерархических отношениях и нравах православного Востока. Воспрещенная церковными канонами практика продажи церковного сана за деньги (симония) процветала и в Святой земле.

Вслед за сообщением о приезде иноземных иерархов Рогожский летописец переходит к русским, а точнее — новгородским церковным делам. Зимой 1375/76 года новгородский архиепископ Алексей (1359–1388) объявил о том, что покидает кафедру и удаляется на покой в Деревяницкий монастырь. (Величественные храмы этой древней обители до сих пор можно видеть на северной окраине Новгорода.) Это был политический демарш, вызванный какими-то серьезными причинами, о которых летописец предпочел умолчать. Возможно, владыка Алексей, сторонник союза с Москвой, возмутился грабительским походом ушкуйников во владения великого князя Владимирского Дмитрия Московского летом и осенью 1375 года. А может быть, его уход был как-то связан с открывшейся тогда в Новгороде ересью стригольников.

Встревоженные отставкой любимого владыки, новгородцы отправились в Москву. Митрополит Алексей написал своему тезке грамоту с требованием вернуться на кафедру. После этого сторонники Алексея во главе с московским наместником в Новгороде Иваном Прокшичем отправились в Деревяницы и упросили его вернуться на кафедру. Это произошло в воскресенье 9 марта 1376 года, на праздник 40 мучеников севастианских.

Продолжением этой истории стал визит архиепископа Алексея со

свитой из духовенства и бояр в Москву осенью 1376 года. Новгородцев тепло приняли митрополит Алексей и московский князь Дмитрий Иванович. Летописец сообщает точные даты этого, по-видимому, важного для обеих сторон визита. Из Новгорода караван отправился в среду 13 августа, в Москве новгородцы провели две недели, а домой вернулись в пятницу 17 октября 1376 года. Вероятно, обратный путь оказался долгим из-за начавшейся осенней непогоды. Можно с уверенностью предположить и занявшую несколько дней остановку владыки в поднимавшемся из пепла Торжке.

Активная и однозначно промосковская позиция митрополита Алексея в политических делах беспокоила патриархию, откуда одна за другой направлялись на Русь разного рода контрольные миссии. Эти незваные гости, напоминавшие о церковной зависимости Руси от Константинополя, не вызвали у русских отрадных чувств. О их приезде сообщается кратко и без комментариев, как и о прибытии ордынских послов.

«Тое же зимы приехаша из Царягорода от патриарха Филофия некотораа два протодиакона, сановника суца, един ею именем Георгии, а другиИ Иван, к Алексию митрополиту всея Руси» (43, 116).

Цель их миссии неизвестна. Судя по всему, речь вновь шла о жалобах на святителя его политических противников.

Непобедимый Ржев

Постоянной заботой Дмитрия Московского была борьба с литовской экспансией. Безусловно, литовский вопрос был одним из главных на переговорах во время визита новгородского архиепископа Алексея в Москву. «Пятой колонной» Ольгерда в Северо-Восточной Руси оказалась Тверь. Все понимали, что клятвы Михаила Тверского, данные им осенью 1375 года в осажденной Твери, будут забыты при первой же перемене в расстановке сил. В этой ситуации особое значение приобретал контроль над Ржевом — сильной крепостью на Верхней Волге, на западной границе Тверского княжества. Здесь не только пересекались водные и сухопутные дороги, но сталкивались интересы Москвы, Литвы и Новгорода. Лавируя между тогдашними «великими державами», Ржев стремился сохранить независимость.

Согласно летописным известиям, в 1376 году (вероятно, осенью, после переговоров с новгородцами) Дмитрий Московский предпринял очередную

попытку захватить Ржев. Туда он отправил с войском Владимира Серпуховского. Вероятно, Дмитрий обещал кузену в случае успеха присоединение Ржева к его владениям. Однако 23-летний Владимир не сумел решить поставленную задачу ни военным, ни дипломатическим путем: «...он же стоя у города 3 недели, посад пожже, а города не взя» (43, 116).

Орел расправляет крылья

Неудача под Ржевом больно ударила по нервам московского князя, и без того напряженным ожиданием нашествия степняков. Однако Мамай не спешил с подготовкой карательного похода на Русь. Искушенный в русских делах бекляри-бек полагал, что хрупкая переяславская коалиция князей со временем распадется сама собой и это облегчит ему расправу с Москвой.

Дмитрий Московский поставил на ноги всех своих осведомителей в Орде, чтобы своевременно получить вести о намерениях Мамае. И такие вести вскоре пришли. Об этом свидетельствует известие Рогожского летописца под 6884 годом. «Того же лета князь великийи Дмитриий Московьский ходил за Оку ратию, стерегася рати тотарьское» (43, 116).

Это краткое известие, похожее на верхушку айсберга, порождает множество вопросов и допускает самые различные толкования. Куда именно направился московский правитель? Был ли его поход ответом на враждебные действия татар или попыткой предупредить такие действия? Кто из князей сопровождал его в этом походе? Каких именно татар — «мамаевых», «сарайских» или иных — опасался великий князь?

Ряд вопросов можно продолжать еще долго. Но лучше отметим несколько моментов, которые кажутся нам бесспорными.

Зимой в степях не воевали. Судя по всему, поход имел место летом 1376 года.

В этом походе Дмитрий впервые проявил себя как незаурядный полководец: он смело двинулся навстречу татарскому войску, намереваясь дать бой где-то за Окой. Там, в Диком поле, испокон веков хозяевами были кочевники. Впрочем, за Окой были и рязанские, и литовские владения. Возможно, поход был как-то связан с борьбой за эти волости.

Заокский поход принес главным образом моральное удовлетворение. Воины Дмитрия не могли захватить там какой-либо значительной добычи. А без этого любая победа имела привкус гнилого сухаря. Для укрепления коалиции нужен был поход не только успешный, но и прибыльный.

Выслушав суждения князей и бояр, Дмитрий остановился на самом перспективном предложении — походе на Волжскую Булгарию.

Идем грабить басурман

Зимой 1376/77 года московские и нижегородские полки двинулись в поход. По замерзшему руслу Волги они дошли от Нижнего Новгорода до столицы Волжской Булгарии города Булгара и приступили к его осаде.

Историки по-разному объясняют причины похода. Одни считают, что Волжская Булгария входила тогда в состав владений Мамаю и своим походом русские выполняли распоряжение врага и соперника Мамаю — правившего в Сарае хана Каганбека (264, 135). По мнению других, русские князья предприняли этот поход в своих собственных интересах и без всяких согласований с татарами (130, 92). Спор историков по обыкновению сопровождается упреками оппонента в том, что его суждение «не встречается подтверждения в источниках» (264, 315). Однако источники не вмешиваются в споры ученых и хранят высокомерное молчание.

Как бы там ни было, но Дмитрию Московскому этот по сути своей грабительский поход был остро необходим для укрепления переяславской коалиции и прежде всего — московско-нижегородского дуумвирата. Ведь ничто так не располагает людей друг к другу, как совместное прибыльное предприятие...

Примечательно, что оба великих князя, Дмитрий Московский и Дмитрий Суздальский, отправив своих воевод на Булгар, сами остались дома. Это свидетельствует о «неофициальном» характере похода.

Московским полком командовал выехавший из Литвы на московскую службу князь Дмитрий Михайлович Волынский по прозвищу Боброк. Женившись вторым браком на сестре Дмитрия Московского Анне, Боброк занял одно из первых мест среди московской знати. Это был опытный и храбрый воевода. Именно его вместе с Владимиром Серпуховским Дмитрий Московский поставит во главе Засадного полка на Куликовом поле.

Командование нижегородским полком Дмитрий Суздальский поручил своим сыновьям Василию Кирдяпе и Ивану.

Рогожский летописец сохранил довольно подробное описание этого похода. Вероятно, оно записано летописцем со слов его участника.

«Тое же зимы князь великийи Дмитриии Иванович посла князя Дмитриа Михайловича Волыньскаго ратию на безбожныя бльгары, а князь Дмитрии

Костинтинович Суждальский посла сына своего князя Василиа и другаго сына своего князя Ивана, а с ними бояр и воевод и воя многы. И приидоша къ Българом въ великое говение месяца марта 16 день въ понедельник на вербной недели (16 марта 1377 года. — Н. Б.), погании же бесерменове изыдоша из града противу их и стаха на бои и начаша стреляти, а инии из града гром пуцаху, страшаще нашу рать, а друзии самострельные стрелы пуцаху, а инии выехаша на вельблудех, кони наши полошающе, наши же никакко же устрашаются грозы их, но крепко противу стаха на бои и устремишася на нь единоюдушно и скочиша на них, они же окааннии побегоша въ град свои, а наши после биючи и убиша их числом бесермен 70. И высла из города князь болгарский Осан и Махмат Солтан и добиста челом князю великому (Дмитрию Московскому. — Н. Б.) и другому (Дмитрию Суздальскому. — Н. Б.) 2000 рублей, а воеводам и ратем 3000 рублей. Наши же въ возвратишася, всю свою волю взявше, а даригу и таможенника посадиша, а ссуды и села и зимници (зимовья. — Н. Б.) пожгоша, а люди посекоша и отыдоша с победою» (43, 116).

Примечательно, что оба великих князя, московский и нижегородский, получили от болгар одинаковую сумму выкупа — по две тысячи рублей. Тем самым утверждалось равенство и взаимное уважение дуумвиров. Опустошив окрестности Булгара и посадив в городе своих сборщиков налогов — даругу и таможенника, победители удалились восвояси.

Наследие Ольгерда

Весна 1377 года приносила Дмитрию Московскому одну удачу за другой. Едва отпраздновали возвращение войска из успешного похода на болгар, как в мае скорый гонец принес хотя и приправленную горечью, но в общем-то радостную весть: ушел в мир иной давний враг Москвы великий князь Литовский Ольгерд. Великий завоеватель, мечтавший подчинить себе всю Восточную Европу, он в конце жизни едва мог отстоять от рыцарей-крестоносцев собственную столицу. Много раз водивший за нос всю католическую Европу своими обещаниями принять христианство, он до конца своих дней остался убежденным язычником. По древнему литовскому обычаю его тело было сожжено на огромном погребальном костре.

Ольгерд был женат дважды и имел в общей сложности 12 сыновей: 5 от первой жены и 7 от второй, Ульяны, сестры Михаила Александровича Тверского. Летописец перечисляет их христианские и языческие имена: от

первой жены — Андрей, Дмитрий, Константин, Владимир, Федор; от второй — Корибут, Скиригайло, Ягайло, Свидригайло, Коригайло, Минигайло, Лугвений (42, 26; 43, 117).

Литовская династия не выработала твердого порядка наследования верховной власти. Гедимин при жизни выстраивал иерархию сыновей не по старшинству, а по собственному усмотрению. Внезапная смерть смешала все карты. Ольгерд занял великокняжеский трон «без очереди», оттеснив брата Евнутия (Явнута) и заключив союз с другим братом — Кейстутом.

Следуя примеру отца, Ольгерд в вопросе наследования действовал по собственному усмотрению. Оставив каждому сыну тот или иной удел, он завещал верховную власть (великое княжение) Ягайло, «того бо возлюбил паче всех сынов своих» (43, 117).

На Руси упоминание о двенадцати сыновьях умершего монарха имело особый, зловещий смысл. Здесь хорошо помнили о двенадцати сыновьях Владимира Святого и двенадцати сыновьях «доброго царя» хана Джанибека. За этой «апостольской» цифрой вставала отнюдь не «апостольская» история о жестокой резне между братьями.

И без того сложную династическую ситуацию в Литве усугубляло наличие боковых линий — братьев Ольгерда и их сыновей. Из них наибольшую опасность для Ягайло представляли воинственный Кейстут Гедиминович (фактический соправитель Ольгерда) и его честолюбивый сын Витовт.

В Москве потирали руки в ожидании большой усьобицы в Литве. При таком развитии событий можно было на время забыть о литовской угрозе. Более того, Москве следовало ожидать притока литовских «изгоев» — проигравших в борьбе за власть князей и бояр. Развитие событий в Литве показало обоснованность этих ожиданий. По выражению одного летописца, «бысть по нем (Ольгерде. — Н. Б.) оскудение во всем и нестроение и мятеж велий» (42, 25).

«Западный фронт» на время стабилизировался. Но главная опасность по-прежнему угрожала Москве с юга. Там, в неторопливом круговращении скрипучих кибиток, уже собиралась грозная сила, способная превратить в пепел русские города и села.

Поздней весной 1377 года, когда московские полки уже вернулись из похода на болгар, в небе над Москвой появилось грозное знамение.

«Тое же весны месяца априля в 23 день, на память святого мученика Георгия, бысть знамение на небеси, оградися луна и бысть от нея луча, акы крест» (43, 118).

Словно начертанный рукой Всевышнего, огненный крест горел на

черном бархате весеннего неба, заставляя православных истово креститься и шептать привычные слова «Исусовой молитвы»: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного...»

Глава 17

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ...

Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?

Иов. 2, 10

Война Дмитрия Московского с Ордой началась неудачно. Если не брать в расчет истребление в Нижнем Новгороде татарского посольства в 1375 году, первым сражением этой войны стала проигранная русскими битва на реке Пьяне. Она состоялась 2 августа 1377 года. Горько памятная река Пьяна впадает в Суру (правый приток Волги) неподалеку от устья последней, примерно в 120 верстах к востоку от Нижнего Новгорода.

(Полагают, что река Пьяна получила свое анекдотическое название за чрезвычайную извилистость и прихотливый нрав. Пробежав полторы сотни верст с востока на северо-запад, она — словно позабывший в кружале шапку гуляка — вдруг круто поворачивает и течет еще полторы или две сотни верст в обратном направлении.)

Тяжелое похмелье

Битва на Пьяне была проиграна русскими главным образом потому, что утратившие бдительность воеводы распустили воинов по соседним деревням, где те изрядно напились. Сами воеводы на досуге занялись охотой и всё тем же пьянством. Внезапно нагрянувший враг истреблял оплошавших ратников до полного изнеможения. По существу, это была не битва, а резня обезумевшего от страха стада овец стаей волков. Так представляет дело нижегородский летописец, и в данном случае у нас нет оснований сомневаться в достоверности его рассказа.

Заметим, что это далеко не единственное сражение, проигранное русскими воеводами по беспечности и «по пьяному делу». Вспомним хотя бы сражение русских с татарами под Суздалем в июле 1445 года. Пировавшие до глубокой ночи московские воины и воеводы под утро спали непробудным сном. В этот глухой час на русский лагерь и нагрянули незаметно подкравшиеся татары. В результате московское войско было разбито, а сам великий князь Василий Васильевич (внук Дмитрия

Московского) попал в плен к степнякам...

Дмитрий Московский не участвовал в битве на Пьяне и не нес личной ответственности за ее исход. Однако он не мог не чувствовать и своей доли вины. Разгром на Пьяне — это и провал московской разведки, не сумевшей разузнать замысел татар из Мамаевой Орды, и позор великокняжеских воевод, проявивших пагубную беспечность. Сказалась и слабость московской дипломатии, не сумевшей обеспечить лояльность мордовских князей, тайными тропами направивших татар к русскому лагерю.

Отдельный счет за это поражение Дмитрий Московский мог выставить своему тестю Дмитрию Суздальскому и его столь же деятельным, сколь и бездарным сыновьям. События разворачивались в их владениях, под их личным руководством — и они несли за всё случившееся прямую ответственность. Однако 26-летний московский князь был уже достаточно опытным правителем, чтобы понимать: суздальская семья не подлежит перевоспитанию. Взаимные упреки могли только ухудшить ситуацию и привести к распаду московско-суздальского дуумвирата.

Уроки «Слова»

Искусство управлять людьми — великое искусство. В Средние века оно передавалось правителями из уст в уста, от отца к сыну. Рано лишившись отца и не желая брать уроки власти у своих придворных (за исключением, быть может, митрополита Алексея), Дмитрий Московский много читал (или слушал чтение) и размышлял о прочитанном. Подлинным учителем княжеского ремесла стал для него безымянный автор «Слова о полку Игореве».

Выходец из высшей аристократии (по мнению академика Б. А. Рыбакова — киевский боярин Петр Бориславич), автор «Слова» хорошо знал не только лицевую сторону, но и изнанку княжеской жизни. Он не питал иллюзий относительно нравственных и деловых качеств современных ему князей. Но при этом автор «Слова» обладал большой житейской мудростью. Он понимал, что люди таковы, каковы они есть, и других, более совершенных, взять неоткуда. В каждом человеке заложена и склонность к добру, и склонность к злу. Долг правителя — способствовать развитию первой и препятствовать развитию второй. За исполнение этого долга с него спросится в потомстве и на Страшном суде.

Автор «Слова» учил, но не поучал. Он учил своих читателей (и в первую очередь — власть имущих) умению отличать главное от

второстепенного. Каждый человек в той или иной мере не чужд эгоизма. Но бывают ситуации, когда эгоизм индивидуальный должен уступить место эгоизму высшего порядка — заботе о благополучии своей общности (семьи, рода, общины, села, города, народа, государства). Эгоизм индивидуальный разобщает людей, а эгоизм коллективный — соединяет. Следует чаще напоминать людям о том, что они принадлежат к одной общности. Это помогает правителю достичь цели. Эта цель — мир и благополучие, всеобщее выживание, надежная защита Русской земли от внешних врагов.

Автор «Слова» знал, что из двух средств воздействия на человека — хулы и похвалы — предпочтение надо отдать похвале. Но делать это следует тонко, не впадая в лицемерие и явную ложь. Рассказывая о злополучном походе князя Игоря на половцев, о разгроме русского войска и пленении его предводителя, о тяжелых последствиях этой авантюры для русских земель, — автор «Слова» не искал виновных, не требовал их наказания. Он говорил не о том, что разъединяло князей (алчность одних, глупость других, безответственность третьих), а о том, что их объединяло (высокие понятия о чести, личная храбрость, общие предки и славное прошлое).

Он призывал сплотиться против общего врага и впредь не повторять губительных ошибок.

Таковы были уроки «Слова», которое — судя по его поступкам — Дмитрий Московский имел своей настольной книгой. Заметим, что отзвуки «Слова» явственно слышны не только в «Задонщине», но и в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского».

Разгром на Пьяне

А теперь обратимся к событиям жаркого августа 1377 года.

О них мы узнаём только из письменных источников. А потому — несколько слов на эту тему. «Повесть о побоище иже на Пиане» в Рогожском летописце имеет значительные утраты. Поэтому мы восполним ее параллельным текстом Симеоновской летописи. Оба текста восходят к одному источнику — Общерусскому своду начала XV века («Своду 1408 года», «Своду митрополита Киприана»). Этот свод вобрал в себя целый ряд местных летописных традиций, в том числе и нижегородскую (243, 177). Многочисленные бытовые подробности свидетельствуют о том, что в

основе повести лежит рассказ нижегородца, очевидца событий. Стилистическая цельность рассказа о событиях 1377 года, четкая нравоучительная тенденция позволяют думать, что это был незаурядный книжник из круга архиепископа Дионисия Суздальского.

«Того же лета перебежа из Синие Орды (современный Казахстан и Западная Сибирь. — *Н. Б.*) за Волгу некоторый царевич, именем Арапша, и въсхоте ити ратью к Новугороду к Нижнему. Князь же Дмитреи Костянтинович посла вестъ къ зятю своему къ князю великому Дмитрею Ивановичю. Князь же великий Дмитреи събрав воя многы и прииде ратью к Новугороду к Нижнему въ силе тяжце. И не бысть вести про царевича Арапшу и възратися (князь Дмитрий. — *Н. Б.*) на Москву, а посла на них воеводы своя, а с ними рать володимерскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую. А князь Дмитреи Суждальский посла сына своего князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними воеводы и воя многы, и бысть рать велика зело. И поидоша за реку за Пиану, и прииде к ним вестъ, поведи им царевича Арапшу на Волчьи воде. Они же ополошишася (утратили осторожность. — *Н. Б.*) и небрежением хожаху, доспехи своя на телеги своя въскладаху, а инии в сумы (переметные сумы лошадей. — *Н. Б.*), а иных сулицы (дротики. — *Н. Б.*) еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ездять порты своя с плеч спущав, а петли розстегав, аки распредли: бяше бо им варно (жарко. — *Н. Б.*), бе бо в то время знойно. А где наехаху в зажитьи мед или пиво, и испиваху до пьяна без меры, и ездять пьяни, по истинне за Пьяною пьяни, а старейшины их или князи их или бояре старейшиа, велможи или воеводы, те все поехаша ловы деюще, утеху си творяще, мнящиеся, аки дома. А в то время погании князи мордовьстии подведоша втаю рать татарскую из Мамаевы орды на князей наших, а князем нашим не ведущим, и про то им вести не было, и доидоша наши Пару (неясно в тексте. — *Н. Б.*), абие (тотчас. — *Н. Б.*) погании борзо разделишася на 5 полков и внезапно из невести (неизвестности. — *Н. Б.*) удариша на нашу рать в тыл, бьюще и колюще и секуще без вести. Наши же не успеха ничтоже, что бы им сътворити, побегоша к реце ко Пьяне, а татарове после, бьюще, и ту убиша князя Семена Михайловича и множество бояр. Князь же Иван Дмитриевич прибегоша в оторопе (испуге. — *Н. Б.*) къ реце ко Пьяне, гоним напрасно (внезапно. — *Н. Б.*), и вержеся на коне в реку и ту утопе, и с ним истопоша в реце множество бояр и слуг, и народа безчислено. Сиа же злоба съдеся месяца августа в 2 день, на память святого мученика Стефана, в неделю, в 6 час дне от полудне. Татарове же, одолевше христианом, и сташа на костех, полон весь и грабеж оставиша ту, а сами поидоша к Новугороду к Нижнему

изгоном без вести» (45, 118).

Советы Владимира Мономаха

Побоище на реке Пьяне представлено нижегородским летописцем с яркими бытовыми подробностями. Он рисует картину всеобщего пьянства и распущенности, но при этом не называет по именам виновников этого позора — московских и нижегородских воевод. Исключение составляют два погибших на Пьяне предводителя войск — княжич Иван Дмитриевич Суздальский и неизвестный по другим источникам князь Семен Михайлович. Но, как говорили в древней Руси, «мертвые срама не имут».

Центральное место в повествовании занимает нравственно-учительная тема — осуждение «небрежения», то есть самоуверенности, надежды на «авось», проявленной воеводами. Пагубные последствия этого «небрежения» обнаружились как сразу (гибель войска и его предводителя князя Ивана Дмитриевича Суздальского), так и позже (разгром татарами Нижнего Новгорода).

Эти упреки нижегородского книжника являются традиционными для древнерусской литературы и восходят к основным постулатам христианской этики. Те же рассуждения о пагубности «небрежения» и пользе бдительности находим в «Поучении» Владимира Мономаха. Среди полезных советов, которые он давал своим детям, есть и такие:

«На войну вышед, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденю не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вой, тоже ляжите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавш ленощами, внезапно бо человек погыбаеть» (23, 400).

(Уместно вспомнить, что единственный сохранившийся экземпляр «Поучения» Владимира Мономаха находится в Лаврентьевской летописи, написанной в Нижнем Новгороде в январе-марте 1377 года по заказу князя Дмитрия Суздальского. Знал ли беспечный суздальский князь наставления своего великого предка? Безусловно, знал. Но, увы! Сколько хороших советов дают нам старые книги — и как редко мы прислушиваемся к ним. Последуй Дмитрий Суздальский и его утонувший в реке Пьяне сын Иван наставлениям Мономаха — и судьба Нижнего Новгорода была бы не столь трагична...)

Рассказ о битве на Пьяне был благодатным материалом для литературных упражнений на традиционную тему «гордости» и

«смирения». Московские летописцы первой половины XVI столетия не преминули воспользоваться им. В Никоновской летописи находим пространную литературную обработку этой истории в духе христианского нравоучения о пагубной гордыне (42, 27). Однако при всей риторической окрашенности этой переработки она, по существу, ничего не прибавляет к первоначальному рассказу нижегородского книжника — современника событий.

Удар с тыла

Летописи не позволяют сколько-нибудь точно локализовать место битвы на реке Пьяне. А между тем это не праздный вопрос. Внимательное чтение «Повести» позволяет заметить, что помимо «небрежения» воевод автор хорошо представляет и реальную картину боя. На это указывает и упомянутая им вполне реальная деталь: татары напали на русских с тыла, откуда те не ожидали удара. Русские в смятении бросились бежать в противоположную сторону — к реке Пьяне. При поспешной переправе через реку многие погибли. Отсюда следует, что русское войско находилось на северном, обрывистом берегу реки Пьяны и в случае прямого нападения татар (и их общей переправы через реку) имело некоторый запас времени для сбора полков. Это обстоятельство ослабило бдительность воевод.

Понимая, что прямой удар на русские полки (с переправой через Пьяну) ставит их в невыгодное положение, татары предприняли обходной маневр. Для быстроты передвижения по указанным мордовскими князьями узким лесным дорогам они разделили свои силы на пять отрядов, которые, обойдя Пьяну с запада, просочились в тыл русскому войску, прижав его к реке и отрезав ему путь к отступлению в сторону Нижнего Новгорода. Спасаясь от татар, русские воины бежали к реке и там находили свою гибель.

Покончив с русскими полками, татары, не теряя времени, устремились к Нижнему. Самый короткий путь туда пролегал вдоль реки Кудьмы. Так, вероятно, и помчались степняки. Быстрота передвижения всегда была отличительной особенностью татарской конницы.

По обыкновению летописец не сообщает о политической подоплеке событий. Кто направил загадочного пришельца из Синей Орды «царевича» Арапшу (Арабшаха) на Нижний Новгород? Откуда взялись воины Мамай в далеких от владений бекляри-бека мордовских лесах? В качестве ответа на первый вопрос исследователи предлагают «многоэтажную» гипотезу,

согласно которой Арапшу направил на Русь правивший тогда в Сарае хан Каганбек (265, 84). Русские князья будто бы признали Каганбека «царем», пошли по его приказу войной на Булгар, но действовали при этом весьма самостоятельно. «За это в следующем, 1377 г. Каганбек вознамерился наказать слишком самоуверенных вассалов и направил против них своего двоюродного брата Арабшаха» (265, 84). Но прежде чем он успел это сделать, русских «наказал» приглашенный мордовскими князьями отряд из орды Мамаю.

Набег

Со времен Чингисхана основой успехов монгольского войска была железная дисциплина. Приказы командира выполнялись беспрекословно. За их нарушение виновного ожидала скорая и жестокая казнь. Богатая добыча, доставшаяся степнякам после разгрома русского войска, не превратила мамаявых татар в толпу мародеров. По первому сигналу трубы они выстроились в боевые порядки и приготовились следовать за своими предводителями. Победа на Пьяне открывала степнякам новые перспективы. Оставив под небольшой охраной на поле боя трофеи и пленных, косматые всадники устремились к Нижнему Новгороду. В воскресенье, 2 августа 1377 года, татары разгромили русских на Пьяне, а уже в среду, 5 августа, они «изгоном без вести» нагрянули в Нижний Новгород, преодолев за пару дней полторы сотни верст.

Для Дмитрия Суздальского, находившегося тогда в Нижнем Новгороде, появление татар стало полной неожиданностью. А между тем отсутствие связи с войском в течение трех дней должно было насторожить князя. Но теперь, когда татары уже врывались в распахнутые ворота города, положение могла спасти только героическая воля, безумная и победоносная храбрость наподобие той, что проявлял Ричард Львиное Сердце под стенами захваченной сарацинами Яффы. Однако Дмитрий Суздальский менее чем кто либо другой мог выступить в роли нового Ричарда. Правление этого вялого и переменчивого правителя было подлинным наказанием для его подданных. К лету 1377 года Дмитрий Суздальский имел за плечами около пятидесяти четырех прожитых лет, и при этом — ни одной яркой победы, ни одного доведенного до конца смелого предприятия. Памятником его переменчивости стала начатая, но так и недостроенная каменная крепость в Нижнем Новгороде. А как она могла бы послужить городу в этот страшный день — 5 августа 1377 года!

Рядом со своим московским зятем Дмитрий Суздальский чувствовал приливы отваги. Но теперь зять был далеко, а татары — совсем рядом, под самыми окнами княжеского дворца. И мужество окончательно покинуло старого князя. В чем был, он выбежал на крыльцо, вскочил на первого попавшегося коня и помчался прочь из охваченной паникой столицы.

Рассказывая о трагедии родного города, нижегородский летописец (вероятно, автор «Повести о побоище на Пьяне») не осуждает своего князя. Он почти оправдывает его, но на дне этого оправдания заметен осадок презрения.

«Князю же Дмитрию Костянтиновичю не бысть силы стати противу их на бои, но побежа в Суждаль, а люди горожане новгородстии разбежашася в судех в верх по Волзе к Городцу. Татарове... останочных людей горожан избиша, а град весь и церкви и монастыри пожгоша, и сгорело церквей в граде 32. Отидоша же погании от града в пятницу иноплеменници волости новгородския воюючи, а села жгучи и множество людей посекоша, а жены и дети и девицы в полон без числа поведоша» (43, 119).

Автор «Повести о побоище на Пьяне» последовательно развивает библейскую тему «преступления и наказания». «Небрежение» воевод влечет за собой не только разгром войска, но и трагедию всего города, гибель или плен многих тысяч русских людей.

Сотворив свое злое дело, татары из Мамаевой Орды ушли, уводя в степи бесконечные вереницы рыдающих пленных. Но бедствия Нижегородской земли на этом не закончились. Вскоре за своей добычей явился тот самый «царевич Арапша», которого тщетно ожидали на Пьяне русские воеводы. «Того же лета пришед прежереченыи царевич Арапша и пограби за-Сурие и огнем пожже» (43, 119).

На этот раз набег Арапши ограничился Засурьем — самой дальней и, очевидно, единственной уцелевшей от Мамаевых татар восточной областью Нижегородской земли.

Глава 18

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятелей, ужас со всех сторон.

Иер. 6, 25

На пепелище Нижнего Новгорода рыдали простолюдины, и стояли молча, повесив головы, гордые Рюриковичи — суздальские князья. Впрочем, их поведение в эти страшные дни требует особого разговора...

Отец семейства князь Дмитрий Константинович, «проспавший» битву на Пьяне, постыдно бросивший свой город на расправу татарам, затаился в Суздале. Вероятно, первое время он просто боялся показаться на глаза уцелевшим после татарского погрома нижегородцам.

Вместо Дмитрия Константиновича в разоренный Нижний Новгород отправился его старший сын — Василий Кирдяпа. К нему у горожан тоже были большие претензии. Ведь именно он руководил избиением татарского посольства и его главы Сарайки в 1375 году. За эту расправу и приходилось теперь нижегородцам расплачиваться по самой высокой цене...

Впрочем, люди понимали простую истину: как бы ни был плох князь, но без князя — руководителя, судьи, попечителя — еще хуже. Особенно нужен был его властный голос в моменты всеобщего уныния и смятения. Вопрос о том, кто именно должен выступить в этой роли, не допускал особых разногласий. Дмитрий Суздальский слишком скомпрометировал себя позорным бегством. Нижегородцам нужно было хотя бы на время забыть о нем. И потому место отца на некоторое время занял старший сын.

Как и его отец, Василий Кирдяпа был довольно заурядной личностью. В былые времена его могло ждать горькое изгнание. Но времена, когда городские общины приглашали и прогоняли Рюриковичей по собственному усмотрению, давно миновали. Теперь князья полностью подчинили себе города Северо-Восточной Руси и распоряжались здесь и как несменяемые правители уделов, и в качестве ханских порученцев.

Статистика беды

Разоренный и сожженный татарами Нижний Новгород являл собою

жуткое зрелище. Смерть каждого человека — это гибель целого мира. И всё же исторические события обретают реальный масштаб только благодаря некоторой сравнительной статистике. Источники не сообщают хотя бы примерное число жертв татарского набега. (Известно, что русские летописи вообще не склонны к точным подсчетам человеческих потерь.) Поэтому точкой отсчета может служить лишь указанное летописцем точное число сгоревших церквей — 32 (43, 119). Речь идет, конечно, о небольших деревянных церквях, которые строились не только в силу религиозной потребности населения, но и как своего рода «клубы» — места дружеского и делового общения жителей одной улицы, ремесленников одной специальности, членов одного знатного рода.

Заметим, что, рассказывая о больших городских пожарах, летописец, как правило, называет точную цифру сгоревших церквей. Причина этого странного на первый взгляд педантизма состоит, по-видимому, в том, что пожар рассматривали как одно из проявлений «гнева Божьего».

(Один новгородский летописец XV столетия, сообщив о пожаре в Антониевом монастыре, удивляется силе Божьего гнева: «Пречистый Владыка и благодатная Богородица не пощадиша храмов своих» (44, 219). И объясняет его сокровленную причину: «Сей пожар бысть... от нашего небрежения и согрешения». Привыкший подбирать ко всему случающемуся цитату из Священного Писания, летописец и в рассуждении о городском пожаре остается верен себе. «Инде (где-то. — Н. Б.) Писанье глаголетъ: напоил ны вина умиленью и преложил еси именье их огню, и не пощаде от смерти душа их» (44, 219). Этот вольный пересказ двух или трех мест Библии (Суд. 1, 8; Пс. 59, 5), посвященных наказанию грешников, содержит всю концепцию пожара как одного из проявлений Божьего гнева.)

Силу этого гнева уместно было определять в соответствующих «единицах измерения». Поэтому количество сгоревших церквей подсчитывали весьма скрупулезно.

Итак, 2 августа 1377 года в Нижнем Новгороде при всеобщем пожаре, вызванном татарским набегом, сгорело 32 церкви. Для сравнения приведем аналогичные данные по другим древнерусским городам. В июне 1413 года сгорела вся Тверь, причем огнем было уничтожено 20 церквей (44, 486). Тем же летом большой пожар в Костроме уничтожил 30 церквей (44, 486). 23 мая 1492 года «згоре град Володимерь весь и с посады... А всех церквей згорело в граде девять, а на посаде тринадцать» (45, 274). В том же 1492 году пожар испепелил и весь Углич. В огне погибло «дворов болши пятисот, а церквей згоре пятнатцать» (45, 274).

Для полноты картины можно привести и более поздние сведения о

Нижнем Новгороде. Согласно переписи 1621/22 года, в городе насчитывалось 1300 дворов, в которых проживало около 5 тысяч жителей. Их религиозные и общественные нужды обеспечивали два каменных собора, 23 деревянные церкви и пять монастырей (119, 67). Заметим, что перепись учитывала только податное население мужского пола. Соответственно, число жителей возрастает в два с лишним раза. Но и при этом численность населения одного из крупнейших городов России, не опустошенного поляками в Смутное время, не превысит 10–15 тысяч человек. При такой численности населения город скорее напоминал большое село или современный «поселок городского типа», где половина жителей знает друг друга в лицо. Военный потенциал такого городка даже при всеобщей мобилизации составлял не более 2–3 тысяч ополченцев или нескольких сотен профессиональных воинов.

Всё это позволяет думать, что в момент набега Арапши население Нижнего Новгорода составляло не более 5–7 тысяч жителей.

Запомним эти подсчеты. О них полезно будет вспомнить и при выявлении истинных масштабов других заметных событий XIV столетия. На фоне многотысячных и даже многомиллионных трагедий новейшей истории летописные бедствия кажутся мелкими и незначительными. Но нет нужды доказывать, что от уменьшения числа участников трагедии сила пережитого ими потрясения не меняется.

Нижний Новгород, словно феникс из пепла, быстро возродился после набега Арапши. По Волге и Оке можно было быстро сплавить большое количество строевого леса. Нашлись и средства для оплаты строительных работ. Этому способствовало уникальное местоположение Нижнего Новгорода. Город был «своеобразными торговыми воротами Руси XIV–XV вв., через которые шел главный путь торговых связей с другими странами» (286, 69). Нижегородцы имели торговые связи и доверие по кредиту по всей Руси.

Река мертвых

Помимо забот о восстановлении города Василий Кирдяпа должен был решить одну тяжелую и сложную задачу: найти среди тел погибших своего утонувшего в реке Пьяне младшего брата Ивана, принести его в Нижний Новгород и подобающим образом предать погребению. Многие из оставшихся в живых нижегородцев отправились тогда на Пьяну, чтобы найти тела своих родных и близких и предать их земле. Страшная картина

открывалась перед живыми на поле мертвых. Пролежавшие две недели под августовским солнцем трупы источали невыносимое зловоние. Обмелевшая за лето река Пьяна была заполнена распухшими телами людей и лошадей.

Возможно, не желая лично вдыхать этот смрад, а также брать на себя ответственность за сомнительные результаты поисков тела младшего брата, Василий Кирдяпа отправил на Пьяну своих порученцев, а сам остался в Нижнем Новгороде. Посланцы справились с поставленной задачей. Тело княжича Ивана было найдено в реке и — вероятно, в засмоленной дубовой колоде — привезено в столицу княжества. Печальное шествие вступило в город в воскресенье 23 августа. В этот же день тело Ивана было предано земле в княжеской усыпальнице — белокаменном Спасо-Преображенском соборе, «во притворе на правой стороне» (43, 120).

Присутствовал ли на похоронах сына князь Дмитрий Суздальский — летописи не сообщают...

Мордовская кампания

История бесписьменных народов состоит преимущественно из белых пятен. Как жил и что пережил в XIV столетии мордовский народ — практически неизвестно. А между тем это один из древнейших автохтонных народов Европейской России. История мордвы — словно глубокий колодец в прошлое. Об этом народе знают византийские авторы X века. И это еще не дно «колодца». Возможно, именно мордву упоминает в своем сочинении готский историк Иордан (IV век н. э.).

Укрывшись в своих дремучих лесах между Сурой, Алатырем и Мокшей, мордва никому не мешала и ни на что не претендовала. Она молилась своим языческим богам, промышляла охотой и рыбалкой, растила хлеб на солнечных полянах и торговала редкими мехами, которые добывала в лесных дебрях.

Не знаем, кому и как платила дань мирная лесная мордва. Но примечательно, что ее до поры до времени не трогали сильные соседи — русские (с севера и запада), волжские болгары (с востока) и татары Золотой Орды (с юга). Кажется, им всем было выгодно иметь рядом своего рода «буферное государство» — мордву.

Ханы Золотой Орды сохранили у мордвы местных родовых князьков, обложив их данью, но при этом запретив русским князьям и волжским болгарам вторгаться в мордовские земли.

Положение изменилось с началом «великой замятни» в Орде. Пользуясь безвластием или, скорее, многовластием в степях, нижегородские князья не только стали наносить удары по Волжской Булгарии, но и двинулись на юг, спускаясь по правому берегу Волги и ее притокам в мордовские земли. Механизм этой ползучей экспансии показывает Нижегородский летописец — памятник довольно поздний, но по ряду причин вызывающий доверие историков. Там среди разрозненных записей со сбивчивой хронологией содержится история про богатого нижегородского купца Тарасия Петрова, задумавшего воспользоваться благоприятными обстоятельствами и стать крупным землевладельцем.

(Заметим, что и в более поздние времена заветной мечтой русского купца было получить дворянство и стать землевладельцем-помещиком. Только в этом случае он мог иметь высокий социальный статус и обеспеченное будущее для себя и своих потомков.)

Итак, читаем уникальное известие Нижегородского летописца под 6879 годом от Сотворения мира (1371 годом от Рождества Христова).

«В то же время был в Нижнем Нове граде гость Тарасий Петров сын. Больше его из гостей не было. Откупал он полону множество своею казною всяких чинов людей. И купил он себе вотчину у великаго князя за Кудмою, на речке на Судовике шесть сел: село Садово, а в нем церковь Бориса и Глеба. Да Хреновское. Да Запредное. Да Залябьейково. Да Мухарки. А как запустел от татар тот уезд, и гость Тарасий съехал к Москве из Нижнего» (119, 614).

При всей невнятности этого сообщения, оно чрезвычайно ценно для историка. В нем затрагивается важная и мало доступная исследователям черта тогдашней русской жизни: торговля людьми и связанная с ней борьба «сильных мира сего» за рабочие руки.

Летописи пестрят лаконичными сообщениями о захвате «полона» в ходе княжеской усобицы или нападения «иноплеменников». Эти сообщения историки цитируют часто и охотно. Но, отмечая начало процесса, мы теряем нить его дальнейшего развития. А между тем огромный «полон», который составлял главную добычу татар во время их набегов и карательных экспедиций в русские земли, в значительной своей части возвращался назад путем покупки этих пленных на ордынских рынках состоятельными русскими людьми (купцами, боярами, князьями, иерархами), оказавшимися по разным нуждам в тех краях. Возвращая этих людей на Русь, их благодетель, естественно, распоряжался ими как своими полными холопами. Он пристраивал их в своем хозяйстве к делу, на которое тот или иной пленник был пригоден.

Купец Тарасий Петров увидел свою выгоду в том, чтобы посадить выкупленных им пленных на землю, населив ими села по речке Сундовик — правому притоку Волги. Эта небольшая речка имеет протяженность около 60 километров. Ее устье находится в 70 километрах от Нижнего Новгорода, почти напротив знаменитого своей ярмаркой Макарьева монастыря. Вероятно, купец предполагал отправлять товары из своих вотчин на продажу вниз по Волге. Интерес коммерческий совпадал с политическим. Для Дмитрия Суздальского расширение границ его княжества было выгодно и в военном отношении.

Но все эти планы рухнули после татарских погромов 1377–1378 годов.

Надо полагать, что мордовские князьки за содействие получили от татар свою долю трофеев. Но то ли эта доля оказалась слишком мала, то ли у князьков произошло «головокружение от успехов»... После того как татары исчезли столь же стремительно, как и появились, лесные люди решили предпринять еще один набег на нижегородские земли — на сей раз только собственными силами. Эта алчность обошлась им дорого...

«Тое же осени нечестивии поганяя мордѣва, собравшеся без вести и удариша изгоном на уезд, и множество людей посекоша, а иных полониша и останочныя села пожгоша и отидоша. И стаже их не во мнозе князь Борис Костянтинович у реки у Пианы, они же окааннии побегоша за реку за Пиану, а осталцевъ избиша, а иныя вметаша в реку в Пиану, и истопоша» (43, 120).

Младший брат Дмитрия Суздальского Борис, стольным городом которого был Городец, имел владения в восточной части Нижегородского княжества, по правому берегу Волги и по Суре (201, 228). Объезжая с небольшой свитой свои волости, он и натолкнулся на промышлявшую грабежом русских деревень мордву.

Одно выражение Рогожского летописца можно понять так, что Борис Городецкий был послан пресечь бесчинства мордвы сидевшим в Суздале Дмитрием Константиновичем. Но скорее всего это лишь ритуальный «жест вежливости» летописца по отношению к оплошавшему старому князю. У себя в Городце Борис получал вести о действиях мордвы гораздо раньше, чем Дмитрий Константинович в Суздале. Вероятно, разорению подверглись и его собственные волости по Суре и по Пьяне. Такие вести заставили Бориса немедленно, с одной только свитой, отправиться на место событий.

В отличие от старшего брата Борис Городецкий был прирожденный боец. Недолго думая, он бросился на неприятеля и обратил его в бегство. Однако грабители успели переправиться за Пьяну, где начиналась уже

собственно мордовская земля. Вторгаться туда с небольшими силами князь Борис не решился.

Это был хотя и маленький, но всё же реванш за недавний позор на Пьяне. Жажда мести придавала схватке особую ожесточенность. Пленных не брали: одних убивали на месте, других топили в реке, как бы поминая утонувших в ней русских воинов.

Надо полагать, что между русскими князьями — великим князем Владимирским Дмитрием Московским, его тестем Дмитрием Суздальским, а также Борисом Городецким — и мордовскими князьями существовали определенные договоренности о нейтралитете или даже совместных действиях против южных соседей, болгар и татар. Нарушив эти договоренности, мордва навлекла на себя гнев не только суздальско-нижегородского семейства, но и Дмитрия Московского. Разумеется, ему не хотелось гнать московское войско по зимним дорогам в мордовские леса. Однако единство дуумвирата требовало наглядного подтверждения. Впрочем, для Москвы это был вопрос не только тактики, но и стратегии: финно-угорские народы Поволжья и Нижней Оки должны были под страхом суровой кары оставаться союзниками Дмитрия Московского в войне против Орды. Измена требовала сурового наказания.

Зима 1377/78 года выдалась на редкость холодной. «Тое же зимы велми студено было, мразы велици зело» (43, 120). Но именно такое время и было самым подходящим для карательной экспедиции против мордвы. Не имея возможности укрыться в заваленных снегом и скованных морозом лесах, сельские жители становились легкой добычей (или жертвой) карателей.

«Тое же зимы во другие (вторично. — Н. Б.) посла князь Дмитрей Костянтинович брата своего князя Бориса и сына своего князя Семена ратию воевати поганую мордву, а князь Великий Дмитрей Иванович послал же свою рать с ними, воеводу Феодора Андреевича, нарицаемого Свибла, а с ним рать. И они же шедше взяша землю Мордовьскую и повоеваша всю и села их и погосты их и зимници пограбиша, а самих посекоша, а жены и дети их полониша, и мало тех, кто избыл от руку их, и всю землю их пусту сотвориша и множество живых полонивше и приведоша их в Новгород и казниша их казнию смертною, травиша их псы на леду на Волзе» (43, 120).

В некоторых источниках картина средневековой казни уточняется жуткой подробностью: мордовских пленников сначала волочили по льду, а потом на их окровавленные тела напускали собак (39, 26)...

В литературе высказывалось мнение, что виновником бедствий

мордвы был... отнявший сарайский трон у Каганбека царевич Арапша. «По его приказу московские и нижегородские войска совершили карательный рейд против мордовских князей — союзников Мамаю» (265, 86). Данное предположение могло бы несколько высветлить неприглядный образ русских князей в этой войне. Но, к сожалению, оно не находит оснований в источниках.

Маленький царевич

Отрывочные летописные известия о событиях на нижегородском театре московско-ордынской войны не позволяют выстроить четкую хронологическую линейку. Нет ясности и в отношениях между Москвой и Сараем, где правил в это время хан Каганбек, принадлежавший к ветвистому древу потомков Шибана — младшего брата Батыя. Шибаниды издавна враждовали с потомками Батыя, на стороне которых выступал и бекляри-бек Мамай. В этой степной усобице князь Дмитрий Московский поначалу поддерживал дом Батыя. Но после загадочной размолвки («розмирия») с Мамаем в 1374 году он перешел на сторону Шибанидов. При этом Дмитрий ни разу не ездил на поклон к Каганбеку и его преемнику Араб-шаху в Сарай, где к нему относились весьма недоверчиво.

На этом расплывающемся фоне сложно понять мотивацию и последовательность действий зловещего гостя из Синей Орды — «царевича» Арабшаха, в русском произношении — Арапши. Он был Шибанидом по происхождению, двоюродным братом Каганбека, но при этом действовал вполне самостоятельно. Этот «антигерой» эпохи Куликовской битвы заслуживает особого разговора...

Русские заметили появление на политической сцене нового «царевича» весной 1377 года. Он явился из таинственной Синей Орды, из глубины прикаспийских степей, куда не проникал взгляд даже самого осведомленного летописца. Похоже, что его переселение было отнюдь не добровольным: Арапша, по выражению летописца, «перебежал» из родных степей на правый берег Волги, спасаясь от врагов. Судя по всему, миграция была заранее согласована с Мамаем, который выделил «царевичу» и его орде место на подвластных территориях, но за это потребовал карательных походов в русские земли. Задача была для Арапши не слишком сложной и сулила легкое обогащение. Полководческие таланты «царевича» в сочетании с прирожденной свирепостью делали его идеальным кандидатом на роль карателя.

Лаконичные упоминания об Арапше в Рогожском летописце (Своде начала XV века) дополняет и расцвечивает подробностями (возможно, вымышленными) составленная в 1520-е годы многословная Никоновская летопись:

«Того же лета *перебеже* из Синие Орды за Волгу некий царевич, именем Арапша, в Мамаеву Орду Воложскую; и бе той царевич Арапша свиреп зело, и ратник велий, и мужествен, и крепок, возрастом же телесным (ростом. — *Н. Б.*) отнуд мал зело, мужеством же велий, и победи многих, и восхоте ити ратью к Новугороду Нижнему» (42, 27).

Далее следует уже известный читателю рассказ о халатности посланных против Арапши русских воевод, которые, получив вести о том, что маленький «царевич» находится где-то далеко, «на Волчиих водах», утратили бдительность, за что и поплатились. Заметим, что названная летописцем река Волчи воды, по общему мнению — приток Донца (119, 665). Расстояние от нее до реки Пьяны составляет по прямой около 800 километров. Если бы Арапша действительно был так далеко от места событий воеводы, конечно, не стали бы ожидать его подхода на берегах Пьяны. Вероятно, речь идет об одноименной реке или местности в районе Среднего Поволжья.

Примечательно, что Арапша действительно появился в нижегородских владениях вскоре после битвы на Пьяне и разграбил то, что еще уцелело, — Засурье. «Того же лета Воложския Орды пришед прежереченны царевич Арапша и пограби Засурие и огнем пожже и отъиде с полоном в свояси» (42, 28).

Очевидно, Арапша был раздосадован тем, что какой-то отряд Мамаевых татар, воспользовавшись помощью мордовских князей, уже исполнил то, что поручено было ему: разграбил Нижегородское княжество.

В следующем, 6886 (1378) году Никоновская летопись отмечает еще два враждебных действия Арапши по отношению к Руси. Но судя по всему, составитель Никоновской летописи (или ее нижегородского источника) разделил на две годовые статьи (6885 и 6886) события осени 1377 года.

«Тое же осени царевич Арапша Воложския Орды изби гостей русских многих и богатство их все взял» (42, 28).

Заметим, что истребление на Волге русских купцов — своевременно осведомлявших своих соотечественников о намерениях татар — было обычным «предисловием» к набегу на русские земли. Так поступил несколько лет спустя и хан Тохтамыш, начиная свой стремительный поход на Москву. Однако у этой свирепой расправы с купцами была и другая

сторона: упадок волжской торговли и сокращение таможенных поступлений в ханскую казну. Впрочем, это последнее могло только порадовать Арапшу: сидевший тогда в Сарае хан Каганбек был врагом Мамаю, а значит, и самого маленького «царевича».

Истребив русских (в том числе, вероятно, и рязанских) купцов, Арапша «изгоном» (стремительным набегом) двинулся на Рязань. Этот набег застал рязанцев врасплох.

«Тое же осени царевич Арапша приходил на Рязань изгоном и много зла сътвори и возвратися въсвояси» (42, 28). Этот же набег в еще более мрачных красках представлен в так называемой Летописи Авраамки: «В лето 6886... И взяша тотарове Переяславль Рязаньский, а сам князь Александр (в действительности Олег. — Н. Б.) из рук убежа настрелан (ранен стрелой. — Н. Б.)» (34, 308; 44, 105).

Несколько месяцев кряду Арапша бесчинствовал на юго-восточных окраинах Руси, а затем каким-то образом занял Сарай, где сменил на троне Каганбека (265, 86). О его действиях в 1378–1380 годах ничего не известно.

Уход Арапши с исторической сцены был столь же неожиданным и загадочным, как и его появление. Все карты смешал новый фаворит удачи Тохтамыш. Вот как представляет эту историю современный исследователь истории Золотой Орды:

«Хан Синей Орды (Тохтамыш. — Н. Б.) вторгся в родовые владения Шибанидов и заставил местного правителя Каганбека (бывшего сарайского хана) признать его своим сюзереном. После этого Тохтамыш двинулся в Поволжье и, видимо, в начале 1380 г. оказался под Сараем. Хан Арабшах, к большому сожалению для Мамаю, оказался не только талантливым полководцем и суровым правителем, но и трезвомыслящим политиком и понял, что в сложившихся обстоятельствах у него нет шансов сохранить трон. Во-первых, ему постоянно грозила опасность с запада, со стороны Мамаю. Во-вторых, войска Синей Орды превосходили сарайскую армию по численности. Наконец, было ясно, что приведенные в покорность силой оружия русские княжества и племена Поволжья отпадут от Сарая при первой же неудаче. И Арабшах принял единственно разумное решение: он добровольно отказался от трона в пользу Токтамыша, который в ответ признал Арабшаха владельцем Улуса Шибана с правом передачи власти по наследству» (265, 92).

После этого Арапша навсегда отбыл в царство неизвестности, из которого и появился.

Отвергнутый выкуп

Вернемся к событиям 1378 года.

Мамай был сильно обеспокоен созданием московско-нижегородского дуумвирата. В этом союзе он прозорливо увидел ядро будущего объединения Северо-Восточной Руси. Для раскола этого союза он планомерно наносил удары по его более слабой составляющей — Суздальско-Нижегородскому княжеству. К лету 1378 года следует отнести помещенное в Рогожском летописце под 6886 годом сообщение о набеге каких-то неизвестно чьих «татар» на Нижний Новгород:

«Того же лета приидоша татарове изгоном к Новугороду Нижнему, а князя в Новегороде несть, а люди ся розбегли, гражане град повергъше побержаша за Волгу, и в то время приеха с Городца князь Дмитреи и виде град взят и посла к татаром, дая окуп з города, они же окупа не взяша, а град пожгоша в самый Боришь день (24 июля, день памяти святых князей Бориса и Глеба. — *Н. Б.*), а на завътрее от града отидоша и идучи повоеваша Березово поле (волость к востоку от Нижнего Новгорода. — *Н. Б.*) и уезд весь. Тогды у Святаго Спаса иконы пожгоша и двери выжгоша чюднее, иже беша устроены дивно медию золоченою» (43, 133).

Никоновская летопись сообщает некоторые подробности события. Напавшие на Нижний Новгород татары были «Воложския Орды Мамаевы» (42, 42).

Примечательно, что этот набег состоялся незадолго до нашествия посланного Мамаем «царевича» Бегича на рязанские (и далее — московские) земли и битвы на реке Воже 11 августа 1378 года. Отправляя отряд в набег на Нижний Новгород, Мамай хотел запугать суздальских князей, заставить их остаться в своих собственных владениях и не участвовать в назревшем московско-ордынском столкновении.

Наученная горьким опытом трагедии на Пьяне, нижегородская сторожевая служба вовремя заметила приближение татар. Князь Дмитрий Суздальский, находившийся тогда в Нижнем Новгороде, как и год назад, не решился вступить в бой с татарами и предпочел бегство — на сей раз в удельную столицу своего брата Бориса — Городец. Этот город, расположенный на Волге в 50 верстах выше Нижнего Новгорода, был для Дмитрия удобным транзитным пунктом в случае дальнейшего бегства от татар. Горожане последовали его примеру и разбежались кто куда, оставив опустевший город на произвол судьбы.

Но когда первый страх прошел, Дмитрий Суздальский решил

напомнить о себе и предпринять какие-то действия. Желая спасти Нижний Новгород от повторного разгрома, он предложил степнякам выкуп. Однако то ли выкуп показался ордынцам слишком малым, то ли они имели строгий наказ Мамае не вести переговоров с русскими, — но это предложение было отклонено. Нижний Новгород и его окрестности вторично были разграблены и выжжены татарами. Главная святыня города — Спасский собор — подверглась полному опустошению. Даже иконостас и медные позолоченные двери были сожжены — безусловно, с назидательной целью.

Предложенный Дмитрием Суздальским выкуп был своего рода «частной сделкой» с нагрянувшими в город татарами. Такая уступка их не устроила. Судя по всему, они требовали выплаты всей суммы ордынского «выхода». Начиная с 1374 года, когда началось «розмирие» русских князей с Мамаем, дань в Мамаеву Орду не выплачивалась. Возможно, задержки дани начались уже в 60-е годы в связи с «замятней великой» в Орде (206, 70). За эти годы накопилась значительная сумма, которую Дмитрий Суздальский при всем желании сразу выложить не мог. Ему оставалось только, затаившись в Суздале, под прикрытием великокняжеского Владимира, ждать исхода московско-ордынского противостояния.

И ждать ему оставалось недолго...

Гробница в Чудовом монастыре

12 февраля 1378 года ушел в лучший мир 85-летний митрополит Алексей. Вместе с митрополитами Петром и Ионой он со временем будет прославлен как один из трех великих святителей — столпов Московского государства.

В судьбе князя Дмитрия Московского митрополит Алексей сыграл важную, но во многом уже непонятную для потомков роль. Своего рода «точкой пересечения» судеб великого князя и святителя стал древний Чудов монастырь — одна из главных святынь Московского Кремля, смятенная с лица земли железной метлой воинствующего материализма. Но ничто не мешает нам хотя бы мысленно перенестись в далекое прошлое и постоять в задумчивости перед воротами знаменитой обители...

В 1365 году митрополит Алексей основал в Московском Кремле монастырь, собор которого был посвящен важному церковному празднику — Чуду архистратига Михаила «иже в Хонех».

«Чудо в Хонех», символизировавшее не только торжество христианства над язычеством, но и вообще неожиданное спасение

христианина вмешательством Небесных сил, церковь вспоминала 6 сентября. Вероятно, с этим днем были связаны и какие-то личные воспоминания митрополита Алексея. Обычай предписывал строить храмы в честь святого или праздника «счастливого дня». Святитель соблюдал это обыкновение. Известно, например, что на обратном пути из Константинополя в августе 1355 года Алексей едва не погиб, когда его корабль попал в сильный шторм (124, 182). В минуту крайней опасности святитель дал обет: построить храм в честь того святого или праздника, который будет вспоминаться в день, когда он сойдет на берег. Корабль достиг берега 16 августа, в день празднования знаменитого образа Спаса Нерукотворного. В память об этом несколько лет спустя митрополит основал в Москве Спасо-Андроников монастырь.

Ряд памятных для митрополита Алексея дат можно продолжить путем простых подсчетов. Вступив на берег 16 августа (вероятно, в Каффе), святитель мог добраться до Киева и подготовиться к торжественному восшествию на кафедру примерно за две-три недели. Саму церемонию интронизации епископы и митрополиты обычно совершали в воскресенье, когда свободный от трудов народ стекался в городской кафедральный собор. Именно на этот день недели — воскресенье — и приходилось 6 сентября 1355 года. Взойдя на кафедру в день памяти архангела Михаила, Алексей как бы отдавал себя под покровительство предводителя небесного воинства. Зная властный характер святителя, можно думать, что образ небесного воина был ему особенно близок.

Митрополит не жалел средств для благоустройства Чудова монастыря. Он выстроил там каменный храм и трапезную палату, наполнил монастырскую казну доходами от сел и деревень. При этом Алексей ввел в обители так называемый «общежительный» устав, при котором упразднялась частная собственность и торжествовал принцип формального равенства иноков: одинаковая одежда и обувь, общий стол, непрерывный труд, строгая дисциплина. Точное соблюдение иноками общежительного устава ассоциировалось с понятием «высокого жития».

Приближаясь к концу своего земного пути, Алексей выразил желание быть погребенным не в митрополичьем Успенском соборе, а в Чудовом монастыре. Трудно сказать, какие чувства и мысли заставили его отказаться от посмертного соседства со святым митрополитом Петром и ученым греком Феогностом. Агиограф объясняет дело особым смирением митрополита — необходимым качеством прославляемого святого. Алексей не считал себя достойным занять место рядом с гробницами столь великих мужей.

Житие святителя особо отмечает еще одно необычное пожелание Алексея: быть погребенным не в стенах собора Чудова монастыря, а снаружи, близ алтаря. Это также следовало понимать как проявление крайней скромности святителя: внутри церкви хоронили только самых знатных духовных и светских лиц.

Настал час исполнить последнюю волю покойного. Под стеной собора уже выкопана была глубокая могила. Но здесь в дело вмешался великий князь Дмитрий Иванович. Он приказал похоронить митрополита внутри собора Чудова монастыря, на самом почетном месте — близ алтаря.

«Егда же преставлешеся, заповеда князю великому не подвел е положите себе в церкви, но внеуду церкви за олтарем, тамо указа место и ту повеле положитися конечнаго ради и последняго смиренна. Князь же великий никакоже не сотвори того, не въсхоте положите его кроме церкви, таковаго господина честна святителя, но въ церкви близъ олтаря положи его съ многою честию» (43, 124).

В летописи, как и в житии, каждый персонаж говорит и действует в соответствии со своим положением. Такое явление принято называть «литературным этикетом». Святитель проявляет должное смирение перед Богом и людьми, а великий князь — должное почтение святителю.

Однако литературный этикет не был чистой абстракцией. Он не только в известной мере отражал реальность, но и влиял на реальное поведение людей.

Имена митрополита Алексея и князя Дмитрия Ивановича стоят рядом в русской истории. Это были люди одного разбора. Принято считать Дмитрия учеником и воспитанником Алексея. Вероятно, так оно и было. Во всяком случае, Дмитрий в своей политике действовал с той же решительностью, с какой святитель — в своей. Разумеется, они принадлежали к разным поколениям и на многие вещи смотрели по-разному. Случалось, что их воли сталкивались, высекая искры гнева. Самым драматическим из таких случаев была изложенная двумя главами ниже история с небывалым возвышением и загадочной кончиной коломенского священника Митяя...

Глава 19

БИТВА НА РЕКЕ ВОЖЕ

Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо.

Пс. 19, 8

Заросшая тальником речка Вожа теряется среди зеленых полей между Коломной и Рязанью. Автомобильная трасса Москва — Рязань пересекает ее почти незаметно, пугая уток надсадным ревом своих грузовиков. Никаких памятных знаков или исторических надписей здесь нет. А между тем на берегах этой реки 11 августа 1378 года произошло сражение, которое можно по праву назвать «первой станцией» на пути Руси к независимости.

И как тут не вспомнить горестные заметки Пушкина о нашем историческом беспамятстве. «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства» (273, 292). Или его же хрестоматийное суждение: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (273, 166).

Царь или не царь?

Битва на Пьяне и разгром татарами Нижнего Новгорода навсегда отбили у Дмитрия Суздальского всякое желание продолжать «розмирие» с Ордой. Этого и добивался Мамай. Союз двух Дмитриев, а вместе с ним и вся переяславская коалиция приказали долго жить. Теперь Мамай мог приступить к решению главной задачи — усмирению Москвы.

Однако статус нападавшего должен был соответствовать статусу оборонявшегося. Не только «царь» Мамаевой Орды Мухаммад, но и сам Мамай — по формальному положению всего лишь бекляри-бек, то есть первый министр двора молодого «царя», — не опускался до личного участия в походах на Нижний Новгород. «Царю» подобало воевать с «царем», а бекляри-беку — с бекляри-беком. Для наказания взбунтовавшегося вассала посылали одного из «царевичей» или эмира, то

есть в русском понимании — удельных князей или бояр-воевод. Со временем этот подход усвоили московские самодержцы, обычно посылавшие в походы своих младших братьев и воевод.

Следуя этому правилу, Мамай летом 1378 года отправил в поход на Рязань и далее на Москву своего порученца — эмира Бегича.

«Того же лета Ордынський князь поганый Мамай, собрав воя многы и посла Бегича ратию на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую» (43, 134).

Этими словами начинается летописная «Повесть о битве на реке Воже» в ее старейшем из сохранившихся списков — в составе Рогожского летописца.

В этой фразе каждое слово исполнено глубоким смыслом. И явным образом ощущаются стилистика и патетика «Слова о полку Игореве». Ордынцы идут войной не только на Дмитрия Московского, но и «на всю землю Русскую». «Русская земля» — и как некая лирическая величина, и как политическая идея — сквозной образ «Слова», встречающийся на его страницах не менее пятнадцати раз.

Мамай не случайно назван «ордынским князем», а не «царем». Согласно представлениям русских летописцев, любое современное событие понималось как повторение некой древней «матрицы», библейского прообраза. Власть татар — это «вавилонский плен» Руси, а ордынский хан — перевоплощение «вавилонского царя Навуходоносора». Поскольку Бог велел иудеям до поры до времени повиноваться Навуходоносору, то и повиновение ордынскому хану считалось религиозным долгом русских. При таком понимании восстание против «царя» (как называли русские хана Золотой Орды) было нарушением установленного Богом порядка. Покорность «царю» есть покорность Богу. В этом состояла религиозно-политическая доктрина первых московских князей.

Источники свидетельствуют о том, что в начале XV века при московском княжеском дворе существовали своего рода «партии» — «бояр старейших» и «молодых» (42, 210). Можно полагать, что корни этой «двухпартийной системы» уходят в эпоху Дмитрия Московского. «Старейшие бояре», как и подобает возрасту, были осторожны и недоверчивы. Они призывали хранить заветы отцов и дедов: жить в мире с Ордой, сохранять установленную Иваном Калитой «великую тишину». Свои взгляды они подкрепляли ссылками на библейские примеры и прежде всего — на историю вавилонского плена иудеев.

«Молодые» были дерзкими и самоуверенными. Они говорили, что

настало время освободиться от тягостной власти Орды.

Дмитрий понимал, что это различие взглядов — не столько политическое, сколько возрастное. И та и другая партия обладала своей долей истины. Начав войну с Мамаем, Дмитрий пошел навстречу настроениям «молодых». Но искусство верховной власти требовало поддерживать баланс влияния придворных партий на государя. «Старейшие бояре» должны были чувствовать, что князь считается и с их мнением. А потому, начиная «розмирие» с татарами, Дмитрий должен был найти ему религиозное обоснование при помощи всё тех же библейских матриц. Такая работа вскоре была выполнена московскими книжниками. Но жизнь всегда опережала теорию. Кроме того, бедствия Нижнего Новгорода и Рязани заставляли крайне осторожно относиться к идее восстания против власти Орды. И потому на первый случай московские книжники обходились лукавым силлогизмом: Мамай — «князь ордынский», то есть не «царь», а второстепенная фигура. Он — узурпатор, похитивший верховную власть в Орде у ее законных обладателей — потомков Чингисхана. Война с ним — это иное дело, чем война с полновластным легитимным ордынским «царем».

Сторонники сохранения «великой тишины» ссылались на то, что в Мамаевой Орде есть свой «царь» — чингизид хан Мухаммад. И потому война с Мамаем — это война с легитимным «царем». Партия войны указывала на безвластие Мухаммада, его декоративную роль. К этим последним принадлежал и автор «Повести о битве на реке Воже».

Для тех, кто не был знаком с положением дел в Орде и мог думать, что Дмитрий Московский, нарушив заветы отцов и дедов, восстал против власти «царя», автор повести дает особое разъяснение. Рассказ о паническом бегстве татар с поля битвы он завершает следующей картиной:

«Възвратишася съ студом без успеха нечестивии измалтяне, побегоша гоними гневом Божиим, прибегоша в Орду к своему царю, паче же к пославшему Мамаю, понеже царь их, иже в то время имеяху у себе, не владеяше ничим же и не смеаше ничто же сотворити пред Мамаем, но всяко старейшинство сдръжаше и Мамай и всеми владеаше в Орде» (43, 134).

Автор «Повести» словно оправдывается перед читателем за своего героя, бросившего дерзкий вызов не только могущественной земной силе, Орде, но и небесной силе — Божьей воле, наказавшей Русь за грехи томлением «вавилонского плена». Пройдет несколько лет — и победы над степняками позволят московским книжникам развить эту идею и создать концепцию, согласно которой «царем» будет назван уже не хан, а великий

князь Дмитрий Московский. В этом качестве он и сам может требовать повиновения от мелких правителей и на равных разговаривать с любым ордынским или византийским «царем». Но это — дело будущего. А пока, летом 1378 года, Дмитрий ведет свои полки против ордынского эмира Бегича...

Своя рубашка...

Как и в прежних конфликтах со степняками, Дмитрий Московский не стал дожидаться, пока враг постучит в ворота его столицы. Он вышел навстречу Бегичу и, переправившись через Оку в Коломне, двинулся в сторону Рязани. Хотел ли Дмитрий идти защищать Рязань или, как и прежде, предполагал стать живой стеной неподалеку от границы своих владений — это большой вопрос. Судя по всему, развитие событий опередило заранее принятую оборонительную стратегию.

Московское и ордынское войска встретились на берегах речки Вожи. С большой степенью вероятности можно определить и место этой встречи: примерно в 30 километрах к западу от Рязани, у села Глебово-Городище. Здесь в XVI–XVII веках проходил излюбленный степняками путь набегов на русские земли и были устроены крупные оборонительные сооружения (342, 219). Другой исторической приметой служит посвящение церкви села Глебово-Городище празднику Успения Божьей Матери (15 августа). Победа на Воже была одержана 1 августа, и возведенные в ее честь храмы-памятники освящались в честь этого праздника. Основой для такого сближения служила возникшая еще в Киевской Руси идея об особом покровительстве Богородицы Русской земле.

Не знаем, имел ли Бегич приказ Мамай идти на Москву. Более вероятно, что его миссия заключалась только в окончательном опустошении Рязанской земли — всего год назад разоренной набегом Арапши — и тем самым в окончательном отрыве от переяславской коалиции Олега Рязанского. Этого вполне можно было ожидать. Москва обещала своим союзникам помощь в борьбе с татарами, но — своя рубашка ближе к телу! — в последний момент уклонялась от исполнения обещаний, безусловно, Дмитрий Московский искал союза с Олегом Рязанским. Но при этом играл двойную игру, не желая терять своих воинов ради защиты чужих владений. Ни в 1373 году, когда татары громили Рязань, ни осенью 1377 года, когда Арапша взял Рязань и едва не пленил самого князя Олега, никакой помощи от Москвы рязанцы не получили.

А между тем при желании Дмитрий Московский вполне мог подоспеть на помощь союзнику. Если удаленность Нижнего Новгорода (около 400 верст) не позволяла московским полкам быстро прийти на помощь суздальскому князю, то расстояние до Рязани (около 200 верст) конное войско могло походным маршем преодолеть за три-четыре дня. Но был ли Олег Рязанский союзником Москвы? Какую линию он проводил в сложных отношениях с близким ему степным миром? Этого мы не знаем...

(Рязанское летописание дошло до нас в незначительных фрагментах в составе общерусских летописей. О политической линии рязанского князя Олега Ивановича приходится судить лишь по его отдельным поступкам, мотивы которых скрыты от нас. Участвовал ли он в переяславском съезде князей в 1375 году — неизвестно. При всём том Олег, безусловно, был героической личностью, готовой вступить в борьбу с любым врагом. Он не любил ордынцев уже по той причине, что его княжество находилось на границе Руси со Степью и более других страдало от их набегов. В рязанской княжеской семье жива была память о трагедии Старой Рязани. Здесь чтили общего предка — князя-мученика Романа Олеговича, замученного в Орде в 1270 году.)

Выступив навстречу татарам к Рязани, Дмитрий показал, что готов отстаивать не только безопасность своего княжества, но и безопасность своих союзников, всей системы великого княжения Владимирского. Однако в действиях Дмитрия угадывается и некоторая «задняя мысль». Он поставил свое войско на пути ордынцев уже недалеко от границы собственно московских владений. Это был своего рода «сигнал мира». При малейшем желании со стороны Бегича Дмитрий готов был начать мирные переговоры. Но эмир был настроен высокомерно и решительно. Ему нужна была слава победителя Москвы...

Без права на поражение...

Расположившись на берегах Вожи, русские и ордынцы не спешили переправляться через реку. Такова была обычная для того времени тактика. При переправе воины становились удобной мишенью для стрел и дротиков неприятеля. Боевые порядки смешивались и рассыпались. Поэтому противники, стоя у реки, долго выжидали, отыскивая броды и подстерегая чужую оплошность. Нередко это ожидание заканчивалось мирными переговорами или уходом одного из противников без боя. Классическим примером такого рода служит знаменитое полуторамесячное «стояние на

Угре» осенью 1480 года.

Но здесь, на Воже, обоим предводителям войск нужна была только победа. В Орде свежа была память об успешных набегах Арапши и его сподвижников на Нижегородское княжество. Русских привыкли считать взбунтовавшимися рабами. На этом фоне неудача Бегича выглядела бы несмыслимым позором.

Дмитрий Московский также не имел права на неудачу. Его послужной список оставлял желать лучшего. В нем не было создающих харизму полководца ярких побед и дерзких авантур. Он не сумел защитить от татар своего главного союзника — Дмитрия Суздальского. Кредит доверия, которым он пользовался в Северо-Восточной Руси благодаря поддержке митрополита Алексея, был на исходе. В этой ситуации победа Бегича означала бы не только окончательный развал переяславской коалиции, но и полную дискредитацию московского князя как лидера и полководца. Гордость Дмитрия Московского, его вера в свою провиденциальную миссию почти не оставляли ему шансов пережить поражение. В этом сражении он должен был либо победить, либо погибнуть.

Известно, что героизм не менее заразителен, чем трусость. Смотревшие на своего князя, слушавшие его напутственную речь перед боем московские воины были охвачены религиозным воодушевлением. Они шли на смерть в этой жизни, чтобы приобщиться райского блаженства в жизни вечной...

Река мертвых и река живых

Долгое ожидание тяготило эмира Бегича. (Уменьшительное имя Бегичка, которым наделяет его московский книжник, позволяет думать, что он был еще весьма молодым человеком.) Эмир решил добиться успеха стремительной и неожиданной атакой. Она должна была начаться вечером, когда русские, сняв оружие и распоясавшись, будут сидеть за ужином у походных костров. Быстро переправившись через мелкую в этих местах Вожу, степняки обрушатся на русский лагерь стремительной монгольской лавой. Еще до наступления темноты русское войско будет рассеяно и уничтожено...

Бегич знал толк в военном деле. Его замысел — весьма схожий со сценарием удачной для ордынцев битвы на реке Пьяне — был сам по себе неплох. Но русские тоже не забыли побоища на Пьяне. Дмитрий Московский на берегах Вожи действовал чрезвычайно осторожно и

предусмотрительно. И московская разведка, и тщательное сторожевое охранение лагеря сделали свое дело. Атака Бегича не застала русских врасплох. Более того. Они словно ждали эмира, выстроившись огромным полукругом.

Лавина степной конницы устремилась на центр русской позиции, где стоял сам великий князь Дмитрий Иванович с дружиной. Это было незабываемое зрелище, заставлявшее трепетать и самое закаленное сердце. В синих сумерках угасающего дня монгольская лава неслась вперед с воем и свистом, словно полчища злобных демонов. Лучшим средством подавить страх, не поддаться панике была встречная атака — всплеск героического безумия.

Сама битва продолжалась недолго. Поняв, что они попали в западню, татары стали торопливо разворачиваться и уходить обратно на правый берег Вожи. Отступление быстро превратилось в паническое бегство.

Автор «Повести о битве на реке Воже» — судя по всему, очевидец сражения — в кратких, но сильных выражениях описывает эту горячую схватку:

«Не по мнозех же днех татарове переяхаша на сю (московскую. — Н. Б.) сторону и удариша в кони свои и скочиша вборзе, и нюкнуша гласы своими и поидоша на грунах (на рысях. — Н. Б.) и тъкнуша (ударили. — Н. Б.) на наших, и удари на них с одну сторону Тимофеи околничии, а с другую сторону князь Данилеи Проньскы, а князь великий удари в лице. Татарове же в том чаше повергоша копия своя и побегоша за реку за Вожу, а наши после за ними бьючи их, секучи и колючи и убиваша их множество, а инии в реце истопоша» (43, 134).

Как можно понять из текста повести, переправившись через Вожу, степняки фактически оказались в окружении. На левом фланге их атаковал полк, которым командовал окольничий Тимофей Вельяминов, а на правом — полк князя Даниила Пронского. За спиной у Бегича была река. Самонадеянный эмир загнал свое войско в окружение. Вскоре в рядах татар началась паника. Река наполнилась телами убитых и раненых ордынцев. Русским оставалось только преследовать неприятеля и захватывать добычу. Год назад река Пьяна стала для русских рекой мертвых. Теперь судьба переменялась: рекой мертвых стала для татар Вожа. Для русских она стала рекой живых...

Полководцы забытых сражений

Помимо самого князя Дмитрия героями этого дня были князь Данила Пронский и московский воевода Тимофей Вельяминов. Темная и сбивчивая история рязанского княжеского дома не позволяет сказать многое о первом из них. Князья Пронские составляли боковую линию правящей в Рязани династии. Их удельной столицей был город Пронск на реке Проне — притоке Оки. Постоянно враждуя со старшей линией династии, пронские князья искали поддержки в Москве. В Рязанском княжестве они играли примерно такую же роль, как Кашинские — в Тверском, Городецкие — в Нижегородском, Вяземские — в Смоленском.

Более отчетливо видна фигура Тимофея Вельяминова — представителя московского аристократического рода. Вот что рассказывает о нем историк русского боярства С. Б. Веселовский:

«Тимофей Васильевич, как полагалось младшему в семье, был окольничим. Следует, впрочем, заметить, что в XIV в. у великих князей бывал только один окольничий и что с этим чином были связаны важные обязанности: он был как бы квартирмейстером армии и церемониймейстером великокняжеского двора. В памятном бою с татарами на реке Воже большим воеводой был Дмитрий Александрович Монастырев, а воеводами правой и левой руки были окольничий Тимофей Васильевич и кн. Даниил Пронский. В 1380 г. во время Куликовского боя Тимофей Васильевич стоял на Лопасне, для охраны тыла армии, вышедшей против татар. На первой духовной вел. кн. Дмитрия Тимофей Васильевич подписался окольничим, а во время составления второй духовной он был, по-видимому, уже боярином» (112, 216).

Победа на Воже стоила жизни двум московским воеводам — Дмитрию Александровичу Монастыреву и Назару Даниловичу Кусакову. Потери ордынцев состояли из пяти знатных персон, имена которых летописец перечисляет с явным довольствием. «А се имена избытых князей: Хазибии, Коверга, Карабалук, Костров, Бегичка» (43, 134). Последний и есть предводитель всего войска эмир Бегич, названный уничижительно — Бегичка.

Кажется, Дмитрий Московский не поверил собственному счастью и принял бегство татар за военную хитрость. Весь вечер, ночь и половину следующего дня русские полки стояли на месте сражения. Только убедившись в действительном бегстве врагов, Дмитрий приказал продвигаться вслед за ними. В опустевшем татарском лагере русским достались всевозможные пожитки, брошенные степняками при поспешном отступлении: «дворы их и шатры их и вежи их (кибитки. — Н. Б.) и юртовища (юрты. — Н. Б.) и алачюгы (палатки. — Н. Б.) и телеги их, а в

них товар бесчислен» (43, 134).

Медлительность Дмитрия в преследовании татар автор «Повести о битве на реке Воже» настойчиво объясняет поздним часом битвы и сильным туманом на следующее утро. Однако именно это старательное оправдание (как и длинный перечень трофеев) приоткрывает сам факт: татарам удалось избежать полного разгрома и уйти от преследования.

Покушение

Сообщив о победе московских войск в битве на реке Воже 11 августа 1378 года, Никоновская летопись прибавляет к этой истории загадочное приложение.

«Тогда же на той битве, иже на Воже с Бигичем, изымаша некоего попа Иванова Васильевича тысяцкого, из Орды пришедша; бе бо тогда Иван Васильевич тысяцкий во Орде Мамаеве, и много нечто нестроения бысть; и обретоша у того попа злых лютых зелей мешок, и извопрашавше его и истязавше, послаша в заточение на Лаче-озеро, идеже бе Данило Заточеник» (42, 43).

Прежде чем обсуждать это известие, напомним читателю предысторию вопроса. Иван Васильевич Вельяминов, сын последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова (но сам отнюдь не тысяцкий), вместе со своим приятелем московским купцом Некоматом Сурожанином жили тогда в Мамаевой Орде и сильно интриговали против московского князя Дмитрия Ивановича. Некоторые исследователи полагают, что поход Бегича на Москву был следствием этих интриг (112, 217).

Далее ясности становится меньше. Личный священник Ивана Вельяминова зачем-то отправился вместе с татарами в этот поход на Москву. Во время сражения или после его окончания он попал в руки московских воинов. Личность этого странного попа, по-видимому, внушила подозрение. А может быть, его просто опознали как человека из окружения беглого боярина. При обыске у попа нашли какие-то сушеные травы или вещества, которые можно было принять за материал для приготовления ядов. Священника допросили с пристрастием, но, кажется, ничего не добились. Свои «лютые зелья» он мог представить и как лекарства.

Дело, конечно, доложили великому князю Дмитрию Ивановичу. Не имея признательных показаний «некоего попа» и прямых доказательств его вины (а может быть, не желая раздражать духовенство казнью священника),

Дмитрий велел сослать его далеко на север, на озеро Лаче близ Каргополя. Начитанный летописец не удержался от соблазна блеснуть эрудицией и от себя добавил — «идеже бе Данило Заточеник». Только образованный человек мог знать, что известный писатель начала XIII века Даниил Заточник также был сослан по княжескому приказу на озеро Лаче.

Такова причудливая канва этого внесенного в летопись эпизода. Теперь обратимся к сути вопроса: мог ли этот священник действительно готовить покушение на жизнь Дмитрия Московского?

Средневековая политика гораздо чаще, чем политика нашего времени, пользовалась услугами наемных убийц, отравителей и разного рода предателей. В ней вообще было гораздо больше личного, чем в современной политике.

Насколько реальной была в эпоху ранней Москвы сама идея политического убийства? На первый взгляд история дома Калиты выглядит в этом отношении весьма целомудренной по сравнению с историей ордынских ханов, византийских императоров или итальянских тиранов. Материалы летописей свидетельствуют о том, что жестокие казни, отравления и ослепления случались здесь только как исключение.

Впрочем, нельзя забывать, что московские летописцы рассказывали не только историю одной династии, но и историю одной семьи. Сообщив о давних преступлениях того или иного московского великого князя, летописец тем самым оскорбил бы фамильную честь, бросил тень и на правящего государя. Ответственность потомков за грехи предков — один из постулатов библейской морали. «Отцы ели кислый виноград, а детей на зубах оскомина» (Иер. 31, 29; Иез. 18, 2). При таком подходе самоцензура летописца заставляла его быть весьма осторожным с изображением темных сторон московской политической жизни. Соответственно, и мы, усердные читатели летописей, видим тогдашние княжеские отношения «сквозь розовые очки».

Сняв эти очки, легко убедиться, что в политике всегда и везде господствует принцип целесообразности. И в русской истории встречаются страницы, словно списанные из средневековых итальянских хроник. Мотивация политических убийств проста и универсальна: преступление оправданно, если оно целесообразно, то есть открывает кратчайший путь к цели.

Первым средством решения вопроса всегда был яд. В Орде, где едва ли не каждый второй хан умирал от яда, изготовление «зелья» было возведено на уровень искусства. Выше всего ценились яды замедленного действия, вызывавшие медленное угасание человека. На Руси (как, впрочем, и везде)

отравление рассматривалось как тяжкое преступление. Согласно тогдашним законам, наказанием за него была смертная казнь: «Аще коей свободь или раб некоея ради вины дать зелье кому, и случится от него умерети, мечем казнен будет» (299, 372).

Все знали цену вопроса. Однако соблазн простейшего решения любых затруднений был очень велик и нередко перевешивал риск. Не будем вспоминать отравленные пирожные, которыми Феликс Юсупов угощал Распутина. Обратимся к более близким примерам. От яда умерли соперник Василия Темного Дмитрий Шемяка и первая жена Ивана III Мария Тверская. В конце жизни и сам Иван III опасался есть за одним столом со своей второй женой Софьей Палеолог. Очень похожа на отравление странная смерть сына Ивана III Ивана Молодого. Бояре отравили Елену Глинскую. Иван Грозный отравил Владимира Старицкого и сам — по слухам — стал жертвой яда...

Подведем итоги

Сначала предоставим слово историку:

«Поражение на Воже стало тяжелым ударом по авторитету Мамай, которого и так уже несколько последних лет преследовали неудачи. Впрочем, нет оснований полагать, что, отправляя войско Бегича на Русь, бекляри-бек „всё поставил на карту“, и разгромленные на Воже войска были его последним резервом. Напротив, в качестве отмщения за поражение на Воже Мамай вскоре совершил новый набег на рязанское княжество, в ходе которого был взят и разорен (в очередной раз!) Переяславль-Рязанский, столица великого князя Олега Ивановича» (265, 87).

По какой-то странной логике — а скорее по соображениям, нам неизвестным — Мамай решил отомстить за поражение на Воже не Дмитрию Московскому, а Олегу Рязанскому. Об участии Олега в войне Дмитрия с Ордой никаких сведений нет. Рязанский князь получал оплеухи за чужие вины. Причины этой аномалии — историческая загадка. Возможно, между Мамаем и Олегом была какая-то личная вражда... Как бы там ни было, но факт остается фактом: многострадальная Рязань осенью 1378 года платила по чужим счетам.

А теперь — слово летописцу.

Узнав о битве на Воже, Мамай «разгневался зело и възъярися злобою».

И далее: «И тое же осени собрав останочную силу свою и совокупив

воя многы, поиде ратию в борзе без вести изгоном на Рязаньскую землю. Князь же Олег не приготовился бе и не ста противу их на бои, но выбежали из своея земли, а град свои поверже (бросил. — Н. Б.), и перебежа за Оку. Татарове же пришедши град Переяславль Рязаньский взяша и огнем пожгошаи волости и села повоеваша, а люди много посекоша, а иные в полон поведоша и возвратишася во страну свою, много зла сотворивше» (43, 135).

В истории битвы на Воже и последовавших за ней событий много непонятного. Ходил ли сам Мамай на Рязань или от его имени воевали его эмиры? Первое маловероятно. Как отозвалась Москва на этот погром Рязани? Ведь по сути дела Рязань расплачивалась за битву на Воже... И куда мог бежать Олег, переправившись через Оку?

Бегство Олега, бросившего свою столицу на произвол судьбы, на первый взгляд напоминает бегство Дмитрия Суздальского из Нижнего Новгорода после битвы на Пьяне. Но очевидно, что у Олега имелось гораздо больше оснований к бегству, чем у Дмитрия.

Как бы там ни было, но это был уже третий за краткий промежуток времени (осень 1377-го — осень 1378 года) разгром Рязани. Остается только удивляться, что в княжестве всё еще оставалась какая-то жизнь...

После битвы на Воже война Дмитрия Московского с Мамаем вступила в решающую стадию. У каждой стороны было по одной победе и одному поражению. Предстояло третье, решающее столкновение. И ставкой в этой большой игре была не только жизнь самих правителей, но и судьба возглавляемых ими государств.

В народной памяти исторические события удивительным образом переплавляются в былины, сказки, легенды. И отбор материала для этих превращений, и сами превращения — таинственный и сокровенный процесс. По каким признакам народ отличает в своем прошлом важное от второстепенного? Каким образом историческое превращается в поэтическое — «сие тайна великая есть».

Собиратель русских легенд и преданий И. Сахаров рассказывает, что в его время (середина XIX века) в Рязанской земле, в селениях по берегам рек Вожи и Быстрицы, крестьяне верили в то, что в ночь на 11 августа — день битвы на Воже — по соседнему болоту скачет белый конь, который ищет хозяина. Человек, осмелившийся выйти прогуляться в эту ночь, может услышать свист и песни храброй сотни, якобы перебитой здесь Батыем (288, 48)...

Глава 20

БРЯНСКИЙ ПОХОД

Начало всякого дела — размышление, а прежде всякого действия — совет.

Сурах. 37, 20

Поражение на Воже заставило Мамай весьма серьезно отнестись к военному потенциалу Москвы. Не желая рисковать в будущем решающем сражении, Мамай по примеру Дмитрия Московского стал создавать коалицию. Из сообщений своих разведчиков Дмитрий знал, что беклярибек ищет союза с многочисленными сыновьями умершего весной 1377 года великого князя Литовского Ольгерда. Союз литовцев и татар на первый взгляд выглядел абсурдно. Их разделяла череда взаимных оскорблений и ударов. Многим еще памятна была история о том, как Ольгерд пытался заключить союз с ханом Джанибеком против Москвы (1348 год). Тогда могущественная и единая Орда с презрением отвергла это предложение, выдав литовских послов во главе с братом Ольгерда Кориадом Семену Гордому (45, 96). Позднее Ольгерд отомстил ордынцам, отняв у них обширные территории в Подолье и на Киевщине. Но в политике всё решает потребность момента. Теперь Мамаева Орда предлагала литовцам союз против Дмитрия Московского. И наследник Ольгерда великий князь Литовский Ягайло колебался, тщательно взвешивая плюсы и минусы такого альянса...

Литовский узел

Политическая ситуация в Литве в эти годы была весьма сложной и напряженной. Вот как характеризует ее современный литовский историк:

«По смерти Ольгерда великим князем Литовским стал его старший сын от второй жены Ягайло. Это означало, что православные сыновья от первой жены Ольгерда были окончательно устранены из ближайшего к правителю круга Гедиминовичей. Желая смягчить возможное неудовольствие, Ягайло письменно подтвердил их право на земельные владения (однако дал это право не всем претендентам). Этот шаг великого князя, раздвигающий рамки соглашения Ольгерда и Кейстута от 1345 г.,

юридически оформил превращение Литвы в конгломерат разделенных вотчинных владений, но не устранил противоречий между отдельными группами Гедиминовичей — особенно между язычниками и православными» (140, 148).

Размышляя над ходом войны с Ордой, Дмитрий Московский допускал и возможность союза Ягайло с Мамаем, направленного против Москвы. На этом пути литовского князя мог остановить мятеж или заговор его династических соперников — православных князей Ольгердовичей. Учитывая это, Дмитрий Московский радушно принимал в своих владениях литовских князей-изгоев. Они представляли для него большую ценность не только как значительная военная сила, но и как возможные предводители восстания против Ягайло в Литве. В середине 1378 года через Псков и Новгород перебрался в Москву князь Андрей Ольгердович Полоцкий. Не знаем, отчего ему не сиделось в древнем и богатом Полоцке. Но точно известно, что это был доблестный витязь. Он участвовал в битве с татарами на реке Воже. И это было только начало его подвигов на московской службе.

Ко времени приезда Андрея Ольгердовича в Москве уже жил его дальний родственник — воевода Дмитрий Боброк Волынский.

Одной из причин для этих частных переездов была неспособность правителей Литвы удерживать под реальным контролем свои быстро расширявшиеся пространства. Федерация потомков Гедимины напрягала все силы для отпора Тевтонскому ордену, за спиной которого стояло всё ищущее славы и подвигов в войне с язычниками европейское рыцарство. Литве нужны были новые и новые полки, которые создавались главным образом путем набора воинов в завоеванных русских землях. Таким образом, наступление на русские земли становилось неизбежным. Но этот путь таил в себе новые опасности...

«Политика широкой экспансии, принеся первоначально значительные успехи, одновременно вела к увеличению числа противников Великого княжества Литовского, которое оказывалось вынужденным вести войну сразу на нескольких фронтах. Так, успешное утверждение сына Гедимины Любарта на Волыни привело к длительному конфликту литовских князей с таким сильным правителем, как захвативший Галицкую землю польский король Казимир, опиравшийся на поддержку Венгерского королевства» (333, 30). Равным образом и наступление литовцев на восток создавало им новых врагов — татарских ханов и московских князей.

Северская земля и «верховские княжества» в верхнем течении Оки уже

в начале XIV столетия стали полем столкновения литовской и московской экспансии. Пестрая ткань властных отношений в регионе создавалась переплетением трех основных династических нитей. Издавна правившие в Черниговской земле (в ее широком, историческом понимании) потомки Олега «Гориславича» — так именует Олега Святославича Черниговского автор «Слова о полку Игореве» — сохраняли за собой некоторые уделы и претендовали на Брянск, который благодаря своему выгодному географическому положению к концу XIII столетия превратился в главный город Черниговской земли. Одновременно на брянский стол претендовали и смоленские князья, имевшие на это определенные династические права. Каждый из претендентов искал поддержки могущественных сил — Москвы, Литвы или Орды. Полагают, что Иван Калита и его сын Семен в борьбе за Брянск делали ставку на «представителей младшей ветви смоленских князей, владевших уделами на востоке Смоленской земли (вяземско-дорогобужским и ржевским)» (127, 88).

В 1352 году Семен Гордый военной силой подчинил себе Смоленск и Брянск. В ответ Ольгерд совершил поход на эти города осенью 1356 года. Однако до начала 60-х годов XIV века Смоленск и Брянск оставались под сюзеренитетом великого князя Московского. Ну а позднее, втянувшись в борьбу с суздальско-нижегородскими князьями, московское правительство ослабило внимание к юго-западному направлению.

Позиции Москвы в этом регионе ослабляло еще одно обстоятельство. Помимо Рюриковичей брянский стол во второй половине XIV столетия занимали и Гедиминовичи, которых направлял сюда убедившийся в изменчивости местных князей Ольгерд. Однако хронология их вокняжения остается неопределенной.

Занятые войной и политическими интригами, брянские князья не имели досуга для умственных занятий. До нас не дошло ни местных летописей, ни каких-либо оригинальных литературных памятников брянского происхождения. Известия о событиях в Брянске или вокруг него лишь изредка встречаются в памятниках московского и тверского летописания и напоминают яйца кукушки в больших летописных «гнездах».

Углубившись в этот сюжет, историк вскоре замечает и еще одну трудность: часто менявшиеся на брянском столе князья имели привычку менять своих сюзеренов в соответствии с быстро менявшейся политической конъюнктурой.

Итак, история Черниговской земли и ее политического центра

Брянского княжества в эпоху Куликовской битвы почти не поддается реконструкции. Прикрывая эту прореху в отечественной истории, мы набрасываем на нее вуаль гипотез.

Роман Брянский: судьба перебежчика

Ослабевшая Орда уступала литовцам одну позицию за другой. Однако быстро крепнувшее Московское княжество в первой половине 70-х годов XIV века не только остановило наступление литовцев, но и пыталось (правда, без особого успеха) предпринять своего рода «контрнаступление».

В общерусском походе на Тверь в 1375 году участвовали и князья черниговского дома — Роман Михайлович Брянский, Роман Семенович Новосильский, Семен Константинович Оболенский и его брат Иван Тарусский. Судьба этих союзников Москвы весьма поучительна и типична для сравнительно мелких князей той эпохи.

Полагают, что около 1360 года Роман Михайлович (старший из рода черниговских Ольговичей) был посажен на брянский стол Ольгердом, но уже в 1363 году изменил ему и под влиянием митрополита Алексея перешел на сторону Москвы (127, 90).

Узнав об этом, Ольгерд в том же году предпринял карательный поход в Черниговскую землю, конечной целью которого был городок Корчев (или Коршев) на ее восточной окраине. Там, на границе с ордынской степью, бежавший от мести Ольгерда Роман решил переждать плохие времена. Выбор именно Корчева объяснялся личными обстоятельствами: это были родные места жены Романа — княгини Марии Корчевской (127, 90).

В то время как Роман Брянский скитался по степям, на брянском столе Ольгерд посадил своего сына Дмитрия.

Московское правительство было обеспокоено переходом Брянска под власть Ольгерда и спустя некоторое время попыталось исправить положение военной силой. В 1370 году Дмитрий Московский послал войско на Брянск. Рогожский летописец говорит об этом предельно кратко:

«Того же лета князь великий Дмитриеи Иванович посылал воевать Брянска» (43, 92).

Можно думать, что с этим «воинством» шел и низложенный Ольгердом князь Роман Брянский.

Поход на Брянск не принес Москве новой славы. Увлечшись мелкими успехами на Верхней Оке — взятием Калуги и Мценска, московские воеводы не сумели даже дойти до главной цели. Задача возвращения

Брянска была отложена до лучших времен, а князь Роман Брянский остался в Москве на положении изгнанника.

Попытки москвичей перехватить у Литвы контроль над Брянском стали одной из причин второго нашествия Ольгерда на Москву осенью 1370 года. Учитывая личностный характер тогдашней политики, можно полагать, что Ольгерд, осадив Москву, потребовал выдать изменника Романа Брянского. Однако до этого дело не дошло. Появление в тылу у Ольгерда двух враждебных ратей — серпуховской и рязанской — заставило его уже через неделю снять осаду и уйти восвояси.

Пользуясь покровительством Москвы, Роман Брянский должен был делом доказать свою верность дому Калиты. В составе московских войск он ходил на Тверь в 1375 году. Впрочем, князь-изгой на московской службе не мог содержать большую дружину. Его военный потенциал в тверском походе состоял почти из одного громкого имени.

Дальнейшая судьба перебежчика может быть намечена пунктиром. В начале княжения Василия I (1389–1425) он оставил Москву и вернулся на литовскую службу. За это великий князь Литовский Витовт возвратил ему брянский стол. Более того, в 1401 году Роман был литовским наместником в Смоленске. Там он и погиб «жалостно нужною смертию» (то есть был жестоко казнен) при взятии города войсками смоленского князя Юрия Святославича.

Исторические судьбы Брянска и Смоленска в эту эпоху во многом схожи. Смоленский князь Святослав, прежде верный вассал Ольгерда, участник литовского похода на Москву в 1370 году, также перешел на сторону Москвы и в 1375 году послал свой полк в поход на Тверь. Одновременно Смоленск и Брянск признали своим церковным главой отвергнутого Ольгердом митрополита Алексея (333, 30).

Смоленск оставался под властью союзной Москве местной династии до 1395 года, когда был захвачен Литвой. Борьба за Смоленск продолжалась с переменным успехом еще десять лет и закончилась окончательной победой литовцев в 1405 году. Более века спустя, в 1514 году, Смоленск был взят войсками великого князя Московского Василия III и стал частью Российского государства...

Итак, литовское присутствие в Брянске означало военно-политическое поражение Дмитрия Московского. Судьба Романа Брянского, тщетно уповавшего на покровительство Москвы, заставляла крепко призадуматься всех потенциальных союзников Москвы. На фоне вступавшей в решающую стадию московско-ордынской войны эта тема приобретала особую остроту.

И тогда московские стяги вновь взметнулись над брянскими

дорогами...

Поход... за князьями

В начале зимы 1379/80 года Дмитрий Московский направил войско в подвластную литовцам Северскую землю — сквозь заваленные снегом брянские леса.

Примечательно, что во главе полков были поставлены все те, кто имел какое-то отношение к Литве: сын Ольгерда Андрей Полоцкий, двоюродный брат Ольгерда Дмитрий Михайлович (Кориатович) Боброк Волынский и зять Ольгерда Владимир Андреевич Серпуховской. Последний по своему положению второго человека в Московском княжестве должен был осуществлять общее руководство походом и иметь решающий голос на военных совещаниях. Он же должен был от имени великого князя Дмитрия Московского вести переговоры с Дмитрием Ольгердовичем о переходе на московскую службу.

Такой подбор предводителей свидетельствует о том, что целью похода было не столько прочное завоевание Северской Украины, сколько привлечение на сторону Москвы местной знати и князей. Литовские князья под московским стягом (и русский князь с литовской женой) могли доверительно, «по-родственному» склонить местных князей на сторону Дмитрия Московского, своим примером убедить их в преимуществах московской службы.

Летопись сообщает одну деталь похода, которая свидетельствует об особой роли в этой истории князя Владимира Серпуховского. Поход начался в пятницу 9 декабря 1379 года. В этот день церковь вспоминала Зачатие святой Анны — один из главных праздников Богородичного цикла. Согласно легенде, родители Богородицы Иоаким и Анна прожили вместе 50 лет, но не имели детей. За их благочестивую жизнь Всевышний, наконец, проявил к ним свою милость. Посланец небес архангел Гавриил предсказал Анне рождение дочери.

Известно, что средневековая политика тесно переплеталась с религией. Церковный календарь — месяцеслов — был своего рода «кодом», с помощью которого люди читали таинственные послания небес. День для начала любого значимого дела тщательно выбирался и был полон сокровенного смысла. Обычно этот выбор определялся какими-то личными или семейными обстоятельствами. Летописцы редко вдаются в такие подробности. Историкам остается только строить догадки на сей счет. В

данном случае примечательно, что за пять лет до литовского похода его предводитель князь Владимир Андреевич построил в Серпухове, в своем любимом Высоцком монастыре храм в честь Зачатия святой Анны. Для основания монастыря в Серпухов по приглашению князя Владимира Андреевича приходил игумен Сергей Радонежский. «Великий старец» указал место для обители и своими руками заложил камень в основание монастырского храма.

«Тъгда в том месте создана бысть церковь въ имя Пресвятыя Богородица честнаго ея Зачатиа, устави же ся таковыи праздник той церкви праздновати месяца декабря в 9 день, Зачатие святыя Анны, егда зачат святую Богородицю» (43, 107).

Безусловно, посвящение монастырского храма определялось не только какими-то датами биографии серпуховского князя, но тем особым пристрастием Ивана Калиты и его потомков к Богородичному культу, которое засвидетельствовано многими произведениями архитектуры, живописи и художественного ремесла. Успенский собор Московского Кремля часто называли «домом Пресвятой Богородицы». Здесь был незримо воздвигнут ее третий — после Киева и Владимира — престол в Русской земле. Мысль о том, что Москва находится под особым покровительством Богородицы, придавала зачастую неприглядной политической практике потомков Ивана Калиты отблеск возвышенного служения.

И всё же присутствовало здесь и личное начало. Приурочив литовский поход к 9 декабря, престольному празднику своего любимого монастыря, 26-летний серпуховской князь как бы поручал себя и свое воинство молитвам иноков серпуховской обители. И небеса слышали их молитвы...

Искусство читать между строк

«В сказанном подразумевай и умолчанное», — учил Василий Великий. Летописное известие о зимнем походе 1379/80 года удивительным образом умалчивает о главном: судьбе Брянска. Вот как выглядит эта своеобразная победная реляция в Рогожском летописце.

«Они же (московские воеводы. — Н. Б.) сшедьшеся взяша город Трубческы и Стародуб и ины многы страны и волости и села тяжко плениша, и вси наши вои, русстии полци, цели быша, приидоша в дома своя со многыми гостьми (подарками, гостинцами. — Н. Б.). Князь Трубческыи Дмитрии Олгердович не стал на бои, ни поднял руки противу

князя великаго и не биася, но выиде из града съ княгинею своею и з детми и съ бояры своими и приеха на Москву в ряд к князю великому Дмитрею Ивановичю, бив челом и рядися у него. Князь же великий приа его с честию великою и дасть ему град Переяславль и со всеми его пошлинами» (43, 138).

Во всей этой истории, как ее представляет летописец, есть какая-то недосказанность, какой-то скрытый смысл. Почему ни слова не сказано о Брянске, главном городе края? Почему Дмитрий Ольгердович к приходу московских войск оказался не в столичном Брянске, а в захолустном Трубчевске? Почему весь поход прошел для москвичей без сражений и потерь? Как отнеслись к московским полкам городские общины Брянска, Трубчевска и Стародуба?

Судя по всему, Дмитрий Ольгердович был переведен из Брянска в Трубчевск и Стародуб по распоряжению Ягайло, не вполне доверявшего брату. Оскорбленный таким унижением, Дмитрий Ольгердович тайно снесся с Дмитрием Московским и обговорил условия своего перехода на московскую службу вместе с семьей и двором.

Дмитрий Московский не хотел затевать большую войну с Ягайло, терять воинов и отвлекать силы от южной границы. Напротив. Он искал прочного мира с литовским великим князем. Поэтому московское войско не имело приказа на осаду Брянска. К тому же зимняя осада — дело весьма хлопотное и почти безнадежное. Трубчевск и, вероятно, Стародуб поладили с москвичами, уплатив выкуп — те самые «гостинцы», которые принесли домой московские воины.

Поход в Брянскую землю имел целью демонстрацию московских сил, пополнение казны, а также привлечение на московскую службу князя Дмитрия Ольгердовича и его двора. Занятый бесконечной войной с Тевтонским орденом, Ягайло не сумел предотвратить набег москвичей на юго-восточные окраины своих владений. Впрочем, главные события были впереди. Литовский князь знал о большом походе Мамай на Москву и выразил готовность объединить силы. Так, во всяком случае, утверждали московские летописцы. Но что стояло за этими обещаниями? Литовско-ордынский союз — если он вообще существовал — был крайне хрупким. Между двумя правителями не было и следа доверия. Слишком разными были и сами союзники, и их политические интересы. К тому же и Мамай, и Ягайло хорошо знали, что совместные действия двух разноплеменных армий часто заканчивались неудачей...

Глава 21

«ДЕЛО МИТЯЯ»

Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом.

Притч. 19, 21

Среди впечатляющих своим размахом замыслов великого князя Дмитрия Ивановича Московского следует называть и «дело Митяя» — попытку создания самостоятельной Великорусской митрополии. Речь шла ни много ни мало о ликвидации традиционной зависимости Русской церкви от ее матери-Церкви — Константинопольской патриархии. Такого рода планы вынашивали в свое время сильнейшие из князей домонгольской Руси — Ярослав Мудрый, Изяслав Мстиславич (внук Владимира Мономаха), Андрей Боголюбский. И все они потерпели неудачу.

Дмитрий лелеял не менее значительный проект. Однако его исполнение натолкнулось на препятствия, одолеть которые он не сумел. Но сначала обо всем по порядку...

Человек из народа

Кончина митрополита Алексея 12 февраля 1378 года поставила князя Дмитрия Ивановича перед выбором: принять в Москве ставленника литовских князей киевского митрополита Киприана (и тем сохранить единство митрополии Киевской и всея Руси) или же избрать собором епископов собственного кандидата на Великорусскую митрополию (и тем фактически признать раскол митрополии Киевской и всея Руси на две самостоятельные митрополии). Первая возможность была решительно отвергнута московским князем. Вторая, в свою очередь, ветвилась на две новые возможности: отправить названного московским князем кандидата для *хиротонии* (поставления) в Константинополь — или совершить хиротонию собором русских епископов. Последнее фактически означало нарушение канонов, требовавших утверждение епископской хиротонии митрополитом, а митрополичьей — патриархом.

Однако московскому князю Дмитрию Ивановичу второй путь казался предпочтительнее. Он еще при жизни митрополита Алексея нашел «во

глубине России» смелого человека, способного, рискнув своей судьбой и даже жизнью, стать первым автокефальным митрополитом...

В середине 70-х годов Дмитрий Московский выдвигает в качестве преемника престарелому Алексею своего духовника (исповедника) и печатника (хранителя княжеской печати) Дмитрия, в монашестве — Михаила. С личностью этого незаурядного человека связано много исторических загадок. Первая из них — его происхождение.

Никоновская летопись сообщает: «Сей убо архимандрит Митяй сын тешиловскаго попа Ивана, иже на реце Оке» (42, 36). Городок Тешилов действительно существовал в ту пору на правом берегу Оки, между Каширой и Коломной (317, 120). Однако в одной из грамот Ивана III он назван «куплей» великого князя Василия Темного (1425–1462) (8, 285). Отсюда можно заключить, что прежде Тешилов принадлежал исконным владельцам этих мест — рязанским князьям. А стало быть, и священники этого городка (позднее — села) имели не коломенское, а рязанское подданство. А между тем о Митяе ясно сказано: «един от коломенских попов» (42, 36). Это противоречие поставило в тупик историка Русской церкви Е. Е. Голубинского (124, 226). Однако противоречие легко устранить, зная некоторые черты характера Митяя. Во все времена выдающиеся личности тяготились жизнью в глухой провинции и стремились перебраться туда, где их таланты могли найти достойное применение. Тешилов был, по сути, захолустьем Рязанской земли. К тому же жизнь здесь, на московско-рязанском порубежье, в зоне частых татарских набегов, была полна опасностей. Ближайшим крупным городом была Коломна. Туда и перебрался наш герой.

Благодаря своим достоинствам Митяй не затерялся среди коломенского духовенства. Во время очередного приезда великого князя Дмитрия Ивановича в Коломну он был представлен ко двору. Известно, какой теплый прием оказывали московские князья переезжавшим из других княжеств военным слугам. Это гостеприимство, имевшее вполне корыстную изнанку, в известной мере распространялось и на лиц духовного звания. В ту эпоху священники были главными создателями и проводниками «общественного мнения». Во многом именно они формировали в русском этническом пространстве привлекательный образ Москвы. Москва позиционировала себя как «город мечты», где каждый приезжий найдет свое место и будет иметь перспективы. Учитывая всё это — а также подчиняясь обаянию личности Митяя, — великий князь принялся строить его головокружительную карьеру.

Вторая загадка Митяя — происхождение его похожего на кличку имени.

Зная склонность русских переименовывать и упрощать сложные греческие имена, можно думать, что в разговорной речи «княжеское» имя Дмитрий произносили сокращенно — Митрий (365, 291). Людей низшего звания или детей называли еще проще — Митя.

Недруги нашего Дмитрия (а друзья его мемуаров, к сожалению, не оставили) в своих сочинениях настойчиво именуют его Митяем. По отношению к высокопоставленному лицу духовного звания имя это звучит крайне непочтительно, напоминая о плебейском происхождении княжеского любимца.

Мутный источник

Подобно разведке, историческая наука во главу угла ставит вопрос о надежности источников информации. Основной и почти единственный источник наших знаний о церковно-политических замыслах Дмитрия Московского — так называемая «Повесть о Митяе», содержащаяся во многих летописях.

Современные исследователи различают три редакции «Повести о Митяе». Предполагается, что первая редакция возникла в начале 80-х годов XIV века в канцелярии митрополита Киприана путем объединения нескольких разрозненных записей участников событий. Ее автором признаётся «русский летописец, решительный сторонник митрополита Киприана, весьма вероятно, Елифаний Премудрый» (272, 252).

В наиболее близком к оригиналу виде первая редакция дошла до нас в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. Она имела также в погибшей Троицкой летописи — общерусском своде конца XIV — начала XV века. Вторая, более поздняя редакция представлена текстом «Повести» в Воскресенской и Типографской летописях и Московском своде конца XV века. От нее «отпочковались» три сокращенных варианта. Третья, обильно расцвеченная риторикой, но содержащая некоторые уникальные подробности, приводится в Никоновской летописи (270, 125).

Предложенная схема — как и все такого рода источниковедческие схемы — оставляет место для вопросов. В нашем рассказе мы будем опираться на древнейший из сохранившихся текстов «Повести» — в Рогожском летописце (40-е годы XV века). Но почтенный возраст самой летописи — увы! — не гарантирует объективности летописца...

О пользе фаворитизма

Пользуясь позднейшим термином, можно назвать Митяя фаворитом великого князя Дмитрия Ивановича. Институт фаворитизма был необходимым элементом монархического образа правления, психологической потребностью монарха и вместе с тем его «секретным оружием» в борьбе с правящей элитой. Особый расцвет фаворитизма в России по понятным причинам пришелся на XVIII столетие, когда самодержавие превращается в «царство женщин». Но и самые мужественные из русских государей не обходились без любимцев, наперсников, которым можно было поведать самое сокровенное и поручить самое важное.

Все фавориты были по-своему выдающимися людьми. Публично преклоняясь перед самодержцем и позиционируя себя как самые смиренные из его слуг, они на деле оказывали на государя определенное влияние, порой весьма сильное. Не будем поминать все последнего Романова и Григория Распутина. Но и без них отечественная история представляет долгий ряд царских фаворитов: Иван Грозный — и Сильвестр, Федор Иоаннович — и Борис Годунов, Алексей Михайлович — и Никон, Петр Великий — и Меншиков... В этом ряду найдут свое место Дмитрий Донской и Митяй. В каждом случае между этими людьми возникали отношения взаимной необходимости и привязанности. Но специфика этих отношений в каждом случае была неповторимой.

Какими были в действительности отношения Дмитрия и Митяя? Полагают, что их знакомство произошло в январе 1366 года, когда 15-летний Дмитрий праздновал в Коломне свою свадьбу с Евдокией Суздальской (306, 430). Митяй мог присутствовать на этих торжествах лишь в качестве священника. Соответственно, ему было тогда не менее тридцати трех лет — канонического возраста для священника. А значит, он был старше великого князя не менее чем на 18 лет. Такая разница в возрасте предрасполагала к отношениям типа *учитель — ученик*.

(Заметим, что среди упреков, которыми щедро осыпает фаворита автор «Повести о Митяе», нет упрека в слишком юном для иерархических степеней возрасте. Очевидно, возраст Митяя не давал оснований для таких упреков.)

Вступление в брак по понятиям того времени означало совершеннолетие, а стало быть, и полновластие юного правителя. Его естественное желание испробовать на деле обретенное могущество

проявлялось прежде всего в смене приближенных: возвышении одних и удалении других. Возвышение Митяя, вероятно, и было проявлением этого вечного закона.

Совпадение имен всегда считалось намеком на некую духовную близость людей. Первоначальный интерес Дмитрия Московского к личности Митяя мог быть усилен и примечательным обстоятельством: совпадением не только имен (Дмитрий), но и отчеств: «Сей убо архимандрит Митяй сын Тешиловскаго попа Ивана...» Таким образом, священника, как и князя, звали Дмитрием Ивановичем. В ту эпоху, полную предчувствий и знамений, такого рода совпадениям придавали большое значение, усматривая в них знаки Божьего промысла.

Митяй, безусловно, выделялся из рядов посредственности как по внешнему виду, так и по своим внутренним достоинствам (231, 236). Летописная «Повесть о Митяе» перечисляет разнообразные достоинства княжеского фаворита. Суммируя данные разных редакций повести, историк А. В. Карташев дал яркий словесный портрет княжеского фаворита:

«Это был плечистый мужчина высокого роста, с красивым лицом, большой окладистой бородой и статными, изящными манерами. Громкий приятный голос вместе с отчетливостью произношения делал его артистом при богослужении, а специальный дар красноречия в связи с исключительно громадной начитанностью и феноменальной памятью — изумительным оратором. Широкие энциклопедические познания в книгах самого разнообразного содержания давали ему возможность и в светском обществе быть очаровательным собеседником. Природный ум стяжал ему авторитет дельца, мудрого советчика во всевозможного рода делах... Нисколько не аскет и большой эстет Михаил, сообразно со своим положением великокняжеского любимца, допускал в своей обстановке вельможную пышность и особенно неравнодушен был к красивой одежде» (171, 323).

И всё же основой глубокой привязанности князя Дмитрия к сыну сельского попа были не его таланты и выдающиеся внешние данные и даже не его начитанность и красноречие, а готовность воспринять и провести в жизнь те смелые идеи, которыми была полна голова юного московского князя.

Именно такой человек, как Митяй — умный, преданный, исполнительный, нужен был юному великому князю на пороге совершеннолетия. Самоутверждение стало для него повседневной потребностью, непрерывной войной с внешним миром. Напомним: в 8 лет

он потерял отца, в 15 — мать и брата. До женитьбы над ним постоянно довлела воля наставника — митрополита Алексея. Чтобы не стать мягкой глиной в чужих руках, он должен был научиться властвовать. Иван Грозный в том же возрасте (около пятнадцати лет) и по той же причине начал казнить бояр и полошить Москву своими дикими выходками. Но одновременно он начал исподволь подбирать себе Избранную раду...

Исповедник

Особая тема — отношения Митяя и митрополита Алексея. Как человек умный и обходительный, Митяй, вероятно, делал всё, чтобы понравиться святителю. И надо полагать, он в этом преуспел. Алексей со своей стороны понимал психологическую подоплеку привязанности юного князя Дмитрия к Митяю. Повзрослевший внук Ивана Калиты уже не желал выслушивать наставления престарелого святителя. Через фаворита митрополит мог скорее внушить упрямому юнцу те мысли и действия, которые он считал необходимыми. Вероятно, Митяй умел сглаживать юношеский максимализм Дмитрия. Именно в этом качестве посредника он был полезен и юному князю, и московской знати во главе с митрополитом.

Желая повысить статус Митяя, Дмитрий поручил ему почетную и ответственную должность великокняжеского печатника. Фактически он стал во главе всей московской княжеской канцелярии. Это позволяло ему на законных основаниях присутствовать на дворцовых совещаниях с боярами, приемах и торжествах. Примечательно, что с этой же должности веком ранее взшел на кафедру митрополит Кирилл II — печатник князя Даниила Галицкого.

Подняв Митяя на высокую ступень светской власти, князь позаботился и о его статусе в рамках духовной корпорации. Здесь карьера человека гораздо меньше зависела от его происхождения, нежели в придворном военно-служилом кругу. Коломенский поп стал духовным отцом (исповедником) юного князя Дмитрия.

Митяй быстро понял все выгоды особого положения великокняжеского духовника. Формально оставаясь простым священником, духовник благодаря личной близости с правителем был как бы вне иерархии. Его реальная власть превосходила власть архиереев. Подражая великому князю, на исповедь к нему шли и знатнейшие бояре. Он становился не только живой совестью московской знати, но и хранителем ее семейных тайн.

Давая неоценимые привилегии, эта должность требовала не только умения хранить тайну исповеди, но и незаурядных дипломатических способностей. Чего стоила одна только проблема епитимии — наказания за открытые духовнику на исповеди греховные дела и помышления.

Покаянная дисциплина была своего рода наукой. Ее постулаты были установлены Отцами Церкви. Вот, например, как выглядела молитвенная перспектива раскаявшегося убийцы. «Волею убивший, и потом покаявшийся, двадесать лет да будет без причастия святых Тайн. На сии двадесать лет дастся ему следующее распределение: четыре года должен он плакати, стоя вне дверей молитвенного храма, и прося входящих в оный верных, сотворить о нем молитву, исповедуя при том свое преступление. По четырех летах да будет принят в число слушающих Писания, и с ними да исходит в продолжении пяти лет. Седьмь лет с припадающими да молится и да исходит. Четыре лета да стоит токмо с верными, но да не сподобится причастия. По исполнении сих да причастится святых Тайн» (57, 516).

Духовник должен был найти такую форму и меру наказания, которая была бы не слишком легкой, но и не слишком тяжелой для грешника. В первом случае страдал его авторитет как духовного отца, во втором — самолюбие духовного сына. При явном раскаянии грешника — проявлении которого могла быть и щедрая «милостыня» церкви — он имел право смягчить епитимию.

Благословение

Московская знать в целом доброжелательно относилась к Митяю. Но иное дело придворный священник, а иное — митрополит. Хотел ли святитель Алексей благословить Митяя своим наследником на кафедре и если да — то как он выразил это желание? На эти вопросы источники не дают внятного ответа. Очевидно, таким же противоречивым было и настроение святителя. Подобно многим выдающимся духовным и светским правителям, он не заботился о воспитании наследника, прогоняя от себя самую мысль о возможном уходе от власти.

Для укрепления позиций Митяя весьма полезно было убедить московскую элиту в том, что все другие кандидаты на митрополичью кафедру по той или иной причине несостоятельны. Кажется, митрополит Алексей был единомыслен здесь с великим князем. Известный эпизод с возложением на плечи игумена Сергия Радонежского епископских регалий,

если посмотреть на него с точки зрения здравого смысла, выглядит весьма неестественно. Алексей хорошо знал «великого старца» и не сомневался в том, что тот — в свое время едва согласившийся на служение игумена — не примет бремя архиерейской власти. Но всё же по дипломатическим соображениям такое предложение должно было быть сделано. Публичный отказ Сергия пресекал все разговоры о нем как об альтернативе Митяю. Два других претендента — суздальский владыка Дионисий и киевский митрополит Киприан — были чужими для Москвы и потому не имели поддержки столичной знати. Таким образом, круг возможных кандидатур сужался и в центре его оставался один Митяй...

В начале 1376 года Митяй принял монашество. Уже первая редакция «Повести о Митяе» (Рогожский летописец) сообщает, что он сделал это неохотно, «акы нужею» (43, 126). На деле Митяй, конечно, не стал бы публично проявлять свои сожаления в этой ситуации. Перед нами — очередной литературный прием, домысел, имеющий целью подчеркнуть далекий от монашеского аскетизма — а значит, и от архипастырского служения — характер Митяя. На деле Митяй прекрасно понимал, что вступил в крупную политическую игру, где личные эмоции действующих лиц имеют очень мало значения. Владыка Небесный, а вслед за ним и владыки земные — великий князь Дмитрий Иванович и митрополит Алексей — предназначили его к исполнению особой миссии. И он принял это как волю небес...

Постриг состоялся в придворном Спасском монастыре в Московском Кремле. Приняв монашеское имя Михаил, Митяй в тот же день был назначен архимандритом этой обители. Основанный Иваном Калитой в 1330 году Спасский монастырь изначально призван был стать «кузницей кадров» русского епископата. Уже первый его настоятель игумен Иоанн вскоре стал ростовским владыкой.

Князь Дмитрий уговаривал митрополита Алексея благословить Митяя своим наследником. Заметим, что в этом вопросе теория всегда расходилась с практикой. Благословение наследника на кафедре (любого иерархического уровня) было по-житейски естественным, но с канонической точки зрения — незаконным, «ибо несть праведно творити наследников епископства, и собственность Божию даяти в дар человеческому пристрастию» (57, 169).

В отношении святителя Алексея и Митяя вопрос этот дополнительно распадался еще на два. Сама возможность благословения кандидата на митрополию принималась без возражений. Но далее появлялась

альтернатива. «Программа-минимум» состояла в том, чтобы Алексей благословил Митяя на свое место с последующей поездкой в Константинополь на поставление к патриарху. «Программа-максимум» заключалась в благословении Митяя на великорусскую кафедру решением поместного собора русских владык, но без обязательного поставления у патриарха, то есть по сути — в благословении на автокефалию.

Из нарочито туманного изложения этого сюжета в источниках (порождающего различные толкования историков) можно понять, что митрополит Алексей принял «программу-минимум», но отказался от «программы-максимум»: он благословил Митяя своим наследником на кафедре, но с тем условием, чтобы тот отправился на поставление к патриарху.

Призрак автокефалии

Позиция самого великого князя Дмитрия Ивановича по церковному вопросу со временем менялась. Весной и летом 1378 года — в первые месяцы после кончины Алексея — свою главную задачу Дмитрий видел в том, чтобы не допустить в Москву киевского митрополита Киприана. Привыкнув иметь дело с московским патриотом святителем Алексеем, князь не желал видеть на его месте византийского патриота. Однако на стороне Киприана были вековая традиция и авторитет Константинопольского патриархата.

Со свойственной ему размашистой самоуверенностью князь Дмитрий посягнул и на то, и на другое. Публично высказывая нелестные характеристики в адрес патриарха и его ставленника Киприана, московский князь решил вернуться к идее времен Изяслава Мстиславича и Андрея Боголюбского. Эта идея — выборность епископа и митрополита собором местной знати. Источники свидетельствуют о том, что в 80-е годы XII века в Северо-Восточной Руси епископ избирался «людьем» «Суждальской земли» (225, 54). Последним прибежищем этих традиций оставалась церковная жизнь.

Согласно ранней редакции «Повести», инициатива созыва в Москве поместного собора принадлежала Митяю:

«Но еще дотолє преже даже не иде к Царюграду, вѣсхоте поставитися в епископы на Руси. Сице же ему умыслившу, в един от днии беседует Митяи к князю великому, глаголя: почтох книги Намаканон, яже суть правила апостольскаа и отечьскаа, и обретох главизну сицю, яко достоит епископов

5 или 6, сшедшеся да поставят епископа, и ныне да повелит дръжава твоя съ скоростию, елико во всей Русстеи епархия да ся снидут епископи да мя поставят епископа. По повелению же князю собращася епископи...» (43, 126).

В Никоновской летописи тот же сюжет изложен иначе и с важными подробностями. Более точно передано первое правило святых апостолов: «Епископа да поставляют два или три епископа» (57, 29). Однако в этом случае речь идет только о самом таинстве хиротонии. Что касается избрания кандидата на епископский сан, то оно — согласно Четвертому правилу Первого Вселенского собора в Никее — совершается на съезде (соборе) всех епископов данной митрополии и утверждается митрополитом. О последнем условии Митяй по понятной причине умалчивает. Единственным митрополитом, находившимся тогда на Руси, был его соперник Киприан. Цифры 5 или 6, названные Митяем в данном тексте, совпадают с реальным количеством епархий, входивших тогда в состав Великорусской митрополии.

Но самая интересная подробность, содержащаяся в Никоновской редакции «Повести», — желание Митяя получить на соборе поставление не только во епископа, но и в «первосвятителя», то есть митрополита.

«И възхоте ити в Царьград к патриарху на поставление, и паки на ину мысль предложися и нача беседовати к великому князю, глаголя: писано есть в апостольских правилех сице: два или три епископи да поставляют единого епископа; такоже и в отеческих правилех писано есть; и ныне убо да снидутся епископи Руссии 5 или 6, да мя поставят епископа и пръвосвятителя. Услышав же сиа князь великий Дмитрий Иванович и бояре его, и възхоте тако быти; и собращася епископи Руссии...» (42, 37).

Размышляя над приведенным здесь текстом, историк А. В. Карташев заметил: «Трудно понять это известие летописца иначе, как только в том смысле, что Митяй возымел смелую мысль об учреждении независимого от Константинополя поставления русских митрополитов, то есть полной автокефалии русской церкви. Князь и бояре согласились на смелое предприятие, и в Москву вызваны были русские архиереи» (171, 327).

Это мнение разделяют и некоторые современные историки: «Молодой князь Дмитрий Иванович рвался в бой, не оценивая реального соотношения сил. Дмитрий явно готов был пойти на полный разрыв с Константинополем, по крайней мере в его исихастском воплощении... Дмитрий... не слишком разбирался в догматических тонкостях, но он сознательно шел на полный разрыв с Константинополем, добиваясь лишь

благословения Алексия на свое решение. Алексей, конечно, не мог одобрить слишком нетрадиционные действия князя. Он согласился лишь с выдвижением Михаила в качестве кандидата для отправления в Константинополь» (191, 65).

Но многое в этой запутанной истории встанет на место, если допустить, что в действительности было два «митяевских» собора, а не один. Первый состоялся в конце весны — начале лета 1378 года с целью избрать Митяя митрополитом для Великороссии.

На это время указывает здравый смысл. Избрание митрополита затрагивало религиозные чувства и политические интересы не только Москвы. Соответственно, на соборе должны были быть представлены светские и духовные элиты всех земель и княжеств. Организация такого собора требовала нескольких месяцев. Святитель Алексей умер 12 февраля 1378 года. Вычитая время весенней распутицы и делая скидку на медлительность тогдашних средств передвижения, можно думать, что конец весны — начало лета 1378 года и было реальным сроком для открытия собора.

На соборе помимо Митяя могли быть — а если вспомнить принцип жеребьевки трех кандидатов, то и должны были быть — названы и другие соискатели митрополичьего белого клобука. В частности, как своего рода компромиссная фигура в споре претендентов от сильнейших княжеств могла быть названа и кандидатура «киево-литовского» митрополита — Киприана.

Но всё обошлось благополучно для Митяя. Собор поддержал его кандидатуру. Однако неясно, какой именно статус получил Митяй от собора? Как минимум он мог быть признан кандидатом на Великорусскую митрополию, которому следует получить хиротонию от патриарха. Как максимум он мог быть утвержден в качестве главы автокефальной Великорусской митрополии.

Отдельной строкой выделим вопрос о поставлении Митяя в сан епископа. Судя по всему, этот вопрос был озвучен только на втором «митяевском» соборе — весной 1379 года.

Белый клобук

Как бы там ни было, названный митрополит (или глава автокефальной Великорусской церкви) обосновался на митрополичьем дворе, распоряжаясь делами и людьми как полноправный хозяин. Он облачился в

митрополичьи одеяния — белый клобук и белую мантию с символическими знаками духовной власти и благодати — «источниками» и «скрижалями». Слуги несли за ним атрибут митрополичьего достоинства — пастырский посох. На груди его сверкала золотая цепь с подвешенной на ней великокняжеской печатью. «И просто рещи въ весь сан митрополичь сам ся постави», — с осуждением замечает враждебный фавориту автор «Повести о Митяе». Однако историки не склонны верить этим сетованиям и полагают, что Митяй уже имел полное право вести себя таким образом. И право это он получил с момента кончины святителя Алексея...

Князь Дмитрий еще при жизни святителя посылал в Константинополь посольство с просьбой по кончине Алексея поставить на его место Митяя. Это была своего рода «бронь», имевшая целью пресечь интриги Киприана. Патриарх Макарий согласился с этим и тотчас после получения вести о смерти Алексея послал в Москву грамоту, в которой признавал Митяя нареченным митрополитом и приглашал его прибыть в Царьград для посвящения (124, 239).

(Заметим, что патриарх Макарий был врагом и соперником патриарха Филофея — патрона митрополита Киприана. Уже по одному этому он не хотел отстаивать права Киприана на Киев и Москву. Но дело было, конечно, не только в личных отношениях. Греки готовы были поставить на великорусскую кафедру московского кандидата, не желая ссориться с могущественным московским князем и подталкивать его к полному разрыву с патриархией.)

Итак, Митяя ждали в патриархии. Но летом 1378 года он не собирался никуда ехать. «Розмирие» с Мамаем не прекратилось. В степях собиралась гроза, вскоре гроыхнувшая битвой на реке Воже (11 августа 1378 года). Опасное и разорительное путешествие в Константинополь казалось делом излишним. Всё шло к новому порядку церковных отношений: при избрании митрополита для Великороссии обходиться без санкции Константинополя или же ограничиваться письменным благословением патриарха...

Время Киприана

Настроение в пользу автокефалии возникло в Москве еще при митрополите Алексее. К этому склонял и раскол митрополии Киевской и всея Руси на две (не считая Галицкой митрополии) самостоятельные части — западнорусскую и великорусскую. Этот раскол фактически произошел

уже в 60-е годы XIV века, когда митрополит Алексей, в политических вопросах открыто ставший на сторону Москвы, стал «персоной нон грата» во владениях литовских Гедиминовичей.

Как мы уже знаем, обеспокоенный этими тенденциями, константинопольский патриарх Филофей отправил в Литву своего придворного клирика монаха Киприана (270, 25). Болгарин по происхождению, Киприан общался с русскими без переводчика. Имея большой опыт монашеской жизни на Афоне, он мог на равных беседовать со светилами русского монашества. Полагают, что он был приверженцем исихазма — мистического течения, распространенного в это время среди византийского монашества. Историческое значение исихазма и степень его распространенности на Руси по-разному оцениваются исследователями (359, 60).

«Недостаточно родиться великим человеком, необходимо родиться вовремя», — говорил французский историк Минье. Эти слова применимы и к удивительной судьбе митрополита Киприана (1375–1406). Его разнообразные дарования, его энергия и воля оказались востребованными в эпоху перемен. Смиренного афонского монаха ожидала слава одного из самых выдающихся церковно-политических деятелей Восточной Европы последней четверти XIV века...

Из Литвы Киприан поехал в Северо-Восточную Русь, где весной 1374 года он вместе с митрополитом Алексеем посетил Тверь и участвовал в поставлении нового тверского владыки Евфимия. Оттуда патриарший посол вместе со святителем отправились в Переяславль Залесский, где, вероятно, имели встречу с Дмитрием Московским.

В этих переговорах византийского дипломата с главными лицами тогдашней Великороссии нередко вспоминали историю. Точнее — некоторые ее эпизоды, приобретающие силу исторического примера. Болгарская православная церковь получила автономию в 870 году, в 919 году добилась автокефалии, а в 927 году стала патриархатом. Сербская православная церковь стала автокефальной в 1219 году, а в 1346 году установила патриаршество. Для Константинопольского патриархата потеря огромной Русской митрополии была бы еще одним тяжелым ударом.

Моральные качества Киприана соответствовали практике византийской дипломатии времен заката империи. Иначе говоря, его моральная гибкость была адекватна гибкости политической. С юности он усвоил себе «широкий космополитический взгляд на мир» (249, 530). Ревнитель «православного Возрождения» и ученик афонских «старцев», он в качестве главы Русской церкви в 90-е годы XIV века обговаривал с

польским королем Ягайло план воссоединения Византийской и Латинской церковей (249, 542).

Но при всем том Киприан был человеком идеи. Он чувствовал себя призванным к великим делам. «Этот человек, — говорит современный исследователь, — прилагал все усилия, чтобы противостоять восточноевропейскому сепаратизму и национализму, завоевать Византии друзей в трудный для нее час и объединить православные славянские народы через вовлечение их в лоно Константинопольской матери-церкви» (249, 527).

Позиция Киприана, обусловленная как его происхождением, так и его положением, была ясной и последовательной, чего нельзя сказать о настроениях московской правящей элиты. Здесь споры шли относительно двух перспектив: создания Великорусского государства с центром в Москве — или объединение всех восточных славян в рамках возрожденной Киевской Руси, но с центром в Москве или Вильно. Первая перспектива подразумевала церковную самостоятельность Великороссии, то есть фактически — церковный раскол; вторая — сохранение единой Русской митрополии на пространствах от Волги до Карпат.

Каждая из этих перспектив имела свои «плюсы» и «минусы».

Все понимали, что идеальный для Москвы вариант — единая Русская митрополия с центром в Москве и с московским ставленником во главе — на данном этапе практически не осуществим. История отношений митрополита Алексея с Ольгердом не оставляла никаких иллюзий. Хрупкое единство Русской митрополии могло существовать только под омофором ловкого и политически нейтрального архиерея из Византии.

Аргументы сторонников самостоятельной Великорусской митрополии (Митяй и его окружение, Пимен) сводились к одному предположению. Отмежевываясь от западнорусских земель в религиозной сфере, Москва обеспечивала себе мирные отношения с Великим княжеством Литовским, а стало быть, и более благоприятные условия для объединения Северо-Восточной Руси и борьбы с Ордой. Это был своего рода «Брестский мир», позволявший сосредоточить все силы на решении внутренних проблем.

Однако известно, какой сильный протест вызвал прагматический Брестский мир у доброй половины тогдашнего политического руководства. Нечто подобное происходило в Московском Кремле и в 70-е годы XIV столетия.

Аргументы сторонников единой Русской митрополии (митрополит Киприан, Сергей Радонежский и его окружение) в изложении современных историков выглядят следующим образом. «Возникшая опасность церковно-

административного разделения Руси в исторической перспективе могла привести к национальному обособлению не подвластных Москве русских земель. Стремление великокняжеского двора создать Московское государство с отдельной Московской митрополией вело фактически к утрате религиозного, политического и культурного влияния Москвы на русское население земель, захваченных Литвой и Польшей, что грозило опасными геополитическими последствиями в будущем» (258, 54).

Какую позицию занимал в этом споре князь Дмитрий Иванович? Судя по всему, он менял свои взгляды в соответствии с изменявшейся политической конъюнктурой и расстановкой сил придворных партий. Но и по сути своей его позиция в этом вопросе отличалась двойственностью. Как практический политик, занятый решением текущих проблем, он предпочел бы иметь под рукой всецело преданного ему московского митрополита. Но как политик, обладавший стратегическим мышлением, он понимал обоснованность взглядов Сергия Радонежского и его школы. Идея единого русско-литовского государства со столицей в Москве — над воплощением которой работали потом несколько поколений российских правителей — кружила ему голову, манила своей смелостью. Долго не желая признать права митрополита Киприана, он между тем позаимствовал у него многозначительную титулатуру. Киприан носил титул «митрополит всея Руси», и Дмитрий стал писать на своих печатях «великий князь всея Руси» (305, 149). Такое заимствование митрополит мог только приветствовать. Исследователи отмечают, что прославление Дмитрия как «русского царя» встречается «в писаниях и документах, связанных так или иначе с Киприаном» (327, 57).

Византийский интеллектual и мистик, Киприан на Руси выступал как писатель и переводчик. Его перу принадлежат вторая редакция Жития митрополита Петра и публицистические послания Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому. Под его надзором — а может быть, и при его прямом участии — велась общерусская летопись. Он написал ряд посланий по церковно-правовым вопросам. Всё это делает Киприана своего рода «культурным героем» эпохи.

Однако увлекаясь обаянием его даровитой личности, исследователи (в первую очередь — филологи, литературоведы) порой теряют историческую объективность и начинают рассматривать людей и события тех лет исходя из политических и карьерных интересов Киприана. Так возникают карикатуры на лиц, не менее достойных уважения, чем сам Киприан. Вот яркий пример такого рода субъективизма.

«12 февраля 1378 года умирает митрополит Московский Алексий, и казалось бы, митрополитом должен был стать именно Киприан. Но здесь Димитрий, не желавший принимать митрополита литвина, в полной мере проявил своеволие и недальновидность, серьезно скомпрометировав и церковную иерархию, в дела которой он грубо вмешался (шесть веков спустя Русская Церковь канонизирует князя Димитрия Донского и тем самым внесет соблазн в ум и чувства верующих). Избранником и любимцем Димитрия стал некто Митяй (в иночестве Михаил), одна из темных, авантюристических и одиозных фигур в истории Русской Церкви» (322, 495).

Историю взлета и падения Митяя, смысл которой мы до конца не понимаем, но которая, безусловно, была ярким, хотя и неудавшимся проектом, — исследователь безапелляционно характеризует как «недостойную, более того, скандальную авантюру» (322, 505).

Вернувшись в Литву, Киприан написал отчет о поездке в Северо-Восточную Русь, где убеждал патриарха в решимости москвичей иметь собственную митрополию и необходимости сохранять с ними добрые отношения во избежание полного разрыва этой Великорусской митрополии с Константинополем.

В Литве Киприан хмуро отозвался о Москве и митрополите Алексее, выставив себя перед местными князьями литовским патриотом, сторонником самостоятельной Литовской православной митрополии. Восхищенные его красноречием, они написали послание патриарху, в котором просили поставить на вакантную тогда литовскую (киевскую) кафедру не кого иного, как самого Киприана.

Подготовив таким образом патриарха Филофея к определенному «организационному выводу», Киприан отбыл из Литвы в Византию. Его расчет оказался совершенно правильным. 2 декабря 1375 года Киприан был поставлен «в митрополита киевского, русского и литовского», с тем условием, что после кончины Алексея он примет под свою власть и все епархии Великороссии...

Зимнее путешествие из Константинополя в Киев представляло много затруднений. Новопоставленному митрополиту спешить было особенно не за чем, и он отправился в путь морским путем весной 1376 года. 9 июня Киприан прибыл в Киев и совершил свою первую литургию в Софийском соборе уже в качестве митрополита. Погрузившись в дела давно осиротевшей Литовской митрополии, он ни на миг не забывал о своей главной цели — Москве...

Весной 1376 года в Москву приехали два патриарших посла — Георгий Пердика и Иоанн Докиан (270, 48). Вероятно, от них-то москвичи и узнали о поставлении Киприана на киевскую кафедру патриархом Филофеем и о его правах на московскую кафедру в случае кончины митрополита Алексея.

Москвичи были возмущены этими известиями и стали во всеуслышание бранить византийского императора и патриарха Филофея, называя их «литвинами», то есть продавшимися Литве (270, 201). По-видимому, тогда же князь Дмитрий Иванович распорядился удалить из числа поминаемых при богослужении («великой ектенье») лиц имя византийского «царя».

Однако всё это были лишь эмоции (вероятно, подогретенные властью), которые в политике играют декоративную роль. Известно, что реальная политика делается не на сцене, а за кулисами. Москвичи возмущались «обидой», нанесенной греками старому митрополиту Алексею. Но князь Дмитрий Иванович (да и сам святитель, вероятно, разделявший планы великого князя), в сущности, могли только радоваться такому повороту дел. Сомнительное с канонической (не говоря уже об этической) точки зрения поставление Киприана на кафедру, занятую другим архиереем, давало хороший повод для разрыва церковных связей с патриархатом и провозглашения автокефалии. Но это был, конечно, только повод. Причины, склонявшие русскую правящую элиту к идее автокефалии, были вполне рациональными. И здесь как обычно на первом плане был финансовый вопрос.

Историческая реконструкция любого крупного события русского Средневековья не может быть полной без привлечения трудов первого русского историка В. Н. Татищева (1689–1750). Известно, что он имел в своем распоряжении источники, не сохранившиеся до наших дней. При этом Татищев считал возможным пополнять «Историю Российскую» собственными вставками и комментариями, обоснованность которых остается загадкой. Татищев отводит несколько страниц «смуте в митрополии». Пересказывая «Повесть о Митяе» по тексту Никоновской летописи, историк не только сокращает и редактирует текст, но и делает вставки. Сообщая об отказе Митяя ехать на поставление в Константинополь, Татищев дает краткое пояснение мотивов этого решения: «...да извергнут протори (расходы. — Н. Б.) пути» (71, 132). Этой фразы нет в Никоновской летописи. Но каким бы ни было ее происхождение, она верно отражает суть вопроса. Великие дела и замыслы князя Дмитрия далеко превосходили возможности московской казны...

Итак, летом 1378 года возмущенная произволом патриархии Москва была как никогда близка к провозглашению автокефалии. Но такое расположение умов сохранялось недолго. Победа на реке Воже 11 августа 1378 года сильно повлияла на настроения московских правителей. С одной стороны, Дмитрий почувствовал свою силу, впервые разгромив татар в большом полевом сражении. С другой стороны, битва на Воже неизбежно должна была повлечь за собой карательную экспедицию всеми силами Мамаевой Орды. Нетрудно было догадаться, что ордынцы, убедившись в высоком боевом потенциале Москвы, будут искать союза с Литвой. Помешать этому губительному для Москвы союзу можно было двумя способами: налаживая добрососедские отношения с великим князем Литовским Ягайло — и вместе с тем показывая литовцам свою мощь и свои возможности пошатнуть литовский трон.

Со своей стороны князь Ягайло, занятый укреплением своей власти и поиском стратегических перспектив, избегал военных конфликтов как с Москвой, так и с Ордой. Он был открыт для переговоров. Но для развития московско-литовских отношений нужен был опытный и нейтральный посредник. На эту роль как нельзя лучше подходил митрополит Киприан. Сотрудничество с ним могло принести Москве гораздо больше пользы, чем упрямое продвижение Митяя. И первым, кто понял это и с самого начала мужественно отстаивал свою точку зрения, был «великий старец» игумен Сергей Радонежский.

Глава 22

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СКАЗАЛ «НЕТ»

Был человек, посланный от Бога...

Ин. 1,6

Вторая половина XIV века была для Руси эпохой великих людей, способных выдвигать смелые идеи и говорить «нет» обветшавшим парадигмам. Одной из таких идей стала «монастырская реформа», у истоков которой стояли митрополит Алексей и Сергей Радонежский.

Стремясь направить в нужное русло мощный всплеск покаянных настроений, вызванных эпидемией чумы, митрополит Алексей еще в 50-е годы XIV века приступил к созданию по всей Северо-Восточной Руси сети *общежительных* монастырей (*киновий*), которые, в отличие от *особножительных*, были бы не богадельней или местом отдыха уставших от жизни бояр и князей, а энергичными, экономически самостоятельными общинами монахов-тружеников. Опираясь на эти монастыри, разворачивалась крестьянская колонизация «русской Фиваиды» — прежде безлюдных лесных пространств Заволжья.

Первым устроителем «общего жития» в русских монастырях был еще преподобный Феодосий Печерский (ок. 1036–1074). Взяв за основу устав Студийского монастыря в Константинополе, он настойчиво внедрял его нормы в своей Печерской обители. Однако строгие правила «общего жития» плохо приживались на русской почве. В XII и XIII веках подавляющее большинство монастырей придерживалось «особного жития», при котором каждый инок жил в соответствии со своими привычками и средствами. Их объединяло только общее богослужение в храме.

Своего рода «опытным полигоном» для создания монастырей нового типа стали северные районы Московского княжества. Здесь в середине XIV века выступила первая когорта основателей лесных монастырей — суровых «старцев», искавших внешнего и внутреннего «безмолвия». Вся их жизнь была подобна маятнику между мечтой «спасти свою душу» и потребностью спасти душу ближнего. Отсюда, из северного Подмосковья, они подобно апостолам разошлись по всей «русской Фиваиде».

Отшельник из Радонежа

Среди основателей общежительных монастырей первым по известности был Сергей, игумен Троицкого монастыря. Его обитель находилась на холме Маковце, между двумя лесными речками — Кончурой и Вондюгой. До ближайшего населенного пункта, села Радонеж, в котором прошла юность Сергея, было не менее 15 верст. Отец Сергея и двух его братьев, Стефана и Петра, боярин Кирилл, переселился в Радонеж из Ростовского княжества в 20-е годы XIV века. По-видимому, он имел родственные связи с московской знатью.

Брат Сергея Стефан долгое время жил в московском Богоявленском монастыре, ктиторами которого были бояре Вельяминовы. Он был дружен с иеромонахом Алексеем, будущим митрополитом. Сам великий князь Семен Иванович покровительствовал Стефану. По его просьбе митрополит Феогност посвятил Стефана в сан священника. Со временем он стал «духовным отцом» (исповедником) самого князя Семена и многих московских бояр.

В Москве не забыли и другого выходца из Радонежа — младшего брата Стефана — Сергея. Его подвижническая жизнь в сочетании с глубоким пониманием людей и личным бескорыстием ставила Сергея на одно из первых мест в тогдашнем монашеском мире. Ему доверяли не только тайны исповеди, но и политические миссии. В 60-е годы XIV века он покидает свою монашескую келью на Маковце и выполняет ряд сложных дипломатических поручений московского князя и митрополита.

Стиль его поведения один современник определил как «простота без пестроты». Этот странный посол являлся в княжеские терема покрытый дорожной пылью, в старой заштопанной рясе. Своей тихой речью и неотступным взглядом прозрачно-синих глаз он приводил в смущение самых дерзких и своевольных князей. За ним стояла не только московская боевая сила, не только авторитет митрополита и угроза отлучения от церкви, но и еще что-то неведомое, нездешнее, чего князья не понимали и потому боялись более всего. Рассказывали, что Сергию в церкви прислуживают ангелы, что ему послушны животные и птицы, что одним своим словом он может воскресить мертвого и убить живого.

В отличие от большинства тогдашних «князей церкви» знаменитый подвижник был прост и доступен. Речь его была приветлива и полна евангельской простоты. В своем монастыре он требовал от братии не только постов и молитв, но также постоянного физического труда. У самого

Сергия с рук не сходили мозоли от топора и лопаты.

Таков был человек, которому престарелый Алексей незадолго до смерти предлагал митрополичью кафедру. Впрочем, как мы уже говорили, это был своего рода политический театр. Митрополит прекрасно знал Сергия и не сомневался в его отказе. Но только формальным образом получив этот отказ, он мог обратиться к другим кандидатам.

Отстранив предложенный ему митрополичий белый клобук, Сергей в то же время сохранил интерес ко всему происходящему в Русской церкви. Он чувствовал свою личную ответственность перед Богом за судьбу Руси и православной веры. Парадокс личности Сергия состоял в гармоническом соединении противоположностей. Отшельник по образу жизни и мистик по душевному складу, троицкий игумен становится одним из главных действующих лиц полной драматизма политической истории Руси в эпоху Куликовской битвы...

Избегая прямого вмешательства в церковно-политические споры, Сергей в то же время имел свой взгляд на происходящее и смело его высказывал. Так, он твердо придерживался канонической точки зрения и считал недопустимым благословение Митяя митрополитом Алексеем в качестве наследника на кафедре (42, 38). Открыто высказывая это убеждение, он вызвал неприязнь не только Митяя, но, возможно, и самого святителя Алексея. Оба они, разумеется, знали каноническое право не хуже Сергия, но рассматривали вопрос не с канонической, а с политической точки зрения.

Наблюдая за стремительным восхождением Митяя, Сергей, вероятно, не раз задумчиво качал головой и говорил то, что часто говорят в адрес слишком самонадеянных людей: «Эх, парень, не сносить тебе головы!» И когда Митяй действительно погиб при загадочных обстоятельствах, ученики преподобного вспомнили слова своего учителя и истолковали их как сбывшееся грозное пророчество.

«Сильные мира сего» чтили и слушались Сергия Радонежского еще и потому, что за ним стояла своего рода «Сергиевская школа». Во все времена выдающиеся личности окружены последователями и почитателями. Ближайшими учениками Сергия были игумены подмосковных общежительных монастырей: Афанасий (Высоцкий монастырь близ Серпухова), Федор, племянник Сергия (Симоновский монастырь на южной окраине Москвы), Иван (Высокопетровский монастырь на северной окраине Москвы), Андроник (Спасский монастырь на реке Яузе). У «великого старца» имелись единомышленники и в других княжествах. Его незримое присутствие, его благотворное воздействие

ощущаются во многих важных событиях той эпохи.

Забывтый собор

В старом русском языке существовало устойчивое выражение — взять город или разгромить противника «изгоном», то есть стремительной атакой, внезапным налетом. Это выражение вполне применимо к той акции, которую предпринял митрополит Киприан в июне 1378 года. Но прежде — об истоках этого смелого предприятия.

После смерти митрополита Алексея Киприан, сидевший тогда в Киеве, согласно постановлению патриарха Филофея должен был стать во главе всей Русской митрополии. Однако он хорошо знал, что на месте Алексея князь Дмитрий Иванович желает видеть Митяя.

Ситуация требовала решительных действий. Собственное положение Киприана как главы «литовской» части Русской митрополии со смертью Ольгерда (май 1377 года) и началом усобиц между его наследниками оказалось крайне неустойчивым. Плохие вести приходили и от его доброхотов в Константинополе. Там кипела политическая борьба, причем смена императора обычно влекла за собой и смену патриарха. Покровитель и учитель Киприана патриарх Филофей еще в 1376 году был вновь сведен с престола. Новый патриарх Макарий относился к Киприану явно враждебно. Он готов был пойти навстречу московским пожеланиям и возвести на Великорусскую и даже общерусскую митрополию Митяя. Обмен посольствами и грамотами по этому вопросу показал близость позиций. Спор заключался лишь в цене вопроса. Доходившие из Москвы слухи об «автокефальных» настроениях князя Дмитрия Московского и его фаворита Митяя заставляли Константинополь быть более уступчивым в отношениях с Москвой.

Оказавшись в политической изоляции, Киприан и предпринял свой дерзкий «изгон» на Москву.

На первый взгляд это было абсолютно безрассудное предприятие. За несколько месяцев, прошедших после кончины Алексея, до Киева дошли, конечно, вести о твердой решимости великого князя видеть Митяя во главе автокефальной Великорусской церкви. Таким образом, ни на княжеском, ни на митрополичьем дворе Киприана никто не ждал. Он имел основания надеяться на поддержку со стороны Сергия Радонежского и Феодора Симоновского, с которыми состоял в переписке. Однако одно дело переписка, а другое — реальная власть. Трудно представить себе теплый

прием Киприана — отвергнутого великим князем и осужденного народной молвой как «литвина» — в каком-либо из московских монастырей.

Вся деятельность Киприана свидетельствует о том, что это был смелый, но отнюдь не безрассудный политик. Он тщательно просчитывал последствия своих поступков и был вполне рационален в составлении планов. Так было и в этом случае. В логической цепи исторической реконструкции недостает одного звена — какого-то события в Москве, участником которого очень хотел быть Киприан.

Таким событием, по нашему мнению, был поместный собор, созванный для утверждения Митяя в качестве автокефального митрополита, главы Великорусской церкви. В летописной «Повести о Митяе» два собора (июнь 1378-го и весна 1379 года) оказались слиты в один.

Какие аргументы можно привести в пользу предположения о том, что в июне 1378 года в Москве состоялся церковный собор? Прежде всего, это логика событий. После кончины митрополита Алексея иерархам необходимо было собраться для обсуждения ситуации и утверждения кандидатуры нового митрополита. Откладывать это собрание на неопределенный срок не имело никакого смысла. Святитель скончался 12 февраля 1378 года. В течение сорока дней после смерти принято было соблюдать траур и не вести речь о дальнейших делах. В конце марта начиналась весенняя распутица, затруднявшая поездку епископов в Москву. Дороги просохли и стали проезжими в мае. Именно тогда, в конце мая или начале июня, и можно было собрать архиереев в Москве.

В те времена важные события в общественной жизни приурочивали к главным церковным праздникам. Не было исключением и поместный собор. Его открытие уместно было приурочить к празднику Троицы, который в 1378 году пришелся на 6 июня. Примечательно, что именно к этому дню Киприан и хотел оказаться в Москве. Отправленное им из Любутска письмо Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому датировано 3 июня. По меркам той эпохи расстояние от Любутска до Москвы — около 120 километров — небольшой отряд всадников мог преодолеть за три дня пути.

Почему ни один источник прямо не сообщает об этом соборе? Причина проста. Практически все источники информации по «делу Митяя» прошли через руки (или через канцелярию) митрополита Киприана. В его концепцию событий этот собор мог войти только как незаконный, возвысивший Митяя и благословивший раскол митрополии и установление автокефалии. Но участниками этого незаконного собора были все те

иерархи и светские лица, с которыми Киприан — принятый в Москве в качестве общерусского митрополита в начале 1380 года — должен был сотрудничать. Естественно, он не хотел представлять их в своем летописании в качестве антигероев. Фигура умолчания была здесь как нельзя более уместна. Мастер церковно-политической публицистики, Киприан прекрасно знал, как представить желаемое на бумаге.

Итак, Киприану очень важно было к Троицыну дню явиться на собор, посвященный выборам наследника митрополита Алексея. Вероятно, он надеялся найти там поддержку тех епископов, которые тяготились произволом московского митрополита.

В это время на кафедрах Великороссии сидели следующие лица: архиепископ Алексей Новгородский и Псковский, епископы Дионисий Суздальский, Нижегородский и Городецкий, Герасим Коломенский, Арсений Ростовский, Афанасий Рязанский, Матфей Сарайский, Даниил Смоленский, Евфимий Тверской. Возможно присутствие епископа Черниговского и Брянского Григория. Собственно митрополичья епархия, формальной столицей которой был Владимир, а фактической — Москва, с кончиной митрополита Алексея оставалась в управлении наместника, которым и был Митяй.

Киприан рассчитывал не только на свое красноречие. Он знал, что далеко не все архиереи поддерживают московскую идею автокефалии. Наконец, помимо антимосковских настроений и разного рода политических соображений, имелся и своего рода «психологический барьер». При всех инвективах в адрес греков, при всём отвращении к нравам патриархии русские всё же склоняли голову перед культурно-историческим величием Византии. Они всегда помнили, что их православная вера есть лишь ответвление могучего дерева восточного христианства.

«Нигде за пределами империи благоговение перед Константинополем не переживалось столь глубоко и широко, как на Руси. Нигде, кроме сочинений русских странников, посетивших его в позднее Средневековье, не обнаруживалось с такой трогательностью убеждение в том, что этот город является источником истинной веры», — пишет современный исследователь (249, 284).

Религиозные чувства следовало подкрепить политической выгодой. Можно полагать, что Киприан имел какие-то предложения для Москвы в области церковно-политических отношений. Вероятно, не обошлось и без «секретной дипломатии» — частных поручений от литовских князей к Дмитрию Московскому. Словом, поход Киприана на Москву был смелой,

но далеко не авантюрной акцией. На руках у литовского митрополита, безусловно, имелись сильные козыри. Но для успеха ему нужно было прежде всего лично явиться на собор. Это соборное присутствие давало ему и определенные гарантии личной безопасности. Все знали каноническое правило: светский правитель, осмелившийся взять под стражу епископа, отлучается от церкви.

Серпухов: особое мнение

Московская разведка и сторожевая служба знали свое дело. Дмитрия заранее уведомили о походе Киприана. Желая избежать скандала в Москве, князь приказал не допустить святителя в столицу. По дорогам были выставлены крепкие заставы. Если верить Киприану, излагавшему эту историю в одном из своих посланий, московские воеводы имели приказ действовать по обстоятельствам и в случае необходимости даже убить митрополита. Послы Сергия, направленные для его встречи, по приказу князя были задержаны.

Но Киприан верил в успех. Узнав от своих доброхотов о княжеских заставах, он «иным путем пройдох» и всё же въехал в Москву (270, 196). Судя по всему, этот «иной путь» проходил через Серпухов. Правивший там удельный князь Владимир Андреевич Серпуховской был женат на дочери Ольгерда и хорошо знал литовские дела. Возможно, он был лично знаком с Киприаном и покровительствовал ему. Во всяком случае, духовный отец Владимира Серпуховского игумен Афанасий Высоцкий — ученик преподобного Сергия Радонежского — был близок с Киприаном, состоял с ним в переписке, а после второго изгнания митрополита из Москвы (в 1382 году) последовал за ним в Константинополь и поселился там в одном из столичных монастырей.

Московские воеводы не имели права действовать на территории удельного княжества. Здесь Киприан мог чувствовать себя в безопасности.

В этом отношении примечательна хронология его московского анабазиса. 3 июня 1378 года Киприан пишет Сергию из Любутска по пути в Москву. А 23 июня он опять в Любутске и опять пишет Сергию — но уже на пути обратно в Киев. Положим по три дня на путь от Любутска до Москвы и обратно, прибавим еще пару дней на задержки в пути — получим восемь дней чистой дороги. В остатке — 12 дней. Но Киприан не мог все эти 12 дней провести в Москве. Князь Дмитрий стремился как можно скорее выпроводить незваного гостя. В Москве Киприан был не

более двух-трех дней. Где же он провел остальные? Понятно, что не в лесу у походного костра. Единственное место, где он мог провести это время, — двор серпуховского князя Владимира Андреевича. При его же поддержке Киприан, миновав московских воевод, добрался до Москвы. Московские заставы просто не посмели бы остановить иерарха, едущего в сопровождении серпуховского князя.

Раскрывать все эти подробности своего путешествия в послании Сергию и Феодору Киприану не было никакого смысла. Во-первых, игумены и сами всё прекрасно знали. А во-вторых, послание было предназначено для прочтения и слушания широким кругом лиц. Соответственно, им следовало знать только то, что отвечало их разумению.

Ночной позор

Раздосадованный неудачей предпринятых им мер, а более — действиями Владимира Серпуховского, Дмитрий приказал арестовать самовольно явившегося в Москву «литовского» митрополита и его свиту. Но доводить дело до публичного скандала — а может быть, до ссоры с Владимиром Серпуховским — он по-прежнему не хотел. Короткой июньской ночью Киприан и его свита были вывезены из Москвы, а затем отконвоированы к литовской границе. Конечно, событие, в котором участвовали десятки человек, не могло долго оставаться тайной. Москва наполнилась слухами об очередной княжеской выходке. Но официальные «средства массовой информации» той эпохи — московские летописи — хранят полное молчание о приезде «литовского» митрополита.

Исторический портрет Дмитрия Московского требует всех красок палитры. А потому отметим печальный факт: князь не отказал себе в удовольствии сорвать досаду издевательством над беспомощным пленником. Киприан в послании Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому весьма откровенно описывал произошедшее:

«Он же пристави надо мною мучителя, проклятого Никифора. И которое зло остави, еже не сдея надо мною! Хулы, и надругания, и насмехания, грабления, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго. И от тоя ночи студени и нынеча стражу. Слуги же моя — над многими злыми, что над ними издеали, отпуская их на клячах хлибивых без седел во обротех (недоуздок, узда без удил. — *Н. Б.*) лычных, — из города вывели ограбленных и до сорочки, и до ножев (вид обуви. — *Н. Б.*), и до ногавиць (чулки. — *Н. Б.*), и сапогов и киверов не оставили на них!» (270, 196).

Итак, Киприан был не только выслан из Москвы, но и грубым образом унижен. А между тем это был поставленный патриархом митрополит Киевский и всея Руси. Его проклятия и отлучения могли неожиданным образом исполниться...

Но Дмитрий Московский, кажется, совсем не смущался этой стороной дела. Он не боялся проклятий иерархов — всю подноготную которых слишком хорошо знал — и выстраивал собственную линию общения с силами небесными.

И всё же издевательства над киевским митрополитом были неуместны не только с этической, но и с политической точки зрения. После такого приема восстановить добрые отношения с оскорбленным иерархом Дмитрию было бы крайне сложно. Уже достаточно искушенный в политике 27-летний московский князь должен был понимать, что расстановка сил быстро меняется, враги имеют способность превращаться в союзников и наоборот. Он должен был знать, что политик (как и полководец) всегда оставляет себе поле для маневра, предвидя возможность отступления. Но Дмитрий был своеобразный политик. Он действовал по первому порыву эмоций. В этом были его сила и его слабость. Безрассудство было проявлением его харизмы, его удачи. За эту непредсказуемость его любили в темном народе.

И судьба до поры до времени прощала своему любимцу безрассудство и своеволие...

Однако общую стратегию московской политики определял не только князь, и может быть не столько князь, сколько вся правящая элита, точнее — ее «сливки», которые со временем получают название Боярской думы. Этому сообществу в молодости не чужды были эмоциональные всплески и героические экспромты. Но с годами здесь смотрели на события с точки зрения холодного опыта, осторожности и здравого смысла. И могли твердо поставить предел причудам князя...

Хорошо забытое старое

В соответствии с быстро меняющейся политической обстановкой уже осенью 1378 года возникла необходимость отказаться от первоначального «митяевского проекта». В долгих совещаниях московской знати родился новый поворот церковно-политической интриги. В сущности, это было «хорошо забытое старое». Следовало вернуться к «заветам мудрой старины». В свое время владимирский епископ Алексей отправился с

большим московским посольством в патриархию и, несмотря на происки «литовского» митрополита Романа, получил под свою власть почти все (кроме Галицкой) епархии митрополии Киевской и всея Руси. Ослабление Литвы после кончины Ольгерда и усиление Москвы после битвы на Воже позволяли вновь вернуться на этот перспективный путь. От идеи автокефалии Великорусской митрополии следовало перейти к стратегически более значимой программе — единой митрополии Киевской и всея Руси во главе с московским ставленником Митяем.

Но при таком устремлении власть Митяя как главы единой митрополии Киевской и всея Руси следовало подкрепить авторитетом константинопольского патриарха. Патриарх же мог поставить Митяя только при условии его личной явки в Константинополь и уплаты им весьма крупных сумм как в официальном, так и в неофициальном порядке.

Москва не хотела брать на себя все расходы и настаивала на общерусском характере данного проекта. Платить за поставление Митяя должны были все епархии. Такой подход, естественно, вызвал ропот среди иерархов. Достичь компромисса в этом вопросе можно было только на соборе. Этот второй «митяевский» собор и состоялся в Москве менее чем через год после первого собора — весной 1379 года...

Суздальский мятежник

В «деле Митяя» важную, хотя и не вполне понятную роль играет суздальский владыка Дионисий. Полагают, что этот иерарх по образу мыслей был близок Сергию Радонежскому. Его биография мало известна. Считается, что он был постриженником Киево-Печерского монастыря. Однако это мнение не имеет прочных оснований (103, 32).

В середине XIV века Дионисий основал Печерский монастырь в Нижнем Новгороде. Как и Сергей, он стремился к обновлению русского монашества, к распространению общежительных монастырей. В своей обители Дионисий воспитал нескольких видных подвижников, среди которых наиболее известным был «старец» Евфиадий — основатель Спасо-Евфимиева монастыря, огромные стены и башни которого и доньше служат главной достопримечательностью Суздаля.

Нижегородские книжники не жалели хвалебных эпитетов в адрес Дионисия.

Разумеется, не следует путать икону с портретом. В жизни Дионисий далеко не всегда был тихим и смиренным. Скорее напротив: это был один

из самых беспокойных русских владык своего времени. Прибыв в Москву на собор, созданный для поставления Митяя в епископы, а также для сбора средств на его поездку в Константинополь, Дионисий привез с собой настроения Нижнего Новгорода и Суздаля. Там вовсе не желали превращения митрополичьей кафедры в послушный инструмент московской политики. Местные князья, хорошо помнившие митрополичий интердикт 1365 года, понимали, чем грозит им такое развитие церковных отношений.

В «Повести о Митяе» линия Дионисия Суздальского является побочной, но необходимой с литературной точки зрения. Он нужен для обличения гордыни и самодовольства Митяя. Но с точки зрения здравого смысла поведение суздальского владыки выглядит более чем странным. Складывается впечатление, что он явился на собор только для того, чтобы обличить Митяя как узурпатора и временщика. Крутой разговор Дионисия с Митяем, вероятно, носит чисто литературный характер. В таком театральном стиле выступают герои византийской агиографии — Отцы Церкви, яростно обличавшие еретиков.

Согласно «Повести», Дионисий, прибыв на собор, сразу повел себя вызывающе. Он демонстративно выказал пренебрежение к Митяю, не явившись к нему с поздравлениями по случаю фактического прихода к власти. При встрече между епископом и нареченным митрополитом произошел крутой разговор. Упрекнув суздальского владыку в непочтительности, Митяй надменно заметил:

— Не веши ли, кто есмь аз? Власть имам по всей митрополии?

— Не имаша на мне власти никоея же, — возразил Дионисий. — Тобѣ бо подобает паче приити ко мне и благословитися и предо мною поклонитися, аз бо есмь епископ, ты же поп.

Вскипев, Митяй пообещал лично спороть с облачений Дионисия знаки епископского сана:

— Но не ныне мщю себе, но пожди, егда прииду от Царяграда (43, 127).

Кроме всего прочего, ни суздальские князья, ни суздальский владыка Дионисий не желали финансировать вояж московского выдвигенца Митяя в Константинополь. Нижегородский край и его столица были страшно опустошены татарами в 1377 и 1378 годах. У местных князей не хватало средств даже на то, чтобы достроить столь необходимую им каменную крепость в Нижнем Новгороде.

Вызывающее поведение Дионисия на соборе во многом было связано

еще с одной церковно-политической проблемой, контуры которой едва угадываются в сумерках источников. Постоянным яблоком раздора между Москвой и Суздалем был «епархиальный» вопрос. С переносом во Владимир-на-Клязьме кафедры митрополита Киевского и всея Руси (1299 год) Владимирская епархия стала излишней и как бы растворилась в составе собственно митрополичьей епархии. Такая же судьба могла ожидать и отпочковавшуюся от Владимирской Суздальскую епархию, в состав которой, кроме самого Суздаля, входили Нижний Новгород и Городец. Поначалу церковно-административные границы в целом соответствовали границам княжества. (Принцип соответствия границ светских и церковных областей издавна был принят в Византии.) Однако митрополит Алексей, широко пользуясь своим положением главы Русской церкви, решил сократить размеры этой епархии. Поводом послужила вспыхнувшая тогда в княжестве династическая усобица, в ходе которой местный владыка действовал не так, как желательно было Москве. В 1365 году святитель отобрал у суздальского владыки Алексея Нижний Новгород и Городец с уездами и включил их в состав своей митрополичьей епархии. Такой передел сильно встревожил весь клан суздальско-нижегородских князей. Теперь сам митрополит Алексей становился их епархиальным архиереем. Тем самым Москва получала мощное средство политического давления на местных князей. В устах митрополита Алексея угроза отлучения от церкви не была пустыми словами. В том же 1365 году он наложил интердикт на Нижний Новгород и — подтвердив угрозу военным давлением — заставил местного князя Бориса Константиновича пойти на уступки Москве.

По настоятельным требованиям местных князей Нижний Новгород и Городец были вскоре возвращены в состав Суздальской епархии. Однако какие-то неурегулированные вопросы церковно-административного характера остались.

Некоторые исследователи считают, что Митяй еще в качестве митрополичьего наместника во Владимире имел конфликт с суздальским владыкой Дионисием. Этот последний жаловался на него в патриархию. «Уже патриарху Макарию, занимавшему патриарший престол между 1376 и 1379 гг., следовательно, как раз около 1377 г., Дионисий, как можно думать, жаловался на притеснения своей епископии со стороны митрополичьего наместника Митяя и получил приглашение явиться в Константинополь; таким образом, еще до собора, окончательно поссорившего двух соперников, их взаимные претензии были и сформированы, и как-то подкреплены» (184, 52).

Московские летописи, прошедшие через канцелярию митрополита Киприана, крайне сбивчиво и тенденциозно рассказывают о «смуте на митрополии». Плачевное состояние источников заставляет тщательно рассматривать разного рода косвенные данные. Для реконструкции событий 1378–1379 годов уместно вспомнить и о таком важном факторе, как традиция. В ту эпоху каждый шел по жизни, постоянно оглядываясь назад и советуясь с опытом отцов. Желая передать свою власть и свой сан тому, кто призван был стать продолжателем его дела, митрополит Алексей обращался к собственному опыту, к тому образу действий, который позволил ему обойти все препятствия и стать митрополитом Киевским и всея Руси. В этом сценарии имелся один важный эпизод, достойный внимания историка.

«Прежде чем возвратилось посольство из Константинополя, в начале декабря 1352 года, за три месяца до своей смерти, Феогност поставил Алексия в епископы владимирские, то есть в свои митрополичьи викарии, — писал Е. Е. Голубинский. — Не совсем ясно, зачем он сделал это и притом странным образом дал ему титул владимирского, тогда как владимирским был он сам. Можно до некоторой степени подозревать, что — на случай неуспеха своей просьбы в Константинополе, то есть что если бы в Константинополе не захотели согласиться на поставление Алексия в митрополиты и поставили митрополита из греков, то этот, пришед в Россию и нашед кафедру владимирскую занятою, поневоле должен был бы согласиться жить в Москве и стать вместо киево-владимирского киево-московским» (124, 176).

По тем же соображениям Алексей мог бы незадолго до кончины поставить Митяя в епископы Владимирские. Это была своего рода «страховка» и на тот случай, если князю Дмитрию всё же придется признать Киприана «киево-московским» митрополитом, и на тот случай, если Киприан в обход Москвы захочет воздвигнуть свою каноническую митрополичью кафедру во Владимире. Если Алексей действительно совершил этот вполне естественный «шахматный» ход, то между новым владимирским владыкой Митяем и Дионисием Суздальским неизбежно должны были вспыхнуть споры о статусе и границах новой епархии. Вариантом этого «сценария» могло быть избрание Митяя владимирским епископом на первом (июнь 1378) или втором (весна 1379) московском соборе. Именно «епархиальный» вопрос, переход части его владений под власть новоявленного владимирского епископа и был действительной причиной прямого столкновения Дионисия с Митяем. За спиной Дионисия стояли местные князья, пристально следившие за ходом церковных споров.

Именно «епархиальный» вопрос — а вовсе не нарушение канонов избранием Митяя — заставил Дионисия после возвращения из Москвы в Нижний Новгород поспешить в Константинополь, куда он прежде уже обращался с жалобами на московский произвол.

У черты проклятия

Выступление Дионисия поставило великого князя Дмитрия Ивановича в сложное положение. Оставить выходку суздальского владыки без последствий значило бы открыть двери для других недовольных. Отправив Дионисия в темницу, князь тоже не решил вопроса. Арест епископа в принципе был тяжким нарушением канонов, наказанием которому служило отлучение от церкви. Московского князя тут же стали осаждать покровители и единомышленники суздальского владыки, требуя его освобождения. Среди них был и игумен Сергей Радонежский. Он рассматривал нарушение канонов как причину Божьего гнева на Русскую землю и потому был тверд в своих требованиях. В этой обстановке держать владыку в темнице было хлопотно и бессмысленно. Но и освобождение его просто так, без последствий, выглядело нелепо. И тогда какой-то умный человек посоветовал великому князю создать видимость сделки: Дионисий выходит на свободу по просьбе и под поручительство Сергея Радонежского. Все участники этой сделки — кроме, может быть, святого Сергея — хорошо понимали ее театральный характер. Но это был более или менее пристойный выход из непристойного положения.

Как долго Дионисий пробыл в темнице и когда он вышел на свободу? «Повесть о Митяе» представляет дело так, что всё произошло очень быстро. Но это очередной литературный прием, усиливающий динамизм повествования. В действительности Средневековье не любило спешки в серьезных делах. Скорее всего, великий князь освободил Дионисия только тогда, когда его протест потерял всякий смысл. А это случилось, когда в Москве приняли решение отказаться от идеи великорусской автокефалии и попытаться обычным порядком добыть для Митяя митрополию Киевскую и всея Руси.

Когда произошла «смена вех»? Ответ на этот вопрос подсказывает ярлык хана Тюляка (ставленника Мамаю), выданный митрополиту Михаилу (Митяю) 28 февраля 1379 года (259, 582). В условиях «розмирия» князя Дмитрия Ивановича с Мамаем и прекращения выплаты ордынского «выхода» обращаться к Мамаю за ярлыком московский автокефальный

митрополит Михаил (Митяй) мог только в случае крайней нужды. Таким случаем мог быть только проезд митрополита с его свитой через владения Мамаю по дороге в Константинополь. Иначе говоря, решение о поездке Митяя в Константинополь было принято. Не имея возможности ехать по Волге через Нижний Новгород или западным путем, через Литву, Митяй обратился к Мамаю за ярлыком, который в данном случае должен был играть роль своего рода «пропуска», «охранной грамоты». На составление запроса и его доставку из Москвы в ставку Мамаю по зимним дорогам ушло полтора-два месяца. Таким образом, «смена вех» в московской церковной политике произошла в самом конце 1378 года. Примерно тогда же и вышел на волю из московской темницы суздальский владыка Дионисий.

С возвращением Митяя в рамки традиционной русско-византийской системы отношений протест Дионисия становился «прошлогодним снегом». Но владыка был не такой человек, чтобы сидеть дома и смотреть вслед уходящим событиям. Заручившись материальной и моральной поддержкой суздальских князей, он отправился в Константинополь. «Повесть о Митяе» обвиняет его в желании самому стать митрополитом. Но мог ли суздальский ставленник в эти годы всерьез претендовать на роль общерусского митрополита? Едва ли. Ни политический, ни экономический потенциал Суздальско-Нижегородского княжества не позволял его «первым лицам» строить такого рода проекты. Что мог противопоставить далеко не богатый и мало кому известный в Царьграде суздальский владыка звенящему московским серебром и окруженному пышной свитой московскому кандидату? Даже получив со временем поставление в митрополиты, Дионисий остался «чиновником для особых поручений» при константинопольском патриархе.

Единственное, чего мог добиться Дионисий в патриархии, — это восстановить исконные границы своей епархии и выхлопотать для себя сан архиепископа, дававший ему право прямого подчинения Константинополю в обход киево-московского митрополита. Оба эти проекта поддерживали суздальские князья, заинтересованные в церковной независимости от Москвы.

И здесь энергия Дионисия принесла свои плоды. Спустя три года он вернется в родной Суздаль уже в сане архиепископа...

Глава 23

МЕРТВЫЙ КОРАБЛЬ

Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине.

Пс. 106, 23

В середине июля 1379 года кандидат на митрополию архимандрит Михаил (Митяй) выехал из Москвы в сопровождении большой свиты, в состав которой, помимо клириков, входили и великокняжеские бояре. Во главе посольства князь Дмитрий Иванович поставил своего «большого боярина» Юрия Васильевича Кочевина Олешинского. Судя по имени, он был сыном того самого московского воеводы Кочевы, который в 1328 году вместе с Миной послан был Иваном Калитой выколачивать недоимки из Ростовского княжества.

Летописная «Повесть о Митяе» сообщает, что посольский караван переправился через Оку во вторник, 26 июля. Скорее всего, это произошло в Коломне. Расстояние от Москвы до Коломны — около 110 километров. Конный отряд мог преодолеть его за два-три дневных перехода. Можно полагать, что торжественные проводы посольства состоялись в воскресенье 24 июля. В этот день церковь вспоминала убийство Бориса и Глеба (224, 13). Мог ли подумать нареченный митрополит, что его судьба роковым образом сблизится с судьбой святых страстотерпцев...

Пророчество

Весьма интересно краткое упоминание о «деле Митяя» в Житии преподобного Сергия Радонежского. Житие написано Епифанием Премудрым и отредактировано Пахомием Сербом. И Епифаний Премудрый, работавший над текстом около 1417 года, и тем более Пахомий Серб (1460-е годы) знали о давно прошедших событиях главным образом из первой (киприановской) редакции «Повести о Митяе». Отсюда и общая оценка Митяя как грешника — выскочки и гордеца. Отсюда и знаменитое пророчество Сергия о судьбе Митяя. Это пророчество было необходимым элементом общей провиденциальной концепции Жития. Внезапная кончина

Митяя — Божья кара грешнику, предсказанная прозорливым старцем.

Почему тема Сергиева пророчества не получила развития в «Повести о Митяе»? Первая редакция «Повести» возникла еще при жизни «великого старца», который, как известно, не любил разговоров о своих сверхъестественных способностях.

Но было ли это пророчество вообще произнесено «великим старцем»?

Агиограф никогда не занимался чистым вымыслом, сознательной фальсификацией прошлого. Жизнь текла по установленному Богом таинственному плану. О нем можно было рассуждать. Но вставлять в этот план какую-то «отсебятину» казалось тяжким грехом. Агиограф (он же и летописец) был человеком верующим и боялся греха. Он брал некий факт (или то, что он считал фактом), давал ему свою трактовку и облакал всё это в пышные покровы риторики. Но он не был банальным лжецом или выдумщиком небывалых историй. Вполне вероятно, что Сергей действительно высказал свое мнение о будущем Митяя в узком кругу иноков, вспомнивших этот разговор после известия о внезапной смерти кандидата в митрополиты. Вероятно, это был обычный горький вздох умудренного жизнью человека при виде зарвавшегося честолюбца. Но под пером агиографа слова приобрели характер публичного и грозного предсказания будущего, которое не замедлило исполниться.

«Възыде же на престол архиерейский некто архимандрит, Михаил именем, и дръзнув облещися в одежду святительскую и възложи на ся белый клобук. Начат же и на святого (Сергия. — Н. Б.) въоружатися, мнев, яко присецает дръзновение его преподобный, хотя архиерейский престол въсприати. Слышав же блаженный, хвалящая Михаила на нь, рече к учеником своим, яко Михаил, хваляйся на святую обитель сию, не имать получитьи желаемаго, поне же грѣдостию побежен бысть, ни Царьскаго града не имать видети. Еже и бысть по пророчьству святого: повнегда бо пловяше к Царьскому граду, в телесный недуг впаде и скончася. Вси бо имеаху святого Сергия яко единого от пророк» (25, 394).

Итак, прозорливый старец сказал, что собравшемся в дальний путь Митяю не видать Константинополя. И мнение это — со временем превратившееся в пророчество — оказалось верным. Словно какая-то грозная тень нависла над посольством Митяя. Но отважный коломчанин вопреки всем угрозам продолжал путь навстречу своей судьбе.

Встреча в степи

По дороге в Царьград Митяй имел встречу с Мамаем, кочевавшим в Крымских степях. «И немного удръжан быв, и паки отпущен бысть» (43, 129).

За этим лаконичным известием стоит еще одна историческая загадка, обросшая ворохом ученых комментариев (130, 95). В принципе Митяй ехал через владения Мамаю на вполне легальных основаниях. Он заранее запасся разрешением на свой проезд от степных властей. Еще 28 февраля 1379 года от имени номинального правителя Мамаевой Орды хана Тюляка Митяю был выдан ярлык, в котором он почтительно именовался «митрополитом Михаилом».

И всё же эпизод вызывает ряд вопросов. О чем могли беседовать эти два человека? Ведь Москва находилась тогда в состоянии «розмирия» с Мамаем. Историки высказывают различные объяснения этого странного приключения (264, 137). Но суть дела достаточно ясна. Мамай был незаурядным политиком. Он велел пригласить к себе Митяя, так как хотел из первых рук узнать о положении дел в Русской церкви, познакомиться с ее будущим главой, а может быть, при посредстве Митяя убедить Дмитрия Московского в своем миролюбии и готовности к переговорам.

В целом же эта история заставляет еще раз задуматься над тем, какое значение вкладывал летописец в понятие «розмирие». Но как бы ни толковать это «розмирие», очевидно, что Мамай, кочевья которого опустошила чума, в 70-е годы XIV века не имел ни сил, ни желания воевать со всей Северо-Восточной Русью. А потому он стремился представить «розмирие» как частную ссору с Дмитрием Московским, причиной которой, как мы предположили выше, была недоимка по ордынскому «выходу». Все остальные светские и духовные правители могли по-прежнему рассчитывать на его милостивое отношение. Церковь не платила ордынской дани, поэтому к ней у Мамаю в данном случае и не могло быть никаких претензий. Разрешив проезд нареченного митрополита Митяя через свои владения и оказав ему честь личной встречи, бекляри-бек наглядно демонстрировал это всей Руси.

Дмитрий Московский, напротив, представлял дело так, что «розмирие» — это противостояние всей Руси и всех татар. Именно этот взгляд и отразился в сообщении московской летописи (напомним: «А князю великому Дмитрию Московскому бышетъ розмирие с тотары и с Мамаем») (43, 106). Если речь действительно шла о выплате ордынского выхода, то отказ от платежей — каким-то образом аргументированный — и становился той программой, которая консолидировала княжеское сообщество. Здесь не могло быть частных решений. Либо все во главе с

великим князем Владимирским платили «выход», либо все отказывались это делать, оставляя деньги в своей собственной казне.

Существует мнение, что приглашение Митяя ко двору Мамая для беседы свидетельствует о наличии летом 1379 года мирной альтернативы военному противостоянию Москвы с Мамаевой Ордой. Однако в это трудно поверить. Весь ход событий 1374–1379 годов неотвратимо вел к генеральному сражению. После разгрома татар на реке Воже бекляри-бек уже не мог отступить. Его показное дружелюбие по отношению к Митяю было не более чем еще одной попыткой внести рознь в русскую правящую элиту, показать колеблющимся свое притворное миролюбие.

Морская пучина

Миновав Половецкую степь и добравшись до генуэзской колонии Каффы (современная Феодосия), московские послы вздохнули с облегчением. Вскоре они взошли на большой корабль, который отплывал в Константинополь.

Шла вторая половина сентября 1379 года (270, 87). Не знаем, как встретило путешественников Черное море. Но для сухопутных москвичей даже плавание по спокойному морю было незабываемым переживанием. А в это время года море редко бывает спокойным. Автор «Повести о Митяе» (точнее, черновых материалов для нее) — безусловно, участник посольства — в своих записках процитировал 106-й псалом, где красочно представлена картина морской бури. Очевидно, эту картину он видел своими глазами и запомнил на всю жизнь. А 106-й псалом он повторил столько раз, что даже в рассказе о ссоре между послами после кончины Митяя невольно использовал цитаты из него.

«Рече, и ста дух бурен, и вознесошася волны его: восходят до небес и нисходят до бездн: душа их в злых таяше: смятошася, подвигошася яко пиании, и вся мудрость их поглощена бысть» (Пс. 106, 26).

Но любое испытание рано или поздно приходит к концу. Наконец настал день, когда судно вошло в Босфор. Вдали в голубоватой дымке показались величественные храмы и дворцы «второго Рима».

Преступление без наказания

Можно представить себе ликование усталых путников при виде цели путешествия. Но тут случилось непредвиденное: нареченный митрополит

скоропостижно скончался...

Самая ранняя из сохранившихся версий «Повести о Митяе» лаконично констатирует факт смерти: «Внезапу Митяй разболеся в корабли и умре на мори» (43, 129). Впрочем, нельзя забывать, что редакция Рогожского летописца отстоит от времени создания «Повести» более чем на полвека. За это время текст неоднократно редактировался и сокращался. Следы этой правки отчетливо заметны. Первая редакция, безусловно, была в оригинале куда более пространной, чем ее версия, дошедшая в составе Рогожского летописца.

Вторая редакция «Повести» (в составе Воскресенской летописи) возникла во второй половине XV века (270, 125). О смерти Митяя здесь говорится в тех же словах, что и в первой редакции: «Внезапу разболеся Митяй, и умре на мори», — но этот факт сопровождается своего рода «вздохом» автора: «...И не сбытся мысль его и не случися быти ему митрополитом на Руси» (39, 31). А чуть ниже дается обширная подборка благочестивых сентенций на тему «добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя» (39, 31). Внезапная смерть Митяя — Божья кара за то, что он хотел стать митрополитом вопреки не только желанию всего русского духовенства, но и вопреки воле Божьей. Тема эта (церковь и светская власть) была неизменно актуальной в XV столетии — в период борьбы за полное подчинение Русской церкви московской великокняжеской власти. Но уже в эпоху Василия III это можно было считать пройденным этапом.

Теряя в своей политической актуальности, «Повесть о Митяе» со временем прибавляла в литературной занимательности, а вместе с ней — и в обилии реальных деталей.

Относительно поздняя (1520-е годы), но сохранившая уникальные известия более ранних сводов Никоновская летопись (по Г. М. Прохорову, это третья редакция «Повести») сообщает подробности: вместе с известием о кончине Митяя в Москву дошли и слухи о его убийстве.

«Инии глаголаху о Митяи, яко задушиша его; инии же глаголаху, яко морскою водою умориша его» (42, 40).

Как отнестись к этому известию? Не является ли оно плодом воображения московских книжников первой половины XVI столетия?

Думается, следует прежде всего обратить внимание на сам характер уникальных чтений. Создатели Никоновской летописи нередко украшали лаконичные сообщения своих источников вымышленными подробностями и риторическим «плетением словес». Но эти литературные упражнения,

как правило, не содержали принципиально новой информации. В данном же случае известие об убийстве Митяя является новой и весьма существенной информацией. Убийство, заговор, измена — обвинения серьезные. Такие вещи летописцы не выдумывали «ради красного словца».

Следующий вопрос: почему сообщение об убийстве отсутствует в первой и второй редакциях «Повести»?

Считается, что первая редакция «Повести о Митяе» была создана неизвестным московским книжником по заказу (а может быть, и при личном участии) митрополита Киприана осенью 1382 года (270, 140). Главная религиозная идея «Повести» — размышление о путях Божьего промысла, о пагубности человеческой гордыни. Идейное содержание произведения отличается своего рода «многослойностью». Публицистический пласт составляет апология деятельности митрополита Киприана, осуществленная не прямой похвалой, а методом «от противного»: путем яркого изображения безнравственного поведения всех трех его политических соперников, претендентов на освободившуюся с кончиной святителя Алексея митрополичью кафедру — Митяя, Пимена и Дионисия. Главный «возмутитель спокойствия» — архимандрит Михаил, которого автор «Повести» (или ее редактор) митрополит Киприан сознательно именуется уничижительным прозвищем — Митяй. Своим возвышением Митяй обязан главным образом великому князю Дмитрию Ивановичу, который при этом выведен в «Повести» «вторым планом» и не подвергается прямому осуждению.

Внезапную кончину Митяя автор представляет как провиденциальное событие, как определенное высшими силами наказание Митяя за грех гордыни. В этом идейном контексте нет места для насильственной смерти Митяя. Он умер внезапно, пораженный гневом Божиим. Для исполнения Божьей воли нет нужды в человеческих ухищрениях. Версия убийства по политическим мотивам своей прозаичностью не соответствовала провиденциальному осмыслению всей истории Митяя и потому не могла быть включена в «Повесть» даже в качестве предположения.

Версия провиденциальной обусловленности кончины Митяя лежит в основе изложения этого сюжета в знаменитой Степенной книге царского родословия — официальной истории Российского государства, созданной московскими книжниками в эпоху Ивана Грозного. Однако здесь тема Божьего суда конкретизирована участием двух исторических лиц — Сергия Радонежского и митрополита Алексея.

Митяй «гордостию побежен», присвоил себе митрополичий сан.

Увидев в лице Сергия Радонежского своего соперника в борьбе за митрополию, Митяй грозил разрушить его обитель. «Великий старец» предсказал, что Митяй не получит епископского сана и никогда не увидит Царьграда. Для усиления темы «пророчества» к ней весьма неловко подключен и святитель Алексей, который, насколько известно, никаких пророчеств о судьбе Митяя не произносил, а всего лишь советовал оставить этот вопрос на усмотрение патриарха:

«Егда бо идяше к Царскому граду, и многы беды постигоша его (Митяя. — Н. Б.) по земли и по морю, Божии бо суд удержаше его. Он же о сих не внимаше и в телесный недуг впаде. И тогда корабль его не поступи никамо же, дондеже Михаил скончася, не достиг Царствующаго града по пророчеству святаго святителя Алексия и преподобнаго Сергия чудотворца» (68, 31).

Итак, здесь сквозь провиденциальные парадигмы проглядывает еще одна возможная версия подлинных событий. Остановка корабля перед самым Царьградом была вызвана болезнью Митяя. Действительно, высадка посольства на берег без главного действующего лица не имела смысла. Но в целом версия Степенной книги выглядит как вольное истолкование ранних редакций «Повести о Митяе» в сочетании с данными Жития Сергия Радонежского.

Однако помимо законов литературы есть и законы жизни. Посмотрим на дело через призму этих законов. Даже если смерть Митяя была вызвана естественными причинами, ее внезапность и необычность (в последний день пути, в виду Константинополя, без свидетелей) неизбежно должны были породить слухи об убийстве. Эти слухи, конечно, зафиксировал в своих записках тот «неизвестный москвич», труд которого стал основой произведения (270, 150). При окончательной обработке произведения в митрополичьей канцелярии эти сведения были пропущены как излишние. Но, как известно, «рукописи не горят». Записки затаились в недрах канцелярий, дожидаясь своего часа.

При создании третьей редакции «Повести» (Никоновская летопись) «дело Митяя» имело уже чисто исторический характер. Создавая пространную версию рассказа, составители Никоновской летописи решили воспользоваться и слухами об убийстве фаворита, сохранившимися в «записях неизвестного москвича». Эти слухи придавали рассказу больше занимательности и драматизма. Более того, в виде слухов до потомков дошла трагическая истина: внезапная кончина Митяя в действительности была политическим убийством. Заметим, что достоверность известия

Никоновской летописи о насильственной смерти Митяя признаётся рядом современных историков (287, 51; 193, 96; 370, 151).

В истории с Митяем накал страстей и ставки были столь велики, что вполне можно было ожидать использование «зелья». Однако княжеского фаворита устранили иным способом...

Анализ ситуации убеждает в том, что Митяй пал жертвой заговора, замысел которого возник еще в Москве. Развитие этого замысла подчинялось определенной логике. Убить Митяя в столице было сложно: во-первых, он, безусловно, принимал меры безопасности, а во-вторых там, на месте, великий князь мог легко «вычислить» заговорщиков и расправиться с ними.

Убийство Митяя по дороге в Царьград также было весьма затруднительным делом. Заговорщикам трудно было скрыть сам факт убийства и уйти от кары. Кроме того, в этом случае посольство должно было, не выполнив своей цели, вернуться в Москву, где разъяренный великий князь также свел бы счеты с убийцами.

Смерть Митяя в Царьграде, после представления патриарху в качестве официального московского кандидата на митрополию, чрезвычайно усложняла ситуацию. В этом случае, во-первых, убийство становилось технически еще более затруднительным, а во-вторых, даже при успешной ликвидации Митяя посольство теряло всякий смысл и должно было с пустыми руками, без поставленного патриархом митрополита, вернуться в Москву.

Смерть Митяя на корабле, у самых ворот Царьграда, во всех отношениях была для заговорщиков оптимальным вариантом.

Конечно, лишь немногие члены посольства были посвящены в заговор. Всех остальных следовало уверить, что причиной смерти нареченного митрополита стал несчастный случай. В этой связи заговорщиков тревожила одна проблема. Согласно обычаю тело покойника перед погребением следовало обмыть и завернуть в саван. В этой процедуре неизбежно должны были принять участие не только заговорщики, но и непосвященные члены посольства. Поэтому на теле Митяя не должно было быть видимых следов насильственной смерти: колотых и резаных ран, следов веревки на шее и пр. Соответственно, расправиться с Митяем следовало таким способом, при котором на теле не останется явных знаков преступления. Лучшим средством в этом отношении был медленно действующий яд. Но Митяй, конечно, опасался отравления и был осмотрителен в еде и напитках.

Казалось, дело зашло в тупик. И тут на помощь заговорщикам пришел

богатый опыт византийского двора...

Византийский финал

Известно, что патриции Древнего Рима нередко уходили из жизни, вскрывая себе вены в ванне с теплой водой. Византийцы не увлекались подобными методами сведения счетов с жизнью и предпочитали традиционный яд. Однако любовь к баням, бассейнам и ваннам была в полной мере воспринята ими от римлян. Пристрастие к водным процедурам питали и византийские императоры. Но базилевсам следовало помнить, что там, среди облаков пара и потоков воды, обнаженный и беспомощный человек становится легкой добычей убийц...

Среди сопровождавших Митяя иерархов (точнее — среди заговорщиков), безусловно, были греки по происхождению. Размышляя о том, как без последствий избавиться от Митяя, они могли вспомнить один из способов, при помощи которых совершались дворцовые перевороты в Константинополе. Император Роман III был убит своими придворными 11 апреля 1034 года во время отдыха в бассейне. Вот что рассказывает об этом византийский историк Михаил Пселл.

«Сначала он с удовольствием окунулся и легко поплыл, с наслаждением вдыхая воздух и освежаясь, затем в воду зашли и некоторые из сопровождающих, чтобы поддержать и дать отдохнуть императору — таково было его распоряжение. Совершили ли они какое-нибудь насилие над ним, точно сказать не могу, но те, кто связывает это со всем случившимся, утверждают, что, когда самодержец по своей привычке опустил голову под воду, они сдавили ему шею и довольно долго держали его в таком положении, а потом отпустили и ушли» (60, 32). Но заговорщики ошиблись, решив, что Роман мертв. Император был еще жив. Он жестом сумел позвать на помощь. Слуги вытащили его из бассейна и положили на ложе. Но конец его уже был близок. Так и не сумев произнести ни слова, он скончался.

Конец жизни нареченного митрополита Митяя отчасти напоминал эту классическую картину. Однако русская версия византийской драмы была значительно скромнее по декорациям.

Вернемся к рассуждению о планах заговорщиков. На них прямо указывает точный смысл дополнения Никоновской летописи к известию о смерти Митяя. Напомним: «Инии глаголаху о Митяи, яко задушиша его;

инии же глаголаху, яко морскою водою умориша его» (42, 40).

Действительно, удушение было как раз тем видом убийства, при котором на теле не остается открытых ран и пятен крови. Однако сохраненные Никоновской летописью слухи предполагают и другой, на первый взгляд весьма странный, но в действительности самый подходящий в тех обстоятельствах способ убийства Митяя — «морской водой задушили». Остановимся на этой загадочной формуле. Ясно, что Митяя не могли просто утопить в море. Скорее всего, убийцы, уловив удобный момент, набросились на архимандрита и опустили его голову в ванну (бочку?) с морской водой, которая, конечно, имела в гостевой каюте большого корабля. Возможно, это произошло в тот момент, когда нареченный митрополит в своей каюте лежал в ванне, готовясь отойти ко сну. Не имея возможности крикнуть и позвать на помощь, он захлебнулся морской водой.

Впрочем, возможен и составной вариант: Митяя вначале удушили без применения веревки, а затем уже мертвого положили в ванну, имитируя несчастный случай. Примечательно, что тайна его гибели быстро стала достоянием молвы. Вероятно, ее раскрыли сами заговорщики в пьяной похвальбе или в покаянной исповеди. Стоустая молва подхватила эти признания и понесла их от дома к дому, от уха к уху.

Восстанавливая подлинную картину гибели Митяя, нельзя упустить из виду еще одно обстоятельство. Дело происходило в последний день долгого и опасного пути московского посольства в Царьград. Завершение путешествия обычно праздновали хмельным застольем. Вино воодушевило заговорщиков — вспомним историю гибели Андрея Боголюбского! — и ускорило события. Несколько перебрав за столом хмельного «меда», Митяй пошел в свою каюту и решил освежиться в ванне с морской водой. Но вслед за ним в каюту вошли заговорщики...

Логика событий позволяет утверждать: убийцы Митяя принадлежали к кругу самых близких к нему лиц — либо из высшей московской знати, либо из числа комнатной прислуги нареченного митрополита. Далеко не каждый член посольства мог войти в каюту Митяя в такой интимный момент, как вечерняя ванна.

Утопление Митяя (или его уже бездыханного тела) в ванне с водой легко можно было выдать за несчастный случай. Свидетелей случившегося — кроме самих заговорщиков — не было. По случаю позднего часа прислуга была удалена из покоев. Только наутро дело открылось. И тут же была пущена официальная версия случившегося: сильно захмелевший иерарх сам не заметил, как уснул в своей ванне и захлебнулся во сне.

Вероятно, эта версия совпадала с привычками и образом жизни Митяя, а потому казалась вполне правдоподобной.

Неведомая сила

Средневековая история редко обходится без проявлений чудесной силы. Действует такая сила и в «Повести о Митяе». Уже в ранней ее редакции рассказывается о загадочном явлении, последовавшем за смертью фаворита:

«Неции же поведаша, яко корабле тѣи стояше на едином месте и не поступаа с места ни тамо, ни семо, а инии мнози корабли плаваху мимо его, минующе семо и овамо. И вложиша Митяя в варку, еже есть в меншее судно и привезоша его мертваго в Галату, и ту погребен бысть» (43, 129).

Вторая редакция «Повести» представляет этот эпизод с некоторыми существенными отличиями:

«Поведаху же тамо бывшеи на корабли том, и глаголаху: егда разболеся Митяй, тогда корабль той стояше на едином месте, ни поступя ни семо ни овамо, а инии мнози корабли миноваху его сюду и овоуду. Вложше же Митяя в раку умертваго, и везше в Галату погребоша его» (39, 31).

Итак, согласно второй редакции, рассказ записан со слов очевидца событий, находившегося на корабле. Другое отличие — время внезапной остановки корабля. В первой редакции это случилось после кончины Митяя, во второй — во время его предсмертной болезни.

Третья редакция «Повести о Митяе» почти дословно воспроизводит здесь текст первой редакции.

Таким образом, этот сюжет по каким-то причинам казался важным всем книжникам, работавшим над «Повестью». В первой и второй редакциях он имеет подчиненное значение, оставляя публицистическое поле для главного события — внезапной кончины Митяя. В третьей редакции сюжет приобретает самостоятельное значение и обрastaет аллегорическим толкованием. Однако это толкование — как будет показано ниже — восходит к некоторым реалиям злополучного путешествия.

Для дальнейшего рассказа необходимо церковно-историческое пояснение. Согласно средневековым представлениям, тексты Священного Писания имели несколько смыслов: буквальный (исторический), аллегорический, анагогический (высший символический),

иносказательный, нравственный и мистический. Следуя этому подходу, древнерусские книжники и в свои рассказы вкладывали несколько смыслов. В данном случае, образ неподвижного корабля с телом Митяя имеет как минимум два смысла.

В буквальном (историческом) смысле — это живая подробность в воспоминаниях участника посольства. Ее реальный смысл можно понимать по-разному.

Первое толкование: «иные корабли», которые сновали туда и сюда, в то время как корабль с послами стоял неподвижно, — это боевые корабли венецианцев и генуэзцев, сражавшиеся друг с другом. «29 сентября, когда, по нашим расчетам, корабль с русским посольством на борту приблизился или приближался к Царьграду, в константинопольских водах произошло сражение флотилий двух итальянских республик», — пишет Г. М. Прохоров. Это сражение было эпизодом династической уособицы — конфликта между императором Иоанном V Палеологом и его старшим сыном Андроником IV. Уособица сопровождалась морскими сражениями, в которых принимали участие корабли венецианцев и генуэзцев. В этой ситуации корабль с русскими послами не мог подойти к городскому причалу и вынужден был несколько дней ожидать на внешнем рейде прекращения боевых действий (270, 87).

Но упоминание о плавающих туда и сюда «иных кораблях» не есть реалистическая деталь (на чем построена приведенная выше схема). Оно необходимо автору «Повести» по чисто литературной причине: без нее читатель не поверит в чудо и быстро найдет естественную причину остановки корабля с русским посольством — безветрие, полный штиль на море.

Предложим более простое буквальное (историческое) понимание этого эпизода. После внезапной кончины Митяя (или во время его внезапной тяжелой болезни) корабль с московскими послами несколько дней стоял на рейде из-за отсутствия единства относительно дальнейших действий. Сходить на берег и отправляться на прием к патриарху имело смысл только после выработки общего плана дальнейших действий, общей «легенды». Споры на эту тему заняли несколько дней. В то время как бояре препирались с иерархами, рядовые участники посольства с тоской смотрели на неподвижное море и сияющий вдалеке великий город.

Назовем и еще одну вполне возможную и естественную причину остановки. Владельцы корабля, перевозившего послов, имели определенные денежные договоренности с Митяем как главной фигурой посольства. С кончиной Митяя и русские, и генуэзцы попытались изменить

эти договоренности в свою сторону. В результате корабельщики отказались плыть дальше, пока не будут приняты их условия.

Наконец, причиной стоянки мог быть карантин для кораблей, прибывавших из районов, где гуляла чума. Северное Причерноморье в 70-е годы XIV века было именно таким районом. Наличие на корабле только что умершего по непонятной причине человека усиливало опасения византийцев.

Судя по тому, что стоянка эта запомнилась автору «Повести», она была долгой, томительной и непонятной для рядовых членов посольства. Корабль словно держала на месте неведомая сила.

У корабельщиков был сильный аргумент в денежных спорах с московскими послами: тело Митяя стало разлагаться, издавая невыносимый запах. На корабле не было ни льда, чтобы его заморозить, ни дубового гроба и смолы, чтобы его засмолить. Похоронить усопшего фаворита в море, утопив тело в парусиновом мешке, послы не решались, опасаясь гнева великого князя Дмитрия Ивановича. Наконец обе стороны не вынесли этого испытания и пришли к договоренности по спорным вопросам. После этого корабельщики дали послам лодку («барку»), на которой тело Митяя спешно отвезли на ближайшую сушу — северный пригород Константинополя генуэзскую Галату — и там предали земле. Когда провожавшие Митяя в последний путь клирики и бояре вернулись на корабль, он тотчас снялся с якоря и двинулся в порт.

Таково могло быть буквальное (историческое) содержание этого эпизода. Однако эти несколько дней ожидания на константинопольском рейде были вписаны книжником в «Повесть о Митяе» не только как историческая подробность, но и как проявление некой мистической силы. Провидение не допускало Митяя в Константинополь ни живым, ни мертвым. Корабль с мертвецом неподвижно стоял среди снующих туда и сюда «живых» судов. Привыкшие всему искать прообразы в Священном Писании книжники быстро нашли аллегорический смысл происходящего.

Третья редакция «Повести о Митяе» (Никоновская летопись) содержит интересное рассуждение на сей счет.

«Неции же поведаша, яко корабль той стояше на едином месте и не поступаа с места, ни семо, ни тамо, а инии мнози корабли плаваху мимо его семо и авамо, и един той люте томим, аки Ионы ради. Егда бо тогда Иона в корабли, море волняшеся и корабль потопляшеся; егда же Иону в море ввергоша, и море преста от вльнениа и корабль свободися от потопления; сие же и ныне: егда Митяй бе в корабле, море не даше постулата кораблю;

егда же Митяя выняша из корабля, и корабль свободися и хожаше, аможе хотяше. И вложиша Митяя в варку, иже есть в меньшее судно, и привезоша его мертва в Галату, тамо же и погребен бысть» (42, 39).

Итак, создатель третьей редакции «Повести» счел возможным увидеть прообраз сюжета о «неподвижном корабле» в истории библейского пророка Ионы — одного из двенадцати так называемых «малых пророков». Действительно, в библейской истории пророка Ионы содержится целый ряд образов и ситуаций, имеющих аналогии в «деле Митяя». Пророк Иона вопреки Божьему повелению проповедовать в Ниневии плывет на корабле в Фарсис. На море поднимается буря и кораблю грозит гибель. Корабельщики догадываются, что эта буря — проявление гнева Божьего на кого-то из находящихся на корабле. Жребий падает на Иону. Его бросают за борт — и буря тотчас стихает. Корабль, освободившись от грешника, благополучно продолжает свой путь. Но Божий промысел и далее следует своему таинственному пути. Пророк Иона не утонул, а был проглочен огромной рыбой, во чреве которой провел три дня. Бог услышал его молитвы. Рыба выбросила Иону живым и невредимым на берег. После этого приключения он вновь узнал волю Божью — идти возвещать скорую гибель городу Ниневии — и на сей раз исполнил ее без послушания.

Разумеется, нет и речи о прямой аналогии между пророком Ионой и Митяем. Автор (редактор?) «Повести» увидел в книге ветхозаветного пророка Ионы более тонкую и красивую аналогию — корабль, который терпит бедствие (тонет в бурю или, напротив, не может двинуться с места) из-за того, что на его борту находится человек, действующий вопреки воле Божьей. Избавившись от этого человека (удалив его самого или даже его мертвое тело за борт), корабль может благополучно продолжать свой путь.

На каком этапе существования «Повести о Митяе» в ней появляется образ пророка Ионы? В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на некоторые подробности.

История пророка Ионы была известна русским книжникам уже в XIII веке и послужила темой одного из пассажей во втором поучении Серапиона Владимирского (24, 444). Однако ее вспоминали нечасто. Имени Ионы нет в «Повести временных лет» и летописных сводах той поры. Такой эрудированный в Священном Писании человек, как митрополит Киприан — предполагаемый автор первой редакции «Повести о Митяе», — несомненно, знал этот сюжет. Более того. Именно Киприан имел все основания часто вспоминать историю Ионы во время своих неоднократных плаваний по морю в Константинополь. Образ бушующего моря и его библейские аллюзии постоянно воодушевляли Киприана как писателя.

В начале 80-х годов XIV века Киприан, помимо «Повести о Митяе», работал и над другим литературным произведением — Житием митрополита Петра. В Житии содержится красочное описание морской бури, которая послана Богом, чтобы воспрепятствовать прибытию в Константинополь самозванного претендента на митрополичью кафедру игумена Геронтия. По мнению современных исследователей, «описание выпавшей бури, в которую он попал, едва ли не самое образное во всем Житии» (290, 39). Можно полагать, что история о «мертвом корабле» в первой (киприановской) редакции 1382 года раскрывалась через историю пророка Ионы. Позднее этот комментарий был снят переписчиками и вновь возвращен на свое изначальное место только в редакции Никоновской летописи.

Отметим еще одну деталь, свидетельствующую о том, что образ Ионы присутствовал уже в первой редакции «Повести о Митяе». В русских и византийских месяцесловах этого периода память пророка Ионы празднуется 22 сентября (296, 292). Именно в эти дни корабль с московскими послами приближался к Константинополю. (Г. М. Прохоров называет точную дату — 26 сентября. Но его аргументация в данном случае неубедительна.) Именно в этот день или около него умер архимандрит Михаил (Митяй). Это совпадение и подсказало Киприану литературный прием — обращение к истории Ионы для разработки провиденциальной трактовки событий: смерти Митяя и его погребения, долгой стоянки корабля на рейде Константинополя.

Напоследок заметим, что автор «Повести» как опытный книжник цитирует Священное Писание весьма вольно, по памяти. Близко к тексту из книги пророка Ионы взята только одна фраза: «И взяша Иону и ввѣрьгоша и в море, и уста море от вльнення своего» (Острожская библия, Ион., 1, 15).

«Куда ж нам плыть?»

Теперь обратимся к событиям, последовавшим за внезапной кончиной Митяя. Среди участников посольства началось смятение. Еще недавно единые в своем страхе перед морской пучиной, в своем желании поскорее достичь берега, в своей молитве ко всемогущему Богу — путешественники вспыхнули враждой друг к другу. Потрясенный такой переменой, автор «Повести о Митяе» обращается к вечному кодексу добра и зла — Псалтири. В ткань своего рассказа он вплетает золотую нить 106-го псалма, одной из тем которого служит милость Божия к плывущим по водам:

«Умръшу же Митяю бысть в них замятня и недоумение, смятоша бо ся, яко же пишет (царь Давид. — Н. Б.): *возмятошася и въсколебашася, яко пиании, и вся мудрость их поглощена бысть...*» (43, 129).

Книжник вновь цитирует Священное Писание по памяти, сохраняя смысл, но не стремясь к буквальной точности. В Острожской библии (начало XVI века) этот фрагмент читается так: «Смутишася, подвизашася яко пианым, и вся мудрость их поглащена бысть» (Пс. 106, 27).

Для правильного понимания смысла этой цитаты в контексте «Повести о Митяе» приводим развернутый текст данного пассажа Псалтири в переводе на современный русский язык:

«Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине: Он речет, — и восстает бурный ветер и высоко поднимает волны его: восходят до небес, нисходят до бездны; душа их истаевает в бедствии; *они кружатся и шатаются, как пьяные, и вся мудрость их исчезает* (курсив наш. — Н. Б.). Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он вывел их из бедствия их. Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают. И веселятся, что они утихли, и Он приводит их к желаемой пристани» (Пс. 106, 23–30).

Так молились и так славили Господа люди, только что переплывшие бурное осеннее море.

Опасность миновала. Но слова 106-го псалма всё еще звучали в ушах. И выплеснулись на бумагу уже как метафора, изображающая смятение московских послов в связи с неожиданной кончиной их главы — нареченного митрополита Михаила.

(Не исключается, что отрывок 106-го псалма в сохранившейся интерпретации появился в тексте «Повести о Митяе» после ее редакторской переработки. В первоначальном варианте он был связан с картиной опасного морского плавания русских послов.)

Самозванец

Спутники Митяя должны были решить два вопроса: кто виноват в смерти Митяя? И как быть дальше? По первому вопросу единомыслие было достигнуто быстро. Желающих отыскать виновных во внезапной смерти Митяя не нашлось. Версия несчастного случая всех устраивала. Прямых доказательств убийства не существовало. И хотя личный состав посольства был укомплектован доброхотами Митяя, никто из них не счел возможным начинать расследование.

По второму вопросу споров оказалось больше. Проще всего было вернуться с пустыми руками в Москву. Но такое решение было нежелательно для заговорщиков, которые предпочитали объясняться с великим князем Дмитрием Ивановичем через «своего» митрополита. Кроме того, в случае немедленного отъезда назад москвичи добровольно оставляли поле битвы за митрополичий стол двум личным врагам великого князя Дмитрия Ивановича — владыкам Дионисию и Киприану.

Более реальный вариант состоял в том, чтобы посылать гонца в Москву и всем составом посольства ждать указаний великого князя в Константинополе. Но это ожидание могло растянуться на неопределенно долгий срок. Учитывая время года — конец сентября, начало осенних морских штормов, — обратный путь гонцов обещал быть гораздо дольше и опаснее, чем путь в Константинополь. К этому прибавлялись сложности осеннего пути по половецким степям и русским дорогам, натянутость отношений с Мамаевыми татарами...

В итоге второй, самый благоразумный вариант был отвергнут.

Московские послы после долгих споров приняли «третий путь»: такое решение, которое не по форме, а по смыслу соответствовало бы замыслу великого князя Дмитрия Ивановича — замыслу создания митрополии «всей Руси» во главе с московским иерархом. Они решили продолжать действовать по сценарию, написанному великим князем для Митяя, но уже без Митяя, а точнее — с его *alter ego*, своего рода «Лже-Митяем».

Кто именно должен сыграть роль «Лже-Митяя», московского кандидата на митрополию? Разумеется, Митяй был слишком оригинален и внешне и внутренне, чтобы найти ему равноценную замену. Речь шла о сути, о своего рода политическом двойнике. Светская часть посольства (великокняжеские и митрополичьи бояре) предлагала найти в своей среде скромного провинциала, преданного московскому делу и лично известного князю Дмитрию. Таким они сочли переяславского архимандрита Пимена.

Монастырские «старцы» предъявляли иные требования к личности будущего митрополита. Они выдвинули своего кандидата — Иоанна, архимандрита московского Петровского монастыря, «московьскаго киновиярха, начальника общему житию» (43, 130). Общее дело — введение в московских монастырях «общего жития» — вероятно, сблизило Иоанна со старцами круга Сергия Радонежского. Однако его пребывание в свите Митяя свидетельствует о том, что он умел ладить и с княжеским двором. И всё же это была слишком одиозная фигура. Зная сложные отношения великого князя с монастырскими «старцами», бояре остерегались делать ставку на «московского киновиярха».

Получив поддержку бояр, Пимен стал распоряжаться имуществом и казной Митяя, завладел княжеской грамотой, позволявшей брать неограниченные займы в Константинополе. На его имя была переписана верительная грамота московского великого князя.

Кому выгодно?

Оставим в стороне всегда возможные, но редко определяющие ход событий личные мотивы. Сложим их у той черты, за которой история уступает место художественной литературе, и возьмем на вооружение логику и здравый смысл. А в качестве инструмента исследования воспользуемся древним, как Рим, вопросом: кому выгодно?

Двигаясь дальше, заметим, что политическое убийство всегда имеет четкую целесообразность. Убивают не человека, а идею, воплощенную в этом человеке, и главным образом — в нем одном. Нет смысла тратить силы и средства на уничтожение «часового», то есть служилого человека, на смену которому тотчас будет поставлен другой. Убивают людей неординарных, уникальных, влиятельных.

Митяй как московский выдвиженец имел ровно столько же врагов, сколько их имела сама Москва. В этом длинном списке Тверь, Литва, Орда, Новгород и более мелкие хищники. Но все они воспринимали Митяя как «часового», убивать которого не имеет смысла.

Судя по всему, Митяя убили «свои», москвичи. Они видели в нем демоническую личность, оказывающую сильное и вполне определенное в политическом смысле влияние на великого князя Дмитрия Ивановича. Но в чем состояло это политическое влияние? Думается, именно Митяй убеждал великого князя Дмитрия добиваться автокефалии. Эта идея по разным причинам вызвала резкую неприязнь у многих русских иерархов. Разрыв с Константинополем оставлял Русскую церковь один на один с великокняжеской властью и этим фактически ставил ее в зависимое положение (287, 53). Противники автокефалии искренне считали, что она повредит возвышению Москвы, вызовет в русском мире раскол и религиозные войны. К этому можно добавить и постоянную угрозу Божьего гнева за нарушение церковных канонов и традиций.

Можно полагать, что смиренное путешествие нареченного митрополита Митяя в Константинополь было лишь промежуточной позицией в задуманной им совместно с великим князем Дмитрием Ивановичем «многоходовой» церковно-политической комбинации. Проще

говоря, Митяй не отказался от своей идеи автокефалии Русской церкви, а лишь изменил путь к ее достижению. Получив поставление от патриарха, он с тем большим основанием предполагал отказаться от всяких связей с Константинополем. Он хотел сразу же по возвращении на Русь провозгласить себя вполне легитимным автокефальным митрополитом, имеющим хиротонию патриарха. Это облегчило бы внедрение самой идеи автокефалии в русское общество и заставило замолчать всех его недоброжелателей.

Похоже, что первым разгадал этот тайный замысел Митяя и великого князя владыка Дионисий Суздальский, поспешивший в патриархию с его разоблачением. Но там уже привыкли не думать о будущем и «жить одним днем». Во всяком случае, жалобу неведомого им суздальского владыки греки оставили без последствий.

О планах Митяя прознали и на Руси. Вскоре эта новость в виде слуха распространилась среди московских церковных верхов. Искренне благочестивые и патриотически настроенные люди — а они встречаются даже в эпоху всеобщей продажности — стали искать спасения на путях действия. Для того чтобы спасти Москву от Божьего гнева и патриаршего проклятия, были хороши любые средства. После неудачной попытки отравить великого князя (дело Ивана Вельяминова) московские заговорщики перешли к подготовке убийства Митяя. В его большой свите нашлись люди, готовые исполнить этот замысел...

Вопрос о том, кто именно из перечисленных летописью двух десятков спутников Митяя входил в заговор или был исполнителем убийства, разумеется, не имеет точного ответа. Однако в этой связи привлекает внимание картина свары среди участников посольства после гибели Митяя. «Сопровождавшие и погубившие Митяя епископы и архимандриты после ожесточенных междоусобных схваток выдвинули кандидатом в митрополиты... Пимена» (191, 66). Проигравший в этой схватке московский архимандрит Иоанн Петровский был закован в цепи. «Повесть о Митяе» рассказывает об этом в каком-то странном, сочувственно-отстраненном тоне.

«И пришедше возложиша руце на Ивана и яша его, и посадиша его в железа, Ивана Петровскаго архимандрита, московскаго киновиярха... Сковаша нозе его в железа, смириша в оковах нозе его...» (43, 130).

Согласно «Повести о Митяе», «московский киновиярх» был подвергнут столь суровому обращению потому, что обещал выдать патриарху проделку с тайной заменой умершего Митяя новым кандидатом — Пименом. Обличительный пыл Иоанна имел довольно низменное

происхождение: свита Митяя не захотела выдвинуть его самого в качестве кандидата на Русскую митрополию.

Проследившая логику рассуждений заговорщиков, естественно думать, что опасная игра предполагала крупные ставки. Их предводитель сам рассчитывал занять место Митяя после его убийства. Именно так и повел себя Иван Петровский. Многие из состава посольства «хотеша Ивана в митрополиты» (43, 130). Оно и понятно: возведение главного заговорщика в митрополиты освобождало всех прочих конспираторов от ответственности.

Однако великокняжеские бояре, догадавшись о сути происходящего, помешали торжеству заговорщиков. В Никоновской летописи рассказывается о своего рода «допросе с пристрастием», который бояре учинили Ивану Петровскому, вероятно, заставляя его сознаться в убийстве Митяя:

«Они же возложиша руце на нь, и яша (взяли. — Н. Б.) его, и посадиша его в вериги железны, и гладом нудяще его, и возхотеша его ввергнуть в море; сицево бысть зло Ивану архимандриту Петровскому» (42, 40).

Мучения архимандрита никак нельзя связать с его мнимым намерением рассказать патриарху о подмене московского кандидата. Согласно канонам, виновные в аресте и мучении духовного лица подлежали отлучению от церкви. В случае оправдания Ивана дело могло кончиться для бояр большими неприятностями. пытками и угрозами они явно добивались от Ивана какого-то важного признания. На таком серьезном уровне отношений речь могла идти только о выяснении виновного в смерти Митяя. Но Иван, судя по всему, ни в чем не сознался.

Дальнейшая судьба Ивана Петровского неизвестна. Можно думать, что за отсутствием прямых доказательств вины он был вскоре освобожден от оков и отпущен на свободу. Никаких разоблачений Иван Петровский, насколько известно, не сделал.

В нужное время в нужном месте

Явившись в патриархию, московские послы изложили с таким трудом выработанную и согласованную легенду. Они заявили, что Пимен и есть тот самый кандидат на митрополию, о котором просит московский великий князь. Греки не стали спорить с этим заявлением, но указали на то, что у русских уже есть один митрополит — Киприан. Ему и следует подчиняться после кончины митрополита Алексея. После этого заявления начались

затяжные переговоры московских послов с патриаршими клириками, сопровождавшиеся подкупом и лицемерными уловками.

Уяснив ситуацию, митрополит Киприан, находившийся тогда в патриархии, не стал более задерживаться в Константинополе. Получив подтверждение своих прав на «литовскую» часть общерусской митрополии, он поспешил вернуться на Русь. В конце декабря 1379 года он был уже в Киеве. Судьба митрополии теперь решалась на Руси, а не на берегах Босфора. Чутьем опытного политика Киприан уловил приближение больших событий, способных вознести его на волне удачи. Главное — оказаться в нужное время в нужном месте...

И предчувствие его не обмануло. Оплавав смерть Митяя, великий князь Дмитрий Иванович в очередной раз изменил свою церковную политику. В начале 1380 года он решил помириться с Киприаном и признать его власть над великорусскими епархиями. Этого требовала тревожная военно-политическая перспектива: союз Мамай с Ягайло и их совместный поход на Москву. Митрополит Киприан с его дипломатическим опытом и связями с литовской знатью мог оказать Москве большую услугу, отговорив Ягайло от соединения с татарами. Можно думать, что такие мысли внушали Дмитрию Московскому монастырские «старцы» — давние почитатели разнообразных талантов Киприана. Последний же со своей стороны готов был проявить евангельское всепрощение и, забыв обиды, назвать Дмитрия своим духовным сыном.

5 февраля 1380 года племянник Сергия Радонежского игумен Феодор Симоновский — духовник великого князя — отправился в Киев для официального приглашения Киприана в Москву (79, 192). Тот не заставил долго себя упрашивать. 3 мая 1380 года, на праздник Вознесения Господня, Киприан был с почетом встречен в Москве. В «Повести о Митяе» либо сам Киприан, либо кто-то из его окружения с явным удовольствием описывает эту торжественную встречу:

«И многу звонению бывшу во вся колоколы и многу народу сшедшуся на сретение его, яко весь град подвижася. Князь же великий Дмитрей Иванович прия его с великою честью и со мною верою и любовию» (43, 131).

Эти необычайные почести должны были стереть в памяти людей историю Митяя. Еще совсем недавно гонимый и хулимый москвичами митрополит Киприан теперь стал второй фигурой после самого великого князя. Колесо Фортуны сделало стремительный поворот. У многих тогда закружилась голова от этого стремительного превращения...

Началось первое правление Киприана великорусскими епархиями,

продолжавшееся до осени 1382 года...

Из Царьграда — в Чухлому

Источники умалчивают о деятельности суздальского владыки Дионисия, который также находился в это время в Константинополе. Безусловно, он поведал патриарху свою версию событий и этим повредил как Пимену, так и Киприану. Но выступил ли он в качестве самостоятельного кандидата, ставленника суздальских князей, — неизвестно.

Дело московских послов затянулось на целый год. Только летом 1380 года новый патриарх Нил поставил Пимена митрополитом на одну лишь Великороссию.

Сборы в обратную дорогу и само путешествие растянулись еще более чем на год. Прямой морской путь от Царьграда до Каффы был безопасен только летом. Но как раз в это время в половецких степях полыхала московско-ордынская война. Лишь в конце 1381 года измученные долгими скитаниями послы вместе с Пименом вернулись на Русь. Но здесь их ожидали отнюдь не почести и награды...

Когда Пимен прибыл в Коломну, с него сняли белый клобук, а его спутников, советников и клирошан сослали в разные места. У митрополита отняли ризницу и приставили к нему сторожем «некоего боярина именем Ивана сына Григориева Чюровича, нарицаемого Драницю» (43, 132).

(Прозвище этого боярина-надзирателя простодушно и грубовато, как все тогдашние прозвища. Драница — длинная и тонкая сосновая дощечка, предназначенная для покрытия крыши. Очевидно, боярин, посланный стеречь опального митрополита, отличался высоким ростом и худобой.)

По приказу великого князя Дмитрия Ивановича Пимена послали в заточение в одно из самых отдаленных и глухих мест Московского княжества — Чухлому. Для того времени это была своего рода «Сибирь». Автор «Повести» (или источник информации для него) — один из участников злополучного посольства — сообщает маршрут, которым везли ссыльного иерарха. Вероятно, он и сам был отправлен в Чухлому вместе с Пименом, отчего и знал хорошо эту печальную дорогу. С Коломны, не заезжая в Москву, опального митрополита повезли на Охну, с Охны — в Переяславль, а оттуда через Ростов, Кострому, Галич — на Чухлому. Объезд Москвы объяснялся желанием великого князя и митрополита Киприана избежать неприятных эксцессов, которые были бы неизбежны

при проезде митрополита Пимена и его спутников под конвоем через столицу.

Почему люди, исполнившие в меру своего разума волю великого князя Дмитрия Ивановича, встретили от него такой суровый прием? Это еще одна загадка...

Впрочем, Пимену не так уж долго довелось вкушать чухломского безмолвия. Однажды попав в обойму иерархов-политиков, он уже не мог долго оставаться без употребления. Пробыв в ссылке «лето едино», он был переведен в Тверь. О его дальнейших метаморфозах имеются только краткие сообщения летописи. Что же касается «Повести о Митяе», то это ее последнее сообщение. Далее следует краткая концовка по мотивам Псалтири и книги пророка Даниила:

«Господня есть земля и концы ея. До сде скратим слово и скончаем беседу и о всех благодарим Бога, яко Тому слава въ веки. Аминь» (43, 132).

Истоки этой стилистики, как всегда, находим в Священном Писании:

«Помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся пред ним вся отечествия язык, яко Господне есть царствие, и той обладает языки» (Пс. 21, 28); «И царство его царство вечное, и вся власти тому работати будут и слушати. До зде скончание словесе» (Дан., 7, 28).

Политика как искусство компромиссов

Выбравшись из-под завалов достоверных, сомнительных и невероятных сведений, относящихся к «делу Митяя», попытаемся подвести некоторые итоги. Для этого, преодолев невольное очарование имени Дмитрия Донского, назовем вещи своими именами.

Попытка князя Дмитрия Ивановича повторить успех своего дяди Семена Гордого и поставить во главе всей Русской церкви преданного сторонника Москвы провалилась. У этой неудачи были как объективные, так и субъективные причины. К первым отнесем внезапную кончину московского ставленника Митяя на пути в Константинополь. Но если сведения Никоновской летописи о насильственной смерти Митяя верны — то это означает грандиозный провал той службы, которая существует при любой верховной власти и которую в наше время называют «контрразведкой». А это уже момент субъективный...

Впрочем, при всех выдающихся достоинствах спасский архимандрит не был незаменимой фигурой. Роль «второго Митяя» хотя и без блеска, но достаточно грамотно мог сыграть и Пимен Переяславский, и

Иван Петровский, и почти любой из московских иерархов. Но дело в том, что уже вскоре после отъезда Митяя в Константинополь великий князь понял (или ему объяснили искренние доброхоты), что два грандиозных замысла сразу — контроль над митрополией и войну с Мамаем — ему не осуществить. Война с Ордой требовала мобилизации всех боевых сил не только Московского княжества и великого княжения Владимирского, но и всей Великороссии вместе с Новгородом. Эта война требовала не только мира на западных границах, но и широкого привлечения литовских Ольгердовичей к борьбе с Ордой.

Накануне Куликовской битвы от Москвы требовались максимальное дружелюбие и уступчивость в отношениях с соседями. Московский произвол в такой деликатной сфере, как церковное право и христианская совесть, перечеркивал усилия московских дипломатов в этом направлении.

Возвышение Митяя и сопутствовавшие ему нарушения церковных канонов и исторических традиций были таким же эмоциональным всплеском молодого великого князя, как и разрыв с Мамаем. Острая потребность в самоутверждении, жажда славы толкали Дмитрия на подобные шаги.

В принципе Москве полезно было бы иметь своего ставленника на митрополичьей кафедре. И, разумеется, Митяй был бы гораздо более ярким московским патриотом, нежели византиец Киприан (287, 50). В этом отношении правы те историки, которые считают водворение в Москве Киприана «несомненным политическим поражением великокняжеской власти» (266, 363). Но дело в том, что в политической ситуации начала 1380 года это были поражение опрометчивого своеволия князя Дмитрия и победа здравого смысла его осторожных советников, «старых бояр» и их единомышленников из круга монастырских «старцев». В тонких политических вопросах Дмитрий Московский часто действовал не как умудренный опытом государственный муж, а как вспыльчивый и нетерпеливый юноша. В условиях вызванного политикой Дмитрия перманентного напряжения в отношениях с Ордой продолжать «продавливать» кандидатуру Митяя назло всей Северо-Восточной Руси было бы явным безумием. И в этом отношении кончина Митяя была до подозрительности своевременной. Она развязывала руки Дмитрию для давно назревшего и крайне необходимого шага — примирения с Киприаном и стабилизации отношений с Литвой.

Что же произошло в Москве после отъезда Митяя в Константинополь в июле 1379 года?

Осенью 1379 года московские «старцы», пользуясь отсутствием

Митяя, стали искать путей примирения с великим князем. Дмитрий по ряду причин тоже был склонен пойти на мировую. Он чувствовал, как ход событий неотвратимо приближает тот день и час, когда ему предстоит встретиться с Мамаевой Ордой в решительной схватке. От своих разведчиков князь знал, что Мамай, не желая рисковать, копит силы, подыскивает союзников. Сам Дмитрий в конце 1379-го — начале 1380 года привлек на свою сторону литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Вероятно, москвичи вели тайные переговоры и с другими Ольгердовичами — врагами великого князя Литовского Ягайло.

Однако главная задача заключалась в том, чтобы как можно больше русских княжеств в решающий момент выступили заодно. Для укрепления духовной составляющей единства Дмитрию нужно было благословение лесных отшельников. Ход событий неотступно требовал от московского князя примирения со «старцами». Первый шаг был сделан уже осенью 1379 года. По просьбе великого князя Дмитрия Ивановича Сергей Радонежский устраивает Успенский монастырь на Стромьне (101, 186). Собор новой обители, посвященный Успению Богоматери, был освящен 1 декабря 1379 года (43, 137). Это был своего рода памятник победе князя Дмитрия над татарами в битве на реке Воже, случившейся незадолго до праздника Успения.

(В одном из списков Типографской летописи названа другая дата освящения — 30 декабря (49, 143). Если принять эту дату, то оказывается, что собор был освящен в день рождения старшего сына Дмитрия Московского Василия, родившегося 30 декабря 1371 года.)

Великий князь не обходит вниманием и племянника Сергея — Федора Симоновского. Тот получает место придворного исповедника. Тогда же в Симоновом монастыре, игуменом которого был Федор, начинается строительство каменного собора в честь Успения Божьей Матери.

Восстанавливая дружественные отношения со «старцами», князь Дмитрий пошел навстречу их пожеланиям относительно признания митрополита Киприана. Тем самым он обретал для себя и полезного посредника на переговорах с великим князем Литовским Ягайло. Занимая одновременно две кафедры — киевскую и московскую, Киприан был кровно заинтересован в сохранении мирных отношений между Литвой и Северо-Восточной Русью.

В литературе бытует мнение о том, что Киприан прибыл в Москву только весной 1381 года. В таком случае он не имел никакого отношения к Куликовской битве. Однако последние исследования убеждают в обратном (79, 186). Митрополит прибыл в Москву 3 мая 1380 года и отслужил литургию в «Доме Пречистой Богородицы» — так называли Успенский собор Московского Кремля. Сразу по приезде он принялся восстанавливать старые и налаживать новые дружеские и политические связи. Вместе с Сергием Радонежским он был приглашен крестить сына князя Владимира Серпуховского. Вероятно, в этом приглашении сказались какие-то старые связи митрополита с удельным князем. А в августе 1380 года Киприан во главе московского духовенства благословлял идущие на битву с Мамаем полки.

Однако политическая конъюнктура и смена настроений великого князя готовили Киприану новый удар. Его сближение с Дмитрием Московским окажется недолгим и не переживет роковой даты разгрома Москвы полчищами Тохтамыша (26 августа 1382 года). Уже в октябре 1382 года князь Дмитрий вышлет митрополита из своих владений. По свидетельству летописей, причиной опалы станут трусость Киприана, а также его политическое двоедушие: бежав из Москвы за несколько дней до подхода войск хана Тохтамыша, митрополит направится в Тверь. Вскоре после этого тверской князь Михаил Александрович поехал в Орду за ярлыком на великое княжение.

Но так ли виновен был Киприан? Благодаря ханскому снисхождению Дмитрий остался у власти. Но кто-то должен был ответить за небывалый разгром Москвы. Таким «козлом отпущения» Дмитрий изберет митрополита Киприана. Князь вызовет его из Твери в Москву и потребует немедленно покинуть Северо-Восточную Русь. Знавший характер московского князя Киприан не стал оправдываться, ибо понимал, что Дмитрию нужно выместить на ком-то свою досаду.

Обвинения, которые великий князь предъявил тогда митрополиту, были надуманными. Едва ли Киприан действительно советовал тверскому князю спешить в Орду за ярлыком на великое княжение. Такой совет был бы просто неуместен. Михаил Александрович был самостоятельным политиком. Он и раньше добивался ярлыка в Орде и не нуждался в чьих-либо советах по этому вопросу. Что касается московско-тверского договора 1375 года, скрепленного клятвой и целованием креста, — то такие затруднения русские князья преодолевали благодаря услугам своих придворных клириков. Единственное, в чем Дмитрий мог упрекнуть Киприана, так это в том, что митрополит не воспрепятствовал Михаилу

ехать в Орду за ярлыком. Вероятно, именно так поступил бы митрополит Алексей. Но Киприан и не обещал служить интересам Москвы так же беззаветно, как служил им Алексей. Он стремился «стать над схваткой» и быть общим пастырем для всех русских и литовских князей.

Еще меньше можно было упрекнуть Киприана в том, что он уехал из охваченной мятежом Москвы. Конечно, он мог бы в этой ситуации проявить себя и более активно. Сравнение с митрополитом Алексеем, сидевшим в Москве при осаде ее Ольгердом в 1368 году и воодушевлявшим ее защитников, было не в пользу Киприана. Но, строго говоря, это было не его дело. Он и не выставлял себя вторым Алексеем. И не князю Дмитрию, уехавшему в Кострому и оставившему город на попечение залетного литовского наемника, многодетной жены и бездарных воевод, подобало упрекать иерарха в трусости.

В этой ссоре с Киприаном еще раз проявился самолюбивый характер московского князя. Все виновные в катастрофе заплатили за это своими жизнями. Судить и винить было, по сути, некого. Винить самого себя Дмитрий не привык. Оставались Киприан и серпуховской кузен Владимир. Поведение этого последнего — стоявшего с войском возле Волоколамска — некоторые историки считают почти предательским. Но, в сущности, у нас нет никаких оснований для таких серьезных обвинений. Во всяком случае, Дмитрий не предъявлял брату никаких претензий...

С точки зрения политической целесообразности изгнание Киприана из Москвы было ошибкой. Даже не питая личного доверия к этому человеку, Дмитрий мог бы с его помощью решать сложные церковно-политические задачи. Но эмоции вновь взяли верх над здравым смыслом и трезвым расчетом...

Бедный Пимен

Коль скоро мы всё равно забежали вперед, скажем еще и о судьбе Пимена. Выслав Киприана обратно в Литву, князь Дмитрий распорядился вернуть опального Пимена из ссылки.

Судя по всему, Дмитрий не доверял Пимену и не уважал его как пастыря. Но именно такой человек с подмоченной репутацией и нужен был ему на митрополичьей кафедре. Пимен был послушным орудием в руках великого князя. Его положение было весьма незавидным. Благодаря необычайно удачному стечению обстоятельств Пимен целых семь лет (1382–1389) удерживался на митрополичьем столе. Но это были семь лет

непрерывных тревог. Вынужденный жить в постоянном страхе перед завтрашним днем, Пимен к концу жизни оказался на грани безумия.

Главными противниками Пимена были монастырские «старцы», не простившие ему сомнительной победы над московским «киновиархом» Иваном Петровским. Под их влиянием князь Дмитрий уже в начале 1383 года отказался от поддержки Пимена. На его место «старцы» настойчиво рекомендовали близкого им по духу суздальского епископа Дионисия.

Проведя несколько лет при дворе патриарха, Дионисий стал там своим человеком и к этому времени успел даже сделаться архиепископом. В конце 1382 года он возвратился на Русь, примирился с Дмитрием Донским и заручился поддержкой монастырских «старцев». В июне 1383 года он вновь отправился в Константинополь. В начале 1384 года патриарх Нил, соблазнившись звоном русского золота, поставил Дионисия третьим по счету, после Киприана и Пимена, митрополитом на Русь.

Весной 1384 года Дионисий возвращался из Константинополя полный надежд. Казалось, его сопернику Пимену вскоре придется вновь увидеть пустынные берега Чухломского озера. Однако по дороге в Москву Дионисий имел неосторожность заехать в Киев, во владения Киприана и литовских князей. Вероятно, он надеялся внезапной атакой вытеснить соперника из Киева. В свое время такая самонадеянность едва не погубила Киприана. Теперь она дорого обошлась суздальскому владыке. В Киеве Дионисий был арестован местным князем Владимиром Ольгердовичем и через полтора года умер в заточении.

Эта расправа не могла, конечно, произойти без ведома Киприана. Он предвидел возмущение московских «старцев» и потому, устранив соперника, поспешил оказать его праху высшие монашеские почести. Тело Дионисия было похоронено в подземном кладбище Киево-Печерского монастыря, в его самой святой части — пещере «великого Антония», основателя монастыря. Соперником Киприана в борьбе за великорусский митрополичий престол оставался теперь один Пимен. Но его права постоянно подвергались сомнению. Ни русские, ни греки не простили Пимену подделку великокняжеской грамоты и прочие темные дела московского посольства 1379 года.

9 мая 1385 года Пимен отбыл из Москвы в Царьград. Около трех лет провел он в Константинополе в ожидании патриаршего суда и вернулся на Русь 6 июля 1388 года «без исправы», так и не достигнув желаемого.

Уже весной следующего года Пимен вновь стал собираться в дорогу. К тому времени из Константинополя пришло известие, что он низложен новым патриархом Антонием. Князь Дмитрий возражал против новой

поездки, считая ее пустой тратой сил и средств. Пимен и сам, конечно, не желал этого путешествия. Однако еще более, чем гнев князя и тяготы дальней дороги, его пугали собственные недруги. Враждебные Пимену «старцы» и их единомышленники из числа епископов выражали открытое презрение и неповиновение к низложенному патриархом и оставленному светским покровителем митрополиту.

Одновременно с Пименом, но независимо от него, в Константинополь отправился Федор Симоновский. Выполняя дипломатические поручения московского князя, он в 80-е годы неоднократно путешествовал в Киев и на Босфор. Характер этих поручений остается загадкой. Ясно лишь, что племянник Сергия был искусным дипломатом, но не забывал и о собственных интересах. Для своего Симонова монастыря он выхлопотал «ставропигию» — право подчиняться не епархиальному архиерею (московскому митрополиту), а только самому константинопольскому патриарху. Со временем Федор станет епископом, а затем и архиепископом Ростовским.

В конце июня 1389 года Пимен со свитой прибыл в Константинополь. Там уже находился митрополит Киприан и вскоре появился Федор Симоновский. В Византии иерархи узнали печальную весть: 19 мая 1389 года скончался великий князь Московский Дмитрий Иванович. Последняя шаткая опора Пимена рухнула. Новый патриарх Антоний явно держал сторону Киприана. Пимену оставалось последнее средство: оттягивать патриарший суд, сказавшись больным. Он перебрался на восточный, турецкий берег Босфора и там скрывался от разыскивавших его патриарших клириков.

В сентябре 1389 года после третьей неудачной попытки вызвать Пимена на суд патриарший собор объявил о его окончательном низложении. Это известие доконало митрополита. 11 сентября он скончался. Один из сопровождавших Пимена клириков, Игнатий Смольнянин, в своих путевых записках сообщает, что тело покойного было погребено в церкви Иоанна Предтечи, находившейся за пределами города, на самом берегу моря.

Скудное имущество Пимена перешло в руки Киприана и принявшего его сторону Федора Симоновского. Оба они сильно нуждались в деньгах и делали большие займы у константинопольских ростовщиков.

1 октября 1389 года Киприан выехал на Русь. Помимо Федора Симоновского, его сопровождали два греческих и два русских епископа. Корабль, на котором плыли иерархи, едва не стал добычей осенних штормов на Черном море. Однако судьба хранила Киприана. Поздней

осенью он был уже в Киеве.

Сама по себе смерть Пимена не означала еще окончания «смуты в митрополии». После кончины князя Дмитрия Ивановича умиротворение церкви зависело главным образом от позиции его наследника, 17-летнего князя Василия Дмитриевича. Признанный Ордой, он 15 августа 1389 года взошел на великое княжение Владимирское. 9 января 1390 года в Москве сыграли свадьбу молодого Василия I с единственной дочерью великого князя Литовского Витовта Софьей. Этот брак послужил началом поворота в московской политике. Время героических экспериментов закончилось. Если в эпоху Дмитрия Донского Москва находилась в постоянном — то явном, то скрытом — противоборстве с Литвой, то теперь наступило время примирения. Опасаясь своего могущественного тестя, а также возможного союза между Литвой и Ордой, Василий I всячески стремился поладить с Витовтом.

Осторожному политическому курсу московского князя вполне соответствовала и его церковная политика. Желая укрепить наметившийся московско-литовский союз, Василий принимает митрополита Киприана. 6 марта 1390 года тот торжественно въехал в Москву. Среди великорусских иерархов лишь один игумен суздальского Спасского монастыря Евфимий, ближайший ученик погибшего в киевской тюрьме Дионисия, отказался признать Киприана митрополитом и подчиниться его власти. Длившаяся 12 лет церковная смута подошла к концу.

Итог этих двенадцати лет борьбы и тревог нельзя определить однозначно. Дмитрий Московский не смог в полной мере осуществить свои смелые мечты об автокефалии великорусской церкви. К тому же с течением времени его замыслы менялись. Поначалу это была идея автокефалии Великорусской митрополичьей кафедры. Потом ее сменила более реалистичная идея возведения московского ставленника на кафедру митрополита «всей Руси». А после нашествия Тохтамыша князь Дмитрий, похоже, вообще потерял интерес к церковным делам, предоставив событиям идти своим чередом...

Ранняя смерть князя Дмитрия положила конец всем его смелым, но по существу бесплодным импровизациям в области церковно-политических отношений. Его сын и наследник Василий I вернулся к тому положению, которое существовало во времена Ивана Калиты и митрополита Феоноста. Во главе общерусской церковной организации стоял архиерей из Византии — сначала Киприан, а затем Фотий. Оба они играли роль самостоятельной политической силы и вместе — посредников в спорах между Русью и

Литвой. Такая система имела для Москвы свои достоинства и недостатки, соотношение которых ныне уже не поддается сколько-нибудь точному подсчету.

Во всяком случае, эта система была достаточно ясной и уравновешенной. Об этом свидетельствует тот факт, что обе державы — и Москва, и Литва — упрямо держались за нее вплоть до ее полного разрушения изменившимися историческими обстоятельствами.

Глава 24

СОБОР

И начал Соломон строить дом Господень в Иерусалиме...

2 Пар. 3, 1

Во все времена великие идеи находили свое воплощение в великих сооружениях. Древний Египет смотрит сквозь века невидящим взором сфинкса. Императорский Рим оставил потомкам Колизей — символ вселенского могущества и логического совершенства. Европейское Средневековье таинственно мерцает разноцветными огнями шартрских витражей. Век Просвещения выстраивает шеренги своих гармонических портиков и фронтонов...

Просим у читателя прощения за некоторую банальность, но не удержимся от известной цитаты из Гоголя. «Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе» (121, 77). Это справедливо не только по отношению ко всемирной истории. У России есть своя архитектурная летопись. Но летопись эта — увы! — зияет такими же огромными провалами, как и летопись рукописная. Один из таких «провалов» — главный архитектурный символ эпохи Дмитрия Донского Успенский собор в Коломне. Судьба этого памятника как в капле воды отразила переменчивую судьбу Руси. Но здесь необходимо некоторое историческое предуведомление...

Между Москвой и Рязанью

Вторая столица Московского княжества, Коломна появляется на страницах летописей во второй половине XII столетия. Она была основана рязанскими князьями как крепость в стратегически важном районе — на правом берегу Москвы-реки, близ устья речки Коломенки, в пяти километрах от впадения Москвы-реки в Оку.

Некогда Коломна была третьим по значению городом Рязанского княжества после самой Рязани и Пронска. Через Коломну шел самый короткий путь из Рязани во Владимир на Клязьме. Здесь, на северной

границе Рязанского княжества не раз стояли войска великих князей Владимирских, стремившихся подчинить своей власти буйных рязанских князей.

Беспощадное время уничтожило свидетельства старины. Ранняя история Коломны весьма туманна. Точная дата ее основания неизвестна. Равным образом нет ясности и относительно того, была ли Коломна самостоятельным уделом Рязанского княжества. Наконец, спорными являются и дата включения Коломны в состав Московского княжества, и обстоятельства этого события.

Важную, но не вполне понятную роль в истории Коломны сыграл «монгольский фактор». Существует мнение, согласно которому «город находился под монгольской юрисдикцией еще в XIII веке и, видимо, до времени правления Ивана Калиты передавался в качестве наследственного владения крупной феодальной золотоордынской семьи, наделенной баскаческими функциями» (149, 41).

С уверенностью можно сказать лишь одно: для овладения Коломной московские князья использовали обман, коварство и произвол, что позволяло рязанским князьям вплоть до 80-х годов XIV века оспаривать этот город у потомков Ивана Калиты.

Овладев городом, москвичи спешно принялись за его укрепление. Для такого важного дела людей и денег не жалели. Построенная московскими Даниловичами дерево-земляная крепость была в 4–5 раз больше прежней, «рязанской». Новый коломенский Кремль занимал площадь 20–22 га. Он превосходил Московский Кремль Ивана Калиты (19 га) и лишь немногим уступал белокаменной московской крепости Дмитрия Донского (23 га) (232, 233). Около 1330 года Иван Калита дополнительно укрепил новую коломенскую крепость (232, 231). Примечательно, что он занялся этим раньше, чем обновил Московский Кремль (1339 год).

Коломна была южными воротами Руси. Город жил в постоянном движении и быстро рос (232, 229). Здесь многое начиналось и многое заканчивалось. К воротам Коломны Великая степь приносила торговые караваны и табуны лошадей, свирепые ордынские «рати» и грозную чуму. Отсюда во все стороны расходились водные и сухопутные дороги. Из Коломны начинался основной — Окско-Волжский — водный путь в Орду. Отсюда же направлялись в Царьград. Для этого в районе Переволоки (современный Волгоград) нужно было с Волги перебраться на Дон и далее — в Черное море. Раскрытая на все стороны, Коломна стояла на каком-то бесприютном перекрестке людей и времен.

Опираясь на Коломну, московские князья начали тихую, но

настойчивую экспансию в рязанские земли. Их главной целью были волости по левому берегу Оки. Только овладев этими территориями, москвичи могли приступить к созданию единой оборонительной линии по Оке, позднее получившей название Берега. Кроме того, эти земли отличались плодородием. Рязань была житницей Москвы.

Понятно, что московская экспансия вызвала сопротивление местных правителей. Они ждали удобного момента, чтобы нанести ответный удар и отбросить москвичей вглубь страны.

«Ситуация на московско-рязанском пограничье резко обострилась в 50-х гг. XIV в., — пишет современный исследователь. — На рязанском столе в это время оказался энергичный и очень молодой Олег Иванович, который, воспользовавшись смертью от чумы Симеона Гордого, начал борьбу за возвращение утерянных земель. В 1353 г. рязанцы захватили центр волости Лопасни и пленили находившегося там наместника» (231, 100). При участии ордынского посла состоялось московско-рязанское размежевание земель. Москвичи вернули Лопасню, но взамен вынуждены были отдать рязанцам некоторые пограничные волости, которые те считали своими.

Примечательно, что в период правления Ивана Красного опальные бояре отъезжали из Москвы именно в Рязань. Здесь их ждал теплый прием.

Попытки Олега Рязанского вернуть Коломну в состав своих владений продолжались до 1385 года, когда благодаря посредничеству Сергия Радонежского старая вражда сменилась прочным династическим союзом Москвы и Рязани.

Владыки, наместники, викарии...

С московско-рязанскими властными и территориальными спорами было связано и создание митрополитом Феогностом Коломенской епархии. Этого требовала сама конфликтная ситуация. Региону нужен был авторитетный и опытный миротворец. В обязанности епископа традиционно входила миротворческая и посредническая миссия. Но помимо лицевой стороны этого вопроса существовала и «изнанка». Митрополит Феогност имел большой опыт взаимовыгодного сотрудничества с домом Ивана Калиты. Неофициально, но вполне реально новый владыка должен был представлять интересы Москвы.

Относительно политических симпатий и деятельности первого коломенского владыки Афанасия достоверно известно следующее. 13 марта

1353 года вместе с владимирским владыкой Алексеем и епископом Афанасием Волынским он присутствовал на похоронах умершего за два дня перед тем митрополита Феогноста (45, 98). Очевидно, что всех трех иерархов это печальное событие застало в Москве. Там они находились и 26 апреля 1353 года, в день кончины великого князя Семена Гордого. В том же составе эти три иерарха выступили свидетелями его духовной грамоты (8, 13). Судя по всему, и на Пасху 24 марта 1353 года они также были в Москве — весенняя распутица не допускала стремительных переездов из Коломны в Москву и обратно. Что касается Афанасия Волынского, то он постоянно жил в Москве (позднее — в Переяславле Залесском) в качестве своего рода «политического эмигранта» и одновременно — *викарного епископа* (от латинского *vicarious* — заместитель), помощника престарелого и больного Феогноста. Владыка Алексей — будущий митрополит — также имел в Москве постоянную резиденцию и был лишь титульным епископом. Но что делал здесь Афанасий Коломенский? Очевидно, он также был викарным епископом и по большей части жил в Москве, выполняя разного рода поручения митрополита Феогноста. Являясь полноправным членом сообщества русских иерархов, викарный епископ был весьма полезной фигурой для митрополита (или его наместника) в разного рода церковно-политических интригах.

(Практика назначения викарных епископов в Московской Руси слабо изучена историками. Этот латинский по происхождению институт под своим собственным названием появляется в Русской церкви только во времена Петра Великого. Однако на деле викарные епископы — которых не следует путать с митрополичьими *наместниками*, не имевшими епископского сана, — были известны и гораздо ранее.)

Владыка Афанасий умер зимой 1362/63 года — вероятно, от чумы (43, 74). Судя по летописному известию, умер он «на Коломне», то есть в своем епархиальном центре.

Следующий коломенский владыка, Филимон (после 1363 — ранее 1374), до возведения на кафедру был переяславским архимандритом, то есть главой всего монашеского сообщества Переяславля Залесского. Московские князья любили Переяславль с его большим светлым озером и часто бывали там. Соответственно, должность переяславского архимандрита мог получить только человек, близкий к московскому княжескому дому. В 1348 году Филимон был свидетелем договора между московскими князьями, сыновьями Ивана Калиты (8, 13). Вероятно, он был выходцем из Горицкого монастыря в Переяславле Залесском — обители, основанной Иваном Калитой (116, 205). Во всяком случае, известно, что

следующий переяславский архимандрит Пимен (будущий митрополит) был настоятелем именно этой обители.

Что касается третьего коломенского владыки, епископа Герасима (не позднее 1375–1388), то это был всецело московский ставленник, один из самых доверенных людей митрополита Алексея. Источники позволяют реконструировать его жизненный путь. Сначала Герасим был митрополичьим диаконом, потом игуменом, выполнявшим ответственные дипломатические поручения митрополита Алексея, потом архимандритом московского Чудова монастыря (любимой обители святителя), откуда он и был поставлен епископом Коломенским. По кончине Алексея Герасим стал верным сподвижником Митяя. Отправляясь в Константинополь, Митяй оставил местоблюстителем митрополичьей кафедры именно его (231, 189).

Историк Русской церкви митрополит Макарий (Булгаков) посвящает Герасиму Коломенскому в своей «Истории» всего несколько слов — в связи с описанием подвигов пламенного миссионера, «крестителя Перми» Стефана Пермского: «Герасим, епископ Коломенский, сначала по повелению наместника митрополичьего архимандрита Михаила (Митяя), правившего митрополиею, рукоположил Стефана в сан пресвитера, а потом, вероятно, по отшествии Митяя в Царьград (в июле 1379 г.), сам, заведая делами митрополии, благословил Стефана на его святое дело, напутствовал архипастырскими наставлениями, снабдил святым миром, антиминсами, частицами святых мощей и другими церковными вещами» (234, 89). Известно, что миссия Стефана Пермского была одобрена самим великим князем Дмитрием Ивановичем и принесла большую пользу московскому делу.

Итак, местоблюститель — это епископ, временно заменяющий первоиерарха. Иное дело — наместник. Эта должность требовала не столько сана, сколько деловых качеств. Митяй был назначен наместником митрополита Алексея, будучи архимандритом Спасского монастыря. Полномочия наместника не были четко и однозначно прописаны в церковном праве. В каждом конкретном случае архиерей сам определял права и обязанности своего наместника. Судя по всему, святитель Алексей назначил Митяя своим наместником, но не определил пределы его власти. Толкуя эти пределы крайне широко (и имея за спиной поддержку великого князя), Митяй стал распоряжаться такими вопросами (имущественными, церковно-правовыми, кадровыми), которые по традиции мог решать только полноправный митрополит. Имея относительно низкий иерархический статус (архимандрита), Митяй вершил дела, входившие в компетенцию

архиереев. Отсюда возникло классическое противоречие должности и звания.

(Если перенести эту ситуацию в современное военное ведомство, то можно сказать, что командиром дивизии (или исполняющим обязанности комдива) вместо генерала был назначен майор, приказам которого вынуждены подчиняться командиры полков — полковники. В научной среде сходная ситуация могла возникнуть в том невероятном случае, когда заведующим кафедрой, на которой работают профессора и доктора наук, оказался бы кандидат наук и ассистент.)

На эту «ахиллесову пята» Митяя и указал без обиняков раздраженный поведением наместника суздальский владыка Дионисий. Эта церковно-бюрократическая головоломка — епископ, исполняющий распоряжения архимандрита, имеющего полномочия митрополичьего наместника, — приводила в замешательство и древнерусских агиографов, и маститых историков церкви. Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского рассказывает о том, что святой, задумав отправиться на проповедь в далекие пермские земли, явился за благословением и помощью к владыке Герасиму, «епископу Коломенскому, наместнику на Москве, сущу ему старцу многолетну и добroleпну, иже бе святил его (Стефана. — Н. Б.) на поставление прозвистерства» (234, 435). Из текста явствует, что митрополичьим наместником мог быть и епископ — вопреки мнению митрополита Макария (Булгакова).

Надо полагать, что еще со времен святителя Алексея Москва с округой выделялась из митрополичьей епархии в особую церковно-административную единицу, текущее управление которой митрополит (или исполняющий обязанности митрополита) поручал викарному епископу Коломенскому. По своим правам и обязанностям он был близок к обычным наместникам, хотя, строго говоря, наместником не являлся. Агиограф не стал вникать в эти бюрократические тонкости и использовал общепонятный термин — наместник. Эта традиция — Москва как собственно патриаршая епархия и митрополит Крутицкий и Коломенский в качестве епархиального архиерея Московской области — в общих чертах сохранилась и до наших дней.

Судя по тому, что Герасим сохранил свое положение епископа Коломенского и после кончины Митяя, при митрополитах Киприане и Пимене, это был сговорчивый и обходительный человек, пользовавшийся уважением знати и самого великого князя Дмитрия Ивановича. Главным событием его жизни стало благословение русских полков, проходивших через Коломну на Куликово поле. Герасим дожил до весьма преклонного

возраста и умер окруженный почетом. Современный историк дает ему следующую характеристику: «Перед нами — приближенный митрополита Алексия, его выдвиженец и доверенный порученец, опытейший и убежденный проводник промосковской линии в политике митрополии» (231, 192).

Москва и Коломна

Привязывая Коломну к Москве прочными нитями церковно-иерархических связей, Дмитрий Московский не забывал и о силовых методах решения территориальных споров. Военные возможности русских князей вообще и рязанских князей в частности в ту пору были невелики. Захватить огромную Коломенскую крепость штурмом силами одной княжеской дружины не представлялось возможным. Длительная осада в условиях изменчивой военно-политической ситуации была бесперспективной. Взять Коломну можно было только обманом или изменой. Рязанские князья, безусловно, имели в городе своих тайных сторонников. Их внезапное выступление при поддержке массы горожан могло положить конец власти москвичей. Таким образом, в борьбе за Коломну очень многое зависело от настроения горожан. Вероятно, и в те времена провинциалы не любили москвичей, считая их высокомерными бездельниками.

Желая поближе сойтись с коломничанами за пиршественным столом, Дмитрий Московский отпраздновал здесь свою свадьбу с Евдокией Суздальской (18 января 1366 года). Возможно, в этом решении не обошлось и без исторических аналогий. Такой начитанный в летописях человек, как митрополит Алексей, конечно, знал, что великий предок Дмитрия Александр Невский справлял свою свадьбу с Александрой Полоцкой в Торопце — стратегически значимом городе на северо-западной границе русских земель. Столь же значимой для Дмитрия Московского была и пограничная Коломна.

Там же, в Коломне, отпраздновал свою свадьбу с родной сестрой Евдокии Суздальской Марьей старший сын московского тысяцкого Микула Васильевич Вельяминов. Полагают, что и брак князя Дмитрия Московского с суздальской княжной был заключен «при деятельном содействии» главы московского боярства тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова (112, 215).

«Обе свадьбы игрались в Коломне — этим обозначалась решимость

Москвы отстаивать за собой рязанский в прошлом город, захват которого в начале века Рязань не признавала» (191, 52).

В этой связи и последующее возвышение коломенского попа Митяя — княжеского духовника, печатника и нареченного митрополита — можно рассматривать как своего рода «поклон» Москвы в сторону Коломны. Безусловно, стремительная карьера земляка была предметом гордости коломничей. В свою очередь, и Митяй не забывал своей «малой родины», доверял важные посты ее представителям. Став после смерти Алексея фактическим главой Великорусской митрополии, Митяй сделал своим главным помощником, своей «правой рукой» коломенского епископа Герасима. Можно с уверенностью полагать, что и каменное строительство в Коломне велось под наблюдением и покровительством Митяя.

Белый камень

В качестве наместника Митяй получил доступ к митрополичьей казне, сильно пополнившейся стараниями домовитого святителя Алексея. Естественным желанием княжеского фаворита было отблагодарить Всевышнего, ниспославшего ему, бедному сельскому попу, такую судьбу. Лучшей благодарностью могло стать возведение большого храма у себя на родине. Заметим, что так поступали все русские фавориты — от Шигони-Поджогина и Басманова до Меншикова и Разумовского.

К этому времени в Коломне уже имелся небольшой каменный собор, построенный около середины XIV столетия в связи с открытием Коломенской епархии. Но его скромные размеры и неказистый вид заставляли искать более впечатляющих образов.

Душеприказчиком митрополита Алексея и главным хранителем его казны был великий князь Дмитрий Иванович. Митяю удалось увлечь порывистого Дмитрия своим проектом постройки в Коломне небывалого по размерам каменного кафедрального собора. Дмитрий имел и личные мотивы заинтересоваться предложением Митяя. Военные кампании, которые, конечно, представляли в Москве как великие подвиги юного князя Дмитрия, — «Суздальщина», «Литовщина», тверская война и наконец «розмирие» с Ордой и битва на Воже, требовали подобного монумента в виде храма из белого камня.

Идея о постройке белокаменного храма-памятника в честь успехов Москвы в эти годы, что называется, «витала в воздухе». Поначалу храм предполагали возвести в Москве. Но в плотно застроенной столице

единственным местом для такого монумента мог быть один из пригородных монастырей. И храм-памятник был заложен в излюбленном князем Дмитрием Симоновом монастыре.

Летописи почему-то умалчивают о закладке собора в Симоновом монастыре. Единственным указанием на сей счет служит сообщение Симеоновской летописи под 6913 годом (1404/05) о завершении строительства.

«Тоя же осени октября 1 (праздник Покрова Богородицы. — Н. Б.) священа бысть церковь камена на Симанове, Успение Святыя Богородица, юже основа Феодор архимандрит, а съвърши ю князь великий Василен Дмитриевич, а священа по первом основании в 26-е лето» (45, 151).

Похоже, что летописец на сей раз был пунктуален в хронологических подсчетах. Если собор был заложен весной 1379 года, то 25 лет этой дате исполнилось весной 1404 года. Далее пошло 26-е лето. Осень 1379 года, а конкретно день освящения собора (1 октября) точно соответствует указанию летописца «в 26-е лето».

История Успенского собора в Симоновом монастыре вырисовывается следующим образом. Основателем монастыря в Старом Симонове был Сергей Радонежский, а первым игуменом — его племянник Феодор. Решение о постройке мемориального храма-памятника в честь Успения Божьей Матери в Новом Симонове было принято осенью 1378 года, вскоре после битвы на Воже. Конечно, и здесь не обошлось без участия Сергея Радонежского и Феодора Симоновского. Финансировать строительство должна была великокняжеская казна.

Помимо благодарности небесным силам за победу над «погаными» в битве на Воже постройка собора была и естественной реакцией верующих людей на грозные явления в природе, в которых видели признаки надвигающихся бедствий и скорого Страшного суда. Осенью 1378 года к Земле приблизилась комета Галлея (289, 184). Ее загадочное сияние внушало страх и трепет. «Бысть некое проявление, по многии нощи являшася таковое знамение на небеси: на востоце пред раннею зарею звезда некаа, аки хвостата и якоже копейным образом, овогда вечерней заре, овогда же во утрении; то же многажды бывааше» (34, 326).

Едва успела исчезнуть комета, как в ночь с 4 на 5 декабря 1378 года произошло полное затмение луны. «Бысть знамение на небеси: луна помрачися, и в кровь преложися»...(42, 44).

В ту пору люди знали только два способа защиты от гнева Божьего: покаяние и богоугодные дела. К последним относилось и строительство храмов...

Строительные материалы для Успенского собора Симонова монастыря — бревна для лесов, белый камень, известь, тѣс — повезли «по санному пути» зимой 1378/79 года. Недостающее подвозили летом на судах по Москве-реке. Торжество закладки храма, вероятно, состоялось поздней весной. Таков был обычный ритм каменного строительства.

Летом 1379 года в Симоновом монастыре кипела работа. Однако по мере того как ухудшались и без того напряженные отношения между «монастырскими старцами» (Сергием Радонежским и Феодором Симоновским) и нареченным митрополитом Михаилом (Митяем), финансирование строительства сокращалось. Это была своего рода месть фаворита своим недругам.

В конце концов, Митяй убедил великого князя вообще прекратить работы в Симоновом монастыре и перебросить силы и средства в Коломну. Вероятно, и тут не обошлось без интриги. Зная характер великого князя, его стремление везде и во всем быть первым, Митяй настойчиво напоминал Дмитрию о том, что в Серпухове его кузен и вечный соперник князь Владимир строит величественный городской собор во имя Святой Троицы. Завершение строительства и торжественное освящение храма были намечены на конец лета — начало осени 1380 года. Престиж великокняжеской Москвы и самого Дмитрия требовал, чтобы Коломенский собор был окончен и торжественно освящен раньше, чем собор в Серпухове.

Против такого довода князь Дмитрий устоять не мог. Он воспылил духом соперничества и ради победы был готов на всё. Осенью 1379 года все строительные силы Москвы были брошены в Коломну. Вместо отправившегося в Константинополь Митяя за работой следил владыка Герасим Коломенский.

Реконструкция

Русские летописцы не перестают удивлять историков своей непредсказуемостью. Зачастую они не замечают таких событий, которые, кажется, нельзя было не отметить. Среди этих летописных пробелов — история строительства Коломенского собора. Н. Н. Воронин относит начало строительства к 1379 году (116, 195). Эту дату принимают и современные исследователи (231, 292).

Существующий ныне Успенский собор в Коломне построен в 1672–

1682 годах из кирпича и частично из белого камня. Он встал строго на месте древнего собора. При археологических исследованиях удалось обнаружить лишь фрагменты фундаментов и кладки собора 1379 года. Они позволили Н. Н. Воронину гипотетически реконструировать общий вид собора:

«Прежде всего возникает вопрос о типе здания: был ли это небольшой четырехстолпный храм или большой шестистолпный собор? Как показали наши разведки, он был меньше существующего; его северная стена шла параллельно стене последнего на расстоянии 1 м, точно так же и алтарная апсида оказалась внутри новых стен, заложенных на новом фундаменте. Можно, следовательно, думать, что также внутри существующего собора оказались южная и западная стены древнего. Но и при этом он был внушительным зданием, очень немногим уступая, например, Успенскому собору во Владимире (в его первоначальном виде 1158–1160 гг.). Внутренние размеры последнего равны 15,2х24,9 м, предполагаемые внешние размеры Коломенского собора примерно равны 15,6х25,38 м. Павел Алеппский (сирийский путешественник, посетивший Москву в 1650-е годы. — Н. Б.) с полным правом мог назвать его „великой“ и „величественной“ церковью. Следовательно, храм Донского был большим шестистолпным городским собором, первым в XIV в. (все московские соборы Ивана Калиты были четырехстолпными) и единственным во всем московском зодчестве XIV–XV вв. Характерно и само посвящение собора Успению, как кремлевского храма Калиты и как собора Андрея Боголюбского во Владимире. Но если собор Калиты следовал „образцу“ сравнительно небольшого Георгиевского собора 1230–1234 гг. в Юрьеве-Польском и лишь своим посвящением указывал на преемство значения владимирского епископского и митрополичьего собора, то собор Донского в Коломне впервые ставил задачу приблизиться и к масштабам центрального памятника великокняжеского Владимира. Возможно, что к этой мысли толкало и наличие во враждебной Твери большого шестистолпного Спасского собора» (116, 200).

Итак, по мнению Воронина, это был грандиозный для своего времени проект, предвосхищавший мечту Ивана III о перенесении в Москву символа древнерусской государственности — Успенского собора во Владимире. Потомки должны были помнить о величии дел великого князя Дмитрия Ивановича. Небесные силы должны были прийти к нему на помощь в новых подвигах. С этой целью в Коломенском соборе был устроен придел во имя святого Дмитрия Солунского — небесного покровителя московского князя Дмитрия Ивановича.

Храм был красив, статен и похож на пламя гигантской свечи. Основной объем здания был поднят на высокий подклет, в котором находилась усыпальница. С трех сторон собор окружала открытая галерея на арках, благодаря которой храм как бы парил в воздухе. Верх здания был увенчан тремя ярусами закомар и кокошников с килевидным завершением.

(Одни люди верят всему, что им говорят; другие, напротив, ставят за правило во всем сомневаться. Удовлетворив первых, мы должны не забыть и о вторых. Для их удовольствия отметим, что реконструкция Коломенского собора, предложенная Ворониным, не является общепринятой. Исследователи характеризуют этот собор как «очень неясный памятник со сложной строительной историей, у которого был собор-предшественник предположительно середины XIV в.» (232, 235). Печальная истина состоит в том, что археологические источники не менее обманчивы, чем письменные. Почти на тех же фрагментах фундаментов древнего собора, на которых Воронин строил свою реконструкцию, позднейшие исследователи определяли собор то как четырехстолпный, то как бесстолпный (231, 293).)

Помимо Успенского собора в Коломне времен князя Дмитрия Ивановича можно предполагать существование еще нескольких небольших каменных храмов: церкви Воскресения Христова в центре города, храмов Голутвина и Бобренева монастырей, церкви Иоанна Предтечи в загородной резиденции коломенских епископов селе Городище. Однако точных данных о времени их постройки и архитектурном облике не сохранилось.

Среди знатоков средневекового русского зодчества нет единомыслия относительно масштабов каменного строительства в эпоху Дмитрия Донского. Современные исследователи этой темы приходят к выводу о том, что «к каменному строительству в Московском княжестве в воинственную эпоху Донского можно с достаточной уверенностью отнести возведение *всего трех каменных построек* — собора Чудова монастыря в Москве, Успенского собора в Коломне и стен Московского Кремля» (154, 23). Напомним читателю, что собор Чудова монастыря строил митрополит Алексей, а Кремль — весь московский боярский корпус. Таким образом, собственной постройкой князя Дмитрия остается один лишь собор в Коломне.

Катастрофа

Приход строителей из Симонова монастыря осенью 1379 года и последовавший за этим авральный режим работы стали бедствием для

Коломны. На стройке собора воцарились спешка и неразбериха. Великий князь требовал любой ценой закончить храм летом 1380 года и выиграть строительное соревнование с Владимиром Серпуховским. В результате с Коломенским собором случилось то, что сто лет спустя случится и с новым Успенским собором в Московском Кремле: своды и часть стен рухнули. В Москве причиной неудачи зодчих (по мнению Аристотеля Фиораванти) стала слишком жидкая известь. Вполне вероятно, что и в Коломне причина была та же: низкое качество извести, приготовленной наспех и неумело. Возможно, известь была слишком разбавлена вороватыми подрядчиками.

Летописец не рассуждает о причинах катастрофы, а только сообщает сам факт. Летом 1380 года, в жаркий июльский день, «падесея церковь камена на Коломне, уже свершения дошедши, юже создал князь великийи Дмитриий Иванович» (43, 138).

А рядом с известием о катастрофе, «в пандан», летописец сообщает об освящении собора в Серпухове: «В лето 6888 месяца июня (надо: июля. — Н. Б.) в 15 день, в неделю, священа бысть зборнаа церковь во имя Святыя Троица в граде Серпохове, юже созда христолубивый князь Володимер Андреевич» (43, 138).

Дмитрий Московский был потрясен вестями из Коломны. Это был несмываемый позор. Все недруги и завистники Москвы потешались над самоуверенным московским князем, задумавшим встать вровень с великим строителем Андреем Боголюбским. Многие связывали падение Коломенского собора с гневом Божиим на гордеца и выскочку Митяя, с именем которого было связано это строительство. Иные высказывались и относительно греховности самого великого князя Дмитрия Ивановича...

Положение казалось отчаянным. Дмитрий понимал, что любая война с Ордой начнется от Коломны — южных ворот Москвы. С каким настроением пойдут на битву воины, глядя на руины собора — верный знак Божьего гнева на москвичей и их самонадеянного князя?

В итоге решено было сделать вид, что ничего особенного не произошло: убрать рухнувшие камни сводов, навести над проломом временную крышу и освятить храм. А 15 августа, на престольный праздник, провести в уцелевших после катастрофы стенах Успенского собора первое торжественное богослужение.

Но как ни старались московские витии во главе с коломенским владыкой Герасимом восхвалять в своих проповедях княжеское благочестие, как ни напрягали голоса московские певчие, привезенные в Коломну на праздничное богослужение, — ощущение смутной тревоги, возникшее после падения собора, осталось. В толпе говорили: дело не в

строительных просчетах. Что-то недоброе, роковое тяготеет над всеми замыслами внука Ивана Калиты. Погиб пораженный гневом Божиим княжеский любимец Митяй. Теперь Небеса отказывались принимать московский дар — белокаменный собор. Всё это наводило на горькие мысли даже самые беспечные головы. Непокойно было на душе и у самого великого князя. Победа над Бегичем в битве на Воже придала ему силы, наполнила уверенностью в себе. Падение собора пошатнуло эту уверенность.

Когда был полностью восстановлен рухнувший Коломенский собор? Прямого сообщения об этом в летописях нет. Известие Троицкой летописи под 1392 годом оставляет простор для толкований: «Того же лета подписана бысть на Коломне церковь каменная сборная Успенья Святая Богородица, юже созда князь великийи Дмитриий Иванович дотолѣ еще за 10 лет» (72, 440).

Если понимать это известие буквально, то восстановление рухнувшего собора завершилось в 1382 году. Но русские летописцы не любили точных подсчетов и предпочитали округлять числа. Возможно, это лишь примерный счет от летописного известия 1380 года о рухнувшем Коломенском соборе. На эту связь косвенно указывает и повтор в известии 1392 года словесной конструкции известия 1380 года — «юже создал князь великийи Дмитриий Иванович».

Нашествие Тохтамыша, последовавшая за ним выплата огромной дани в Орду, а также тяжелые войны с Новгородом и Рязанью приостановили строительные работы в Московском княжестве. Конечно, при желании деньги всегда могли найтись. Ведь именно в это время Москва начнет чеканку собственной серебряной монеты с именем великого князя на одной стороне и Тохтамыша — на другой. Но князь Дмитрий Иванович словно позабыл о своих строительных проектах в Симоновом монастыре и Коломне — и погрузился в насущные военно-политические проблемы.

Дела отцов завершают сыновья. Москва следовала этому вечному закону. В начале 40-х годов XIV века Семен Гордый, взойдя на трон, вместе с братьями предпринял роспись и украшение каменных храмов Московского Кремля, построенных Иваном Калитой в 1326–1333 годах, но по разным причинам оставшихся без отделки. История эта вполне типична. Таким способом — строительством и украшением общественных зданий — новый правитель наглядно выражал свою династическую преемственность и личное благочестие. В этом же ряду стоит и роспись Коломенского собора, выполненная сыном и наследником Дмитрием

великим князем Василием I в 1392 году. Тревога и неуверенность охватили князя Дмитрия. И дело было не только в злополучном Коломенском соборе. Порой ему казалось, что он вступил на узкий и шаткий мост над пропастью. Один неосторожный шаг — и он сорвется в темную бездну.

Он подолгу горячо молился в придворной молельне, вопрошая Господа о путях земных. Не находя успокоения, он шел по переходам в темный, освещенный только дюжиной свечей собор и, преклонив колена у могил отца и деда, мысленно беседовал с ними, прося помощи и совета. Воспитанник святителя Алексея, Дмитрий хорошо знал Священное Писание. И мысль его неуклонно возвращалась к той истории, о которой говорила и спорила тогда вся книжная Русь и которую так и сяк толковали даже нищие на паперти и ярыжки в кабаках. То была история ветхозаветного иудейского царя Седекии. Пренебрегши предостережениями великого пророка Иеремии, Седекия сговорился с соседними правителями и поднял мятеж против вавилонского царя Навуходоносора, которому по воле Божьей подчинялись и платили дань иудеи. Следствием этого стал опустошительный поход Навуходоносора в Иудею. После тяжелой 16-месячной осады Иерусалим был взят, а его жители частью перебиты, частью отведены в плен. Иудейский царь был захвачен живым. Навуходоносор приказал казнить перед лицом Седекии жену и детей, а ему самому выколоть глаза и в цепях отвести в Вавилон, где он и кончил дни свои в темнице (4 Цар. 25, 6; 4, 150).

Власть ордынских ханов на Руси привыкли рассматривать как повторение библейской матрицы — «вавилонского плена». Эту мысль духовенство внушало народу на протяжении полутора веков. Соответственно, и восстание князя Дмитрия против Орды уподоблялось богоборческому мятежу Седекии. Пророчества Иеремии звучали так, словно они прямо относились к Руси. Против такого противника бессильны были все полки мира сего. Дмитрий понимал это и внутренне трепетал. Но пути назад уже не было. А путь вперед преграждала грозная тень Иеремии. Проклятия библейского пророка мог отвести от головы великого князя только другой пророк — живой и ведущий свой разговор с Богом. Тогдашняя Русь знала только одного человека, чьи пророчества сбывались с удивительной точностью. То был «великий старец» Сергей Радонежский.

В середине августа 1380 года, когда орда Мамаю, словно хищная птица, медленно кружила в степи, князь Дмитрий с небольшой свитой отправился на Маковец. Так называли поросший лесом холм, на котором стоял монастырь «великого старца»...

Часть третья

ОГОНЬ И ДЫМ

Глава 25

КУЛИКОВО ПОЛЕ

И будет в тот день, говорит Господь Саваоф: сокрушу ярмо его, которое на вые твоей, и узы твои разорву; и не будут уже служить чужеземцам, но будут служить Господу Богу своему и Давиду, царю своему, которого Я восстановлю им.

Иер. 30, 8-9

В юго-восточном углу Тульской губернии, у впадения в Дон речушки со сказочным названием Непрядва, раскинулось знаменитое Куликово поле. Здесь 8 сентября 1380 года русские полки под общим командованием московского князя Дмитрия Ивановича сразились с войском правителя Орды бекляри-бека Мамаю. Целый день длилась кровавая сеча. Поле щедро пропиталось русской и степной кровью. Но русская кровь лилась не напрасно. Битва окончилась победой, эхо которой отзывалось на Руси и через несколько веков.

В то утро над полем долго стоял туман. Словно сама природа давала

людям последнюю возможность одуматься, покончить дело миром и разъехаться по домам, вернуться к своим делам и семьям. Но люди уже облачились в доспехи и выстроились в полки. Воспылав ненавистью, они хотели убивать и убивать.

И вот туман понемногу рассеялся. Запели боевые трубы, поднялись полковые стяги, пришли в движение темные массы людей. Ритмичный грохот огромных барабанов и пронзительный свист зурны пробуждали в людях какое-то смутное, первобытное желание убивать врага любыми способами: с хрустом ломать ему кости, резать и рубить его тело острым железом, душить его руками, а если придется — то с рычанием рвать его плоть зубами, пить его горячую кровь. Дикая музыка сражения, идущая из темной глубины веков, превращала человека в яростное животное. Это безумие помогало бойцам преодолеть страх и победить врага. Но когда битва кончалась — всем становилось не по себе от только что пережитого остервенения. Люди падали с ног от усталости и нервного напряжения. А издалека уже доносился звон колоколов походной церкви, призывавший православных покаяться и возблагодарить Господа за дарованную победу...

Сегодня поле Куликово окутано глубокой тишиной. Трудно представить, что когда-то здесь поднимался к небесам жуткий вопль многих тысяч сражающихся людей. С этим воплем сливались конское ржание и лязг мечей, посвист стрел и гулкие удары палиц о деревянные щиты.

К вечеру сражение затихло и в наступившей тишине отчетливо слышны были стоны раненых, мольбы о помощи, одинаково внятные на русском и татарском языках. Победители разъезжали на конях и бродили пешком по заваленному телами полю в поисках друзей и родственников. Вышли на промысел и вездесущие мародеры, срывавшие с трупов оружие и доспехи, амулеты и одежду.

Потом ушли и мародеры. Ночь расправила над степью свое усыпанное звездами черное крыло. Великая тишина Дикого поля вернулась в свои владения. А через год или два ничто уже не напоминало на Куликовом поле о той кровавой страде, на которой так усердно потрудились люди...

Вопросы без ответов

В школьном изложении отечественной истории — а значит, и в историческом сознании большинства населения страны — отчеканены четыре великие битвы: Куликовская, Полтавская, Бородинская и

Сталинградская. Столь разные по масштабу и времени, они близки в одном: здесь решалась судьба русского народа и Русского государства. Так, во всяком случае, утверждает наша историческая мифология — родная сестра исторической науки.

В ряду этих великих сражений Куликовская битва — самая далекая от нас и потому самая загадочная. По всем вопросам, которые только можно задать на эту тему, историки высказывают различные мнения. Литература, посвященная Куликовской битве, своим изобилием и вместе с тем отсутствием единой картины напоминает россыпи гальки на морском берегу (137, 15). Пожалуй, не подвергается сомнению только результат — победа русского войска. Всё остальное спорно, сомнительно, гипотетично.

Главная причина такого положения — отсутствие достоверных источников, созданных сразу после событий. Древнейший сохранившийся до наших дней список летописи с рассказом о Куликовской битве (Рогожский летописец) датируется 40-ми годами XV века. Самый старший из шести сохранившихся списков «Задонщины» (Кирилло-Белозерский) относится к концу XV века. Что касается самого популярного из памятников Куликовского цикла — «Сказания о Мамаевом побоище», — то его старший список датируется 20-ми годами XVI века.

Итак, середина XV столетия... За более чем полвека после битвы ее восприятие существенно изменилось. Любой древнерусский текст за это время подвергался редакторской работе нескольких поколений книжников. То, что казалось важным одним, вычеркивалось другими. Простые по стилистике сообщения ранних летописей переписчики украшали риторическими узорами. В одно произведение делали вставки из другого. Каждый город, каждый монастырь хотел предстать перед потомками как участник героической эпопеи. Менялись и настроения верховной власти. В соответствии с этим одних исторических деятелей позднейшие летописцы «приподнимали», других, напротив, «приопускали»...

Литературная история трех главных памятников Куликовского цикла — Летописной повести, «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» — сама по себе выросла в большую научную проблему. Ей посвящены сотни исследовательских работ. От ее решения зависит и то, какой будет реконструкция исторических событий. Сегодня эта реконструкция выглядит весьма шаткой. Назовем лишь главные из множества спорных вопросов, связанных с Куликовской битвой.

Первый и, казалось бы, самый простой вопрос — место битвы — имеет, как ни странно, разные ответы (298, 54). Дело в том, что название *Куликово поле* в древности использовалось как в узком смысле (поле по

правому берегу Непрядвы близ ее устья), так и в широком смысле (как синоним *Дикого поля*, татарских степей, примыкавших к южным границам Руси) (298, 55). И название свое поле получило не от живших там степных куликов, а от старинного слова «кулига» или «кулички», означавшего далекое, отдаленное место.

Итак, всё призрачно и зыбко. Но поспешим успокоить читателя: современная локализация Куликова поля — места битвы Дмитрия Донского с Мамаем — признана практически всеми историками. Ее подтверждают и сделанные на поле археологические находки: наконечники стрел, обломки оружия, нательные кресты и амулеты. (Между прочим, в Государственном историческом музее в Москве хранится даже ветхая «кольчуга, найденная на Куликовом поле». Впрочем, ее происхождение вызывает определенные сомнения (143, 217).)

Весьма спорной является хронологическая сетка событий 1380 года. В разных источниках сообщаются различные даты войны с Мамаем (78, 20).

Следующий вопрос — из области демографии. Никто из историков не может точно назвать численность русского и татарского войска на Куликовом поле. Разница оценок огромна: от 50–70 до 170 тысяч человек с каждой стороны (298, 50). Такая амплитуда обусловлена отсутствием ясных данных о численности населения Руси в ту пору.

Далее — личностный фактор. Источники по-разному оценивают роль Дмитрия Московского и Владимира Серпуховского в победном исходе сражения. В одних главным героем является Дмитрий, а в других — Владимир.

Нет ясности и относительно того, воины каких городов и земель принимали (или не принимали) участие в битве. Источники противоречат друг другу в этом вопросе. По мере того как Куликовская битва превращалась в героический эпос русского Средневековья, возрастало число желающих оказаться в почетном списке ее участников. Местные правители давали своим придворным книжникам соответствующие указания — и те спешили их исполнить.

В роли духовного наставника идущего на битву русского воинства одни источники называют митрополита Киприана, другие — Сергия Радонежского, а третьи — коломенского епископа Герасима. Соответственно, расходятся и мнения историков (79, 186).

Историки по-разному оценивают и политическую ситуацию, сложившуюся накануне Куликовской битвы. Существует мнение, что Дмитрий Московский выступил не против власти Орды вообще, а против Мамаея как узурпатора, незаконно захватившего власть в Орде. В качестве

доказательства сторонники этой идеи приводят тот факт, что соперника Мамай хана Тохтамыша в Москве признали как законного царя и выразили готовность подчиниться его власти (134, 176).

Традиционно Куликовская битва оценивалась как первый шаг на пути к свержению татаро-монгольского ига. Однако характерный для последних лет тотальный пересмотр всех парадигм отечественной историографии коснулся и этой темы. Поставлен вопрос о несоответствии реального политического значения победы князя Дмитрия над Мамаем — и «ее позднейшего символического значения» (134, 176).

Буквально понимая литературные образы «Сказания о Мамаевом побоище», некоторые авторы утверждают, что Мамай шел на Русь с целью лично занять московский трон, объединить Русь и Орду в некоем «едином государстве тюрков и славян». Куликовская битва разрушила эти планы, которые в исторической перспективе были оптимальным вариантом развития российской цивилизации (194, 136).

Сомнение — душа науки. Не претендуя на несомненность, наметим ряд событий, предшествовавших великой битве.

Силы небесные

После сражения на реке Воже летом 1378 года Дмитрий Московский и Мамай повели себя несколько неожиданно. Они на долгое время словно бы забыли друг о друге. Оба делали вид — а может быть, и вправду так полагали, — что ничего особенного не произошло. Казалось, что для нормализации отношений необходимо лишь урегулировать финансовый вопрос. Мамай требовал платить ордынский «выход» более крупной суммой, чем та, на которую готовы были согласиться русские князья. Он хотел настоять на своем — и поскорее забыть о недоразумении. Ему вовсе не нужна была война с Русью. Мамай подавал русским знаки своего миролюбия. Летом 1379 года бекляри-бек ласково встретил и проводил через свои владения московское посольство в Константинополь.

Между тем Дмитрий Московский, словно торопясь потратить отнятые у Орды деньги, основывал монастыри и возводил каменные соборы. В этом ему деятельно помогали «монастырские старцы», простившие князю грубый произвол в «деле Митяя».

Принято думать, что построенные Дмитрием Ивановичем храмы и монастыри носили мемориальный характер и служили своего рода памятниками историческим событиям. В частности, это относится и к

Успенскому Дубенскому монастырю, который считают памятником победе над татарами в битве на реке Воже. Впрочем, источники не дают прямого подтверждения этому мнению. Летописец сообщает лишь о самом факте строительства, оставляя прочее своему далекому визави-историку:

«Того же лета (1379) игумен Сергии, преподобный старец, постави церковь во имя Святыя Богородицы, честнаго ея Успения, и украси ю иконами и книгами и монастырь устрои, и келии возгради на реце на Дубенке на Стромыне, и мнихы совокупи и единого прозвитера изведе от болшаго монастыря от великыя лавры именем Леонтия, сего и нарече и поставити, и быти игуменом в том монастыри. А священа бысть та церкви тое же осени месяца декабря в 1 день, на память святаго пророка Наума. Сии же монастырь въздвиже Сергии повелением князя великаго Дмитрия Ивановича» (43, 137).

Историк поднимает перчатку и предлагает свои объяснения тому, что не пожелал разъяснить летописец.

Место для основания монастыря — «на Дубенке на Стромыне», — как всегда в таких случаях, выбрано было не случайно. Речка Дубенка, на которой стоит старинное торговое село Стромынь, впадает в текущую на юг Шерну, а та — в Клязьму возле Павловского Посада. Монастырь встал как часовой на водоразделе двух почти одноименных рек. Неподалеку находились верховья реки Дубны, которая широкими петлями уходила из этих мест на северо-запад, к Волге.

Реки были магистралями Средневековья, а волоки на водоразделах — своего рода «перекрестками» с набором всевозможных дорожных услуг. Возле Дубенского монастыря проходила водная дорога, по которой можно было самым коротким путем, минуя Москву, попасть из Твери во Владимир. Иноки замечали любое движение воинских сил по этой стратегической дороге и могли при необходимости своевременно сообщить о нем в Москву. Поручив игумену Сергию устройство здесь монастыря, Дмитрий Московский получил своего рода «сторожу» в стратегически важной точке. В случае новой войны с Тверью за Владимир лесная обитель могла сослужить Москве хорошую службу.

Пригласив Сергия Радонежского выступить в роли основателя новой обители, князь тем самым обеспечил ей долгую жизнь. Основанные «великим старцем» монастыри отличались высокой жизнестойкостью, так как придерживались общежительного устава и входили в состав своего рода «иноческой корпорации», центр которой находился на Маковце.

В этой связи примечательно и посвящение монастырского собора. Со времен Ивана Калиты Москва позиционировала себя как средоточие

Богородичного культа, как третий после Киева и Владимира престол Богородицы в Русской земле. Главный храм Москвы — митрополичий кафедральный собор Успения Божьей Матери в Кремле — официально именовался «Домом Пречистой Богородицы». Приверженцем этой московской традиции был и преподобный Сергей Радонежский. Большинство основанных им монастырских храмов было посвящено праздникам Богородичного цикла.

Помимо этого символического смысла в посвящении собора новой обители был и смысл вполне конкретный, историко-мемориальный. Битва на Воже произошла 11 августа 1378 года, во время двухнедельного Успенского поста, предшествующего празднику Успения Божьей Матери (15 августа). В проникнутом религиозной символикой мировоззрении той эпохи данное обстоятельство, безусловно, было понято как знак покровительства Богородицы Русской земле и московскому княжескому дому. Таким образом, монастырь на Стромьни стал своего рода памятником первой крупной победе русских над ордынцами в полевом сражении.

Сложнее понять смысл дня освящения монастырского собора — 1 декабря 1379 года. Обычно храмы освящали в воскресенье либо в день какого-нибудь большого церковного праздника. Это позволяло собрать народ на торжество. Но 1 декабря 1379 года пришлось на будний день, четверг, не отмеченный каким-либо праздником. Почитаемый в этот день святой — пророк Наум, один из двенадцати «малых пророков» — славился только как покровитель усердного учения. «С 1 декабря наши предки начинали учить своих детей грамоте» (288, 68). Отсюда родилась известная присказка: «пророк Наум, наведи на ум». Возможно, эта дата имела для князя Дмитрия Ивановича какое-то неизвестное нам личное или семейное значение.

Благочестивые дела (возможно, с военно-стратегической «подкладкой») совершались Дмитрием Московским и его кузеном Владимиром Серпуховским не только в лесных пустынях, но и в главных городах Московского княжества. Как уже отмечалось выше, Дмитрий строил собор в Коломне, но неудачно. Князь Владимир Андреевич при более скромных средствах построил простоявший до нашествия Тохтамыша деревянный Троицкий собор в Серпухове.

«В лето 6888 (1380) месяца иуны в 15 день, в неделю (воскресенье. — Н. Б.), священа бысть зборнаа церковь во имя Святыя Троица в граде Серпохове, юже созда христолубивый князь Володимер Андреевич» (43,

138). Составитель Троицкой летописи допустил ошибку в дате (72, 419). Освящение храма состоялось не 15 июня, а 15 июля. Эту дату сохранила Типографская летопись (49, 143). Именно 15 июля в 1380 году приходилось на воскресенье. Кроме того, 15 июля в Серпухове праздновали день рождения и одновременно именины князя Владимира Андреевича. В этот день церковь вспоминала крестителя Руси равноапостольного князя Владимира.

Примечательно и посвящение нового собора — Святой Троице. Безусловно, оно было подсказано князю Владимиру Сергием Радонежским — усердным молитвенником Святой Троицы, посвятившим ей свою обитель.

Собор был освящен в неурочное время — в самой середине лета. Обычно храмы начинали строить поздней весной и освящали осенью. Объяснением этой странности могло быть стремление князя Владимира и Сергия Радонежского торжественно освятить собор перед решающим сражением с татарами. Согласно Никоновской летописи, князь Дмитрий Иванович, получив первые вести о движении Мамая, назначил сбор полков в Коломне на 31 июля (42, 52). На рассылку гонцов всем русским князьям, сбор полков и их продвижение в Коломну, а главное — на выяснение отношений с «отказниками» могло потребоваться не менее месяца. Соответственно, о том, что Мамай начал свой поход на Русь, в Москве и Серпухове стало известно в начале июля. Торжественное освящение собора (возможно, не вполне достроенного) призвано было сплотить людей, воодушевить их на борьбу с «погаными».

Странная война

За более чем сто лет общения с татарами едва ли не главным «родом войск» для русских князей стала разведка. Достоверная информация о силах и намерениях Орды стоила дороже золота. Безусловно, у Дмитрия были свои осведомители в ставке Мамая, свои каналы доставки информации. Отчеты этой тайной службы не попадали на страницы летописей, которые сообщают только о том, что было известно всем.

Публичные действия Дмитрия в изображении летописца отмечены ритуальной неторопливостью. Узнав о движении Мамая, князь выслал в степь первую «сторожу» — разведывательный отряд. «И посла на сторожу крепких оружников: Родиона Ржевьскаго, Андреа Волосатаго, Василиа Тупика и иных крепких и мужественных на сие» (42, 52).

От посланных долго не было вестей. Понимая, что они могли погибнуть или попасть в руки ордынцев, князь Дмитрий Иванович выслал вторую «стороо́жу» из отборных молодцов. Уже по дороге в степь они встретили первую «стороо́жу», возвращавшуюся с вестями и захваченным в плен «языком».

Доставленные разведчиками сведения оказались тревожными. Мамай с большой силой нацелился на Русь. Но обычно татарские набеги были внезапными и стремительными. Ордынцы старались застать русских врасплох, чтобы захватить больше добычи и пленных. Помимо этого, внезапный набег не давал князьям возможности договориться о совместных действиях против грабителей. На сей же раз татары не спешили, раскинув свои шатры в верховьях реки Воронеж и вдоль Верхнего Дона. Причины этой странной медлительности вполне понятны. Мамай надеялся, что у русских при виде маневрирующего в степях многотысячного войска сдадут нервы и они согласятся на его главное и, кажется, единственное требование — увеличение дани.

Правитель Орды не хотел войны с Русью, во-первых, потому, что всякая война — это риск, а умудренный жизнью бекляри-бек не любил рисковать в серьезных делах; а во-вторых, потому, что даже в случае победы над русскими проигрывал больше, чем выигрывал, ибо «резал курицу, которая приносит золотые яйца». Победоносное ордынское войско неизбежно потребовало бы от своего предводителя опустошительного похода по всей Северо-Восточной Руси. А после такого похода платить русский «выход» было бы просто некому...

Логика мыслей и действий правителя Орды достаточно ясна. Гораздо сложнее понять логику Дмитрия Московского. В его поведении много иррационального, обусловленного желанием исполнить свою провиденциальную миссию «царя Русского». Трудно понять, например, почему Дмитрий не пошел на финансовые уступки Мамаю. Почему, зная военное превосходство татар, решил рискнуть всем, но только не уступить «поганым»? Почему не послушался советов бояр, предлагавших покончить дело миром?

Безусловно, московский князь «вступил в злато стремя» не ради денег. После победы на Воже Дмитрий утвердился в своем предчувствии: он — «царь Русский», призванный спасти свой народ от власти чужеземцев. Его библейский аналог — избранный Богом юный царь Давид. Путь, на который он вступил, не допускал колебаний и возврата. Это путь, указанный ему Богом.

Характерная черта великих людей Средневековья — парадоксальное

смещение идеализма и прагматизма. Мистическое органично уживалось в голове Дмитрия с рациональным. Он понимал: единство Руси, даже временное единство «перемыславской коалиции», могло удерживаться только победами, успехами, движением вперед. Примирение с Мамаем означало бы крах московского дела — «собирания Руси»...

Войско Мамаево производило сильное впечатление своей численностью и разнородным составом. «Кроме ордынской конницы в армию Мамаево входили бесермены (камские булгары), армяне, фряги (крымские итальянцы), черкасы (черкесы), ясы (осетины), буртасы, — пишет современный историк. — К оружию были созваны, очевидно, основные силы Мамаевой орды, включавшие, по сообщению Задонщины, десять орд и 70 князей. К ним примкнули и наемники, набранные среди народов Поволжья, Северного Кавказа и Крыма. Над Северо-Восточной Русью нависла реальная угроза разгрома... Ставилось под удар всё, чего достигли низовские княжества в течение нескольких десятилетий.

Среди московского боярства сложились „партия войны“ и „партия мира“. Князь Дмитрий по необходимости должен был лавировать между ними, избегая прямой конфронтации. Для успокоения „партии мира“ он вступил в переговоры с Мамаем. Однако начатые переговоры после отказа Москвы повысить „ордынский выход“ были прерваны» (175, 32).

На переговорах московских дипломатов с Мамаем, вероятно, обсуждался и еще один принципиальный вопрос. Дмитрий настаивал на том, чтобы Мамай признал великое княжество Владимирское «вотчиной» (то есть наследственным неотчуждаемым владением) московского князя. Значение этого «вотчинного» вопроса в русско-ордынских отношениях тех лет можно оценивать по-разному. Некоторые историки называют его «главным стержнем политики Дмитрия Донского» (133, 10). Однако нельзя забывать, что ситуация двоевластия в Орде, частая смена ханов и общая нестабильность обесценивали факт признания прав московского князя на Владимир тем или иным степным правителем. В практической политике такого рода вопросы решались главным образом реальным соотношением сил русских князей и их способностью (или неспособностью) пренебречь решением Орды.

Кто не с нами, тот против нас...

Итак, никто не хотел уступать. Каждый чувствовал за спиной меч, а

вперед — бессмертие славы. Разрешением спора могла быть только битва. Переговоры потеряли смысл.

Стратегия Дмитрия Московского в этой ситуации обычно восхваляется как чрезвычайно прозорливая. Не отнимая у нашего героя бесспорного военного дарования, заметим, что мотивация его решений во многом обуславливалась логикой очевидного.

Первым стратегическим решением князя Дмитрия было выступление с войском навстречу Мамаю в Дикое поле, как называли тогда ордынские степи (298, 55). Князь отказался от двух проверенных временем стратегий: *осадной* (которая дважды спасла Москву от Ольгерда) и *пограничной* (которая остановила татар в 1373 году на Оке и в 1378-м на Воже). Своей медлительностью бекляри-бек дал Дмитрию достаточно времени, чтобы осмыслить ситуацию, сложившуюся на Руси. И ситуация эта оказалась крайне опасной для Москвы. Все её предполагаемые союзники (из первого ряда) не хотели выступать под знаменами Дмитрия навстречу Мамаю. Вот их печальный реестр, составленный современным историком:

«Нижегородский князь не осмелился послать свои войска против Мамаю, а Олег Рязанский занял выжидательную позицию в надежде спасти свою землю от третьего (за одно десятилетие) погрома...

Великий князь Смоленский Святослав Иванович остался в стороне от войны с татарами и не прислал свои полки на поле Куликово...

В походе против Мамаю войска Новгородской феодальной республики не участвовали...

Князь Михаил (Тверской. — Н. Б.) не выполнил обязательства о совместных оборонительных и наступательных действиях против Орды. Его полков не было на поле Куликовом...» (298, 48).

Вероятно, каждый из них обосновал свой отказ какими-то «уважительными причинами». Но это было лишь пустое лицемерие. Дмитрий понял, что как только Мамай осадит Москву, «союзники» не только отвернутся от него, но и смогут предложить ордынцам свои услуги. За примерами аналогичного поведения князей не нужно было углубляться в летописи. Старики помнили, как Иван Калита и Александр Суздальский ходили на мятежную Тверь вместе с туменами Узбека, а «средовеки» своими глазами видели, как Михаил Тверской и Святослав Смоленский, потирая руки, шли на Москву вместе с диким воинством язычника Ольгерда.

Впрочем, ситуация была не столь уж беспросветной. По причинам, о которых мы можем только гадать — от благородства и патриотизма до семейных уз и финансовой зависимости, — верность Москве сохранили

многие князья Ростово-Суздальской земли. Анализ противоречивых сведений об участниках Куликовской битвы позволил другому современному исследователю составить нижеследующий «наградной лист»:

«Итак, суммируя данные ранних источников о Куликовской битве, сведения о походах Дмитрия 1375 и 1386/7 гг., а также фрагмента об „уряжении полков“ в своде 1539, можно полагать, что против Мамаея в августе 1380 г. выступили: во-первых, отряды с территории великого княжения, т. е. (судя по составу рати 1386/7 г.) от городов (и окружающих их волостей) Москвы, Коломны, Звенигорода, Можайска, Волока, Серпухова, Боровска, Дмитрова, Переяславля, Владимира, Юрьева, Костромы, Углича, Галича, Бежицкого Верха, Вологды, Торжка; во-вторых, силы из княжеств Белозерского, Ярославского, Ростовского, Стародубского, Моложского, Кашинского, Вяземско-Дорогобужского, Тарусско-Оболенского, Новосильского, а также отряды князей-изгоев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и Романа Михайловича Брянского и, возможно, отряд новгородцев; не исключено участие (в полку Владимира Андреевича) отрядов из Елецкого и Муромского княжеств, а также Мещеры. Таким образом, в походе приняли участие немного меньшие силы, чем в походе на Тверь 1375 г.» (131, 37).

В поход на Мамаея пошли только те, кто в той или иной мере зависел от Дмитрия Московского. Основные «игроки» остались в стороне и ждали развития событий. В этой ситуации Дмитрию нельзя было оставаться в Москве или стоять с войсками на южных рубежах своего княжества. Его лоскутное войско могло сохранять некоторое единство только в движении и перед лицом близкой опасности. Углубившись в степь, русские воины теряли надежду на спасение в случае поражения. Альтернативой победы была смерть. Такая перспектива спланивала воинов Дмитрия, возвышала его роль как верховного главнокомандующего.

Существовало и еще одно обстоятельство, побуждавшее Дмитрия идти в степь навстречу Мамаю. Это был страх удара в спину. Ему хотелось уйти как можно дальше от двоедушных переяславских «союзников», а затем оторваться и от «дружеского» сопровождения Олега Рязанского. Медлительность Мамаея, залегшего со своей Ордой где-то в глубине степей, позволяла Дмитрию в полной мере осуществить свой план.

Такая стратегия была логичной. Но уводя в степь все свои силы, он оставлял практически беззащитной Москву. Вероятно, Дмитрий надеялся, что неприступная даже для Ольгерда белокаменная московская крепость станет надежной защитой от внезапного налета любого из возможных

врагов. А может быть, он просто не сомневался в том, что Небо на сей раз даст ему победу и расточит его врагов...

Московские книжники склонны преувеличивать силы Мамаю и ряды его союзников. Что касается великого князя Литовского Ягайло, то рассказы о его союзе с Мамаем носят во многом легендарный характер (22, 50). Летом 1380 года литовский князь не проявлял никакой враждебности по отношению к Москве. «В то время, когда Мамай сражался с русскими на Куликовом поле, Ягайло был полностью поглощен междоусобицами в Литве и вряд ли намеревался покидать ее, чтобы полностью уступить контроль Кейстуту или своим братьям» (265, 138). Рассказ о намерении Ягайло соединиться с Мамаем на Куликовом поле можно косвенно подтвердить лишь сбивчивой записью книжника на полях одной древней рукописи (101, 191).

Сильные сомнения вызывает и участие в битве итальянских наемников из городов Крыма. Новейшие исследования показывают, что общее число потенциальных воинов в этих городах было невелико, да и те, что были, в это время отправились на войну в Византию (262, 392).

Меч и колокол

Русское войско собралось в Коломне в первой половине августа 1380 года. Князь произвел генеральный смотр своих сил и получил от разведки уточненные данные о численности противника. К сожалению, источники не сохранили каких-либо прямых свидетельств на сей счет. Однако на основе анализа косвенных данных исследователи приходят к убедительному выводу: на Куликовом поле, «по самым осторожным подсчетам, у Мамаю было, по крайней мере, в полтора раза больше воинов, чем у князя Дмитрия» (298, 54). Вступать в бой при таком соотношении сил было рискованно. Прежде следовало выжать из русских земель всё, что могло представлять хоть какую-то боевую силу. И здесь последней надеждой Дмитрия оставалось московское ополчение...

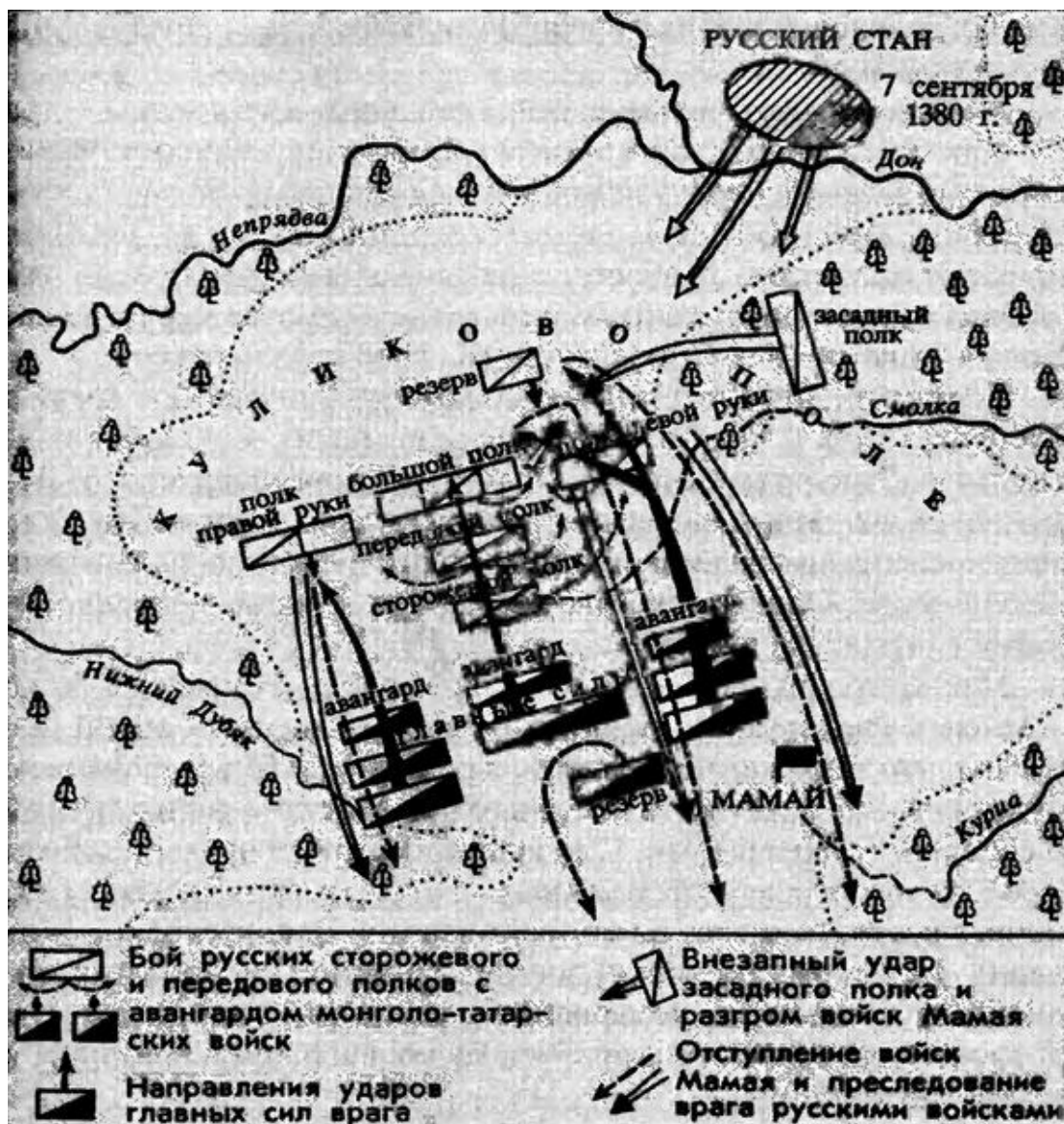
Известно, что основной военной силой русского Средневековья были княжеские дружины. В зависимости от положения и состоятельности князя они насчитывали от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Дружины были, как правило, конными. В пешем строю сражались призванные в ополчение крестьяне и горожане. Однако само ополчение собиралось редко и только в случаях особой важности. Понятно, что в

условиях отсутствия какого-либо эффективного мобилизационного механизма собрать ополчение могла только сельская или городская община. По отношению к ней не могло быть и речи о принуждении. Только очевидная опасность в сочетании с чувством религиозного долга могла заставить не имевших военного опыта простолюдинов взять в руки оружие и, оставив свои обычные дела, отправиться навстречу судьбе.

Оказавшись в безвыходном положении, князь Дмитрий решил созвать народное ополчение. Но прежде ему нужно было сломить свою гордыню и очистить душу покаянием...

Сегодня мы представляем Куликовскую битву в качестве своего рода праздничного шествия представителей уже почти объединившихся русских земель и княжеств на общее дело — военную страду. С песней, с шуткой, с веселым блеском в глазах идут сверкающие доспехами полки на поле ратной славы...

В реальности всё было сложнее и прозаичнее. «Розмирие» с Мамаем многие считали таким же проявлением непомерной гордыни князя Дмитрия, как и неудавшуюся попытку установления автокефалии или столь же бесплодную попытку решить московско-тверской спор путем вероломного захвата в Москве Михаила Тверского в 1367 году. Спор Дмитрия с Мамаем о размерах дани к разговорам о гордости прибавлял пересуды о наследственной скупости потомков Калиты. Теперь народ должен был кровью оплачивать эту скупость...

Куликовская битва. 8 сентября 1380 г.

Превратить войну с Мамаем из «битвы за деньги» в «битву за веру» мог только какой-то очень уважаемый в народе церковный деятель. Речь шла не о митрополите Киприане с его литовскими симпатиями и византийским происхождением, не о коломенском владыке Герасиме, которого за пределами Коломны мало кто знал, не о ком-либо из запятнанных «делом Митяя» московских монастырских «старцев». Единственный, кто мог сыграть эту великую историческую роль, был игумен Сергей Радонежский. В народе его уже при жизни считали святым. О чудесах, происходивших в его обители, слагали легенды. Ему наяву являлась Богородица с апостолами. Он воскрешал мертвых и причащался

небесным огнем. При всем том он был прост и доступен. Каждый, кто хотя бы раз встречался с «великим старцем», навсегда хранил в душе его светлый образ.

Маковецкий отшельник понимал жестокие законы мира сего, но умел обходить их тропой добра и милосердия. Через своих многочисленных учеников и собеседников он имел ясное представление обо всем, что происходило на Руси. Подобно древним пророкам, он чувствовал ответственность перед Богом за свой народ. Погруженный в молитву и внутреннее созерцание, он говорил мало, но каждое его слово стоило дорого.

Воспитанный в традициях московской политики времен Калиты, Сергей Радонежский, судя по всему, не одобрял затеянную Дмитрием войну с Ордой. Он советовал князю откупиться от татар деньгами и кончить дело миром. Но дело зашло слишком далеко, и путей к отступлению у Дмитрия уже не было. Образ ветхозаветного царя Давида, героя своего народа, придавал ему силы.

Предотвратить войну было невозможно. Но можно было земными средствами повлиять на ее результаты. Сергей понимал, что поражение Дмитрия в решающей битве с Мамаем будет тяжким бедствием не только для Москвы, но и для всей Северо-Восточной Руси. Сначала победители огнем и мечом пройдут по земле побежденных. После этого бекляри-бек, скорее всего, передаст великое княжение Владимирское Михаилу Тверскому, который начнет гонения на прежних союзников Москвы и перераспределение княжеских столов. В итоге Северо-Восточная Русь будет ввергнута в долгую и кровавую уособицу.

Таким образом, спасением была лишь победа Дмитрия. Безусловно, прозорливый старец понимал, что силы степняков неисчерпаемы и вслед за поверженным Мамаем вскоре явится за данью новый повелитель Орды. А может быть, и сам Мамай найдет в степи силы для второго похода на Русь... Но будущее всецело в руке Божьей. А в настоящем «великий старец» должен был дать ответ явившемуся в монастырь за благословением и помощью князю Дмитрию. Эта историческая встреча состоялась 16 августа 1380 года.

Обращаясь к Дмитрию и сопровождавшей его свите, Сергей объявил поход на Мамай священным делом, «войной за веру». Каждый, кто падет на этой войне, получит венец мученика и попадет в рай. Уклонение от участия в походе равносильно измене православию.

Зная впечатлительную натуру Дмитрия, «великий старец» укрепил его дух тайным пророчеством: «Имаши, господине, победити, супостаты своя»

(«Победишь, господин, супостатов своих»). И прибавил: «Не уже бо ти, господине, еще венец сия победы носить, но по минувших летех» («Не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет») (25, 146).

В знак благословения троицкий игумен отправил с войском двух своих монахов — Александра Пересвета и Андрея Ослябю. Облаченные в черные с красными крестами одежды схимников — строгих аскетов, отрешившихся от всего земного, — они привлекали всеобщее внимание. Дмитрий включил их в свою ближнюю свиту. В маленьком мире ранней Москвы многие знали друг друга в лицо. Пересвета и Ослябю не нужно было представлять москвичам. Все знали их как бывших славных воинов, а ныне иноков Троицкого монастыря. Их появление рядом с князем, идущим в поход, говорило о многом. Монахи не могли покинуть монастырь без благословения игумена. Стало быть, преподобный Сергей благословил их на ратный подвиг. А значит, война с Мамаем — святое дело, участвовать в котором обязан каждый христианин.

На призыв «великого старца» поднялась вся Москва. Это движение напоминало религиозный энтузиазм первых крестовых походов. Даже нищие, подхватив свои костыли и миски, отправились вслед за войском. Каждый хотел получить свою долю святости, свой пропуск в рай. В эти удивительные дни Дмитрий почувствовал себя не только великим князем Московским и Владимирским, но подлинным царем всего московского народа — царем кузнецов и пекарей, плотников и портных, бродяг и нищих. Они поднялись и пошли за ним, чтобы вместе с ним победить или умереть за веру.

Заглядывая в будущее, заметим, что эти люди шли не напрасно. Известно, что московские пехотинцы-ополченцы («небывальцы») успели на битву и после некоторого замешательства в начале сражения проявили необычайную твердость и мужество. Их стойкость во многом решила исход сражения (22, 22).

Вернувшись из Троицкого монастыря, Дмитрий поспешил к своим войскам. 20 августа передовые полки выступили из Коломны и направились вдоль левого, «московского» берега Оки к устью Лопасни. Там войско переправилось через Оку и двинулось на юг, где в верховьях Дона по-прежнему пребывал в странной задумчивости «генералиссимус степей».

На всем пути русского войска к нему присоединялись пехотинцы-ополченцы и замешкавшиеся всадники. Эта идущая из народных глубин «подпитка» продолжалась до самого Дона. Дмитрию пришлось даже выделить особого воеводу, направлявшего и провожавшего отставших

бойцов (175, 42).

Утро на Куликовом поле

Кто не знает хрестоматийную картину художника А. П. Бубнова «Утро на Куликовом поле»? Ее воспроизведение украшает любой школьный учебник. Присмотримся к ней еще раз. Вот образы простых воинов с рогатинами и дубинами, вот среди них — князь Дмитрий на белом коне с указующей десницей. Вот развернутое ветром огромное знамя с образом Спаса Нерукотворного...

Всё правдоподобно, хотя и несколько театрально. Но в этой истории было в избытке и подлинной драматургии.

В первых числах сентября русские полки подошли к Дону. Мамаева Орда теперь находилась совсем рядом, на другом берегу реки.

Русское войско подходило к Дону без особого порядка. Теперь предстояло превратить эту живую массу, эту бесконечную вереницу людей и повозок в стройные ряды боевых подразделений.

Князь Дмитрий и его воеводы провели военный совет, на котором договорились о распределении воинов на боевые единицы — «стяги» и «полки». Это деление было подчинено общему замыслу, «сценарию» битвы. Выработка этого «сценария» и была главной задачей совета (175, 48).

Лесостепной ландшафт Куликова поля с его водными препятствиями, оврагами и перелесками был весьма благоприятен для русских. Избрав это место для битвы, Дмитрий проявил дар полководца. «Место военных действий, — говорил Наполеон, — это шахматная доска генерала, именно его выбор обнаруживает способности или невежество военачальника» (246, 126).

По окончании военного совета была проведена своего рода «генеральная репетиция» построения сил в боевом порядке. Всё происходило на левом берегу Дона, где сама река защищала их от внезапного нападения степняков.

Ночью русские полки по заранее наведенным мостам переправились через Дон и согласно принятому построению расположились на Куликовом поле. После переправы мосты были разрушены. Этим распоряжением Дмитрий еще раз показал, что не вполне доверяет стойкости своего лоскутного войска. Уничтожение мостов должно было укрепить боевой дух ратников, отогнать самую мысль о возможности спасения через бегство.

Войску оставалось одно: стоять насмерть и разбить Мамаю.

Этот знаменитый приказ не был, конечно, чем-то принципиально новым в военном искусстве. Более двух тысяч лет назад китайский воин и философ Сунь-цзы в своем трактате «Искусство войны» учил полководцев такому приему. «Направь своих людей в такое место, откуда они не смогут выйти. Помести их туда, где они скорее погибнут, чем успеют спастись бегством. Если нет иного выбора, кроме смерти, разве есть что-либо, чего невозможно сделать?

Великая опасность придает великую силу. Там, где некуда деться, — не остается страха. Там, где нет пощады, — не остается трусости. Там, где нельзя избежать смерти, — сражаются до победы» (69, 200).

В критическом положении так поступали и античные полководцы.

Дмитрий умело воспользовался природными особенностями Куликова поля. Фланги и тыл русской рати были защищены от внезапного удара естественными препятствиями — Доном, Непрядвой и мелкими речками, а также лесом (Зеленой дубравой). Благодаря этому ордынцы не могли применить на Куликовом поле свой излюбленный прием — фланговый охват и окружение. Взяв противника в кольцо, они издали засыпали его градом стрел из своих мощных луков. На сей раз этот маневр был исключен. Заняв позицию на Куликовом поле, Дмитрий заставил Мамаю отказаться от традиционной степной тактики охвата и атаковать русское войско «в лоб», что вело к большим потерям для атакующей конницы и требовало от нее особых усилий. Такой сценарий был оправдан и психологически: привыкшие побеждать стремительным набегом, татары быстро теряли боевой пыл в затяжном рукопашном бою.

В лесу, на левом фланге русского войска, Дмитрий поставил Засадный полк под началом князя Владимира Серпуховского и своего шурина Дмитрия Боброка. Все эти меры в значительной степени возместили численное превосходство ордынцев.

Однако позиция на Куликовом поле имела и недостатки. Ордынцы неслись на русские полки вниз по склону холма, с юга на север. Солнце светило в лицо русским воинам и ослепляло их. Поднятые несущейся ордынской конницей тучи пыли скрывали неприятеля от русских стрелков. Расположившись в низине, русские не имели высокой точки обзора, с которой можно было вести руководство всем ходом боя.

В любой битве огромную роль играет психологический фактор. Судьба сражения должна была решиться в тот момент, когда лавина ордынской конницы с гиканьем и свистом понесется вниз по склону Куликова поля на

расположение Большого полка. Там стояли в пешем строю непривычные к таким атакам «небывальцы» — ополченцы, собранные Дмитрием в Москве и Подмосковье. Среди них в начале боя могла вспыхнуть паника. Увидев несущуюся на них конницу, ополченцы могли дрогнуть и в слепом ужасе побежать назад, к Непрядве, ломая весь строй русского войска и обрекая его на поражение.

Подобно гроссмейстеру, князь Дмитрий тщательно просчитал расположение «фигур» на шахматной доске Куликова поля, свои «ходы» и «ходы» противника. Он предусмотрел этот опасный момент начала сражения и поставил перед Большим полком двойную защиту в виде Передового и Сторожевого полков (175, 51). Укомплектованные опытными бойцами в железных доспехах, эти полки должны были отразить первый натиск татарской конницы. У них было мало шансов уцелеть. Но от их стойкости зависела стойкость Большого полка и в конечном счете — судьба всего сражения.

Бросив на весы победы всё, что имело хоть какой-то вес, Дмитрий прибавил к этому и собственную жизнь. Возможно, пророчество святого Сергия помогло ему решиться на этот непростой для каждого человека шаг...

Вечная жизнь

8 сентября 1380 года, когда рассеялся утренний туман, две армии стали сближаться. Присланный Сергием витязь-инок Александр Пересвет вступил в схватку с татарским богатырем. Он поразил своего соперника, но и сам был смертельно ранен в поединке.

Перед началом сражения князь Дмитрий объехал полки, обращаясь к воинам с кратким словом, содержание которого «Сказание о Мамаевом побоище» передает так: «Отци и братиа моа, Господа ради подвижайтеся и святых ради церквей и веры ради христианския, сиа бо смерть нам ныне несть смерть, но живот вечный» (25, 170).

После этого князь подозвал своего любимца Михаила Бренка, велел ему облачиться в свои золоченые доспехи и стать к великокняжескому стягу. И обликом, и ростом Бренко был похож на князя. Издали их трудно было различить.

Сам Дмитрий, невзирая на протесты бояр, поскакал вперед, в Сторожевой полк. Этот полк должен был втянуть татар в рукопашную схватку, помешать им провести свой любимый прием: издали осыпать

противника тысячами смертоносных стрел.

Князь знал, на какое дело он шел. Однако он не думал о смерти. В душе своей Дмитрий ощутил стремительную силу жертвенного порыва. Она подхватила и понесла его, точно пловца на гребне волны. И когда бояре умоляли его не ездить «наперед битися», князь спокойно, почти весело возразил им: «Да како аз възглаголю — братия моа, потягнем вси вкупе съ одного, а сам лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в том быти, но хочу яко же словом, такоже и делом наперед всех и пред всеми главу свою положите за свою братию и за вся христианы. Да и прочий то видевшие приимут с усрьдием дръзновение» (25, 126).

Все ополченцы стали свидетелями подвига князя, ставшего в ряды обреченного на гибель Сторожевого полка. Князь выполнил скрепленную благословением Сергия клятву на верность своему «черному люду». И народ не обманул его, до дна испив горькую чашу в кровавом пире Куликова поля.

Отборные витязи Сторожевого полка исполнили свой воинский долг. Погибнув почти до единого, они сумели прикрыть своего князя от смертельного удара. Дважды под ним падал конь. Один раз Дмитрий был ранен сам, однако продолжал сражаться уже в рядах подоспевшего Большого полка. Наконец силы покинули князя. Он едва успел укрыться в дубраве, за поваленным деревом, и там потерял сознание.

Между тем битва продолжалась. Покончив со Сторожевым и Передовым полками, татары столкнулись с плотными рядами Большого полка. Стоявшие здесь московские ополченцы в начале битвы дрогнули, заволновались, увидав несметные полчища Мама. Иные из них не выдержали и, гонимые страхом, «на беги обратишася». Однако мужество Сторожевого полка и самого великого князя Дмитрия воодушевило их. Теперь они стояли насмерть.

Убедившись, что опрокинуть Большой полк не удастся, Мамай перенес основной натиск своих войск на Полк левой руки, оттеснив его к Непрядве. Но тут во фланг татарам ударил Засадный полк под командованием Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка. Внезапный удар русских был так стремителен, что татары дрогнули. Ряды их смешались. И вот уже вся Мамаева рать неудержимо покатила назад. Близость победы удвоила силы русских. Они дружно преследовали врага, яростно сминая любые попытки сопротивления.

После битвы посланные Владимиром воины едва отыскивали Дмитрия. Его привели в чувство. Весть о победе придавала князю силы. Он поднялся, сел на коня и вместе с братом поехал осматривать поле сражения. Вид поля

был ужасен. Повсюду лежали горы трупов, стонали и кричали раненые. А высоко в небе неторопливо кружили орлы...

Такова была событийная канва сражения. Можно лишь гадать, было ли отступление Полка левой руки заранее намеченным маневром, имевшим целью «развернуть» татар спиной к Зеленой дубраве, откуда готовился удар Засадного полка, или же этот поворот событий был вызван приказами Мамаю (16, 66). Но так или иначе, именно удар Засадного полка решил исход сражения. Это позволило некоторым древнерусским писателям — а вслед за ними и историкам — считать главным героем битвы князя Владимира Серпуховского. Что можно сказать на сей счет? Действительно, серпуховской князь был отменным воином. Однако в годы борьбы с Мамаем он был лишь «правой рукой» Дмитрия, но отнюдь не «головой» всего дела. К тому же рядом с 27-летним Владимиром Серпуховским находился многоопытный князь Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, который, вероятно, и определил время решающего удара Засадного полка.

Вдали и вблизи

Великое рождается в суете повседневного. Братские могилы на Куликовом поле приняли своих молчаливых гостей. За хмельной чашей князь Дмитрий и его воеводы помянули павших бойцов и порадовались своей удаче. Вероятно, они совсем не думали о том, что скажут о них потомки. А между тем потомки скажут, что они сделали великое дело. Куликовская победа оказала воздействие на весь дальнейший ход русской истории. Глядя на прошлое из будущего, можно сказать, что она была началом конца ордынского господства над Русью. Крупнейшие русские историки сходились на том, что эта победа имела прежде всего политическое значение.

Мамаево побоище, утверждал Н. М. Карамзин, «еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее и в несомнительной связи действий с причинами отдаленными служило основанием успехов Иоанна III, коему судьба назначила совершить дело предков, менее счастливых, но равно великих» (167, 32).

С. М. Соловьев рассматривал Куликовскую битву в контексте противостояния Европы и Азии. Она должна была «решить великий в истории человечества вопрос — какой из этих частей света восторжествовать над другою?». Победа на Куликовом поле «была знаком торжества Европы над Азией» (307, 278).

В. О. Ключевский подчеркивал другую сторону события — внутриаполитическую: «Почти вся Северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над татарством. Это сообщило московскому князю значение национального вождя северной Руси в борьбе с внешними врагами. Так Орда стала слепым орудием, с помощью которого создавалась политическая и народная сила, направившаяся против нее же» (178, 22).

Историческое значение Мамаева побоища раскрылось в будущем. А в настоящем — сладость победы горчила скорбью о павших и страхом завтрашнего дня. Князь Дмитрий раздражил многоголового степного дракона — того, что со времен Чингисхана красовался на победоносных монгольских знаменах — и, отрубив ему одну голову, вызвал на бой все остальные...

Едва успела Москва отпраздновать победу на Куликовом поле, как новые военные тревоги постучали в ее ворота. Мамай ушел в свои степи и там собрал «остаточную свою силу» — новое войско. Правитель Орды мечтал о реванше. Новая армия Мамаева росла не по дням, а по часам. А между тем цвет московского воинства остался лежать в братских могилах Куликова поля.

Тревоги Дмитрия были не напрасны. И если Ягайло, занявшись борьбой со своим дядей Кейстутом, не причинял Москве особого беспокойства, то степная угроза дамокловым мечом висела над головой московского князя. Зимой 1380/81 года Мамай изготовился к новому походу на Русь. Однако судьба — Сергей Радонежский назвал бы ее Божьим промыслом — послала Мамаю могущественного соперника. Из-за Волги пришел воинственный «царь» Тохтамыш. Навстречу ему Мамай двинул собранное для похода на Русь войско. В битве «на Кадках» — вероятно, на той же реке Калке, где 31 мая 1223 года погибло от рук татар русское войско, — Тохтамыш разгромил Мамаева. С небольшим отрядом поверженный властелин степей ушел в Крым. Посланная Тохтамышем погоня шла за ним по пятам. Мамай направился в Каффу, где надеялся найти убежище или же бежать морем. Однако местные власти не захотели портить отношения с новым ордынским властелином. Они впустили Мамаева в город, но лишь затем, чтобы здесь расправиться с ним. И сам темник, и вся его свита были перебиты, а их имущество разграблено. Довольный таким исходом дела, Тохтамыш сохранил за каффинцами все те земли и привилегии, которые им в свое время дал Мамай.

Еще до окончательной победы над Мамаевым, осенью 1380 года,

Тохтамыш отправил на Русь посла с извещением о своем воцарении в Волжской Орде. Приунывшие русские князья «чествоваше добре» его посла (42, 69). Не откладывая дела в долгий ящик, они отправили к новому хану собственных «киличеев» (послов) с дарами (43, 141). Однако вопреки давней традиции никто из князей не явился лично к новому «царю» за ярлыком. Похоже, что и платить ему дань победители Мамаю не собирались.

29 октября 1380 года отправил к Тохтамышу своих «киличеев» и князь Дмитрий Иванович (42, 69). А уже 1 ноября начался созванный им княжеский съезд. Необходимо было выработать общую позицию по отношению к Тохтамышу, добиться «единачества» перед лицом новой опасности. Об итогах этого съезда летописи, как обычно, умалчивают.

Летом 1381 года московские послы вернулись от Тохтамыша «с пожалованием и со мною честию» (42, 69). Их возвращения ждали со страхом и надеждой. Летописец откровенно объясняет причины всеобщей тревоги: «оскуде бо вся Русская земля от Мамаева побоища» (42, 72). Проще говоря, в случае новой войны со степняками защищать Москву было практически некому.

Вслед за русскими «киличеями» из Орды явился большой — около 700 сабель — отряд, сопровождавший нового посла, «царевича» Акхозя. Однако после Куликовской битвы татары уже не могли свободно разъезжать по Руси. «Царевич», по свидетельству летописи, «дошед Новагорода Нижняго, и возвратися вспять, а на Москву не дерзну ити, но посла неких от своих татар, не во мнозе дружине, но и тии не смеаху» (42, 70). Несомненно, посол живо описал хану свои впечатления от пребывания на Руси. Страна явным образом выходила из-под ордынского контроля.

Утвердившись в Сарае и в степях к западу от Волги, Тохтамыш стал обдумывать план будущей войны с Дмитрием Московским. Его стратегией были стремительность и внезапность.

Конфликт с Тохтамышем был последним эпизодом той восьмилетней войны Дмитрия Донского с Ордой, началом которой стало загадочное «розмирие с татары и с Мамаем» в 1374 году. За множеством позднейших объяснений трудно понять первоначальную природу этой войны. Была ли это «война за деньги», вызванная отказом русских князей платить узурпатору ханской власти Мамаю непомерный «запрос», — или это было восстание, героическая борьба «русского улуса» за независимость?

Известно, что в общественной жизни явления редко бывают в чистом виде. Реальность всегда представляет собой некую изменчивую

пропорцию, сочетание высокого и низкого, вечного и сиюминутного. Мы готовы согласиться с теми, кто считает, что «розмирие» было вызвано корыстными интересами московской элиты. Но начавшись как «война за деньги», борьба князя Дмитрия, подчиняясь внутренней логике процесса, постепенно переросла в «войну за принцип». Для Руси таким принципом была независимость (понимаемая прежде всего как отказ от уплаты дани), а для Орды — установленное еще Чингисханом и Батыем подчинение завоеванных народов. На Куликовом поле русские дрались за свои дома, за жен и детей. Все знали, что станет с ними в случае победы Мамай. Но дрались и за идею независимости, воплощенную в образе великого князя Дмитрия Ивановича как первого самостоятельного «царя Русского». Не входя в подробности научных дискуссий о значении царского титула, усвоенного великому князю московскими книжниками, заметим, что этот титул стал своего рода «знаменем» Дмитрия Донского. Это «знамя» он получил в наследство от «царя последних времен» Ивана Калиты. Именно Калита, подобно Дмитрию поднявшийся к верховной власти благодаря уникальному (промыслительному!) стечению обстоятельств, был духовным отцом героя Куликова поля. Но Калита умел не допускать погрома в своих владениях. Дмитрий, потянувшись за своим великим дедом, в этом вопросе оказался далеко не столь успешным...

Глава 26

ТОХТАМЫШ

*Вы боитесь меча, и Я наведу на вас меч, говорит
Господь Бог.*

Иез. 11, 8

Хан Золотой Орды Тохтамыш появляется на горизонте русской истории так же внезапно, как исчезает. Никаких сведений о его происхождении, воспитании, склонностях и привычках русские источники не сохранили.

Тохтамыш имел, конечно, собственную жизнь. У него была мать, которую он, вероятно, любил и чтит, были братья и сестры, сыновья и дочери... Он с наслаждением гонял по степи на быстрых лошадях и затаив дыхание следил за полетом беркута. Вероятно, в его жизни было много хорошего. Однако мы знаем о нем только одно: Тохтамыш взял и сжег Москву.

26 августа 1382 года — самый страшный день во всей истории средневековой Москвы. За несколько часов цветущий и многолюдный город превратился в дымящееся пепелище. Одни летописи сообщают, что погибших было 12 тысяч, другие говорят — 24 тысячи (43, 146; 25, 204). Сколько русских людей ордынцы взяли в плен и угнали в рабство — этого не знает никто...

Честь и месть

С Тохтамышем Дмитрий Донской, строго говоря, вообще не воевал. Перед самым приходом татар он покинул Москву и «поехал в свой град на Кострому» (72, 423). Княгиня Евдокия и дети великого князя поначалу остались в Москве, но потом вырвались из охваченного волнениями города и поспешили вслед за главой семейства в Кострому.

Кострома входила в состав великого княжения Владимирского и потому была для Дмитрия «своим» городом. На первый взгляд его удаление в Кострому можно толковать как проявление эгоистической заботы о собственной безопасности. Действительно, этот маршрут был оптимальным в случае погони. Река Кострома, давшая имя городу, своими

верховьями уходила далеко на север, в глухие вологодские леса, куда не добирались татарские разъезды. Однако выигрывая в безопасности, Дмитрий... проигрывал в славе. Его слишком похожий на бегство поспешный отъезд из Москвы давал повод для злословия. И недруги Москвы охотно этим поводом воспользовались...

В новгородском летописании первой половины XV века прослеживается завуалированное библейскими аллюзиями осуждение князя Дмитрия за его далеко не героическое поведение во время нашествия Тохтамыша (281, 22). Понятно, что не только новгородцы, сильно пострадавшие от тяжелой руки внука Калиты, но и в гораздо большей степени москвичи имели основания хулить Дмитрия и осуждать его «костромскую стратегию». Однако московские летописи, рассказывая о событиях 1382 года, ни единым словом или намеком не упрекают своего князя. И дело здесь не только в сервильности. Московские книжники лучше новгородских знали подоплеку событий, мотивы поведения тех или других лиц. Они знали, что применительно к великому князю речь может идти не столько о его личном мужестве — в недостатке которого едва ли можно упрекнуть человека, бросившего вызов Орде, — сколько о стратегическом просчете и роковом стечении обстоятельств.

Сам по себе отъезд правящего князя из города, которому угрожает осада многочисленного неприятеля, был вполне обычным делом (283, 52). (Некоторые исследователи видят в этом даже своего рода военно-тактический прием (283, 55).) Так, перед подходом войск Батыя Юрий Всеволодович уехал из Владимира, Василько Константинович — из Ростова, а Даниил Галицкий — из Киева. Этих князей нельзя заподозрить в банальной трусости. Скорее такое поведение объяснялось личностным характером средневековых войн. Один правитель шел войной на другого «за свою обиду» или «за свою честь». Отсутствие в городе главного «обидчика» облегчало заключение мира. Примечательно, что, рассказывая о больших войнах, средневековые писатели особое внимание уделяли судьбе побежденного правителя.

В ситуации 1382 года эта вечная схема имела некоторую специфику. «Царь» Тохтамыш пришел наказать своего провинившегося «служебника» и данника — князя Дмитрия Московского. Разумеется, Мамай был врагом Тохтамыша, а потому тот вовсе не думал мстить русским за «обиду» бекляри-бека. Но, выйдя на битву против Мамай, московский князь посягнул на верховную власть Орды (265, 145). Уверения московских послов о том, что князь Дмитрий поднял мятеж не против Орды как властной системы, а против узурпатора ханской власти бекляри-бека

Мама, вероятно, вызывали у Тохтамыша кривую усмешку...

(В своих исторических размышлениях Л. Н. Гумилев коснулся и событий 1382 года. Причиной нашествия Тохтамыша — в его изображении — оказались клевета и провокация. «Стремясь поссорить Дмитрия Донского с ханом Тохтамышем, Борис (Константинович. — Н. Б.) с племянниками состряпали хитрый донос о том, что Москва и Рязань хотят перейти на сторону Литвы — главного противника татар. Тохтамыш поверил доносу: сибиряку и в голову не пришло, что его обманывают. И дело было не только в наивности человека, незнакомого с ложью. Перед нами результат изменения уровня пассионарности в самой Орде, ибо лучшая ее часть, наиболее интеллектуальная и опытная, погибла во время „Великой замятни“, истребленная теми же татарами-сибиряками, и подать хану дельный совет было просто некому» (141, 165). Весь этот словесный ковер соткан из пестрых нитей достоверного, возможного, вероятного и невероятного. Причем последние явно преобладают.)

Итак, Тохтамыш шел войной на Дмитрия Московского и тех, кто посмеет стать на сторону русского князя. При таком подходе отсутствие Дмитрия в Москве увеличивало шансы на мирный исход дела. Москвичи могли отсидеться в крепости и откупиться от татар, заплатив выкуп. Именно так, например, уладится дело во время нашествия на Москву правителя Орды Едигея зимой 1408 года.

Узнав о приближении Тохтамыша, Дмитрий Московский пытался собрать общерусское войско. Потерпев неудачу из-за эгоизма князей, а может быть, и общей слабости боевых сил Руси после Куликовской битвы, он уехал из Москвы в Кострому. Кострома была наилучшим местом не только из соображений безопасности, но также для тактического выжидания. Ее окружали владения ярославских и ростовских князей — участников Куликовской битвы и давних союзников Москвы. Им не приходилось ждать пощады от Тохтамыша.

Безусловно, Дмитрий надеялся на то, что хан не станет тратить время на долгую осаду московской крепости. Этого не позволяла сама природа многотысячного конного войска, подобно саранче пожирающего всё на своем пути. Орда не могла долго стоять на месте. А взять белокаменную Москву с налету, «изгоном», не удалось даже военному гению Ольгерду.

Обдумывая ситуацию, Дмитрий, казалось бы, учел всё. И выбрал тактику отхода и выжидания. Но всегда найдутся вещи, не поддающиеся учету. Они-то зачастую и решают исход войны.

В этой связи можно упомянуть еще об одной реконструкции событий 1382 года, предложенной современным исследователем. «Поведение

Дмитрия Донского и Владимира Андреевича с трудом поддается объяснению. По меньшей мере, один из них мог бы возглавить оборону столицы. Очевидно, братья рассчитывали на более долгую осаду Москвы и создание угроз сразу с двух флангов орде Тохтамыша. Слишком быстрая развязка нарушила эти планы» (233, 98).

Нашествие

Тохтамыш многому научился у Тимура. В частности, он знал, какое огромное значение для успеха кампании имеют внезапность нападения и быстрота передвижения. Перед выступлением в поход на Русь он приказал схватить и перебить всех находившихся в Орде и Волжской Болгарии русских купцов, которые могли бы послать в Москву скорую весть о начале похода. Их товары были разграблены, а корабли использованы для переправы ханских войск через Волгу.

Выступив в поход, Тохтамыш стремительно шел к Москве, не отвлекаясь на второстепенные цели.

Автор «Повести о нашествии Тохтамыша» при всем трагизме своего рассказа не упускает случая сказать комплимент московским князьям. В частности, он замечает, что, несмотря на все усилия Тохтамыша скрыть от русских свои намерения, ему это не удалось. «Но обаче (однако. — Н. Б.) суть неции доброхоты на пределех ордынских на то устроени, поборници суще земли Рустей» (25, 192). От них-то в Москве заранее узнали о выступлении Тохтамыша. Но и этот выигрыш времени не смог спасти положение.

Словно черная туча, орда Тохтамыша надвигалась на Русь. Сильнейшие русские князья спешили выразить свою покорность новому «царю». От своих осведомителей Тохтамыш, конечно, знал настроения и союзнические отношения русских князей. Дмитрий Константинович Суздальский — союзник Дмитрия Ивановича по «переславской коалиции», виновник избиения ордынских послов в Нижнем Новгороде в 1375 году и, наконец, тесть московского князя — имел все основания опасаться возмездия. Понимая это, суздальский князь в знак полной покорности послал к Тохтамышу своих сыновей Василия и Семена. Олег Рязанский — вечный хитрец и двурушник — не только поспешил поклониться Тохтамышу, но и показал ему броды на Оке. Михаил Тверской затаив дыхание следил за развитием событий и, кажется, готов был предложить Тохтамышу свою помощь в разгроме Москвы.

Единственным из сильных князей, сохранившим верность Дмитрию, был его двоюродный брат Владимир Серпуховской. Впрочем, его действия можно понимать по-разному. Подобно Дмитрию, он покинул свою удельную столицу и ушел с дружиной на север, в район Волока Ламского. Эта позиция, безусловно, явилась результатом тщательного обдумывания и имела многоцелевой характер. На первом месте стоял вопрос личной безопасности. Как верному сподвижнику Дмитрия и герою Куликова поля, Владимиру не приходилось ожидать пощады от Тохтамыша. Из Волока Ламского Владимир в случае татарской погони мог через Зубцов и Ржев уйти в Литву.

Но дело было не только в личной безопасности. Встав с полками у самой южной границы Тверского княжества, Владимир явно посылал Михаилу Тверскому некий вызов, содержание которого историки понимают по-разному. Одни полагают, что Владимир, исполняя указание Дмитрия Ивановича, своим маневром предостерегал давнего врага Москвы от соединения с Тохтамышем. По мнению других, Владимир, напротив, считал московского кузена «политическим трупом» и спешил навстречу тверскому князю. Первое мнение подтверждается последовавшими за этим эпизодом многими годами союзнических и добрых отношений между братьями, которые, впрочем, не исключали и ссор.

Заметим, что согласно общепринятой военной практике русские князья нередко занимали позицию где-нибудь неподалеку от города, осажденного неприятелем. Оттуда они нападали на врага одновременно с горожанами, делавшими вылазку из крепости. Этот двойной удар — во фронт и в тыл — часто заставлял неприятеля врасплох и приносил успех осажденным. Возможно, нечто подобное предполагали совершить Дмитрий Московский и Владимир Серпуховской по договоренности с осажденными москвичами. Расстояние от Москвы до Волока Ламского конное войско могло преодолеть за два дня.

Как бы там ни было, но отъезд Владимира из Серпухова имел для города те же последствия, что и отъезд Дмитрия — для Москвы. Тохтамыш «преже всех взя град Серпохов и огнем пожже» (25, 190). Вероятно, тогда же сгорел и новый Троицкий собор.

Отсутствие в городе князя едва ли было решающим фактором падения Серпухова. Численное преимущество татар было столь велико, что практически не оставляло шансов его защитникам.

Смятение и безвластие

«Повесть о нашествии Тохтамыша», содержащаяся во многих летописях, представляет смесь ранних источников (в том числе свидетельств очевидцев событий) с позднейшими дополнениями, а также комментариями риторического и церковно-дидактического характера. В этой пестрой смеси трудно выделить зерно исторической истины. И всё же пунктир событий прослеживается достаточно четко.

Войско Тохтамыша, разоряя всё на своем пути, шло от Серпухова к Москве. Между тем в городе кипели страсти. Одни хотели бежать из Москвы, а другие, напротив, собирались сесть в осаду и держаться до последней возможности. Почувыв безвластие, городской плебс вышел на улицы и занялся грабежом богатых домов, владельцы которых предусмотрительно покинули Москву.

В городе возродилось давно забытое вече. Собравшиеся на вече москвичи приняли решение сесть в осаду и не выпускать никого за городские ворота. Своим предводителем они выбрали случайно оказавшегося в Москве (а может быть, присланного сюда Дмитрием Ивановичем) литовского князя Остея — внука Ольгерда. Переполненная беженцами из окрестных сел и деревень, московская крепость затворила свои железные ворота. Однако «лучшие люди» — княгиня Евдокия с детьми, митрополит Киприан и бояре — сумели всё же добиться того, чтобы их выпустили из Москвы. Княгиня отправилась вслед за мужем в Кострому и по дороге едва не попала в руки татар. Митрополит поехал в Тверь, совершив тем самым едва ли не главную политическую ошибку своей жизни. Москвичи помнили, как митрополит Алексей сидел в осаде (и даже руководил обороной Москвы) во время нашествия Ольгерда, и имели основание ожидать такого же мужества от Киприана. Но византийский интеллигент и дипломат не был «мужем брани». Выбравшись из обреченной Москвы, он спасся от ордынской сабли, хотя и упустил возможность войти в историю Русской церкви одним из ее святых мучеников.

Передовые отряды татар подошли к Москве 23 августа 1382 года. Узнав, что князя Дмитрия в городе нет, степняки, не начиная боевых действий, расположились у города. Обрадованные малой численностью «поганных», москвичи с городских стен принялись насмехаться над ними. В ответ татары грозили саблями. Отношения быстро накалялись.

На другой день к Москве подошли основные силы Тохтамыша. Теперь москвичам стало не до смеха. Меткие ордынские лучники не позволяли горожанам появиться на стенах. Затем, следуя своей обычной тактике, татары начали штурм города. Три дня подряд они пытались взобраться на

стены и проникнуть в город. Благодаря численному превосходству, Тохтамыш вел штурм непрерывно, сменяя одни полки другими. Москвичи не имели такой возможности и падали с ног от изнеможения. Однако крепость держалась. Развязка наступила 26 августа 1382 года.

Не желая затягивать дело, Тохтамыш пошел на хитрость. Он велел суздальским князьям Василию и Семену (родным братьям московской княгини Евдокии) выступить в роли посредников. Подъехав к городским воротам, они обратились к москвичам от имени хана с увещанием. Суть его состояла в том, что отсутствие в городе князя Дмитрия устраняет причину войны — желание хана покарать провинившегося слугу. Таким образом, ничто не мешает заключить мир. Для этого москвичам достаточно почтить хана как своего господина и сдать город на его милость.

«Царь вас, своих люди, хочет жаловати, понеже неповинни есте, и несте достойни смерти, не на вас бо воюя прииде, но на Дмитриа, ратуя, опльчися. Вы же достойни бысте милования. Иного же ничто же не требует от вас, разве токмо изыдете противу его в сретение ему с честью и з дары, купно и с своим князем, хочет бо видети град сый и в онь внити, и в немь побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему врата градные отворите» (25, 196).

Соблазнившись возможностью благополучного исхода, москвичи собрали хану богатые дары и выслали из города многочисленную депутацию во главе с князем Остеем, боярами и духовенством. Татары набросились на депутатов, перебили их и, пользуясь суматохой, ворвались в открытые городские ворота. Одновременно начался общий штурм города. Вскоре Москва была в руках завоевателей. На узких улицах города кипели отчаянные схватки. Местами вспыхнул огонь, быстро распространившийся по всему деревянному городу. В некоторых летописях говорится, что город подожгли татары (43, 145). Не имея возможности выбраться, люди гибли в огне и дыму. Крики ярости и отчаяния сливались в дикий вой умирающего города. Тот, кто слышал этот вопль, не мог забыть его до конца своих дней.

«Везде же крик и вопль велик страшен бываше, яко не слышати друг друга вопиюща, множеством народа кричаща» (25, 198).

После взятия Москвы Тохтамыш разослал свои отряды для разгрома городов Московского княжества и великого княжества Владимирского — Владимира, Юрьева Польского, Звенигорода, Дмитрова, Можайска и Переяславля Залесского. Жителей Переяславля спасло большое озеро, на берегу которого стоит город. Собрав все имевшиеся в наличии корабли, лодки и плоты, они погрузились на них и вышли на середину озера. Татары

не стали тратить время на постройку судов и ушли, бросив огонь на опустевший город.

Один из отрядов Тохтамыша был послан на Волок и наткнулся там на войско Владимира Серпуховского. Герой Куликова поля не дрогнул: одни татары были уничтожены, другие рассеяны. Согласно летописцу, узнав об этом сражении, Тохтамыш встревожился и стал понемногу отводить свои войска. Однако это суждение скорее можно объяснить патриотическими настроениями летописца, нежели отнести к реальным обстоятельствам войны. Тохтамышу просто не хотелось долго стоять на смрадном московском пепелище.

По дороге обратно в степь Тохтамыш сжег Коломну и разорил Рязанское княжество, забыв об услугах, оказанных ему Олегом. По обыкновению татары уводили с собой множество пленных, которых с нетерпением ждали работоторговцы на всех базарах Средиземноморья. Лишь немногие пленники — как правило, самые знатные — могли надеяться на то, что их найдут в Орде и выкупят из неволи друзья или родственники. Исследователи средневековой черноморской торговли отмечают, что в конце XIV — первой половине XV века русские рабы через Тану и Каффу потоком хлынули на рынки Черного и Средиземного морей. Лишившись доходов от регулярного поступления русского «выхода», ордынская знать компенсировала эти убытки грабительскими набегами на русские земли. Такова была цена, которую пришлось заплатить подданным Дмитрия Ивановича за свободу и славу своего государя (170, 48).

На пепелище

Спустя несколько дней после ухода Тохтамыша князья Дмитрий и Владимир вернулись в Москву. Точнее — вернулись на то место, где еще совсем недавно была цветущая столица Северо-Восточной Руси, а теперь простиралось бескрайнее пепелище. Это зрелище поистине потрясало душу. Среди обуглившихся бревен лежали обгорелые мертвые тела. В воздухе стоял невыносимый трупный запах.

Братья многое повидали в жизни. Оба видели заваленное трупами Куликово поле. Но глядя на растерзанную и сожженную Москву, они плакали, словно дети:

«И видеша град взят, и пленен, и огнем пожжен, и святыя церкви разорены, а людей побитых трупиа мертвых без числе лежаще. И о семь сжалиси зело, яко и расплакатися има съ слезами» (25, 204).

Прежде всего следовало поскорее похоронить мертвых. Княжеские дружинники не хотели служить могильщиками. Только за хорошие деньги можно было найти охотников на такое дело.

«И повелеша (князя. — *Н. Б.*) тела мертвых хоронить, и даваста от 40 мрътвецъ по полтине, а от 80 по рублю. И съчтоша того всего дано бысть от погребения мертвых 300 рублей» (25, 204).

Эта простая арифметика дает примерную цифру человеческих потерь. Нашествие Тохтамыша обошлось Москве в 24 тысячи погибших, не считая пленных. Однако в плен татары уводили детей, а также молодых мужчин и женщин, в погребальный же расчет шли все погибшие. Соответственно, пленных было уведено гораздо меньше, чем погребено мертвых. Кроме того, среди мертвых было много жителей окрестных сел и монастырей, укрывшихся в Москве от нашествия Тохтамыша. Учитывая всё это, можно думать, что общая численность населения Москвы в эпоху Дмитрия Донского не превышала 30–40 тысяч человек. (Примерно так же оценивают специалисты и численность населения Великого Новгорода в XIV–XV веках.) Отсюда несложно вывести и примерную оценку мобилизационного потенциала Москвы и Московского княжества. Эти числа были на порядок ниже, чем аналогичные показатели для Золотой Орды. Проще говоря, Дмитрию Московскому в лучшем случае можно было считать своих воинов тысячами, а Мамаю или Тохтамышу — десятками тысяч, «туменами».

Степной волк

В русской истории существуют своего рода семантические пары, связанные по принципу «добро» — «зло». Это Илья Муромец — и Соловей Разбойник, Борис и Глеб — и Святополк Окаянный, Евпатий Коловрат — и Батый.

Дмитрий Донской выступает в такой же связке с двумя «антигероями» — Мамаем и Тохтамышем. При этом два последних воспринимаются как в некотором роде одно лицо. Мамай — это несостоявшийся Тохтамыш. А Тохтамыш — состоявшийся Мамай. Оба имели одну цель: разгромить Русь, вернуть ее обратно в рабское ярмо. Эту идею могла бы хорошо выразить монета, на одной стороне которой изображен Мамай, а на другой — Тохтамыш. Такой монеты, конечно, не существует. Но существуют монеты, чеканенные в Москве, где на одной стороне присутствует имя великого князя Дмитрия Ивановича, а на другой — имя Тохтамыша. И это тоже глубоко символично...

Историческая судьба Мамаю и Тохтамышу сложилась по-разному. Имя первого мелькает в фольклоре и топонимике (Мамаев курган). Известное присловье — «как Мамай прошел» — означает полный разгром и беспорядок. А между тем Мамай никогда не был на Руси. Тохтамыш же, учинившего невиданный разгром Москвы, знают только историки и прилежные школьники. Таинственные законы человеческой памяти выхватывают из прошлого одно и оставляют в забвении другое...

Дмитрий Московский победил порученцев Мамаю на реке Воже и его самого — на Куликовом поле. Впрочем, оба сражения носили, если так можно выразиться, промежуточный характер. Война продолжалась, и бекляри-бек собирал силы для нового похода на Русь. И неизвестно, чем кончилось бы «розымие» Москвы с Мамаем, если бы не вмешательство Тохтамыша. Вполне вероятно, что оно кончилось бы тем же, чем и поход Тохтамыша — разгромом Москвы... Но это уже область ненавистного историкам сослагательного наклонения...

Нашествие Тохтамыша и разгром татарами Москвы 26 августа 1382 года — черное пятно на репутации Дмитрия Московского как полководца и правителя. Такое суждение можно вывести из самого факта катастрофы. Последствия этой катастрофы один живший в ту пору книжник определил следующим образом.

«И аще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы исчитати, убо не смею рещи, мню, яко тысяща тысящ рублев не иметь числа» (34, 338).

В ряду потерь, которым нельзя назвать цену, стоят и книги, собранные перед нашествием в один из кремлевских соборов. Вероятно, книги приказал собрать митрополит Киприан, чтобы спасти их от гибели. Вот что рассказывала об этой истории Троицкая летопись. «Книг же толико множество снесено со всего города и из загородья и из сел и в зборных церквах, до тропа (свода. — Н. Б.) наметано, схраненья ради спроважено, то все без вести створиша» (72, 423). Огонь уничтожил всё книжное собрание ранней Москвы. Можно только гадать о том, какие духовные сокровища, какие уникальные рукописи превратились в огонь и дым...

Итак, признаем печальную истину: политика великого князя Дмитрия Ивановича привела к тому, что Московско-Владимирская Русь пережила тяжелейшую за два века ордынского ига катастрофу.

Судьба Тохтамыша: взлет

Взлеты и падения Тохтамыша как правителя неразрывно связаны с историей знаменитого среднеазиатского завоевателя Тимура (1336–1405). Можно сказать, что Тимур был богом войны, а Тохтамыш — его падшим ангелом.

«В 1376 году, когда Тимур отдыхал от своих тяжких трудов, при его дворе появился Тохтамыш, личность весьма незаурядная, по прямой линии происходившая от ханов Золотой Орды, — рассказывает французский востоковед Жан-Поль Ру. — В жизни Великого эмира ему была предназначена роль первого плана. Тохтамыш имел прекрасный рост и, как станет известно впоследствии, вопреки наговорам недоброжелателей, являлся человеком отважным, умным, энергичным, справедливым и если не гениальным, то, по меньшей мере, талантливым. То был один из родственников Урус-хана (ок. 1361–1377), правителя Кок-Орды, шестой наследник хана Орды на землях удела Джучи (Золотой Орды, или Кипчакского улуса), приблизительно соответствовавшего территории современного Казахстана; некоторые считали Тохтамыша его племянником, иные — одним (то ли близким, то ли далеким) из его двоюродных братьев. Он претендовал было на правление Ордой, но, изгнанный Урусом, пришел искать убежище в Самарканде.

Тимур встретил его с почестями, приличествовавшими истинному потомку Чингисхана, усердствуя тем более, что надеялся увидеть его во главе Золотой Орды, а ежели не удастся сделать из него союзника, то, уж конечно, стражем своих северо-западных рубежей. Но главным было то, что гость покорила Великого эмира своею персоною, и тот сразу проникся к нему дружескими чувствами и оставался им верен неизменно. Несмотря на затяжные войны, с которыми они ходили друг на друга, Тарагаев сын (Тимур. — Н. Б.) проявлял по отношению к Тохтамышу снисходительность необычайную; так, когда-то отдав ему свою сестру, он забирать ее обратно не думал никогда!

Великий эмир дал под начало своему новому другу войско, а также три укрепленных города, стоявших на берегу Сырдарьи, на ордынской границе: Отрар, Сабран и Сыгнак. Урус-хан, увидев для себя опасность в принятии изгнанника и в определении ему местопребывания стана, располагавшегося в непосредственной близости от своих владений, немедленно на него напал. Слишком слабый, чтобы дать ему отпор, Тохтамыш возвратился в Самарканд...» (280, 63).

В ходе этой войны Тохтамышу случалось попадать в такие отчаянные переделки, которые напоминают некоторые эпизоды боевой юности Чингисхана. Несомненно, он умел владеть собой, преодолевать боль от ран

и прямо смотреть в лицо судьбе.

«Война (с Урус-ханом. — Н. Б.) сделалась неизбежной. Тимур вновь послал Тохтамыша в Сабран, но того прогнали опять. Тогда Великий эмир отправился в поход сам. Стояла зима 1376/77 года. Схватки были жестокими. В конечном итоге Уруса разбили на его собственных землях, примыкавших к Тимуровой державе, где-то между Сыгнаком и Оттаром, а затем отбросили в степи, где со временем он и скончался. Продолжатели его дела, сыновья Йохта-Кия и Тимур-малик, сначала первый, а затем второй, борьбу продолжили. Для Тохтамыша наступила полоса неудач; однако, благодаря присланному Тимуром подкреплению, он в конце концов победу одержал и, нанеся врагам сокрушительный удар, занял их место в Кок-Орде (зима 1377/78 года). Не прошло и трех лет, как он стал владыкой Кипчакского улуса, сумев вновь объединить удел Джучи. То был успех блистательный и громкий; правда, со слишком большими трудностями Тохтамышу столкнуться не довелось» (280, 64).

Средневековые войны были жестокими и кровавыми. Мирное население рассматривалось как добыча победителей. Для достижения победы хороши были все средства. Но даже на этом мрачном фоне действия Тохтамыша отличались коварством и вероломством. Об этом свидетельствует и рассказ современника событий о взятии войсками Тохтамыша города Тебриза в Северном Иране в 1385 году. Многие детали этой трагедии напоминают взятие Тохтамышем Москвы.

«Войско Токтамыш-хана, пройдя Дербент и область Ширван, прибыло в Тебриз. Тебризцы, загородив деревьями входы в свои улицы и кварталы, укрепились. Тебриз был чрезвычайно населен. Жители вооружились и оберегали свои улицы и дома. Когда войско Токтамыша прибыло, то оно увидело город в таком виде и жителей сопротивляющимися. Они [воины] расположились в Шенб-и-Газани, 8 дней ходили вокруг города, но никак не могли отыскать случая и возможности [овладеть им]. Отправили они человека и потребовали эмира Вели. Сошлись для заключения мирных условий. Эмир Вели заключил мир на таком условии, что они со своей стороны из города дадут 250 туманов золота, которое будет ценою подков их лошадей, а те уйдут.

В четверг... месяца... 787 г. [12 февраля 1385 — 1 февраля 1386 г.] жители города собрали ходжей и постановили, чтобы каждый ходжа в пятницу утром принес и сдал по одному туману золота в монете. Утром в пятницу нукеры эмира Вели пришли, привели своих казначеев и занялись счетом золота. Так как была пятница и мир был заключен, то жители города

сочли себя безопасными и сложили оружие. Узнав об этом, войско Тохтамыша извлекло мечи, ворвалось в город и занялось убийством и грабежом. Жителям города не оставалось более возможности сопротивляться. Восемь суток около 100 тысяч человек немилосердных неверных, вторгнувшись в этот город, убивали, грабили, никому не оказывали сострадания и милосердия. Женщины и мужчины, босые и голые, да младенцы сидели у дорог, улиц и кварталов, посреди снега и льда. Неверные приходили, осматривали и уводили всех молодых красивых женщин, девиц и юношей. Они брали также некоторых других, отводили их в дома их и подвергали их тяжелым пыткам. Те указывали спрятанные вещи, и эти проклятые уносили их. Если пишущий [эту] книгу целый год сряду будет писать рассказы о том, что случилось с этим городом и с этими мусульманами, то он [все-таки] не кончит и даже не сможет передать и части десятой доли того [рассказа]...» (11, 280).

Судьба Тохтамыша: падение

Овладев Золотой Ордой и усмирив Русь, Тохтамыш почувствовал себя настолько уверенно, что вступил в борьбу со своим покровителем Тимуром за территории современного Азербайджана. Эти земли издавна были предметом спора между ханами Золотой Орды и правившими в Иране представителями другой линии Чингизидов — потомками хана Хулагу, сына Толуя. Возможно, сам Тохтамыш и не желал этой войны. Однако вместе с тронem Золотой Орды он получил и груз традиционных обязанностей и задач золотоордынских правителей...

Многолетняя борьба Тохтамыша с Тимуром свидетельствует как о незаурядных дарованиях этого хана, так и об огромном военном потенциале степной державы. Однако по иронии судьбы палач Москвы Тохтамыш оказался одновременно и могильщиком Золотой Орды. Его воинственность и честолюбие, отказ подчиниться Тимуру в конечном счете погубили Золотую Орду. Ее военный потенциал был растрочен в бесконечной войне с Тимуром, завершившейся поражением Тохтамыша. Десятки тысяч кочевников сложили головы в степных баталиях. Большие торговые города, включая Сарай, были разграблены во время нашествия Тимура в 1395 году. «Последствия походов Тимура на Золотую Орду были подобны последствиям похода Бату на Русь», — заметил русский историк Г. В. Вернадский (110, 284). Эту аналогию можно продолжить. Разгром Сарая Тимуром в 1395 году был таким же тотальным и свирепым, как

разгром Москвы Тохтамышем в 1382-м. Так волею судьбы совершилось историческое возмездие.

После ухода Тимура Тохтамыш некоторое время кочевал в Крыму, а потом вынужден был уйти в Литву, под защиту Витовта. Литовский князь принял татар Тохтамыша с радостью и расселил их во внутренних районах Литвы. Вероятно, он надеялся использовать их в войнах с Польшей и Орденом.

История Тохтамыша состоит из трех глав. В первой он действует как марионетка в руках Тимура, однако со временем набирает силу и проявляет характер. Во второй главе на смену марионетке приходит самостоятельный правитель, поднявший меч на своего бывшего покровителя. Однако Тимур оказался сильнее Тохтамыша и как полководец, и как повелитель, способный в трудных обстоятельствах воодушевлять своих людей. Проиграв все сражения с Тимуром, Тохтамыш в итоге возвращается к роли марионетки. На сей раз его покровителем становится великий князь Литовский Витовт — фигура, сопоставимая с Тимуром по своим выдающимся и разносторонним дарованиям.

«...Необходимо иметь в виду, что многие литовско-русские князья считали Золотую Орду главным врагом и были готовы поддержать любую попытку как Москвы, так и Литвы бороться против монголов», — писал Г. В. Вернадский (110, 286). И далее: «...Зимой 1397/98 г. Витовт повел свою армию вниз по Днепру и, говорят, достиг побережья Черного моря. Местные татарские орды, встреченные им на своем пути, не оказали сколько-нибудь серьезного сопротивления. Весьма вероятно, что они не симпатизировали ханскому правительству (Тохтамыш еще оставался в то время ханом). Тысячи из них сдавались, и их расселяли в районе Тракая. Главная цель похода была, кажется, нащупана. В то время Витовт вряд ли ожидал оказаться способным сокрушить монголов. Но гражданская война и просьба Тохтамыша о помощи изменили всю картину. Теперь Витовт мог надеяться, используя Тохтамыша как марионеточного хана, установить свой сюзеренитет над всей Золотой Ордой. Приняв решение, Витовт начал тщательную подготовку к походу, который, он надеялся, закончится завоеванием Золотой Орды» (110, 287).

Однако результат оказался другим. В битве на реке Ворскле в августе 1399 года Витовт и Тохтамыш потерпели сокрушительное поражение.

«Даже после этой катастрофы Тохтамыш не оставил своих попыток вернуть власть в кипчакских степях. Витовт предложил воинам Тохтамыша земельные наделы в Литве, если они пойдут к нему на службу. Хотя многие

из них приняли предложение, Тохтамыш вернулся в степи с небольшим отрядом верных единомышленников и начал против Едигея партизанскую войну. После поражений в нескольких столкновениях он ушел на восток и нашел пристанище в Тюмени, в Западной Сибири. Оттуда он отправил посла своему бывшему сюзерену Тимуру, еще раз испрашивая покровительство и предлагая союз против Едигея. Тимур милостиво принял посла Тохтамыша в городе Отрар в январе 1405 года. Тимур тогда стоял на пороге своего нового похода против Китая. Его, вне всякого сомнения, беспокоил быстрый подъем сил Едигея и, чтобы предотвратить возможность нападения Едигея на Центральную Азию во время его отсутствия, он был рад использовать Тохтамыша против Едигея, как он использовал Едигея против Тохтамыша десять лет назад. Ни Тимуру, ни Тохтамышу не суждено было воспользоваться плодами их нового союза. Тимур скончался в Отраре 18 февраля 1405 года. Тохтамыш, по-видимому, умер в Тюмени примерно в то же время или вскоре после того. В любом случае, его имя не упоминается после этой даты в доступных нам источниках» (110, 286).

Судьба была жестокой не только к самому Тохтамышу, но и к его детям. Вскоре после кончины Тохтамыша в Орде пришел к власти его заклятый враг бекляри-бек Идигей (в русских источниках — Едигей). Спасаясь от его расправы, сыновья Тохтамыша Джелал-ад-Дин и Керим-Берди бежали в русские земли. Сын Дмитрия Донского великий князь Василий Дмитриевич принял Тохтамышевичей (277, 65). Опасаясь гнева Едигея, он некоторое время скрывал их в глубине своих владений. Однако дело вскоре открылось. В 1408 году Едигей совершил внезапный набег на Москву, причиной которого он сам называл дружбу Василия с сыновьями Тохтамыша. Но и после этого татарские «царевичи» оставались на Руси. Так продолжалось до 1412 года, когда один из них, Джелал-ад-Дин, сумел оттеснить Едигея и захватить власть в Сарае. В том же году Василий Дмитриевич поехал в Орду, чтобы провести старого знакомого и поздравить с восшествием на трон. Однако, к его изумлению, в Сарае он увидел уже не Джелал-ад-Дина, а другого сына Тохтамыша — Керима-Берди. Этот последний убил старшего брата в короткой усобице и захватил трон. Но и его царство длилось недолго...

В итоге все дети Тохтамыша погибли в жестоких усобицах, не оставив заметного следа в истории (138, 267; 110, 471). Дольше всех продержался в ханском седле сын Тохтамыша Сеид-Ахмед. Следуя по стопам отца, ему удалось совершить несколько грабительских походов в русские земли.

Глава 27

ЗАЛОЖНИКИ

*Золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу,
в горниле уничижения.*

Сирах. 2, 5

Для Дмитрия Московского наступили тяжелые времена. Нашествие Тохтамыша окрасило его жизнь в мрачные тона. В маленьком мире тогдашней Москвы люди жили тесно и патриархально. Многих из тех, кто погиб в огне и под татарскими саблями, князь хорошо знал... Порой они являлись ему во сне, стояли у его изголовья, смотрели на него с немым укором. Его стали мучить кошмары. Случалось, что он видел себя окруженным жарким пламенем и с криком просыпался глубокой ночью...

Он утратил прежнюю самоуверенность и дерзость. В поведении Дмитрия появилась новая черта: временами князь впадал в глубокую задумчивость и словно уходил в какой-то далекий, недоступный окружающим мир. И, может быть, именно тогда он приказал вырезать на одной из своих печатей вместо патронального святого Дмитрия Солунского изображение библейского царя Давида. А вокруг читалась горькая истина: «Всё ся минет» («Всё пройдет») (163, 88).

Однако горе не сломало его твердый и властный характер. Окруженный явными и тайными врагами, Дмитрий продолжал бороться за то, что считал своим предназначением.

Не затих еще плач на пепелищах, а княжеская братия уже принялась думать и гадать, какой будет воля грозного царя Тохтамыша относительно разделения власти в «русском улусе». О будущем Москвы судили разное. Но многие сходились на том, что Дмитрию Московскому не видать больше великого княжения Владимирского. В качестве возможных кандидатов на эту роль одни называли Владимира Серпуховского, другие — Дмитрия Суздальского, третьи — Михаила Тверского. Этот последний, не дожидаясь приглашения, осенью 1382 года отправился вместе со старшим сыном Александром в Орду, чтобы первым поклониться хану и, может быть, получить из его рук заветный ярлык на Владимир (43, 147).

Тверская околица

У тверского князя были основания надеяться на ханскую милость. После взятия Москвы Тохтамыш подошел с войском к границам Тверского княжества, где его с поклонами и дарами встретили послы князя Михаила Александровича. Хан благосклонно принял дары и выдал Михаилу ярлык на великое княжение Тверское. Этот ярлык подтверждал главенствующее положение Михаила Александровича в тверском княжеском доме. Впрочем, этот некогда многолюдный «дом» изрядно опустел после разгрома чумы. По состоянию на 1382 год в живых оставалось по два-три представителя холмской и дорогобужской ветви. Некогда сильная кашинская ветвь пресеклась в 1382 году с кончиной ее последнего представителя — бездетного Василия Михайловича. Кашинский удел перешел к Михаилу Александровичу Тверскому, который правил им через своих сыновей.

Смиренномудрием — а может быть, и двоедушием — князя Михаила Александровича Тверское княжество было спасено от нашествия Тохтамыша. Однако вопрос о великом княжении Владимирском при этой первой встрече хана и княжеских послов остался открытым. Тохтамыш был достаточно опытным правителем, чтобы не спешить в такого рода делах и дать возможность собраться с мыслями и деньгами всем претендентам на владимирский венец. И вот теперь, проклиная в душе и хана с его восточной хитростью, и Москву с ее непобедимой самоуверенностью, князь Михаил Тверской пробирался по раскисшим осенним проселкам в далекий Сарай.

Московский летописец сообщает о его поездке кратко, но с плохо скрытой насмешкой:

«Тое же осени (1382 года. — Н. Б.) князь великий Михаил Александрович Тферский поиде въ Орду съ своим сыном со князем съ Александром, а пошел околицею, не прямыми и не путями» (43, 147).

Это замечание не только язвительно по отношению к тверскому князю, но и весьма многозначительно. Прямой путь из Твери в Орду (вниз по Волге или через Владимир-на-Клязьме) проходил по территории Московского княжества и великого княжества Владимирского. «Объездной маневр» Михаила Тверского свидетельствует о том, что и после нашествия Тохтамыша Дмитрий Московский не только сохранил контроль над этими землями, но имел достаточно сил, чтобы перекрыть торные дороги, которыми мог ехать его главный политический соперник. Тверскому князю пришлось пробираться в Сарай окольными путями — вероятно, через Смоленск и Верховские княжества.

Объезжая московские заставы, Михаил пробирался в Орду с надеждой на то, что на сей раз заветный ярлык на великое княжение Владимирское —

а с ним и верховная власть над Владимиром и Новгородом — не ускользнет из его рук, как это уже не раз случалось прежде. Прожив на свете полсотни лет, исполненных борьбой и утратами, князь привык философски относиться к ударам судьбы. В глубине души он не очень-то и хотел взваливать на свои усталые плечи бремя владимирского княжения. Вместе с поблекшими от времени почестями и скорее символической, нежели реальной властью над несколькими областями этот титул сулил много тревог и забот.

Но борьба за ярлык — а вместе с ним и за старшинство в Северо-Восточной Руси — была для тверского князя вопросом родовой чести. Всё многочисленное потомство казненного в Орде святого князя Михаила Ярославича жило надеждой на месть ненавистному дому Ивана Калиты. Все они — живые и мертвые — с надеждой глядели вслед уходившему в осеннее ненастье тверскому посольству. И помня об этом, князь Михаил подгонял нагайкой своего усталого коня...

Пробыв в Сараях почти год, Михаил Тверской осенью 1383 года с пустыми руками вернулся на Русь. Рогожский летописец лаконично сообщает:

«Тое же осени (1383 года. — Н. Б.) князь великий Михаил Александрович выиде из Орды, а сына своего князя Александра во Орде оставил» (43, 149).

(Воскресенская летопись уточняет время возвращения Михаила Тверского на Русь: «Тое же осени, о Николине дни» — то есть около 6 декабря. Очевидно, князь покинул Орду в середине ноября, когда установился зимний путь. Впрочем, Никоновская летопись сообщает, что Михаил приехал из Орды в сентябре 1383 года (39, 49; 42, 84). Разной в датах — «хроническая болезнь» русских летописей.)

Разговор наедине

Суровый лаконизм ранних московских сводов смягчается некоторыми колоритными подробностями, содержащимися в Никоновской летописи. В ее тексте порой трудно понять, где кончается информация источника (до нас не дошедшего) и начинаются морализаторские рассуждения и литературные упражнения самого летописца. И всё же рассказ Никоновской летописи о пребывании Михаила Тверского в Орде в 1383 году выглядит весьма достоверно. Разговор хана и князя (точнее — ответ хана на вопрос князя) словно подслушан за пологом юрты. Тверской князь

обратился к Тохтамышу с просьбой, с которой он прежде не раз обращался к Мамаю: выдать ему ярлык на великое княжение Владимирское и сильную «рать» для устрашения Москвы. Но Мамай, торгуя ярлыком на Владимир, не хотел доводить дело до конца и ломать приносившую стабильный доход «московскую» систему управления Северо-Восточной Русью. Даже в случае победы татар на Куликовом поле Мамай, возможно, довольствовался бы опустошительным набегом на Москву, сохранив при этом верховную власть потомков Калиты.

Мамай сгинул в коварной Каффе, и его место занял Тохтамыш. Но и Тохтамыш сообщил раздосадованному тверскому князю, что не желает ломать устоявшуюся политическую систему Северо-Восточной Руси:

«В лето 6892 Тахтамышь царь Воложский (Волжской Орды. — Н. Б.) и всех орд высочайший царь пожаловал князя Михаила Александровича Тверского его отчиною и дединою великим княжением Тферским, рек ему сице (так. — Н. Б.): „Аз улусы своя сам знаю, и кийждо князь русский на моем улусе, а на своем отечестве, живет по старине, а мне служит правдою, и яз его жалую; а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея Московского, и аз его поустрашил, и он мне служит правдою, и яз его жалую по старине во отчине его; а ты поиди в свою отчину во Тверь и служи мне правдою, и яз тебя жалую“. И прииде князь Михайло Александрович Тверский изо Орды от Тахтамышя царя с пожалованием и с честью, месяца сентября, а сына своего князя Александра остави во Орде» (42, 84).

Отправившись дальше по пути откровенности, Тохтамыш мог бы объяснить Михаилу Тверскому и причину такого решения. Московский князь умеет вовремя и в полном объеме собирать ордынскую дань со всей Руси. Он знает, от кого и сколько можно требовать серебра. И за это ему можно многое простить...

(Вслед за рассказом о поездке Михаила Тверского к Тохтамышу Никоновская летопись приводит любопытное дополнение. Оно ярко отражает один из соблазнов, подстерегавших русских князей в Орде. Их долгое и томительное ожидание использовали в своих целях разного рода «лоббисты», обещавшие за определенную мзду повлиять на хана, обеспечить быстрое и желательное решение вопроса. При этом проходимцы не стеснялись обещать одну и ту же вакансию одновременно нескольким кандидатам:

«Тогда же бе во Орде у Тахтамышя царя и князь Василей Дмитриевич Московский, смущаше убо их некий царь Ординский (человек царского рода. — Н. Б.), обещава к комуждо дати великое княжение, яко и царя,

глаголаше, на сие приведу» (42, 84). О присутствии в Сарае Дмитриева сына речь пойдет чуть ниже.)

Дмитрию Московскому недолго пришлось ожидать решения своей судьбы. Хан протягивал ему руку снисхождения:

«Той же осени (1382 года. — *Н. Б.*) к князю Дмитрию на Москву приезди посол от царя Тахтамыша Карачь о миру. И потом князь повеле христьяном ставити дворы и грады съзидати» (44, 130).

Ханская милость подразумевала верную службу. В мирные времена московские князья сами ездили в Орду, чтобы выразить хану свое почтение, задобрить его и всю его челядь дарами и, наконец, получить заветный ярлык на Москву и Владимир. Но после нашествия Тохтамыша на Русь Дмитрий не мог явиться к хану. Это был прежде всего вопрос личной безопасности. При встрече Тохтамыш мог вопреки всем клятвам насладиться расправой над своенравным «улусником». Но и неявка московского князя в Орду могла быть воспринята как продолжение «розмирия» со всеми вытекающими последствиями. После долгих и мучительных размышлений Дмитрий решил отправить в Орду своего второго сына и наследника Василия. (Первый сын Дмитрия Даниил умер в младенчестве.)

Весной 1383 года почерневшая от огня и горя Москва провожала наследника престола в Орду. Рогожский летописец сообщает: «Тое же весны князь великий Дмитрей Иванович отпусти в Орду к царю Токтамышу сына своего старейшаго Василиа из Володимеря, а с ним бояр старейших, и тамо пребысть 3 лета, и поидоша в судех по Волзе на низ» (43, 148). Княжич Василий родился 30 декабря 1371 года. Таким образом, в Орду он отправился в возрасте одиннадцати лет. При таком малолетстве ему, конечно, нужны были сопровождающие бояре.

Новгородский летописец сообщает о том же событии, но с некоторой брезгливой иронией, в которой так и слышится шекспировское: «Чума на оба ваши дома!»: «Посла князь великий Дмитрей в Орду ко царю сына своего князя Василья во свое место (вместо себя. — *Н. Б.*) тягаться о великом княжении с Михаилом князем Тверским» (55, 142).

Хан по достоинству оценил этот жест покорности и, как мы знаем, оставил Дмитрия на троне великого князя Владимирского. У этого «добродушия людоеда» была вполне понятная причина. Тохтамыш нуждался в деньгах для новых завоевательных походов, а Дмитрий давно показал себя главным «мытарем» земли Русской.

И Дмитрий, проклиная всё на свете, вновь вынужден был впрягаться в

привычное московским князьям ярмо долгового рабства...

Кто заплатит за мятеж?

Желая ускорить сбор недоимок, а заодно и пресечь всякое политическое фрондерство со стороны русских князей, Тохтамыш прибегнул к старому испытанному способу контроля над побежденным противником — взятию заложников. В 1382–1383 годах старшие сыновья сильнейших русских князей — Дмитрия Московского, Дмитрия Суздальского, Олега Рязанского и Михаила Тверского — отправились в Орду. Там их задержали в качестве заложников. Это была не столько политическая, сколько финансовая мера. Условием их освобождения был полный расчет по недоимке за 1373–1381 годы. Летописец по обыкновению умалчивает о деталях финансовых расчетов князей с Тохтамышем. Лишь одна случайно оброненная им фраза вспыхивает как спичка в темноте:

«А Василиа князя Дмитреевица приа царь в 8000 серебра» (44, 130; 34, 339).

Тохтамыш назначил Дмитрию такую сумму «выхода», которую тот при всем желании не мог собрать в своих опустошенных нашествием владениях. В качестве гаранта уплаты недостающей суммы в восемь тысяч рублей хан и оставил у себя княжича Василия.

Именно эту сумму Дмитрий в 1385 году потребовал у Великого Новгорода, в качестве аргумента приведя к его стенам едва ли не всех «низовских» князей с полками. Однако прижимистые новгородцы отделались выплатой лишь трех тысяч наличными деньгами. Остальное «серебро» должны были уплатить их владения на Русском Севере. Но там, в краю бескрайних лесов и вечного покоя, любые действия власти совершались медленно и трудно. А между тем осенью 1385 года истекли три года пребывания Василия в Орде в качестве заложника. Судя по всему, именно эти три года хан дал русским князьям для полного расчета по всем ордынским платежам...

Условия содержания Василия и других заложников в Орде стали изменяться от вполне достойных и даже почетных — до тяжелых и унижительных. Ценой дальнейшего промедления с выплатой могла стать жизнь княжича. Не дожидаясь расправы, пленники стали строить планы побега.

Институт заложничества уходит своими корнями в библейскую

древность. В XIV столетии на этот печальный путь встала одряхлевшая Византия. Император Иоанн V в 1373 году признал себя вассалом турецкого султана Мурада и обещал платить ему ежегодную дань. В залог нерушимости этих обязательств император отправил к султану своего сына Манула в качестве заложника (274, 88).

Заклучив мир с Орденом в 1383 году, литовцы в качестве гарантии дали немцам своих заложников (140, 162).

И в Западной Европе в эту эпоху взятие заложников было обычным делом. Так, после пленения французского короля Иоанна Доброго в битве при Пуатье (1356 год) англичане назначили за его освобождение огромный выкуп, выплата которого производилась частями. Уже при выплате первой части суммы король получил свободу, тогда как гарантами выплаты остальной суммы стали заложники — французские аристократы и состоятельные горожане, добровольно отправившиеся в плен к англичанам.

В связи с этой историей современный французский историк предлагает следующий комментарий: «Заложник — это не обязательно пленник. Это кто-то, чье присутствие гарантирует выполнение договора или вообще обязательства. Так, многие юные принцы в Средние века проводили немалую часть детства в роли заложников, то есть вырастали при дворе иностранного монарха, служа залогом дружбы или просто нейтралитета. Но заложник — это гость, и тот, кто его принимал, был связан по отношению к нему законами чести, как если бы пригласил его. Разумеется, нельзя сказать, что жизнь заложника была в полной безопасности. Но заложник заложнику рознь, с одними обращались лучше, с другими хуже. А некоторые более болезненно переносили разлуку и относительное отсутствие свободы» (325, 268).

...Сын Михаила Тверского князь Александр Михайлович провел при ханском дворе несколько лет и вернулся на Русь осенью 1386 года. Благодаря столь долгому пребыванию в Орде он получил прозвище Ордынец. Отец назначил Ордынца своим наместником в Кашине. Там он и умер в 1389 году, не оставив потомства. Раннюю кончину Ордынца можно объяснить и долгим пребыванием в степях. Известно, что непривычная пища и климат, а также постоянное нервное напряжение стоили многим русским князьям не только здоровья, но и жизни.

Нижегородский узел

В отличие от своего пылкого московского зятя великий князь Дмитрий

Константинович Суздальский был человеком рассудительным. Участие в «перемыславской коалиции» 1375 года было его первым и последним «политическим романом». Устрашенный битвой на Пьяне и разгромом Нижнего Новгорода, он еще в 1377 году решил отказаться от любых споров с Ордой. Сидя в своем восточном углу, он внимательно следил за ходом событий и предсказывал московскому зятю плохой конец. Ни битва на Воже, ни даже Куликовская битва не могли пошатнуть его пессимизм. И летом 1382 года мрачные пророчества суздальского Иеремии стали сбываться. Узнав о приближении войск Тохтамыша, он первым понял, к чему идет дело, и выслал с поклоном к хану двух своих сыновей — Василия Кирдяпу и Семена.

(Заметим, что оба в то время были уже далеко не дети. Точных дат их рождения источники не сохранили, но известно, что их отец родился в 1324 году. Соответственно, старшему Дмитриевичу, Василию, в 1382 году было хорошо за тридцать, а младшему, Семену, — немногим менее.)

Своими уговорами и клятвами Василий и Семен обманули москвичей, убедили их открыть городские ворота и выйти с дарами навстречу Тохтамышу. Это предательство (а в лучшем случае — глупость, ибо сами они могли быть обмануты ханом), ценой которого стали многие тысячи жизней москвичей, ложится еще одним черным штрихом на политический портрет их отца — Дмитрия Суздальского. Да и чему мог научить своих сыновей этот гений уклончивости? Воистину, «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» (Иер. 31, 29).

Тохтамыш оценил смирение старого князя. Его владения не подверглись опустошению. Возвращаясь в степь, хан послал к нему с приветом своего шурина Шихмата. Вместе с татарами в Нижний Новгород вернулся и один из сыновей Дмитрия Константиновича Семен. Другого княжича, Василия, «царь» прихватил с собой. В сущности, он стал таким же заложником, как Василий Московский, Александр Тверской и Родослав Рязанский.

Василий Кирдяпа прожил в Орде три года. (Возможно, этот срок был определен Тохтамышем осенью 1382 года.) Наскучив такой жизнью, он решил бежать. Однако беднягу подвела умственная ограниченность. Маршрут своего побега он составил столь прямолинейно, что по дороге наткнулся на возвращавшихся из Руси ордынских послов. Узнав беглеца, татары схватили его и связанным доставили обратно в Сарай. После этого режим его содержания стал весьма суровым. «И за то приат от татар истому велику», — замечает летописец (39, 50).

Между тем Тохтамышу, кажется, надоело присутствие русских

княжичей при дворе. Выплата недоимок подходила к концу, и можно было подумать о «реструктуризации» долга. Заложники докучали ему своей непонятной русской тоской, а их родители — мольбами о снисхождении. Всё это заставило хана сменить гнев на милость. Год спустя после своего неудачного побега, в 1387 году, Василий Кирдяпа был прощен, отпущен из Орды на Русь и даже награжден ярлыком, дававшим ему право на самостоятельное княжение в Городце на Волге.

Возвращение Василия Кирдяпы подлило масла в огонь княжеской усобицы, которая ярким пламенем вспыхнула в Суздальско-Нижегородском княжестве после кончины старого князя Дмитрия Константиновича 5 июля 1383 года. В одном лагере оказались его сыновья Василий Кирдяпа и Семен, а в другом — его младший брат Борис Городецкий с двумя сыновьями — Даниилом и Иваном по прозвищу Тугой Лук.

Предусмотрительный Борис Константинович еще при жизни старшего брата (кажется, осенью 1382 года) отправился в Орду. Туда же вслед за ним поехал и его сын Иван. Хан решил и этого княжича взять заложником за долги отца.

Борис Городецкий убеждал хана в том, что именно он должен стать наследником нижегородского стола по кончине Дмитрия Константиновича. Но старый князь был еще жив. Он, в свою очередь, отправил в Орду (где уже находился в качестве заложника Василий Кирдяпа) младшего сына — Семена.

Получив известие о кончине Дмитрия Константиновича, Тохтамыш разрешил семейную тяжбу суздальских князей в пользу Бориса. Тот получил Нижний Новгород — главный город княжества, «большой стол».

Этого дня Борис ждал долгие годы. В воскресенье 8 ноября 1383 года он торжественно взойшел на великое княжение Суздальско-Нижегородское. Отныне он был «великим князем» — формальным главой всего клана потомков Константина Васильевича Суздальского. Княжеское торжество сопровождалось непрерывным колокольным звоном. В этот день церковь вспоминала предводителя небесного воинства архангела Михаила, которому был посвящен построенный в 1359 году князем Андреем Константиновичем дворцовый каменный храм в Нижегородском Кремле. Престольный праздник придворного собора умножил торжественность интронизации.

«Братанич» (племянник) Бориса князь Семен Дмитриевич вернулся домой ни с чем, утешаясь лишь тем, что его не постигла участь старшего брата Василия, сидевшего заложником в Сарае. Другим его утешением могла служить уверенность в том, что борьба только начинается и

нижегородские колокола еще вознесут ему свою медноголосую славу...

И в этом предположении князь Семен не ошибся...

Крылья феникса

После нашествия Тохтамыша Москва, словно сказочная птица феникс, быстро поднялась из огня и пепла. Крыльями феникса были мужество и трудолюбие москвичей. Сама природа помогала им в их трудах. Обширные леса в верховьях Москвы-реки служили неистощимым запасом строительного материала. Вниз по реке тянулись плоты строевого и дровяного леса. Но вся беда заключалась в том, что самих москвичей после разгрома Москвы почти не осталось...

Первой заботой Дмитрия Московского после возвращения в Москву было погребение жертв огня и меча. Родственников погибших практически не осталось. Поэтому всё было сделано за счет великого князя. Над переполненными обгоревшими телами братскими могилами священники, прикрывая нос рукой, наспех служили панихиду. А по ночам над могилами собирались в стаи и выли собаки, потерявшие своих хозяев.

До восстановления кремлевских палат князь, по-видимому, жил в одном из подмосковных сел. Оттуда он пытался наладить разорванные нити управления своими владениями. Главная беда состояла в почти полном отсутствии подданных. Одни погибли, другие были угнаны в плен, третьи бежали в соседние земли. Эта проблема заслоняла все остальные.

Обычным способом увеличения численности населения был набег на соседей, сопровождавшийся угоном пленных. Люди, попавшие «в полон», зачастую и не стремились вернуться назад. Там их ожидало лишь печальное пепелище. Набеги не случайно сопровождались пожарами. Нападавшие сжигали всё, что попадалось им на пути, именно для того, чтобы отбить у пленных охоту совершить побег и вернуться назад.

На новом месте пленники получали всевозможные льготы и могли продолжать свое дело с еще большим успехом, чем прежде. Крестьяне из «полона» селились в «слободах» — поселениях, временно освобожденных от налогов. Ностальгия была уделом немногих. При тогдашней размытости границ и подвижности населения понятие «родина» для подавляющего большинства было синонимом понятий «Русь», «Русская земля». Этническое и конфессиональное единообразие тогдашней Руси (за исключением «чудских», инородческих элементов) позволяло переселенцам повсюду чувствовать себя в привычной среде.

Для пополнения населения Дмитрию нужен был успешный рейд во владения одного из соседей. Перебирая в голове возможные направления удара, князь методом исключения — друзей, союзников и сильных врагов — пришел к окончательному решению, которое состояло в том, чтобы в очередной раз поживиться за счет владений Олега Рязанского. При всех бедствиях этого пограничного со степью региона, здесь, на плодородных приокских равнинах и под сенью широколиственных лесов, постоянно теплилась жизнь. Рязанская земля снабжала хлебом и московский центр, и степной юг. В известной мере это природное изобилие относилось и к людям. Рязанский «полон» уходил не только на ордынский юг, но и на московский север.

Поход на Рязань — под знаменем мести Олегу за помощь Тохтамышу и с тайной мыслью о захвате пленных — начался сразу после ухода татар. Рогожский летописец сообщает:

«На ту же осень (1382 года. — *Н. Б.*) князь великы Дмитрии Иванович посла свою рать на князя Олега Рязанскаго, князь же Олег Рязанский не во мнозе дружине утече, а землю всю до остатка взяша и огнем пожгоша и пусту сотвориша, пуще ему (Олегу. — *Н. Б.*) и татарьские рати» (43, 146).

Заметим, что набег на Рязань свидетельствует о том, что Дмитрий Московский сохранил значительный боевой потенциал. Вероятно, он увел с собой в Кострому и тем спас от Тохтамыша всю свою дружину. Точнее — то, что от нее осталось после Куликовской битвы...

Двуликие монеты

Судьба княжеских сыновей, взятых заложниками в Орду, во многом зависела от сбора недоимки по ордынскому «выходу». Уплата накопившихся долгов и сильно возросшей дани за текущий год стала главной проблемой для князя Дмитрия в первые годы после нашествия Тохтамыша. Летописец отметил это со свойственным ему суровым лаконизмом:

«Того же лета бысть великая дань тяжкаа по всему княжению великому, всякому без отьдатка (послабления. — *Н. Б.*), со всякие деревни по плътине. Тогда же и златом даваша в Орду, а Новгород Великий дал черный бор» (43, 149).

Это известие весьма важно по своему содержанию и требует кратких исторических комментариев. Для удобства читателя мы выделим наиболее значимые слова и выражения из приведенного выше летописного текста.

Летописец не случайно отмечает уплату дани золотом как что-то необычайное, особенно тяжелое. В Средние века основным металлом для изготовления монет в Европе служило серебро. У кочевников степей серебро ценилось выше золота. На Руси, следуя примеру Византии, золотые монеты («златники») в небольшом количестве чеканил Владимир Святой. Однако за недостатком золота (или узостью спроса) эта практика быстро прекратилась. Позднее в качестве денег использовали шкурки пушных зверей, серебряные слитки (гривны), а главным образом — цельные или разрезанные на части серебряные монеты восточного происхождения (арабские диргемы и монеты Золотой Орды).

Чеканка собственной монеты была одним из главных признаков могущества правителя, его политической самостоятельности. Созданию собственной монетной системы на Руси мешали не только политическая раздробленность и ордынское иго, но и отсутствие серебряных рудников и золотых приисков.

Дмитрий Донской первым из русских князей начал чеканить собственную серебряную монету. Она была «двуименной» и имела на одной стороне надпись арабской вязью с именем хана Тохтамышша, а на другой — имя великого князя (327, 26). Для начала собственного чекана суверен должен был обладать определенным запасом серебра. Откуда же разоренная Тохтамышем Москва могла найти средства для начала собственного чекана? Это одна из многих загадок финансовой политики Дмитрия Донского.

Историки давно высказывают предположение, что московские князья, собирая со всей Руси ордынский «выход», часть его присваивали себе. Если следовать этому предположению, возникает вопрос: было ли это элементарным мошенничеством — или результатом своего рода «торга» с Ордой относительно сокращения размеров «выхода»? Первое маловероятно: грубый обман, обсчет хана быстро стал бы темой доноса и расправы с князем. Второе более вероятно. «Остаток ордынского выхода, который князья постепенно уменьшали, оставался в руках князей и образовывал наряду с другими поступлениями фонд серебра, достаточный для серебряной чеканки» (327, 148).

Монета служила и своего рода манифестом правителя. Изображенные на ней знаки и символы были полны смысла, сейчас уже утраченного. Известны, например, монеты Дмитрия Донского с загадочным по смыслу изображением петуха...

Со временем московские монеты становятся чисто русскими по надписям и изображениям. Драгоценные металлы приходили на Русь

главным образом в результате торговли с европейскими странами. В эпоху Ивана III немецкие «рудознатцы» нашли серебро на Русском Севере, в бассейне реки Печоры. Но эти серебряные рудники в силу их удаленности и скудности не изменили общую ситуацию на рынке серебра в стране. Только в эпоху Петра Великого появляются промышленные разработки цветных и драгоценных металлов на Урале и в Сибири.

Полагают, что под названием «черного бора» летописцы разумеют «выход», который Великий Новгород время от времени выплачивал Орде через великого князя Владимирского. Эти платежи (точная сумма которых нам неизвестна) производились один раз в 7–8 лет и складывались из доходов от одной, но весьма зажиточной Новоторжской волости (361, 106). В год, когда Новоторжская волость платила «черный бор» татарам, она освобождалась от взносов в государственную казну Новгорода. По этой причине правящая верхушка Новгорода под разными предлогами искала возможности уклониться от этой повинности или же отсрочить платеж. Владимирские князья, напротив, требовали увеличения общей суммы «черного бора», ссылаясь на рост территории и численности населения боярской республики.

«Со всякие деревни по плътине...» Что означает эта ставка? Много или мало пришлось платить русскому народу надменному победителю Тохтамышу? Вот что говорят об этом современные исследователи.

«Один рубль (равный новгородской полугривне, „полтине“. — Н. Б.) — это почти предел платы, которую мог получить работник за год. А добыть „серебро“ (гривна равнялась 204 граммам серебра. — Н. Б.) в деревне всегда было во много раз сложнее. Приходилось ждать купцов и, предлагая свою продукцию, мириться с их неизбежно заниженными ценами. Таким образом, ордынская дань в размере одного или двух рублей в год — это настоящий грабеж, практически не оставлявший населению деревень и городов возможностей не только для расширения производства, но и для обычной жизни» (192, 85).

Источники не дают ясного представления о том, как конкретно происходил сбор ордынского «выхода», какими суммами он исчислялся и каков был порядок его доставки в Орду. Летописцы упорно избегают этой темы. Вся финансовая документация (безусловно, существовавшая и тщательно хранившаяся как на Руси, так и в Орде) со временем погибла или была уничтожена. После освобождения Руси от ордынского ига письменные свидетельства о нем считались чем-то постыдным и безжалостно уничтожались.

(Исключение составляли только ханские ярлыки русским

митрополитам, освобождавшие церковь от ордынских платежей и повинностей. Эти документы бережно хранились в митрополичьей канцелярии как своего рода назидание светским властям относительно неприкосновенности церковных имуществ.)

И всё же на основании косвенных свидетельств историки делают определенные выводы: «Дмитрий Донской, начав собственную чеканку монеты, установил величину рубля равной новгородской гривне. Следовательно, после нашествия Тохтамыша была восстановлена изначальная („по полугривне с сохи“, 1275 год. — Н. Б.) грабительская дань... По сравнению с варягами и хазарами монголы забирали в десятки раз больше. Поэтому можно удивляться, как люди выживали в условиях ордынского ига. В то же время неудивительно, что выживали немногие. И такое положение сохранялось более двух столетий» (192, 85).

Странный побег

Сыновья русских князей, жившие в Орде на положении заложников, безусловно, общались между собой и, надо полагать, вместе строили планы побега. Московский княжич Василий и Василий Кирдяпа были близкими родственниками: мать Василия Московского Евдокия Суздальская приходилась родной сестрой Василию Кирдяпе. Примечательно, что сын Дмитрия Московского бежал из ордынского плена осенью 1385 года (по Л. В. Черепнину — в 1386 году) (344, 650) — практически одновременно с Василием Кирдяпой и Александром Ордынцем. Несколько позже подался в бега и сын Олега Рязанского Родослав: «Того же лета (1387) прибежа из Орды князь Родьслав сын Олгов Рязаньскаго» (43, 153). К сожалению, никаких подробностей этого происшествия — точные сроки, маршрут беглеца, реакция Орды на побег — летописи не сообщают.

Синхронность побегов очевидна и не случайна. Истечение трехлетнего срока, по-видимому, освобождало княжеских сыновей от каких-то обязательств (или налагало новые) и позволяло (или заставляло) проявлять инициативу в деле своего освобождения.

«Тое же осени в Филипово говение в Юриев день, в неделю, побежа из Орды князь Василей сын князя великаго Дмитриев» (43, 151).

Итак, 26 ноября 1385 года сын Дмитрия Московского бежал из плена. Сам Георгий Победоносец должен был стать его покровителем в этом опасном предприятии. В отличие от Василия Кирдяпы, он выбрал для побега непредсказуемый маршрут — на запад, на территорию современной

Молдавии и Румынии.

В этой истории много необъяснимого. Трудно представить, как мог Василий своими силами преодолеть более чем тысячу верст заснеженных степей, не пользуясь услугами ямской гоньбы. (Вспомним описание бурана в оренбургских степях из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина или ярко изображенные в письмах отцу приключения Ивана Аксакова во время его поездки зимой из Москвы в Астрахань!) Но для проезда на казенных лошадях по большой степной дороге нужна была пайза — особая табличка, дававшая право на содействие местных властей и получение свежих лошадей на ямах. Вероятно, у Василия и его спутников была пайза одного из трех видов — золотая, серебряная или деревянная. Кто-то из ордынских доброхотов Руси — или просто продажный чиновник — дал им эту фальшивую «подорожную», позволившую Василию быстро пересечь степь и добраться до Подолии.

(Невольно возникает подозрение: а может быть, и сам побег Василия из Орды был имитацией, подстроенной ханом с какой-то дальней политической целью?)

«Того же лета (1386) прибеже сын князя великаго Дмитриев Ивановича князь Василии в Подольскую землю в Великия Волохы к Петру воеводе» (43, 152).

«Великие Волохи» (Валахия) — в XIV веке самостоятельное княжество в южной части современной Румынии. «Подольская земля», или «Подолье» (Понизье), — «область на среднем Днестре, ниже впадения в него Серета, с городами Бакотой, Усицей, Калиусом, Кучельминым и Онутом» (229, 130). После разгрома татар в битве на Синих Водах литовским князем Ольгердом (1362 год) эта область перешла под власть Литвы (229, 166).

Выбравшись из владений Тохтамыша и укрывшись в Литве, московский княжич получал свободу, но при этом не давал повода татарам для нового нашествия на Москву. Безусловно, такое важное решение, как побег, княжич и его свита могли принять, только получив указания из Москвы. Однако, перефразируя Ключевского, можно сказать, что этот замысел был «только испечен» в московской печке, а «заквашен» в Киеве, в канцелярии митрополита Киприана. Стратегическая цель этого замысла — московско-литовское династическое сближение — позволяет увидеть в нем характерный почерк гроссмейстера политической интриги митрополита Киприана.

Из Подолии и Валахии Василий перебрался в Литву, где в эти годы утвердился у власти в качестве полусамостоятельного правителя

племянник Ольгерда Витовт Кейстутович. Он вел напряженную борьбу за власть со своим двоюродным братом Ягайло Ольгердовичем, который в 1385 году стал королем Польским. Главой всех православных в Литве был митрополит Киприан, резиденция которого находилась в Киеве. Безусловно, Киприан был первым, кто гостеприимно встретил Василия в Литве. Витовт и Киприан решили извлечь максимальную выгоду из появления здесь наследника московского престола. У каждого из них были свои виды на будущее. Играя судьбой Дмитриева сына, они хотели в том или ином направлении повлиять на его отца. Начались сложные московско-литовские переговоры. По существу, Василий вновь оказался в роли пленника, но теперь уже — в руках великого князя Литовского. Дмитрий Московский желал поскорее выручить сына и отправил за ним посольство в Литву.

«Тое же осени (1386 года. — *Н. Б.*) князь великий Дмитрий Иванович отпусти бояр своих старейших противу (навстречу. — *Н. Б.*) сыну своему князю Василью в Полотскую землю» (43, 153).

Московский жених

Между московскими послами и Витовтом была достигнута договоренность о браке наследника московского престола Василия с дочерью Витовта Софьей. На этом условии Василий был отпущен из Литвы и через Полоцк вернулся в Москву. Его сопровождало большое посольство, состоявшее из литовской и польской знати. Польский король Ягайло — верховный сюзерен Литвы — с большим вниманием следил за политическими инициативами Витовта. Династический союз с Москвой сулил Литве мир на восточных границах и возможность сосредоточиться на борьбе с Орденом. Однако усиление Литвы за счет поддержки восточного соседа могло вызвать и усиление сепаратистских настроений Витовта по отношению к Польше. Словом, этим браком, навязанным Москве Витовтом, создавался еще один тугий узел восточноевропейских политических отношений.

«Тое же зимы (1386/87 года. — *Н. Б.*) межю говении (между Рождественским и Великим постом. — *Н. Б.*) в мясоед месяца генваря в 19 (в субботу. — *Н. Б.*) на память святого отца Макария, прииде на Москву к своему отцу ко князю к великому князю Василию Дмитриевичу, а с ним князи лятские и панове, и ляхове, и литва» (43, 153).

Возвращение княжича Василия в Москву нельзя назвать

дипломатической победой Дмитрия Московского. В этой истории слишком много неясного, скрытого не только от историков, но и от современников. Не совсем понятно, какую цену Дмитрию пришлось заплатить за возвращение сына. Судя по всему, побег Василия из Орды через Литву был своего рода «инсценировкой». Тохтамыш искал сближения с Витовтом и опасался задуманного Ягайло литовско-польского союза. Кревская уния 14 августа 1385 года и превращение литовского князя в польского короля переполошили всю Восточную Европу. Польша резко усилила свой военно-политический потенциал за счет объединения с Литвой. Однако при сохранении особой литовской династии это объединение было весьма хрупким, эфемерным. Сближение Витовта с Москвой через женитьбу княжича Василия создавало сильный противовес польской экспансии в Восточной Европе.

Но политическая ситуация быстро менялась, и все эти планы создавались «начерно», пунктирно. Поэтому Василий Московский должен был явиться к Витовту как бы случайно, под прикрытием мифа о побеге из ордынского плена. При такой неформальной договоренности политические игроки скрывали свои планы и оставляли за собой возможность маневра.

Если же побег Василия действительно был неприятной неожиданностью для Тохтамыша, то отчего было хану не послать в Москву очередного «лютого посла» с требованием выдать беглого заложника? И если Дмитрий в первый раз — отправляя Василия заложником в Орду — откупился от татар жизнью сына, то отчего бы ему не сделать это во второй раз? Но хан, судя по всему, вовсе не настаивал на примерном наказании беглеца. Такую снисходительность Тохтамыша некоторые исследователи объясняют желанием хана укрепить политическую систему великого княжения Владимирского, с тем чтобы использовать ее в качестве противовеса объединенному Кревской унией Польско-Литовскому государству.

«Переменой отношения Орды к Владимирскому княжению после 1385–1386 гг. следует также объяснять... отпуск из ордынского плена князей тверского Александра, рязанского Родослава и московского Василия» (138, 179).

(Это предположение многое объясняет в истории с заложниками. Но оно — увы — довольно шатко. Вызывает сомнение исходное положение историка о необычайно активном и вездесущем характере ордынской дипломатии. Выстраивая длинные ряды предполагаемых причинно-следственных связей, мы рискуем не только перегрузить эти гирлянды, но и модернизировать менталитет «кибиточных политиков».)

Кревская уния 1385 года повлекла за собой перестройку всей системы межгосударственных отношений в Восточной Европе. Однако конкретное содержание этой перестройки еще предстояло определить. Здесь возможны были самые различные варианты. Огромное большинство населения Литвы составляли восточные славяне. Идея объединения восточных и западных славян в единое государство кружила голову. Это государство могло бы решать грандиозные исторические задачи: избавление Византии от турок и Руси от татар, противодействие тевтонской экспансии. Во имя таких перспектив некоторые православные иерархи готовы были пожертвовать религиозной нетерпимостью.

Одним из главных препятствий на пути литовско-русского и литовско-польского сближения стала позиция московского великого князя Дмитрия Ивановича. Внук Ивана Калиты ясно понимал, что ему в этой большой игре отводится подчиненная роль. Столицей будущего государства восточных славян будет не Москва, а Вильно либо Краков. А объясняться с разгневанной Ордой придется в первую очередь Москве...

Литовский жених

Истоки глубокого недоверия, которое испытывал Дмитрий Иванович по отношению к Литве, уходили в те давние времена, когда 18-летний московский князь, стараясь не показать страха, глядел сквозь бойницы московской крепости на толпы косматых, одетых в звериные шкуры литовцев. Эти дикие люди, поклонявшиеся темным лесным богам и сжигавшие мертвецов на кострах, своими пронзительными криками внушали ему безотчетный страх. Казалось, они готовы разорвать человека на части и насыщаться его кровоточащей плотью. Их бесчисленные толпы обступили Москву со всех сторон...

Со временем Дмитрий научился спокойно смотреть на лесных людей и наступать на них железными рядами своих дружин. Но он знал, что для язычников обмануть христианина не составляло моральной проблемы. И как не верил Дмитрий уклончивым речам коварного Ольгерда, так не верил теперь и уверениям его племянников и сыновей. И жизнь вновь и вновь подтверждала его опасения. В 1385 году он вновь был обманут литовцами в своих лучших ожиданиях. Из-за их коварства рухнул замечательный матримониальный проект, который так нужен был Москве...

В исторической науке есть истины, которые уже однажды сказаны с максимально возможной степенью ясности. Точнее не скажешь. А потому

позволим себе цитату из классического труда академика Л. В. Черепнина, посвященного политической истории Московского княжества:

«В области русско-литовских отношений к середине 80-х годов XIV в. наметилась возможность союза московского великого князя с великим князем литовским Ягайлом Ольгердовичем. Предполагался брак Ягайла с дочерью московского князя Дмитрия Ивановича. На этот счет состоялось специальное соглашение Дмитрия Донского с матерью Ягайла, вдовой Ольгерда — Юлианией Александровной (дочерью тверского князя Александра Михайловича). Однако планы московско-литовского сближения не осуществились. Влияние польских феодалов при дворе Ягайла пересилило русское влияние и привело в 1386 г. к унии Литвы и Польши и к браку Ягайла с польской королевой Ядвигой. В Литве было введено католичество» (344, 651).

Можно представить себе, какие перспективы открывал этот новый «дуумвират» тестя и зятя, великих князей Дмитрия Московского и Ягайло Литовского. По возрасту они были почти ровесники, что предрасполагало к соперничеству. Конечно, нашлось бы много желающих расколоть этот союз, прочность которого зависела от множества объективных и субъективных причин. И всё же уроки Куликова поля (Дмитрий Московский и Владимир Серпуховской) и Грюнвальда (Ягайло и Витовт) явно свидетельствуют о впечатляющих результатах даже временного единства двух талантливых правителей. Но увы, увы... В истории с Кревской унией московская дипломатия потерпела явное поражение в борьбе с польской дипломатией.

Возникает вопрос: в какой мере это поражение было вызвано непреодолимыми обстоятельствами, а в какой — ошибками Дмитрия Московского и его советников? Был ли московский матримониальный план упущенной политической реальностью — или еще одной фантазией увлекавшегося яркими, но несбыточными идеями князя Дмитрия Ивановича? Ответственный историк не даст однозначного ответа на этот вопрос. Но рассуждения исследователя проблемы до некоторой степени приближают нас к истине:

«Таким образом, Орден и Орда многое сделали для расшатывания московско-литовского союза, но не меньше для этого сделали Польша и дальновидные малопольские феодалы, которые в октябре 1384 г. посадили на польский престол юную Ядвигу, а в январе 1385 г. уже вели скрытые переговоры с Литвой о выдаче замуж этой королевы-невесты за литовского князя Ягайло, о принятии Литвой католичества под эгидой Польши и,

наконец, о предоставлении самому Ягайло польской короны.

Разумеется, с формально-юридической точки зрения предложения малопольских феодалов выглядели более солидно, чем условия сотрудничества Ягайло с главой Владимирского княжения. В случае реализации программы малопольских феодалов Ягайло становился лидером польско-литовско-русского политического объединения (с титулом короля польского, литовского, русского, а также с сохранением титула великого князя литовского, русского и жемайтйского). Что же касалось союза с Москвой, то здесь он мог претендовать лишь на второе место после Дмитрия Донского. По-видимому, эти формальные обстоятельства также сыграли свою роль в ходе польско-литовских переговоров, склонив литовского князя Ягайло на сторону польских предложений. Но, судя по ряду данных, это решение пришло не сразу. Пока происходили предварительные польско-литовские переговоры, пока литовская делегация ездила в Краков и в Венгрию (она вернулась только летом 1385 г.), пока существовала реальная опасность „бунта“ Андрея полоцкого, Ягайло не порывал отношений с Дмитрием Донским. *Но летом 1385 г. московско-литовское сотрудничество, видимо, всё же прекратилось* (курсив наш. — Н. Б.). 14 августа 1385 г. в Креве подписали важный документ, с одной стороны, литовские князья Ягайло, Скиргайло, Корибут, Витовт, Лугвень, а с другой — представители польских феодалов Влодека из Харбоновиц, Николая Оссолинского и др. Правда, формально это событие еще не было официальным актом польско-литовской унии, последний был подписан лишь 11 января 1386 г. в Волковыске, тем не менее, именно летом 1385 г. произошёл, видимо, решающий перелом в московско-литовских и литовско-польских отношениях. Именно тогда документально было закреплено решение о браке Ягайло и Ядвиги, о принятии Литвой католичества, о превращении литовского князя в польского короля. То, что произошло в начале 1386 г. — провозглашение Ягайло королем на люблинском съезде 2 февраля, а затем крещение в Кракове 15 февраля, бракосочетание 18 февраля, коронация 4 марта, было лишь оформлением решений, принятых в Креве летом 1385 г.

Таким образом, кревский договор 14 августа 1385 г. действительно был важной вехой в политической жизни Восточной Европы: он парализовал московско-литовское сотрудничество и открывал эпоху тесных контактов польской короны с Великим княжеством Литовским» (138, 177).

Так «дальновидные малопольские феодалы» обвели вокруг пальца и московскую разведку, и московских дипломатов, которые продолжали вести переговоры с Ягайло даже тогда, когда переговоры эти потеряли

всякий смысл.

Что касается сути дела, то, конечно, для засидевшейся в язычестве Литвы принятие христианства по католическому обряду сулило больше интересных перспектив, чем обращение к одряхлевшему византийскому православию. Однако дело усложнялось тем, что большую часть населения Великого княжества Литовского составляли восточные славяне, принявшие христианство по византийскому обряду еще во времена Владимира Святого. Они не желали переходить в «латинство». Межконфессиональные противоречия стали ахиллесовой пятой Литовского государства после заключения Кревской унии. Понимал это и сам «креститель Литвы» князь Ягайло. Не надеясь на принуждение, он искал компромиссных решений. Вместе со своим давним приятелем митрополитом Киприаном Ягайло в середине 90-х годов XIV века разрабатывал «достойный внимания план воссоединения Византийской и Латинской церквей, который, по их мысли, должен был осуществиться на соборе, причем собор этот, вероятно, проходил бы на литовской земле» (249, 542). Однако из-за религиозной нетерпимости Константинополя этому плану не суждено было осуществиться.

Глядя на сложные политические процессы в Восточной Европе в 80-е годы XIV века с точки зрения интересов Москвы, можно отметить главное. Молодой великий князь Литовский Ягайло проявил себя как выдающийся политик, обладающий стратегическим мышлением. Кревская уния противоречила интересам потомков Ивана Калиты. Однако предотвратить такой ход событий москвичи не смогли. Отношения с Ордой и внутренние проблемы поглощали все силы и средства ослабевшей Москвы.

Всё, что смогла сделать на этом направлении московская дипломатия, — это приветствовать проект династического брака литовского князя Ягайло и дочери Дмитрия Донского. Но этот проект, выдвинутый вдовой Ольгерда княгиней Ульяной (Юлианией) Александровной Тверской, оказался фикцией, предназначенной для отвода глаз.

На литовскую фикцию оскорбленный князь Дмитрий отплатил той же монетой. Договоренность о браке московского княжича Василия и дочери Витовта Софьи также «повисла в воздухе». Дело было не только в личных мотивах. Дмитрий явно опасался пролитовских настроений в своем окружении, средоточием которых могли стать «молодой двор» и единственная дочь Витовта энергичная Софья.

Судя по всему, при жизни Дмитрия Ивановича литовский брак Василия так и остался бы политическим призраком. Только внезапная

кончина князя Дмитрия позволила Василию и «литовской партии» в Москве довести дело до брачного пира.

Глава 28

НОВГОРОДСКОЕ СЕРЕБРО

*Кто любит серебро, тот не насытится серебром,
и кто любит богатство, тому нет пользы от него.*

Еккл. 5, 9

Отношения с Новгородом всегда были первостепенной заботой великих князей Владимирских. Там, на шумном новгородском вече, порой решалась судьба князя, его триумф или падение.

Новгород был своего рода «банкиром» князей. В сокровищнице Софийского собора хранились несметные богатства. Но снискать уважение и поддержку новгородцев, получить в нужный момент политическое убежище или солидный кредит мог далеко не каждый Рюрикович. Оригинальная политическая система Новгорода, его бурная история до сих пор чаруют исследователей русской старины.

Насколько известно, Дмитрий Донской никогда не появлялся в Новгороде. Но, наверное, не было и дня, когда бы он не вспоминал о нем в той или иной связи. Новгород был одновременно и союзником, и противником Москвы. Всё зависело от конкретной ситуации и политического искусства правителя.

Теория вопроса

В средневековой Европе главным двигателем прогресса были города. Благодаря многочисленному населению, развитым институтам самоуправления и большим финансовым возможностям крупные города выступали в качестве самостоятельной военно-политической силы.

Русские города XIV–XV веков (не считая вошедших в состав Великого княжества Литовского и имевших особую историческую судьбу) были в большинстве своем небольшими дерево-земляными крепостями, в которых окрестное сельское население укрывалось в случае опасности. Лишь немногие города — как правило, столицы великих или удельных княжений — имели атрибуты торгово-промышленной деятельности. В то время как европейские города демонстрировали признаки буржуазного развития, русские жили в ином социально-политическом измерении. «Города XIV–

XV вв. в Северо-Восточной Руси полностью сохраняли свой феодальный характер» (286, 232).

Причины такого положения были весьма разнообразны. Это и низкая производительность сельского хозяйства, не позволявшая крестьянам кормить многолюдные города, и удаленность Руси от морей и мировых торговых путей, и нехватка или отсутствие в стране важнейших природных ресурсов (золота и серебра, железной и медной руды, свинца и соли), и постоянные нападения степняков, направленные прежде всего на города.

Исключением из правила были главные города Северо-Западной Руси — Новгород и его «младший брат» Псков. Благодаря своему расположению на древнем «пути из варяг в греки» (близ истока Волхова из озера Ильмень), а также наличию обширных колониальных владений на Русском Севере Новгород вел весьма прибыльную транзитную торговлю. Отсутствие собственного морского флота сдерживало новгородскую военную и торговую экспансию. Значительная часть реальной стоимости новгородских товаров уходила в карманы немецких торговцев-перекупщиков из Нарвы и Ревеля, Дерпта и Риги. И всё же Новгород был самым богатым городом Руси. Здесь имели свои дворы и вели дела купцы со всего Балтийского региона.

Амбиции и возможности Пскова были гораздо скромнее. Это был прежде всего город-воин, форпост православия на границе с языческой Литвой и католической Ливонией. Ещё в первой половине XIV века Псков вышел из подчинения Новгороду и стал вести самостоятельную политику, нередко вступая в конфликт со «старшим братом».

Политическая система Новгорода отличалась большим своеобразием. Историки называют ее «боярской республикой» и находят в ней некоторое сходство с Венецией (364, 12). Подлинными хозяевами города были аристократические роды, могущество которых основывалось как на крупном землевладении (вотчинах), так и на торгово-промышленной деятельности. Княжеская власть издавна существовала в Новгороде. Но постоянной династии здесь не сложилось. После городского восстания 1136 года установилась практика приглашения на новгородский стол на определенных условиях кого-либо из авторитетных Рюриковичей. Новгород заключал с князем договор, подробно регламентировавший его права и обязанности, главной из которых была защита новгородских рубежей от внешних врагов. Собственной постоянной армии в Новгороде не было. Мелкие пограничные стычки разрешались силами небольшого отряда, сопровождавшего князя или его наместника на новгородском столе. Большая война требовала созыва новгородского ополчения. Но это

случалось довольно редко: новгородцы не любили воевать и предпочитали улаживать дело путем переговоров. Занятие торговлей способствовало развитию дипломатических способностей. Новгородская внешняя политика строилась на поддержании баланса сил в регионе и сдерживании одного потенциального агрессора с помощью другого.

За свои военные заслуги, а также исполнение некоторых судебных обязанностей князь получал от города определенное содержание и доходные статьи. Однако малейшее нарушение договорных условий влекло за собой рассмотрение дела на вече и зачастую — изгнание князя из города. Призрак княжеского «самовластия» в духе Андрея Боголюбского был вечным кошмаром боярской республики.

Внутреннее устройство Новгородского государства изучалось многими поколениями историков. И всё же многое остается неясным. Письменные источники (лаконичные новгородские летописи и «телеграфные» по стилю берестяные грамоты) не могут пролить свет на неформальные личные отношения. А между тем именно в этой сфере и делалась новгородская «большая политика».

Правящая элита боярской республики имела свои объединения, в основе которых лежали семейно-родственные отношения, территориальные деления (Новгород разделялся на пять «концов») или приходы церквей. Эти объединения поддерживали политические и экономические связи с теми или иными княжескими линиями. В политической жизни Новгорода царила воинственная «многопартийность». Борьба боярских «партий» (кланов) проявлялась и в изгнании одного князя и призвании другого. Победа в политическом соревновании влекла за собой и получение определенных экономических преференций. Власть в Новгороде, как и везде, шла рука об руку с богатством. Это придавало политической борьбе особую остроту. Для достижения своих целей новгородские «отцы города» использовали весь арсенал средств, известных еще с античных времен: обман, подкуп, шантаж, демагогию, политическое убийство и т. д.

Во второй половине XIV века внешняя политика Новгорода существенно упростилась. На смену прежней «многопартийности» пришла «двухпартийная» система. В ее основе лежало сотрудничество с двумя политическими силами — великим князем Владимирским и великим князем Литовским. Первый из них автоматически признавался новгородским князем и либо сам, либо через своих порученцев (младших братьев, доверенных лиц) исполнял традиционные княжеские функции в Новгороде. Превращение великого княжества Владимирского в «вотчину»

московских Даниловичей не оставляло новгородцам никакого выбора в этом вопросе. Дискуссия могла идти по частным (хотя и достаточно важным) вопросам: о размере вознаграждения, сроках его выплаты, платежах с восточных владений Новгорода, взносах ордынского «черного бора» и т. д.

За спиной Москвы вставала грозная тень Орды. Новгород никогда не подвергался ордынскому погрому. В принципе никто, включая и самих татар, не был заинтересован в том, чтобы «резать курицу, приносящую золотые яйца». Однако перипетии московско-ордынских отношений нередко заставляли Даниловичей оказывать силовое давление на Новгород, требуя срочной выплаты долгов, предоставление кредита или иных услуг, преимущественно финансового характера. Владимирский трон оплачивался новгородским серебром.

«Хочешь мира — готовься к войне»

Древние римляне, кроме всего прочего, славились своей способностью отчеканивать мысли в звонкие афоризмы. Некоторые из этих афоризмов стали универсальной мудростью всех времен и народов. *Si vis pacem, para bellum*. Хочешь мира, готовься к войне. Этот тезис стал краеугольным камнем политической доктрины Великого Новгорода. Новгородцы не любили воевать, но постоянно готовились к войне: искали союзников, обновляли стены и башни, ковали мечи. И, может быть, именно поэтому Новгород по большей части жил в мире. Мелкие пограничные стычки с ливонскими рыцарями и шведами носили характер военно-спортивных мероприятий, необходимых для воспитания юношей и развлечения стариков.

Как уже говорилось, Новгород никогда не испытывал нашествия татарских полчищ. Об этом здесь знали только по рассказам «низовских» купцов и князей-наемников. Небывалое бедствие Северо-Восточной Руси — нашествие Тохтамыша — вызвало у новгородского летописца лишь легкий вздох христианского сочувствия. Кратко сообщив о разорении Московского княжества, он отмечает отъезд из Москвы Дмитрия Московского и других знатных лиц:

«Князь же великий, видя многое множество безбожных татар, и не ста противу им, и поиха на Кострому и с княгинею и с детми, а князь Володимер на Волок, а мати его и княгине в Торжок, а митрополит во Тферь, а владыка коломеньский Герасим в Новьгород» (18, 378).

Летописец не ищет религиозного или политического оправдания поведению Дмитрия Московского, называя далеко не героическую причину его отъезда: многочисленность неприятеля.

Само нашествие Тохтамыша новгородский летописец объясняет Божьим гневом, нарушением заповедей. Следуя общему правилу, он ищет аналогии данному событию в библейских текстах и по памяти и с большими отклонениями от оригинала пересказывает то место из книги Левит, где говорится о благополучии соблюдающих заповеди и бедствиях для тех, кто их нарушает (Лев. 26, 3—17). В рассуждение вплетается устойчивое словосочетание «страх и ужас» из книги пророка Иеремии (Иер. 15, 8).

Нашествие Тохтамыша ослабило военный потенциал великого княжения Владимирского. Соответственно, сокращались возможности московской помощи Новгороду в случае крупных конфликтов со шведами, немцами или литовцами. С другой стороны, после катастрофы 26 августа 1382 года Русь должна была выплачивать огромную задолженность по ордынскому «выходу». Нетрудно было догадаться, что за этим «серебром» Дмитрий Московский скоро явится в Новгород. Наконец, нашествие Тохтамыша воскресило страх перед прямым нападением татар на Новгород...

Всё это вместе взятое заставляло новгородскую элиту позаботиться о безопасности города не только дипломатическими методами, но и постройкой новых военно-оборонительных сооружений (18, 379). Исследователи отмечают широкий размах этих работ. «По-видимому, именно сложностью отношений с Москвой объясняются предпринятые в 1383–1387 гг. грандиозные работы по сооружению валов и рвов Окольного города общей протяженностью около 9 км с деревянной стеной и каменными проездными башнями и на Софийской, и на Торговой сторонах Новгорода» (366, 241).

Дипломатической предосторожностью было и приглашение в Новгород в 1383 году крещенного в православие литовского князя Патрикия Наримонтовича — племянника Ольгерда. Практика приглашения литовских князей «на кормление» в новгородских «пригородах» (маленьких городах и крепостях) восходит еще ко временам Ивана Калиты (365, 277). С тех пор «передача „в кормление“ членам литовского княжеского дома пограничных городов на северо-западной границе Новгородской земли с обязательством „кормленщиков“ защищать доверенные им территории превращается в постоянный обычай вплоть до

падения новгородской независимости в конце XV в.» (366, 239).

В период острого конфликта Ивана Калиты с Новгородом (1333–1334 годы) новгородцы призывали к себе «на кормление» литовского князя Наримонта Гедиминовича — брата Ольгерда. Его присутствие в городе должно было остудить воинственный пыл Ивана Калиты. Теперь ту же роль — и на тех же «пригородах» — призван был сыграть сын Наримонта Патрикий.

«А в Новѣгород приихаша князь Патрикий Наримантович, и прияша его новгородци, и даша ему кормление: Орехов город (крепость на Ореховом острове у истока Невы из Ладожского озера. — Н. Б.), Корельский город (городок Корела на западном берегу Ладожского озера. — Н. Б.), и пол-Копорьи города (крепость близ южного берега Финского залива. — Н. Б.) и Луское село (центр Лужской волости на реке Луге. — Н. Б.)» (18, 379; 229, 209).

Владения Патрикия находились на северных и северо-западных рубежах Новгородской земли. Однако литовский меч мог быть поднят при любой опасности для Новгорода.

По причинам, о которых можно только догадываться, литовские князья плохо приживались в Новгороде. Чувствуя себя временщиком, Патрикий начал сильно притеснять своих подданных. Уже на следующий год те явились в Новгород с жалобой на князя. Опасаясь изгнания, Патрикий поднял на ноги всю «литовскую партию». В городе закипели политические страсти. Дело едва не дошло до вооруженных столкновений передовых бойцов Софийской и Торговой стороны. Наконец был найден компромисс. Патрикий был переведен в Русу (современная Старая Русса) и Ладогу.

Впрочем, воевать Патрикию не пришлось. Западные соседи Новгорода были заняты в это время своими внутренними делами. В Литве кипела династическая смута, в которую втянуты были Польша и Орден. И всё же чувство непонятной тревоги в эти годы не покидало новгородцев. На северо-западных рубежах, в нижнем течении реки Луги, решено было поставить каменную крепость Ям. Работы были произведены под руководством новгородского архиепископа Алексея в необычайно короткий срок — за 33 дня. Со временем крепость Ям (Ямбург) станет одной из опорных точек Московского государства в Прибалтике (18, 379).

В то время как новгородцы стереглись опасности с севера, беда пришла с юга. Зимой 1385/86 года московские бояре — сборщики ордынской дани — явились в Новгород.

«Той зимы приехаша от князя Дмитрия с Москвы бояре его черного

бора братъ по Новгородцким волостем: Феодор Свибло, Иван Уда, Олександр Белевут и инии боляре. И тогда ездеша боляре Новгородцкии на Городище (в княжескую резиденцию близ Новгорода. — Н. Б.) тягатыся с княжими боляре о обидах, и побегоша с Городища на Москву Свиблова чадъ, а об обидах исправы не учинив, а инии остахася Низовци в городи добирати черного бору» (37, 341).

Летописец не сообщает, почему именно «Свиблова чадъ», то есть свита, не сумела поладить с новгородцами и вынуждена была бежать в Москву. Боярин Федор Андреевич Свибло был одним из самых близких сотрудников Дмитрия Московского (112, 55). Имя его носит одна из башен Московского Кремля — Свиблова. Полагают, что он был ее строителем. Вероятно, свита первого московского боярина и главы посольства — подобно варягам времен Ярослава Мудрого — вела себя слишком дерзко, чем и вызвала ярость новгородцев.

В конце концов, новгородские бояре удовлетворили требования Дмитрия Московского относительно «черного бора», но категорически отказались от платежей и удовлетворений за какие-то «обиды», нанесенные Москве. В ряду этих «обид» первой, по-видимому, стояла компенсация за грабежи новгородских пиратов-ушкуйников на Волге. Боярское правительство представляло их рейды как частное предприятие, за которое Новгородская республика не несла ответственности. В Москве на это смотрели иначе...

Другой «обидой» могли быть притеснения, которые испытывал в своей деятельности на освоенном новгородцами Русском Севере «креститель Великой Перми» и ее первый епископ Стефан Храп — ставленник Москвы (206, 80).

Тучи сгущаются

Дальнейшее развитие московско-новгородских отношений напоминает сгущавшиеся перед грозой тучи. Возможно, новгородцы почувствовали некоторую слабость в позиции Москвы. А может быть, они не могли примириться с вынужденными платежами «черного бора». Так или иначе, но они решили нанести Москве ответный удар там, где она его меньше всего ожидала: на церковном направлении. Здесь позиции великого князя были в эти годы весьма слабыми. Ставленник московского боярства митрополит Пимен проводил время в бесконечных путешествиях из Москвы в Константинополь и обратно. За кулисами московской

митрополии шла какая-то сложная и малопонятная борьба. Потрясенный гибелью Митяя и предательством Киприана великий князь Дмитрий Иванович, кажется, махнул рукой на церковные дела. Впрочем, впечатление может быть обманчиво...

В этой ситуации новгородцы выступили с неожиданным демаршем. Зимой 1385/86 года, на второй неделе Великого поста (11–18 марта), после отъезда московских бояр и под впечатлением их вымогательства, новгородцы собрались на общегородское вече и постановили впредь не обращаться к митрополиту по вопросам апелляционного суда, но бесприкословно принимать приговор новгородского владыки Алексея (37, 342). Вероятно, за этим решением скрывались и энергичные происки мятежного владыки Дионисия Суздальского, заручившегося сильной поддержкой в Константинополе, и споры о церковных «сферах влияния» на Русском Севере. Вторая причина кажется более убедительной. Московский митрополит Пимен поддерживал владыку Стефана Пермского в его спорах с новгородским архиепископом. Возмущенные новгородцы желали отомстить митрополиту.

Новгородское своеволие не только подрывало престиж московского митрополита, но и лишало его доходов от судебных пошлин. Ясно было, что Москва рано или поздно встанет на защиту прав «своего» митрополита. Но и новгородцы не любили уступать внешним силам.

Повествуя о московско-новгородских спорах 90-х годов XIV века, создатель Троицкой летописи (митрополит Киприан?) с осуждением отозвался о характере и привычках новгородцев: «Таков бо есть обычаи новгородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокоривы, упрямчивы, непоставни... Кого от князь не прогневаша, или кто от князь угоди им, аще и великии Александр Ярославич не уноровил им? И аще хочещи распытовати, разгни книгу, Летописец великии русьский, и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго» (72, 438).

Новгородцев часто подводили их самоуверенность и недооценка противника. Они не считали разоренную Тохтамышем Москву способной к общерусскому военному предприятию. Но в этом они ошибались. Конечно, Московское княжество было страшно разорено и обезлюдело. Однако Дмитрий своим «тарутинским маневром» (в костромском варианте) сохранил дружину и, пополнив ее за счет человеческих ресурсов ярославского и костромского Заволжья, способен был двинуть на Новгород весьма значительные силы.

Но Дмитрий не хотел воевать в одиночку. Он понимал, что неудача в

борьбе с Новгородом — срыв уплаты назначенного Тохтамышем чрезвычайного «выхода» — может стать для него роковой, и копил силы для безусловной победы. И как полководец, и как политик он знал, как важно правильно определить место и время главного удара. При любой ошибке в этом вопросе война с Новгородом могла затянуться и перерасти в войну с Литвой. А этого Москва в ту пору совсем не хотела.

Известно, что при обороне Москвы от Тохтамыша впервые были использованы «тюфяки» — примитивные пушки. Поэтому не будет анахронизмом сказать, что «в воздухе пахло порохом», но ни Москва, ни Новгород не спешили произвести первый выстрел.

Огонь и дым

В 1384 году помимо обычных городских пожаров новгородцы пережили странное и небывалое бедствие.

«В то же лето бысть помрачение на многы дни и нощи, и потки (птицы. — *Н. Б.*) падаху на землю и по воде, и не ведяху, камо летети; а людие не смеяху ездити по озерам и по рекам, и бысть в крестиянех скорбь и туга».

Далее летописец помещает традиционное рассуждение о причинах бедствий вообще и этой наступившей среди белого дня тьмы в частности:

«Тоже, братие, Бог казнить ны (нас. — *Н. Б.*) по нашему согрешению, кажа (направляя. — *Н. Б.*) нас на покаяние, да быхом ся покаяле от злб своих; казнив, помилуй, Господи; и бысть свет, и ради быхом».

Многодневное «помрачение» было вызвано дымом от пожаров лесов и торфяных болот. То, что один летописец представляет как почти мистическое явление, другой объясняет просто и понятно: «Погореша леса и сена по пожням, и в Новегороде бысть помрачение на многим дни и нощи» (55, 143).

В следующем, 1385 году 14 июня вспыхнула Торговая сторона Новгорода: «А людии сгоре 70 человек: лют бо бяше велми пожар» (18, 380). А 1 января 1386 года произошло солнечное затмение, продолжавшееся два часа (289, 558).

Для человека той эпохи всё вокруг было как бы двухмерным: реальным и символичным. Огонь и дым всегда служили символическим образом войны. И война вскоре пришла на берега Волхова.

Зимой 1386/87 года князь Дмитрий Иванович решил, что настало

время свести счеты с Новгородом.

(В своей «Истории Российской» первый русский историк В. Н. Татищев предварил рассказ о новгородской войне следующим рассуждением: «Новгородцы, слышавшие князя великого Дмитрия неудачу с резанским Олегом и что сын его задержан во Орде, не хотяху дани и выхода слати. Мнози же от них, шедше на Волк и собравшеся тамо, идоша на Волгу, множество купцов пограбиша и люди разориша. Князь же великий посылал к ним, но архиепископ Алексей подстрекаше новгородцы не покорятся князю. Он же терпе, доколе умирися со Ольгом резанским» (71, 161). Но трудно сказать, сам ли Татищев увидел связь между событиями, или эту связь указал ему не дошедший до нас древний источник.)

Для похода на Новгород Дмитрию Ивановичу удалось собрать под свои знамена практически все княжества Северо-Восточной Руси. Риторика новгородской войны во многом повторяла риторику общерусского похода на Тверь в 1375 году. Новгород своими действиями — задержкой с уплатой «черного бора» и разбойными действиями ушкуйников на Волге — наносит ущерб всем участникам коалиции... Князья должны сообща, под руководством великого князя Владимирского, наказать зазнавшихся новгородцев... Мечта о богатой добыче не озвучивалась, но, безусловно, подразумевалась.

Хорошо зная природные условия Новгородской земли — болота, реки и речки, непроходимые лесные дебри, — Дмитрий Московский начал поход зимой, когда русла замерзших рек служили удобной дорогой для конного войска.

Вот как представляет эту войну Новгородская Первая летопись младшего извода:

«Той же зимы (1386/87 года. — Н. Б.) приходи князь великий Дмитрий ратью к Новугороду с братом своим с князем Володимером, держа гнев про волжан (ушкуйников, грабивших по Волге. — Н. Б.) на Новъгород, и стоя в Ямнех (село Ямны в 30 верстах к юго-востоку от Новгорода. — Н. Б.). И ездил владыка Алексеи и до конца мир на всей старине; а за винныи люди, за волжан, взял князь великий у Новаграда 8000 рублей» (18, 380).

Московский семейный дуумвират — Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич — вновь, как и на Куликовом поле, доказал свою эффективность. Новгородская знать вынуждена была тряхнуть мощной, чтобы откупиться от московского князя. Однако расходы новгородцы решили разделить с другими областями, отправившими своих удальцов на Волгу. И здесь в первом ряду оказалось далекое Заволочье. Так называли новгородцы подчиненные им области Русского Севера по рекам Онеге и

Северной Двине.

«Той же зимы ездisha за Волок Федор посадник Тимофеевич, Тимофеи Юрьевич, а с ними боярский дети, брати 5000 рублей, что возложил Новгород на Заволочкую землю, занеже заволочане были же на Волге» (18, 380).

Сходное по сути и по лаконизму, но отличное в деталях сообщение находим и в московском летописании:

«Того же лета (1386) заратишася новгородци Великаго Новаграда, и бысть князю великому с ними розмирие... Тое же зимы в Филипово говение пред Рожеством Христовым (между 15 ноября и 25 декабря. — *Н. Б.*) князь великий Дмитрии Иванович, собрав воя многы, и поиде ратию к Новугороду Великому и не дошед до Новагорода за 30 поприщ (в других летописях — за 30 верст. — *Н. Б.*), ста на месте равне (в поле. — *Н. Б.*). Гражане же со владыкою вышедше из града и добиша челом князю великому 8000 рублей. Князь великий не оставя слова и благословенна владычня и челобития новгородцев, взя мир с ними и возвратися на Москву, всю свою взем волю» (43, 152).

Типографская летопись, отразившая летописание ростовской владычной кафедры, также ограничивается кратким сообщением о походе, добавив в его итоги договоренность не только о деньгах, но и о выщаче ушкуйников: «...а лихих выдавать» (49, 156).

В летописных известиях поход князя Дмитрия Ивановича на Новгород представлен как довольно заурядная военно-дипломатическая операция. Однако на деле всё было гораздо интереснее и сложнее. Новгородский поход зимы 1386/87 года — впечатляющее военное предприятие общерусского масштаба. Здесь полководческие дарования и организаторские способности князя Дмитрия Ивановича вновь — как и в тверском походе 1375 года, сражении на Воже и Куликовской битве — проявились во всем блеске.

«Мужество, геройство — это, прежде всего, доблесть, отвага и способность делать», — говорил Томас Карлейль (169, 177). Представим события новгородского похода и действия в них князя Дмитрия Ивановича с той полнотой, которая только возможна на основе имеющихся в нашем распоряжении источников...

Рождественский поход

Подготовка новгородского похода охватила всю Северо-Восточную Русь и некоторые соседние с ней княжества. Дмитрий Иванович сумел представить устрашение Новгорода как дело, затрагивающее личные интересы каждого князя. Желающих по тем или иным соображениям увильнуть от участия в походе князь подгонял угрозами своего гнева.

Сбор полков, идущих на Новгород, был назначен на Рождество Христово — 25 декабря 1386 года. Дмитрий Иванович шел на Новгород вместе со своим братом Владимиром Храбрым и «со всеми князи Рускими».

Летописец тщательно перечисляет собравшиеся под знамена Дмитрия Ивановича рати:

«А с ним были рати: московские, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпоховская, боровская, дмитровская, переяславская, володимерская, юрьевская, муромская, мещерская, стародубьская, суздал(ь)ская, городецкая, Нижнево Новогорода, костромская, углецкая, ростовская, ярославская, можайская, молож(е)ская, галицкая, бежицкая, белозерская, вологоцкая, устюжская, новоторжская, поиде ратию к Новугороду Великому» (55, 144).

Легко заметить, что помимо собственно московских и великокняжеских волостей в походе участвовали княжества и уделы, так или иначе пострадавшие от новгородских ушкуйников или вообще от новгородского произвола. Но встречаем в этом перечне и те волости, которые, насколько известно, не питали личной вражды к боярской республике — муромская, мещерская, стародубская. Их привели сюда какие-то обязательства перед великим князем. Дмитрий Московский заставил пойти на Новгород даже новоторжцев, отношение которых к Новгороду можно выразить формулой «вражда — любовь». На этом общерусском фоне особенно красноречиво выглядит отсутствие тверских боевых сил. Князь Михаил Александрович по-прежнему вел независимую политику и не желал быть в одной упряжке с вассалами Москвы. Великий же князь не имел достаточно сил, чтобы заставить тверского фрондера подчиниться.

Вступив в новгородские земли, войска коалиции принялись по обыкновению грабить и жечь всё на своем пути, «держа гнев на Великий Новград и нелюбие велико про волжан... и про княжчины» (37, 486).

Под словом «волжане» легко угадываются грабившие на Волге новгородские ушкуйники. Сложнее раскрыть смысл слова «княжчины». Полагают, что это княжеская земельная собственность в Новгородской

земле (300, 206). Пользуясь ослаблением Москвы после нашествия Тохтамыша, новгородские бояре присвоили эти «княжчины», а точнее — доходы с них. Поземельные споры всегда были делом долгим и сложным. Война упрощала дело. Пользуясь правом победителя, князь Дмитрий Иванович требовал возвращения расхищенных владений.

Приближение большого войска коалиции заставило новгородцев поспешить с мирными инициативами. В лагерь Дмитрия Московского отправились бояре Иов Аввакумович (его мы вновь встречаем в составе новгородского посольства к митрополиту Пимену зимой 1388 года; вероятно, он считался знатоком московских отношений) и Иван Александрович (37, 350). Этот последний, по-видимому, был еще относительно молодым человеком. Лет двадцать спустя он станет упоминаться летописцами в должности посадника (363, 505).

Их миссия потерпела неудачу. Между тем полки подошли уже близко (по одним данным, на 30, по другим — на 15 верст) к Новгороду и встали лагерем в поле у села Ямны. Сюда в самый праздник Крещения Господня (6 января) явился к Дмитрию Ивановичу с благословением и новыми мирными предложениями новгородский владыка Алексей. Здесь впервые прозвучала сумма новгородского откупа — 8 тысяч гривен.

Но князь Дмитрий Иванович хотел не только получить деньги, но и хорошенько нагнать страху на новгородцев. Возможно, какие-то пункты предложенного владыкой мирного договора не устроили великого князя. Во всяком случае, владыка был отправлен восвояси, и полки коалиции двинулись (или сделали вид, что двинулись) в сторону Новгорода. Началась игра нервов.

Новгородский владыка Алексей был настроен на уступки. Но его связывала воля боярского правительства, представителем которого он выступал. Возможно, не без тайного намерения припугнуть земляков, владыка отправил в Новгород скорого гонца (сына посадника по имени Климент) с вестью о срыве переговоров и дальнейшем продвижении московских войск к Новгороду. Владыка приказывал горожанам срочно готовиться к осаде, чинить старые укрепления и возводить новые.

В этой тревожной и неопределенной обстановке решили заявить о себе служилые князья, находившиеся тогда в Новгороде. Литовский князь Патрикий Наримонтович с князем Романом Юрьевичем и так называемыми «копорскими князьями» (ветвью белозерского княжеского дома) созвал готовых сражаться и облачившихся в доспехи новгородцев (365, 282). Он вывел этот полк навстречу ожидаемым войскам коалиции, но, не обнаружив их, поспешил вернуться в город. Новгородский летописец

описывает это предприятие весьма саркастически: ополченцы во главе с наемниками «выехаша на поле в день неделный до обеда и опять пятишася по обедех» (37, 345).

Переполох

Князь Дмитрий Иванович хорошо знал нравы новгородцев. В тревожной и неопределенной обстановке в городе немедленно начинались внутренние распри. Политика была своего рода хмелем для новгородской толпы. Воспитанные на звонких речах городских демагогов, новгородцы легко воодушевлялись, но также легко впадали в панику. Томительное ожидание было для них невыносимым испытанием.

И князь решил немного подождать. (О великое искусство держать паузу, верный признак истинного политика!)

На четвертый день после Крещения «бысть переполох велик в Новгороде» (42, 88). Кто-то пустил слух, что войска московской коалиции стоят у самых ворот города — в селе Жилотуг. Горожане немедленно облачились в доспехи и, собравшись в полки, двинулись навстречу врагу. Это редкое зрелище единства и патриотического подъема привело в умиление свидетеля событий — новгородского летописца:

«И новгородци вси, доспев (снарядившись. — Н. Б.), выехаша к Жилотугу, беаше бо силно велика и светла рать новгородцкаа коневая, и пешей рати велми много, и охвочи битися» (37, 345).

Но весь этот прекрасный выезд сверкающих доспехами всадников закончился ничем. Слух оказался ложным. В Жилотуге никакого неприятеля новгородцы не нашли. С тем ополченцы и вернулись в город.

Воинственный пыл новгородцев быстро угас. Тревога вновь охватила «отцов города». На советании решено было послать к великому князю представительную делегацию в составе двух архимандритов, семи священников и пяти зажиточных горожан («житых людей») — по одному от каждого из пяти «концов» Новгорода.

Бедствия осажденных

Одновременно с дипломатическими мерами новгородцы решились на то, что принято было делать в случае осады города сильным неприятелем. Они сожгли 24 небольших пригородных монастыря, окружавших Новгород. Были сожжены и все гражданские постройки за чертой городских валов.

Цель состояла в том, чтобы лишить неприятеля досок и бревен для «примета», с помощью которого осаждающие преодолевали рвы и взбирались на стены. «Примет» нередко поджигали, что вызывало пожар деревянной части городских укреплений. Наконец, в условиях зимней войны постройки монастырей могли быть использованы для постоя вражеского войска.

Летописец приводит полный список сожженных обителей. Этот печальный синодик он завершает словами: «И бысть новгородцем и минскому чину много убытка» (37, 346).

То, что не успели сжечь и уничтожить новгородцы, захватили московские войска. Разгрому подвергся и княжеский монастырь Николы на Понеделии. И всё же этой обители повезло. Дмитрий Иванович не захотел жить в открытом поле и устроил в опустевшем монастыре временную резиденцию. При этом он приказал не трогать церкви, убранство которых было создано его иждивением (39, 50).

Воины страдали от холода и грабили всё подряд. Новгород нес тяжелые убытки. Но страшнее всяких убытков были гибель и взятие в плен множества людей.

«И многи волости повоеваша, а у купцев у новгородских мног(о) товара от(ъ)имаша; а людей, муж, и жен, и детей, множ(е)ство в полон поведоша, а ино и побиша, а инии со студения умроша без портов, занеж(е) ратним пограбиша; а иных полон отпустили на миру» (55, 144).

Город был переполнен беженцами, спасавшимися от бедствий войны. Первыми примчались новоторжские «большие бояре», которые не желали воевать против Новгорода.

Природа умножала бедствия людей. Зима 1386/87 года была на редкость бесснежной. Дороги представляли собой «гололед бес пути и без снега (37, 347)». Передвигаться по такой «дороге» было тяжело и конному, и пешему.

Серебро мира

Итак, представительная новгородская делегация отправилась на переговоры с великим князем в Понеделье. (В некоторых источниках сообщается о повторном визите в московский лагерь и новгородского владыки Алексея (42, 88).) Там был подписан долгожданный мир «на всей старине» (37, 347). Главным его условием была выплата великому князю огромной компенсации — восьми тысяч гривен — за ущерб, нанесенный

его казне и владениям ушкуйниками, а также новгородскими расхитителями княжеских земель («княжчины»). Из этой суммы 3 тысячи рублей выплачивались немедленно, а 5 тысяч надлежало собрать с Заволочья, жители которого принимали участие в экспедициях ушкуйников. Не откладывая дела в долгий ящик, новгородцы немедленно («сей же зимы в великое говение», то есть между 17 февраля и 7 апреля 1387 года) отправили в Заволочье своих приставов с отрядом для сбора необходимой суммы.

Важным условием мира была выплата новгородцами «черного бора» — регулярного ордынского платежа, уплачиваемого новгородцами один раз в 7–8 лет (365, 222).

Таким образом, нормальные отношения между Москвой и Новгородом были восстановлены. Князь повел войско обратно в «Низовскую землю», оставив на Волхове своих наместников и «черноборчев» — сборщиков ордынского «черного бора».

Так закончилась эта жестокая зимняя война, подтвердившая славу Дмитрия Московского как стратега, умеющего управлять многочисленными и пестрыми по составу вооруженными силами. Сложнее говорить о его успехах как дипломата, умеющего добиваться стратегических целей. В качестве компенсации он взял ровно столько, сколько предложил ему Новгород. Выплата большей части этих денег откладывалась на неопределенный срок.

Запутанность этой финансовой ситуации усугубляется одним странным обстоятельством. Остро нуждаясь в деньгах для расчетов с Тохтамышем, Дмитрий между тем именно в это время начал чеканить собственную монету. Она имела смешанный, русско-ордынский облик. На одной стороне ее было написанное арабскими буквами имя Тохтамыша («султан Тохтамыш, да продлятся его дни»), а на другой — имя великого князя, написанное по-русски (327, 26). На «русской» стороне монет встречалось и загадочное изображение петуха со зверьком над ним (327, 102). Что хотел выразить этим изображением князь Дмитрий? Приближение рассвета? Задор и боевую удачу Москвы? Или это был какой-то семейный символ потомков Калиты? Неизвестно. Как неизвестна и причина, заставившая князя в столь трудные времена тратить серебро и заводить свой собственный монетный двор...

Известно, что в Средние века религия была политикой, а политика — религией. Князь Дмитрий увозил с собой из Новгорода два нерешенных церковных вопроса: оскорбительное для Москвы решение новгородцев отказаться от апелляционного суда митрополита и размежевание границ Новгородской и Пермской епархий на Русском Севере. Горький опыт и здравый смысл подсказывали Дмитрию, что прямое вмешательство светской власти в споры иерархов может иметь непредсказуемые последствия. Среди духовенства всегда найдутся желающие, «воззрев в Номоканон», отвергнуть княжеское решение и «пострадать за веру».

Столь же сомнительным по результатам выглядел и другой вариант решения церковного вопроса: поездка в Новгород митрополита Пимена. Этот вечный неудачник с сильно подмоченной репутацией мог вызвать у новгородцев только насмешки и неприязнь.

Обдумав положение, Дмитрий отправил в Новгород своего любимца — пламенного миссионера Стефана Пермского.

«Того же лета (1387) Стефан, Пермьский епископ, Храп ходил в Новъгород Великийи некоея ради своея потребы» (43, 151).

(Обратим внимание на то, что здесь летописцем употреблен глагол «ходил», а не «ездил». В данном контексте он имеет особый смысл. Известно, что, следуя заветам Святых Отцов — «конь исключается из употребления святых», — преподобный Сергей Радонежский все свои миротворческие походы совершал пешком. Вероятно, того же правила придерживался и Стефан Пермский. Что касается многозначительной, но, увы, сокровенной концовки — «некоея ради своея потребы», то она занимает свое место в долгом ряду летописных недомолвок.)

Епископ Стефан Пермский — за яростный темперамент прозванный Храпом — по праву заслуживает внимания историков и памяти потомков. Ключевский ставил его в один ряд с преподобным Сергием Радонежским и митрополитом Алексеем. «Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV в., деля его зарей политического и нравственного возрождения Русской земли», — писал он (179, 67).

Первое летописное известие о Стефане относится к 1383 году. «Тое же зимы Пимин митрополит на Москве два епископа постави, Михаила епископом Смоленску, а Стефана, нарицаемого Храпа, епископом в Пермь» (43, 149).

«Креститель Перми», первый епископ огромной Пермской епархии, человек выдающегося личного мужества, Стефан при всём том был одним из самых образованных людей своего времени. Он знал наизусть обширные тексты из Священного Писания и творений Святых Отцов, мог с успехом

вести диспут с язычниками, еретиками и иноверцами. Он составил азбуку для бесписьменного народа пермяков и этим открыл для них путь к просвещению. Он объехал на лодке и обошел пешком огромную территорию — бассейн реки Вычегды, — разрушая языческие кумирни и ставя повсюду церкви и часовни. Однажды он посрамил языческого жреца, предложив ему вместе войти в огонь. Стефан первым шагнул в горящий сруб, увлекая за собой жреца. Тот в ужасе отшатнулся, а Стефан невредимым вышел из огня...

Поводом для приезда Стефана в Новгород могли быть вопросы церковно-организационного характера. Пермская епархия граничила с Новгородской. Такое соседство всегда порождало территориальные споры и пограничные конфликты. На Русском Севере (как, впрочем, и на степном юге) с его огромными безлюдными пространствами и вечным бездорожьём понятие «границы» вообще имело довольно условный характер.

Однако причины поездки Стефана в Новгород были гораздо более серьезными и сводились к двум актуальным вопросам. Первый — это ересь стригольников, распространившаяся в Новгороде в эти годы. Вероятно, по просьбе владыки Алексея Стефан выступил с обличительными речами против еретиков. Его образованность и красноречие отвечали сложности задачи: еретики славились начитанностью в священных текстах. Сохранившееся до наших дней послание Стефана Пермского против еретиков представляет правила и «виды оружия» этого своеобразного словесного турнира.

Второй вопрос, который два иерарха обсуждали за плотно прикрытыми дверями владычных покоев, сводился к тому, как быстро и безболезненно собрать на Русском Севере те самые 5 тысяч рублей, которые Новгород обещал выплатить великому князю Дмитрию Ивановичу. Уроженец Великого Устюга и воспитанник Григорьевского затвора в Ростове Великом, близкий друг Сергия Радонежского и протеже великого князя Дмитрия Ивановича, Стефан, безусловно, был энтузиастом московского дела — «собирания Руси». Уже сам факт создания Пермской епархии во главе с «московским» владыкой был отрадным для Москвы. Воцерковление пермяков помогало москвичам, в том числе и в их борьбе с новгородцами за пушные богатства бассейна Вычегды.

С позиций московского (а значит, и общерусского) интереса Стефан Пермский вел переговоры с владыкой Алексеем, который был столь же сильным защитником интересов Великого Новгорода.

Источники не сообщают о том, насколько успешной оказалась миссия Стефана Пермского в Новгород. Но судя по тому, что местом его

последнего упокоения в 1396 году стал собор придворного Спасского монастыря в Московском Кремле, потомки Ивана Калиты по достоинству оценили бескорыстную службу «человека из огня» — епископа Стефана Пермского.

Что было дальше?

Итак, князь Дмитрий добился своего в тяжелой борьбе с Великим Новгородом. Вероятно, эта победа стоила ему немалых усилий. Но она свидетельствовала о том, что утраченное могущество понемногу возвращается к внукам Ивана Калиты.

Что касается Новгорода, то великий город, уладив отношения с Москвой, продолжал жить своей беспокойной жизнью. В 1387 году новгородцы, опасаясь неведомо кого, «копаша вал около Торговой стороне» (18, 381). В том же году на западной границе своих владений, близ дороги на Псков, они поставили каменную крепость Порхов. Похоже, новгородцы не слишком доверяли дружелюбию своего «младшего брата»...

В следующем, 1388 году почти весь год новгородцы обсуждали важнейшее событие: добровольную отставку престарелого владыки Алексея, занимавшего кафедру без малого 30 лет (1359–1388), и выборы его преемника. Путем жеребьевки из трех кандидатов был избран один — игумен Спасо-Хутынского монастыря Иоанн. 7 мая 1388 года, на праздник Вознесения, он был торжественно введен в дом Святой Софии.

Утверждение названного новгородцами кандидата на кафедру было прерогативой митрополита всея Руси. Занимавший кафедру митрополит Пимен был постоянно занят хлопотами о своем утверждении в патриархии. Дело сильно затянулось. А между тем Новгород остро нуждался в авторитетном архипастыре, способном примирить враждующие аристократические кланы. Осенью 1388 года город охватила очередная боярская смута, сопровождавшаяся погромом дворов и массовыми драками.

Наконец 8 декабря 1388 года нареченный владыка выехал из Новгорода в Москву и 10 января 1389 года прибыл в столицу Русской церкви. Митрополит Пимен, собиравшийся в очередной вояж в Константинополь, поспешил закрыть новгородский вопрос и получить положенные дары и подношения. В воскресенье 17 января 1389 года Пимен в сослужении епископов Даниила Звенигородского, Феогноста Рязанского, Саввы Сарайского и Михаила Смоленского поставил Иоанна

архиепископом Новгородским и Псковским (42, 94). Отдав положенные благодарности и справив пиры, новопоставленный владыка отправился восвояси. В воскресенье 8 февраля 1389 года Новгород торжественно встречал своего нового архипастыря. Рассказ летописца сквозит неподдельной радостью по поводу обретения городом своего духовного отца и молитвенника:

«И прииха (архиепископ Иоанн. — *Н. Б.*) в Новъград февраля в 8... и сретоша с кресты игумены и попове, конец Славна (Славенский „конец“ города находился ближе всего к Московской дороге, по которой возвращался владыка Иоанн. — *Н. Б.*), посадник и тысячкой и весь Новъград, възрадовашася радостию великою зело в той день о своем владыце» (18, 383).

Новому владыке предстоял долгий и тернистый, но славный путь. Он управлял беспокойной епархией долгих 27 лет, из которых значительную часть провел в московской тюрьме, куда упрятал его за строптивость митрополит Киприан. Уже первым своим деянием — пастырской поездкой в охваченный чумой Псков весной 1389 года — Иоанн доказал, что новгородцы не ошиблись в своем выборе. Все в Новгороде знали: в свое время знаменитый новгородский владыка Василий Калика (1331–1352) заплатил жизнью за подобную смелость.

Владыка Иоанн был таким же горячим патриотом Новгорода, как и его предшественник. Опасаясь новых военных угроз как со стороны Москвы, так и со стороны Вильно, он заключил договор с одним из влиятельных литовских князей — Семеном Ольгердовичем. Этот князь, известный также под языческим именем Лугвень, еще в 1388 году присылал в Новгород своих послов «хотя быти и седети на городках, чим володел Наримонт» (37, 351). Напомним читателю, что брат Ольгерда Наримонт, а затем его сын Патрикий получали в Новгороде в качестве «кормления» «пригороды» — Ладогу, Копорье и Лужское.

Во время московско-новгородской войны литовские князья не проявили боевого пыла. Похоже, что новгородцы именно по этой причине выпроводили Патрикия Наримонтовича. Однако присутствие Гедиминовичей на Волхове имело скорее политическое, чем военное значение. И потому владыка Иоанн утвердил договор с литовским князем Семеном Ольгердовичем.

Москва и Константинополь... Москва и Орда... Москва и Литва... И вот теперь — Москва и Новгород... Поход достиг своих конкретных целей. Но решен был, так сказать, «рабочий вопрос». В стратегическом отношении мало что изменилось. Характер отношений между Новгородом

и великим княжением Владимирским остался неизменным. До тех дней, когда длинные обозы с новгородским серебром и закованными в цепи боярами потянутся в Москву, оставалось еще целое столетие.

Глава 29

ПОРАЖЕНИЕ

Господи! Как умножились враги мои!

Пс. 3, 2

Князь Дмитрий Иванович Донской поставил себя в русской истории достаточно высоко, чтобы не нуждаться в котурнах. Его живая личность — со всеми ее удачами и неудачами, достоинствами и недостатками — гораздо интереснее для потомков, нежели лубочный образ непобедимого богатыря. А потому не пропустим в жизнеописании князя и темной страницы — его неудачной войны с Рязанью. А начнем мы наши разыскания с того, что отделим реальность от мифа.

Летом 1380 года рязанский князь Олег, спасая свою вотчину, заискивал перед Мамаем. А через два года он с той же целью указал Тохтамышу броды на Оке. Отмщение пришло через несколько месяцев, когда Дмитрий Московский окончательно опустошил и без того опустошенное татарами Рязанское княжество. Такова обычная картина московско-рязанских отношений, растиражированная множеством учебников и солидных трудов. Но эта картина — обычный исторический миф, созданный в соответствии с присущим обывателю черно-белым представлением истории. В жизни всё было сложнее и многоцветнее...

Рязанское княжество находилось между ордынским молотом и московской наковальней. В сходном положении было и зажатое между Литвой и Москвой Смоленское княжество. Такая география заставляла местных правителей вести уклончивую политику, постоянно лавируя и выскальзывая из опасного положения. По существу, это была непрерывная борьба за выживание. Используя в этой борьбе все доступные им виды оружия, местные князья предстают перед потомками в образе беспринципных злодеев. В действительности же эти суровые люди заслуживают если не прощения, то во всяком случае понимания.

Между молотом и наковальней...

«До сражения 1380 г. на Куликовом поле московско-рязанские отношения не отличались определенностью» (221, 205). Это наблюдение

современного историка можно продолжить: отношения «не отличались определенностью» и после Куликовской битвы. Более того, московско-рязанские отношения на протяжении всего XIV столетия отмечены иррациональностью и непредсказуемостью. Стороны заключают договоры только с тем, чтобы их немедленно нарушить, мстят друг другу за какие-то неведомые нам и, вероятно, глубоко личные обиды, задыхаются от ненависти — и вдруг по одному слову преподобного Сергия Радонежского раскрывают объятия, заключают вечный мир, скрепляют его узами неравного брака и никогда более не поднимают руки друг на друга...

Вся эта фантазмагория, возможно, имела какое-то рациональное объяснение. Но оставим истории ее загадки.

Известно, что исторические мифы бывают «белые» и «черные». Не посягая на историческую мифологию как таковую — ибо только в виде мифа история становится пригодной для массового потребления, — заметим, что «черный миф» об Олеге Рязанском — предателе общерусского дела — рассыпается при свете научной критики.

Прежде всего, Олег, насколько известно, по состоянию на лето 1380 года не имел каких-то письменных или устных обязательств поддерживать Дмитрия в войне с Ордой. Соответственно, и его отстраненность от Мамаева побоища едва ли заслуживала клейма «предательства». Скорее, это «гибкая политика» или банальный эгоизм, которым грешили все тогдашние князья.

Победа на Куликовом поле позволила Дмитрию говорить с Олегом в повелительном тоне. И первым делом он заставил рязанского князя «оформить отношения» с Москвой. Летом 1381 года между Дмитрием Московским и Олегом Рязанским был заключен договор, согласно которому устанавливалась вассальная зависимость Рязани от Москвы. Олег клялся поддержать Дмитрия как «брата старейшего» в случае войны с Литвой или Ордой (8, 30). При этом рязанский князь уступал Москве некоторые пограничные волости.

Однако этот договор никто и не собирался соблюдать. Уже летом следующего года, когда полчища Тохтамыша двинулись на Москву, Олег Рязанский и пальцем не шевельнул, чтобы выполнить обязательства и помочь Дмитрию отбиться от Орды. Впрочем, так поступили и все остальные князья, связанные с Москвой союзными и вассальными отношениями. Московские книжники горько упрекали Олега в том, что он якобы указал Тохтамышу броды на Оке. Но этот упрек отдает чем-то личным, нарочито клеветническим, и по меньшей мере грешит анахронизмом. Во времена Дмитрия и Олега «собственно броды на Оке

находились только в верхнем течении реки, вдалеке от исторических границ Рязани» (221, 207). Что касается Средней Оки, то здесь был один общеизвестный брод — «Сенькин брод» в районе Серпухова. Им, вероятно, и воспользовался Тохтамыш в своем походе на Москву.

Не имея сил сопротивляться Тохтамышу и не желая упасть на колени перед ним, Олег Рязанский бежал из княжества. Это был акт самосохранения. Но после ухода Тохтамыша именно Олег — по неясным причинам — был назначен великим князем Дмитрием Ивановичем «козлом отпущения» за позор всего княжеского сообщества.

Едва успел Олег вернуться в разоренную Тохтамышем Рязань, как над его головой разразилась новая буря. Вопреки общепринятым нормам междукняжеских отношений Дмитрий Московский без предупреждения («сложения крестного целования») двинул свои полки на опустошенное Тохтамышем Рязанское княжество. Соответствующим образом настроенные своими воеводами, московские воины страшно разгромили Рязанскую землю: «и огнем пожгоша и плениша вся, и пусту всю сътвориша; злее ему (Олегу. — Н. Б.) стало и татарьския рати» (42, 81).

Смысл этого рейда состоял в том, чтобы взять в плен как можно больше рязанцев, а если удастся — то и самого Олега Рязанского. Похоже, этот человек страшно раздражал Дмитрия Московского своим вызывающим поведением, полководческим талантом и безумной отвагой. Наконец, Олег Рязанский в эти годы был единственным из русских князей (помимо Дмитрия Московского), проводившим свою собственную внешнюю политику...

Политические интересы Олега тянулись к Смоленску и «верховским княжествам» (на Верхней Оке). Они скреплялись узами династических браков. Одна дочь Олега была замужем за князем Юрием Святославичем Смоленским, другая — за князем Иваном Титовичем Козельским (358, 592). Роль тестя налагала на Олега определенные обязательства. Ему приходилось помогать зятям в жестоких усобицах этого края. Но «нет худа без добра». Благодаря смоленско-верховским родственным связям Олег при необходимости мог уйти туда, где его не догнали бы ни татары, ни москвичи. Так поступил он и во время нападения Дмитрия Московского на рязанские земли осенью 1382 года.

Отсидевшись в каком-то дальнем углу «верховских княжеств», Олег вернулся в Рязань (точнее, на пепелище Рязани) и стал готовить Москве ответный удар. В конечном счете это был даже не вопрос политики, а вопрос чести. Враг дважды изгонял его из столицы княжества. Но если татары Тохтамыша надвинулись на Рязань как своего рода стихийное

бедствие, то московские «загонщики» охотились именно за ним, а он бежал от них, как заяц от борзых собак.

Полный жаждой мщения, Олег копил силы для ответного удара. Ждать пришлось довольно долго: после всех нашествий в его обезлюдевшем княжестве остались одни полевые мыши...

Так прошли три года. Наконец рязанская дружина была собрана и в нужный момент — весной 1385 года — приступила к делу.

«В лето 6893 месяца марта в 25, в Благовещение святыя Богородица, в Лазареву субботу (канун Вербного воскресенья. — Н. Б.) князь Олег Рязанский суровейший взял Коломну изгоном, а наместника изнимал Александра Андреевича, нарицаемого Остея, и прочих бояр и лепших мужей поймал, поведе с собою и злата, и сребра, и товара всякого наимава, отиде и возвратися в свою землю с многу корыстию» (43, 150).

Судя по всему, рязанцы воспользовались разгульным настроением, царившим в Коломне по случаю сразу нескольких церковных праздников, и захватили всю перепившуюся городскую верхушку врасплох.

Москвичи давно забыли о «рязанском происхождении» Коломны и привыкли считать ее «задним двором» своего княжества. Захват Коломны рязанцами был позором для Москвы. Можно представить себе, какие сильные выражения в адрес беззаботных коломенских воевод звучали тогда в стенах княжеского двора. Ненависть Дмитрия к Олегу вспыхнула с новой силой.

Трубачи и трубы

Разумеется, дерзкий набег Олега на Коломну нельзя было оставлять без последствий. Родичи плененных в Коломне московских бояр тревожились за их судьбу и предлагали выкуп. Но князь Дмитрий настроен был не на торг, а на стремительный поход на Рязань. Его честь была задета, и в душе запели боевые трубы.

Однако сильные чувства не исключают предусмотрительности. Московскому князю не хотелось лишний раз рисковать своей репутацией героя Куликова поля, и без того сильно подмоченной «реваншем» степняков. Олег Рязанский был лучшим полководцем среди тогдашних русских князей. И может быть, именно потому Дмитрий остался в Москве. Впрочем, он и не должен был по своему статусу великого князя Владимирского (а тем более — «Русского царя») ходить в поход по каждому случаю.

На войну с Олегом призваны были «верховские» князья — Роман Семенович Одоевский и Новосильский и его соседи князья Тарусские (233, 100). Вероятно, у них были старые счеты с беспокойным соседом — Олегом Рязанским. Во главе собранной на Олега рати Дмитрий поставил своего кузена Владимира Серпуховского. Многие считали именно его подлинным героем Куликова поля. Теперь Владимир получал возможность позолотить — или потерять — свой героический ореол в сражении с другим героем — Олегом Рязанским. В любом случае после этого сражения на Руси должно было стать одним героем меньше. И мы не станем упрекать за эту маленькую хитрость тонкого политика — великого князя Дмитрия Ивановича.

Весной или в начале лета 1385 года Владимир Серпуховской выступил с полками на Рязань:

«Того же лета (6893) князь великийи Дмитрией Иванович, собрав воя многы, посла с ними брата своего князя Володимера Андреевича на князя Олга на Рязанскую землю. Тогда же на той войне убиша князя Михаила сына Андреева Полотского Олгердовича на Рязани» (43, 150).

За нарочитой невнятистью летописного известия угадывается стремление московского летописца замять неприятный факт: разгром московского войска во главе с Владимиром Серпуховским (221, 209).

О неудачном исходе рязанского похода свидетельствует не только гибель внука Ольгерда Михаила Андреевича Полоцкого — родственника и, вероятно, личного друга Владимира Серпуховского, — но и сам факт продолжения войны.

Осенью 1385 года Москва стремилась к скорейшему завершению рязанской войны. Князю Дмитрию и без того хватало «горящих» проблем. Он вынужден был принимать срочные меры для устрашения Новгорода и получения необходимого для расчетов с Ордой «серебра». Но Олег Рязанский, верно оценив ситуацию, напротив, не спешил заключать мир. Он тянул время, вырывая у Москвы всё новые и новые уступки.

И тогда Дмитрий Иванович решил прибегнуть к церковной дипломатии. «Великий старец» Сергей Радонежский сумел сохранить свое доброе имя и в тогдашней церковной смуте. Во всяком случае, он был тепло принят и внимательно выслушан Олегом Рязанским.

«Тое же осени в Филипово говение (15 ноября — 24 декабря. — Н. Б.) игумен Сергии, преподобный старец, сам ездил на Рязань к князю Олгу о мире, преже бо того мнози ездили к нему не возможе утолити его, преподобный же старец кроткими словесы и тихими речми и благоуветливыми глаголы, благодатию, вданую ему, много беседова с ним о

ползе души и о мире и о любви. Князь же Олег преложи сверепьство свое на кротость и покорися, и укротися, и умилися душею, устыдеса толь свята мужа и взя со князем с великим мир вечный» (43, 151).

В этом апологетическом тексте угадывается рука какого-то книжного монаха из обители преподобного Сергия. Но при всем том здесь много исторической правды. Как всякая цельная и сильная натура Олег Рязанский был искренне благочестив. «Великий старец» всегда производил сильное впечатление на такого рода людей. Многими годами лесного отшельничества он обрел высшее достоинство инока — внутренний покой. Встречаясь с этим покоем, героическая энергия не угасала, но как бы взмывала к небу. Наступал тот момент просветления, после которого человек, оставаясь собой, всё же становился несколько иным.

Понятие «вечный мир», звучащее церковной патетикой, кажется, впервые появляется здесь в лексиконе междукняжеских отношений. Не знаем, какими клятвами и ритуалами скреплен был этот небывалый договор. Но известно другое: прочность княжеских соглашений укреплялась династическими браками. Так было и на сей раз. Через два года после миссии Сергия в Рязань сын Олега Рязанского Федор женился на дочери Дмитрия Московского Софье.

Рязанский поход преподобного Сергия Радонежского удивительным образом изменил характер московско-рязанских отношений. Это было похоже на одно из тех чудес, которыми славился «великий старец». Отныне ни сам Олег Рязанский, ни его потомки не проявляют враждебности к Москве. Их боевой пыл обращается в сторону Литвы и находит применение в борьбе с Витовтом за некоторые пограничные крепости. Всё это вполне устраивало московских князей, которые стали вести себя по отношению к Рязани вполне достойно, не пытаясь силой или коварством отнять у потомков Олега их родовые вотчины.

Благодаря своим дипломатическим успехам преподобный Сергей Радонежский в эти годы поднялся к вершине своей славы. Он становится духовным отцом самого великого князя Дмитрия Ивановича, крестит его новорожденных детей. В трудные для Дмитрия времена Сергей поддерживает его словом и молитвой. И глубоко закономерно, что на *духовной грамоте* (завещании) великого князя среди других свидетелей стоит имя его духовного отца — «великого старца» игумена Сергия Радонежского.

Глава 30

БРАТЬЯ

*Каждый помогает своему товарищу и говорит
своему брату: «крепись!»*

Ис. 41, 6

Нет ничего более сложного для историка русского Средневековья, чем психологические характеристики его деятелей. Для них у историка просто нет соответствующих материалов. До наших дней практически не сохранилось источников личного характера — мемуаров, писем, дневников. Самые ранние записки иностранцев, побывавших в Москве и встречавшихся с московской элитой, относятся к эпохе Ивана III. В памятниках древнерусской литературы XIV столетия (сказаниях, повестях, житиях) образы людей представлены в соответствии с их социальным статусом и политическими пристрастиями. Это не реалистические портреты, а своего рода «литературные иконы». Разделяя людей на героев и злодеев, земных ангелов и демонов во плоти, средневековый автор рисует мир черно-белым, лишенным нюансов и полутонов.

Портрет на сером фоне

Большой мастер исторического портрета (Иван Грозный, Алексей Михайлович, Петр Великий и др.), В. О. Ключевский, по существу, развел руками перед образами создателей Московского государства. Не имея возможности решить эту задачу как историк, он решил ее как писатель. При этом неуловимым жестом фокусника Ключевский совершил лукавую подмену. Ничтожество источниковой базы он превратил в ничтожество самих исторических деятелей.

Знаменитый «Курс лекций» Ключевского был и в значительной мере остается своего рода катехизисом отечественной исторической науки. Как и многие положения «Курса», характеристика первых московских князей стала своего рода «точкой отсчета». Одни историки безоговорочно принимают ее, другие яростно оспаривают. А потому, прежде чем предлагать читателю наши собственные суждения на сей счет, откроем томик Ключевского:

«ХАРАКТЕР МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ. Часто дают преобладающее значение в ходе возвышения Московского княжества личным качествам его князей. Окончив обзор политического роста Москвы, мы можем оценить и значение этих качеств в ее истории. Нет надобности преувеличивать это значение, считать политическое и национальное могущество Московского княжества исключительно делом его князей, созданием их личного творчества, их талантов. Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий. В их деятельности заметны некоторые индивидуальные особенности; но они объясняются различием возраста князей или исключительными внешними обстоятельствами, в какие попадали иные из них; эти особенности не идут далее того, насколько изменяется деятельность одного и того же лица от таких условий. Следя за преемственной сменой московских князей, можем уловить в их обликах только типические фамильные черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорее манекенами; он рассматривает в каждом его позу, его костюм, но лица их мало что говорят зрителю.

Прежде всего, московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большое Гнездо вообще не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением разве одного Александра Невского. Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия. Во-первых, это очень мирные люди; они неохотно вступают в битвы, а вступая в них, чаще проигрывают их; они умеют отсиживаться от неприятеля за дубовыми, а с Димитрия Донского за каменными стенами московского Кремля, но еще охотнее при нападении врага уезжают в Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя в Москве для ее защиты владыку митрополита да жену с детьми. Не блистая ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и

крупными пороками или страстями. Это делало их во многих отношениях образцами умеренности и аккуратности; даже их склонность выпить лишнее за обедом не возвышалась до столь известной страсти древнерусского человека, высказанной устами Владимира Святого. Это средние люди Древней Руси, как бы сказать, больше хронологические знаки, чем исторические лица. Лучшей их фамильной характеристикой могут служить черты, какими характеризует великого князя Семена Гордого один из позднейших летописных сводов: „Великий князь Симеон был прозван Гордым, потому что не любил неправды и крамолы и всех виновных сам наказывал, пил мед и вино, но не напивался допьяна и терпеть не мог пьяных, не любил войны, но войско держал наготове“. В шести поколениях один Димитрий Донской далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников. Молодость (умер 39 лет), исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского, и летопись с заметным подъемом духа говорит о нем, что он был „крепок и мужествен и взором дивен зело“. Биограф-современник отметил и другие, мирные качества Димитрия — набожность, семейные добродетели, прибавив: „аще книгам не учен сый добре, но духовные книги в сердце своем имяше“» (178, 46).

(Заметим в скобках, что фразу о книжном учении не нужно понимать буквально, как свидетельство малограмотности великого князя Дмитрия Ивановича. Это типичное для агиографической литературы противопоставление знания, получаемого обычным путем (через учение и чтение книг), и знания, получаемого без труда, через усвоение святым небесной благодати.)

Князь Дмитрий Иванович, безусловно, был харизматической личностью, способной привлекать к себе людей. В его действиях всегда было нечто иррациональное, связанное с непостижимостью Божьего промысла.

Но рядом с Дмитрием всегда была не менее яркая и самостоятельная личность — его кузен Владимир Андреевич Серпуховской, за подвиги на Куликовом поле прозванный Храбрым, или Донским. Этот героический диптих неразлучим как Минин и Пожарский. Такими они вошли в историю, такими были и при жизни. Каждый сопоставлял свои дела с делами другого. Но при этом мерил себя своей мерой. Дмитрий привык быть первым, а Владимир — вторым.

Герой второго ряда

Владимир Серпуховской родился 15 июля 1353 года — в день памяти крестителя Руси равноапостольного князя Владимира — и был на три года моложе Дмитрия. В детстве они, конечно, нередко встречались, играли, ссорились и, может быть, даже дрались друг с другом. Разница в три года, почти неуловимая для взрослых людей, в детском возрасте ощущается остро и болезненно. Дмитрий как старший награждал Владимира пинками и щелчками, поучал и высмеивал его. Тот не терпел унижений и нередко бросался в атаку на обидчика. С возрастом столкновения между братьями стали редкими. Оба поняли пользу сотрудничества. Но теплых, доверительных отношений между ними, кажется, никогда не было.

Дмитрию было 8 лет, когда он потерял отца. Владимир был «безотцовщиной» с рождения. Его отец, младший сын Ивана Калиты князь Андрей Иванович, умер в возрасте двадцати пяти лет, за месяц до появления на свет второго сына.

У Владимира был старший брат по имени Иван, о котором известно только то, что он скончался в 1358 году. Судя по всему, и отец, и брат стали жертвой чумы. Заглядывая в будущее, можно заметить, что «черная смерть» была каким-то неизбывным проклятием младшей линии потомков Калиты. Практически весь серпуховской княжеский дом за исключением одного — князя Василия Ярославича — исчезнет во время страшного мора в 20-е годы XV века. А этот последний — человек редкого мужества и благородства — окончит свою жизнь мучеником, проведя 27 лет в темнице, куда его упрячет за какую-то дерзость коварный сюзерен — Василий Темный.

Единственной отрадой горемычного детства Владимира Серпуховского была мать, княгиня Мария Ивановна, происходившая из угасшего рода галицких (Галича Костромского) князей. Вероятно, именно она вложила в душу Владимира те черты — великодушие, честность, храбрость, — которыми он выделялся среди тогдашнего княжья. Словно получив в наследство от рано умершего мужа и старшего сына неистраченные ими годы, княгиня Мария прожила долгую жизнь. Она скончалась 2 декабря 1389 года и была похоронена в основанном ею московском Рождественском монастыре. Собор этой древней обители до сих пор служит украшением старой Москвы.

По завещанию Ивана Калиты младшему сыну достались волости в среднем течении Оки, главным образом вдоль ее левого берега и по левым

притокам — Протве, Наре и Лопасне. После смерти Андрея эти земли в качестве родового удела перешли к его сыновьям и внукам. Это была далеко не лучшая часть московских владений: с юга к Оке подходили татарские рати, а с востока грозили войной беспокойные рязанские князья. Сбереечь такие земли могли только отборные воины, владевшие всеми приемами степной войны.

Для защиты своего княжества Владимир в 1374 году выстроил близ впадения Нары в Оку деревянную крепость. Село Серпухов, превратившееся таким образом в город, стало его удельной столицей.

Мудрый Иван Калита разделил Москву (точнее, доходы с Москвы) на три доли между сыновьями. Таким образом, каждый из них был кровно заинтересован в защите и благополучии города. У каждого в Московском Кремле имелось свое подворье, где он и проводил большую часть времени. Владимир вырос в Москве и был своим человеком в кругах столичной военно-служилой знати. Уже в 9 лет его начали брать в походы. Перед его глазами прошла вся московско-суздальская война. Он научился командовать и подчиняться.

Основы отношений между братьями были сформулированы в «докончании» (договоре) 1367 года. Этот замечательный акт представляет удивительную смесь жестких владельческих обязательств с патриархально-семейным добродушием. Вот его почти лирическое начало:

«По благословенью отца нашего Олексея, митрополита всея Руси, се аз, князь великий Дмитрий Иванович, докончали есмы з братом своим с младшим, со князем с Володимером Андреевичем. Целовали есмы крест у отца своего у Олексея, у митрополита всея Руси. Быти ны заодин. Имети ми брата своего старейшего, князя великого Дмитрия, во отца место. А жити ны по тому, как то отци наши жили с братом своим с старейшим, з дядею нашим, со князем с великим с Семеном. А тебе, брату моему младшему, князю Володимеру, держатити подо мною княжение мое великое чесно и грозно. А добра ти мне хотети во всемя. А мне, князю великому, тебе, брата своего, держати в братстве, без обиды, во всемя. А что мя благословил отец мой, князь великий Иван, уделом дяди моего, князя великого Семеновым, того ти не искати, тебе знати своя очина, а мне знати своя очина. А кто будеть мне, брату моему старейшему, друг, то и тебе друг. А кто будеть мне недруг, то и тебе недруг» (8, 19).

Это был первый из трех сохранившихся договоров между братьями. Пять лет спустя (летом 1372 года), когда Москве со всех сторон угрожали враги, Дмитрий Московский счел нужным укрепить свои союзнические отношения с Владимиром Серпуховским новым договором (216, 77). Этот

акт сохранился до наших дней в сильно поврежденном виде. И, наконец, уже незадолго до кончины, 25 марта 1389 года, великий князь Дмитрий Иванович заключил с Владимиром Андреевичем третий договор, подводивший черту под их имущественными спорами.

Имущественные споры

Для понимания характера отношений между Дмитрием и Владимиром весьма примечательна упомянутая в договоре история с выморочным уделом Семена Гордого. Согласно духовной грамоте умершего весной 1353 года московского великого князя Семена Ивановича весь его наследственный удел — **большая** часть Московского княжества с Коломной и Можайском — передавался его супруге княгине Марии Александровне. Это беспрецедентное решение объясняют предположением, что княгиня в это время была на сносях, и Семен допускал, что уже после его кончины может родиться мальчик — наследник московского престола. До его совершеннолетия княгиня должна была играть роль регентши.

Однако судьба распорядилась иначе. Всех наследников Семена унесла чума. Вдова великого князя вынуждена была передать завещанный ей огромный удел новому великому князю Московскому Ивану Ивановичу Красному. Тот, в свою очередь, завещал всё старшему сыну Дмитрию. Такое решение отвечало стратегическим интересам московского «собирания Руси», но нарушало один из ключевых принципов завещания Ивана Калиты: раздел выморочных и завоеванных владений пропорционально между всеми членами семьи. Старший брат должен был делиться добычей (в том числе и землями) с младшими. Договор 1367 года свидетельствует о том, что Дмитрий взял себе (точнее — получил по завещанию от отца) весь удел умершего в 1353 году Семена Гордого, не поделившись с Владимиром. Это был не только вопрос собственности, но и вопрос чести. Старший брат нарушил права и больно ранил достоинство младшего.

Владимир Серпуховской, разумеется, запомнил эту несправедливость, хотя и не стал поднимать шум. Впрочем, на поведение 14-летнего юнца, безусловно, повлияли советы матери и митрополита Алексея...

В 1366 году Владимир, вероятно, присутствовал на свадьбе Дмитрия в Коломне. А шесть лет спустя и сам Владимир пошел под венец с дочерью Ольгерда Еленой. Этот брак — задуманный, вероятно, митрополитом

Алексеем — до некоторой степени избавил Московское княжество от литовской угрозы. Вместе с тем политическое значение Владимира Серпуховского сильно возросло. Человек легкий и веселый, он быстро стал своим среди новой родни — многочисленных сыновей Ольгерда. Литовские связи Владимира Серпуховского со временем перешли к его детям и внукам, открывая им возможность при необходимости уйти в Литву и иметь там теплый прием. Этой возможностью некоторые из них в безвыходном положении пользовались.

Около 1374 года Владимир Серпуховской получил третью часть выморочного удела княгини Ульяны — второй жены Ивана Калиты. В состав этого наследства входила и Радонежская волость, на территории которой находился уже широко известный на Руси Троицкий монастырь преподобного Сергия Радонежского. Между Сергием и Владимиром установились теплые отношения. «Великий старец» в 1374 году основал в Серпухове Высоцкий монастырь и поставил там игуменом своего ученика Афанасия. Есть мнение — впрочем, не слишком основательное, — что именно Владимир Серпуховской «взял Сергия на княжеский съезд в Переяславле, введя его тем самым в круг тогдашней политической элиты» (320, 41).

В июне 1372 года между Дмитрием Московским и Владимиром Серпуховским было заключено новое «докончание», речь в котором шла о новом переделе волостей — любимом занятии тогдашних княжеских досугов. Помимо неприкосновенного родового удела великий князь то прибавлял к владениям брата новые города и волости, то отбирал их и заменял новыми. Историки высказывают предположения о причинах этой перетасовки, но избегают твердых выводов.

Серпуховское княжество обладало особым статусом среди уделов Московского княжества. Князь Владимир имел право чеканить собственную монету с именем ордынского хана на оборотной стороне и вносил свою долю «выхода» в казну великого князя Владимирского. Это позволяет говорить о его «особых отношениях» с Сараем (293, 483).

Боевое братство

Не знаем, был ли Владимир участником битвы на Воже. Молчание летописей на сей счет можно толковать по-разному. Скорее всего, он в качестве «мобильного резерва» стоял в тылу, прикрывая дорогу на Москву на случай победы татар. Такую же роль отвел ему Дмитрий Иванович и во

время нашествия Тохтамыша...

Перед Куликовской битвой враги Москвы предпринимали настойчивые попытки поссорить братьев и столкнуть их друг с другом. Можно думать, что Владимира пытались втянуть в заговор с целью убийства Дмитрия. Однако серпуховской князь оказался на высоте положения и отправил злоумышленников в цепях на суд великого князя в Москву.

Литовские связи Владимира сослужили службу Дмитрию. Вместе с князьями Дмитрием Михайловичем Волынским и Андреем Ольгердовичем Полоцким Владимир в 1379 году возглавлял поход московского войска на Брянск, Трубчевск и Стародуб. Наиболее значительным успехом этого похода был переход на сторону москвичей еще одного Ольгердовича — князя Дмитрия Трубчевского.

Исследователи древнерусской литературы придают большое значение тому, в каком соседстве находится интересующее их произведение в рукописных сборниках. Нечто подобное можно проследить и в биографии Владимира Серпуховского. По причинам, о которых мы можем только догадываться, он ходит в походы (на Брянск, на Куликово поле, на Рязань) в сопровождении литовских князей, и прежде всего — Дмитрия Боброка. Волынский князь (предположительно, сын Кориата Гедиминовича) был как минимум лет на десять старше Владимира (365, 292). Это давало ему моральное право выступать в роли советника. И всё же остается открытым вопрос: в каком качестве он постоянно сопровождал Владимира Серпуховского? Родственника? Военного советника? Наставника? Своего рода «комиссара», призванного контролировать политические решения князя Владимира? И почему на эту роль был избран именно Боброк?

Здесь следует вспомнить о безоговорочной личной преданности Дмитрия Боброка Дмитрию Московскому — преданности, основанной на близких родственных отношениях. Московские князья со времен Даниила были большими мастерами на устройство выгодных матримониальных комбинаций. Один из постулатов этой дипломатии состоял в том, чтобы привязывать знатных перебежчиков к дому Калиты с помощью брачных уз. Этим способом воспользовался и Дмитрий Московский. Приехавший на московскую службу в 60-е годы XIV века Гедиминович князь Дмитрий Волынский получил в невесты родную сестру Дмитрия Московского Анну.

На Куликовом поле Дмитрий Иванович — быть может, опасаясь горячности Владимира — вновь назначил к нему в полк «комиссара» — своего шурина Дмитрия Боброка. О личной близости двух Дмитриев свидетельствует знаменитая сцена ночного гадания об исходе битвы.

Примечательно, что Владимир Серпуховской не был зван на этот таинственный разговор.

Несколько необычное поведение Дмитрия Ивановича во время битвы — сцена переодевания, сражение в передовом полку, исчезновение из рядов сражающихся в конце битвы — открывало простор для возвеличивания боевых заслуг Владимира. Многие полагали, что именно он, явившись вдруг на поле во главе Засадного полка, обратил татар в паническое бегство.

Соотношение ратных заслуг Дмитрия и Владимира стало темой для споров сразу же после битвы. Такого рода дискуссии возникают после любого большого сражения и продолжаются стараниями историков. Истина погребена под глыбами веков. Но не подлежит сомнению главное: Владимир Серпуховской храбро сражался за московское дело на Куликовом поле.

В августе 1382 года, когда Тохтамыш штурмовал Москву, Владимир стоял с полками на Волоке Ламском. Мы уже говорили о том, что смысл этого стояния (как и отъезда Дмитрия в Кострому) можно понимать по-разному. Скептически настроенные историки видят в нем возможную измену серпуховского князя.

«Это молчание источников свидетельствует, что в 1382 г. Дмитрий Иванович оказался, по существу, в полной изоляции: Владимир Андреевич не оказал помощи двоюродному брату, а митрополит Киприан занимал прямо враждебную позицию» (191, 88). На это можно возразить, что молчание источников само по себе не свидетельствует ни о чем. А в качестве комментария напомнить суждение С. М. Соловьева: «Мы считаем непозволительным для историка приписывать историческому лицу побуждения именно не нравственные, когда на это нет никаких доказательств» (308, 198).

Усобица

В 1385 году Владимир Серпуховской по поручению великого князя Дмитрия Ивановича ходил во главе московских полков на Олега Рязанского. Поход был неудачным, и это могло стать «черной кошкой», пробежавшей между братьями. Прошло три года — и зимой 1388/89 года между ними вспыхнула явная усобица. Летопись сообщает об этом с обычным лаконизмом и без изъяснения причин:

«Тое же зимы и того же мясоеда, перед великим заговейном, бысть

розмирие князю великому Дмитрию Ивановичи) с князем Володимером Андреевичем. Поимани (схвачены. — Н. Б.) быша бояре старейшие княжи Владимировыи розведени быша вси разном по градом (возможно чтение — „под градом“ (233, 101). — Н. Б.) и седеша в нятие и бяху у всякого у коегождо их приставлени приставници» (43, 155).

Кажется, Дмитрий не посмел поднять руку на брата и выместил досаду на его ближних советниках — боярах. Впрочем, бояре вполне могли заслужить это суровое гонение. Со времен Игоря Старого, мужа княгини Ольги, погибшего из-за алчности своей дружины, и до времен последнего Романова, потерявшего трон и жизнь практически по той же самой причине, свита была ахиллесовой пятой русской монархии. Царь Иван Грозный посвятил всю жизнь коррекции своего окружения, но под конец, отчаявшись, махнул рукой...

Князь Владимир не мог не считаться с настроением своего боярства. Оно требовало от него всё новых льгот, привилегий и с возмущением указывало на то, какие блага имеют великокняжеские бояре. Оно настойчиво указывало Владимиру на реальные и мнимые «обиды», которые наносил ему великий князь. В числе первых было изъятие из владений серпуховского князя двух городов — Дмитрова и Галича (217, 276). Это произошло зимой 1388/89 года. О причинах этой акции источники не сообщают. Полагают, что Дмитрий был обеспокоен симптомами тяжелой болезни и, предвидя скорую кончину, озабочился увеличением наследственных наделов своих четырех сыновей (233, 101).

Однако «обида» Владимира не сводилась к потере двух городов. Дмитрий Иванович явным образом принижал статус кузена как полноправного члена московского княжеского дома. «По-видимому, 1389 годом можно датировать превращение Владимира из соправителя московского князя и совладельца Москвы в удельного князя» (340, 172). Происходит «коренная ломка» отношений между потомками Ивана Калиты. Трудно сказать, старался ли Дмитрий для себя или хотел таким образом обеспечить полновластие своего наследника Василия. Но последствия этой атаки нетрудно было предугадать. Бояре князя Владимира не стали скрывать возмущения таким унижением своего патрона. В результате добродушный Владимир однажды вспылил и в резкой форме предъявил Дмитрию свои требования.

Но Дмитрий имел своих бояр, которые хором требовали от него решительных действий. К этому времени Москва уже насладились зрелищем публичной казни знатных заговорщиков. Однако время массовых казней знати и удушения в темнице удельных князей еще не пришло.

Дмитрий ограничился арестом наиболее беспокойных лиц из окружения Владимира. Строго говоря, это было грубым нарушением прав удельного князя, свита которого была так же неприкосновенна, как и он сам. Дмитрий действовал быстро, на волне эмоционального всплеска. Дело запахло большой бедой. За спиной Владимира хмурой толпой встали его литовские родственники.

По канонам тогдашней княжеской этики Владимир должен был всеми силами добиваться освобождения своих вассалов. Вероятно, именно такая перспектива — нападение Владимира на темницу с целью освобождения своих бояр — заставила Дмитрия рассредоточить арестованных по разным местам и приставить к каждому сильную охрану. Но мог ли Владимир начать полномасштабные боевые действия против своего кузена? Едва ли. Индикатором экономического (а значит, и военного) потенциала любого княжества служила сумма, вносимая им в общерусскую копилку ордынского «выхода». На основании содержащихся в источниках сведений подсчитано, что «взнос серпуховского князя равнялся всего 6,8 % от выплаты великого князя» (217, 299). Соответственно, и военный потенциал Дмитрия Ивановича превышал возможности Владимира Серпуховского не менее чем в 10 раз. При всей условности таких сопоставлений общий вывод выглядит вполне убедительно: у Владимира практически не было шансов взять верх над Дмитрием в ходе междоусобной войны.

И всё же любая, даже самая очевидная по результатам война — это всегда риск и неожиданность. Кроме того, у мятежника Владимира Серпуховского сразу нашлись бы сильные союзники из числа старых недругов Москвы. Понимая это, Дмитрий стал искать пути примирения с братом. Тот, со своей стороны, также не желал войны. При таком настроении дело скоро уладилось.

«Тое же весни (1389 года. — Н. Б.) месяца марта в 25, в честный праздник Благовещение святыя Богородица, князь великийи Дмитрией Иванович взя мир и прощение и любовь с князем с Владимиром с Андреевичем» (43, 155).

Церковная окраска этого сообщения — как и самого акта примирения, приуроченного к празднику Благовещения, — косвенно указывает на причастность к примирению кого-то из духовенства. Скорее всего, миротворцем вновь выступил Сергей Радонежский.

Давний наставник Владимира Серпуховского, он в это время был духовным отцом (исповедником) великого князя Дмитрия Ивановича. Его чудодейственная сила убеждения смогла вразумить даже «суровейшего» Олега Рязанского. Теперь он убедил пойти на взаимные уступки двух не

менее упрямых бойцов. Вероятно, сделать это было непросто: Дмитрий так и не вернул Владимиру отнятые у него города — Галич и Дмитров. В договоре 25 марта 1389 года о них нет ни слова. А в своей духовной грамоте, написанной вскоре после договора, Дмитрий завещает эти города своим сыновьям...

Но, уступив великому князю Дмитрию Ивановичу, Владимир не хотел уступать его 17-летнему наследнику Василию. Искры мятежа тлели под пеплом примирения...

Передел

После кончины Дмитрия Ивановича 19 мая 1389 года Владимир Серпуховской прожил еще более двадцати лет. Ему стоило немалого труда найти свое место в новой системе личностных отношений московского двора. Летом и осенью 1389 года он имел многомесячный и крайне серьезный конфликт («розмирие») с молодым великим князем Василием I. «Того же лета князю великому Василию Дмитриевичу бысть розмирие со князем с Владимиром Андреевичем. Князь же Владимир с сыном с князем с Иваном и с своими бояры старейшими поеха в свои град Серпохов, а отьтуда в Торжек, и тамо пребысть неколико время в Теребенском, дондеже умиришася» (43, 157).

Опять, как и в конфликте с Дмитрием Ивановичем, на сцену выступают «старейшие бояре» князя Владимира. Летописец видит в них самостоятельную политическую силу, участвовавшую в развитии событий.

«Розмирие» прошло несколько этапов. На первом Владимир с боярами покидает Москву и демонстративно уезжает в свой удел. Но это не произвело на Василия I должного впечатления. Тогда серпуховской князь окольными путями (явно не через Москву) пробирается в Торжок. Здесь, на границе владений Великого Новгорода, он был практически недосыгаем для великокняжеских войск. Он мог пересидеть плохие времена в качестве «кормленщика» на новгородских пригородах. А мог через Торопец и Великие Луки отправиться дальше на запад, в Литву. Так будут действовать сто лет спустя мятежные братья Ивана III, обиженные произволом «государя всея Руси». Литовские и новгородские связи Владимира были сильным козырем в политической игре.

В разгар этой смуты, 2 декабря 1389 года, умерла мать Владимира княгиня Мария, принявшая монашеское имя Марфа. Присутствовал ли Владимир на ее погребении в московском Рождественском монастыре? Об

этом источники не сообщают.

Но вскоре конфликт дяди и племянника был улажен. Одни историки приписывают это благоразумию князей, другие — неблагоприятной для Василия Дмитриевича политической конъюнктуре в Восточной Европе (233, 105). Полагают, что в ходе этого противостояния «московское княжество подошло к тому рубежу, за которым начиналась междоусобная война» (233, 105). Но разумом людей или милостью Небес войны удалось избежать.

«Тое же зимы (1389/90 года. — Н. Б.) по Крещении князь великий Василей Дмитриевич взя мир и любовь с князем с Владимиром Андреевичем и удели ему неколико градов, вда ему Волок да Ржеву» (43, 157).

Уступив удельному князю в виде «надбавки к жалованью» два города, юный московский князь действовал по обычной схеме: «надбавки» должны были находиться как можно дальше от основной территории удела и на границе с Литвой. Лично заинтересованный в процветании и безопасности этих городов, Владимир волей-неволей должен был оберегать их от посягательств своей литовской родни.

В дальнейшем Владимир верой и правдой служил племяннику — великому князю Василию Дмитриевичу. Его главным подвигом стала оборона Москвы от нашествия Едигея в 1408 году. Благодаря мужеству и опытности Владимира удалось избежать повторения ужасов нашествия Тохтамыша. В отсутствие великого князя Василия I, по примеру отца уехавшего от татар в Кострому, Владимир подготовил город к долгой и крепкой обороне. Убедившись в этом, Едигей взял выкуп и ушел обратно в степи.

Князь Владимир скончался в мае 1410 года, оставив по себе добрую память и обеспечив имущественные интересы княгини-вдовы и многочисленных сыновей в обстоятельном завещании, сохранившемся до наших дней (8, 45).

Жизнь князей состояла, конечно, не из одной политики и приобретения вотчин. Привлекательной чертой личности Владимира Серпуховского была его любовь к красоте. Известно, что в московском доме князя великий художник Феофан Грек нарисовал на стене панораму Москвы (25, 444). Можно представить себе, как в минуту задумчивости князь рассматривал эту картину и мечтал о будущем величии московского дела...

Глава 31

СЛОВО

И восстанет царь могущественный, который будет владычествовать с великою властью, и будет действовать по своей воле.

Дан. 11,3

Поздней весной 1389 года великий князь Дмитрий Иванович тяжело заболел и 19 мая скончался. Внезапная кончина 38-летнего правителя вызывает недоумение. Чума страшным гостем бродила тогда по Русской земле. В 1387 году «мор» опустошил Смоленскую землю. В самом Смоленске — большом торговом городе на Верхнем Днепре — в живых осталось всего десять человек (42, 93). В 1389 году «в Новгороде в Великом мор бысть силен, и во Пскове, и по влаstem, и по селом» (42, 95). Однако в источниках нет прямых указаний на «мор» в Москве.

Московская летопись под 1389 годом дает довольно загадочное известие: «Тое же весны по Велице дни (18 апреля. — Н. Б.) князю Юрию Дмитриевичю болезнь тяжка бысть, но Бог помиловал и (его. — Н. Б.), и паки здрав бысть» (43, 155). Речь идет о третьем сыне великого князя Дмитрия Ивановича, будущем мятежнике и смутьяне Юрии Звенигородском. Он родился 26 ноября 1374 года. Болезнь 15-летнего княжича была настолько серьезной, что привлекла внимание летописца. Но связана ли она с роковой болезнью отца и был ли это тот же «мор», который выкашивал целые города, сказать трудно. Во всяком случае, похоже, что какая-то убийственная зараза гнездилась тогда в стенах московского дворца. И не случайно Дмитрий Иванович в своем завещании («духовной грамоте»), составленном за несколько дней до кончины, особо остановился на том, как быть, если смерть унесет и наследника престола — 17-летнего Василия.

Последний диагноз

Существует мнение, что во время Куликовской битвы князь Дмитрий был контужен и потому уже в начале 80-х годов имел проблемы со здоровьем (206, 77). Однако это мнение основано лишь на буквальном

понимании одного литературного клише. Неясность данного вопроса заставляет вновь обратиться к источникам. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» дает несколько реалистичных подробностей кончины нашего героя:

«И посем разболеся и прискорбен бысть велми. Потом же легчае бысть ему, и възрадовася великаа княгиня радостью великою и сынове его, и вельможи царства его. И паки впаде в болшую болезнь, и стенание прииде к сердцю его, яко торгати внутрьнимь его, и уже приближися к смерти душа его» (25, 214).

Для удобства читателя приведем этот текст в переводе на современный русский язык:

«А потом разболелся он и мучился сильно. Но после полегчало ему, и возрадовалась великая княгиня радостью великою, и сыновья его, и вельможи царства его. И снова впал он в еще больший недуг, и стоны вошли в сердце его, так что разрывалось нутро его, и уже приблизилась к смерти душа его» (25, 215; перевод М. А. Салминой).

По этому описанию трудно поставить сколько-нибудь точный диагноз. Но взятое в определенном контексте, оно наводит на некоторые размышления. «Слово о житии и о преставлении...» — «самое блестящее произведение литературы конца XIV в.» — было написано вскоре по кончине великого князя (271, 118). Неизвестный автор — предположительно, знаменитый древнерусский книжник Епифаний Премудрый — хорошо знал обстоятельства кончины князя (176, 151). Отсюда можно заключить, что слова «стенание прииде к сердцю его» — не просто литературный троп, но запомнившийся многим эпизод предсмертной болезни Дмитрия. Этот эпизод — тяжелый сердечный приступ. Такое предположение встречается в научной литературе и представляется убедительным (233, 101).

В этой связи вспоминается описание внешности Дмитрия Ивановича, сохранившееся в «Сказании о Мамаевом побоище» в редакции Никоновской летописи:

«Беаше же сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист и чреват велми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело» (42, 63). Это описание вызывает в памяти сказочный образ врубелевского «Богатыря». Но в нем угадываются и живые черты. Строгий, пронизывающий взгляд — «взором же дивен зело» — характерная особенность всех харизматических лидеров. Австрийский посланник Сигизмунд Герберштейн рассказывал, что от грозного взгляда Ивана III мужчины трепетали, а женщины падали в обморок (5, 68).

Фигура Дмитрия отличалась большой и, кажется, нездоровой полнотой. «Чреват велми» — значит: обремененный большим животом. «Телом велик и широк» — чрезмерно толст.

Необычайными габаритами Дмитрий заметно выделялся среди своего «стандартного» окружения. Задумав найти себе «двойника» перед битвой с Мамаем, он избрал Михаила Андреевича Бренка, которому пришлось впору все облачения великого князя. Очевидно, Бренко обладал такой же «нестандартной» фигурой. Подобно Митяю, Бренко был фаворитом («наперсником») великого князя и готов был отдать жизнь за своего господина. Но среди московского боярства той поры имени Бренка мы не встретим. Фавориты, как правило, не отличаются знатностью происхождения.

После битвы князя Дмитрия нашли лежащим без сознания под поваленным деревом. «На телеси же его нигдеже смертныа раны обретесе» (42, 63). Иначе говоря, он потерял сознание не от потери крови, а по какой-то иной причине. Вероятно, князь предвидел, что в страшной давке и толчее сражения он может потерять сознание. Его падение будет воспринято войском как дурной знак и может привести к панике и поражению. Во избежание такого развития событий Дмитрий и выставил своего «двойника». Эта предосторожность оказалась весьма полезной, хотя и стоила княжескому «наперснику» жизни.

Еще два слова о «нестандартной» фигуре великого князя. Когда после боя воины Владимира Серпуховского отправились искать Дмитрия, они обратили внимание на одно мертвое тело, необычное по размерам и весьма сходное с телом великого князя. И только заглянув мертвому в лицо, они поняли, что это был не Дмитрий, а князь Федор Семенович Белозерский (42, 62).

Итак, грузное телосложение Дмитрия Ивановича предрасполагало к сердечному приступу. Автор «Слова» сохранил реалистичную картину последних дней князя: первый сердечный приступ он пережил, второй оказался фатальным. После первого приступа наступило некоторое облегчение. Великий князь воспользовался этим, чтобы подготовить и утвердить свое второе завещание (210, 123). (Первое, как полагают, было написано в январе 1372 года и требовало переработки (207, 67).)

Завещание

Рассматривая Московское княжество как свою родовую вотчину,

князя в завещаниях упаковывали в один документ города и шубы, села и шапки, пояса и таможенные пошлины. Впрочем, не забудем, что дело происходило в очень бедной стране, а потому имущество их было весьма скромным. Конечно, такое серьезное дело, как составление завещания, не откладывали на последние дни или часы жизни. Любая небрежность в этом вопросе грозила усобицей между наследниками. Придворные дьяки готовили духовную грамоту загодя, в тишине и покое, и вносили туда поправки в случае каких-либо семейных, общественных или военно-политических перемен. Сам завещатель пристально следил за этой работой и давал ей стратегическое направление.

Заранее составленную духовную грамоту зачитывали вслух возле одра умирающего князя в присутствии авторитетных свидетелей. Их имена перечислялись в конце документа. Утвержденный таким образом текст приобретал силу закона.

До последнего вздоха князь мог вносить поправки в завещание. Духовная грамота Семена Гордого, умиравшего от чумы, отличается некоторой сумбурностью и невнятностью. Возможно, причиной были характерные для этой страшной болезни психические сдвиги. Семен пытался сформулировать новые идеи, но разум уже отказывался ему служить. Духовная Дмитрия Ивановича в этом отношении не создает современникам и историкам никаких затруднений: она ясна и прозрачна как слеза.

Духовная состоит главным образом из длинного перечня городов, волостей, сел и деревень, переданных во владение тому или иному члену великокняжеской семьи. В этой связи исследователи отмечают «громадное расширение по сравнению с временами Ивана Калиты, Симеона Гордого, Ивана Красного территории, которой владел Дмитрий Донской» (210, 163). Способы, с помощью которых было достигнуто это расширение, были весьма разнообразны: от мирной «купли» до грубого захвата.

Отметим наиболее важные положения духовной князя Дмитрия Ивановича.

Вот знаменитое распоряжение, в котором отчеканен итог целого столетия труда и пота, грязи и крови, низости и благородства, словом — целое столетие возвышения Москвы.

«А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем» (8, 34).

Здесь необходимо небольшое разъяснение.

Московскому делу постоянно угрожали два врага: «внешний» и «внутренний». Борьба с невидимым внутренним врагом — раздорами

между потомками Ивана Калиты, грозящими перерасти в гибельную усобицу, — была сложнейшей задачей главы семейства. Здесь требовались глубоко продуманные решения политического, экономического и психологического характера. Отец восьми сыновей (двое из которых умерли в младенчестве), Дмитрий Иванович более, чем кто-либо из его предшественников, был озабочен этой проблемой. Он хорошо понимал, что никакие клятвы «у отня гроба» не удержат гордых и честолюбивых юношей от вражды. Поэтому необходимо было обеспечить подавляющее экономическое и военное превосходство старшего брата (наследника престола) не только над одним из братьев, но и над всеми братьями вместе взятыми. В этом случае любой мятеж был заранее обречен на неудачу.

Решение этой сложной задачи Дмитрий Иванович видел не только в неравных пропорциях раздела собственно московских земель и доходных статей, но и в сохранении неделимости территории великого княжения Владимирского — вотчины главы московской семьи.

Границы великого княжения Владимирского были изменчивы. Их состояние на 1389 год можно определить лишь приблизительно. В первую очередь сюда относятся три крупных города — Владимир, Переяславль и Кострома с окружавшими их волостями. Но это далеко не всё. «К великому княжению должны были относиться также г. Юрьев Польский с его сельской округой, половина Ростова, части территорий Вологды, Торжка, Волока Ламского» (210, 163). Этот ряд можно продолжить, хотя и гипотетически.

В итоге обладание неделимым великим княжением Владимирским становилось своего рода «козырным тузом» в руках старшего из потомков Ивана Калиты. Здесь открывалась далекая историческая перспектива. «Передача великого княжения старшему сыну Дмитрия Василию вместе с запрещением делить великокняжеские владения предопределяла монархическую форму объединительного процесса на русском Северо-Востоке» (210, 183).

Завещание Дмитрия Ивановича свидетельствует о том, что великое княжение Владимирское уже не является яблоком раздора между русскими князьями, а его пожалование — прерогативой сеющего этот раздор ордынского хана. Это по сути своей революционное распоряжение Дмитрий делает без согласования с Тохтамышем. Он сам — высшая инстанция в иерархии власти на Руси. Он — «Русский царь», и он не должен спрашивать на каждый шаг дозволения степного «вольного царя». Время «вавилонского плена» подошло к концу...

Конечно, политик не должен забывать о реальности. Орда еще сильна

и страшна. Невыносимый запах гари — память московского пожарища — до последнего часа будет преследовать Дмитрия Ивановича. Но Орда — этот библейский «колосс на глиняных ногах» — уже клонится к упадку. И страстная мечта всей жизни отливается в еще одну чеканную формулу:

«А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мои возмет дань на своем уделе, то тому и есть» (8, 36).

Выражение «переменит Бог Орду» на первый взгляд кажется слишком неопределенным для юридического акта. Но попробуйте сказать иначе, — вместив в одной фразе всё бесконечное многообразие возможных ситуаций, — и вы поймете, что московские дьяки знали свое дело.

Отметим и другое. Дмитрий наказывает сыновьям при более благоприятных обстоятельствах прекратить уплачивать ордынскую дань — «выход». Но эти деньги отнюдь не следует возвращать налогоплательщикам. Их нужно просто переложить из ханского кармана в свой собственный. Такая перспектива лучше всяких разговоров о независимости будет побуждать князей к действию. Московский князь знал это из собственного жизненного опыта. Что как не крайняя бедность опустошенной чумой страны заставила русских князей отказаться платить дань и пойти на «розмирие» с Мамаем в 1374 году?

Духовная грамота Дмитрия Ивановича, помимо двух названных выше положений, содержит и еще одно, пожалуй, самое важное по своим конкретным последствиям распоряжение. Вот его подлинный текст:

«А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мои, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини» (8, 35).

Это распоряжение можно понимать двояко. Первое толкование: в случае кончины Василия (когда бы она ни произошла и каких бы наследников он ни имел) его старший удел и великое княжение Владимирское переходят к следующему по возрасту брату. Второе толкование: в случае кончины Василия бездетным (каким он и был в 1389 году, не будучи еще женат) его старший удел и великое княжение Владимирское переходят к следующему брату. В случае же наличия у Василия собственных сыновей его владения переходят к старшему из них. Первое толкование взял на вооружение брат Василия I Юрий Звенигородский со своими сыновьями, а второе — сын Василия I Василий II Темный. Вспыхнувшая после кончины Василия I династическая смута, то затихая, то разгораясь, продолжалась с 1425 по 1453 год. Формальным основанием для войны каждая сторона считала собственное толкование завещания Дмитрия Ивановича. Установить истину было уже невозможно.

Единственный человек, доподлинно знавший последнюю волю московского князя, — княгиня Евдокия умерла 7 июня 1407 года и была похоронена в основанном ею в Московском Кремле Вознесенском монастыре.

Царь или не царь?

Одним из ярких мазков пестрой картины летописного повествования являются «похвалы» князьям. Как и в реальной жизни, «похвалы» в летописи обычно связаны с кончиной героя и представляют собой своего рода некролог. В «похвале» прославляются христианские и гражданские добродетели умершего — благочестие, милосердие, великодушие, храбрость, мудрость, скромность и т. д. Влияние агиографической традиции проявляется и в обязательном упоминании о родителях героя, добродетели которых он унаследовал. Земной путь умершего князя очерчивается в самых общих чертах, с выделением двух-трех главных событий.

Эта схема, то растекаясь в пространных «словах», то сжимаясь в тесных летописных некрологах, лежит в основе всех «похвал». Так хвалили и называли «царем последних времен» Ивана Калиту писцы Мелентий и Прокоша в знаменитой приписке к Сийскому Евангелию 1340 года. Так хвалил Дмитрия Донского и автор «Слова о житии и о преставлении...». Попытаемся же, обходя густые заросли риторики, пройти вместе с ним по короткой тропе жизни победителя Мамая.

Автор «Слова» писал для современников князя. (По мнению историка Б. М. Клосса, агиограф создал «Слово» для митрополичьего летописного свода 1418 года (176, 151).) А потому он не мог плести явные небылицы (271, 113). Он хвалил своего героя за то, за что хвалили его современники.

Итак, идем по тексту «Слова», выбирая самое ценное для историка.

Первая похвала — родителям и предкам Дмитрия. Он — потомок святого Владимира, «сродник» святых Бориса и Глеба и внук Ивана Даниловича. Для этого последнего автор «Слова» находит гениальное в своей простоте и емкости определение: «собиратель Русской земли» («събратель Руской земли») (25, 208).

Дмитрий рано остался один, потеряв сначала отца, а потом мать и младшего брата. «И пребысть един в области великого княжения». Автор не комментирует это обстоятельство, но явно придает ему большое значение. Князь — избранник Небес, Божьей милостью избежавший всех угроз и

достигший могущества и славы.

Строительство крепостей — атрибут великого правителя. Князь Дмитрий «славный град Москву стенами чюдно огради» (25, 208). Напомним: крепость была выстроена зимой 1367/68 года. Скептический историк передаст львиную долю этой заслуги митрополиту Алексею, но даже и при этом немалая часть останется юному князю Дмитрию.

Своего рода «полярной звездой» «Слова» служит тема «царя» и «царства». Вокруг нее вращается всё повествование. Слово «царь» имело в средневековой Руси два основных смысла: буквальный и расширительный. В прямом, буквальном смысле «царь» — это могущественный и ни от кого не зависящий правитель. Таковыми у нас привыкли считать византийского императора и хана Золотой Орды. В расширительном смысле слово «царь» использовали как своего рода комплимент, который можно было сказать любому сильному правителю.

Автор «Слова» тонко соединяет оба эти смысла. Начиная с заглавия, он постоянно именует своего героя «царем». Вероятно, он знал, что заветной мечтой Дмитрия было именно «царство» — могущественное и независимое Московское государство.

Дмитрий и в самом деле стал царем — «велие царство створи и настоеие земли Руской яви» (271, 101). Именно стремление Дмитрия стать «царем» привело в ярость Мамаю и подвигло его к походу на Москву.

«Врази же его взавидеша ему, живущии окрест его, и навадиша (наклеветали. — Н. Б.) на нь нельстивому Мамаю, так глаголюще: „Дмитрий, великий князь, себя именует Руской земли царя, и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию“» (25, 210).

Однако в доносах Мамаю на Дмитрия не было клеветы. Московский князь действительно решил стать самопровозглашенным «царем». Его приближенные обращаются к нему со словами: «Господине русский царю!» Автор «Слова» называет его «нашим царем Дмитрием», хвалит за то, что он «царьский убо сан дрѣжаше, и аггелскы живяше, постом и молитвою по вся нощи стояше» (25, 214).

От автора не ускользают и живые черточки характера великого князя. Движимый истинным благочестием, он в дни Великого поста каждое воскресенье причащался Святых Таин.

В соответствии со своим «царским саном» он любил пиры и красивую одежду: «...в сладости ядыше и краснейше Соломона одеяние ношаше» (271, 104).

Князь был примерный семьянин и «законному же и супружному житию чсть приемшу» (271, 111).

Его натуре не чужды были созерцательность и склонность к философскому взгляду на мир. Он помнил, что «видение мимоиде под луну сущим всем», то есть «ничто не вечно под луной» (271, 104). Это настроение Дмитрия запечатлело и княжеская печать с изображением головы царя Давида и надписью: «Всё минет» (305, 149).

В идейном и образном строе «Слова» присутствует эсхатологическая тема. Год Куликовской битвы — 1380-й от Рождества Христова, или 6888-й от Сотворения мира. Наступали «последние времена». Оставалось около ста лет до истечения седьмой тысячи лет и приуроченных к этой дате Конца света и Страшного суда. Государи, правившие в это время, попадали в особую, эсхатологически значимую категорию — «цари последних времен». Все их подвиги и деяния, победы и поражения так или иначе связывались с древними пророчествами, с рассуждениями Мефодия Патарского о признаках приближающегося Конца света.

Таинственное значение происходящего умножалось редким календарным совпадением Пасхи и Благовещения в 1380 году. Что оно означало — никто толком объяснить не мог. Но все соглашались, что это некий знак Небес.

Итак, Дмитрий не просто царь, а отмеченный Промыслом «царь последних времен». Под его управлением Русская земля наслаждалась миром и процветанием. «И вьскипе (расцвела. — *Н. Б.*) земля Рускаа в лета княжения его». После его победы над «нечестивым Мамаем» «бысть тишина в Руской земли» (25, 210).

Возносясь мыслью к облакам, автор «Слова» не забывает и земные дела. Он не забывает отметить, что Дмитрий «княжение великое дрѣжаше, отчину свою, лет 29 и шесть месяц». Выше мы уже говорили, что превращение великого княжения Владимирского в вотчину московских князей Дмитрий считал своей важнейшей политической задачей.

Перед кончиной Дмитрий дает наставления семье и придворным. Помимо обычных советов (сыновьям — слушаться матери, княгине — следить за детьми, боярам — верно служить наследнику престола) примечательно настойчивое обращение к боярам. Князь напоминает им о том, как многим они ему обязаны. «Вы же не нарекошеся (назывались. — *Н. Б.*) у мене бояре, но князи земли моей» (25, 216). За этой фразой кроется еще одна из загадок эпохи Дмитрия Донского: принципы его отношений с правящей элитой Северо-Восточной Руси. Как мог он на всех поворотах своей судьбы сохранить поддержку московской и владимирской знати? Какими методами управлял этой вечно склонной к фронде бородатой аристократией? Из каких людей создавал то, что мы сегодня называем

«социальной базой» правящего режима? Скудность источников позволяет ответить на эти вопросы только предположительно. Так, полагают, что «уже в конце 60-х годов XIV века Дмитрий провел реорганизацию военной службы» (206, 81). Он поднял военное значение «двора», то есть своей личной свиты. Стремясь укрепить верность бояр, он щедро раздавал им города и волости «в кормление», а также наделял их вотчинами.

В «Слово» вставлен и краткий пересказ содержимого духовной грамоты князя Дмитрия. Очевидно, этот документ был тогда предметом всеобщего обсуждения.

После сообщения о кончине князя с точной датой — «мая в 19, на память святого мученика Патрекиа, на 5-й недели по Пасце в среду, в 2 час ночи» — следует пространный и местами поэтичный плач княгини Евдокии. В нем можно услышать отзвуки плача по Андрее Боголюбском Кузьмища Киянина и плача Ярославны из «Слова о полку Игореве».

На последних страницах своего произведения неизвестный автор дает волю собственному литературному таланту и начитанности. Он оплакивает умершего князя, называя его «великий царь Руския земля» (25, 222). Так провожали князя Дмитрия в историю его благожелательные современники. Вероятно, многочисленные соперники и враги Дмитрия испытывали по этому случаю иные чувства и выражали их в других словах.

Вопросы и ответы

В начале нашей книги мы поставили ряд вопросов и обещали по возможности дать на них ответы. Настало время исполнить обещание.

Первый и главный вопрос: кто же такой Дмитрий Донской — герой или героический миф? Безусловно — и то и другое. Карлейль говорил, что «мужество, *геройство* — это, прежде всего, доблесть, отвага и способность *делать*» (169, 177). Эту способность Дмитрий проявлял на протяжении всей своей беспокойной жизни. В результате этой непрерывной деятельности — моральную оценку которой оставим до лучших времен — он в несколько раз увеличил размеры своих владений и заставил не только русских князей, но и литовских Гедиминовичей, и ордынских ханов признать себя и весь московский дом безусловными политическими лидерами Северо-Восточной Руси.

Но будучи героем действия, Дмитрий со временем стал и темой героического мифа. Его победы над степняками (о подлинных масштабах которых можно спорить) были остро востребованы тогдашним русским

обществом. «Время слуг своих поставляет», — говорил младший современник Дмитрия мудрый грек митрополит Фотий (20, 317). Дмитрий был и слугой, и господином своего героического века. Проснувшемуся русскому самосознанию нужны были символ, стяг, герой. И Дмитрий Донской как никто другой соответствовал этой роли. Он был не просто правитель, а деятель харизматического типа, абсолютно уверенный в собственном предназначении. Таких, как он, всегда окружает ореол легенды.

Один из современных исследователей эпохи Дмитрия Донского пришел к выводу, что «его политические достижения превосходят полководческие» (134, 132). В этой оценке кроется некоторая двусмысленность. Дело в том, что, рассуждая о достоинствах Дмитрия Донского как политика, трудно уйти от печальных воспоминаний. Бесконечная тяжба с Тверью... Многолетний конфликт с Литвой... Вконец запутавшиеся церковные дела... Висевшая на волоске победа над Мамаем... Разгром Москвы Тохтамышем... Впрочем, Дмитрий умел быть хорошим организатором. Собрать общерусское войско и повести его сначала на Тверь, а потом и на Мамай, и на Новгород — уже это стоило немало. Главным же достижением Дмитрия как политика принято считать окончательное закрепление великого княжения Владимирского за московским домом (134, 133). Действительно, это была победа, превосходившая по своему значению все захваты и «примыслы» московских князей. Но справедливости ради заметим, что этому процессу никто особенно и не препятствовал, за исключением беспокойного, но в целом уже не опасного для Москвы тверского князя. «Игра», что называется, «была сыграна» еще в годы правления митрополита Алексея. Орда ничего против московского лидерства не имела. И в этом смысле прав был Карамзин в своем знаменитом парадоксе — «Москва обязана своим величием ханам».

При общем сходстве с политикой других князей, политика Дмитрия Донского имела две особенности. Первая — служение общей для потомков Калиты «великой цели», которую один из тогдашних книжников определил как «собрание Руси»; вторая — умеренность по части расправ. Жестокий по необходимости, по законам своего жестокого века, Дмитрий никогда не опускался до зверств. И это много прибавляло ему народной любви.

И еще одно. Как политик харизматического типа, Дмитрий обладал одной очень редкой для той эпохи и ценной чертой: способностью нарушить традицию, идти «неготовыми дорогами». Начав войну с Ордой, он фактически отверг заветы не только отца и дяди, но и своего великого

деда — Ивана Калиты. Решиться на такую дерзость мог только человек, услышавший голос Бога.

Как полководец Дмитрий едва ли превосходил таких негибавых и предприимчивых бойцов, как Михаил Тверской и Олег Рязанский. Но на весах славы его победа на Куликовом поле перевесила все их успехи.

Глава 32

ПАМЯТЬ: ВТОРОЙ ТОМ

И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?

Еккл. 6, 12

Биография великого человека состоит из двух томов. Первый создает он сам, второй пишут потомки. Этот второй том биографии нашего героя представляет собой «коллективный труд» с весьма причудливым сюжетом.

Интерес к личности великого князя Дмитрия Ивановича в тот или иной исторический период определялся ростом или падением спроса на патриотическую тему вообще и тему борьбы с кочевым Востоком в частности. При этом важную роль играло то, что в летописях и сказаниях князь предстает как создатель двух новых стратегий: во-первых, военной, а во-вторых, идейной. Рассмотрим первую из них.

Своим знаменитым походом навстречу Мамаю Дмитрий перешел от оборонительной (крепостной и пограничной) к наступательной стратегии борьбы с Ордой. (Вероятно, Мамай был сильно удивлен подобной дерзостью своего вассала. Внезапное контрнаступление русских застало его врасплох.) Можно спорить о том, была ли эта новая стратегия его собственной инициативой — или он принужден был к этому сложившимися обстоятельствами. Но, как говорится, «факт остается фактом». Дмитрий разгромил степняков на их земле, в Диком поле (22, 22; 298, 55). Это был возврат к великому прошлому. Так устрашали кочевников (хотя порой и терпели неудачу) князья домонгольской Руси, доходившие в своих походах до самого Азовского моря. В «монгольский» период никто из русских князей ни до, ни после Дмитрия Донского не отваживался на подобные эксперименты. «Стояние на Угре» было по сути своей оборонительным мероприятием. И после этого еще три века борьба со степняками велась главным образом созданием оборонительных рубежей (крепостей и застав, «засечных черт» и станичной сторожевой службы). Таким образом, князь Дмитрий Иванович своим походом в Дикое поле на целых три века опередил ход событий. Соответственно, эта часть его «наследия» долгое время оставалась невостребованной. Риторика ростовского архиепископа Вассиана в «Послании на Угру» призывает

Ивана III, следуя примеру своих предков — и более других князя Дмитрия Ивановича — твердо стать за Русскую землю. Но там нет ни слова о наступлении Руси на Степь...

Вторым оригинальным элементом политического наследия Дмитрия Донского было идейное обоснование отказа от подчинения ордынскому «царю». Эта тема «царя Русского» сто лет спустя трубно зазвучит в «Послании на Угру» ростовского архиепископа Вассиана. Обращаясь к своему духовному сыну Ивану III, Вассиан убеждает его отказаться от старой парадигмы «вавилонского плена» и безусловного подчинения ордынскому «царю». «Аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко: „Под клятвою есмы от прародителей, — еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорите и съпротив царя стати“, — послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прощати о таковых и разрешати нам повелено есть» (26, 530).

Вассиан убеждает государя в том, что не он должен подчиняться ордынскому «царю», а напротив, этот самозванный «богостудный и скверный» правитель должен подчиняться Ивану как «великому Русских стран христианьскому царю» (26, 530). Именно так — или примерно так — говорили Дмитрию Донскому его патриотически настроенные советники из числа придворных клириков.

Память и памятник

Ни первая, ни вторая оригинальная стратегия Дмитрия Донского не были востребованы в правление Василия I (1389–1425) и Василия II (1425–1462). То было время других людей и других проблем. И даже победоносный «государь всея Руси» Иван III был далек от наступательного энтузиазма своего прадеда.

Понятно, что при такой ситуации и образ Дмитрия Донского, и воспоминания о его победах не могли отлиться в формы общегосударственного культа. Память о Дмитрии жила лишь как часть семейной истории московского княжеского дома. Судя по всему, ее главными хранителями были княгиня-вдова Евдокия Дмитриевна и удельный князь Юрий Дмитриевич Звенигородский. Княгиня выстроила в Московском Кремле каменный храм в честь Рождества Богородицы (1393 год). Согласно церковному календарю этот праздник отмечается 8 сентября — в день Куликовской битвы. Полагают, что «княгиня построила свой храм — в память Куликовской победы» (116, 253). Другим памятником героической

эпохе Дмитрия Донского стал каменный собор Троице-Сергиева монастыря (1423 год). Главным жертвователем источники называют князя Юрия Звенигородского — крестника Сергия Радонежского (116, 311). Можно полагать, что в борьбе за власть с Василием Темным и Софьей Витовтовной удельные князья позиционировали себя как продолжатели традиций Дмитрия Донского.

Наступательная стратегия по отношению если не к Степи, то во всяком случае — к оседлым государствам наследникам Золотой Орды приобретает актуальность только в конце XV — начале XVI века. Переход окрепшего Московского государства к наступлению на Казанское ханство, которое на Руси рассматривали как прямого наследника Золотой Орды, требовал соответствующего исторического обоснования. Традиционалистский характер средневекового политического мышления предполагал выстраивание соответствующей ретроспективы. У ее истоков естественным образом оказались Куликовская битва и ее главный герой — князь Дмитрий Иванович. Именно тогда, по мнению ряда исследователей, создается эпическое «Сказание о Мамаевом побоище». Вероятно, это был своего рода «государственный заказ» (258, 100).

В этой связи интересен вопрос о времени возникновения исторического прозвища князя Дмитрия Ивановича — «Донской». Оно устойчиво встречается в Степенной книге (1560-е годы) (68, 71; 68, 322). Однако есть основания полагать, что это прозвище стало употребляться значительно раньше — в первой четверти XVI века (258, 103).

Превратившись в массовом сознании в своего рода «основоположника» экспансии России на восток, князь Дмитрий становится одним из любимых исторических персонажей Ивана Грозного. Победитель Казани нарекает в его честь одного из своих сыновей (258, 103). Благодаря запечатленному в «Сказании» эпизоду с поездкой князя Дмитрия перед битвой за благословением к «великому старцу», на чело героя Куликова поля ложится отблеск славы главного московского святого — преподобного Сергия Радонежского. Разработанный Иваном Грозным сценарий победоносного похода на Казань в основных своих моментах повторял сценарий похода Дмитрия на Куликово поле, включая и поездку в Троицкий монастырь. Огромный шатровый храм, построенный Иваном Грозным в Московском Кремле в честь взятия Казани (к сожалению, не сохранившийся), был освящен во имя преподобного Сергия Радонежского.

Так произошло превращение князя Дмитрия Ивановича из реального исторического персонажа в знаковую фигуру русской истории. Последующие века лишь укрепили эту заложенную Василием III и

построенную Иваном Грозным мифологическую конструкцию. «Мамаево побоище» стало золотой легендой русского средневековья — легендой, в основе которого лежали действительные подвиги князя Дмитрия Ивановича и его соратников.

Удивительное единение земного и небесного, власти светской и власти духовной, проявившееся в эпизоде с благословением князя Дмитрия преподобным Сергием Радонежским и участием в битве двух иноков, стало неотъемлемой частью национального исторического мифа. И потому все попытки поставить под сомнение достоверность этой истории так и останутся в замкнутом круге ученых споров. Заметим, что слово «миф» в нашем контексте означает определенным образом выстроенную совокупность представлений о событиях прошлого. Создание исторического мифа есть процесс длительный и сложный, в котором участвуют как власть имущие, так и народные массы. Исторический миф не следует путать с банальной фальсификацией истории в сиюминутных политических интересах.

В «энциклопедии российской исторической мифологии» — скульптурах и барельефах знаменитого памятника «Тысячелетие России» в Новгороде (1862 год) — почетное место отведено и скульптуре Дмитрия Донского.

Художественным воплощением поэтического мифа о Куликовской битве стал храм во имя преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. Построенный в 1914 году по проекту архитектора А. В. Щусева, он возродил древнюю традицию постройки храмов-памятников в честь великих исторических событий. Расположенная неподалеку огромная чугунная колонна — дань памяти героям Куликова поля от императора Николая I — выглядит несколько помпезно. Однако будем снисходительны к ее создателям: простор знаменитого поля требовал небывалого по размерам сооружения, а воинственная атрибутика позднего классицизма была по нраву незабвенному императору.

Память Дмитрия Донского оказалась востребованной и в советское время. Уже в 1930-е годы вырисовывается новое, «потребительское» отношение к истории, предполагавшее, в частности, и своего рода культ знаменитых полководцев, государственных деятелей, лидеров народных движений и революционеров. В это избранное общество попал и Дмитрий Донской. В знаменитой речи Сталина на параде 7 ноября 1941 года он был упомянут в ряду других «великих предков» — Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова. В годы Великой Отечественной войны на пожертвования верующих и средства Русской

православной церкви была построена танковая колонна «Дмитрий Донской». С тех пор место великого князя Дмитрия Ивановича в отечественном пантеоне славы окончательно определилось.

В наши дни образ Дмитрия Донского нашел воплощение не только во многих произведениях литературы и живописи, но и в бронзе монументов. Это и скромный памятник великому князю на Куликовом поле, и пафосный конный памятник в Коломне, и камерный «семейный» памятник Дмитрию и Евдокии в Москве у храма, посвященного преподобной княгине Евфросинии Московской, и гранитная стела с бронзовым медальоном на бульваре Дмитрия Донского в Москве. Памятник Дмитрию Донскому есть и в подмосковном городе Дзержинском. По преданию, он останавливался в этих местах по пути на Куликово поле. Здесь князю явилась чудотворная икона святого Николая Мирликийского. В память этого события был основан Николо-Угрешский монастырь.

Святость князя Дмитрия Ивановича установлена Поместным собором Русской православной церкви в 1988 году. В 2004 году учрежден церковный орден Святого благоверного великого князя Дмитрия Донского, которым награждаются преимущественно лица, имеющие отношение к армии. Церковное почитание великой княгини Евдокии как преподобной издавна теплилось в основанном ею Вознесенском женском монастыре в Московском Кремле. Ныне оно стало общерусским. В 2007 году в связи с 600-летием со дня кончины великой княгини Русская православная церковь учредила особую награду — орден преподобной Евфросинии Московской.

Героический диптих

Рассуждая о создании и развитии церковно-государственного культа Дмитрия Донского, уместно сравнить его с почитанием и прославлением другого баловня истории — князя Александра Ярославича Невского. Этот своего рода «героический диптих» не разлучим, как Борис и Глеб или Зосима и Савватий. Общей чертой их судьбы было то, что и тот и другой оказались «в нужное время в нужном месте». Александр своими победами над немцами и шведами (о реальных масштабах которых также можно спорить) воодушевил подавленных нашествием Батыя русских людей. Победы Невского свидетельствовали о том, что Бог сменил гнев на милость и не до конца покинул своих людей. Это был луч надежды, которого ждала тогда растоптанная степняками, потерявшая веру в себя Русь. И весть о подвигах Александра разнеслась по всей стране, обрастая домыслами и

вымыслами. Реальность многократно умножалась ожиданием. И юный 22-летний князь вырос в глазах народа до образа непобедимого богатыря.

Дмитрий начал свое «розмирие» с татарами тогда, когда Русь встрепенулась и напряглась, следя за «великой замятней» в Орде. Казалось, что близок конец «вавилонского плена». Нужен только вождь, способный возглавить восстание и снискать утраченную милость Божию к Русской земле. И Дмитрий отозвался на этот вызов времени. И хотя поднятое им восстание имело неоднозначные результаты, образ князя-мятежника вырос в народной памяти до образа первого «царя Русского».

(Заметим, что при всем том таинственный механизм коллективной памяти — как, впрочем, и памяти индивидуальной — в полной мере не поддается рациональному объяснению. «В памяти есть всё, что только было в душе», — заметил блаженный Августин (1, 182). Своей безоглядной отвагой и жертвенным порывом князь Дмитрий затронул какие-то самые сокровенные струны русской души. И потому навсегда остался в народной памяти.)

Россия не забыла своих великих сыновей. Но на пьедестале славы есть только одно первое место. И по времени церковной канонизации (середина XVI века), и по общей значимости культа Александр Невский явно превосходит московского князя. В то время как Дмитрий одной ногой стоит в истории, а другой — в фольклоре, Александр Невский служит сакральным знаком и ангелом-хранителем Российской империи. Его имя носили три российских императора.

В истории, как и в жизни, действует принцип «каждому — свое». Внук Калиты не стяжал стольких памятных регалий, как его прапрадед. Однако память Дмитрия отличается какой-то московской душевностью, теплотой, интимностью — тогда как от образа Александра Невского веет синодальным петербургским холодком...

Общегосударственному прославлению Дмитрия Донского в Новое и Новейшее время существенно мешает одно обстоятельство. В то время как победы Александра над немцами и шведами сохраняли свою героико-патриотическую актуальность в силу постоянного пребывания последних в качестве потенциальных врагов России, в то время как коварные «латиняне», которых, согласно легенде, так решительно отверг Александр Невский, еще долго продолжали смущать православный народ своими коварными посулами — противники Дмитрия Донского как бы растворились в тумане веков. Последний прямой наследник Золотой Орды по государственной линии, Крымское ханство прекратило свое существование в 1783 году.

Но кто же остался там, на другом конце Куликова поля? Кто ответит за ярость Мамаю и свирепость Тохтамышу? «Татары»? Историки давно уже разъяснили, что «татары» тех времен — это не национальность, а гражданство. Так называли на Руси всех степняков, не вникая в подробности их этногенеза. Но невзирая на все их ученые рассуждения, у современного человека имя «татары» вызывает вполне конкретные ассоциации. Мирные казанские татары... Служилые касимовские татары... Трудолюбивые крымские садоводы... Гостеприимные пастухи агинских степей... Никто из них, конечно, не должен восприниматься как душеприказчик Чингисхана и Батыя.

Решить возникшую историко-политическую головоломку, представить Дмитрию Донскому достойного противника и в то же время не спровоцировать этническую рознь призвано было вскормленное историками загадочное и ужасное «татаро-монгольское иго»...

С этим чудовищем и прожила советская историография несколько десятилетий. Однако сегодня «татаро-монгольское иго» уже не устраивает историков: одних — своей военно-патриотической прямолинейностью, других — библейским происхождением, третьих — уязвимостью с точки зрения политкорректности. На смену архаическому (хотя в грозном звучании своем вполне аутентичному) понятию предлагают современную (но слишком эластичную и неопределенную) «зависимость русских земель от Орды». Но дело, конечно, не в звучании, а в конкретном содержании тех или иных исторических терминов. На каждом повороте отечественной истории прошлое становится ареной напряженной идейной борьбы...

...Помимо всех научных и историко-политических вопросов далекая эпоха Дмитрия Донского порождает и еще один вопрос метафизического характера. Он айсбергом всплывает среди мелких льдин. Этот странный вопрос читатель, быть может, задаст себе, перевернув последнюю страницу нашей книги. *Да было ли всё это и в самом деле?*

Не будучи любителем однозначных ответов, ограничусь лишь советом, польза которого проверена на собственном опыте. Любезный читатель! Будь сам себе историком. Поезжай на Куликово поле.

«Время создается переменой вещей», — говорил блаженный Августин (1, 237). На Куликовом поле вот уже 600 лет ничего не меняется. И потому время здесь как бы остановилось. Невидимые врата в прошлое открыты. Но путь к этим вратам имеет свой ритуал...

По дороге отобедай в хмурой Туле. Пройдись немного по забытой Богом Епифани. Остановись на ночлег в гостинице для паломников,

устроенной иждивением музея Куликова поля. Поживи в этой смиренной обители два или три дня, вдыхая тишину полей и разглядывая ангелов на стенах Сергиевской церкви. Исходи вдоль и поперек всё молчаливое поле. Запрокинув голову к распахнутому небу, посмотри, как, подобно полкам небесной рати, скользят по нему легкие тени облаков.

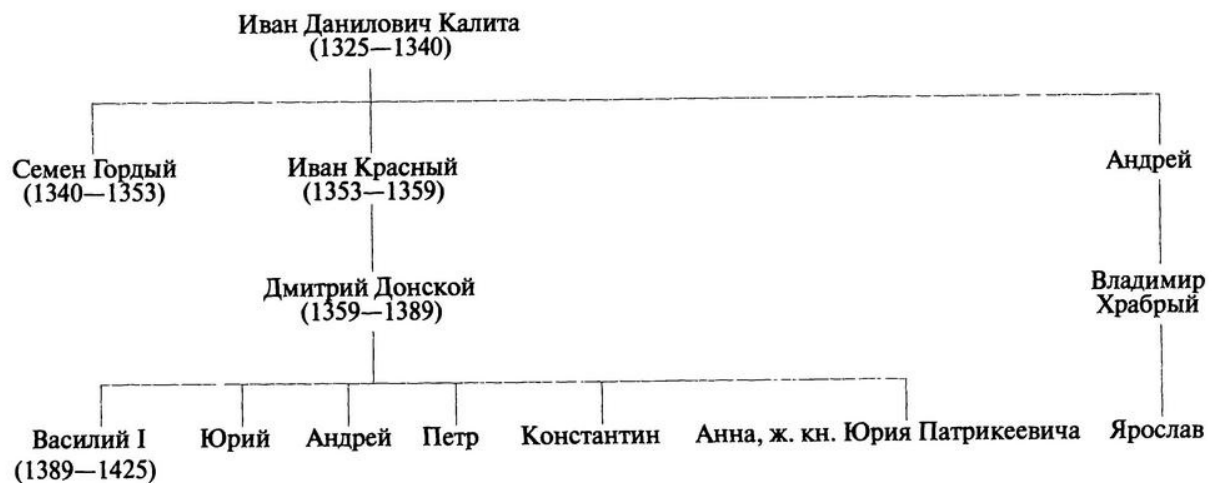
Присев на камень, погляди в темные воды тихого Дона...

И, может быть, однажды ты услышишь в глубокой тишине Куликова поля тот подземный гул, который слушал здесь когда-то князь Дмитрий с верным Боброком.

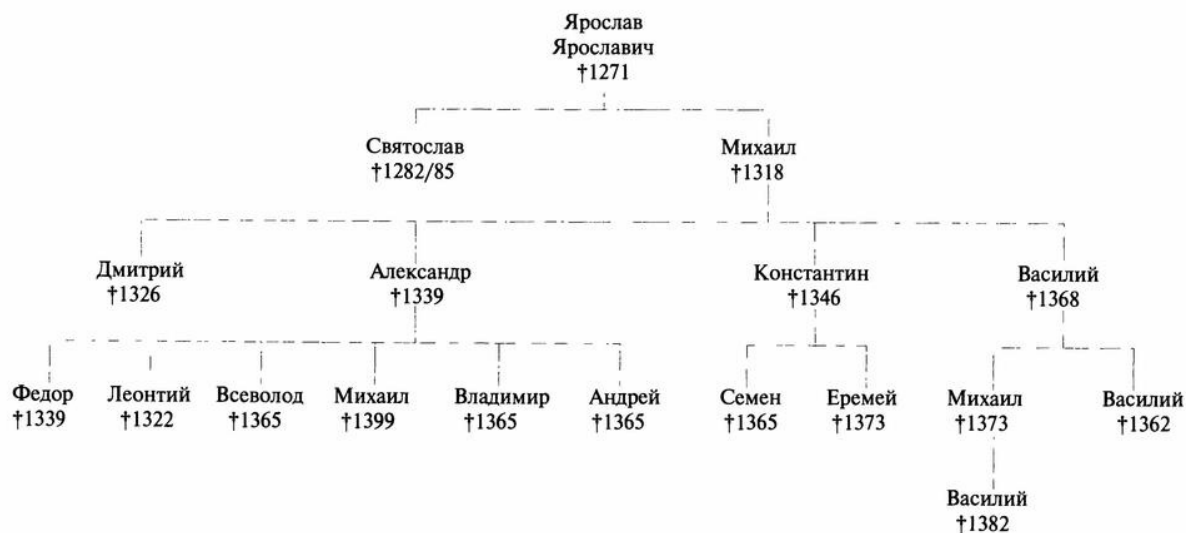
Вот тогда-то ты убедишься в том, что всё это — и Дмитрий Донской, и Мамай, и битва, и победа — всё это действительно было. И чутко спит в этой горестной Русской земле...

РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

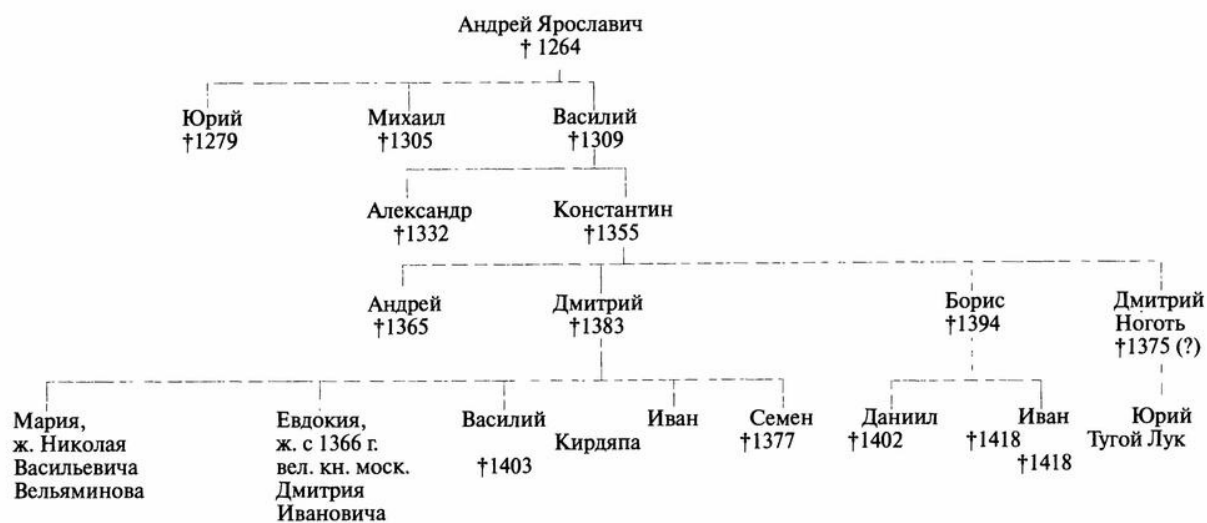
1. Родословная таблица московских князей (в сокращении)

2. Родословная таблица тверских князей

3. Родословная таблица суздальско-нижегородских князей

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

- 1350, 12 октября — рождение Дмитрия Ивановича.
1353, 11 марта — умер митрополит Феогност.
26 апреля — умер великий князь Семен Иванович Гордый.
6 июня — умер князь Андрей Иванович Серпуховской.
15 июня — родился князь Владимир Андреевич Серпуховской.
1355, 25 марта — взошел на великое княжение Владимирское отец
Дмитрия Иван Красный.
1357 — умер хан Джанибек. Начало «великой замятни» в Орде.
1359, 13 ноября — умер великий князь Иван Иванович Красный.
1360, весна — Дмитрий ездил в Орду за ярлыком на великое княжение
Владимирское.
1361 — вторично ездил в Орду за ярлыком на великое княжение
Владимирское.
1362 — получил от хана Мюрида ярлык на великое княжение
Владимирское.
1363 — получил от хана Абдуллаха ярлык на великое княжение
Владимирское.
Отказ Дмитрия Суздальского от великого княжения Владимирского.
1364 — умерла княгиня Александра, мать Дмитрия Ивановича. Умер
Иван, младший брат Дмитрия Ивановича.
1365 — усобица суздальско-нижегородских князей.
1366, 18 января — Дмитрий женился на Евдокии, дочери Дмитрия
Суздальского.
1367 — начал строительство белокаменного Кремля в Москве.
1368 — захват князя Михаила Александровича Тверского в Москве.
Осень — первый поход Ольгерда на Москву.
1370, осень — второй поход Ольгерда на Москву.
Присоединение Мценска и Калуги.
1371, лето — Дмитрий ездил в Орду к Мамаю.
1372, начало — свадьба Владимира Серпуховского и Елены, дочери
Ольгерда.
Лето — третий поход Ольгерда на Москву.

1373, лето — Дмитрий стоял с полками на Оке для обороны от Мамаевой Орды.

1374, начало — заключил мир с Михаилом Тверским.

Начал противостояние с Ордой. «Розмирие с татарами и с Мамаем». Основание Серпухова.

1375, начало — съезд князей в Переяславле Залесском.

Лето — осада Твери.

1376, лето — ходил с полками за Оку, ожидал нападения Мамаевой Орды.

1377, 2 августа — разгром московско-нижегородского войска в битве на реке Пьяне.

Умер великий князь Литовский Ольгерд. Начало усобиц в Литве.

1378, 12 февраля — умер митрополит всея Руси Алексей.

11 августа — разгром татар в битве на реке Воже.

1379, лето — отправил посольство во главе с Митяем в Константинополь. Дмитрий послал войско на Брянское княжество.

1380, 8 сентября — Куликовская битва.

1382, 26 августа — захват Москвы войсками хана Тохтамыша.

1383 — отправил в Орду старшего сына Василия.

1384 — собирал «великую дань» для уплаты Тохтамышу.

1385 — неудачная война и «вечный мир» с Рязанью.

1387, начало — Дмитрий ходил с общерусским войском на Новгород.

1388/89, зима — отнял у Владимира Серпуховского Дмитров и Галич.

1389, 19 мая — смерть Дмитрия Ивановича Донского.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Августин Аврелий. Исповедь. М., 1997.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964.
3. Волоколамский патерик (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927). Сергиев Посад, 1915.
4. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). М., 2000.
5. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
7. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
9. Житие митрополита Петра (Киприановская редакция) — В приложении к кн.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
10. Житие Пафнутия Боровского — В приложении к ст.: Кадлубовский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899.
11. Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. М., 2003.
12. Иосиф Флавий. Иудейская война. М., 1991.
13. Коммин Филипп де. Мемуары. М., 2004.
14. Комнина Анна. Алексиада. СПб., 1996.
15. Ксенофонт. Анабазис. Греческая история. М., 2010.
16. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
17. Монтень Мишель. Избранное. М., 1988.
18. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
19. Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
20. Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880.
21. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. 2-е изд. // Русская историческая библиотека. Т. VI. 2-е изд. СПб., 1908.
22. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
23. Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978.

24. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
25. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
26. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.
27. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
28. Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. С. Тихонравов. Т. 1. СПб., 1863.
29. *Плутарх*. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1990.
30. *Плутарх*. Избранные жизнеописания. Т. 2. М., 1990.
31. *Плутарх*. Застольные беседы. М., 2008.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Вып. 1. Новгородская Четвертая летопись. Пг., 1915.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.
36. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская Вторая летопись. СПб., 1856.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Никоновская летопись. М., 2000.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Никоновская летопись. М., 2000.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. М., 1965.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская

летопись. СПб., 1913.

46. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М., 2005.

47. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911.

48. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004.

49. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921.

50. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.

51. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

52. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись. М.; Л., 1963.

53. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. М., 1965.

54. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.

55. Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.

56. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.

57. Правила святых апостолов и святых отец с толкованиями. М., 2011.

58. Правила святых вселенских соборов с толкованиями. М., 2011.

59. *Прокопий Кесарийский. О постройках* // Вестник древней истории. Вып. 4 (9). М., 1939.

60. *Пселл Михаил. Хронография*. М., 1978.

61. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.

62. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

63. Путешествия в Восточные страны. (*Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в Восточные страны.*) М., 1957.

64. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 2—3. М., 1987.

65. *Салимбене де Адам. Хроника*. М., 2004.

66. *Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей*. М., 1990.

67. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. Т. 11: Труды исторические. СПб., 1906.

68. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008.
69. Сунь-Цзы. Искусство войны. М., 2008.
70. *Тацит Корнелий*. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Анналы. Т. 2. История. СПб., 1993.
71. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М., 1996.
72. Троицкая летопись. Реконструкция текста / Подг. М. Д. Присёлков. М.; Л., 1950.
73. *Фруассар Жан*. Хроники. 1325–1340. СПб., 2008.

Литература

74. *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.
75. *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты (Введение. Историческая география завещания Ивана Калиты). М., 1993.
76. *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты (Московские «трети». Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества). М., 1993.
77. *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). М., 1994.
78. *Аверьянов К. А.* Когда произошла Куликовская битва? // Труды Института Российской истории. Вып. 4. М., 2004.
79. *Аверьянов К. А.* О местонахождении митрополита Киприана в 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006.
80. *Аверьянов К. А.* Где был митрополит Киприан в 1380 году? // Вопросы истории. 2008. № 2.
81. *Азбелев С. Н.* Новгородский контингент на Куликовом поле // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. В 2 т. Вып. 2. Т. 2. История. Тула, 2007.
82. *Азбелев С. Н.* Куликовская победа в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.
83. *Александров Д. Н., Володихин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994.
84. *Александров М. М.* Русские земли-княжества IX–XV веков. М., 2009.
85. *Амелькин А. О., Селезнев Ю. В.* Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004.
86. *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. СПб., 2000.
87. *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004.
88. *Аръес Филипп.* Время истории. М., 2011.
89. *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI веках // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 3. М., 1926.
90. *Барабанов Н. Д.* Византия и Русь в начале XIV в. Некоторые

аспекты отношений патриарха и митрополии // Византийские очерки. М., 1991.

91. Бейкер Дж. Юстиниан великий законодатель. М., 2004.

92. Белякова Е. В. Замечания к полемике о чине поставления епископов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44).

93. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

94. Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970.

95. Бокман Х. Немецкий орден. М., 2004.

96. Болдин И. В. Любутское городище: проблемы датировки верхней границы слоя // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2004.

97. Болдырева Е. М. Китайское влияние в культуре Золотой Орды // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей. Вып. 1. Астрахань, 2009.

98. Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876.

99. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986.

100. Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4.

101. Борисов Н. С. Сергей Радонежский. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).

102. Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковно-служителей. М., 1993.

103. Булычев А. А. Дионисий Суздальский и его время. Ч. 1 // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002.

104. Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

105. Бухарев Р. Соловьиный сад Золотой Орды // Поэзия Золотой Орды. М., 2005.

106. Бычкова М. Е. Династические браки русских великих князей в XIV–XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006.

107. Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М., 1990.

108. Валеров А. В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.

109. Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2006.

110. Вернадский Г. П. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

111. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
112. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
113. *Веселовский С. Б.* Подмосковье в древности. Три очерка. М., 2002.
114. *Викторов А. М., Звягинцев Л. И.* Белый камень. М., 1981.
115. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961.
116. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М., 1962.
117. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
118. *Гайдуков П. Г., Гришин И. В.* Именные деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей. М., 2009.
119. *Гациский А.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001.
120. *Гернук Ю. Я., Домшак М. И.* Художественные памятники Верхней Волги. М., 1976.
121. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. М., 1986.
122. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Первая половина тома. М., 1997.
123. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Вторая половина тома. М., 1881.
124. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997.
125. *Горский А. А.* Брянское княжение в политических взаимоотношениях Смоленска, Москвы и Литвы (XIV в.) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990.
126. *Горский А. А.* О времени присоединения Можайска к Московскому княжеству // Восточная Европа в древности и Средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1993.
127. *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996.
128. *Горский А. А.* К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история. 1997. № 1.
129. *Горский А. А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном самосознании. М., 1999.

130. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
131. Горский А. А. К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. Вып. 4 (6).
132. Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004.
133. Горский А. А. Великое княжение Владимирское и русско-ордынские отношения в 1370-е — начале 1380-х гг. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006.
134. Горский А. А. Русское Средневековье. Мифы и историческая действительность. М., 2010.
135. Горский А. А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.
136. Горский А. А. К вопросу о времени перехода Ростовского княжества под власть московских князей // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее новое время. Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010.
137. Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
138. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
139. Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца/ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.
140. Гудавинюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. 1. М., 2005.
141. Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.
142. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
143. Двуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005.
144. Дмитриев М. В. К проблемам истории русского монашества в XIV — начале XVI века (По страницам книги П. Гонно) // Вопросы истории. 1997. № 3.
145. Дэвис Н. История Европы. М., 2005.
146. Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.
147. Егоров В. Л. Пересвет и Ослябя // Вопросы истории. 1985. № 9.
148. Егоров В. Л. Русь и Орда в эпоху Куликовской битвы // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 150.
149. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009.

150. Жуанвиль Жуан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2007.

151. Журавель А. В. Хронологические данные в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. В 2 т. Т. 2. История, этнография, искусствоведение. Тула, 2004.

152. Журавель А. В. Лицевая рукопись «Сказания о Мамаевом побоище»: изданная и непрочитанная // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. В 2 т. Вып. 2. Т. 2. История. Тула, 2007.

153. Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. 1. М., 1990.

154. Заграевский С. В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII — первой трети XIV века. М., 2003.

155. Зимин А. А. Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. IX. № 1. 1952.

156. Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958.

157. Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991.

158. Ивина Л. И. Формирование правящей элиты в Московско-Владимирском княжестве при Дмитрии Ивановиче // Правящая элита русского государства. IX — начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006.

159. Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории. Т. 1. М., 1992.

160. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Б. А Рыбакова. М., 1975.

161. Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.

162. Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990.

163. Каменцева Е. И, Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974.

164. Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле. К 625-летию Куликовской битвы / Сост. О. В. Двуреченский. М., 2005.

165. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

166. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1–4. Калуга, 1995.

167. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 5–8. Калуга,

1995.

168. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.
169. Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994.
170. Карпов С. П. На берегу «Великого» моря. Итальянские фактории в Причерноморье // Родина. 2003. № 11.
171. Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991.
172. Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
173. Кириллин В. М. Символика чисел в литературе древней Руси (XI–XVII века). СПб., 2000.
174. Кириллин В. М. Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище». М., 2007.
175. Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980.
176. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001.
177. Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994.
178. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. М., 1988.
179. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.
180. Коган В. М. История дома Рюриковичей (Опыт историко-генеалогического исследования). СПб., 1993.
181. Колобанов В. А. К вопросу о происхождении Евфросины Суздальской // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976.
182. Конявская Е. Л. Повесть о Шевкале // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988.
183. Конявская Е. Л. Повествования о Михаиле Александровиче Тверском // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. Вып. 4(14).
184. Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л., 1976.
185. Корогодина М. В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44).
186. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Господство дома св. Владимира. СПб., 1915.
187. Крамаровский М. Г. Фуджин для мордовского князя // Родина. 2003. № 11.
188. Крамаровский М. Г. Великая Орда Златая. Улус Джучи как цивилизация // Родина. 2003. № 11.
189. Кривошеев Ю. В. Русь и Золотая Орда // Россия и степной мир

Евразии. Очерки / Под ред. Ю. В. Кривошеева. СПб., 2006.

190. Кричевский Б. В. Митрополичья власть в средневековой Руси (XIVвек). СПб., 2003.

191. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 года. Кн. 2. М., 2003.

192. Кузьмин А. Г. «Со всякие деревни по полтине...» О размерах дани в Орду // Родина. 2003. № 11.

193. Кузьмин А. Г. Церковь и светская власть в эпоху Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.

194. Кульпин Э. С. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. М., 2008.

195. Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

196. Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.

197. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

198. Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского // Вопросы истории. 1979. № 8.

199. Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980.

200. Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8.

201. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках. М., 1984.

202. Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4.

203. Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1989. М., 1989.

204. Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.

205. Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1.

206. Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5.

207. Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999.

208. Кучкин В. А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372

года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1.

209. Кучкин В. А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2.

210. Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Ч. 3. М., 2001.

211. Кучкин В. А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. Вып. 2 (8).

212. Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.

213. Кучкин В. А. Духовные грамоты Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004.

214. Кучкин В. А. Дмитрий Донской. М., 2005.

215. Кучкин В. А. К изучению договора 1390 г. Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006.

216. Кучкин В. А. Договор 1372 великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. Вып. 1 (27).

217. Кучкин В. А. Последний договор Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.

218. Кучкин В. А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV — начале XV века // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция. М., 2009.

219. Кучкин В. А. Samar, Самара и поволжские города в XIII–XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49).

220. Кучкин В. А. Samar, Самара и поволжские города в XIII–XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50).

221. Лаврентьев А. В. Московско-рязанские отношения после Куликовской битвы. 1380–1402 гг. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008.

222. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

223. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.

224. Леонид, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1880. Кн. 4.

225. Лимонов Ю. А. Владимире-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.

226. Лисовой Н. Н. Патриарх в Империи и Церкви // Труды Института российской истории. Вып. 4. М., 2004.

227. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Время жить и время умирать. Текстология древнейших русских летописей или княжеская семейная традиция? // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 1. М., 2008.

228. Лоциц Ю. М. Дмитрий Донской, князь благоверный. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

229. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

230. Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951.

231. Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. М., 2001.

232. Мазуров А. Б. Коломна эпохи Куликовской битвы (конец XIV — начало XV в.) // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006.

233. Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008.

234. Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 3. М., 1995.

235. Макарова Т. И., Николаева Т. В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря // Советская археология. 1976. № 4.

236. Макиавелли Н. Государь. М., 1990.

237. Маколей Т. Б. Англия и Европа. Избранные эссе. СПб., 2001.

238. Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Новоторжский Кремль в XIV в. // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009.

239. Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Дерево-каменные укрепления Торжка XIV в. и некоторые особенности древнерусского военного зодчества (По поводу статьи А. М. Салимова) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41).

240. Мейендорф Иоанн, протопресв. Единство империи и разделения христиан. Святой Григорий Палама и православная мистика. Византия и Московская Русь. М., 2003.

241. Мещерский Н. А. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.

242. Мишле Ж. Ведьма. Женщина. М., 1997.

243. Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII

— начала XV века. М., 1983.

244. Мухамадиев А. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань, 2011.

245. Назаренко А. В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. Вып. 1.

246. Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены. М., 1995.

247. Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.

248. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006.

249. Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

250. Орешников А. В. Перстень св. Алексея митрополита // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 2. Prague, 1928.

251. Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002.

252. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.

253. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.

254. Пашуто В. Т. «И въскипе земля Руская...» // История СССР. 1980. № 4.

255. Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

256. Пензенский А. А. Нострадамус. М., 2008 (серия «ЖЗЛ»).

257. Петров А. Е. Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столетии // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997.

258. Петров А. Е. «Свеча загорелась сама собой...»: Память о Куликовской битве в идеологии Российского государства XV–XVI веков // Родина. 2003. № 12.

259. Плигузов А. И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 2–3. М., 1987.

260. Плугин В. А. Нерешенные вопросы русского летописания XIV–XV веков // История СССР. 1978. № 4.

261. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1933.

262. Пономарев А. Л. Территория и население генуэзской Каффы по

данным бухгалтерской книги — массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. 4. СПб., 2000.

263. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., Б/г.

264. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

265. Почекаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010.

266. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998.

267. Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

268. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

269. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 2003.

270. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.

271. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.

272. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л — Я. Л., 1989.

273. Пушкин А. С. А. С. Пушкин — критик. М., 1978.

274. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008.

275. Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.

276. Раннопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.

277. Рахимзянов Б. Р. Прибытие первых Джучидов в Московское великое княжество: начало трансформации империи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47).

278. Ренан Э. Жизнь Иисуса. СПб., 1906.

279. Россаби М. Золотой век империи монголов. СПб., 2009.

280. Ру Ж.-П. Тамерлан. М., 2008 (серия «ЖЗЛ»).

281. Рудаков В. Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2).

282. Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009.

283. Рудаков В. Н. Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47).
284. Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
285. Салимов А. М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.
286. Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959.
287. Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1.
288. Сахаров И. Сказания русского народа. Т. 2. Ч. 7. СПб., 1849.
289. Святский Д. О. Астрономия древней Руси. М., 2007.
290. Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.
291. Селезнев Ю. В. Ответный удар. Русские нападения на Золотую Орду // Родина. 2003. № 11.
292. Селезнев Ю. В. Особенности трансформации образа темника Мамай в памятниках Куликовского цикла // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. В 2 т. Вып. 2. Т. 2. История. Тула, 2007.
293. Селезнев Ю. В. К вопросу о статусе Серпуховского княжества в конце XIV столетия // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее новое время. Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010.
294. Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2010.
295. Сергеевич В. Древности русского права. Т. 3. СПб., 1909.
296. Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Ч. 1. М., 1997.
297. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
298. Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
299. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5 (Е — Зинутие). М., 1978.
300. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К — Крагуярь). М., 1980.
301. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21 (Прочный — Раскидати). М., 1995.
302. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26 (Снурь —

Спарывати). М., 2002.

303. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство XIII–XV вв. М., 2011.
304. *Смирнов С.* Как говели в древней Руси? // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1901. № 8.
305. *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991.
306. *Соколов П.* Русский архиерей из Византии. М., 1912.
307. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1988.
308. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1960.
309. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1989.
310. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 5. Т. 9—10. М., 1990.
311. *Соловьев С. М.* Древнерусские князья. СПб., 2010.
312. *Соловьева Т. Б.* К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти М. П. Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006.
313. *Темушев В. Н.* Определение места Тростненской битвы 1368 г. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008.
314. *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Вып. 1. Киев, 1875.
315. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
316. *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975.
317. *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
318. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва. М., 1997.
319. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. СПб., 2008.
320. *Ткаченко В. А.* История России. XIII–XVI вв. Московские великие и удельные князья. М., 1998.
321. *Толочко П. П.* Ярослав Мудрый. Киев, 2011.
322. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1998.
323. *Трепавлов В. В.* Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.
324. *Урбан В.* Тевтонский орден. М., 2007.
325. *Фавье Ж.* Столетняя война. СПб., 2009.
326. *Федоров-Давыдов Г. А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.
327. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.
328. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989.
329. *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М.,

1994.

330. *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского. 1389–1395 гг. М., 2003.

331. *Флавий Иосиф.* Иудейская война. Минск, 1991.

332. *Флоренский П.* Имена. Б/м, 1993.

333. *Флоря Б. Н.* Точка распада. «Вся Русь» в политике Вильно и Москвы // *Родина*. 2003. № 11.

334. *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

335. *Фоссье Р.* Люди Средневековья. СПб., 2010.

336. *Хартог Л. де.* Чингисхан. Завоеватель мира. М., 2007.

337. *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти. СПб., 2003.

338. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1988.

339. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

340. *Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV — начале XV века // *Вопросы истории*. 1980. № 6.

341. *Цыбин М.* Меж Русью и Ордой. Русские, монголы и половцы в донском пограничье // *Родина*. 2003. № 11.

342. *Челяпов В. П.* Проблемы локализации места Вожской битвы // *Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. В 2 т. Т. 1. Археология*. Тула, 2002. С. 219.

343. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.

344. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

345. *Черный В. Д.* «Мамаево побоище» в истории и культуре средневековой Руси. М., 2003.

346. *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

347. *Шабульдо Ф. М.* Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. // *Сословия, институты и государственная власть в России*. М., 2010.

348. *Шахматов М.* Государство правды // *Евразийский временник*. 1925. № 4.

349. *Шеков А. В.* О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом рускым, далним и ближним» // *Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. В 2 т. Т. 2. История, этнография, искусствоведение*. Тула, 2004.

350. *Шеков А. В.* Проблема времени включения ранних памятников Куликовского цикла в общерусские летописные своды // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. В 2 т. Вып. 2. Т. 2. История. Тула, 2007.
351. *Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012.
352. *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999.
353. *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002.
354. *Щавелев А. С.* Съезд князей как политический институт Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. Политические институты Древней Руси. М., 2006.
355. *Щапов Я. Н.* Календарь в псковских рукописях XV–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 37. Л., 1983.
356. *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
357. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889.
358. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.
359. *Экономцев И.* Исихазм и восточноевропейское возрождение // Богословские труды. Т. 29. М., 1989.
360. *Юрченко А.* «Ты уже наш, татарин!» Даниил Галицкий у Батыя // Родина. 2003. № 11.
361. *Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
362. *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
363. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003.
364. *Янин В. Л.* Расцвет и падение Русской Венеции // Родина. 2003. № 12.
365. *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004.
366. *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
367. *The Travels of ibn Battutah.* London, 2003.
368. *Lagerqvist Lars O. and the Swedish Institute.* A History of Sweden. 2001.
369. *Obolensky D.* Bizantium, Kiev and Moscow: A study in ecclesiastical relation // Dumbarton Oaks Papers. № 11. Harvard University Press, 1957.
370. *Fennell J.* A History of the Russian Church to 1448. London and New York, 1995.

ИЛЮСТРАЦИИ

Великий князь Дмитрий Иванович. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

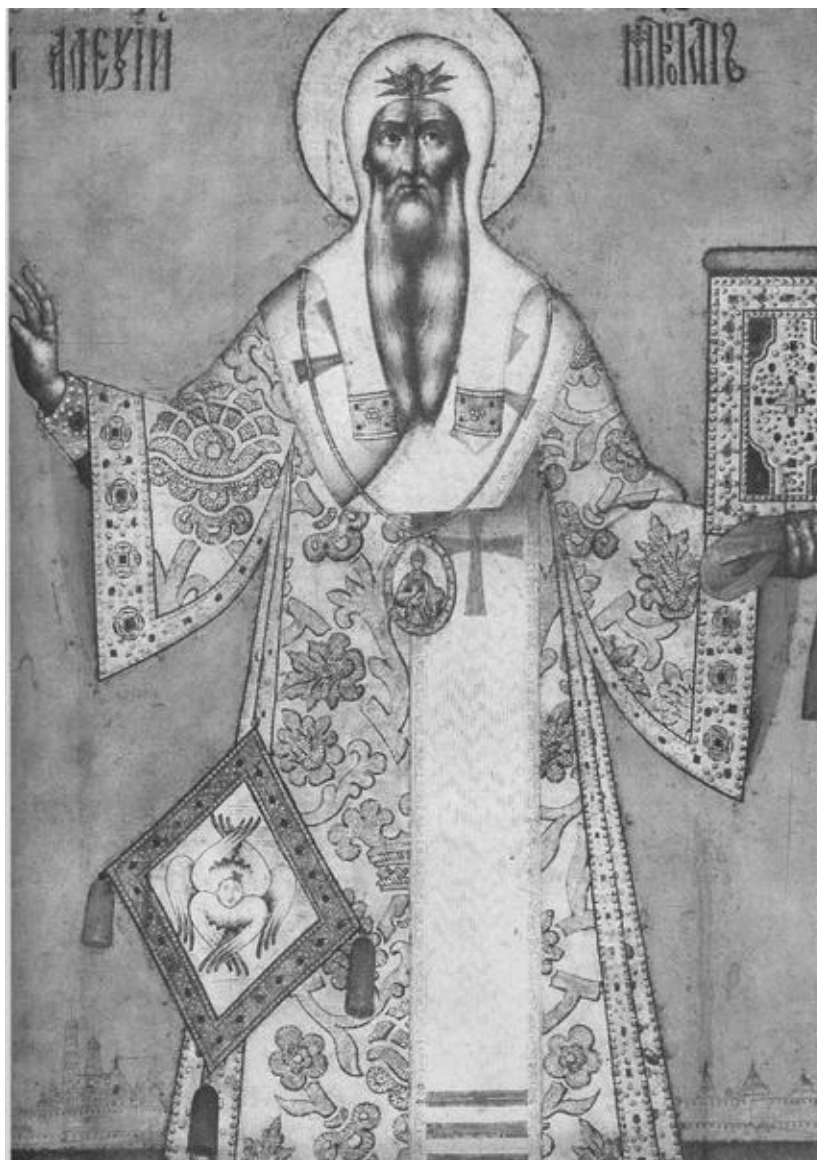
Великий князь Иван Иванович Красный. Портрет из «Титулярника»
1672 г.

Великий князь Симеон Иванович Гордый. С фрески московского Архангельского собора

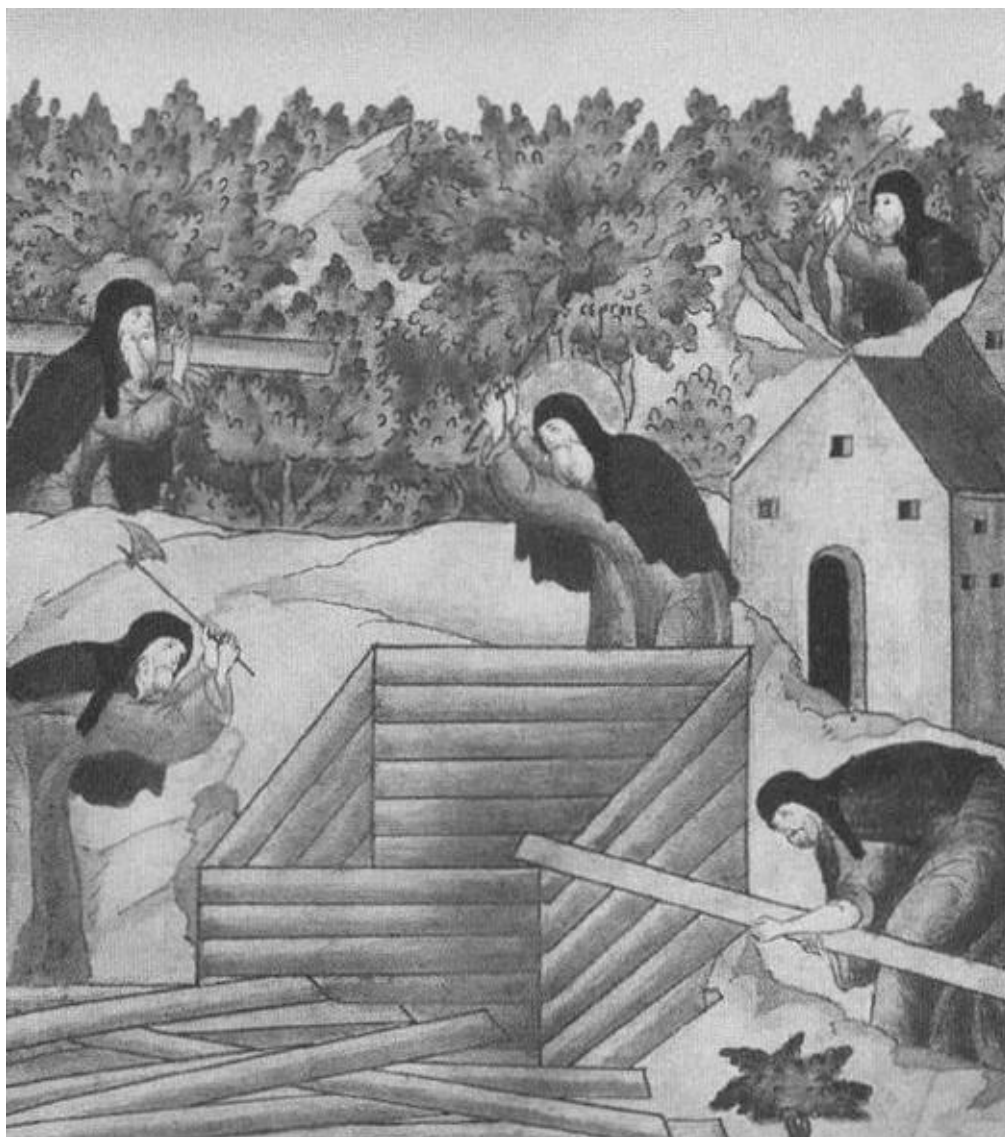

Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском. XII в.

Митрополит Алексей. Икона. XVII в.

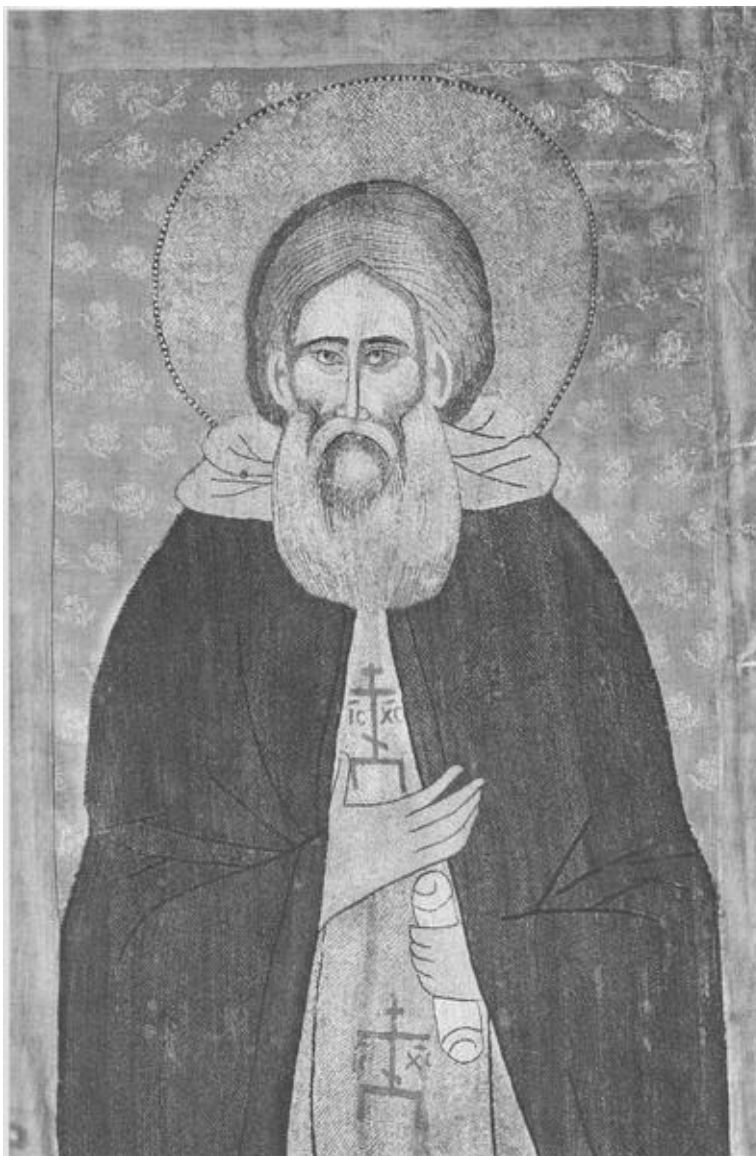

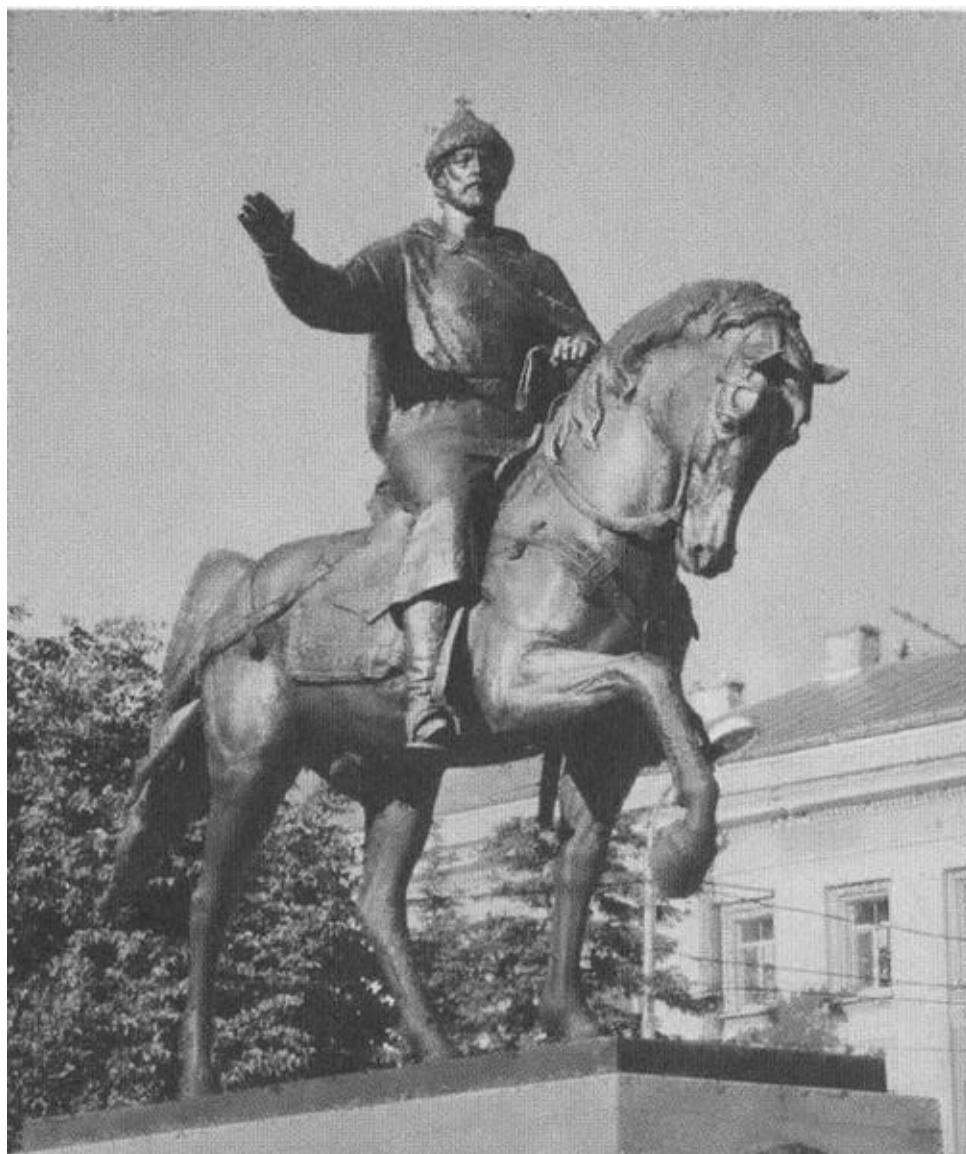
Строительство келий в Троицком монастыре. Миниатюра лицевого Жития Сергия Радонежского. XVI в.

Монахи книгописцы за изготовлением книг. *Миниатюра лицевого Жития Сергия Радонежского*

Преподобный Сергий, игумен Радонежский. покров. 1420-е гг.

Памятник князю Михаилу Ярославичу в Твери. Автор композиции А.
Н. Ковальчук

Город Кашин Тверской области. *Современный вид*

Великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович

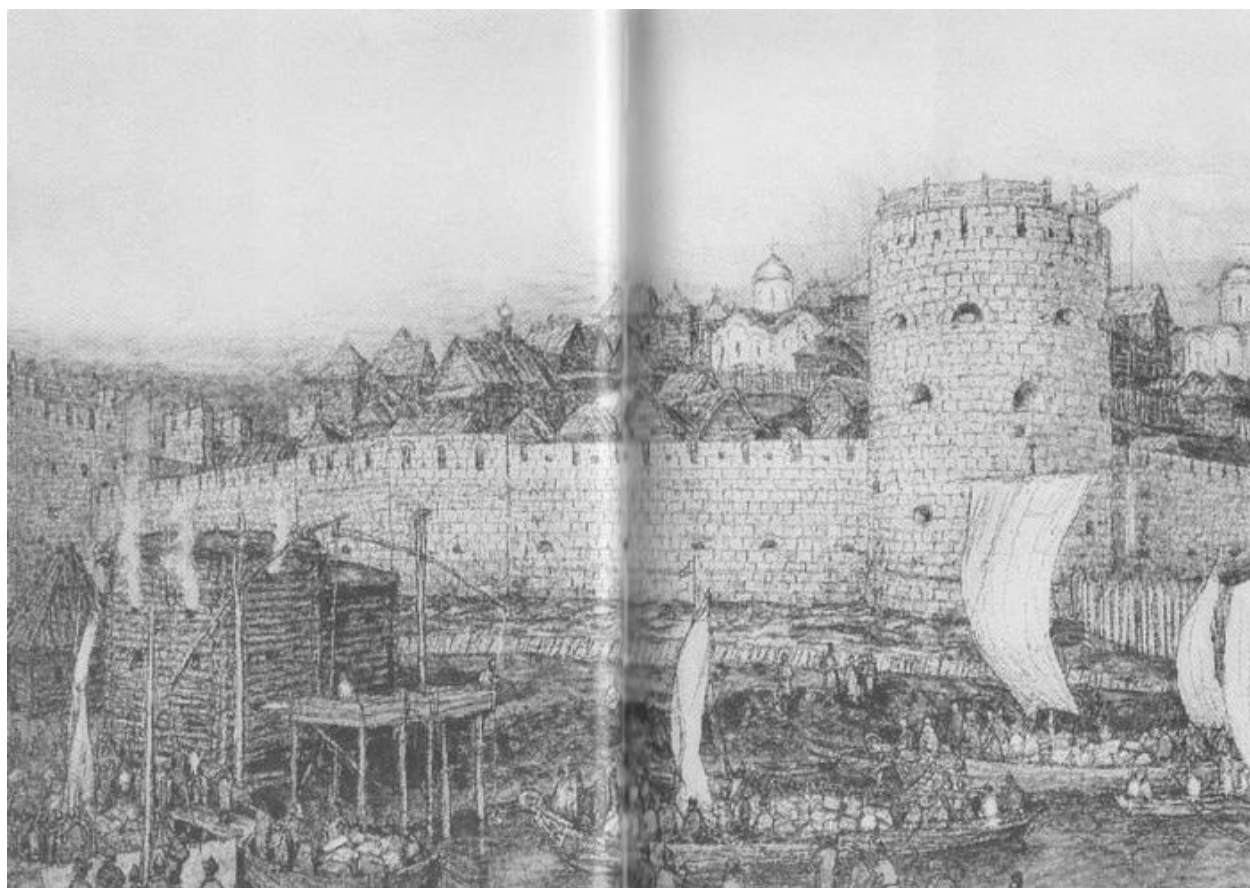
Великий князь Литовский Ягайло Ольгердович

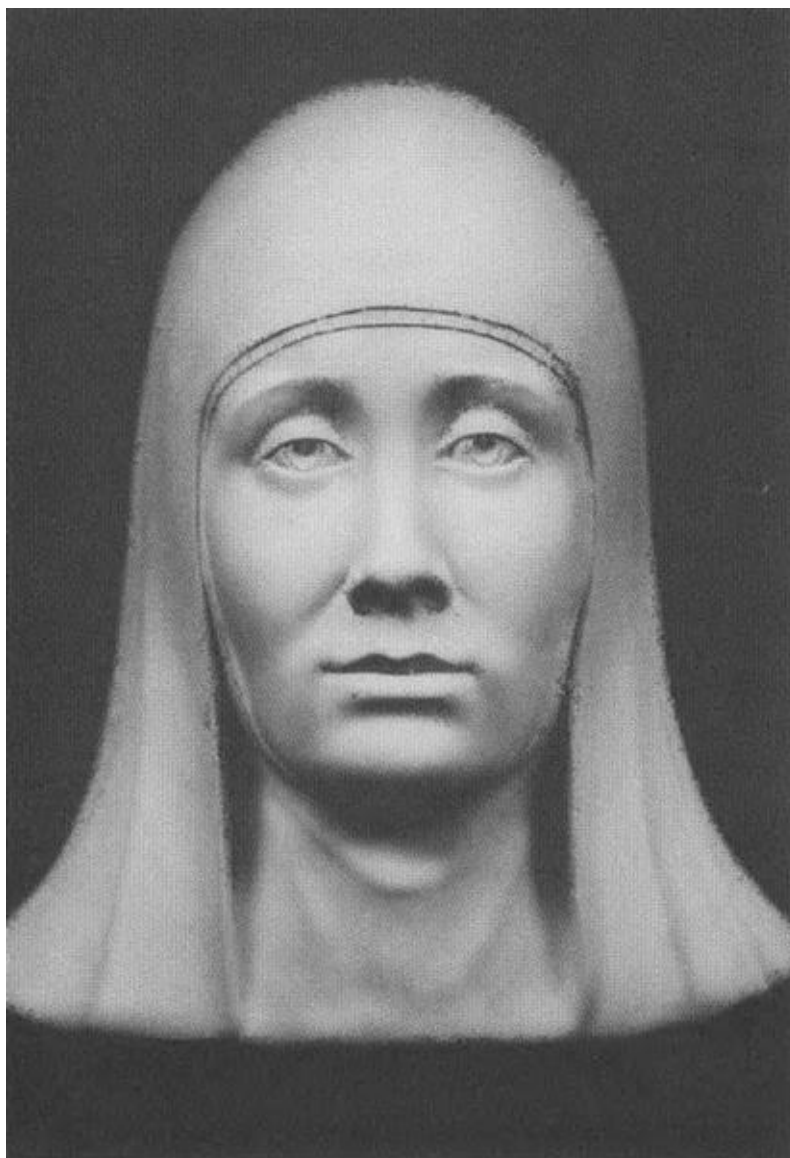

Церковь Рождества Богородицы в селе Городня. XIV–XV вв.

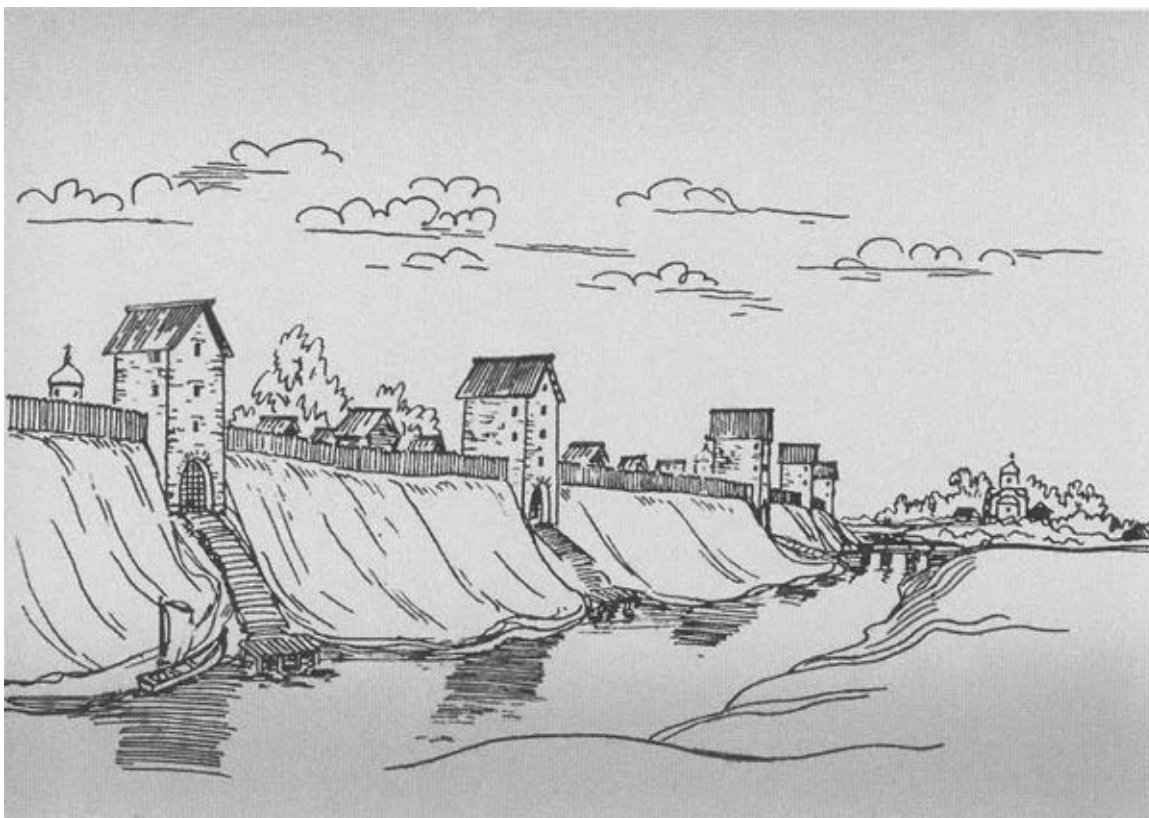
Московский Кремль при Дмитрии Донском. А. М. Васнецов

Великая княгиня Евдокия Дмитриевна. Антропологическая
реконструкция С. А. Никитина

Коломенский кремль. Современный вид

Окольный город Великого Новгорода в XIV веке. *Реконструкция*

Софийский собор Великого Новгорода. XI в.

Памятный знак на месте столицы Золотой Орды — города Сарай-Бату

Река Ахтуба у села Селитренное

Вечный «корабль пустыни»

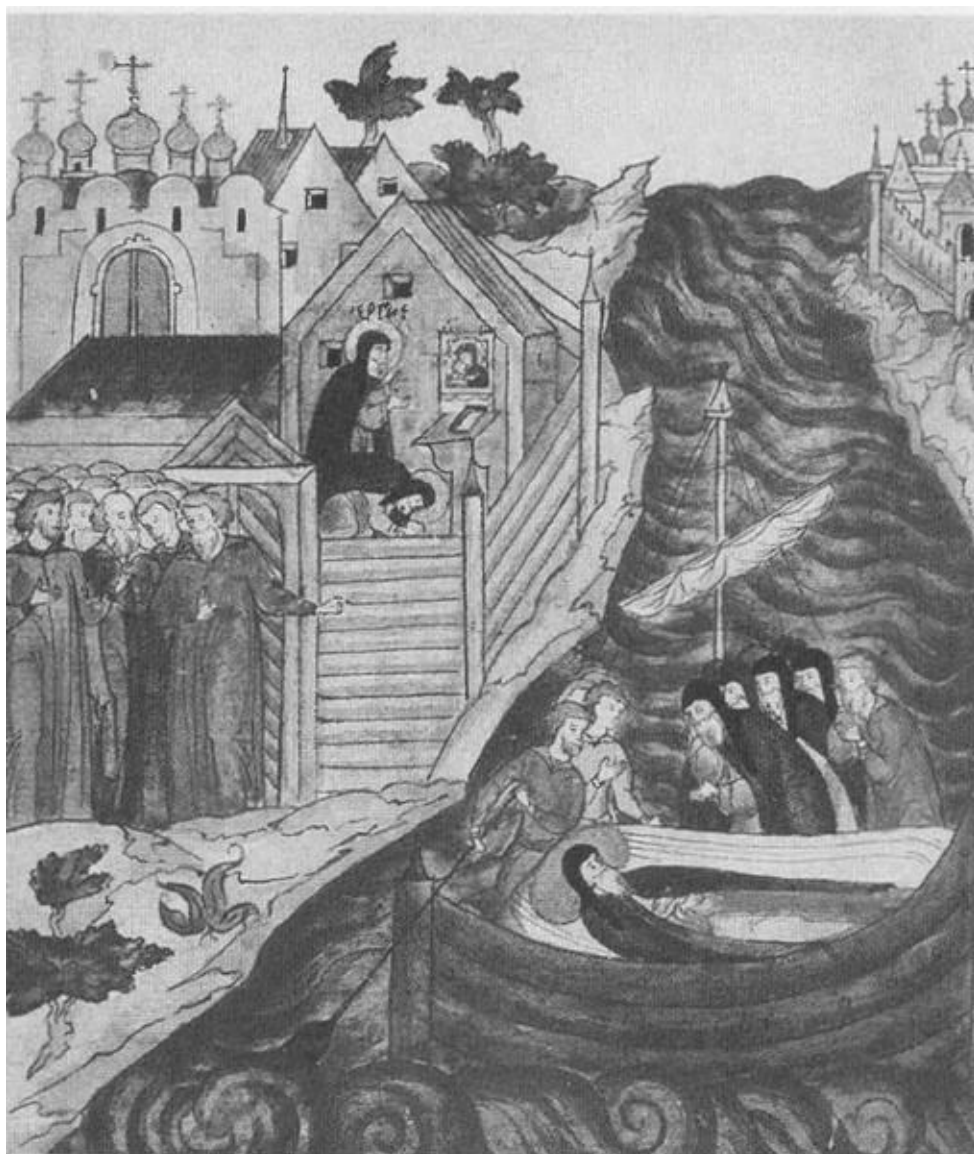

Археологические раскопки у села Селитренное. Остатки Сарай-Бату

Поставление Митяя на митрополию. Миниатюра лицевого Жития
Сергия Радонежского

Кончина Митяя на корабле. Миниатюра лицевого Жития Сергия Радонежского

Митрополит Киприан. Фреска из церкви села Поречье-Рыбное Ростовского района Ярославской области. XVIII в.

Московский князь Дмитрий Иванович. С картины В. Маторина

Река Ока у городища Любутск

Святой благоверный князь Дмитрий Иванович Донской. Фреска
Архангельского собора Московского Кремля

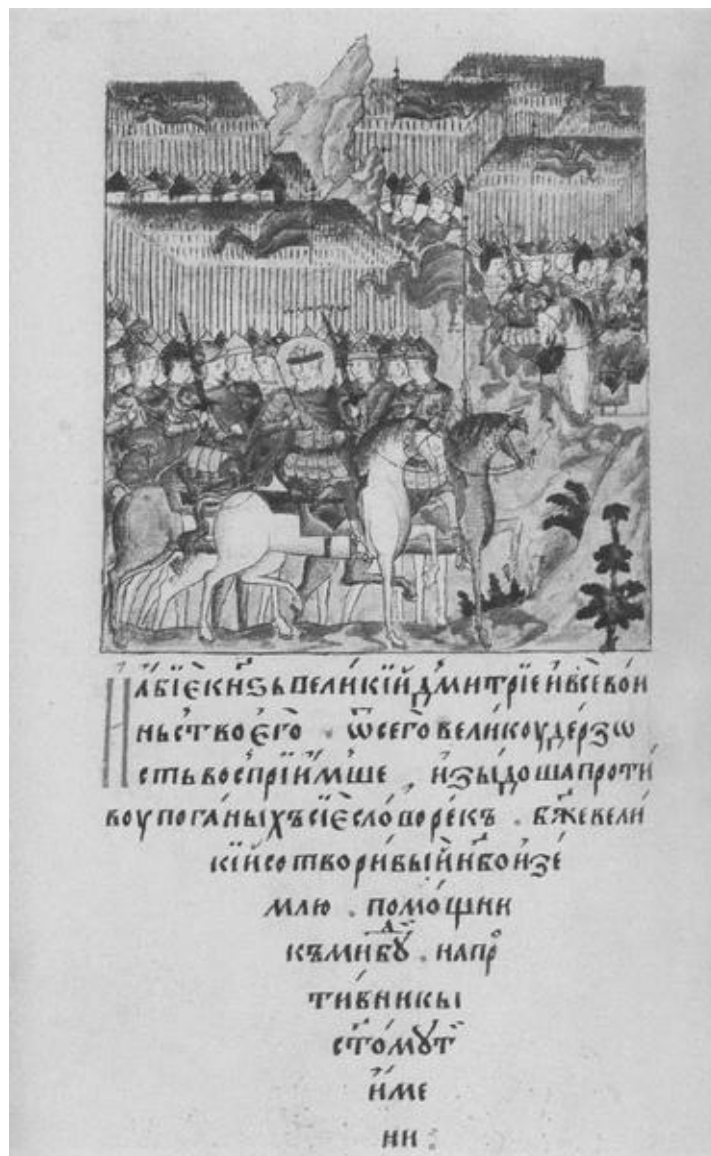

Князь Дмитрий Иванович беседует с митрополитом Киприаном накануне выступления из Москвы. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Памятные медали: великий князь Дмитрий Иванович; 400-летие Куликовской битвы. *Вторая половина XVIII в.*

Князь Дмитрий Иванович во главе войска выступает в поход на Куликово поле. Миниатюра лицевого Жития Сергия Радонежского

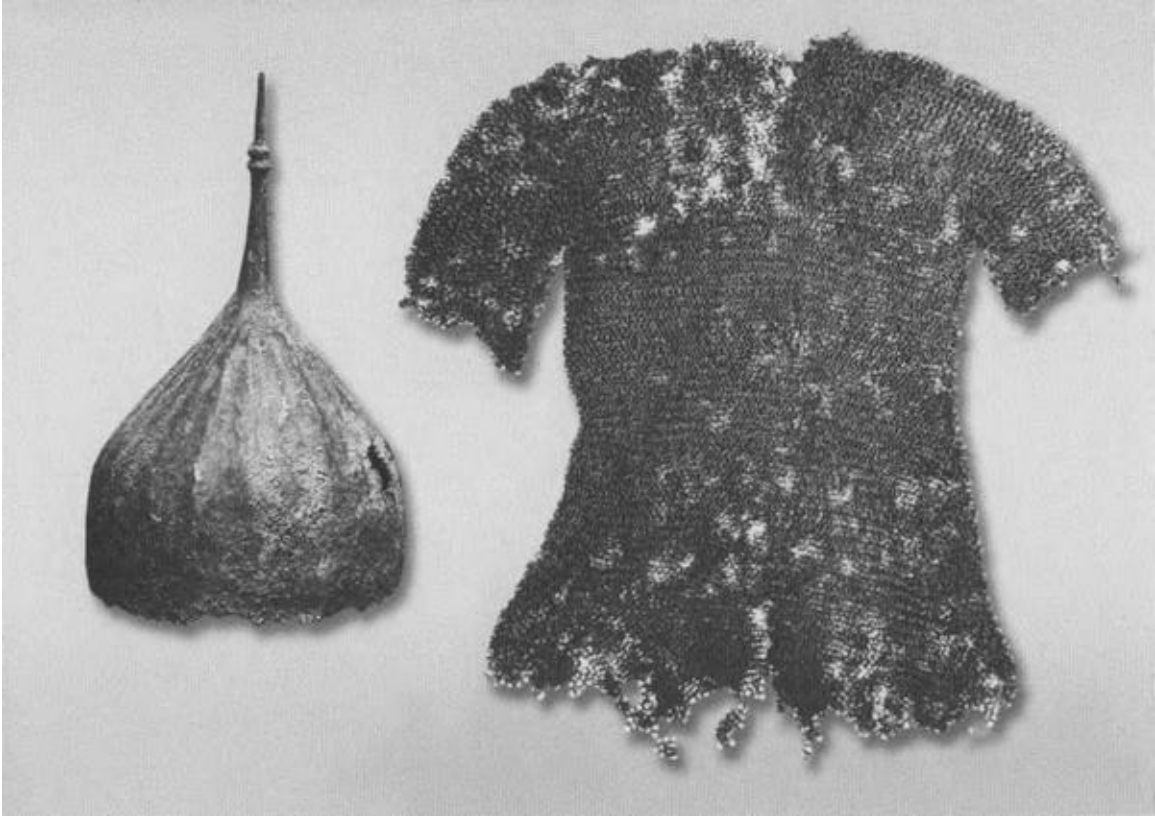
Куликовская битва. Миниатюра лицевого Жития Сергия Радонежского

Памятник Дмитрию Донскому в Коломне. Архитектор С. Шаров, скульптор А. Рукавишников

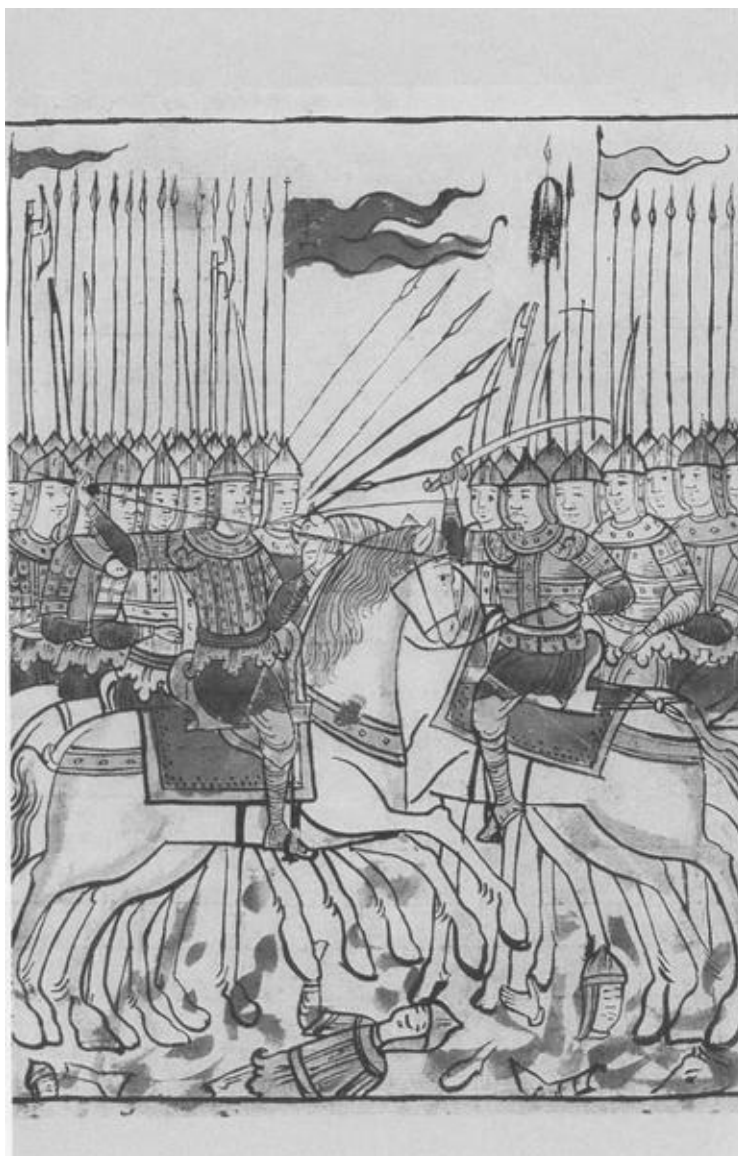
Куликовская битва. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Татарский шлем и русская кольчуга времен Куликовской битвы

Поле Куликово

Куликовская битва. Миниатюра «Сказания о Мамаевом побоище». XVII в.

Памятник Дмитрию Донскому в селе Монастырщине на Куликовом поле.
Скульптор О. Комов. Наверху: фрагмент памятника

Памятник Дмитрию Донскому в селе Монастырщине на Куликовом поле. Скульптор О. Комов. **Наверху:** фрагмент памятника

Памятник-колонна Дмитрию Донскому на Красном холме.
 Архитектор А. П. Брюллов. 1850 г. Внизу: церковь Сергия Радонежского
 на Куликовом поле. 1914 г. Съемка автора

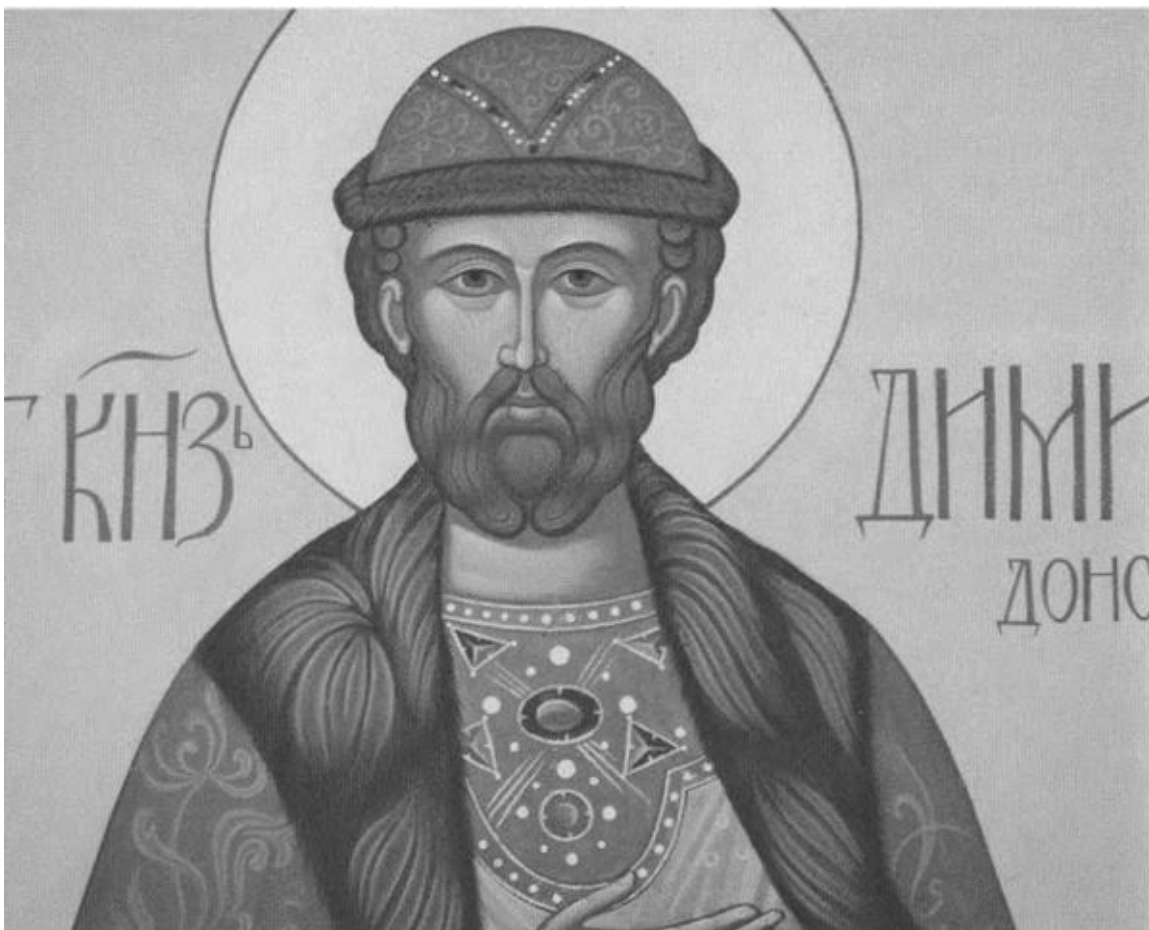
Памятник-колонна Дмитрию Донскому на Красном холме.
 Архитектор А. П. Брюллов. **Внизу:** церковь Сергия Радонежского на
 Куликовом поле. 1914 г. Съемка автора

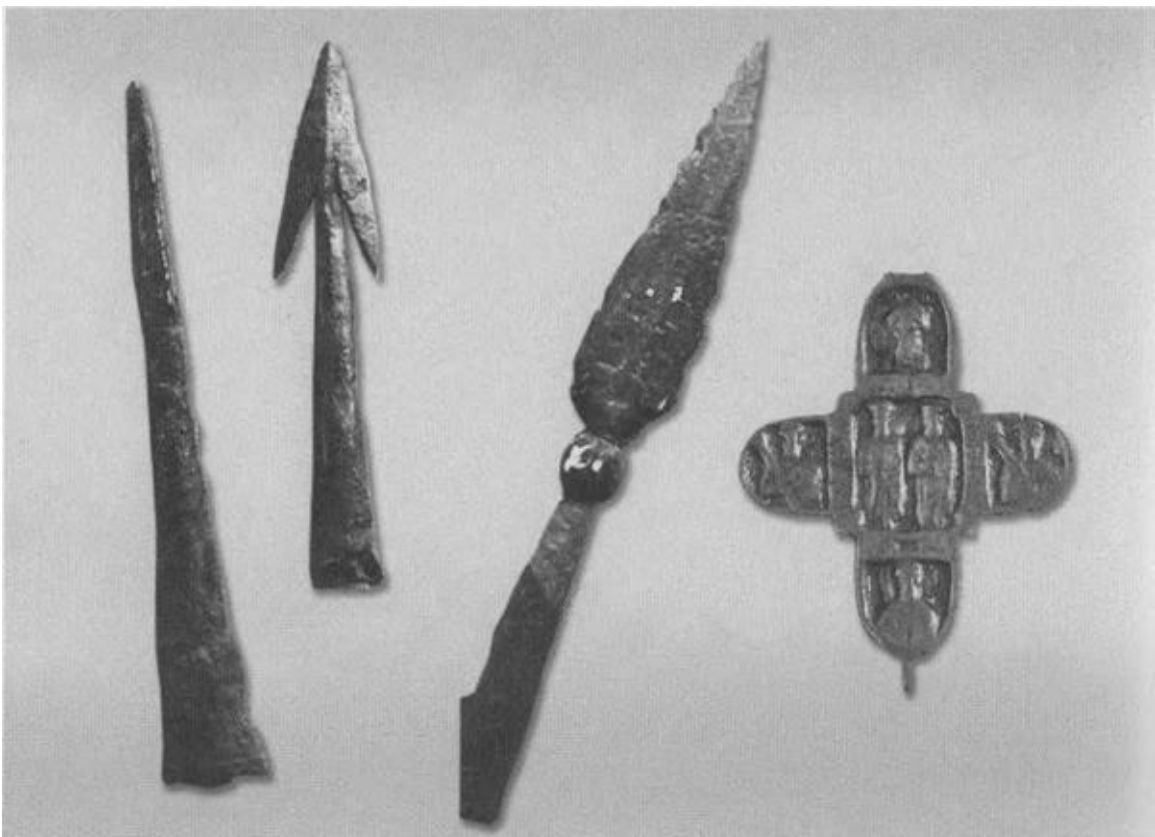
Князь Дмитрий Иванович приезжает к преподобному Сергию после победы в Куликовской битве. Миниатюра Лицевого летописного свода

Памятный знак, посвященный костромичам и галичанам — участникам битвы, на аллее у памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле

Святой благоверный князь Дмитрий Иванович Донской. Современная икона

Наконечники копий и нательный крестик, найденные на Куликовом поле

Князь Олег Рязанский. Антропологическая реконструкция Е. Веселовской

Река Ока в районе Рязани

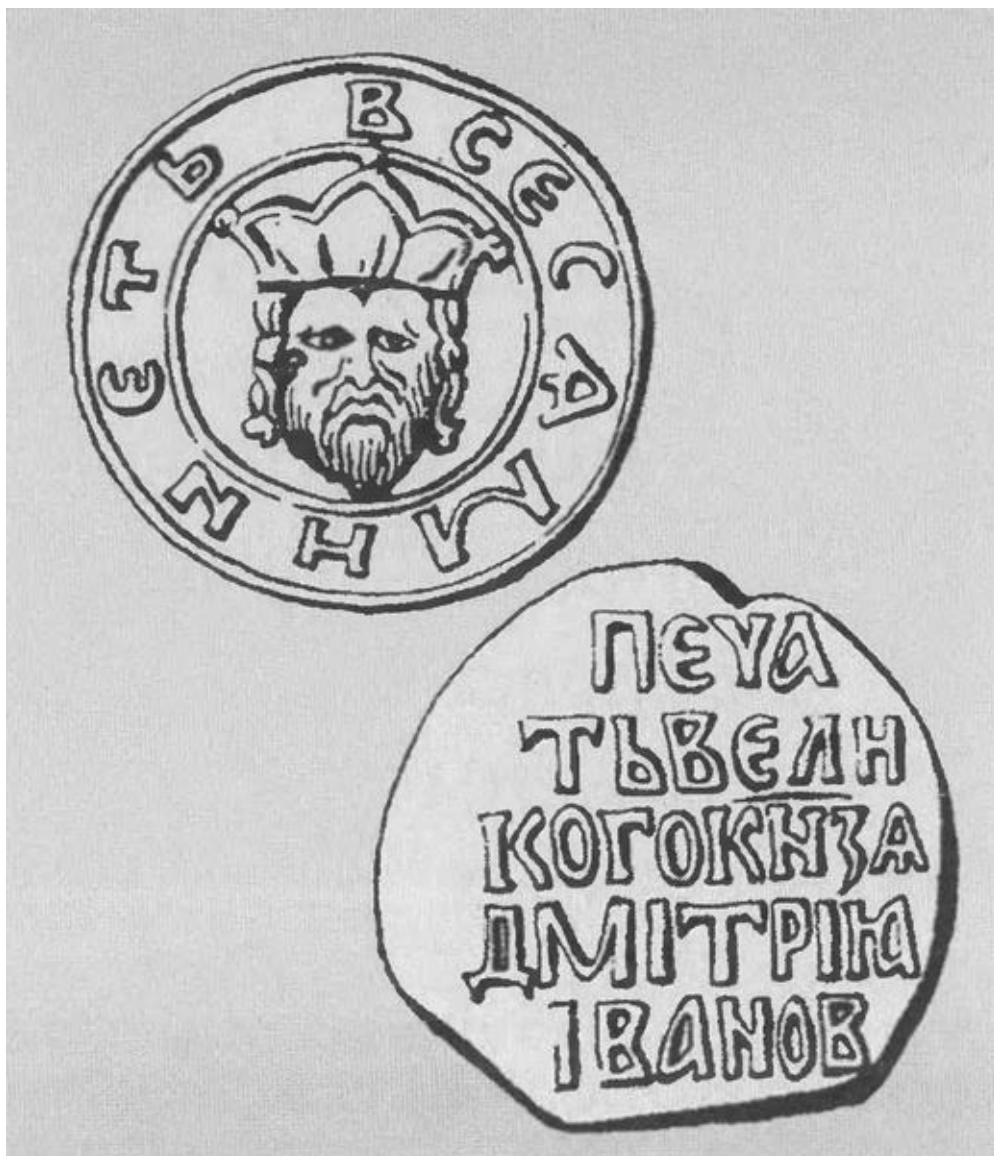

«Нашествие Тохтамыш». Миниатюра Лицевого летописного свода

Дмитрий Донской. Фрагмент памятника «Тысячелетие России». Скульптор М. О. Микешин. 1862 г.

Печать великого князя Дмитрия Ивановича: «Все ся минеть». Лицевая и обратная сторона. Прорись

---

notes

Примечания

В церковной историографии принято называть его по-церковному — митрополит Алексей, в светской — Алексей.